МІХАСЬ ЛЫНЬКОЎ

8

МІХАСЬ ЛЫНЬКОЎ

АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСКАЙ ССР

Ордэна Дружбы народаў
Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы

МІХАСЬ ЛЫНЬКОЎ

ЗБОР ТВОРАЎ

У ВАСЬМІ ТАМАХ

МІНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»
1985

АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСКАЙ ССР

Ордэна Дружбы народаў
Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы

МІХАСЬ ЛЫНЬКОЎ

ТОМ ВОСЬМЫ

ПІСЬМЫ
1935—1975
ЛЕТАПІС ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ

МІНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»
1985

Бел 2
Л 88

Рэдакцыйная калегія:

В. В. БАРЫСЕНКА, Д. Я. БУГАЁУ, Ф. І. КУЛЯШОЎ,
С. З. ЛЫНЬКОВА-КУСПІЦ, М. І. МУШЫНСКІ,
І. Я. НАВУМЕНКА, І. П. ШАМЯКІН

Рэдактар тома
І. Я. НАВУМЕНКА

Падрыхтоўка пісем і каментарыі
А. Ф. ХАРКЕВІЧ

Летапіс жыцця і творчасці
М. П. КЕНЬКІ

Л $\frac{4702120200-090}{М 316-85}$ падпіснов 125—85

© Выдавецтва
«Навука і тэхніка», 1985.

ЭПІСТАЛЯРНАЯ СПАДЧЫНА МІХАСЯ ЛЫНЬКОВА

Міхась Ціханавіч Лынькоў упісаў у гісторыю беларускай савецкай літаратуры надзвычай яскравую і змястоўную старонку. Абсягі творчай і грамадскай працы М. Лынькова вельмі шырокія: ён вядомы не толькі як выдатны майстар-навеліст, аўтар славутых аповесцей для дзяцей і юнацтва, стваральнік эпічнага палатна — рамана «Векапомныя дні», але і як публіцыст, літаратурны крытык, вучоны, арганізатар навукі, грамадскі і культурны дзеяч, адзін з аўтарытэтных кіраўнікоў рэспубліканскай пісьменніцкай арганізацыі. Аднак непараўнальна менш вядома шырокаму чытачу літаратурная, службовая, дзелавая перапіска М. Лынькова, якая складае важкую частку яго літаратурна-мастацкай спадчыны. Менш вядома таму, што ў адпаведнасці з традыцыяй эпісталярны жанр як адна з дзейсных форм міжасабовых кантактаў — пры жыцці ўдзельнікаў перапіскі — не абнародваецца. М. Лынькову на працягу ўсяго творчага жыцця, асабліва ў некаторыя перыяды, даводзілася весці інтэнсіўную перапіску. У лісце ад 27 красавіка 1974 г. ён зазначаў: «Я за последние три-четыре дня отправил более 130 писем». Гэта красамоўная лічба паказвае, з якой вялікай увагай ставіўся М. Лынькоў да перапіскі. І ў другім лісце М. Лынькоў прызнаваўся: «Своевременно ответить всем товарищам и адресатам иногда не представляется простой физической возможности» (ліст да П. М. Баранава ад 25 сакавіка 1952 г.).

У той жа час лісты чытачоў прыносілі пісьменніку вялікае задавальненне, асабліва тыя, у якіх гаворка ішла пра літаратуру: «Надо сказать, что я исключительно рад получению каждого читательского письма,— пісаў М. Лынькоў у лісце да М. П. Рака ад 21 мая 1954 г.— Читатель — самый надежный, обстоятельный и беспристрастный критик, стоящий в стороне от всяких групповых соображений».

Паколькі лісты М. Лынькова знаходзіліся ў адрасатаў, іх неабходна было сабраць і ўвесці ў актыўны літаратуразнаўчы ўжытак, пазнаёміць шырокую грамадскасць. Пэўная праца ў гэтым напрамку ўжо зроблена. Так, на сённяшні дзень дзякуючы нястомным клопатам Соф'і Захараўны, вернай спадарожніцы жыцця Міхася Ціханавіча, сабрана звыш тысячы лістоў. Найбольш цікавыя з іх — 454 лісты — увайшлі ў дадзены том.

Што ж, аднак, уяўляе сабой эпісталярый М. Лынькова як з'ява літаратурна-мастацкага жыцця і творчай біяграфіі пісьменніка? У чым трэба бачыць яго літаратурную і грамадскую каштоўнасць?

Лісты М. Лынькова, як і кожнага выдатнага пісьменніка, дзеяча мастацтва, культуры,— гэта перш за ўсё цікавы і каштоўны дакумент эпохі. Дакумент, які ўзбагачае нашы ўяўленні пра той ці іншы перыяд у гісторыі грамадства, пра творчасць пісьменніка і ўсю тагачасную літаратуру. Не толькі службовая, дзелавая, але і прыватная перапіска стварае абагульнены вобраз часу. Лісты ў своеасаблівым ракурсе — праз паведамленні, меркаванні, ацэнкі асобнага чалавека — узнаўляюць тыя грамадскія, бытавыя ўмовы, у якіх давodзілася працаваць пісьменніку. Яны перадаюць атмасферу літаратурна-творчага жыцця, тагачасны псіхалагічны клімат. Зразумела, што пазнавальная вартасць лістоў залежыць у першую чаргу ад духоўнага багацця іх аўтара, ад яго грамадскай пазіцыі.

Нельга забываць і пра тое, што лісты з'яўляюцца сведчаннямі відавочцаў. На падзеі свайго часу яны глядзелі зблізку, таму ацэнкі іх часта мелі суб'ектыўную афарбоўку, нярэдка нават былі прадузятымі. Але гэта не змяншае іх каштоўнасці.

Апрача ўсяго іншага, лісты — яшчэ і адна з самых надзейных крыніц звестак, якія датычаць літаратурнай працы — часу ўзнікнення задумы таго ці іншага твора, яго напісання, перапрацоўкі і друкавання і г. д. Каштоўнымі для даследчыкаў творчасці пісьменніка аказваюцца і аўтарскія звесткі пра рэальныя падзеі, якія леглі ў аснову твора, пра асоб, што з'явіліся прататыпамі мастацкіх вобразаў у творы, пра літаратурныя ўплывы і г. д.

Як вядома, у беларускай літаратуры небагата кніг мемуарнага жанру, прысвечаных творчай інтэліген-

цыі — пісьменнікам, майстрам культуры. Вельмі рэдка друкуюцца літаратурныя дзённікі. І таму публікацыя эпісталярыя набывае асаблівае значэнне. Знаёмства з лістамі, напісанымі вядомымі мастакамі слова, перакладчыкамі, крытыкамі, дае магчымасць глыбей разабрацца ў асаблівасцях літаратурнага працэсу на тым ці іншым этапе, адчуць яго адметнасць, спецыфічнасць. Літаратурны ж працэс — паняцце шматграннае. Яно ўключае не толькі канкрэтныя мастацкія творы, але і ўсю шматстайнасць літаратурна-грамадскага жыцця на пэўным гістарычным этапе — літаратурныя спрэчкі, дыскусіі, дзейнасць літаратурных часопісаў, творчых секцый, з'езды і пленумы, пасяджэнні «круглых сталоў», сустрэчы з чытачамі, літаратурныя вечары і г. д.

Разам з тым хацелася б падкрэсліць, што значэнне перапіскі, у тым ліку і літаратурнай, не вычэрпваецца яе дапаможнай, службовай роллю — як крыніцы пэўных звестак і інш. Пісьменніцкія лісты — гэта самастойная, вельмі адметная, своеасаблівая форма творчасці. Эпісталярны жанр нельга супрацьпастаўляць традыцыйным літаратурна-мастацкім жанравым формам, лічыць яго менш значным у грамадскім, літаратурным плане. Лісты — гэта раўнапраўны з іншымі літаратурнымі творамі жанр. Ён мае свой стыль, які вельмі наглядна адлюстроўвае ідэйна-творчую эвалюцыю іх аўтара. Уключаныя ў Збор твораў лісты М. Лынькова цалкам пацвярджаюць справядлівасць сказанага.

Так, перапіска М. Лынькова перыяду Вялікай Айчыннай вайны даносіць да нас суровы подых часу, напружанасць становішча ў краіне. Яна раскрывае нялёгкія ўмовы жыцця і працы пісьменнікаў, што сталі журналістамі, работнікамі франтавога і прыфрантавога друку. М. Лынькоў, як гэта вынікае з яго лістоў, на пачатку вайны працаваў у рэдакцыі газеты Заходняга фронту «Красноармейская правда», а з ліпеня 1941 г. ён — рэдактар газеты «За Савецкую Беларусь», якая распаўсюджвалася сярод партызан і насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі. Выдавала газету Палітупраўленне Заходняга, потым Цэнтральнага, затым Бранскага, зноў Заходняга франтоў. У склад рэдакцыі ўваходзілі К. Крапіва, П. Броўка, А. Стаховіч, В. Барысенка.

У адказах на лісты Я. Коласа, П. Глебкі, М. І. Федчанкі, Л. М. Федчанка, Э. Агняцвет, І. Гурскага, І. Барашкі, Я. Садоўскага, А. Куляшова, Д. Кавалёва, К. Кірэенкі і многіх іншых раскрываецца не толькі асабісты настрой, думы, пачуцці, перажыванні М. Лынькова, але і душэўны стан тых, з кім пісьменнік разам працаваў. У лістах перш за ўсё выяўлялася глыбокая нянавісць савецкіх людзей да ворага, іх страснае жаданне наблізіць доўгачаканы дзень перамогі. Вось адно з характэрных прызнанняў: «Працуем мы з усіх сіл, стараемся як мага хоць нашым словам дапамагаць байцам, дапамагаць нашым партызанам біць карычневую нечысць. Бываем бязмежна рады, калі наша праца ўдаецца...»,— пісаў М. Лынькоў да Я. Коласа 17 жніўня 1941 г.

У лістах ваеннага часу багата трапных азначэнняў, дакладных дэталей, якія толькі на першы погляд здаюцца неістотнымі, але на самай справе шмат даюць для разумення канкрэтных умоў і абставін тагачаснага жыцця, для характарыстыкі светаўспрымання чалавека, выхаванага ва ўмовах савецкага ладу. «Жывём, працуем, стараемся хоць словам сваім наносіць паболей шкоды фашысцкай саранчы, каб яна здохла, праклятая, як мага хутчэй,— паведамляў М. Лынькоў у лісце да Я. Коласа ад 18 кастрычніка 1941 г.— Ляжым з Кандратам у палатцы і марым аб тым, калі зноў трапім на родную зямлю, калі зноў убачым родныя палі і лясы. Не зусім утульна ў нашым логаве пад надакучным восеньскім дажджом, але мы думаем: няхай бы яшчэ больш лінуў дождж, няхай бы ішлі нескончоныя ліўні, каб змяло нашчэнт з нашай зямлі паскудную нечысць фашызму».

Іменна так думалі, так марылі савецкія людзі ў час суровых выпрабаванняў для ўсёй нашай краіны.

А вось у якіх умовах і з якім творчым настроем працавалі беларускія пісьменнікі ў тыя гады: «Усе нашы хлопцы,— зазначае М. Лынькоў у лісце да П. Ф. Глебкі ад 18 кастрычніка 1941 г.,— жывы і здаровы, працуюць не пакладаючы рук. Заездзіў зусім Пімена (Панчанку.— *М. М.*), ён жа адзін цяпер паэт у нас. Трошкі назаляе нам восень. Але думаем як-небудзь яе перамагчы». Або: «Петрусь (Броўка.— *М. М.*) возится сейчас с либретто своей новой оперы («Алеся».— *М. М.*), работает вместе с Тикоцким». З ліста

да І. Барашкі ад 11 ліпеня 1942 г.: «Наши все хлопцы работают с полной нагрузкой, пишут новые пьесы, романы, поэмы и т. д. Думаем вернуться на родину не с пустыми руками».

Частыя пераезды рэдакцыі з месца на месца, бытавая неўладкаванасць, адсутнасць звестак пра сем'і, пра блізкіх і знаёмых, сумныя паведамленні з фронту пра страты і ахвяры, пра пакінутыя гарады і вёскі, пра цяжкія бai i адступленні Чырвонай Арміі — пра ўсё гэта мы даведваемся з лістоў М. Лынькова першых дзён вайны. З такіх паведамленняў якраз і складваецца абагульнены, але вельмі яскравы, праўдзівы вобраз часу, калі Савецкая краіна ў смяртэльнай схватцы з ворагам бараніла жыццё на планеце, будучыню чалавецтва.

Безумоўна, асаблівую каштоўнасць уяўляюць раскіданыя па многіх лістах лаканічныя заўвагі, выказванні М. Лынькова па літаратурных пытаннях, яго ацэнка канкрэтных твораў, паасобных літаратурных з'яў. Гэтыя выказванні, вядома, не могуць прэтэндаваць на строгую сістэмнасць, на завершанасць, але, узятыя ў сукупнасці, яны глыбей раскрываюць эстэтычныя густы М. Лынькова, яго творчыя схільнасці, сімпатыі. Яны ўдакладняюць ідэйна-эстэтычную праграму Лынькова-пісьменніка, канкрэтызуюць метадалагічныя прынцыпы Лынькова-крытыка. Важна, што гэта былі заўвагі пра творы, толькі што завершаныя і яшчэ не ацэненыя прафесійнай крытыкай. Істотна і тое, што М. Лынькоў, як правіла, не памыляўся ў сваіх меркаваннях: час пацвердзіў іх справядлівасць. Сапраўды! «Хорошую поэму написал М. Танк — «Янук Селиба». Она будет печататься в «Новом мире» или в «Октябре» в переводе поэта Семынина»,— паведамляе М. Лынькоў у 1943 г. Д. Кавалёву. Або: «Куляшоў напісаў вельмі ўдалую паэму «Сцяг брыгады». Проста выдатны твор, які робіць гонар і ўсесаюзнай паэзіі»,— зазначана ў лісце да Э. Агняцвет ад 20 снежня 1942 г. Як бачым, праніклівым крытыкам аказаўся М. Лынькоў. Ацэнка лаканічная, але дакладная, трапная.

«...Першая палова палескай аповесці мне спадабалася, другая палавіна не зусім, бо Вы не досыць добра ведаеце тую суровую сапраўднасць, якая мела месца на Беларусі ў часы вайны»,— так ацэньваў

М. Лынькоў у лісце да Б. Мікуліча ў 1947 г. рукапіс яго аповесці «Цяжкая гадзіна».

Заслугоўвае ўвагі і зробленая М. Лыньковым па гарачых слядах — у канцы 1945 г.— абагульненая ацэнка беларускага слоўнага мастацтва перыяду Вялікай Айчыннай вайны, ацэнка становішча беларускай пасляваеннай прозы: «Наша беларуская літаратура за вайну «выцыбалася», як і ўсе падлеткі, і зараз ужо ходзіць у доўгіх штанах славы і ўсеагульнага прызнання. Не пашанцавала толькі прозе: смерць Самуйлёнка, Кузьмы Чорнага, Рыгора Мурашкі (загінуў у фашысцкім засценку як партызан), Бядулі <...> палон Макара Паслядовіча (толькі зараз знайшлі ў Нямеччыне на становішчы раба).— усё гэта падрэзала крыллі прозы. Хаця на будучы год тры празаікі (Лынькоў, Стаховіч і Гурскі) абяцаюць па раману. Значыцца, і проза цягнецца ўгору. ...(Добрыя, цудоўныя вершы піша Панчанка! Мы выдаем зараз яго зборнік іранскіх вершаў)»,— паведамляў М. Лынькоў у лісце да Д. Кавалёва.

Гэта характарыстыка дапамагае сучаснаму чытачу лепш зразумець тыя аб'ектыўныя цяжкасці, з якімі сутыкнулася беларуская мастацкая проза ў першыя пасляваенныя гады. Каштоўныя і сведчанні пра Р. Мурашку, творчасць якога доўгі час незаслужана аказвалася па-за ўвагай даследчыкаў.

А вось старонкі з ліста ад 11 ліпеня 1942 г., дзе М. Лынькоў гаворыць пра смерць Я. Купалы, пра выдатную ролю і месца народнага песняра ў савецкай шматнацыянальнай літаратуры. «Это большая, невозвратимая утрата не только для белорусской литературы и нашего народа, но и для литературы всего Советского Союза: Купала был величайшим поэтом нашего народа, представляющим целую эпоху в жизни народа и его культуры. До конца дней своих оставался он лучшим сыном своей Родины, страстно ненавидевшим фашистскую нечисть, полонившую нашу землю. Можешь представить мое личное горе, когда буквально за несколько минут до своей смерти он сидел у меня, в моем 1036-м номере на десятом этаже гостиницы «Москва». Сидел веселый, бодрый, жизнерадостный, мечтающий о родимых просторах Белоруссии. А когда вышел, мне минуты через три-четыре позвонили, что Янки Купалы нет больше в живых, он умер. Это

было в одиннадцатом часу ночи 28 июня» (ліст да Л. М. Федчанка).

Для гісторыка беларускай літаратуры, гісторыка журналістыкі цікавымі будуць звесткі, напрыклад, пра тое, як пачыналася выданне часопіса «Беларусь» (1944), першы нумар якога быў гатовы да друку яшчэ ў кастрычніку 1943 г., як выдаваўся «Альманах», № 1 (выйшаў у снежні 1943 г.), як ствараўся Дзяржаўны гімн БССР, у якіх умовах ішла падрыхтоўка і як праходзіў пленум Праўлення СП БССР (7—8 жніўня 1942 г. Даклады М. Лынькова, К. Чорнага, В. Барысенкі).

Падобнага роду звестак у лістах М. Лынькова чытач знойдзе даволі многа. І кожная з іх дабаўляе штосьці новае ў агульную панараму літаратурна-творчага жыцця Беларусі ў 40—70-я гады. Асабліва багатыя на канкрэтныя звесткі лісты, у якіх М. Лынькоў паведамляе аб паездках у складзе пісьменніцкіх дэлегацый рэспублікі на ўсесаюзныя з'езды, на пленумы, аб выступленнях на літаратурных вечарах, сходах, чытацкіх канферэнцыях, аб удзеле ў рознага роду камісіях усесаюзнага, рэспубліканскага, абласнога маштабу, у юбілейных урачыстасцях. Актыўна ўдзельнічаў М. Лынькоў, як і многія іншыя пісьменнікі, у падрыхтоўцы да правядзення выбараў у вярхоўныя органы ўлады краіны і рэспублікі.

Ёсць у лістах М. Лынькова нямала звестак, якія датычаць жыцця і творчасці К. Крапівы, П. Глебкі, К. Чорнага, М. Танка і іншых беларускіх майстроў слова. М. Лынькоў апавядае пра таварышаў па літаратурнаму цэху з пазіцыі пісьменніка, г. зн. чалавека назіральнага, здольнага бачыць тое, што часта застаецца незаўважаным пры поглядзе збоку.

Выклічуць у чытача цікавасць і тыя лісты, у якіх М. Лынькоў расказвае аб працы над раманам «Векапомныя дні», як бы прыадчыняе сваю творчую лабараторыю — раскрывае гісторыю напісання рамана. Каштоўнасць гэтых сведчанняў у тым, што яны дапамагаюць лепш разабрацца ў асаблівасцях твора, у прычынах тых цяжкасцей, з якімі сутыкнуўся М. Лынькоў пры ўвасабленні грандыёзнай мастацкай задумы. У лісце да Я. Мазалькова ад 25 лістапада 1948 г. М. Лынькоў паведамляў: «...задумал я ведь довольно-таки огромную эпопею, для осуществления

которой нужно много времени, материалов и, разумеется, труда. Надеюсь как-нибудь все-таки вытянуть это дело».

Аднак вольнага часу для сістэматычнай, планамернай працы над раманам у пісьменніка было вельмі мала. А гэта адмоўна адбівалася на яго псіхалагічным стане, вяло да перанапружвання творчых сіл.

А вось не менш цікавыя сведчанні аб тых крыніцах, з якіх аўтар у працэсе працы над раманам чэрпаў неабходныя яму звесткі: «Мне пришлось и приходится изучать огромнейший материал, касающийся славных партизанских дел: и соответствующие документы, и рассказы самих участников и организаторов партизанского движения и т. д.» (ліст ад 16 мая 1953 г. да В. Ф. Такаева).

З іншых лістоў таксама бачна, як напружана і інтэнсіўна працаваў М. Лынькоў над «Векапомнымі днямі»: «Работа гудзіць — мінімум чатыры старонкі кожны дзень, як лёду»,— чытаем мы ў лісце да Соф'і Захараўны ад 23 верасня 1949 г. «Работал на полную мощь своих сил — гнал роман. Не знаю, я его одолею или он меня»,— паведамляе М. Лынькоў 1 кастрычніка 1949 г. К. П. Корсакасу.

А гэта ўжо сведчанні той пары, калі завяршылася першая кніга рамана: «Несколько лет подряд я совершенно не отдыхал. Отпуска были, но они занимались усиленной работой над романом. Одним словом, страшно устал, чувствую себя на каком-то пределе истощения и чертовского утомления. Последние страницы первой книги романа даются с трудом. А это нехорошо. Писать надо более легко, с бо́льшим чувством удовлетворения»,— зазначаў М. Лынькоў у лісце да Я. С. Мазалькова ад 5 красавіка 1950 г.

Перапіска М. Лынькова паказвае, што ён патрабавальна ставіўся да творчай працы, быў вельмі самакрытычны ў дачыненні да ўласных твораў. Пісьменнік ніколі не займаўся самарэкламай. Небяспека самазахвальвання не пагражала яму. Наадварот, М. Лынькоў часта недаацэньваў тое, што ім было зроблена. У лісце да Я. Мазалькова ад 23 сакавіка 1959 г. чытаем: «Рассказов и повестей (которые я считаю «удобоваримыми») не только на 30, но и на 20 листов не наберется. [...]. Брать из «Векопомных» листов 20 и неудобно и нехорошо (и для меня и тем более для чи-

тателей) — это совсем несолидно». Ці трэба казаць, што гісторыя літаратуры ведае нямала прыкладаў супрацьлеглых адносін пісьменнікаў да ўласных твораў. М. Лынькоў даў сапраўдны ўзор пісьменніцкай самапатрабавальнасці.

Прыгадаем не менш характэрныя сведчанні, узятыя з ліста да П. Кабзарэўскага, пазначанага 1949 г.: «Все говорят мне, что написано вроде неплохо. Но автору ведь ближе и виднее его пороки и недостатки, а потому особого удовлетворения своим детищем он пока не видит» (ліст ад 25 студзеня). Або: «Работаю, как черт. Иногда бываю доволен этой работой, но в большинстве случаев грызут сомнения: выйдет ли толк из этой работы...» (ліст ад 25 лістапада 1949 г. да Я. Мазалькова).

Размова тут ішла зноў жа пра раман «Векапомныя дні», перагляд вобразнай сістэмы якога, удасканальванне кампазіцыі, шліфоўка стылю працягваліся і пасля таго, як твор быў завершаны і апублікаваны ў часопісе. У асноўным скарачаліся эпізоды, якія неапраўдана замаруджвалі дзеянне. Былі перагледжаны біяграфіі выведзеных у рамане здраднікаў. Аўтар апусціў многія сцэны натуралістычнага характару. Твор пазбаўляўся ўласцівага першапачатковаму варыянту «камікавання», якое зніжала суровы пафас твора аб нялёгкіх гадах вайны, аб мужнай барацьбе народа супраць фашысцкіх акупантаў. Рашуча касаваліся мясціны, дзе героі рабілі псіхалагічна нематываваныя ўчынкі.

І нават калі «Векапомныя дні» выйшлі асобным выданнем, М. Лынькоў яшчэ раз вярнуўся да тэксту твора, зноў паказваючы прыклад высокай патрабавальнасці да самага сябе: «Я пребываю в трудах — дневных и ночных. Не знаю, кто кого доконает, я ли роман или роман меня. Режу, пилю, сокращаю, оставляю резервы для дальнейшей пилки»,— паведамляў ён у лісце да жонкі, напісаным пасля 12 лютага 1957 г.

Варта звярнуць увагу на тое, што некаторыя праўкі, зробленыя пры перакладзе рамана на рускую мову, пісьменнік перанёс адпаведна ў беларускі тэкст. Аўтар «Векапомных дзён», як сведчыць яго перапіска з Я. Мазальковым, уважліва прыслухоўваўся да парад і меркаванняў перакладчыка. У лісце ад 18 жніўня 1963 г. М. Лынькоў пісаў: «С твоими предложениями

и замечаниями целиком согласен. Принимаю твой «встречный» план по сокращениям». І далей: «Со стороны иногда видней все лишнее и ненужное. Порой автору жалко расстаться с той или иной страницей или целым разделом, а читатель сразу видит «излишества».

Для даследчыкаў «Векапомных дзён» уяўляюць таксама цікавасць аўтарскія сведчанні аб тым, што «...в романе ни один из выведенных героев не действует под своей фамилией. Все имена и фамилии вымышленные (за исключением единственного имени — Заслонова)» (ліст да В. Ф. Такаева ад 16 мая 1953 г.).

З лістоў да Лапіцкай мы даведваемся, што, напрыклад, апавяданне «Дзіцячы башмачок» — «не зусім аўтабіяграфічнае» (ліст ад 26 лютага 1967 г.), а вобраз Астапа з аднайменнага апавядання выпісан на аснове рэальных падзей, якія мелі месца на Палессі (ліст ад 22 жніўня 1968 г.).

Нельга абмінуць увагай і прызнанне М. Лынькова адносна яго чытацкіх захапленняў у дзяцінстве і юнацтве. У лісце да К. Я. Данілкі ад 28 лістапада 1958 г. пісьменнік гаворыць пра сваю любоў і прыхільнасць да апавяданняў Гогаля і ранніх твораў Горкага. «Зачытваўся і Тургеневым, Л. М. Талстым, Ганчаровым, Чэхавым. З украінскіх пісьменнікаў ведаў — і даволі рана — славутага Тараса Рыгоравіча. Чытаў у юнацтве Франко і Кацюбінскага». Што ж датычыць «штуршка для пачатку пісьменніцкай дзейнасці», дык ім аказаліся «багатыя ўражанні з часоў грамадзянскай вайны», удзельнікам якой М. Лынькову давялося быць (ліст да В. П. Клешчанкі ад 27 студзеня 1974 г.).

Змест лістоў сведчыць аб тым, што напружаная творчая праца, службовая і грамадская дзейнасць не пакідалі пісьменніку вольнай хвіліны. «За час маёй хваробы ў мяне на маёй службе ў акадэміі сабралася тэрміновых рукапісаў (па падручніках па літаратуры для сярэдняй школы) старонак на 800. Іх трэба было безадкладна адрэдагаваць...»,— піша М. Лынькоў у лісце ад 18 красавіка 1948 г. І ўсё ж, нягледзячы на занятасць, Міхась Ціханавіч лічыў сваім грамадзянскім і чалавечым абавязкам дапамагаць пісьменнікам, у тым ліку пачаткоўцам. Можна толькі здзіўляцца, як багата часу і творчай энергіі выдаткоўваў ён на разгляд дасланых яму твораў. Нярэдка гэта былі не больш

чым бездапаможныя практыкаванні малапісьменных людзей. Але народны пісьменнік, акадэмік АН БССР, дэпутат Вярхоўнага Савета рэспублікі цярпліва, радок за радком разбіраў напісанае пачаткоўцамі, адзначаў хібы і пралікі, моўныя агрэхі, тлумачыў, як і што трэба выправіць у творы. Гэтыя разгорнутыя лісты-рэцэнзіі, лісты-разгляды памерам у 10—12 машынапісных старонак — сапраўдная лынькоўская школа творчай вучобы. Прозвішчы многіх пачаткоўцаў устанавіць не ўдалося, вядомы толькі іх імёны і імёны па бацьку або ініцыялы. Найбольш цікавыя лісты да Арэхава (сакавік 1952 г.), да А. С. (ад 3 чэрвеня 1953 г.), да П. А. (ад 10 мая 1958 г.), да А. І. (ад 24 сакавіка 1959 г.), да Я. М. (ад 20 кастрычніка 1973 г.). Гэта ж трэба сказаць і пра лісты да А. С. Васілевіч ад 18 красавіка і 4 мая 1948 г.

Хаця ўзровень майстэрства пачынаючых, як правіла, быў невысокі, М. Лынькоў ніколі не дазваляў сабе паіранізаваць з няўмельства маладога аўтара. Строгасць не перашкаджала Лынькову-крытыку быць справядлівым, чулым, добразычлівым, аб'ектыўным. Вось як М. Лынькоў фармуляваў прынцып падыходу да мастацкага твора: «В разборе произведений квалифицированных и неквалифицированных авторов, опытных и малоопытных и только-только начинающих я всегда придерживаюсь самой суровой правды» (ліст да пачаткоўца П. А. ад 10 мая 1958 г.). І гэтага прынцыпу Лынькоў-крытык прытрымліваўся паслядоўна.

Парады М. Лынькова былі ўзважанымі, слушнымі, бо грунтаваліся яны на вялікім жыццёвым і творчым вопыце. На вопыце майстра, які адчуваў змястоўнасць формы ў мастацкім творы, моц згарманізаванай па законах прыгажосці кампазіцыі, сілу і мілагучнасць трапнага народнага слова. «Існуе ў мастацкай творчасці,— зазначаў М. Лынькоў у лісце да А. Васілевіч,— пэўнае пачуццё меры, такту. Калі выйсці за межы гэтай меры, можна ўпасць у назойлівасць, калі аўтар, калі так можна сказаць, ломіцца ў адчыненыя дзверы». А яшчэ грунтаваліся парады на глыбокай і шчырай павазе М. Лынькова да чалавека, да людзей творчай працы, на жаданні дапамагчы ім у высакародным імкненні служыць мастацкім словам народу.

Лісты даюць безліч сведчанняў у пацвярджэнне справядлівасці сказанага М. Лыньковым у лісце ад 7

сакавіка 1949 г.: «Я никогда не кривил душой». Праз дваццаць два гады гэтыя словы будуць паўтораны ім зноў у лісце да В. Быкава: «Я ніколі ў жыцці не крывіў душой» (ліст ад 16 студзеня 1971 г.).

М. Лынькоў падтрымліваў добрым словам спагады кожнага, хто трапляў у цяжкае становішча, хто страчваў душэўную раўнавагу. Лісты да Б. Мікуліча, Х. Шынклера, многіх іншых пісьменнікаў, увогуле да людзей самых розных прафесій яскрава пацвярджаюць сказанае. «Атрымаў тваё апошняе пасланне і мне хочацца крыху пажурыць цябе за некаторыя думкі з гэтага паслання,— звяртаецца М. Лынькоў да Х. Шынклера летам 1942 г.— ...А наогул, пане-браце, сустрэнемся мы яшчэ на родным папялішчы ды вып'ем добрую чару за наш будучы Мінск». Вера ў непазбежнасць перамогі над фашысцкімі захопнікамі ніколі не пакідала пісьменніка.

Пра гэта сведчыць і яго перапіска з Я. Коласам, які ў гады Вялікай Айчыннай вайны жыў у Ташкенце, сумаваў там па Беларусі, па яе лясах і палетках, сумаваў па салдаце-сыне, лёс якога заставаўся невядомым. У адным з лістоў (датуецца канцом жніўня — першай палавінай верасня 1943 г.) М. Лынькоў ад імя таварышаў па працы ў жартаўлівай форме выносіць Я. Коласу «суровую вымову з папярэджаннем» «за яўна ўпадніцкія ноткі настрою і наогул за паніжаны тонус у маральным стане васпана».

Каб адчуць веліч, душэўную прыгажосць М. Лынькова, глыбіню яго чалавечнасці, трэба прыгадаць той псіхалагічны стан, у якім пісаў ён Я. Коласу ліст з «суровай вымовай». Сёмага ліпеня 1943 г. М. Лынькоў даведаўся пра трагічны лёс сваёй сям'і — жонкі Х. А. Аранковай і дзевяцігадовага сына Марыка, знішчаных фашысцкімі вылюдкамі ў Бабруйскім канцлагеры ў верасні 1942 г. Разам загінула і сям'я роднага брата Міхася Ціханавіча Рыгора — жонка і двухгадовае дзіця. З глыбокім болем, адчаем і мужнасцю пісаў М. Лынькоў пра трагедыю свайго асабістага жыцця Я. Коласу (ліст ад 10 ліпеня 1943 г.): «Пішу вось нейкія словы, а думкі лятуць, мітусяцца. Апынуўся я ў становішчы чалавека, які неяк жыў, нешта рабіў, хацеў рабіць заўсёды нешта добрае для ўсіх людзей, будаваў сваё жыццё і нядрэнна будаваў, як добры чалавек, і раптам усё гэта знікла, правалілася,

і ў выніку перад табой страшэнная пустэча, правал [...] Жыў я апошні год цьмянымі спадзяванкамі, па ўсяму бачыў, што яны ператвараюцца ў ілюзіі. Цяпер няма і ілюзіі... Астаюцца цуды. Але ж практыка немцаў-дзетазабойцаў гаворыць аб тым, што цудаў не бывае.

Цяжка, завельмі цяжка, дарагі Канстанцін Міхайлавіч. Адно неяк прытрымлівае на паверхні: багата людзей цяпер нясуць цяжар велічэзнага гора і пакутаў. Значыць, трэба неяк жыць і жыць так, каб дапамагчы ўсім нашым людзям увагнаць у магілу забойцаў і катаў, душагубаў, якія апіліся нашай крыві».

Сапраўдная мужнасць, высакародства, чалавечая дабрыня, душэўная шчодрасць, партыйная прынцыповасць, глыбокае пачуццё доўгу, вернасць слову — вось тыя маральныя пастулаты, на якіх грунтавалася жыццёвая і творчая пазіцыя М. Лынькова. Яго сэрца заўсёды было адкрыта людзям, усяму свету. Ён умеў шчыра радавацца чужому поспеху і ўдачам: «...расцениваем присуждение тебе Государственной премии как самый справедливый акт в нашей литературной жизни»,— піша ён да Я. Мазалькова ў лісце ад 5 красавіка 1950 г.

М. Лынькоў ніколі не навязваў субяседніку ці адрасату сваіх поглядаў і меркаванняў. Ён арганічна не прымаў людзей расхлістаных, нецярпіма ставіўся да кар'ерыстаў, featureрознага роду прыстасаванцаў. Да лёгкай славы, высокіх званняў і ўзнагарод адносіўся з іранічнай усмешкай: «Что касается всяческих «присвоений», то это сущие пустяки, о которых я никогда не думаю [...]. Прожить можно и без званий и не плохо. С меня достаточно сознания того, что твоя работа все же не бесполезна для народа» (ліст да П. М. Баранава ад 17 лістапада 1957 г.).

Разам з тым М. Лынькоў умеў бараніць свой гонар. У яго было высокае пачуццё чалавечай годнасці. І гэту годнасць ён пранёс праз усё жыццё.

Як і сведчанні многіх людзей, якія блізка ведалі М. Лынькова, лісты пісьменніка таксама гавораць аб тым, што адной з найбольш прывабных рыс яго характару была сціпласць. Калі мастак-аматар П. М. Баранаў збіраўся маляваць партрэт аўтара «Векапомных дзён» і звярнуўся да яго з просьбай прыслаць фотаздымак, пісьменнік адказаў так: «...ей-право есть бо-

лее подходящие и более стоящие люди, чем моя грешная персона, достойные кисти художника» (ліст ад 11 студзеня 1951 г.). І ў гэтым адказе не было ні кроплі знарочыстасці. Была натуральнасць паводзін інтэлігентнага, далікатнага, выхаванага чалавека.

Рашуча пярэчыў М. Лынькоў і супраць рознага роду «мемарыяльных мерапрыемстваў», скіраваных на ўслаўленне яго асобы. «Все это делается после смерти человека и, конечно, только в том случае, если он того заслуживает»,— вымушаны быў растлумачыць пісьменнік тое, што, як яму здавалася, само па сабе зразумелае і тлумачэння не вымагала. Жаданне «еще при жизни своей предпринять попытки к увековечению памяти о себе среди своих славных земляков» выклікала ў М. Лынькова ўнутраны пратэст і нязгоду: «...каждый человек имел бы неоспоримое моральное право упрекнуть меня в нескромности» (ліст да Р. С. Агеевай ад 18 студзеня 1973 г.). А гэтага дапусціць пісьменнік не мог.

Нязменна і паслядоўна адхіляў М. Лынькоў і просьбы асобных перакладчыкаў паўплываць на работнікаў выдавецтва, каб яны хутчэй уключылі ў план выданняў той ці іншы яго твор. «В общем, юноша, оставим мы это сомнительное предприятие, в противном случае это будет походить на навязчивость. А я таких вещей не терплю» (ліст да Я. С. Мазалькова ад 23 ліпеня 1948 г.). І праз многа гадоў тое ж самае: «Вядома, што я асабіста не магу прапаноўваць выдавецтву маю кнігу (для перакладу.— *М. М.*), бо гэта было б нетактоўна з майго боку і трошкі падобна было б на звычайную назойлівасць» (ліст да К. Я. Данілкі ад 30 жніўня 1957 г.).

У лістах, напісаных нават у цяжкія гады вайны, М. Лынькоў шчасліва пазбягаў штучнай драматызацыі, згушчэння фарбаў. Ён не імкнуўся да таннай белетрызацыі, да сенсацыйнасці, не казаў пра тое, чаго асабіста не ведаў ці не бачыў на ўласныя вочы. А калі ж вымушаны быў гаварыць пра свой непасрэдны ўдзел у тых ці іншых падзеях, дык ніколі не выстаўляў сябе на першы план, не гераізаваў сваю асобу. Наадварот, там, дзе Лынькоў гаворыць пра самога сябе, заўсёды чуецца лёгкі гумар, іранічная інтанацыя, усмешка. І ў гэтым трэба бачыць вялікую вартасць лістоў М. Лынькова. Яго вопыт у галіне эпісталярнага

жанру павучальны для многіх сучасных маладых пісьменнікаў, якія ў сваіх успамінах часта парушаюць рэальныя прапорцыі, перабольшваючы ўласную ролю ў жыцці выдатных людзей і ў літаратурным руху.

Сярод уключаных у том лістоў даволі шмат напісаных Лыньковым у ЗША, калі ён у якасці члена дэлегацыі Беларускай ССР удзельнічаў у рабоце сесіі Генеральнай Асамблеі ААН (1945, 1952, 1953, 1954, 1955). «Амерыканскія» лісты трэба разглядаць у сукупнасці з артыкуламі, нарысамі і нават апавяданнямі, што з'явіліся з-пад пяра М. Лынькова пасля вяртання на Радзіму і былі прысвечаны тэме Захаду. У лістах мала разгорнутых апісанняў, пераважае інфармацыя. Гэта як бы агульная канва будучых артыкулаў. Што ж да ўражанняў, дык іх у М. Лынькова, паводле яго ўласных прызнанняў, было багата: «Впечатлений много, наблюдений — масса, о них расскажем когда-нибудь при встрече»,— паведамляе М. Лынькоў у лісце да К. П. Корсакаса ад 6 студзеня 1953 г. Аднак галоўнае, што ўбачыў прадстаўнік Краіны Саветаў у капіталістычным свеце, знайшло ў лістах свой адбітак. Перш за ўсё — гэта сацыяльныя кантрасты, уласцівыя «гораду жоўтага д'ябла», яго глыбокая варожасць чалавеку, адсутнасць у ім жывога, адухоўленага пачатку. «Город этот действует угнетающе, ничто в нем не радует глаза: ни улицы, ни дома, ни пестрота рекламных огней [...]. Кстати, на улицах, даже днем, очень много мусора»,— так перадае пісьменнік свае ўражанні ад Н'ю-Йорка ў 1952 г. І яшчэ: «Нью-Йорк надоел нам, как горькая редька. Я не знаю другого такого города, который бы так быстро прискучил, как этот каменный мешок. Ничего в нем не привлекает: ни реки, ни обширные заливы, ни суматошная жизнь на его улицах, где видишь смесь племен и наречий» (ліст ад 19 лістапада 1952 г.).

А вось запіс, зроблены ў 1954 г.: «Дороговизна тут все растет, и это заметно даже по сравнению с прошлым годом» (ліст ад 25 верасня). Пры чарговым наведванні ЗША, у 1955 г., М. Лынькоў робіць аналагічную занатоўку: «...дороговизна явно приметна даже по сравнению с прошлым (г. зн. 1954 г.— *М. М.*) годом» (ліст ад 6 кастрычніка).

Зусім інакш успрымаў М. Лынькоў Індыю ў час знаходжання на канферэнцыі ЮНЕСКА (Дэлі, 1956):

«Впечатлений за это время накопилось много, больше чем за пять моих поездок за океан». Вядома, пісьменнік перш за ўсё меў больш часу, каб пазнаёміцца з краінай. Вось што піша М. Лынькоў пра індыйскі народ: «Народ в Индии замечательный, к нам относится дружески. Правда, живет он еще бедно, изживая постепенно тяжелые последствия английского колониализма» (ліст ад 5 студзеня 1957 г.).

«Замежныя» лісты М. Лынькова сведчаць аб тым, што беларускі пісьменнік з гонарам прадстаўляў Савецкую дзяржаву, аб'ектыўна, з партыйных, класавых пазіцый ацэньваў убачанае там.

Ужо адзначалася, што М. Лынькоў вёў вялікую навукова-арганізацыйную працу. Як дырэктар Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва АН БССР (1943—1946; 1949—1952) ён актыўна ўдзельнічаў у абмеркаванні наспелых праблем гісторыі беларускай літаратуры, гісторыі навуковай, грамадскай, філасофскай думкі, рэдагаваў падручнікі для Вышэйшай і сярэдняй школ, манаграфіі, кнігі, выступаў на абароне дысертацый, пісаў на іх водзывы. Зусім натуральна, што да акадэміка М. Ц. Лынькова часта звярталіся навуковыя работнікі, аспіранты з просьбай адказаць на пытанні рознага характару, у тым ліку і звязаныя з яго ўласнай творчасцю. Па меры магчымасці пісьменнік імкнуўся дапамагчы навукоўцам, аўтарам лістоў. Характэрны ў гэтых адносінах адказ на анкету літаратуразнаўцы М. Грынчыка аб ролі рэгіянальных фактараў у мастацкай творчасці. «Чыгунка, яе «атмасфера», яе асяроддзе пакінулі значны след на маім эмацыянальна-псіхалагічным складзе і на творчасці»,— сказаў М. Лынькоў. Трэба прызнаць слушнай і заўвагу пісьменніка аб тым, што «хутчэй за ўсё поўнай залежнасці паміж рэгіянальнай спецыфікай і жанравымі асаблівасцямі мастацкага твора не існуе. Па крайняй меры прыклады такой залежнасці ў беларускай літаратуры цяжка знайсці, за выключэннем хіба твораў, арганічна звязаных з фальклорам» (ліст ад 8 лютага 1972 г.).

Каштоўны і ліст М. Лынькова да Д. Бугаёва ад 23 сакавіка 1959 г., у якім даецца ацэнка ролі М. Горкага ў развіцці савецкай літаратуры, ролі Я. Купалы і Я. Коласа ў фарміраванні творчага почырку Лынькова. Багата цікавых звестак біяграфічнага характару ў лісце да Ф. І. Куляшова ад 17 лістапада 1959 г.

Тут Міхась Ціханавіч гаворыць пра сваю маці, бацьку, сясцёр і братоў, пра час паступлення ў Старасельскую школу, прыгадвае імёны некаторых настаўнікаў і выкладчыкаў семінарыі. У лісце раскрыта гісторыя напісання ранняга твора — апавядання «З пражытых год», якое ў першадруку мела дату «1922 г.» і паметку «Паволжа». Хоць у аснове сюжэта ляжыць рэальны факт з часоў голаду на Паволжы, але дата і паметка не адпавядаюць сапраўднасці, яны пастаўлены адвольна: апавяданне напісана ў сярэдзіне 20-х гадоў. Міхась Ціханавіч вельмі крытычна паставіўся да першай спробы ў галіне «малой прозы», назаўсёды выкінуўшы яе з уласнага «творчага багажу» як рэч недасканалую, напісаную ў натуралістычным плане. Разам з тым Лынькоў не імкнуўся навесці глянец на свой творчы шлях: якім бы няўдалым у мастацкіх адносінах ні быў той ці іншы твор, аўтар не мае права забараніць даследчыку разглядаць гэты твор.

З цікавасцю будуць прачытаны таксама лісты і паштоўкі Міхася Ціханавіча да П. Тычыны, М. Танка, К. Корсакаса, Я. Брыля, Я. Казекі, А. Куляшова, І. Мележа, Д. Кавалёва, В. Бурносава, В. Быкава, Яна Судрабкална, К. Буйло, В. Гарбука, І. Грамовіча і іншых савецкіх пісьменнікаў, літаратурных крытыкаў. Нават калі ў жанравых адносінах тут пераважаюць традыцыйныя святочныя віншаванні, і ў іх мы не знойдзем разгорнутых ацэнак тых ці іншых з'яў літаратурна-творчага жыцця, яны тым не менш даюць магчымасць уявіць літаратурны побыт пісьменніка, кола яго блізкіх сяброў, таварышаў.

Працяглая па часе, змястоўная і даволі значная ў колькасных адносінах перапіска Міхася Ціханавіча з жонкай Соф'яй Захараўнай, з братам, з сябрамі дзяцінства і юнацтва, з землякамі, шматлікімі знаёмымі раскрывае перад намі новыя грані, новыя рысы яго характару — як чалавека, сем'яніна, таварыша. Клопаты пра родных і блізкіх, чуласць, уважлівасць, гатоўнасць прыйсці на дапамогу, сум па родным доме ў час доўгіх замежных паездак — усё гэта даносяць да нас так званыя бытавыя лісты М. Лынькова. Чытач знойдзе і тут багата разнастайных звестак пра ўклад жыцця пісьменніка, пра ўзаемаадносіны ў сям'і, пра атмасферу, якая там панавала, пра шматлікія паездкі, сустрэчы, святочныя ўрачыстасці, пра здарэнні ў жыц-

ці членаў сям'і пісьменніка ці яго знаёмых. А здарэнні гэтыя былі часам драматычныя.

Калі хварэла Соф'я Захараўна ці блізкія, дык Міхасю Ціханавічу даводзілася непасрэдна займацца паўсядзённымі гаспадарчымі справамі. Вось тут і праяўляўся сапраўдны клопат пісьменніка пра родных і блізкіх людзей. «О нас не думай — сыты, обуты, пригреты,— звяртаецца ён з нязменным мяккім гумарам і лагоднасцю да Соф'і Захараўны.— Единственное, чего нам не хватает — это твоего руководства, наставления и попечения. В общем, лечись, поправляйся, ставь себя на ноги» (ліст ад 19 ліпеня 1968 г.).

З глыбокай душэўнай цеплынёй і сталай бацькоўскай увагай адносіўся Міхась Ціханавіч да свайго малодшага брата Мікалая. Мудрым, удумлівым педагогам паказаў сябе пісьменнік у адным з лістоў, закранаючы пытанне аб выхаванні пляменніка: «Нажимай на Николая, чтобы брался за художественную книгу и привыкал к ней, иначе будет ограниченным человеком. Скажи ему, чтобы он написал мне, какие книги прочел в первом полугодии».

Аб тым, як М. Лынькоў ставіўся да дзяцей і як дзеці любілі аўтара «Міколкі-паравоза», напісана нямала. Лісты дапаўняюць, канкрэтызуюць узаемаадносіны пісьменніка і яго ўдзячных юных чытачоў. «В детях главное счастье людей»,— пісаў М. Лынькоў у лісце да Ф. Л. Бычынскага 20 сакавіка 1971 г.

Заслугоўвае самай пільнай увагі стыль пісем М. Лынькова, эвалюцыя стылю, бо ў розныя перыяды жыцця, на розных этапах творчасці пісьменніка ён не заставаўся нязменным. Вядома, галоўным, вызначальным заўсёды быў змест ліста, яго вядучая «тэма» і тое, каму ён адрасаваны, з якой нагоды напісаны. Так, даволі адметная стылявая танальнасць лістоў да Я. Коласа, кожны радок іх прасякнуты пачуццём сыноўняй пашаны, пачцівасці да народнага пісьменніка. Ведаючы, што Я. Колас як клапатлівы гаспадар зямлі, руплівы сейбіт заўсёды цікавіцца надвор'ем, бо спрыяльнае надвор'е — гэта шчодры ўраджай, Міхась Ціханавіч у сваіх лістах абавязкова задавальняў маўклівае жаданне старэйшага таварыша і настаўніка. Прычым М. Лынькоў не абмяжоўваўся сухой інфармацыяй, а імкнуўся да яскравага, паэтычнага, вобразнага выказвання: «Зіма неяк намаглася аднаго разу

заглянуць да нас, але некуды знікла, пакінуўшы адно макрэддзе» (ліст ад 6 снежня 1950 г.). Або: «Чакаем усё добрага лета, не пабачыўшы як след вясны. А лета пачынаецца нешта не па-людску. З другога чэрвеня пастаяла некалькі добрых дзён, а потым хлябі нябесныя разверзліся ізноў і дождж лупіць каторы ўжо дзень бесперастанку» (ліст ад 12 чэрвеня 1955 г.).

Сустрэўшы трапныя народныя выразы накшталт «і чаканкі даўно паелі», «што яму прыспічыла там так доўга адлежвацца», «нешта падобнае на зіму нясмела падбіваецца к Мінску», «розных спраў набіраецца поўнае бярэмя» і інш., можна беспамылкова сказаць, што адрасат ліста — Я. Колас. І сапраўды, прыгаданыя прыклады ўзяты з першых сказаў ліста да Канстанціна Міхайлавіча ад 28 лістапада 1950 г.

У лістах да блізкіх, сяброў, таварышаў па працы М. Лынькоў ахвотна выкарыстоўваў стылявыя прыёмы ўсходняга паслання, паспяхова імітаваў высокі, урачысты стыль мовы помнікаў старажытнай пісьменнасці («Рыданіем возрыдах і скорбію воскорбех, прачытаўшы Ваша пасланіе...,— так пачынаецца ліст да Я. Коласа ад 16 чэрвеня 1955 г.— ...Да нізрыне алах гнеў свой на главы несумленных рабоў сваіх, оныя не можаху ўразумець святыя ісціны, што ні адзіным барыем жыў чалавек...»).

Якасна новы характар набылі лісты М. Лынькова ў апошнія гады жыцця. У іх больш эмацыянальнасці, філасафічнасці, часцей закранаюцца пытанні духоўнага парадку, вечныя праблемы чалавечага быцця. Больш шчодрым стаў пісьменнік на ўспаміны пра дзяцінства, пра юнацкія гады. Больш ахвотна перапісваўся з тымі, з кім разам вучыўся ў школе, у Рагачоўскай семінарыі. Нясцерпнае жаданне пісьменніка яшчэ раз убачыць здымак ранніх гадоў — вельмі натуральнае, псіхалагічна апраўданае. У лісце да П. Л. Камісарава ад 2 сакавіка 1970 г. М. Лынькоў піша: «Хочу я спросить тебя вот о чем. Некогда были мы с тобой и в двухклассном училище при семинарии. Как мне помнится, однажды мы снимались всем коллективом школы. Может быть, случайно сохранился у тебя такой снимок, может быть, знаешь, у кого он есть?»

А паглядзіце, з якой пранікнёнасцю гаворыць М. Лынькоў пра заўчасную смерць А. Малышкі. Колькі тут шчырага спачування, сапраўднага, непадробна-

га пачуцця, жыццялюбства! І разам з тым — як шырока глядзіць пісьменнік на свет, на нацыянальную культуру, гэту праяву народнай душы, адбітак гістарычнай памяці народа!

У лісце да Д. Кавалёва ад 20 лютага 1970 года: «Вот сегодня опечалили меня вести из Украины о преждевременной смерти Андрея Малышко — хороший был человек, славный поэт и верный друг Белоруссии. Такие потери чувствительны для нашей культуры. И рано бы Андрею навсегда прощаться с нами, был он еще молодой, в самом расцвете сил и таланта. То ли дело у нас, стариков, перешагнувши седьмой десяток — в самый раз «сушить весла...» И то неохота...» І ў лісце да А. Я. Данілкі ад 22 лютага 1970 г.: «Вельмі сумую з прычыны заўчаснай смерці майго даўняга маладзейшага па гадах друга Андрэя Малышкі. Гэта ж так нечакана і недарэчна: паэт быў у самым росквіце сваіх сіл і таленту. Два месяцы таму назад мы страцілі добрага паэта Пятра Глебку і літаратуразнаўцу Яўгена Мазалькова.

Усё гэта сумна, усё гэта значныя, беззваротныя страты для нашай культуры».

Уключаныя ў Збор твораў лісты, як можна меркаваць, зыходзячы з іх зместу, будуць з цікавасцю прачытаны тымі, хто любіць беларускую літаратуру, вывучае гісторыю літаратурна-творчага жыцця і перш за ўсё — творчасць Міхася Лынькова, выдатнага мастака слова, пісьменніка-камуніста, вернага сына сваёй Айчыны.

МІХАСЬ МУШЫНСКІ

ПІСЬМЫ
1935—1975

1935

1. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

1 лістапада 1935, Мінск

Уважаемый Николай Тихонович!

Поздравляем тебя нашим коллективом с Октябрьскими праздниками. Хотя пишу 1 ноября, но думаю, что письмо зайдет к тебе после праздников.

Письмо твое последнее получил. Рад, что более или менее сносно устроился.

У нас тут осень в самом разгаре, льют во всю дожди, и мы с Марком Михайловичем мечтаем о наступлении зимы, когда можно будет погулять в саду. А сад у нас теперь больший, чем раньше при старом доме.

Живем мы по-старому, квартира просторная, широкая, с верандой, с балконом. Живем мы с Марком Михайловичем в полное свое удовольствие, есть ему где поскакать и побегать.

Получил письмо от Аньки, она теперь работает на новом месте в Стародорожском районе, в Горковском сельсовете.

Пиши, какая у вас теперь погода: тепло ли, холодно ли?

Привет тебе от Ханы Абрамовны и Марки Михайловича.

Пока всего! С приветом
твой брат *Міхась Лынькоў.*

1/XI 1935 г. Минск, ул. Горького, д. № 4/б, кв. № 3.

1936

2. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

18 студзеня 1936, Мінск

Прекрасный юноша!

Довольно-таки опоздал я с ответом на твое последнее письмо, за что и приносим соответствующее извинение.

Живы мы и здоровы, пребываем, что называется, в полнейшем благополучии, годуем кадру, понемногу пишем и т. д. Таковы вот наши семейные и несемейные дела. Маркуша вздумал был по своему обыкновению поболеть немного. Болел парнишка недели две, болел не особенно тяжело и сейчас усиленно поправляется, вспоминая сталинабадского дядю, который уже не кушает винограду, потому что «винограду нет уже на полочках в магазине». Телеграмму твою поздравительную получили своевременно и, конечно, были благодарны.

Недавно дня четыре гостила у нас Анька со своим благоверным. Писала Поля, что собирается приехать к нам на днях в гости с дочкой. Ожидаем.

Теперь у вас, наверное, тепло, весна таджикистанская. А у нас после сильной оттепели стоят теперь морозы, завывает вьюга. Однако и мы надеемся, что скоро наступит более теплое время. Пиши, как устроился теперь с квартирой, с питанием и т. д.

Ну, пока бывай. Пиши о своих новостях.

Привет от Ханы Абрамовны и Марка Михайловича.

С приветом

твой брат *Міхась Лынькоў.*

18/I 1936 г.
г. Минск

1940

3. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

23 кастрычніка 1940, Мінск

Уважаемый тов[арищ] Кобзаревский!

Извините за поздний ответ на Ваше письмо: был в поездках, в командировках, не сумел своевременно ответить.

Теперь по существу Вашего письма. Что касается сборника переводов белорусских прозаиков для «Советского писателя», то, признаться, я очень сомневаюсь в реальности такого дела — ведь теперь такие затруднения с бумагой.

Чтобы Вам иметь более или менее верное представ-

ление о современной белорусской литературе, я бы советовал Вам написать каждому из наших прозаиков — Коласу, Чорному, Бядуле, Последовичу, Мурашко, и они выслали бы Вам свои последние книги. По-моему, это самый лучший путь. Бядуле я сам скажу, чтобы он послал Вам свои последние вещи.

Что касается новеллы «Дай звездочку», то я не рекомендовал бы Вам переводить ее — считаю ее слабоватой. Одновременно с письмом посылаю Вам мой последний сборник, вышедший в этом году. Найдете в нем что-нибудь полезное — используйте.

С товарищ[еским] приветом

Міхась Лынькоў.

23/X 1940

4. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

13 снежня 1940, Мінск

Уважаемый тов[арищ] Кобзаревский!

Извините за обычное в моем стиле опоздание с ответом на Ваше письмо — умучили окончательно юбилеи.

Говорил я на днях с Бядулей, <...>, Чорным и Мурашкой, чтобы выслали Вам лучшие свои вещи. Скажу еще Коласу и Последовичу.

А Вы используйте, что найдете лучшим.

С товарищ[еским] приветом

Міхась Лынькоў.

13/XII 1940 г.

1941

5. ЯКУБУ КОЛАСУ

17 жніўня 1941, дзеючая армія

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Учора атрымаў Ваш ліст, напісаны Вамі па старому адрасу, ад якога мы цяпер кіламетраў каля сямісот

далей. Мы блізка тых месц, адкуль прыехаў да Вас у Маскву Пятрусь. Ваш ліст ішоў шаснаццаць дзён, са старога адраса яго прывёз мне Латышаў, мой супрацоўнік. Са мной Кандрат, Глебка (сёння адаслаў яго ў госпіталь — адолелі хлопца скулянкі), Гурскі, Панчанка, Барысёнак і Стаховіч.

За ліст вялікая падзяка. Кожнае роднае слова ўлівае ў нас свежыя сілы. Шмат перажылі мы — і раней, яшчэ разам з Вамі ў родным горадзе — і ў гэтыя дні. Але ўсё перажытае мы пастараемся забыць, калі зноў давядзецца нам апынуцца з Вамі ў родных мясцінах пасля разгрому праклятых гітлераўскіх гадаў. Як хочацца пабыць там, на родных папялішчах. Адно, што турбуе мяне да сённяшняга дня,— не ведаю, ці жывы мой сынок і жонка. Дзе яны, ці выбраліся яны адтуль — не ведаю. Былі чуткі, што яны ішлі пешкі, што іх бачылі ля Дукораў. Вось гэта самае цяжкае, што ціснe маё сэрца, не дае супакою. У працы стараюся не то што забыцца, але проста адганяць гэтыя думкі.

Кандратава сям'я і сям'я Барысенкі ў Саратаўскай вобласці. Стаховіч ведае шлях сям'і да Мсціслаўля. Дзе сям'я цяпер — не ведае.

Але я надакучыў ужо Вам з нашымі сямейнымі справамі. Працуем мы з усіх сіл, стараемся як мага хоць нашым словам дапамагаць байцам, дапамагаць нашым партызанам біць карычневую нечысць. Бываем бязмежна рады, калі наша праца ўдаецца, калі не бывае тых ці іншых перашкод на нашым шляху. Мы надрукавалі і Вашых некалькі рэчаў — работ і перадрукі з цэнтральнай прэсы, каб данесці Ваша слова далёка-далёка, у тыя мясціны, аб якіх Вы шточасна думаеце і марыце.

Жывём і працуем дружным калектывам — разам яно неяк весялей. Думалі мы сустрэць тут Петруся, але ён не звярнуўся яшчэ сюды. Сустракаліся з Кузьмой Чорным, ён працуе там, дзе працаваў і Пятрусь. Праўда, цяпер ужо ён не там, дзе былі раней,— маю на ўвазе месца.

Як хочацца нам сустрэцца з Вамі, з усімі нашымі роднымі людзьмі. Колькі можна было б пагаварыць, параcказаць. І верым мы — прыйдзе недалёкі час, і вернемся мы зноў на родныя мясціны, каб шчасліва жыць і шчасліва працаваць, сустракацца разам у нашай добрай, радаснай сям'і. Прыйдзе гэты час, бо не

хопіць пораху ў гэтай гнуснай фашысцкай погані разбурыць наш малады савецкі сад. Веру ў нашу перамогу, веру так, як толькі можна верыць у самаго сябе, у сваіх блізкіх друзей.

Горача абнімаю Вас і цалую. Будзьце бадзёрымі і шчаслівымі.

Ваш *Міхась*.

P. S. Янкаў верш мы атрымалі яшчэ на старым месцы і надрукавалі яго.

Прывітанне яму ад мяне і ад усіх хлопцаў.

Прывітанне Вам і Янку ад усіх нашых хлопцаў.

Перадайце мае гарачыя прывітанні Мар'і Дзмітрыеўне, Даніле і Міхаську.

М. Л.

Адрас: Действующая армия, полевая почтовая станция 865, почт[овый] ящик № 18, М. Т. Лыньков.

6. ЯКУБУ КОЛАСУ

1 верасня 1941, дзеючая армія

1/IX 1941 г.

Дарагі і родны Канстанцін Міхайлавіч!

Пішу Вам другое пісьмо, не ведаючы, ці атрымалі Вы маё першае пасланіе. Пішу ўжо з новага месца, на якім, відаць, прабудзем больш, чымся на ранейшым. Гольцаў, які паехаў на Маскву, павінен ці асабіста, ці паштоўкай паведаміць Вам аб нашым жыцці і месцапрабыванні.

Петруся Глебкі няма цяпер сярод нас. Ён захварэў быў, мы накіравалі яго ў госпіталь, а госпіталь, як мы даведаліся, эвакуіраваў яго недзе ў тыл з санітарным поездам — не ведаю, ці знойдзе ён нас пасля выздараўлення, ці не.

Што чуваць пра Броўку? Шкада, што ён не сярод нас, хлопец ён жвавы і вясёлы. Як пажывае Янка? Дакладнага адраса яго мы так і не ведаем.

Я крыху хварэў — падводзяць мае лёгкія. Цяпер ачуняў, выкачаўся на грузавіку, дыхаю. Кандрат здароў.

К Вам просьба: калі пачуеце дзе што-небудзь пра

маю сям'ю, паведаміце. Прозвішча жонкі — Аранкова Хана Абрамаўна, сын — Марк Міхайлавіч.

Што яшчэ Вам напісаць? Хацелася б пабачыць Вас і абняць як роднага бацьку. Спадзяюся, што неўзабаве мы зможам гэта зрабіць, бо не гадзіне Гітлеру справіцца з намі, знойдзем урэшце на яго ўправу.

Гарачае маё прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне і Міхасіку. Прывітанне Янку і Уладзіславе Францаўне.

Дачуліся мы з газет, што знайшоўся Максім Танк, чыталі яго верш у газеце. Калі ведаеце яго адрас, паведаміце, альбо скажыце яму, каб надаслаў нам ліст.

Шлеце нам лісты і вершы.

Моцна абнімаю Вас і цалую.

Міхась Лынькоў.

Прывітанне ад Кандрата, ад Стаховіча, Гурскага, Панчанкі і Барысёнка.

М. Л.

Адрас: Действующая армия, полевая почтовая станция 127, почт[овый] ящик № 12, белорусской, для М. Т. Лынькова.

7. М. І. ФЕДЧАНКУ

18 верасня 1941, дзеючая армія

Дорогой Николай Иванович!

Фронтовые встречи бывают всегда неожиданными. Вот чисто случайно встретился с Вашим учеником Короленко Иваном. Он указал мне Ваш предполагаемый адрес. Не знаю, дойдет ли это письмо или не дойдет — пишу. С начала войны я на фронте. Был в различных местах, многое видел, многое пережил. Главное — не знаю, живы ли мои жена и сын. Ни единой весточки не имею о их судьбе: выбрались ли они из-под бомб проклятой фашистской сволочи, где они, что с ними? Третий месяц жду вестей, живу надеждой.

Одно, что поддерживает меня, это горячая уверенность, что разобьем мы, уничтожим кровавых насильников, одно имя которых зажигает в каждом сердце чувства великой человеческой ненависти и беспощад-

ной мести. Зверь остается зверем, зверей только уничтожают.

Черкните пару слов о Вашей жизни. Горячий привет Ядвиге Александровне и Ларисе.

Крепко жму руку.

Міхась Лынькоў.

18/IX 1941 г.

Адрес: Действ[ующая] армия, полевая почтовая станция 127, редакция газеты «За Советскую Белоруссию», М. Т. Лынькову.

8. ЯКУБУ КОЛАСУ

18 кастрычніка 1941, дзеючая армія

18/X 1941

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Шлю Вам чарговае прывітанне з далёкіх франтавых прастораў. Жывём, працуем, стараемся хоць словам сваім наносіць паболей шкоды фашысцкай саранчы, каб яна здохла, праклятая, як мага хутчэй. Ляжым з Кандратам у палатцы і марым аб тым, калі зноў трапім на родную зямлю, калі зноў убачым родныя палі і лясы. Не зусім утульна ў нашым логаве пад надакучным восеньскім дажджом, але мы думаем: няхай бы яшчэ больш лінуў дождж, няхай бы ішлі нескончоныя ліўні, каб змяло нашчэнт з нашай зямлі паскудную нечысць фашызму. Як ведаеце з газет, б'юць нашы немцаў цяпер не на жарты, латашаць як капусту. Спадзяемся, што з кожным днём мы будзем біць іх яшчэ болей, яшчэ бязлітасней.

Канстанцін Міхайлавіч! Дарагі, родненькі! Напішыце пісьмо, прышліце свае ўсе апошнія вершы, выступленні, артыкулы, заметкі. Усяму дамо вялікі ход.

Можа ведаеце адрас Танка? Дзе падзеўся Пятрусь? Ці не ў Маскве ён, бо адзін верш («Палявая пошта») чыталі ў «Праўдзе». Чаму ж ён, сукін сын (кажу гэта любячы), не адгукнецца ніводным словам? А нам жа вершы патрэбны да зарэзу. Урэшце, ён мог бы падацца і да нас, з радасцю ўзялі бы ў сваю сям'ю. Аб нашым месцы ён змог бы даведацца ў Галоўн[ым] Паліт[ычным] Упраў-

л[енні] нашай Арміі. Можа на гарызонце дзе з'явіцца Глебка, яго эвакуіравалі з госпіталя санітарным поездам. Няхай дабіраецца да нас. Скажыце Івану Дамінікавічу наконт вершаў. Прывітанне ўсім знаёмым. Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне і Міхаську.

Моцна цісну руку і цалую.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

Адрас: Действ[ующая] армия, Полевая почтов[ая] станция 127, редакция газеты «За Савецкую Беларусь», М. Т. Лынькову.

9. ЯКУБУ КОЛАСУ

Пасля 18 кастрычніка 1941, дзеючая армія

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Нешта доўга не чуваць ад Вас лістоў. Мы ўжо крыху занепакоіліся тут, ці не пераехалі Вы куды-небудзь у другі горад? Чакаем ад Вас водгуку. Шкада, што Вы не блізка каля нас: мы з Кандратам вырасцілі каля сваёй палаткі некалькі баравікоў, вот бы пачастунак да сустрэчы! Але і баравікі нешта гінуць, а ліста ад Вас няма і няма. Атрымалі ліст ад Глебкі, ён у шпіталі ў Саратаўскай вобласці, ачуньвае.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Міхаську, Янку Купале і Улад[зіславе] Франц[аўне]. Дзе Броўка, Танк? Няхай шлюць нам вершы.

Моцна цісну руку і цалую.

Міхась Лынькоў.

Адрас: Действ[ующая] Красн[ая] Армия, полевая почта № 127, редакция газеты «За Савецкую Беларусь», М. Т. Лынькову.

10. П. Ф. ГЛЕБКУ

Пасля 18 кастрычніка 1941, дзеючая армія

Дарагі Пятрок!

Урэшце атрымалі твой ліст і даведаліся аб стане твайго здароўя. Шкада, што першага твайго ліста мы

не атрымалі. А трэба сказаць, што мы дужа непакоіліся аб табе і думалі рабіць ужо розыскі праз адпаведныя ўстановы.

Ну, добра, што ты знайшоўся. Яшчэ будзе лепш, калі ты канчаткова ачуняеш і зноў вернешся да нашага роднага калектыву. Мы ўжо на зусім новым месцы, на другім фронце. Стаім мы недалёка ад аднаго даволі вялікага горада, пра[з] які мы калісьці ноччу праязджалі, шукаючы потым прытулку ў адной з вёсак, дзе і спалі пад капяжом. Арыентыровачна мы дамо табе тэлеграму з другога горада, дзе мы друкуем нашу газету і дзе бываем два разы на тыдні — па аўторках і пятніцах.

Усе нашы хлопцы жывы і здаровы, працуюць не пакладаючы рук. Заездзіў зусім Пімена, ён жа адзін цяпер паэт у нас. Трошкі назаляе нам восень. Але думаем як-небудзь яе перамагчы.

Носаўская рэдакцыя далёка ад нас, мы разышліся з імі, як у моры караблі.

Пакуль бывай!
Вітаем і цалуем.

Міхась Лынькоў, К. Крапіва.

Хоць бы ты хутчэй прыехаў на грыбы: мы з Кандратам каля палаткі вырасцілі добрыя баравікі.

Прывітанне ад усіх хлопцаў.

Адрас: Действ[ующая] армия, 127 полевая почт[овая] станция, ред[акция] газеты «За Советскую Белоруссию», нам.

11. М. І. ФЕДЧАНКУ

1 снежня 1941, дзеючая армія

Дорогой Николай Иванович!

Давным-давно, еще в начале октября месяца, получил я Ваше письмо. Ответить долгое время не мог. Теперь вот пишу, прося извинения за длительное молчание, в котором я, правда, не совсем виноват.

Жив и здоров, работаю по-прежнему. О семье никаких вестей не имею. Есть пословица: время залечивает раны. Не хочу признавать эту пословицу.

Напишите подробнее о своей жизни, о своей работе. Как здоровье Ядвиги Александровны и Ларисы?

Желаю Вам всего, что может пожелать искренне уважающий и любящий Вас человек.

Крепко жму Вашу руку.

Привет Ядвиге Алекс[андровне] и Ларисе.

Міхась Лынькоў.

1/XII 1941 г.

Действ[ующая] армия, 127 полевая почта, ред[акция] газ[еты] «За Советскую Белоруссию», М. Т. Лынькову.

1942

12. Л. М. ФЕДЧАНКА

4 лютага 1942, Масква

Дорогая моя артистка-любительница!

Получил оба твоих письма — и не в 1941 году, а вчера, 3 февраля 1942 года. Долго они догоняли меня по фронтовым дорогам и все же догнали. Около месяца я не писал, потому что был на колесах. Теперь вот временно живу в Москве, до нового назначения.

За твои письма огромное, какое только можно представить, спасибо. Жаль, что не получил их раньше. Новый год я встречал во фронтовом госпитале. Было немножко грустно, чуточку тоскливо: нехорошо лежать под Новый год прикованным к постели. Для нас зажигали елку, играла музыка, раздавали подарки. А мы думали о своих семьях, о своих детях, о родных и знакомых. Находили в подарках письма от совершенно незнакомых нам людей, и на сердце становилось теплее: все же мы не одиноки, вся страна посылала нам свои лучшие пожелания. После госпиталя я оставил свой старый фронт, на котором пробыл несколько месяцев, и поехал в Москву.

Из госпиталя я посылал Вам новогоднюю поздравительную открытку. Не знаю, получили Вы ее или нет.

Таковы мои дела. Теперь вот сидим небольшим коллективом в Москве, ждем новых дорог и маршрутов.

А дороги у нас одни — на запад. И мы надеемся, что недалек тот день, когда вступим мы на землю родной Белоруссии. Ну, а дальше? Дальше посмотрим. Нужно будет — пойдем и дальше. Дороги дальше на запад нам не заказаны.

С Короленко мы расстались. Он остался на старом фронте. Вообще-то белорусов у нас в армии много, куда ни повернешься, обязательно встретишь земляка.

На этом кончаю свое послание. Горячий привет папе и маме. Будешь писать письмо тете Яне, передай и ей привет от старого сверженского друга.

Горячо тисну руку артистке-любительнице и желаю ей самых, что ни на есть, радужных успехов и радостей.

С искренним приветом

Міхась Лынькоў.

4/II 1942 г.

До установления нового адреса можно писать на Союз писателей: гор. Москва, ул. Воровского, 52, Союз советских писателей СССР, для М. Т. Лынькова.

13. М. І. ФЕДЧАНКУ

17 лютага 1942, Масква

г. Москва 17/II 1942 г.

Дорогой Николай Иванович!

Получил Ваше письмо от 30/I этого года. Оно малость погуляло по полевым станциям, пока нагнало меня в Москве, где я временно обитаю и откуда этими днями выеду. Но связь с Москвой у меня будет пока неплохая, так что письма можно писать в адрес Союза советских писателей (Москва, улица Воровского, 52, Союз советских писателей СССР, для меня), отсюда я всегда выцарапаю свои письма.

Работаю я все в той же газете, в которой работал и раньше. Думаем, надеемся — и не без оснований,— что недалек уже час нашего возвращения на нашу родную, свободную белорусскую землю. Не только завшивели, но и засопливели фрицы — это уже не армии прошлого года. Огрызаются, конечно, сопротивляются. Но это со-

противление равносильно последним вздохам утопающего. Гитлер понимает свою обреченность. Все надеемся, что этот год сломает ему хребет, сломает окончательно. Никуда не уйти ему, поганцу.

Живу я по-старому. О семье никаких вестей. Странно и страшно чувствовать себя одиноким, но ведь скоро уже девять месяцев, как идет война, пора, что называется, привыкать. Правда, подобные привычки никак и никогда не влезут в мою жизнь. Подал мне весточку мой младший братишка, он в армии в Средней Азии. Услышал мой голос по радио, наладил розыски, прислал телеграмму. Одним словом, знаю, что Николай жив, здоров и бодрствует. О брате втором — Григории, он тоже был в действующей армии, ничего не слышно. Не знаю, что с ним.

Написал я письмо Ларисе — не знаю, получила ли она его. Писал из Москвы в ответ на ее милые послания. Как здоровье Ядвиги Александровны и Ларисы Николаевны? Пишите. Страшно рад каждому Вашему письму как слову от родных и близких людей.

Впервые узнаю, что Вы уже больше года в кандидатах партии. Искренне рад, от души поздравляю и крепко жму руку. Знал, что этой дороги Вы не минете. Нет в мире партии солнечнее, правдивее и человечнее нашей великой Коммунистической партии. Только в ней нашла свое завершенное выражение подлинная и чудесная человеческая правда, с которой мы живем и за которую готовы и умереть, если это необходимо. В этой правде величайшая наша сила, сила нашего народа. Не гитлеровским сутенерам и растлителям бороться и побеждать нас.

Бывайте. Горячий привет всем.

Ваш друг *Міхась Лынькоў.*

14. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

17 сакавіка 1942, Масква

Дорогой братец!

Что-то не слышно от тебя ответа на посланное мной письмо. Мне в союзе показывали телеграмму — твой запрос о моем местопребывании. Я послал тогда письмо

по адресу, указанному в телеграмме. А ответа нет и нет.

Ты ведь остался у меня один из всей нашей семьи. Где Гриша — не знаю. Что с Аней и семьей Поли — неизвестно. Где Хана и наш родной Марик — ничего не слышно. Таковы наши дела. Одна надежда — разобьем фашистскую сволочь, тогда и найдем, может быть, наши семьи, если останутся они живы и здоровы. Если сохранилась у тебя хоть одна карточка Марика, пришли мне ее заказным письмом — у меня ничего нет, ни одного его снимка. Пиши пока по моему гражданскому адресу. Военный сообщу дополнительно.

Целую и обнимаю. Твой брат *Міхась.*

17/III 1942 г.

15. Х. С. ШЫНКЛЕРУ

18 сакавіка 1942, каля Масквы

Дарагі Хвядосе!

Даведаўся ў Кузьмы Чорнага пра твой адрас. Ён жа паказаў мне і твой апошні ліст, дзе ты пішаш, што нібыта Вольскі напісаў Маўру, што знайшлася мая сям'я. Што гэта за містыфікацыя? Калі б гэта было не містыфікацыяй, я б на сённяшні дзень адчуваў бы сябе найшчаслівейшым чалавекам на свеце. Напішы мне, браце, дакладна аб гэтым.

Я жыў, здароў. Са мной Крапіва, Броўка, Стаховіч і Барысенка. Былі яшчэ і Гурскі, Глебка і Панчанка. Яны аддзяліліся ў самастойную газету і працуюць на другім фронце.

Багата перажыта, багата пройдзена, багата бачана. Калі-небудзь раскажам.

Паколькі мы каля Масквы, то можна пісаць у адрас Саюза сав[ецкіх] пісьм[еннікаў] СССР, для мяне.

Прывітанне ўсёй тваёй камуне.

Цісну руку.

Міхась Лынькоў.

18/III 1942 г.

Адрас Вольскага: г. Уральск Зап[адно]-Казахстанской обл[асти], Белорус[ский] Госуд[арственный] театр.

16. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

27 сакавіка 1942, Масква

Дорогой Николай!

Очень рад, получив от тебя письмо с фотокарточкой. Я послал тебе несколько раньше открытку по твоему старому адресу, не знаю, дойдет ли. Пиши почаще, и я буду посылать побольше писем. Если сохранился у тебя какой-нибудь снимок Марика — может быть, есть у тебя маленький снимок, сделанный мной «лиллипутом» — помнишь, был такой у Марика фотоаппарат-игрушка, то пришли мне заказным письмом — буду страшно рад. У меня ведь нет даже снимка Марика. Живу по-старому. Надеюсь, что будем скоро в родных местах. Пиши. Крепко обнимаю тебя и целую.

Твой брат *Міхась Лынькоў.*

Москва 27/III 1942 г.

17. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

27 сакавіка 1942, Масква

Дорогая Эди!

Спасибо за письмо и книжку. Письма, о которых говоришь, мы не получили. Очевидно, затерялись где-нибудь на необозримых дорогах, пройденных нами. А пройдено немало, когда-нибудь подсчитаем. Сейчас у нас проездом из отпуска Кулешов. Вообще-то он на Северо-Западном фронте. Гурский, Глебко и Панченко отделились от меня и находятся сейчас на Калининском фронте. Со мной Крапива, Бровка, Стахович и Борисенко. Живем и смотрим на запад, на дорогу Москва — Минск. Надеемся, что недалек час, когда вступим мы на родную белорусскую землю.

Приехал из Казани Колас. В апреле месяце он уедет в Ташкент.

Писем здесь в союзе тебе нет. В случае — обнаружатся — перешлем.

Вот и все наши новости. Поскольку мы живем в Москве и под Москвой, письма можно присылать по нашему гражданскому адресу, на Союз писателей. Если мы и уедем, то письма нам перешлют. Привет от товарищей.

Міхась Лынькоў.

27/III 1942 г.

18. КАЛЕКТЫВУ ГАЗЕТЫ «ЗА СВАБОДНУЮ БЕЛАРУСЬ»

6 красавіка 1942, Масква

6/IV 1942 г.

Дорогие друзья!

Заждался я от вас письма, но так и не получил. Видимо, забыли вы мой адрес. Ну, что же, забывчивость — дело житейское, случается с каждым... Спасибо Рабиновичу — хоть тот во время своего приезда порассказал о вашем житье-бытье. Да ведь и то было уже давно. А как теперь живете — не знаю.

Мы живем по-старому. Выпустили всего один номерок газеты, ждем, когда подвинемся поближе к нашей белорусской земле. Максима откомандировали в Саратовский округ. Возможно, ЦК КП(б) Б вызовет его на работу. Узнав сегодня ваш адрес, послал его и Максиму, пусть парень свяжется со своими хлопцами.

Сегодня мы проводили на вокзал Якуба Коласа — после славянского митинга он уехал в Ташкент. Пишите, как живете, как можете, как идет работа?

Сообщаю мой адрес: Москва, улица Воровского, 52, Союз советских писателей СССР, для М. Лынькова.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

P. S. Борисенко, Латышев, Фейгинзон перечислены в резерв, прикомандированы на работу к нам.

Привет от Крапивы К.

19. КАЛЕКТЫВУ ГАЗЕТЫ «ЗА СВАБОДНУЮ БЕЛАРУСЬ»

16 красавіка 1942, Масква

Москва 16/IV 1942

Привет славным соратникам!

Получил вашу газету — первых два номера и «дубинку». Прочли, малость покритиковали, сказали «добре». Хорошо, что у вас развернулась уже настоящая практическая работа, в которой и желаем вам всяческих успехов. Мы сидим пока что на мели, ждем настоящей работы. Танк, как известно вам, откомандирован в Саратов. А теперь его послали на строевые курсы в Ульяновск. Через ЦК принимаем некоторые меры, чтобы вернуть его в первобытное состояние, т. е. в печать. В Москву приехали Александровская, Муромцев, Млодэк, Алексеева и др. В начале мая предполагается в Москве митинг нашей молодежи. Почему Петрок и Пимен не присылают в центральные газеты своих стихотворений? Это нужно теперь, как воздух.

Крепко жму ваши руки.

Міхась Лынькоў.

20. І. Д. ГУРСКАМУ

30 красавіка 1942, Масква

Первомайский привет, Илья!

Пересылаю тебе полученную на твое имя открытку-справку из Свердловска. Такая же справка получена на днях мной из Бугуруслана. В общем, как видишь, дела по-старому <...>.

У нас все по-старому. Приехал назад Танк, его вернули в распоряжение ЦК. Гостит у нас теперь Пимен, встречаем неплохо Первомайские праздники, вспоминаем «калининцев». Рад, что вы по-человечески обосновались и работаете. Привет всей усатой гвардии.

Желаю всяческих успехов.

С приветом

Міхась Лынькоў.

30/IV 1942 г.

21. Х. С. ШЫНКЛЕРУ

Канец красавіка 1942, Масква

Дарагі Хвядосе!

Атрымаў твой ліст з Кыштыма. Шкада, што гэтак бязглузда атрымалася з табой. Што-небудзь паспрабуем зрабіць, але каб сказаць тут што-небудзь пэўнае, дык не бяруся. У мяне ўсё па-старому. Аб Рыгору ніякай чуткі. Тое ж самае і аб сям'і. Канешне, усё гэта вельмі цяжка і прымірыцца з гэтым проста немагчыма... Цешу сябе, аднак, нейкімі надзеямі.

Такія, браце, справы.

Прывітанне ад нашых хлопцаў.

Віншую з Першым маем.

Міхась Лынькоў.

22. І. Д. ГУРСКАМУ

13 мая 1942, Масква

Свинтухи окаянные!

Пишу вам последнее письмо и больше тревожить не буду, дабы не беспокоить напрасно. Где это видано — человек послал несколько писем, а ему ни ответа, ни привета. А впрочем, как знаете...

А теперь о деле. В Ташкенте Модель издает сборник антифашистской белорусской литературы. Так вот соберите все свои стихи и рассказы и отошлите ему непосредственно в Ташкент по адресу: Ташкент, Союз советских писателей Узбекистана, Моделю.

Об этом я говорил уже Пимену. Он завтра выезжает к вам.

А пока всего.
Даже привета не хочу передавать вам, иродам.

Міхась Лынькоў.

13/V 1942

23. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

13 мая 1942, Масква

Даражэнькая Эдзі!

Атрымаў тваё пасланіе, але вершаў яшчэ не атрымліваў. Жывём па-стараму, асабліва не сумуем, бо думаем усё ж дабрацца да нашых радзімых прастораў. Цяпер па сутнасці ўсіх закранутых у пісьме пытанняў. Модэлю я на днях пасылаю ўсе матэрыялы: мае і нашых хлопцаў. Крый божа, каб ён скарыстоўваў мае пару навел, надрукаваных у «Известиях»,— яны сапсуты. З «Правды» можна. Але я сам прышлю арыгіналы.

Навін асаблівых у нас нямашака. Як часам мы жывём, аб усім гэтым табе расказаў, напэўна, наш Якубе — аб нашым вясновым небе, аб нашай вясне і ўсякіх іншых такіх прыгажосцях. Адным словам, жывём і працуем. Прывітанне ад усіх хлопцаў — ад Кандрата, Кузьмы, Петруся, Максіма, Пімена, Стаха і Барысёнка.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

13/V 1942 г.

Адрес старый. Можно писать и по такому адресу: Полевая почтов[ая] станция № 736, п/я 206, редакция газеты «За Советскую Белоруссию».

24. ЯКУБУ КОЛАСУ

Прыблізна май 1942, Масква

Дорогой Константин Михайлович!

Пересылаю Вам в этом письме несколько писем, полученных на Ваше имя в Москве. Посылаю письмо и Степана Нортмана, видевшего и разговаривавшего с Юркой. Я посылал туда телеграфный запрос, но ответа толкового не получил, потому что полк запасной, в нем ребята долго не задерживаются и уходят с маршевыми ротами в действующие части. Во всяком случае, мы будем продолжать поиски через наших знакомых ребят. И ругал же я Нортмана, что он и нашего адреса Юрке не дал, не связал его и с Вами. Нортман оправдывается мимолетностью встречи.

Живем мы по-старому. На днях двинемся в новые места, поближе к нашей родной земле. Кондрат все потеет над пьесой. Петрусь возится сейчас с либретто своей новой оперы, работает вместе с Тикоцким. В Москве были организованы неплохие концерты белорусского искусства. Лариса Помпеевна, как всегда, пользовалась прекрасным успехом. Были мы с Кондрашей у нее в гостях, и она была у нас. Сейчас у Кондрата живет Вольский, приехал на несколько дней из Уральска. Он работает над пьесой и над оперой. В общем, все наши люди трудятся.

На днях был я у бригадного комиссара. «Доложил» я ему подробно, как доставили вы его семье посылку. Читал ему Ваше письмо — посмеялись мы от души. Павел Борисович просил передать Вам самый сердечный привет. Чудесный он человек, Белоруссию любит и так же грустит о Минске, как мы.

Видел я Аршаруна. Он сказал мне, что книга Ваша еще не вышла, а как только выйдет, он сделает все, что необходимо: и в отношении авторских и оплаты.

Одно письмо посылаю Вам без конверта — он был порван и такой большой, что не влез бы в это письмо. Адрес с конверта я переписал на письмо. Оригинальный адрес был на конверте: «Москва, отдел писателей, Якубу Колосу».

Горячий привет Марье Дмитриевне, Даниле и Михаську.

Обнимаю и целую Вас.

Міхась Лынькоў.

Адрес: Полевая почтовая станция № 736, почтов[ый] ящик 206, редакция газеты «За Советскую Белоруссию», М. Т. Лыньков.

25. Л. М. ФЕДЧАНКА

1 чэрвеня 1942, Масква

1/VI 1942 г.

Дорогая Лариса!

Получил оба твои письма, написанные накануне Первого мая — большое, сердечное за них спасибо.

У нас теперь кончается весна, вступаем по-настоящему в лето. Фашисты много надеялись на весну и трезвонили об этом по всему свету. Весна ничего не дала им. Ничего не даст им и лето, кроме сотен тысяч новых могил. Все туже и туже завинчивается гайка в огненном кольце, в котором очутились проклятые гитлеровцы. От смерти, от окончательного разгрома им не уйти.

Мы живем и работаем по-прежнему. Живем и твердо уверены, что скоро очутимся на родной своей белорусской земле, так много потерпевшей от этой коричневой, кровавой чумы.

У вас там, очевидно, весна тоже подходит к концу. Наверное, Николай Иванович переключился теперь на сельскохозяйственный фронт, ведь он же изучил тракторное дело, как ты писала мне.

Пиши подробно обо всем. Посылаю тебе на память довольно туманное отображение твоего бывшего чем-то вроде «крестного папаши». Как-никак я принимал довольно активное участие в твоем первом купанье на этом свете. Помню, Ядвига Александровна порядком волновалась при этой операции, я же, если память не изменяет, проводил все это дело, явно священнодействуя. И вот прошло с той поры более восемнадцати лет, и маленькая, курносая стала настоящей девушкой. Чудеса, Лариса, да и только! Что ты на это скажешь?

Передай горячий привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне. Исправился ли твой братишка Юрка?

С искренним приветом

Міхась Лынькоў.

П. П. С. 736, почт. ящ. 206, редакция газеты «За Советскую Белоруссию», мне.

26. Х. С. ШЫНКЛЕРУ

8 чэрвеня 1942, Масква

Хвядосе!

Атрымаў тваё апошняе пасланне і мне хочацца крыху пажурыць цябе за некаторыя думкі з гэтага па-

слання. Што ты, вуюнаш, засумаваў трохі? Хоць гэта і зразумела, але ўсё ж не варта аб гэтым думаць. Асабліва не варта думаць аб загінуўшых кніжках. Наўрад ці знойдзем мы іх, дружа, у нашым спаленым Мінску. Багата і ў мяне кніжак засталося там, але што ж ты паробіш, засталося сёе-тое, што даражай мільёнаў кніг. А наогул, пане-браце, сустрэнемся мы яшчэ на родным папялішчы ды вып'ем добрую чару за наш будучы Мінск. А што ён будзе не кепскім, у гэтым сумнявацца не прыходзіцца. Англічане і цяпер ужо добра адплачваюць немцам і за нашы беларускія гарады. Я думаю і ўпэўнены ў гэтым, што мы адплацім немцам таксама старыцай.

Дык вось якія справы. А мы цяпер пасунуліся на захад, бліжэй да нашай зямлі. Калі выйдзеш з курсаў, прасіся на наш фронт.

Прывітанне ад нашых хлопцаў.

Моцна цісну руку.

Твой

Міхась Лынькоў.

Адрас: П. П. С. 736, п/я 206, редакция газеты «За Советскую Белоруссию», М. Т. Лыньков.

8/VI 1942 г.

27. П. Е. ПАНЧАНКУ

19 чэрвеня 1942, Масква

Дарагі Пімен!

Атрымаў тваё пасланіе, за якое вялікае і шчырае дзякуй. Вельмі рад, што ведаеш урэшце, дзе твая маці і ўся сям'я. Шкада, што не мог ты з імі сустрэцца, калі даводзілася нам быць у Тамбове. Такая ўжо сутнасць вайны, што ўсякія выпадковасці перастаюць здзіўляць кожнага з нас.

Цяпер аб нашых справах. Мы ўжо сабраліся выехаць з горада і пагрузіліся на машыны, каб ехаць у адным з заходніх кірункаў, як раптам атрымалі распараджэнне «адставіць». Прыехаў наш мілы гаспадар і загадаў з'явіцца да яго ўсёй камунай вечарам. Там ён і заявіў нам — даволі вам брадзяжнічаць па савец-

кай зямлі, пара брацца па-сапраўднаму за справу. Адным словам, у жыцці нашага «падраздзялення» сякія-такія перамены, і мы пачынаем жыць па-новаму. Сёмага ліпеня праводзім пленум нашага саюза, на які запрашаем цябе і Петрука. Хацелі выклікаць усіх, Ілью і Айзіка, але нам сказалі, што не варта спыняць выхад газеты. Дык вось, вуюнаш, сёмага з'яўляйся на галянішчах да нас. Жывём мы з Кандраткай у старых, табе вядомых, нумарах, так што адразу знойдзеш.

Учора прыехаў у Маскву адзін з нашых старыкоў — Янка. Жыве ў гасцініцы «Масква». З гэтай прычыны мы, зразумела, узялі пэўную чару і памянулі добрым словам усіх беларусаў. Шле ён прывітанне і ўсім вам.

Зайздрошчу вашым салаўям. Я тут спрабаваў выязджаць з горада бліжэй да захаду і спыняцца на начлег па-ранейшаму, мінулагодняму звычаю. Але ж такая процьма была камароў, ды і пад нагамі было такое балота, што я не вытрымаў і аднае начы і збег назад у Маскву.

Тваё паведамленне аб Віцьбічу нас не здзівіла і не ўразіла — гэта лагічнае завяршэнне пэўнага кірунку жыцця. Чорт з ім. Вы там бліжэй да яго — зламіце яму паганы карак.

Вось і ўсё. Прывітанне ўсім хлопцам, асабліва табе і напалову Петруку, бо ён усё ж такі вялікая свінка, не напісаў ніводнага слова. Вось трапіце да нас у Маскву, намну карак. (Дарэчы, па распарадку пленума ён павінен чытаць даклад аб паэзіі — перадай яму! Няхай рыхтуецца.)

Моцна цісну лапу.

Міхась Лынькоў.

28. І. Д. ГУРСКАМУ

20 чэрвеня 1942, Масква

Даражэнькі Іллец!

Атрымаў тваё пісьмо ад 9-га гэтага месяца, першае тваё, між іншым, пісьмо. Дзякую, што напісаў. А то паслаў я раней некалькі лістоў, а ад тваёй брыгады ні-

воднага слова. Аж узлаваў я тым часам — ну, што ж, не пішуць, і ліха з імі.

Што ў нас новага? Дванаццатага сабраліся мы выязджаць на захад, пагрузіліся на машыны і тут жа нам перадалі загад нашага гаспадара: не рыпацца нікуды, коней разнуздаць. Вечарам былі мы ў яго на прыёме і ён сказаў нам: даволі вы пабрадзяжылі, хопіць пакуль што, бярыцеся за літаратуру. Адсюль пачынаецца новы перыяд нашага жыцця. Магчыма, перайдзём у распараджэнне ЦК КП(б)Б. Аднаўляем саюз, арганізуем пры саюзе невялічкае выдавецтва. Чысла сёмага-дзесятага ліпеня праводзім наш першы пленум. На пленум запрашаем ад вас Глебку і Панчанку. Мы хацелі б усіх запрасіць, але нам сказалі, што не варта прыпыняць выхад газеты. Калі б вы змаглі наладзіць выпуск газеты без вас, загадзя падрыхтаваўшы пару нумароў, то думаю, што вы б усе змаглі б наведаць пленум.

Рад, што наладжана ў вас праца газеты, і, галоўнае, гэтая праца не ідзе ўпустую, а звязана з тымі, каму яна прысвечана. Гэта надзвычай добра. Я прасіўся тут, каб далі магчымасць наведацца роднай зямлі — той жа край мая сапраўдная радзіма, я радзіўся там,— але да пленума мне гэтай магчымасці не даюць.

Што робяць нашы хлопцы? Кандрат закончыў чарговы варыянт п'есы. Пятрусь пацее над лібрэта оперы. Максім пацее над паэмай. Вася складае розныя зборнікі для Дзетгіза. Тут жа цяпер Вольскі, заканчвае п'есу. Кузьма Чорны працуе над раманам. Адным словам, «трудятся в поте лица». Васемнаццатага прыехаў Янка. <...>. Такія вось, браце, справы.

Дагаворы з Англіяй і Амерыкай, бамбардзіроўкі Кёльна і Эсена вельмі нас усцешылі. Няхай пазнаюць нямецкія сабакі, як лёгка жывецца пад бомбамі, яны прызвычаіліся толькі кідаць бомбы, але няхай вось паспрабуюць падставіць хрыбта пад іх.

Аб сям'і ведаю столькі, сколькі і ты. Цяжка аб гэтым пісаць. Мне мой брацішка лейтэнант Мікола прыслаў Першага мая здымак майго Марыка, зазняты вясной мінулага года. Зачыніў я дзверы сваёй хаты і ўвесь дзень пускаў паціху слязу, хоць у гэтым і сорамна прызнацца. Потым напіўся да страты прытомнасці, але ўсё гэта не можа загасіць смяротнай тугі.

Цяжка. Добра, што тлее на дне душы малюсенькая прасветлінка-надзея: а можа, можа... Каб жа так выйшла!

На гэтым бывай! Прывітанне ад Кандрата.

Моцна цісну лапу.

Міхась Лынькоў.

20/VI 1942 г.

29. ЯКУБУ КОЛАСУ

Паміж 19 і 28 чэрвеня 1942, Масква

Даражэнькі Канстанцін Міхайлавіч!

Сабіраўся Вам напісаць крыху раней, але мы думалі мяняць адрас і пускацца зноў у мінулагоднія вандраванні па беламу свету, таму крыху і затрымаўся з лістом, каб паведаміць у ім сталы адрас. Але ж прыехаў у Маскву наш мілы гаспадар, сабраў нас, адмяніў ад'езд і сказаў нам: даволі вам быць брадзягамі на гэтым свеце, займецеся лепш больш сталай працай. Так і засталіся мы ў Маскве і нават думаем у пачатку ліпеня праводзіць пленум нашага саюза. Можа б і Вы як пераехалі б бліжэй да нас з усёй сваёй камунай? Мы тут гаварылі з начальствам аб гэтым, але ж справа застаецца ўрэшце за Вамі, за Вашай воляй.

Што новага тут у нас? 18 чэрвеня прыехаў у Маскву Янка, гасцюе цяпер у нашай гасцініцы. <...>. Гэта ўжо добра. Пакрысе злуе на Вас. А чаго, дык гэта нам не так ужо і зразумела, ды і не варта нам умешвацца ў адносіны двух дзяржаў, гэта, так сказаць, «старинный спор славян между собою».

Горава я гэтымі днямі бачыў у Маскве, ён прыехаў з Горкага. Здаецца — па чутках,— ён не будзе больш прэзідэнтам Акадэміі, нашым акадэмічным начальнікам будзе хтось другі.

Як Вам падабаюцца нашы дагаворы з Англіяй і з Амерыкай? У нас дык аж душа радуецца, асабліва з прычыны рэальнай магчымасці ўзнікнавення другога фронту. Можа, тады хутчэй разаб'ём мы крывавую сабаку і зноў убачым сваю родную Бярозу і Свіслач і

станем на родныя папялішчы. Ах, каб гэта здарылася як мага хутчэй, бо цяжка жыць, не ведаючы, калі ж урэшце прынясём свае косці на нашу беларускую зямлю. Каб Вы ведалі толькі, колькі беларусаў сумуе па сваёй радзіме. Нават тыя, якія раней не заўважалі прыгажосці свае зямлі, цяпер сумуюць па Беларусі і гатовы жыць дзе заўгодна, хоць бы ў зямлянцы ці ў шалашы, абы толькі шалясцелі над галавой нашы беларускія бярозы. Колькі такіх людзей сустракаў я на розных франтах вайны.

Крыху аб нашых літаратурных справах. Кандрат закончыў чарнавыя накіды п'есы. Пятрусь пацее над лібрэта. Я пацею над чарговымі апавяданнямі.

Прывітанне Вам ад усіх нашых хлопцаў. Шчыра зычу Мар'і Дзмітрыеўне добрай папраўкі здароўя, а таксама здароўя Вам, Данілу і Міхаську.

Абнімаю Вас і цалую.

Міхась Лынькоў.

P. S. Мазалькоў, відаць, паслаў на Ваш адрас мастацкія матэрыялы для зборніка, які Модэль рыхтуецца выдаць у Ташкенце. Ён тут падабраў матэрыялы ўсіх хлопцаў. Дарэчы, мы наважыліся тут арганізаваць невялічкае выдавецтва для выдання кніжак на беларускай мове.

30. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

21 чэрвеня 1942, Масква

Дорогая Эди!

Получил твое послание и сборник твоих стихов на белорусском языке. Был в Москве и носил сборник к Аршаруни в Воениздат. К нашему общему и твоему огорчению, Воениздат не издает сейчас художественной литературы на белорусском языке. Да и в переводах не вышло еще ни одной книжки. Должны были появиться книжки Коласа, Бровки и еще несколько, но и они пока не вышли. Таковы издательские дела.

Что же я сделал с твоим сборником? Оставил я его пока нашему общему переводчику Мозолькову. Может быть, ему удастся организовать те или другие перево-

ды. Адрес Мозолькова: Москва, 1-й Басманный переулок, д. № 12, кв. 23, Евгений Семенович Мозольков.

В дальнейшем — возможно — наладится издание отдельных книжек при газете «Советская Белоруссия» — при ЦК КП(б)Б. Некоторых ребят из этой газеты я предупредил о твоем сборнике и его адресе.

Письмо пишу в два приема. Пока писал, положение у нас изменилось. Теперь мы опять в Москве и пробудем здесь немало. В начале июля, числа 10-го, проводим первый пленум нашего союза. Организуем на днях при своем союзе небольшое издательство, будем выпускать художественную литературу, так что и твой сборник попадет в наш план.

Горбунову говорил о твоей просьбе. Он сказал, что сделает все возможное в этом деле.

Привет всем ташкентцам. Привет от всех наших хлопцев.

Крепко жму руку.

Міхась Лынькоў.

21/VI 1942 г.

31. Л. М. ФЕДЧАНКА

24 чэрвеня 1942, Масква

Дорогая Лариса!

Получил твое письмо, в котором ты прислала записанную тобой песню, пропетую украинскими артистами. Вот об этой песне я могу тебе рассказать подробнее. Это — стихотворение поэта Евгения Долматовского, положенное на музыку. Этот молодой поэт пробыл несколько месяцев в плену у немцев, познакомился со всеми ужасами лагерей для военнопленных. Ему удалось бежать из плена. В первый день его прихода оттуда я встретился с ним на юго-западном фронте под одним из больших городов. Молодого парня трудно было узнать, до того исхудал он и оброс бородой. Теперь он опять в армии и опять пишет свои хорошие стихи. Когда встречусь с ним опять, расскажу, как плакали девушки, слушая песню про Днепр. Такова вот история песни, понравившейся тебе.

Сегодня впервые получил письмо от твоей мамы, пишу ей ответ.

Пиши. Каждое твое письмо напоминает мне о многих местах, с которыми у меня связана масса воспоминаний. Свержень и Рогачев — это почти четвертая часть моей жизни. Привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне.

С самыми лучшими тебе пожеланиями.

Міхась Лынькоў.

24/VI 1942

32. І. М. БАРАШКУ

11 ліпеня 1942, Масква

Дорогой Иларий!

Давно получил твое письмо, да не успел вовремя ответить. У нас тут случилось большое несчастье — приехал к нам на несколько дней Янка Купала, у нас же и умер. Был он у меня в комнате за три минуты до своей смерти. Было у нас много горя, много хлопот. Огрубели мы немного от этой проклятой войны, так что толком еще и не осмыслили всей глубины нашей невозвратимой потери, как-никак лишились мы старейшины нашей белорусской литературы. Уходит постепенно старая гвардия. Осенью прошлого года где-то в поезде под Уральском умер Змитрок Бядуля. Да и молодых потеряли не мало. О некоторых же нет ни слуху, ни духу. Не известно, вышел ли из фашистского пекла Мурашка, вышли ли Последович, <...>, Климкович и многие другие товарищи. Целы ли они, живы ли — не знаем. Нашлись и паскудные души: в Витебске лижет немцам ж..., очевидно, известный и тебе Витьбич. Надеемся, что партизанская пуля достойно вознаградит этого мерзавца, помогающего гитлеровским бандитам убивать наши родные семьи, наших детей.

Янку Купалу похоронили 1 июля. Числа 3-го приехала его жена Владислава Францевна. Она не успела приехать к похоронам. Пришлось много повозиться нам, утешая ее в постигшем горе.

Вот почему не успел я своевременно ответить на твое письмо.

Сейчас я со своей группой опять нахожусь в Москве. Приехали к нам погостить с Калининского фронта Глебка и Кучар. Кучар ездил в партизанский белорусский край. Был под самым Витебском, привез много интересных материалов.

Наши все хлопцы работают с полной нагрузкой, пишут новые пьесы, романы, поэмы и т. д. Думаем вернуться на родину не с пустыми руками.

Впервые, из твоего письма, узнали о твоем большом семейном горе. Что же поделаешь: будем надеяться, что, может быть, найдем мы своих родных живыми и здоровыми. Передай мой привет жене.

Приветы посылают тебе все наши ребята — Крапива, Бровка, Глебка, Кучар и Чорный.

Крепко жму твою лапу.

Міхась Лынькоў.

11/VII 1942 г.

г. Москва, ул. Воровского, 52, Союз советских писателей СССР, для М. Т. Лынькова.

33. Л. М. ФЕДЧАНКА

11 ліпеня 1942, Масква

Дорогая Лариса!

Получил твое письмо, писанное карандашом. Над одной из строчек твоего письма — где ты писала о «граче — птице весенней» — мы весело и искренне посмеялись целым нашим маленьким коллективом: я, Кондрат Крапива и поэт Максим Танк. До чего это чудесно звучит «грач — птица весенняя». Ты даже представить не можешь, как хорошо это у тебя написано. А Юрке я все же не завидую. Не знаю я его, не видел, не встречался, а известную долю порицания передай ему и от моего имени. Как-никак, алгебра — наука почтенная и заслуживающая всяческого уважения. Хотя, если признаться по совести, и я в известные годы относился к ней более чем скептически, а по сему случаю и терпел всяческие неприятности — в смысле соответствующих отметок в школьных журналах. Об этом ты, конечно, Юрке не говори.

А теперь вот я должен написать тебе о страшно грустных вещах, о которых ты, очевидно, знаешь уже из газет. 28 июня умер в Москве, в гостинице «Москва», наш народный поэт Янка Купала. Приехал он погостить к нам на несколько дней из Казани. Пробыл в Москве всего десять дней. Это большая, невозвратимая утрата не только для белорусской литературы и нашего народа, но и для литературы всего Советского Союза: Купала был величайшим поэтом нашего народа, представляющим целую эпоху в жизни народа и его культуры. До конца дней своих оставался он лучшим сыном своей Родины, страстно ненавидевшим фашистскую нечисть, полонившую нашу землю. Можешь представить мое личное горе, когда буквально за несколько минут до своей смерти он сидел у меня, в моем 1036-м номере на десятом этаже гостиницы «Москва». Сидел веселый, бодрый, жизнерадостный, мечтающий о родимых просторах Белоруссии. А когда вышел, мне минуты через три-четыре позвонили, что Янки Купалы нет больше в живых, он умер. Это было в одиннадцатом часу ночи 28 июня. 1 июля его тело мы предали кремации. Урну с его прахом увезем после войны в родной Минск, где будет сооружен памятник поэту. Таковы вот наши грустные новости.

Передай мой горячий привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне. И Юрке, конечно.

С искренним приветом

Міхась Лынькоў.

11/VII 1942

34. Я. І. САДОЎСКАМУ

23 ліпеня 1942, Масква

Дружище Садовский!

Получил твое послание. В одной своей части оно остается очень наивным. Это относительно просьбы твоей о переводе в нашу газету. Ведь она пока вообще не работает, и стоит вопрос о реорганизации всего моего «подразделения», так что мы толком еще не знаем, что же и где мы будем еще работать. Одним словом, держись пока на старой работе.

Из твоего письма я так и не узнал, известно ли тебе, что мы похоронили Янку Купалу. Как видишь, понесли очень большую и ничем невозвратимую утрату.

Спрашиваешь ты у меня о Рудько, Крысько, Аркаше и других хлопцах. Рудько в одной из газет. Мы иногда его видим. Аркаша сейчас в командировке в Москве, завтра едет назад к себе в газету. Крысько в Москве в газете «Советская Белоруссия». Бровка у меня, Глебка в газете у Гурского.

В начале августа думаем провести первый пленум нашего Белорусского союза. Вот, если хочешь, отпросись в командировку на пленум.

Новостей особых у нас нет. Все по-старому. Привет от всех хлопцев.

С товарищ[еским] приветом

Міхась Лынькоў.

23/VII 1942 г.

35. І. Д. ГУРСКАМУ

Ліпень 1942, Масква

Даражэнькі Ілья!

Атрымаў адразу два тваіх пісьмы — ад 8/V і ад 8/VII. Як бачыш, першае пісьмо ішло даволі-такі, мякка кажучы, павольнымі тэмпамі. Не ведаю, чаго яно доўга праблытала ў дарозе.

Што ў нас новага? Асаблівых навін нямашака. Відаць, як і вы там, так і мы пільна сочым за падзеямі на нашым поўдні. Думаю, што зламаюць там нарэшце сабе зубы праклятыя нямецкія сабакі. У нашым становішчы покуль што не чуваць ніякіх змен, праходзім усё стадыю рэарганізацыі, а што з яе выйдзе, толкам ні сам і ніхто не ведае. Думалі мы дзесятага праводзіць пленум, але з-за няшчасця з Янкам адклалі мы гэты пленум і думаем праводзіць яго чысла 1 або 3 жніўня. Ва ўсякім разе, камандыруй на пленум з пару хлопцаў, можа, і сам зможаш пад'ехаць, перадыхнуць на які тыдзень у Маскву.

Вельмі ўразілі мяне ўсякія чуткі пра Віцьбічаў і іншых сабак. Чытаў нават віцьбічаўскую прадукцыю. Чытаў і думаў, чаму мы ў свой час не прыдушы-

лі яго сваімі ўласнымі рукамі. Спрабавалі біць падлюгу, але ж білі мала, ліберальнічалі. Аказваецца яшчэ раз правільнай руская прыказка: як ваўка ні кармі, а ён усё ў лес глядзіць. Але ж на ваўка заўсёды знойдзецца калі не куля, дык звычайная дубіна. Шкада, што нічога не чуваць пра некаторых нашых хлопцаў, якія засталіся там.

Жывем мы па-ранейшаму, хто ў казарме, хто ў гасцініцы. Памалу працуем. Кандрат закончыў п'есу, Броўка закончыў першы акт свайго лібрэта. Цяпер у Маскве Уладзіслава Францаўна. Пакрысе лаемся з ёй.

Вось і ўсе нашы навіны. Аб сям'і, зразумела, не пішу, бо ні я, ні ты нічога новага тут пакуль што не скажам...

Прывітанне ўсім гвардзейцам.

Моцна цісну лапу.

Міхась Лынькоў.

P. S. Не забудзьце паслаць на пленум хлопцаў.

36. Л. М. ФЕДЧАНКА

Канец ліпеня або пачатак жніўня 1942, Масква

Дорогая Лариса!

Большое спасибо за письмо. Я очень рад каждому твоему милому посланию. Прочтешь его — и вспомнишь такой далекий теперь и такой все же близкий Сверженъ. Хорошее местечко — ведь ты там родилась, а мы — и папа твой и мама — были тогда значительно моложе и на жизнь смотрели несколько иными глазами, были более веселыми людьми, чем теперь. Ничего не поделаешь — годы подгоняют. Вот я тоже вспоминаю родной тебе Рогачев. В этом славном городке я прожил когда-то лет семь, от десятого до семнадцатого года моей жизни. Хороший был город, зеленый, уютный. Может быть, хороший потому, что и годы были хорошие, такие зеленые годы, как у тебя. Вот видишь, как мы — старики — любим при случае и в дешевую философию удариться.

Живу я по-старому, работаю на прежнем месте и

каждый день собираюсь со своим коллективом двинуть подальше на запад. Ведь и птицы все скоро полетят к родным местам. Мы тоже теперь уподобились птицам, перелетным пичугам. И нам еще больше, чем им, хочется поскорее быть у родимых гнезд. Беда только, что многие гнезда наши разорены проклятым врагом.

Горячий привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне. Как подвигаются вперед тракторные успехи Николая Ивановича? Сумела ли ты воздействовать на «строптивого» Юрку?

Если будешь писать тете Яне, передай ей и мой привет.

Привет полынным степям Урала и затерявшейся среди них маленькой девчурке, предпочитающей печь топить дровами, а не какими-нибудь там кизяками.

Міхась Лынькоў.

37. ЯКУБУ КОЛАСУ

2 жніўня 1942, Масква

Дорогой Константин Михайлович!

Уже неделя почти, как поехал к Вам наш Петрусь. Ничего нового, ничего особенного за это время у нас не случилось, живем по-старому. Единственное событие в моей жизни — из № 1036 «переехал» в № 1063; тут малость спокойнее от трамваев, да к тому же имеется душ, а это неплохо в летние дни.

Из Гослитиздата мне звонили вчера, что они подготовили Вам немного деньжат, что-то около четырех тысяч, которые они и собираются выслать Вам на днях. Из нашего фонда помощи писателям, организованного нами недавно, мы недели через три также вышлем Вам тысячи полторы.

Привет Вам от Ивана Онуфриевича, от Кузьмы, Кондрата и всех наших белорусов. Желаем Вам всего, чего желаем и себе: поскорее сломить шею проклятым немцам, до чего они нам надоели.

Привет Марье Дмитриевне, Данилу и Михаську.

Обнимаю и целую.

Міхась Лынькоў.

2/VIII 1942

38. І. Д. ГУРСКАМУ

17 жнiўня 1942, Масква

Дарагі Ілья!

Даўненька не атрымоўваў ад цябе пісем. Мы вось і пленум правялі. Здаецца, што і не кепска. Сабралася нас ад сілы 12 чалавек, частка хлопцаў не прыехалі — Аркаша Куляшоў, Ларчанка і др[угія]. Ларчанка, між іншым, паранены — разможжана косць галёнкі левай нагі. Ляжыць цяпер у Туле (п/я 356), сабіраецца эвакуіравацца ў глыбокі тыл.

На пленуме мы ставілі толькі творчыя пытанні — аб нашай паэзіі, прозе, драматургіі. Гвардзейцы твае — Пятро і Пімен — здаецца, не дрэнна правялі пленумскія дні. Праўда, творчым пытанням аддаваліся не так ужо задужа, але ж на дзяўчат заглядаліся даволі спрытна. Шкада, што ты не маеш часу вырвацца на які тыдзень да нас, тут трохі б аддыхаўся ад газетнай мітусні. Мы ўсе жывём па-старому, чакаем змен, перамен, рэарганізацыі і, галоўнае, ходу на захад. Ужо ўсе сучаканкі прачакалі, а родная Беларусь усё ж не дае супакою, падтачвае сэрца.

Трохі хварэў я гэты месяц, даволі цяжкавата перад пленумам, і праз гэта баяўся сарваць пленум. Дакладваў на пленуме з тэмпературай. Хвароба яшчэ не кончылася, але ідзе на паляпшэнне. Хварэў цынгой, якая дала розныя ўскладненні, дала інфекцыю ніжняй чэлюсці і пачала было ўжо распаўзацца. Ад заражэння крыві мяне выбавіў наш старэнькі прафесар Мардзон. Інакш, відаць, акачурыўся б. Цяпер акрыяў, і зноў, як кажуць, думаю пра жывое.

Пра ўсё, што засталося ў Беларусі, не кажу, каб не вярэдзіць раны ні табе, ні сабе. Будзем жыць, будзем бачыць, будзем разам несці гора, калі яно суджана нам.

Пра немцаў не кажу — абрыдлі да агіднасці, да чорт ведае чаго.

Пра другі фронт таксама нічога не кажу — сволачы.

Вось і ўсё, аб чым хацелася табе напісаць. Прывітанне тваім слаўным гвардзейцам. Нешта не досыць акуратна атрымліваю тваю газету. Перасылаю паштоўку

Алеся Кучара. Броўка цяпер у Алма-Аце, пусціў яго на месяц у водпуск. Прыслаў ён тэлеграму, што быў у Коласа.

Бывай.

Абнімаю і цалую.

Твой *Міхась*.

17/VIII 1942 г.

39. Л. М. ФЕДЧАНКА

20 жніўня 1942, Масква

Дорогая Лариса!

Получил твои письма от 21/VII и 4/VIII. Большое за них спасибо. Поздравляю тебя, хотя и поздно, с такой славной годовщиной, как девятнадцать лет со дня рождения. Ты становишься уж такой «страшной старухой», что мне просто совестно делается писать тебе на «ты», как той прежней маленькой девчушке, которую видел я в Рогачеве, потом в Минске, а раньше всего в Свержени. Ну, в Свержени ты и девчушкой не была, а просто днепровским писклявым комариком. Так-то идут годы, идут и убегают, а нам, старикам, за ними уже и не угнаться. Одной мечтой и живем — как-нибудь затащить свои кости на родимую землю...

В связи с твоей годовщиной шлю тебе сердечное пожелание: расти, цвести, радовать всех и в первую очередь своих милых стариков. Стариками их называю нарочно: пусть осерчают. Это я за то, что не удосужатся хоть бы одним посланием побаловать московского жителя.

О чем тебе еще написать? Вот был у меня вчера замечательный гость из родной Белоруссии, сам Бацька Мінай — гроза всем немецким бандитам. Долго мы с ним беседовали. Им истреблены десятки тысяч немцев <...>. Прекрасный это человек, подлинный народный герой, герой-мститель. Прочитал я ему стихотворение Аркадия Кулешова «Баллада о четырех заложниках». Это о детях Миная. Читал я, а суровый человек, спрятав лицо в платок, глухо покашливал и плакал. Я не видел еще в мире таких суровых и мужественных слез. Не буду греха таить — плакал я вместе с ним, о

загубленных его детях, о моей семье. У меня нет лишней вырезки из газеты. Вместе с письмом посылаю тебе несколько вырезок из газет с отдельными стихотворениями.

Привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

20/VIII 1942

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ ЗАЛОЖНИКАХ

От большой дороги в сторонке
Их ведут четырех из дому.
Лет четырнадцать старшей девчонке,
Третий год пареньку меньшому.
Вместе с ними в подвал холодный
Гонят тетку, сестру Миная.
А Минай — это батька их родный,
Батька родный,
Мститель народный.

Пишут немцы о нем в газетах,
О его отряде,
Бригаде,
И приказы в былых сельсоветах
Порасклеили, страха ради.

Со столбов, со стен на светлицах
Угрожают Минаю напасти:
Должен он покориться,
Явиться,
Сдаться в руки немецкой власти.
И висят те приказы всюду —
На Минаевой хате и клети:
Коль не сдастся — расстреляны будут
На рассвете заложники дети.

И в подвале дети Миная
Ожидают смертного часа.
С ними вместе — тетка родная,—
Скорбной лаской глаза лучатся.

Мальчик спрашивает у тетки,
Все он хочет узнать, проверить:
Почему на окнах решетки?
Почему часовые у двери?

Скоро ль батька придет за ними?
— Скоро,— тетка в ответ ему,— скоро...

Поведет нас полями родными,
Поведет на волю
По полю...

Что же нет его, ночь коротка,
Часовые у двери стучатся.
— Спи, усни,— утешает тетка
В ожиданьи смертного часа.

А когда задремал он, детям
Тетка правду сказала — не скрыла.
Лишь малыш не узнал, что с рассветом
Ожидает их всех могила.

— Вы смотрите, ему не скажите,—
Наставляет детей Миная...
Снится мальчику тропка в жите,
Тропка к дому,
К селу родному.

Ночь проходит,
Солнце восходит,
Жаворонки запели в поле.
Вот солдаты
Ведут куда-то,
Мальчик рад и солнцу, и воле.

У глухой стены остановка.
Взял на мушку солдат ребенка.
Выстрел.
Сникла льняная головка,
И прижалась к груди ручонка.

Вновь солдат пистолет поднимает,
На стене заложников тени.
Вот и все.

. . . .

Перед Батькой Минаем
Встаньте все отцы на колени.
Не явился,
Не покорился,
Не повел он детей из плена
На свободу.
Немцам в угоду.

Поседел,— говорят о нем люди,
Сыновья партизанского края.
Долго мстить палачам мы будем
За убитых детей Миная.

Наши танки вытиснут дату
На немецких спинах и касках,

Наши сабли допишут балладу
Про убитых детей партизанских.

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

Напечат[ано] в «Известиях» от 2/VII 42 г.

40. Я. І. САДОЎСКАМУ

3 верасня 1942, Масква

Дорогой Ефим!

Дошли до нас слухи, что ты ранен на фронте. Подробностей мы не знаем. Напиши обо всем, как и где случилось все это, в каком сейчас положении, каково твое состояние и т. д. Пленум мы провели в прошлом месяце. Прошел он неплохо, хотя людей у нас собралось немного. Тебя приглашал — ты, оказывается, ранен. Приглашал Ларченко, он тоже ранен тяжело в ногу. Таковы вот наши новости. А в остальном все идет по-старому, ребята работают, пописывают. Шлют тебе все хлопцы самые лучшие пожелания, а самое главное — хорошего здоровья и скорой поправки.

С искрен[ним] приветом

Міхась Лынькоў.

41. А. А. КУЛЯШОВУ

8 верасня 1942, Масква

Даражэнькі Аркаша!

Атрымаў тваю паштоўку. Гаварыў аб тваім лёсе і Цімохам Сазонавічам. Ён абяцаў мне ўсё зрабіць, што трэба. Буду надакучаць яму яшчэ. Пагавару і з другімі.

Перасылаю табе ліст, пасланы табе ў Ташкент. Адтуль гэты ліст пераслаў мне Якуб Колас з прывітаннем табе і з просьбай перадаць гэты ліст, што я зараз жа і раблю.

Мы жывём пакуль што па-старому, гэта значыць без усякага руху. Жывём ды й годзе. Хлопцы, як звычайна, працуюць. З нашых хлопцаў паранены Ларчанка і Садоўскі. Апошні знаходзіцца зараз у шпіталі ў

Горкім. Дзе Ларчанка — сувязь з ім крыху спынілася, відаць, з Тулы перавезлі хлопца куды-небудзь далей.

Прывітанне ад усёй нашай братвы.

Абнімаю і цалую.

Твой *Міхась Лынькоў.*

8/IX 1942 г.

42. Л. М. ФЕДЧАНКА

9 верасня 1942, Масква

Москва 9/IX 1942 г.

Дорогая Лариса!

Получил твое письмо — спасибо. Посылаю вместе с письмом парочку белорусских газет, пускай белорусы почитывают. Рад, что ты устроилась в институт. Думаю, что после войны всегда сможешь отдать должное своим инженерным киноувлечениям или склонностям. Это всегда успеется. Сейчас самое важное — учиться.

Сочувствую всем вам в связи с чкаловскими ранними заморозками. У нас в Москве стоит еще прекрасная, по-настоящему белорусская осень. Подлинное бабье лето, с ласковым солнцем, с блуждающей паутиной. На паутинку-то мы посматриваем, а пуговицы к зимним гимнастеркам пришиваем покрепче — не помешает.

Привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

43. ЯКУБУ КОЛАСУ

10 верасня 1942, Масква

Даражэнькі Канстанцін Міхайлавіч!

Учора атрымаў Ваш ліст з дадаткам Кузьме Чорнаму. Пісульку Кузьме я аддаў. У нас усё па-старому. Вялікага ліста не пішу, бо ведаю, што Вас выклікаюць

да нас для ўдзелу ў другім мітынгу і, такім чынам, мы спадзяемся ў хуткім часе з Вамі сустрэцца.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхасіку.

Моцна абнімаю Вас і цалую.

Міхась Лынькоў.

10/IX 1942

44. І. Д. ГУРСКАМУ

10 верасня 1942, Масква

10/IX 1942, Масква

Даражэнькі Ілья!

Атрымаў я тваё пасланіе ад 27/VIII і шчыра за яго дзякую. Мы тут седзімо, ды ўрэшце і надакучыла нам гэта, як ліха ведае што. Насіліся мы тут з аднымі планамі, але яны пакуль што не вышлі і мы жывем цяпер у ролі «рэзерву». Дарэчы, такі жа ўдзел пагражаў і табе і ўсёй тваёй гвардыі, але вышэйшае начальства рашыла не кансерваваць газету, якая непасрэдна звязана цяпер са сваім чытачом.

Спадзяюся, што магчыма ў бліжэйшыя дні скрануся і я з аседлага месца і куды-небудзь пасуну бліжэй да родных мясцін. Апрыкрыла ўсё, надакучыла да чорцікаў. Проста дзіву даешся, як мае лейб-уланы адвыклі ўжо ад паходнага жыцця. Што ж яны будуць рабіць, калі прыйдзецца ізноў, як у добрыя старыя часы, бадзяжыць па беламу свету ў мокрыя восеньскія дні па дарогах, падобных да касторных.

У канцы верасня павінен быць праведзены другі наш беларускі мітынг. Паслана запрашэнне Якубу Коласу, так што магчыма ў хуткім часе ўбачым яго сярод нас. Броўка яшчэ не прыехаў з Алма-Аты, відаць, знаходзіцца цяпер у дарозе, бо павінен быў выехаць адтуль 7 верасня.

Аб сямейных справах, пане браце, як і ў цябе,— нічога не чуваць. Гэтымі днямі атрымаў чарговую паштоўку з Цэнтральнага справачнага бюро з звычайным штампам «в списках эвакуированных не состоят». Як ні круці мазгамі, але відаць па ўсяму, што сапраўды «не состоят» і разам з табой баюся, што не будуць «состоять»

і ў далейшым. Што ж мы будзем рабіць з табой — не ведаю... Калі і жывы нашы сыны, дык без нас яны павырастаюць, гэта ж не жарты: хутка будзе паўтара года, як мы не бачым і нічога аб іх не чуем. Але як бы добра было, каб яны раслі ўсё ж хоць бы і без нас. Аб другім думаць не хочацца. Кажуць — час залечвае ўсе раны. Нашых ран час не загойвае і наўрад ці загоіць.

Дык вось якія, пане браце, справы. Але гэта не значыць, што я канчаткова здаўся, канчаткова павесіў нос на квінту. Такой каманды не было. Паміраць сабірайся, а жыта сей — такая прыказка нашага народа. А раз так, дык трымайся, Саўка, як кажуць у другой прыказцы. Дык будзем жа трымацца.

Прывітанне табе ад маіх лейб-уланаў. Прывітанне і добрыя таварыскія абнімкі ўсёй тваёй гвардыі.

Цалую.

Твой *Міхась.*

P. S. Пасылаю здымкі пленумскія для Піменкі і Петруся.

45. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

10 верасня 1942, Масква

Дарагая Эдзі!

Атрымаў тваё пасланіе. Аказваецца, у далёкім Ташкенце ты робіш спробы зрабіцца цыркавой актрысай па зацяжных прыжках з трамвая без парашута. Не раю паўтараць гэтыя рызыкоўныя практыкаванні, тым больш што ніякага вопыту ў цябе ў даўнейшыя мінскія часы ў гэтай галіне спорту не назіралася.

Мы тут жывём па-старэйшаму, усё «в той же позиции». Магчыма, што ў бліжэйшым часе як-небудзь скранемся з месца, бо, прызнацца, наскучыла ўжо нам быць у разрадзе аседлых плямён. Другая справа — мінулы год, калі аб'ездзілі мы паўсвета, ледзь ногі свае прыцягнуўшы да Масквы. Адным словам, можа хутка зноў пусцімся ў вандраванне ў нязведаныя далі.

Выдавецтва яшчэ да гэтага часу не арганізавана, так што нашы «многатомныя труды» покуль што ля-

жаць без руху. Саюз мы арганізавалі, нават маем штатную адзінку аргсакратара і гэтую слаўную пасаду паважна нясе наш гвардзеец Вася Барысенка. Трэба аддаць яму, аднак, справядлівасць — лянуецца ён на гэтай высокай пасадзе яшчэ больш чым па-гвардзейску.

Пленум мы правялі важнецкі. Насцягваў я з вялікімі трудамі каля дванаццаці чалавек, ну, і засядалі дні два. Актыўнасць была стопрацэнтная, выказаліся ў спрэчках усе да адзінага, так што трэба было шукаць аратараў яшчэ збоку. Адным словам, усё было ў парадку. Адно, чым розніўся наш пленум ад мінскіх, гэта хіба тое, што некаторыя дэлегаты не змаглі патрапіць на пленум па прычынах, якія ў Мінску не назіраліся. Так, Садоўскі і Ларчанка, якія былі на розных участках франтоў, заместа пленума трапілі ў госпіталі як цяжка параненыя.

Дык вось, як мы тут жывём: працуем, часам сумуем, але вешаць насы каманда ў нас не падавалася. Думаю, што і ў далейшым насы будуць на месцы, а мо падымуцца яшчэ і вышэй.

На гэтым заканчваю сваё пасланіе. Наконт беларускіх газет скажу, каб высылалі. Прывітанне Вітаўтаву, Модэлю, Кацовічу і ўсім беларускім каланістам.

Прывітанне ад нашых гвардзейцаў.

Моцна пацiскаю руку.

Міхась Лынькоў.

10/IX 1942 г.

46. Д. М. КАВАЛЁВУ

30 верасня 1942, Масква

Дарагі тав[арыш] Кавалёў!

Атрымаў я праз тав[арыша] Гільярдзі Ваша пісьмо, за якое шчыра дзякую. Я таксама рад кожнаму пісьму, як і Вы. Праўда, я атрымліваю багата пісем, але не атрымліваю тых, якіх безнадзейна чакаю з самага пачатку вайны, гэта пісем ад свае сям'і, ад жонкі, ад свайго малога сына. Сям'я мая ў фашысцкім палоне, не ведаю, ці жывы яны, ці здаровы. Тое ж самае з сям'ёй Ільі Гурскага.

З першага дня вайны я ў арміі. Быў на некалькіх франтах. У гэтым годзе разам з некаторымі нашымі хлопцамі — Крапівой, Броўкам, Стаховічам і Барысенкам — жывём часова ў Маскве ў рэзервным, так сказаць, становішчы. Чакаем ходу на захад. Я з'яўляюся рэдактарам адной франтавой газеты для беларусаў. У гэтым годзе газету мы часова не выдаем. Праўда, з маёй групы выдзелілася частка таварышаў: Гурскі, Глебка, Панчанка і Кучар. Яны працуюць на Калінінскім фронце, выдаюць газету «За свабодную Беларусь» (іх адрас: ППС 1485, рэд[акцыя] газ[еты] «За сваб[одную] Бел[арусь]»).

У Маскве жывуць яшчэ Кузьма Чорны, Максім Танк, Машара і Астрэйка. Некаторыя хлопцы нядаўна паранены на франтах — Садоўскі, Ларчанка <...>. Якуб Колас, Эдзі Агняцвет і Модэль жывуць у Ташкенце (ім можна пісаць у адрас узбекскага Саюза пісьменнікаў на гор[ад] Ташкент). У Алма-Аце жыве Маўр. А ўсе іншыя хлопцы на розных франтах. Бядуля Змітрок памёр у мінулым годзе па дарозе ў гор[ад] Уральск, дзе і пахаваны. Аб некаторых хлопцах з самага пачатку вайны нічога не чуваць і мы не ведаем, жывы яны ці загінулі ў фашысцкім палоне (Клімковіч, Мурашка, Паслядовіч <...> Пестрак і другія).

Знайшоўся ў нас і адзін здраднік-іуда. Гэта паганы шчанюк Віцьбіч, які вылізвае зады немцам і піша на нас усякую пахабную непатрэбшчыну. Думаю, што доўга пісаць яму не прыйдзецца, нашы слаўныя партызаны супакояць гэтую сволач.

Такія вось нашы справы. Як бачыце, беларуская літаратура панесла цяжкія страты. Няма Янкі Купалы, няма Бядулі, няма багата каго з маладых.

Думаем і спадзяемся мы, што прыйдзе грозны час бязлітаснай і канчатковай расправы з праклятай фашысцкай сволаччу. Поўнай мерай варожай крыві расплацімся мы з фашыстамі за ўсё гора, за ўсе няшчасці, за ўсе слёзы і кроў, пралітыя нашым народам у фашысцкай няволі. Вораг не ўбяжыць ад расплаты.

З гарачым прывітаннем

Міхась Лынькоў.

30/IX 1942 г.

47. ЯКУБУ КОЛАСУ

9 кастрычніка 1942, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымаў аж тры Вашы лісты: два па пошце і адзін праз Уралаву. За ўсе гэтыя пасланія шчыра дзякую. А я крыху ўжо завінаваціўся перад Вамі: пасля паштоўкі не пісаў лістоў, усё спадзяваўся сустрэць у маім 1063-м нумары самаго старэйшыну сінедрыёна нашага паважанага і любага бацьку Якуба. Выязджаў я тут колькі разоў на захад, а калі прыехаў да мітынгу, дык аказалася, што мае чаканкі на Вас дарэмныя, і мы крыху, а мо і больш, чым крыху, расчараваліся з гэтае прычыны. А пасля мітынгу дзён з дзесяць зусім не мог пісаць аніякіх лістоў і вось з якой прычыны. Прыляцелі да нас на мітынг нашы слаўныя лясныя сокалы і адзін з іх — Герой Савецкага Саюза тав[арыш] Казлоў Васіль Іванавіч — перадаў мне такую вестку: «Жыва твая сям'я, не сумуй, мы пастараемся як-небудзь даставіць яе табе». Можаце сабе ўявіць, чым я цяпер жыву і чым дыхаю. Хаджу літаральна як вар'ят, страціўшы ўсякі розум ад радасці. І разам з тым апанаваў мяне страшэнны непакой: сям'я жыве ў акружэнні ворагаў, у пастаяннай небяспецы за жыццё, бо, як сказалі мне, яна хаваецца, відаць, пад чужымі прозвішчамі. У вёсцы, у якой яна жыве, стаіць фашысцкі гарнізон. Частыя вобыскі, арышты, рэпрэсіі і г. д. і да т. п. Гэта раз. Па-другое, калі я падумаю, чым жа яны жывуць там і як жывуць, дык мае сівыя валасы гатовы пазелянець ад тугі і адчаю. Па-трэцяе, каб выбавіць іх адтуль, з таго пекла, патрэбна даволі складаная аперацыя. Па-чацвёртае, яны ж, відаць, там голыя і босыя, а ўжо восень позняя. Вось як набярэцца гэтых «папершае» ды «па-шостае», дык проста месца сабе не знаходзіш, нягледзячы на ўсю маю спакойнасць і ўраўнаважанасць... А ўсё ж самае галоўнае — яны жывыя. І калі мне ўдасца ў бліжэйшыя часы на свае ўласныя вочы ўбачыць сваю сям'ю, дык я не ведаю, ці знойдзецца тады чалавек, шчаслівейшы ад мяне на свеце. Вось і хаджу ў нейкім тумане, ніяк не дабяру да парадку думкі. Часам закрадзецца чорнае сумненне, а што, калі гэта ўсё няпраўда? Мяне ж ужо два разы дзіка падводзілі. Але ж тут маю справу з надзейнымі людзь-

мі, з мужнымі людзьмі, з людзьмі, якія не ведаюць слова «цяжкасці», не прызнаюць ніякіх перашкод і не ў іх звычаях займацца хлуснёй. Асаблівых падрабязнасцей яны мне не перадавалі. Сказалі толькі, што сям'я жыва і што партызаны заўсёды акажуць патрэбную дапамогу, калі будзе якая небяспека. Назвалі і вёску, дзе знаходзіцца сям'я. Тую вёску я ведаю — гэта кіламетраў з сотню ад нашага Мінска.

Такія вось справы, Канстанцін Міхайлавіч. Жыву, спадзяюся на сваю долю, а можа не падвядзе.

Асабістымі справамі так і заняў вось цэлага ліста. Хлопцы нашы жывуць па-старому, працуюць, пацеюць. Калектыў наш яшчэ паменшыўся: Барысенку адазвалі ад нас разам з Латышавым і яшчэ адным хлопцам у палітупраўленне фронту. Мы ўсё чакаем змен, рэарганізацый.

Іван Напрэевіч цяпер не ў Маскве, ён падаўся бліжэй да Беларусі. Ул[адзіслава] Фр[анцаўна] прыязджала гэтымі днямі ў Маскву, цяпер паехала за рэчамі ў Казань, думае адтуль перабрацца сюды.

Вашу тэлеграму аб дапамозе Модэлю не змаглі яшчэ выпаўніць, бо пакуль што не маем грошай. Як толькі будуць, зараз жа падашлём сякую-такую толіку.

Абодва Вашы вершы пусціў у ход у тры інстанцыі: «Разд[авім] фаш[ысцкую] гадзіну», радыё і «Сав[ецкую] Беларусь». Вось і ўсе нашы навіны. Толькі што прыехаў дзён на дзесяць Іван Напрэіч, шле Вам прывітанне. Вітаюць Вас Сазоныч і ўсе нашы хлопцы.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхаську.

Абнімаю Вас і цалую.

Міхась Лынькоў.

9/X 1942 г.

48. Я. І. САДОЎСКАМУ

10 кастрычніка 1942, Масква

Дорогой Ефим!

Получил твое второе письмо с заметкой «Дед отомстил». Эту вещь и «В плену у смерти» передал сегодня «Савецкай Беларусі». У нас особых новостей нет. Борисенко, Латышева и Фейгинзона, как находившихся вне

штата редакции, на днях откомандировали от меня в распоряжение политуправления. Осталось в моем коллективе всего пять человек вместе со мной. В общем, помаленьку сокращаемся.

Не знаю, где теперь Ларченко. Как получил от него открытку из Тулы, так с тех пор ничего о нем и не слышу. <...>

27-го у нас был второй белорусский антифашистский митинг. Были на нем и представители наших белорусских славных партизан и партизанок. Боевые ребята! Не дают они немцам покоя ни днем, ни ночью, дают ему и в хвост и в гриву.

Ну, что же тебе пожелать? Поскорее выздороветь основательно и снова браться за работу. <...>

Привет от всех ребят.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

10/X 1942 г.

49. ЯКУБУ КОЛАСУ

21 кастрычніка 1942, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Перш за ўсё вітаю Вас з слаўнай гадавінай і жадаю багата, багата: жыцця, здароўя, нянавісці і любві. А яшчэ жадаю: каб у будучым годзе сустрэцца нам на нашай роднай зямлі, на родных папялішчах, каб зноў заснаваць нашы красёнцы, каб зноў жыць разам з нашым любым народам.

Як хацелася мне быць з Вамі разам у гэтыя дні. І вось не змог. Як бацька, Вы зразумееце мяне: з часу на час усё чакаю прылёту сваёй сям'і і ўсё не магу прычакацца. Я пісаў Вам аб маіх сямейных справах у маім апошнім пісьме. І вось усё чакаю і чакаю маіх палоннікаў. Ці прычакаю толькі... Заўчора мы дачуліся аб лёсе некаторых другіх нашых сямей. Ёсць чуткі аб сям'і Ільі Гурскага, аб сям'і Любана. Жонка Клімковіча спадзяецца, што Клімковіч тут, у нас. А яго ж нямашака... Крывавы лёс спасцігнуў сям'ю Гурскага з акадэміі. Аб усім Вам падрабязна раскажа Кандрат.

Яшчэ раз жадаю Вам у шчасці і ў радасці сустрэць

свае новыя леты на радасць нам, на славу нашай Радзімы, на славу нашага народа.

Перадайце гарачае прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхаську.

Моцна абнімаю Вас і цалую.

Міхась Лынькоў.

21/X 1942 г.

50. І. Д. ГУРСКАМУ

24 кастрычніка 1942, Масква

24/X 1942

Даражэнькі Ілья!

У маіх руках апынулася сёння пісьмо, адрасаванае не мне. Пісьмо з радзімы. У гэтым пісьме ёсць такі, літаральна, радок: «Семья Гурского (драматурга) в деревне, ее видели в Минске».

Вось аб гэтым радку і спяшаюся паведаміць цябе. Дай божа, каб хаця гэты радок — гэтая першая вестка аб сям'і — давёў бы цябе да любай сям'і, да жонкі, да сына. Гэта першая вестка. Спадзяюся, што можа ўдасца атрымаць больш дакладныя і больш падрабязныя весткі. У пісьме напішу больш падрабязна. Выпраўляем сёння Кандрата ў Ташкент на юбілей Коласа (3/XI 42). Па ўсяму відаць, што хутка нашы рэдакцыйныя калектывы ізноў сальюцца ў адно. Пакуль бывай.

Абнімаю і цалую — *Міхась.*

P. S. Прывітанне ўсім гвардзейцам.

51. І. Д. ГУРСКАМУ

27 кастрычніка 1942, Масква

27/X 1942 г.

Даражэнькі Ілья!

На днях я паслаў табе паштоўку, дзе пісаў аб некаторых важных для цябе навінах. Справа ідзе пра пісьмо з нашага краю, прысланае Асяй Пруслінай — Глеб-

ка яе ведае, бо яна называе яго сваім вучнем. Дык вось гэта пісьмо і адрасавана на імя Любана і Глебкі. Асноўная просьба — каб пісалі партызанскія песні. У гэтым лісце і паведамляецца, што сям'я Любана жыве ў самым горадзе. Аб Петруковай сям'і сказана так: «Пятро! Бачыла тваю жонку (таксама, калі памятаеш, мая вучаніца), здарова і сумуе па табе». Аб тваёй сям'і: «Сям'я Гурскага (драматурга) ў вёсцы, яе бачылі ў Мінску». Ёсць пару слоў аб Клімковічысе: «Абодва перадайце Клімковічу, што яго жонку я сустрэла на вуліцы». Значыцца, Клімковіча няма і там... У пісьме ёсць яшчэ некалькі слоў аб сям'і Гурскага-мовазнаўцы з акадэміі — яго жонка загінула. Ёсць яшчэ весткі ў пісьме аб гібелі Сітормана, Дворжаца, Чарняка, Іргера, Пескіна, нашай мілай любіміцы старухі Гурэвіч і інш. Такія вось, пане-браце, справы. Кузьма Чорны казаў мне, што ён таксама пісаў табе аб гэтым пісьме. Як бы там ні было, але ж першую вестку аб сям'і ты маеш. Дай божа, каб мы зноў убачылі свае сем'і ды разам бы адсвяткавалі і нашу перамогу і нашу сустрэчу з роднымі. Бывай.

Абнімаю і цалую. Твой *Міхась.*

P. S. Прывітанне ўсім гвардзейцам.

52. А. А. КУЛЯШОВУ

3 лістапада 1942, Масква

3/XI 1942 г.

Даражэнькі Аркадзь ці «непакойны вуюнаш», як ты кажаш!

Выбач, што да гэтага часу не адгукаўся на твае пасланія. Рабіў гэта знарок, бо ўсё чакаў вынікаў твае справы. Цяпер гэтая справа ўрэшце вырашана, і ты хутка будзеш у Маскве. У Маскве будзе і калектыў Гурскага, так што наша пісьменніцкая «падраздзяленія» адразу падвоіцца. Такія вось, пане-браце, справы. Числа 20-га была ў нас нарада ў тав[арыша] Панамарэнкі, і тады ж гаспадар рашуча загадаў выцарапаць цябе адтуль пабліжэй да свайго крыла. А цяпер, наколькі мне вядома, ёсць на гэта і адпаведны загад. Та-

му вось і пішу табе зараз. Наконт паэмы не турбуйся: абы вышла б яна ў цябе добрай, то месца ёй заўсёды знойдзецца.

Аб чым табе яшчэ напісаць? Ёсць некаторыя цьмяныя чуткі аб маёй сям'і і сям'і Ільі Гурскага. Чуткі такога зместу, што яны быццам бы — нашы сем'і — яшчэ існуюць на гэтым свеце. Адным словам, я знаходжуся цяпер нібы на сёмым небе. Але ж страшэнна баюся ўпасці з гэтага неба...

Прывітанне ад усіх хлопцаў.

Твой *Міхась Лынькоў*.

P. S. Кандрат паехаў у Ташкент вітаць Якуба з шасцідзесяцігоддзем.

53. Я. І. САДОЎСКАМУ

4 лістапада 1942, Масква

Дорогой Ефим!

Письмо твое получил, вот только малость запоздал с ответом на него. Следы моей семьи действительно нашлись, но пока только следы. Конечно, надеюсь какнибудь добиться чего-нибудь более существенного, чтобы по следам найти и самую семью.

Пишешь ты мне о Горьком и Белоруссии. Статью Адама Богдановича о Горьком я читал еще до войны. Была издана о Горьком книга с воспоминаниями об Алексее Максимовиче Горьком. Эта книга имелась в моей минской библиотеке, так что факты, о которых ты сообщаешь, уже были известны нашей белорусской общественности.

Группа Гурского вскоре приезжает к нам, опять сливаемся в один коллектив. <...>. Привет от всей нашей братии. Поздравляю с наступающей годовщиной Октября и желаю скорого выздоровления.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

4/XI 1942

54. ЯКУБУ КОЛАСУ

17 лістапада 1942, Масква

Даражэнькі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымаў Вашу паштоўку, пісаную яшчэ 27/X 42, гэта значыць, яшчэ да Вашага юбілею. А хацелася б ужо ад Вас саміх даведацца, як прайшоў юбілей, ці здаволены Вы ім і г. д. і г. д. Заўчора я бачыў Наталевіча, ён мне трохі расказваў, як правёў у Вас час, як прайшло святкаванне, расказаў аб некаторых арганізацыйных няўвязках падрыхтоўчага часу і ўсё такое іншае. Мы, грэшным чынам, тут таксама не зявалі і ў дзень Вашае гадавіны саматугам узялі ў губу сяго-таго за Ваша здароўе. Я ўжо шкадую цяпер і каюся, што не паспеў да Вас на юбілей. Сям'і я так і не дачакаўся і да гэтага часу, а што тычыцца службовых спраў, дык яны плылі б добрым ладам і без мяне. Аб сям'і чуткі нешта заглохлі. То не лётнае надвор'е, то «відаць, не звязаліся», то «магчыма, яна перабралася на другое месца». Адным словам, сяджу пакуль што і гадаю. Добра было б, каб выгадалася што людскае.

Чакаем цяпер прыезду нашай калінінскай групы. Ізноў злучаем свае баявыя калектывы да купы. Пры гэтым частка хлопцаў, у тым ліку я, Кандрат, Пятрусь і Пятро, і Ілья, на некаторы час трапляем у лік цывільных асоб, гэта значыцца, у запас. Будзем працаваць у новай, ці правільней — пашыранай некалькі газеце «Савецкая Беларусь». Арганізуецца таксама — цяпер ужо напэўна — наша Дзяржаўнае беларускае выдавецтва. Гэта будзе някепска. Цімох Сазонавіч паказваў мне Вашу паэму, абяцаў даць пазнаёміцца.

Вот і ўсе, прыблізна, нашы навіны. Думаем убачыць Вас тут, у нас, чысла дваццатага снежня — мяркуецца мітынг беларускай інтэлігенцыі.

Гарачае Вам прывітанне ад усёй нашай капэлі. Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхаську.

Абнімаю і цалую.

Міхась Лынькоў.

17/XI 1942

55. КАНДРАТУ КРАПІВЕ

22 лістапада 1942, Масква

Даражэнькі Кандрат!

Як ты там адпачываеш сярод сваіх чадаў і дамачадцаў? З газет ведаў, што ты рабіў даклад аб Коласе. Уяўляю, колькі перуноў і маланак сыпалася ад цябе па адрасу маёй грэшнай персоны. Ну, але гэта справа ўжо мінулая.

Што новага ў нас? На сённяшні дзень мы з табой зусім цывільныя людзі, ты не маёр, я не старбат. Мы цяпер дэмабілізаваны, перададзены ў запас. У такім жа стане Пятрусь, Пятро і Ілья. Астатнія хлопцы — Стаховіч, Панчанка, Кучар, Пінхасік і Рабіновіч — павінны гэтымі днямі атрымоўваць новыя назначэнні на газетныя пасады ў арміі. Учора прыязджалі нашы калінінцы. Вынікамі ліквідацыі нашых газет, зразумела, не задаволены. З гэтае прычыны ўзялі па добраму каліву ў губу. Пятрусь — па стараму «добраму» звычаю — учыніў рашучы дэмарш супраць грэшнага старшыні, якога ўсё яшчэ не скідаюць, і г. д. і да г. п. Адным словам, настрой — пасмурны. А тут яшчэ сягоння гасцініца прад'явіла зусім ужо нечаканы ультыматум — ачысціць заўтра «памяшканію». Сядзяць мальцы «яко на рэках вавілонскіх» і патрохі клянуць бога, стварыўшага на свет божы такія храміны, як гасцініцы.

Пятрусь атрымаў прызначэнне на пасаду загадчыка літаратурным аддзелам Тэатра оперы і балета. Думае перабірацца туды і перацягваць туды і сям'ю. Ілья і Пятро будуць працаваць, відаць, у «Савецкай Беларусі». Справа аб тваёй працы яшчэ не вырашана. Гарбуноў гаварыў аб выдавецкай працы (скажам, галоўным рэдактарам), але канчаткова справа вырашыцца пасля твайго прыезду.

У сямейных маіх справах покуль што ніякіх змен — ніякіх новых чутак аб сям'і нямашака.

У мінулы выхадны дзень (15/XI) заходзіў да мяне Барыс. Казаў, што яго часць нібы сабіраецца адпраўляцца на Ленінградскі фронт. Сім-тым пачаставаў я яго, даў у губу, на дарогу даў хлеба, масла, селядцоў, трошкі папярос, цукру (курава мы не паспелі атрымаць за другую дзесяцідзёнку, бо там, дзе атрымоў-

валі, праявілі даволі паспешную асвядомленасць аб нашай ліквідацыі).

Прыехаў у камандзіроўку Аркаша Куляшоў. Прывёз добрую паэму, «Известия» мяркуюць надрукаваць яе. Заўтра Аркаша ідзе да Баёва. Магчыма, што хлопца пакінуць на працу ў Маскве.

Вася Барысенка сядзіць таксама ў Маскве, у рэзерве. Ёсць такія-сякія перспектывы вызваліць і яго. ЦК думае паслаць яго ў Ташкент на працу ў Акадэмію навук на яго былую пасаду.

Ну вось, прыблізна і ўсе нашы навіны. Прывітанне ад усіх нашых хлопцаў — армейцаў і неармейцаў.

Прывітанне Алене Канстанцінаўне і чадам.

Жадаю ўсяго найлепшага.

Моцна цісну лапу.

Твой *Міхась Лынькоў.*

22/XI 1942 г.
Масква

P. S. Зарплаты па рэдакцыі мы ўжо не атрымліваем, бо ліквідаваны з 28/X 42 г. Нашу зарплату па акадэміі адміністрацыя ўмудрылася паслаць у Ташкент. Адным словам, зарплаты не высылаю. З Наркамфіна пасылаем тваёй сям'і тысячу рубл[ёў] як адзінаразовую дапамогу.

Міхась Лынькоў.

56. ЯКУБУ КОЛАСУ

28 лістапада 1942, Масква

Даражэнькі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымаў Ваш ліст ад 10/XI і кніжкі «Избранные стихотворения» і «Голос земли». Кніжкі раздам. Івану Напрэічу ўжо аддаў. Бедавалі мы з ім, што Вы не паведамілі нам нумар акуляраў, мы ж бы тут дасталі гэтую прыладу і пераслалі б Вам папутным чалавекам.

Што новага ў нас? З'ехаліся нашы хлопцы з усіх канцоў. Прыехала калінінская група: Ілья, Пятро, ён жа Нонік, Пімен і Кучар. Прыехаў Аркаша з свайго паўночна-заходняга. Адным словам, гасцініца аж дрыжыць, як толькі не перакуляць яе дагары нагамі нашы

браты беларусы. Аркаша напісаў вельмі трапную паэму. Вашу паэму я чытаў толькі ў урыўках у кніжцы, бо Гарбуноў аддаў арыгінал Дабрыніну (той працуе ў «Известиях»). Пятрусь Броўка (а таксама я, Кандрат, Нонік і Ілья) дэмабілізаваны і хутка паедзе ў Горкі на працу ў тэатр. Думае перавезці туды і сям'ю.

Што яшчэ новага ў нас? Ёсць і вельмі кепскія навіны. Выбыў покуль што са строю наш слаўны Кузьмец. Ляжыць ужо колькі дзён (пашлі пятыя суткі) у вельмі цяжкім і небяспечным стане. Нечакана здарылася ў яго кровазліянне мозгу і левабаковы паралюш. Пакутуем тут разам з ім, шукаючы дактароў, прафесароў, наладжваючы кансіліумы. Намагаемся перавезці ў Крамлёўскую бальніцу. Як бачыце, вязе беларусам як тапельцам. Ходзім усе ў вельмі сумным настроі, хаця варта было б падняць насы вышэй угару, бо прыйшла ж такі часіна, калі лупяць нашы праклятых гітлераўцаў, даюць ім дыхту патрохі і нашы гора-саюзнікі.

Вы, відаць, правялі там ужо сесію, напакутваліся з ёй. Трэба было і мне хоць на гэты раз даведацца Ташкента, але ж сноўдаюся як Марка па пекле. Усё чакаю сваіх сямейных навін, але ніякіх змен тут не наступае. Ізноў жыву цьмянымі надзеямі на нейкую ілюзорную ўдачу.

Вось і ўсе нашы — добрыя і кепскія — навіны. Шлю Вам самае шчырае прывітанне ад усёй нашай гвардыі і ад Івана Напрэіча, а таксама і найлепшыя пажаданні — адчуваць сябе як добраму дубу ў нашым беларускім лесе.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхасіку.

Абнімаю і цалую Вас.

Міхась Лынькоў.

28/XI 1942
Масква

57. М. І. ФЕДЧАНКУ

5 снежня 1942, Масква

Дорогой Николай Иванович!

Получил Ваше письмо от 11 ноября этого года. Спешу ответить на все интересующие Вас вопросы. Гово-

рил я с Ураловой в отношении Ваших писем. Она обещала все проверить. Что касается учета, то на учете, конечно, Вы состоите. Что касается комиссии по оказанию материальной помощи, то такой при Наркомпросе не существует. Практикуется это в следующем порядке: напишите заявление в Наркомпрос, а последний будет ходатайствовать перед Совнаркомом об оказании соответствующей помощи. Так советует сделать тов[арищ] Уралова.

Очень рад узнать, что Ядвига Александровна собирается вступить в партию. Для каждого из нас это вполне логический вывод из всего пройденного и пережитого. Если у нее будут затруднения с рекомендациями, она всегда может рассчитывать на мою рекомендацию. Мне только необходимо будет знать некоторые детали — какую фамилию сейчас носит Ядвига Александровна и пару-другую фактических данных за последние годы работы.

Привет Ларисе, получил и ее последнее письмо. Большой привет Ядвиге Александровне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

5/XII 1942
Москва

58. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

20 снежня 1942, Масква

Даражэнькая Эдзі!

Вітаю цябе з Новым, сорак трэцім годам. Праўда, пісьмо гэта пішу за які дзесятак дзён да яго наступлення, але пакуль яно будзе вандраваць да Ташкента, то і Новы год тут як тут. Ну, што ж табе пажадаць у Новым годзе? Адзінае, што жадаю я ўсім сваім дружбакам і знаёмым, гэта хуткае перамогі над немцам. Бо перамога — гэта і радасць, і шчасце, і ўсё, да чаго мы прывыклі на сваёй радзімай зямлі. А немцаў жа мы тым часам лупім і здаецца, што і не дрэнна. Вось гэтага і жадаю табе ў Новым годзе — перамогі.

Што ж новага ў нас? Як, відаць, вядома табе, Кузь-

ма Чорны вельмі хворы, ляжыць цяпер у бальніцы. У яго было кровазліянне ў мозг і паралюш. Цяпер крыху палепшаў, ужо варушыць пальцамі на руцэ і назе, спрабуе сядзець на ложку. Думаем, што як-небудзь хлопец ачуняе, стане на ногі, хоць на гэта і патрэбны будзе вялікі час. Іначай жа і быць не можа, не вельмі багатыя мы цяпер на пісьменнікаў. Адных страцілі, другія ў палоне, а ёсць некаторыя і такія, на якіх спадзявацца ўжо не прыходзіцца як на нашых людзей.

Якія навіны ў нас? Выдавецтва такі арганізуецца не на жарты, нават планы складае, штатам абзаводзіцца і ўсякімі іншымі такімі штуковінамі. Спадзяемся, што ў Новым годзе пачнем выпускаць і кніжкі, выпусцім і тваю кніжку. Такія вось справы. Аб сям'і маёй ізноў нічога не чуваць. Усё чакаю і чакаю якіх-небудзь новых вестак. А іх і нямашака.

Хлопцы нашы ўсе працуюць, аж пот з іх цурчыць. Куляшоў напісаў вельмі ўдалую паэму «Сцяг брыгады». Проста выдатны твор, які робіць гонар і ўсесаюзнай паэзіі. Прывітанне ад усіх нашых хлопцаў.

З найлепшымі пажаданнямі

Міхась Лынькоў.

20/XII 1942 г.

59. К. Ц. КІРЭЕНКУ

25 снежня 1942, Масква

Дарагі тав[арыш] Кірэенка!

Атрымаў абодва пісьмы — з вершамі і характарыстыкай. Да канца года, альбо ў пачатку яго разгледзім на праўленні Вашу заяву аб прыёме ў саюз. Выклікаць тэлеграмай няма патрэбы, бо, здаецца мне, тэлеграмы на паштовыя станцыі не прымаюць. Вам варта будзе прыехаць у Маскву чысла 7 студзеня. 8 студзеня будзе сход белар[ускай] інтэлігенцыі, 9 літаратурны вечар, 10 белар[ускі] канцэрт. Вось на гэтыя дні варта і прыехаць. На выдаткі па паездцы мы таксама адпусцім сякую-такую капейчыну. У нас навін асаблівых нямашака. Газеты ліквідаваны, частка таварышаў раз'ехалася па другіх газетах — карпусных і армейскіх. Част-

ка таварышаў — 5 чалавек — часова дэмабілізаваны і працуюць у Маскве. Такія вось нашы справы.

Прывітанне Лешчынеру.

З тавар[ыскім] прывітаннем

Міхась Лынькоў.

25/XII 1942

1943

60. ЯКУБУ КОЛАСУ

16 студзеня 1943, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Трохі запазніўся я з адказам на апошні ліст, бо чакаў Вашага прыезду ў Маскву на сход беларускай інтэлігенцыі. Але Вы і не прыехалі, а мы крыху пасумавалі з гэтай прычыны, а пасумаваўшы — узялі з гэтай прычыны па невялікаму каліву ў губу (далася ж «гэтая прычына» — аж два разы напісаў яе).

Сход інтэлігенцыі прайшоў, на маю думку, крыху вяла. Перад сходам — напярэдадні — правялі мы літаратурны вечар. Сказаць, каб дужа кінуўся народ на наш вечар, было б маной. Але, як кажуць, з большага — правялі. У пацверджанне гэтага факта дасылаю Вам і запрашальны білет. Дні два шоў канцэрт беларускага мастацтва. Не зусім ён нам падабаўся. Але мы, грэшным дзелам, і народ жа такі, якому мала што падабаецца.

Больш за ўсё падабаюцца нам нашы франтавыя падзеі. Калі яны будуць разгортвацца такімі тэмпамі і надалей, то мы, чаго добрага, і да нашай роднай Беларусі бліжэй станем. Дай то божа!

Аб сям'і маёй пакуль што ніякіх новых чутак не маю. Узрадаваўся раз, як ашалелы, ну і хопіць...

Цяпер падрабязна інфармую Вас аб усім. Кузьма пакрысе ачуньвае, нават спрабуе рабіць пагулянкі — крокі па чатыры — па сваім уласным нумары. Дні праз два выпісваецца з бальніцы Уладыслава Францаўна — хварэла на крупознае запаленне лёгкіх. Гасцявалі ў нас колькі дзён супружніцы Куляшова і Кучара. Ста-

ховіч, Кучар і Панчанка прызначаны ў армейскія газеты. Мы яшчэ тупаем штацкімі (ужо больш месяца), але гэта крыху апрыкрыла. Кандрат, Нонік і Гурскі штодня тупаюць у наша новастворанае выдавецтва і па меры сіл там мёрзнуць. Я ўзначальваю саюз і штомесячна прызначаю новых сакратароў (імі пабылі ўжо Барысенка, Пятрусь, Кучар, цяпер гэтую пасаду займае Вольскі). Аднаўляем — у зародышы — беларускі літфонд. Як бачыце, справа аж кіпіць: праўда, за дымам дык і агню не відаць. Праездам у Горкі затрымаўся ў Маскве Пятрусь з усёй фаміліяй, жыве ў «Эўропе». Паступова авалодваюць ім думкі змяніць маршрут і атайбавацца ў Маскве. Магчыма, што і застанецца.

Цяпер інфармую аб усіх Вашых справах і пытаннях. «Голас зямлі» яшчэ не выйшаў. Не выйшаў у ГИХЛе і наш зборнік «Беларуская літаратура». Зборнік Янкі Купалы набіраецца. «Суд у лесе» ў белар[ускім] выдавецтве набіраецца. Згодна Вашага пісьма, перадаў я «Суд у лесе» Чагіну і Дабрыніну (пераклады Гарадзецкага). Нонік піша анатацыю і разам з ёй перадамо «Суд у лесе» ў камітэт. Згодна просьбы ў апошнім Вашым пісьме, вазьму адзін рускі экземпляр «Суда» і перадрукуем яго для адсылкі ў той жа камітэт.

Вельмі рады мы Вашым намерам перабрацца бліжэй да нас вясной і ад усёй душы іх вітаем.

Што яшчэ новага ў нас: дайшлі гэтымі днямі чуткі, што ў канцы кастрычніка загінуў на фронце пад Сталінградам Хвядос Шынклер. Вязе нам, як тапельцам — дзе коратка, там і рвецца.

Вось, коратка, дакладная інфармацыя аб усім нашым жыцці, аб усіх нашых падзеях.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Даніку і Міхаську.

Абнімаю Вас і цалую.

Міхась Лынькоў.

16/І 1943 г.

P. S. Аб грошах у «Л[итерату]ре и иск[усст]ве», «Выдавецтве» і «Славянах» патэлефоню ў рэдакцыі.

Прывітанне ад усёй нашай брацii.

М. Л.

61. Е. К. АТРАХОВІЧ

16 студзеня 1943, Масква

Уважаемая Елена Константиновна!

Получил Ваше письмо от 24/XII, за которое сердечное спасибо. Пишу эту открытку, а Кондрат в это время спит. В прошлую ночь он умаялся, запаковывая посылку Вам. Вчера он отправил ее с женами Кучера и Кулешова. Новостей у нас особых нет. Опять у нас утрата: на фронте убит Шинклер Хведос. Мы с Кондратом ходим пока штатскими людьми, хоть это нам и непривычно. Живем мы с ним теперь в одном номере, как жили и в начале прошлого года.

О семье своей никаких новых вестей не имею.

Привет Игорю и Людочке.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

16/I 1943 г.

62. Л. М. ФЕДЧАНКА

16 студзеня 1943, Масква

Дорогая Лариса!

Большое спасибо за твою новогоднюю поздравительную телеграмму и письмо от 4/I. И письмо и телеграмму получил вчера.

Новостей у меня особых нет. Постепенно делаюсь москвичом-охотнорядцем (ведь наша гостиница «Москва» находится на улице, сохранившей старое название «Охотный ряд»). Живу по-прежнему на десятом этаже. Правда, это не самый высший этаж, надо мной еще пять этажей. Как видишь, занимаю довольно-таки высокое положение. Но несмотря на все это, хотелось бы побродить вблизи наших невысоких белорусских хаток и подышать нашим белорусским воздухом. Но все это впереди, а с каждым днем Белоруссия делается более близкой нам — в буквальном и в переносном смысле. Думаю, что за эту зиму проклятые фрицы изрядно вымотают свои силы и не раз еще будут смазывать свои пятки. Новый год провел в смешанной — белорусско-

литовской компании: были наши и литовские писатели — Петрас Цвирка, Антанас Венцлова, Корсакас и другие. Общими усилиями погрустили о Литве и Белоруссии, общими усилиями осушили скромные чаши и довольно дружно ликвидировали новогоднюю трапезу.

Вот так живем и понемногу «дерзаем». О семье моей пока ничего не слышно. Все же не оставляю надежд на лучшее.

Привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

16/I 1943 г.

63. ЯКУБУ КОЛАСУ

24 студзеня 1943, Масква

Дорогой Константин Михайлович!

Информирую Вас о наших последних новостях. Гурский и Глебко награждены орденами «Красной Звезды». Панченко и Кучар — медалями «За боевые заслуги». Это за фронтовую работу. Можете поздравить наших хлопцев. Гурский и Глебка теперь в Москве, они демобилизованы. Панченко и Кучар на фронте. Бровка сидит еще с семьей в Москве, гадает: ехать или не ехать в Горький. Кузьма постепенно выздоравливает, может уже делать маленькие прогулки у кровати. Владислава Францевна с месяц лежала в больнице, болела крупозным воспалением легких. Теперь она выздоровела, живет в нашей гостинице.

Вот все наши новости.

А главные новости — на фронте. Вот там идут дела! Дай боже так и дальше.

Привет Марье Дмитриевне, Данилу и Михаську.

Крепко обнимаю и целую.

Міхась Лынькоў.

24/I 1943 г.

64. Л. А. КАЦОВІЧУ

24 студзеня 1943, Масква

Дорогой Лазарь!

Письмо твое получил с большим запозданием, а когда мое дойдет до тебя — будет еще позднée.

Теперь по существу твоей просьбы: пожалуй, ничем не могу я тебя утешить. Дело в том что часть наших товарищей демобилизована и их трудно приткнуть куданибудь. Мы стараемся разгрузить Москву от нашей братии — Бровка направляется на работу в Горький, а ты вот хочешь сюда. ЦК категорически против вызовов в Москву. Подожди еще малость. События разворачиваются прекрасными темпами, и когда предоставится возможность двинуть всех в большую работу, тогда найдешь свое место и ты поближе к Белоруссии.

Привет жене.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

24/I 1943

P. S. Можешь поздравить Гурского, Глебко с награждением орденами «Красной Звезды», Панченко и Кучара — с медалями «За боевые заслуги». Это за работу на Калининском фронте.

65. М. І. ФЕДЧАНКУ

23 лютага 1943, Масква

Дорогой Николай Иванович!

Маленько запоздал с ответом на Ваше письмо, а за это время так много событий произошло на наших фронтах, что мы просто чумеем от радости. До Днепропетровска рукой подать. А ведь это Днепром пахнет. А Днепр течет и в нашей родной Белоруссии. И хотя до нашего Днепра куда дальше, чем до днепропетровского, все же звучит вся эта музыка глубоко символически и многообещающе. Пришлось проклятым фрицам и на собственных спинах пережить все красоты войны. А время идет, и придется переживать им еще больше, и

им и их проклятым берлогам. Полною чашей изопьют все, что готовили нам. Не уйдут, мерзавцы, от расплаты. И что ни день — тем ближе это неумолимое и грозное возмездие.

Поздравляю Вас и всю коммуну с 25-й годовщиной нашей армии.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

23/II 1943

66. ЯКУБУ КОЛАСУ

29 сакавіка 1943, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Даўно як паехалі Вы ад нас, а нам ужо хочацца ізноў пабачыць Вас, пагаварыць, пасумаваць крыху і г. д. Навін асаблівых у нас не чуваць, усё ідзе па-старому. Сёння слухаў па радыё, як перадавалі Вашы вершы. Хлопцы працуюць у выдавецтве, Пятрусь Браўкец ізноў сакратарствуе ў нашым саюзе, наогул справы ідуць як ішлі. Панцеляймона Кандратавіча ў Маскве яшчэ не чуваць, дзесьці на фронце. Чаму не напісалі, як ехалася да хаты, ці добрыя былі спадарожнікі, ці хапіла «каліва» і ўсё такое іншае? Разам з гэтым лістом дасылаю Вам атрыманы на Ваша імя ліст.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхаську.

Абнімаю і цалую.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

29/III 43 г.

P. S. Прывітанне ад усіх нашых гвардзейцаў.

67. Я. І. САДОЎСКАМУ

29 сакавіка 1943, Масква

Дорогой Ефим!

Получил твое письмо и телеграмму, что деньги наши ты получил. Теперь по существу письма. Насчет

плана издательского я поговорю с директором издательства тов[арищем] Ивановым, чтобы они имели тебя в виду. В издательстве работают Кондрат, Петро Глебка и Гурский. Глебка — редактор худож[ественной] литературы, Кондрат — главным редактором. Скажу им о твоей просьбе. Раньше присылавшиеся тобой рассказы я передавал газете «Савецкая Беларусь», но они вообще-то не напечатали ни одного рассказа, газета у них небольшая.

Насчет вызова в Москву в апреле — посмотрим, если будет возможность. Вообще-то не обещаю, потому что с вызовами да и поездками теперь пока трудновато. Одним словом, посмотрим потом, дальше будет видней.

Новостей у нас особых нет. Все по-старому. Не слышно писем от Борисенко и Кучара. С Панченко и Стаховичем связь держится. Ты, наверное, знаешь о некоторых наших новых потерях — под Сталинградом погиб Шинклер, убит наш Жаврук <...>. В общем, воюют ребятки и воюют неплохо.

Привет от всех наших товарищей.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

29/III 1943 г.

68. ЯКУБУ КОЛАСУ

17 красавіка 1943, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымалі мы з Кандратам Ваша чарговае пасланіе, за якое і прыносім нашу сардэчную падзяку. Чакаем цяпер часу, калі сустрэнемся зноў, і мо будуць лепшыя часы, каб правесці сустрэчу ў больш бадзёрым настроі і спрыснуць яе добрым келіхам. Што тычыцца апошняга, дык мы з Кандратам, прызнацца, за гэты час парадкам і адвыклі ад гэтага зелля, а калі надоечы і ўхапілі па маламу каліву ў губу, то адчувалі сябе не досыць добра — падводзіць, як відаць, «арганізьма» — старэе. Але ж як бы там ні было, калі падыдзе свята Першага мая, мы ўсё ж ткі возьмем па добрай

чары ў руку і пастараемся спрытна перакуліць яе за Ваша шаноўнае здароўе і за ўсё наша агульнае жыццё, якое павінна ж урэшце пайсці ўгору.

Пісалі Вы нам аб нашым Іове многапакутным, аб Маўры. Мы таксама атрымалі ад яго тэлеграму з тым жа тэкстам, які пасылаў ён і Вам. Адразу ж паслалі патрэбную тэлеграму ў Казахстан ад імя прэзідыума саюза. Спадзяюся, што там палепшаць умовы яго жыцця.

У нас асаблівых навін покуль што нямашака. Кандрат атрымаў дадаткова яшчэ адну пасаду — рэдагуе «Раздавім фашысцкую гадзіну». Мяне хацелі былі зрабіць начальнікам Упраўлення па справах мастацтва. Ледзь выбавіўся з гэтай бяды і цяпер адчуваю сябе проста пераможцам, перасігнуўшым небяспечныя рубяжы. Кузьма наш адчувае сябе добра, гуляе па калідору, нават спрабуе пісаць — нагрымзаў цэлае апавяданне. Праўда, мы яму раім покуль што дужа не захапляцца натхненнем і больш увагі аддаваць грубай прыродзе чалавечай, здароўю. Добра, што з ім абышлося ўсё да лепшага і хлопец выкараскаўся з вялікай бяды.

Нонік наш узнамерыўся пісаць п'есу і для гэтага думае нават паехаць да тэатра ва Уральск. Справа, зразумела, не кепская. Пятрусь з чадамі і дамачадцамі адчувае сябе не кепска. Мы зноў узвялі яго ў сан «адказнага сакратара» нашай паважанай арганізацыі, і ён ходзіць бадзёра і слаўна змагаецца за талоны на абед для свае сямейнае камуны.

Ёсць у нас і навіна. Прыйшлі весткі, што жыў Пестрак Філіп з жонкай і дзецьмі. Нядаўна прыйшло паведамленне, што ён далучыўся да аднаго атрада і знаходзіцца цяпер там з усёй сваёй сям'ёй. Спадзяемся нават спаткацца з ім. Аб сваёй сям'і ніякае новае чуткі не меў.

Ваш подпіс з ліста «з камуністычным прывітаннем» быў шырока прадэманстрыраван і папулярызаван мной сярод шырокіх мас нашай беларускай калоніі.

Усе хлопцы — Петрусі, Кандрат, Кузьма — шлюць Вам шчырае прывітанне. Кланяюся Мар'і Дзмітрыеўне, прывітанні Данілу і Міхаську.

Цалую і абнімаю.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

17/IV 1943 г.

P. S. Перасылаю ў гэтым лісце атрыманы на Ваша імя ліст.

М. Л.

P. S. М. Приветствуем Вас, М[арию] Д[митриевну], Данилу и Михаську с праздником 1 Мая.

69. Л. М. ФЕДЧАНКА

25 красавіка 1943, Масква

Дорогая Лариса!

Получил твое письмо от 6/IV. Пишешь ты о весне, а у нас она самая настоящая, четвертый день, как некоторые ходят уже без пальто. Солнце пригревает, как в июне. Правда, дней пять тому назад пробовал даже снег кружиться над нашими московскими улицами, но весна одолевает и вступает в свои права.

Весна весной, а каковы твои планы с учебой? Возможно — и даже более, чем возможно — у нас осенью откроется Белорусский государственный университет, а также медицинский институт. Надо и тебе подумать серьезно об учебе. Очевидно, что и условия учебы, быта и пр. будут здесь легче, чем в других учебн[ых] заведениях, потому что этому делу будет уделено исключительное внимание. Привет и первомайские поздравления Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

25/IV 43 г.

70. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

11 мая 1943, Масква

Дорогой Николай!

Получил твои письма — с дороги и последнее (открытку) от 26 апреля.

Я жив и здоров. Живу теперь с Кондратом по Пушкинской улице в гостинице «Октябрьская», в восемнад-

цатом номере. Телефон у нас в коридоре, так что созваниваться — дело довольно затруднительное.

О семье ничего нового пока что не слышно, надеюсь все же как-нибудь узнать о их судьбе.

Пересылаю тебе пересланные на твое имя Чувилко письма.

Привет от всех наших товарищей и от Якуба Коласа — он сейчас в Москве.

Желаю тебе всего наилучшего.

Обнимаю и целую.

Твой брат *Міхась Лынькоў.*

11/V 43 г.

71. ЯКУБУ КОЛАСУ

4 чэрвеня 1943, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Перасылаю адзін ліст, атрыманы на Ваша імя ў ЦК КП(б)Б.

Навін асаблівых у нас нямашака. Чакаем Вашага прыезду. Прыехала з Казані Уладыслава Францаўна, жыве цяпер у гасцініцы «Масква». Кандрат яшчэ не звярнуўся з Уральска. У канцы чэрвеня будзем праводзіць купалаўскую гадавіну.

Вось і ўсе нашы навіны.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхасю.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

4/VI 1943 г.

72. М. І. ФЕДЧАНКУ

4 чэрвеня 1943, Масква

Дорогой Николай Иванович!

Получил и Ваше письмо и письмо Ларисы. Заходил по Вашим вопросам к Ураловой. Начну по пунктам. Что касается отпускных, то она не смогла дать мне точного ответа, не было у нее под рукой нужного ра-

ботника и работника наркомфиновского, через которого проходят эти дела. Во всяком случае — такие отпускные они выплачивают.

По второму пункту, о пособии: помощь одеждой и обувью они, к сожалению, не могут оказать, не имея на это никаких возможностей. Что касается материальной помощи, то она бывает незначительной и проводится ими через Совнарком.

По третьему пункту: пришлите в Наркомпрос две-три справки — свидетельские показания о пенсионной выслуге, и они оформят Вам это дело, потому что это предоставлено им по закону.

Таковы все сугубо официальные дела и вопросы.

Теперь даю справки Ларисе:

Факультеты в университете будут следующие: филологический, исторический, географический, физико-математический, химический и биологический. Условия приема — как и во все высшие учебн[ые] заведения. Ясно, что все преимущества за детьми белорусских работников. Студенты будут обеспечены общежитием, столовкой и соотв[етствующими] стипендиями. Я говорил с ректором, и он записал имя и адрес Ларисы.

В общем, штурмуйте теперь Уралову, ссылайтесь в некоторых пунктах на меня и пр.

Живу я по-прежнему в гор[оде] Москве, потеряв всякие надежды не только встретиться, но и узнать что-нибудь о судьбе семьи.

Привет Ядвиге Александровне и Ларисе.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

4/VI 1943

73. Л. М. ФЕДЧАНКА

29 чэрвеня 1943, Масква

Дорогая Лариса!

Получил твое письмо с очередными вопросами. Даю исчерпывающие ответы, а каковы они, о том, как говаривали в старину, следуют пункты:

1. Испытания в университете начнутся с 10 сентября и продолжатся до 25 сентября.

2. Для представления в университет необходимы следующие документы: а) заявление о поступлении, б) аттестат, в) автобиография и г) справка о состоянии здоровья.

Все это необходимо выслать сейчас же в Москву (можно в мой адрес, я передам ректору университета).

Университет пришлет вызов на учебу в начале августа (это предположительно, возможно раньше, возможно немного позднее). Во всяком случае, я тут прослежу за своевременным вызовом. Итак, на все вопросы отвечено. А теперь передай привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне и пожелай им всего хорошего. Тебе советую использовать лето вовсю, поднакопить загара, здоровья, бодрости, чтобы учебную зиму встретить во всеоружии.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

29/VI 1943 г.

74. ЯКУБУ КОЛАСУ

10 ліпеня 1943, Масква

10/VII 43

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымаў Вашу паштоўку ад 29/VI. Хлопцы нашы не пісалі таму, што ўсё чакалі Вашага прыезду і толькі нядаўна даведаліся аб адкладзе пераезду. Навін у нас асаблівых нямашака. Кузьма знаходзіцца яшчэ ў санаторыі, папраўляецца. Кандрат прывёз сям'ю, а цяпер захварэў на почкі, ляжыць, лечыцца. Петрусі адчуваюць сябе някепска. Як бачыце, усё ў парадку. Нядрэнна правялі гадавіну Янкі Купалы. Літаратурны вечар з канцэртам правялі ў зале Чайкоўскага. На афішах і ў білетах значылася і Ваша ўступнае слова. Старшынёй быў Фадзееў. Рабіў даклад я. Хлопцы дэкламавалі вершы. Выступалі Александроўская і Млодэк. Такія вось нашы навіны. А галоўныя навіны, як ведаеце, на фронце. Там вырашаецца лёс нашай Беларусі. Па ўсяму відаць, Гітлер кідаецца з апошніх сіл, з адчаю, са страху. Мне так здаецца, а можа мне хочацца, каб так здавалася... Час ужо рашаць гэтага забойцу, даволі ён напіўся нашай крывёю.

Такія вось справы, Канстанцін Міхайлавіч. Пару слоў аб сабе. Пішу вось нейкія словы, а думкі лятуць, мітусяцца. Апынуўся я ў становішчы чалавека, які неяк жыў, нешта рабіў, хацеў рабіць заўсёды нешта добрае для ўсіх людзей, будаваў сваё жыццё і нядрэнна будаваў, як добры чалавек, і раптам усё гэта знікла, праваліласся, і ў выніку перад табой страшэнная пустэча, правал. Сёмага гэтага ліпеня атрымаў я ліст з нашай радзімы. Напісала мне родная сястра, настаўніца. Яна цяпер з мужам у адным з партызанскіх атрадаў. З пісьма я даведаўся, што жонка мая з Марыкам жылі ў яе больш года, а потым іх забралі забойцы, якіх парадзіў нямецкі народ, і адвезлі ў бабруйскі лагер. Разам з маёй сям'ёй забралі сям'ю брата Рыгора. Мяркуючы па пісьму, сястра думае, што Рыгор тут, я ж нічога не ведаю аб яго лёсе, ён, відаць, загінуў у першыя дні вайны. У пісьме прыпіска, што я атрымаю падрабязнасці, калі сястра даведаецца, што пісьмо трапіла мне ў рукі. Навошта ж мне цяпер гэтыя падрабязнасці... Жыў я апошні год цьмянымі спадзяванкамі, па ўсяму бачыў, што яны ператвараюцца ў ілюзіі. Цяпер няма і ілюзіі... Астаюцца цуды. Але ж практыка немцаў-дзетазабойцаў гаворыць аб тым, што цудаў не бывае.

Цяжка, завельмі цяжка, дарагі Канстанцін Міхайлавіч. Адно неяк прытрымлівае на паверхні: багата людзей цяпер нясуць цяжар велічэзнага гора і пакутаў. Значыць, трэба неяк жыць і жыць так, каб дапамагчы ўсім нашым людзям увагнаць у магілу забойцаў і катаў, душагубаў, якія апіліся нашай крыві.

Бывайце ж, любы і родны! Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Данілу і Міхаську. Абнімаю і цалую.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

Масква

75. ЯКУБУ КОЛАСУ

20 ліпеня 1943, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымаў Ваша пасланіе «з аказіяй». Надакучыла нам, урэшце, чакаць Вас. Адно, што суцяшае, лета па-

дыходзіць да свайго канца, значыцца і Вы павінны будзеце паляцець у вырай да нас.

Як бачыце, і на франтах за гэты час адбыліся змены. Прыкрае зацішша адышло, падзьмула свежымі вятрамі. Свежыя ветры патыхаюць і на поўдні Еўропы. Хоць тыя ветры яшчэ заслабыя, але ўсё ж нашы саюзнікі пакрысе пасуваюцца бліжэй да логава звера. Па ўсяму відаць, што будуць Гітлеру рачанцы, нідзе не дзенецца. Хопіць, напіўся нашай крыві, лопне, здохне. І каб хутчэй гэта зрабілася, тым бы лепей для нас, бо занадта багата гіне нашага беларускага народа.

Што новага ў нас? Хварэе Кандрат, сёння ўстаў з ложка, перасуваецца з месца на месца, як восеньская муха. Учора з дома адпачынку прыехаў Кузьма. Хлопец акрыяў, пасвяжэў, спрабаваў нават рабіць на месцы адпачынку прагулянкі кіламетры па чатыры. Пакрысе піша. Адным словам, атрымалась вельмі ўдала з яго лячэннем, хлопец стаў на ногі.

Петрусі бадзёрыя. Максім і Аркаша напісалі добры сцэнарый. <...>.

Уладыслава Францаўна жыве ў Маскве, перабралася цяпер у гасцініцу «Якар», у якой, дарэчы, жывуць цяпер толькі адны нашы беларусы. Магчыма, што і я з Кандратам перацягнем туды свае недалужныя косці.

Вось коратка і ўсё аб нашым жыцці-быцці. Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Даніку, Міхаську.

Прывітанне ад усіх хлопцаў.

Абнімаю і цалую.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

20/VII 43

76. Д. М. КАВАЛЁВУ

21 ліпеня 1943, Масква

Дорогой тов[арищ] Ковалев!

Получил Ваше письмо и стихотворения. И то и другое понравились, и за то и за другое сердечное спасибо. Показывал стихи ребятам: Танку, Глебку, Пестраку.

Общее одобрение. Глебка постарается часть поместить во втором номере альманаха «Беларусь», разумеется, в переводе на белорусский язык.

Что же нового у нас? Хорошую поэму написал Максим Танк — «Янук Селиба». Она будет печататься в «Новом мире» или в «Октябре» в переводе поэта Семынина. Пишут и все ребята. Колас вскоре переедет в Москву из Ташкента. У нас теперь в Москве Чорный, Крапива, Глебка, Бровка, Астрейко, Всеволод Кравченко, Танк, Пестрак (недавно прилетел с семьей с далекой нашей и родной земли). На фронте Кулешов, Стахович, Панченко, Борисенко, Шараховский, Кучар, Якимович и многие другие.

На фронте погибли в боях Шинклер и Жаврук. Некоторые товарищи ранены — Ларченко, Садовский, Грубиян. О многих не знаем, в частности о Климковиче, Мурашко, <...>. Последовича, по слухам, немцы вывезли в неволю в Германию. Есть ребята в партизанских отрядах.

На днях получил наконец весточку и о своей семье, о жене и девятилетнем сынишке. Лучше бы я не получал этой вести, не всегда правда согревает наше сердце, подчас она способна убить его. Мне написала моя родная сестра-партизанка (раньше была учительницей), что еще в прошлом году гитлеровские звери забрали мою семью и семью моего брата и отправили их в концентрационный лагерь и больше она о их судьбе ничего не слышала.

Такие вот дела...

Живу одним: горячей надеждой и уверенностью, что скоро придет тот золотой час, когда полностью расплатимся с гитлеровскими людоедами за всё. А это всё — необъятно. Это истерзанная Беларусь, это сотни сожженных деревень, сотни тысяч погубленных жизней, в большинстве случаев невинных и безоружных людей: стариков, женщин, детей наших.

Близится это время великой расплаты.

На этом бывайте.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

21/VII 43 г.

77. Л. М. ФЕДЧАНКА

21 ліпеня 1943, Масква

Дорогая Лариса!

Давно я послал тебе письмо с условиями поступления в университет. Боюсь, что оно не получено. А поэтому вчера я послал телеграмму, а сегодня посылаю еще и это письмо. Немедленно высылай — можно в мой адрес — заявление о поступлении, документ об образовании, автобиографию и справку о здоровье. Университет вышлет вызов в Москву. Испытания приемные продолжатся с 10/IX по 25/IX.

Получил письмо Николая Ивановича. Очевидно, он послал письмо в Наркомпрос заказным. Оно еще вчера не было получено там. Как только получат и решат, я тот час же сообщу о результатах Николаю Ивановичу, поддержав, разумеется, все его дело.

Привет Николаю Ивановичу и Ядвиге Александровне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

21/VII 43 г.

78. ЯКУБУ КОЛАСУ

Канец жніўня —
першая палавіна верасня 1943, Масква

Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымаў Ваша пасланіе, з якога мы даведаліся аб няўдалых курортных прыгодах і страце шаснаццаці кіло «каласяціны», а таксама аб розных філасофскіх разважаннях аб змярканнях і іншых да таго падобных рэчах.

А таму і наважыліся мы зрабіць Вам «суровую вымову з папярэджаннем» за яўна ўпадніцкія ноткі настрою і наогул за паніжаны тонус у маральным стане васпана.

Усякія «змярканні» — абсалютнае глупства, якое не адпавядае жыццялюбу Якубу. Гэта па-першае. А па-

другое, сітуацыя ў нас цяпер такая, што проста гаварыць аб такіх рэчах — ну, як бы тут сказаць, аж непрыстойна. Штачас мы пасуваемся бліжэй да Беларусі, вось і Карачаў ужо наш, а за Карачавам, як вядома, недалечка Бранска, а ад гэтага горада за час язды на якім-небудзь добрым зісе можна трапіць аж да нас у Беларусь, у Хоцімшчыну. Хочаце Вы ўехаць з другога боку — калі ласка! Хочаце з трэцяга — таксама ёсць перспектывы.

Такія вось справы ў нас на фронце, што проста жыць хочацца... Хочацца ж дачакацца да таго часу, калі мы поўнасцю расплацімся з Гітлерам. Вось і друг яго дучэ здучыўся. А гэта ж толькі пачатак усёй той катавасіі, у выніку якой будзе ўбіты асінавы кол у магілу фашызму. Не мінуць яны, праклятыя, гэтага лёсу, не мінуць гэтай хвіліны. І як бы ні марудзілі славутыя нашы саюзнікі, час гібелі фашызму набліжаецца.

Што новага ў нас? З радзімай зямлі прывезлі сям'ю Цікоцкага. Прыляцелі адтуль акадэмік Прыляжаеў і прафесар Вятохін. Шмат расказалі цікавага. Даведаліся мы праз другія крыніцы, што жыў Клімковіч і што ён разам з жонкай знаходзіцца цяпер у надзейным месцы, ад якога, як гаворыцца, крылом падаць да нас у Маскву. Рад я за яго, напакутаваўся ён парадкам раней яшчэ, да вайны. І хоць пакуты тыя больш за ўсё праз яго ж уласнае глупства, але ж хапіла яму, бедалагу. <...>.

Кузьма трымаецца нішто, робіць нават прагулянкі па гораду. Усе хлопцы шлюць Вам сардэчныя прывітанні і чакаюць прыезду.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне, Даніле, Міхасіку.

Абнімаю і цалую. *Міхась Лынькоў.*

P. S. Прывітанне ад Івана Напрэіча і Цімоха Сазонавіча.

P. S. Перасылаю два лісты, якія знайшоў у пошце саюза.

P. S. P. S. Вы пішаце, каб я перадаў у «Савецкую Беларусь» верш, але ніякага верша ў пісьме я не знайшоў.

79. ЯКУБУ КОЛАСУ

14 верасня 1943, Масква

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымаў Ваша пасланіе, памечанае 10 жніўня. Так марудна паўзуць нашы лісты. Падзеі ж на свеце ідуць куды хутчэй цяпер і горнуцца ўсё ў радасны для нас бок. Гэта ж падумаць, што толькі адбылося за гэты час на нашых франтах, не сягоння, заўтра будзе ў нашых руках і Бранск і Рослаў, а гэта ж шырокія вароты ў нашу пакутніцу Беларусь.

А што дзеецца на свеце! Ляснуўся Мусаліні, ляснуўся італьянскі фашызм. Пляснецца ў недалёкім часе і галоўны злодзей, не можа быць, каб выслізнуўся ён ад кары.

Што новага ў нас?

Тыдні ўжо з паўтара, як дапяў да нас Клімковіч. Відам сваім ён нагадвае мумію якога-небудзь Рамзеса, да таго хлопец высах, знямогся. Расказвае шмат цікавых навін аб тамашнім жыцці. Хаваючыся ад немцаў, ён зрабіўся грэчкасеем, нават меў гаспадарку аж на два гектары. Але задужа горкі быў, відаць, хлеб, які праў ён са зняволенай зямлі. Там яшчэ засталася яго жонка з дзіцем, але яны знаходзяцца там у безапасным месцы і ў хуткім часе іх таксама перабавяць на наш бок.

Бачыў Вашага Данілу, заходзіў ён да мяне з Петрусём. З гэтага поваду ўзялі належную чару.

Вы, відаць, ведаеце ўжо, што выставілі мы Вашу кандыдатуру ў саюзныя акадэмікі.

Вось і ўсе нашы навіны. Мінаецца тым часам лета, становіцца ўжо халадней, і ўся наша брацця варушыцца і рупіцца аб зімовым апярэнні.

Прывітанне Мар'і Дзмітрыеўне і Міхасю. Петрусю я даў добры ўшчунак, але ён кажа, што ліст Вам напісаў. Прывітанні ад усіх нашых хлопцаў.

Сардэчна паціскаю руку.

Міхась Лынькоў.

14/IX 1943 г.

80. Я. І. САДОЎСКАМУ

15 верасня 1943, Масква

Дорогой Ефим!

Получил все твои письма. Рукопись очерка передана в «Савецкую Беларусь». Сборник находится у Глебки, в издательстве, связывайся с ним непосредственно. Теперь относительно твоей просьбы о вызове в Москву. Потерпи еще малость. Возможно, начнется в ближайшие недели серьезная работа у нас, тогда просто отзовем на работу. Тебя мы и имеем в виду взять на такую работу. О характере ее не говорю, потому что дело это находится в стадии разрешения. Выгорит это дело, и ты будешь среди земляков. Ну, а если не выйдет, тогда вызовем в короткую командировку.

Привет от всех товарищей.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

15/IX 1943 г.

81. Д. М. КАВАЛЁВУ

11 кастрычніка 1943, Масква

Дарагі Кавалёў!

Пісьмо Ваша атрымаў і за яго сардэчная падзяка. Жывём па-старому ў Маскве, але сядзім цяпер, як гаворыцца, на чамаданах, бо з кожным днём усё бліжай і бліжай да ад'езду. Гэта ж не жартачкі: у нас цяпер каля дванаццаці сваіх, самых сапраўдных беларускіх раёнаў, вызваленых ад фашысцкай нечысці. Хутка будзем мець і Гомель, і Магілёў, і Віцебск. Адным словам, і на нашай вуліцы наступае вялікае свята.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

11/X 1943

82. А. І. СТАХОВІЧУ

21 кастрычніка 1943, Масква

Дарагі Алесь!

Атрымаў тваё пасланіе і як заўсёды адказваю з некаторым спазненнем. Навін у нас асаблівых няма-шака. Прыехаў Колас з сям'ёй, жыве цяпер у Клязьме. Учора прыехаў з Алма-Аты Маўр. Адным словам, калонія наша папаўняецца. Пачынаем выпускаць новы часопіс «Беларусь». Падрыхтаваны першы нумар.

Вось і ўсе нашы галоўныя навіны.

Прывітанне ад усіх хлопцаў.

З тавар[ыскім] прывіт[аннем]

Міхась Лынькоў.

21/X 1943 г.

83. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

20 лістапада 1943, Масква

Дорогая Эди!

Извини за большое опоздание на твою очередную эпистолию, присланную с Ушаковым. Просто заработался малость, и за это время на столе скопилось до сотни писем. Понятно, это не оправдание, тем более и за орехи и прочие узбекистанские дары не успел отблагодарить. С дарами поступлено точно по твоему «указу» — каждому по ореху. Давалось каждому «с чады и домочадцы» — детишкам Бровки, Пестрака, Крапивы и Климковича. Так что тут приказ твой выполнен точно и неуклонно.

Что же нового у нас? Живем и посматриваем на запад: не заведется ли у нас своего областного центра, тогда можно будет подаваться и в «вырай».

Издательские дела затормаживаются у нас полиграфической базой. Месяца уже три лежит непереплетенный альманах № 1. Сдаем второй номер. Сдаем и первый номер нового журнала «Беларусь».

Встречали Коласа, живет теперь в Клязьме. Сегодня был у меня. Вчера приехал Мавр.

У меня с семьей получилось очень худо: жена

и мой маленький Марик расстреляны немецкими выродками. Победу этим немцы себе не обеспечили, от гибели своей не уйдут. Но если бы и все они подохли в своей проклятой Германии, горе мое остается горем.

Такие вот мои дела.

Привет твоей семье. С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

20/XI 43

84. Д. М. КАВАЛЁВУ

21 лістапада 1943, Масква

Дорогой тов[арищ] Ковалев!

Получил Ваше письмо и фотокарточку — за все сердечное спасибо.

Отвечаю на некоторые Ваши вопросы. О местопребывании Горобченки мне, к сожалению, ничего не известно.

Писать Глебке и Климковичу Вы можете в тот же адрес, что и мне — на адрес Союза писателей.

Точных адресов Кулешова и Панченки сейчас у меня нет, но Вы можете послать письма на союз, а мы их переправим дальше.

Не мешает Вам подумать о сборнике своих стихов для издания их в Белорусском госуд[арственном] издательстве. Готовьте его, пополняйте и присылайте в адрес Глебки или Климковича.

Привет от товарищей.

С дружеск[им] приветом *Міхась Лынькоў.*

21/XI 43

85. П. Е. ПАНЧАНКУ

10 снежня 1943, Масква

Дарагі вуюнаш!

Атрымаў тваё пасланіе. Чытаў і нават хадзіў для паўторнага чытання ў ЦК да Цімоха Сазонавіча. Пра-

чытаў і ён, але ўзрадаваць чым-небудзь цябе ў сэнсе вынікаў гэтага пахода не магу: нічога станоўчага і неадкладнага пакуль што не абяцана. Адно, што скажу, да твайго прыезду ён ставіцца прыхільна. Што новага ў нас? Думаем ехаць у Гомель на свята дваццаць пятай гадавіны рэспублікі. Учора бачыў у нашым выдавецтве тваю кніжку «Дарога вайны». Выйшла. Выйшаў альманах (яшчэ толькі першы нумар). Друкуецца першы нумар часопіса. Як хлопцы жывуць? Здаецца, нішто. Часам бяруць і ў губу. Мы жывём разам з Максімам. Піша новую паэму. Падазрона часта ходзіць у кіно, і сеансы ў яго завельмі працяглыя. З чаго б то магло стацца? Вясна ж яшчэ далёка, а вось жа ўзлюбіў так кіно... А наогул хлопец нішто. Нармальны. Адна анамалія: не бярэ ў губу. Па ёй можна жыць, тым часам.

З поўдня, ці правільней будзе сказаць — з усходняга поўдня прыехаў Колас. Сядзіць у Клязьме і думае пра баравікі, сумуе па ляшчах. Ад думак і суму крыху схуднеў. Але маркі не здае: дуж ва ўсім як дуб. Кандрат спецыялізуецца на хваробах: то печань лечыць, то ўсякія «рожы» зганяе з цыбатага цела. З усіх гэтых прычын зрабіўся поўнай анамаліяй і ні ў губу... ні... адным словам — ні сюдэю, ні тудэю... Гэта, аднак, не перашкаджае яму душыць фашысцкую гадзіну.

Прыбіўся да Масквы Маўр. Выглядаў як біблейскі Іоў. Паступова прыходзіць да хрысціянскага віду.

Паклон ад усіх тылавікоў.

Цісну лапу.

Міхась Лынькоў.

10/XII 43

86. Д. М. КАВАЛЁВУ

15 снежня 1943, Масква

Дорогой тов[арищ] Ковалев!

Получил Ваше письмо и стихотворение «Легенда о вожде». И за то и за другое спасибо. Не так давно я послал Вам письмо, думаю, что Вы его получили.

Что нового у нас? Собираемся ехать в Гомель и праздновать там в конце этого месяца годовщину

двадцатипятилетия нашей республики. Славный был бы праздник в мирное время. Не плох он будет и теперь: годовщина плюс начавшееся освобождение республики. В общем, не плохие дела. Бывайте!

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

15/XII 43 г.

1944

87. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

14 студзеня 1944, Масква

Даражэнькая Эдзі!

Толькі што звярнуўся назад у Маскву з горада Гомеля, дзе я праводзіў на роднай зямлі свята нашай гадавіны і Новы год. Пісаў табе ў дарозе паштоўку, але, не знайшоўшы зручнага месца, адкуль можна было б паслаць яе, перасылаю паштоўку разам з пісьмом.

Што табе сказаць аб Гомелі? Абхадзілі мы ўсе яго вуліцы і найшлі толькі некалькі ўцалелых дамоў. Рэшта — руіны. Адны параслі быльнёгам у рост чалавека, другія — свежыя. Пяцьдзесят тысяч гомельскіх жыхароў загублены нямецкімі палачамі. Трыццаць тысяч чалавек пагналі на катаргу. Цяпер у Гомелі налічваецца да дзесяці тысяч чалавек. Жывуць у некаторых уцалелых драўляных акраінах. Няма свету, вады. Багата яшчэ чаго няма. Але горад пачынае ўжо ажываць. Пачынаецца аднаўленне зруйнаваных заводаў і фабрык, наладжванне культурнага жыцця і г. д. Працы непачаты край. У хуткім часе падамося, відаць, і мы на родныя мясціны. Некаторыя нашы арганізацыі ўжо там. Да вясны абавязкова перабяромся ўсёй нашай маскоўскай калоніяй, за выключэннем таварышаў, якія працуюць у выдавецтве.

Прывітанні і навагоднія пажаданні ад усіх нашых хлопцаў.

З тавар[ыскім] прывітаннем

Міхась Лынькоў.

14/I 1944 г.

88. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

22 лютага 1944, Масква

Даражэнькая Эдзі!

Атрымаў ад Хамеда ўсё, што ты пасылала па нашаму адрасу.

Газеты цяпер у нас тут нямашака, яна пераехала ў Гомель, куды і я з Крапівой гэтымі днямі таксама рушым на невялічкі час, каб праз месяц-другі перабрацца туды канчаткова і, такім чынам, трымаць курс далей.

Учора гаварыў [illegible] тваім благаверным супругам, які прыехаў на колькі дзён у Маскву. У нас тут з'явілася ідэя даручыць яму, як інжынеру, справу падрыхтоўкі да некаторых будаўнічых нашых праектаў — у прыватнасці, думаем арганізаваць у Гомелі хоць невялікі жылы дом, пакояў на 15—20, з такім разлікам, каб даць нашым хлопцам нейкае, больш пэўнае жытло на пераходны гомельскі перыяд — жанатым па пакою, халастым і іншым па ложку. А зможам мы гэта зрабіць, тады можна будзе і цябе адклікаць з Ташкента на радзімую зямлю — работы тут хопіць, хоць адбаўляй.

Такія вось нашы справы: што дзень, то бліжэй мы к звароту на радзіму.

Цяпер яшчэ адна справа да цябе. Думаем мы тут разгарнуць літфондаўскую справу. Па нашых меркаваннях, не дрэнным дырэктарам літфонда мог бы быць Вітаўтаў. Ведаю, што ён недзе ў Ташкенце, але пэўнага адраса яго не ведаю. Дык вось табе даручаецца пагаварыць з ім па гэтай справе і калі ён згодны, то мы адклікалі б яго на гэтую працу. Я, дарэчы, забыўся, як яго імя і па бацьку — і гэтую дэталь высветлі.

Ну вось і ўсе нашы справы і навіны.

Прывітанні ад усіх нашых хлопцаў.

Прывітанне маці. Цісну лапу.

Міхась Лынькоў.

22/II 1944 г.
Масква

89. А. І. СТАХОВІЧУ

25 лютага 1944, Масква

Дарагі вуюнаш!

Атрымаў тваё пасланіе і вось зараз жа адпісваю. У канцы снежня і ў пачатку студзеня быў у Гомелі разам з Броўкам. Гэтымі днямі паеду ізноў, відаць, з Крапівой. Наогул праз які месяц-другі будзем там усёй нашай групай. Навін асаблівых нямашака. Напісаў з Крапівой сцэнарый. Правільней, першы варыянт. Цяпер пачнуцца асноўныя кінапакуты, ці, іначай кажучы, некалькі новых варыянтаў.

Пісала ліст твая палавіна. Прасіла грашовай дапамогі. Невялікую толіку пасылаем.

Убачу Гарбунова, намякну аб тваёй персоне.

Вельмі абрыдла тут усім нам. Даўно хочацца на радзіму, хоць і не лёгка там жыць. Думаем вось заняцца там будаўніцтвам, падрыхтаваць хоць з дзесятак пакояў для асноўнай нашай групы. У Гомелі цяпер усё наша начальства. Там жа і газета. Хутка перабярэцца туды і крапівінскі плакат. Калі сабярэмся на роднай зямлі, стане неяк весялей. Чакаем вось усё зрухаў на нашых заходніх напрамках.

Прывітанне ад усіх нашых хлопцаў.

З сяброўскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

25/II 44

90. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

7 сакавіка 1944, Масква

Дорогой Николай!

Письмо твое получил. Рад, что ты жив, бодр, здоров. Это самое главное. Насчет ташкентских «неудач» не огорчайся, вся жизнь у тебя впереди, с этим всегда успеешь устроиться. У меня новостей особых нет. Числа пятнадцатого поеду с Крапивой в Гомель. Надо уже присмотреть там где-нибудь место для переселе-

ния на родную землю. Пора жить поближе к своим местам.

Привет от Кондрата.

С братским приветом *Міхась Лынькоў.*

7/III 44

91. Д. М. КАВАЛЁВУ

7 сакавіка 1944, Масква

Дорогой тов[арищ] Ковалев!

Малость запоздал с ответом на Ваше последнее письмо.

В Гомеле я был на Новый год, собираюсь на днях опять проехать туда. От Гомеля по существу мало чего осталось, это сплошные руины. На центральных улицах я не нашел ни одного целого дома. Разрушены и все вокзалы. Кое-что уцелело в Ново-Белице. В общем, предстоят огромные работы по восстановлению.

Спрашиваете Вы о наших журналах. Кроме альманаха издаем мы двухмесячный журнал «Беларусь» (альманах был под тем же названием, теперь пойдет без названия). Таковы наши основные новости. Вообще-то готовимся к переезду на родные места.

С товарищ[еским] прив[етом]

Міхась Лынькоў.

7/III 44

92. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

7 мая 1944, Масква

Даражэнькая Эдзі!

Атрымаў тваё пасланіе і вось адказваю адразу. Я трошкі хварэў, а таму не паспеў своечасова адказаць па ранейшаму лісту, у якім ты пыталася пра зборнік. Наколькі мне вядома, Клімковіч паслаў табе ліст па ўсіх пытаннях, якімі ты цікавілася.

Наколькі я зразумеў з твайго ліста, ты не атрымала

пасланай табе паштоўкі адносна гімна. Хаця тэрмін ужо амаль што сышоў, але мы рашылі працягнуць яшчэ здачу тэкстаў, і я паслаў табе сёння і належную тэлеграму. Што тычыцца асноўных установак, то яны наступныя: гімн павінен быць кароткім, зразумелым, з прыпевам; у ім павінны быць думкі аб Беларусі, аб ролі Леніна <...> у нашым жыцці, у стварэнні нашай рэспублікі, а таксама думкі аб нашым кроўным сваяцтве з рускім народам. Вось прыблізна асноўныя ідэі, якія павінны быць пакладзены ў аснову гімна.

Вершы твае я ўсе перадаў нашым выдаўцам — маю на ўвазе часопіс і альманах. Рэдакцыя «Сав[ецкай] Беларусі» (газеты) знаходзіцца ў Гомелі. Магчыма, праз месяц перабярэмся туды (частка хлопцаў, не звязаных з выдавецтвам).

Наконт «свінтуса» і г. д. Аркашу я перадаў. На гэтым бывай.

Прывітанне мамашы. Цісну лапу.

Міхась Лынькоў.

7/V 44

93. М. І. ЮФІТ

21 лістапада 1944, Мінск

Дорогая Матильда Иосифовна!

Большущее Вам спасибо за Ваше славное послание. Отвечаю, как видите, с некоторым запозданием, но в сем, грешный, не повинен. Мы, белорусы, так уж свыклись с кочевым образом жизни, что просидеть лишнюю неделю на одном месте для нас трудновато. Только мы распростились с Вами и не успел я еще согреть свое бедное (во всех смыслах) ложе, как пришлось садиться опять на колеса и держать курс на запад. Я, Максим, Аркадий и Кондрат Крапива вместе с группой товарищей ездили в Польшу помогать делу переселения наших белорусских крестьян к нам в Белоруссию. Только что вернулись в Минск. Устали до чертиков. Колесили на машинах, на подводах, пешком и т. д. Теперь постепенно приходим в себя, свыкаясь с оседлым образом жизни. Пора уже посидеть и на одном месте, довольно бродяжить. Правда, и этот образ жизни сопряжен у нас в Минске с целым рядом трудностей. Пожа-

луй, Вы их знаете: крыша, свет, вода, дрова и прочие штуки. Аркаша еще без квартиры. В небольшой комнатенке, где он ютился, живет теперь человек 12. В ближайшем все же будущем он будет, по всей видимости, устроен.

Сегодня уже 21 ноября, а мы, белорусские грешники, еще не брались за перо, за «Белорусский поход». Убьет Сема! Получена была в наше отсутствие телеграмма от Ивашечкина. Поздравлял с Октябрьской годовщиной и напоминал о 1 декабря, сроке сдачи материалов. Боимся, что подведем нашу бригаду со сроками. Вы, москвичи, наверное уже заканчиваете работу, а мы вот только думаем начинать. Однако довольно о делах.

Из газет узнали мы о смерти Уткина. Бровка теперь в Москве, приедет, расскажет подробности, что там такое стряслось с Иосифом...

Еще раз спасибо за Ваше душевное письмо. Наши ребята тепло вспоминают Вас, ведь мы так славно подружили — имею в виду Вас, неистового Павла, нашу белорусскую братию... Остальные ребята из нашей бригады... написал вот и запнулся, а ведь худого про них ничего не скажешь, каждый из них хорош по-своему.

«Бардзо дзенькую» за приглашение в гости. Буду в Москве, обязательно загляну в Вашу обитель. А случится Вам с Павлом быть в наших краях, милости прошу на наши руины. Они ведь уже несколько обновленные — я, например, вожусь теперь с ванной колонкой, до чего обнаглел человек... При Вас ведь еще и не все стекла в окнах были. Одним словом, помаленьку мы возвращаемся к нормальной человеческой жизни. И это не плохо.

Максиму, злодею, передал о Вашем сне. Причем учинил сие ■ присутствии его половины, для вящей каверзы. Но каверзы не получилось. Жена его — прекраснейший человек. Обязательно побудем у него в семье, если случится Вам побывать у нас. Привет Вам от Максима и Аркаши.

Мой «низкий, с любовью, поклон» благоверному Павлу и пожелания всяческих преуспеяний «в делах рук его».

С дружеским приветом

Міхась.

P. S. После отъезда Вашей бригады у меня остался нож неизвестной принадлежности. Приметы: нож столовый, ручка, судя по пробе, из серебра, бывал не раз в употреблении, по всей видимости, в пролитии крови не участвовал, резал, главным образом, хлеб, сало, сыр, жареную живность. А по сему случаю прошу сообщить потерпевшему — при первой оказии нож будет водворен на место постоянного его пребывания. Остался еще носовой платок, явно дамский, а также чуть ли не целая бутыль с лекарством. На сигнатурке значится — Виноградская. О всех этих «происшествиях» прошу при случае сообщить владельцам этих «движимостей».

Еще раз привет.

Міхась Лынькоў.

21/XI 1944 г.
Минск, ул. Берсона, № [illegible]

94. Я. А. ФЕДЧАНКА

Канец лістапада 1944, Мінск

Уважаемая Ядвига Александровна!

Запаздываю, невежа, с ответом на Ваши два письма. Правда, опоздание с ответом на первое письмо имеет смягчающие обстоятельства — в те дни был в Польше, под Варшавой. Вообще за последние два месяца нелегкая носила меня два раза в Польшу. Целый месяц пробыл на фронте под Остроленкой. Чуть-чуть не сложил там кости вместе с Максимом Танком. Отделались, к счастью, благополучно, только пороху нанюхались больше, чем за все первые месяцы войны, когда были на фронте, в армии. Теперь пока отдыхаю от всяких поездок и устраиваюсь в собственной квартире, к слову — не плохой, будете в Минске — милости прошу на мою территорию. Одна беда: в квартире-то пусто и глухо, хожу в ней бирюк бирюком...

Теперь о Вашей просьбе насчет книг. Тут у меня дело — швах. Из своих довоенных изданий не удалось еще найти всех экземпляров, продолжаю поиски. За годы войны вышли моих две книжицы в Москве на русском языке. Белорусское издание только еще печатается. Некоторые из рассказов моих впервые появи-

лись в свет на китайском, английском, испанском, польском, венгерском и друг[их] языках, а вот на белорусском появятся впервые. И так обстояло дело у многих товарищей. Книжки начинают выходить только теперь, когда имеем свое издательство. Обещаю: что сумею подобрать, найти — перешлю с оказией. Заходила ко мне Коновальчик. Правда, она застала меня в коридоре на выходе из квартиры. Я так спешил с группой людей, что толком и не поговорил с ней и не имел возможности пригласить ее в квартиру. То-то подумает — невежа! Прошу от моего имени извиниться перед ней. Был до чертиков занят.

Просьбу Николая Ивановича выполнить не могу: интересующих его книг у меня и в помине нет, да и обещать что-нибудь из этих книг не имею возможности. Приветствую его с новой работой и желаю «всяческих успехов в делах рук его». Аналогичное приветствие и Ляле-библиотекарше.

Целую Вас всех.

Ваш *Міхась Лынькоў*.

P. S. На днях мы понесли еще одну тяжелую утрату — похоронили Кузьму Чорного — все это результаты тяжелых дней войны.

95. ЭДЗІ АГНЯЦВЕТ

6 снежня 1944, Мінск

Прывітанне, Эдзі!

Спазніўся я дужа з адказам на ліст, але не вінаваты: паўтара месяца вандраваў на франтах, у Польшчы і г. д. Толькі нядаўна прыцёгся ў Мінск.

Чаму ж гэта, даражэнькая, не едзеш да радзімы, а мо змяніла веру беларускую?

Цяпер па сутнасці пісьма. Шкада, што нечакана памёр Вітаўтаў, мы ж думалі запрашаць, ды і запрашалі ў Мінск. Сям'і невялічкую дапамогу акажам. А ў нас вось 22 лістапада памёр наш Кузьма Чорны, вязе нам, можна сказаць, як тапельнікам. Адна за другой такія цяжкія страты.

Абяцанай кніжкі для дзяцей да гэтага часу не атры-

маў. Аб гімне што ж мне пісаць? Вынікі конкурсу яшчэ не абвешчаны, ды і абмеркаванне тэкстаў і музыкі не закончана.

Аб тваёй кнізе. Тут ужо нечага жаліцца, аднолькавая доля і ў мяне з кніжкай, яшчэ ніяк не выходзіць з друку. А я ж, можна сказаць, быў пад бокам выдавецтва... Адным словам, гэтыя крыўды не цяжкія, іх лёгка перанесці.

Учора прыехаў у Мінск Якуб Колас. Тыдні паўтара таму назад з'явіўся Модэль, працуе цяпер у оперным тэатры. У Маскве пакуль што сядзіць хворы Маўр. Па чутках, пакрысе ачуньвае. Тут мы яму займелі пакой, можа цяпер пераязджаць.

Ну вось і ўсё.

Прывітанне сям'і.

Цісну лапу.

Міхась Лынькоў.

6/XII 44

1945

96. М. Т. РЫЛЬСКАМУ

3 студзеня 1945, Мінск

Паважаны Максім Тадэевіч!

Прывітанне Вам з Мінска ад усіх нашых беларускіх хлопцаў. Віншуем Вас з Новым годам і жадаем усяго добрага і шчаслівага.

Мы ўжо крыху асвоіліся са сваімі мінскімі руінамі і пачынаем, што называецца, жыццё спачатку — трэба ўсё будаваць, ставіць нанава і г. д.

Да Вас у Кіеў заедзе наш хлопец Садоўскі. Ён па службовай камандзіроўцы. Дапамажыце яму сабраць літаратурную хроніку для нашых выданняў.

Яшчэ раз віншую з Новым годам і сардэчна вітаю.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

3/I 1945
Мінск

97. Я. А. ФЕДЧАНКА

13 красавіка 1945, Мінск

Привет дорогой Ядвиге Александровне!

Сердечное спасибо за присланное письмецо, всегда рад рогачевским весточкам.

Живу и тружусь по-старому, одиночествую, хотя и не хочется превращаться в дикого бирюка. Получил письма от своих сестер — Поли и Ани. Поля живет в своем Станьковском колхозе, потеряла за войну старших сыновей, осталась с маленькими детьми. Из хозяйства — кот да курица. В общем, хлебнула горя от немецких иродов.

Аня партизанила, сейчас работает в районной газете в Старых Дорогах. Братишка Коля воюет. Недавно прислал мне извинение, что без моего «отцовского благословения» соизволил жениться на фронте. Жена — лейтенант. Хотелось бы мне посмотреть на эту воинственную пару — старшего лейтенанта и лейтенанта. Поскольку я человек теперь почти что штатский, да к тому еще питаю слабость к воюющим, простил я братцу этот «грех» и послал им самое нежное — насколько это удалось моему перу — напутствие и всяческие пожелания в отношении их супружеских добродетелей.

Будете случаем в Минске — заглядывайте в мои палаты. Буду если в Рогачеве — не премину навестить.

Дружеский привет Николаю Ивановичу, весенний привет Ларисе, а Вам крепко пожимаю руку.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

13/IV 1945 г.

P. S. Заблаговременно приветствую с Первым маем. Пока письмо доберется, смотришь — и праздник на улице.

98. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

14 красавіка 1945, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Привет тебе из нашего Минска. Каюсь, грешный человек, что до сего времени не ответил на твое письмо —

одолевали дела и огромная переписка. Слыхал я от Глебки, что ты болеешь. Это уже нехорошо, никуда, можно сказать, не годится. Это, во-первых. Во-вторых, болеть ты не имеешь права без санкции белорусов. Единственный почти наш представитель в Москве, и думает хворать. Не советую.

Что нового у нас?

Президиум Верховного Совета БССР указом от 7 апреля наградил грамотами ряд переводчиков с белорусского, в том числе и твою светлую персону. Вырезку из газеты с указом прилагаю к письму. Вот надо подумать, когда организовать получение грамот. Очевидно, это надо сделать в Минске, когда станет теплей.

Вышел первый номер газеты «Літаратура і мастацтва». Правда, на двух еще страничках — электроэнергия у нас хромает. На днях выходит первый номер «Полымя». Думаем издавать юношеский и детский художественные журналы.

В мае думаю быть в Москве, на пленуме. Увидимся.

Еще раз не советую хворать.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

14/IV 45

99. М. І. ЮФІТ

14 красавіка 1945, Мінск

Славная, милая Матильда!

Подыскал бы еще пару эпитетов, но остерегаюсь Павла — еще вызовет на дуэль, а я уже отвык от всяких артналетов и всяких прочих огневых операций. С холодным же оружием отвык обращаться, да и нет его у меня, за исключением, разве, древнего ножа Виноградской. Но это уже слабая защита, не способная, пожалуй, отразить даже атаки мрачного Аркадия на бедную Соню.

В общем, безоружен я есмь.

В Москву думаю заглянуть в мае. По необходимости. Предполагается пленум союза. Рады не рады — обязательно загляну в Ваши палестины — городские

или деревенские, это уже по усмотрению хозяев и любезности их транспорта.

Как обстоят дела у нас с нашими обязательствами, декларациями, обещаниями, связанными с милым Сеней и милейшим Василием Макаровичем? Для очищения совести я — «совесть бригады» — после нескольких месяцев горьких раздумий и сомнений написал коечто. Написанное не особенно удовлетворяет меня. Трудно подобрать жанровые формы для такого документального материала, с каким мы имеем дело. Максим и Аркадий сдали мне несколько стихотворений. Им, разбойникам, легче, не приходится иметь дело с трудоемкими материалами.

Получил недавно письмо от Василия Макаровича. Пишет, что числа восьмого этого месяца посылают они к нам Семена и что прибудет он в Минск числа двенадцатого. Правда, сегодня уже четырнадцатое, а Сенечки еще нет.

Таковы наши дела.

А в остальном — живем, трудимся, грустим, обозревая наши руины. Работы по горло. У меня ведь кроме союза еще Институт литературы и языка Академии наук, и десятки других обязанностей. Ребята посылают Вам искреннейший привет. Это — Аркашка и Максимка. Живут они сейчас в хорошем доме. У них даже событие — совместно с Петей Бровкой воздвигли на высоком тополе скворечницу. Против всяких ожиданий в ней поселился скворец. По сему случаю — переживают, настроены лирически, порою пьяно. Одним словом, весна на руинах.

Сердечный привет Павлу. Дружески пожимаю Ваши (Павла и Вашу) десницы.

Ваш *Міхась Лынькоў*.

14/IV 45

100. Р. Л. ГІНЗБУРГУ

2 мая 1945, Масква

Дорогой Григорий Львович!

Получил твое письмо и отвечаю торопясь, с дороги. Спрашиваешь о моей семье — ее нет, расстреляли нем-

цы, увезена была в Бобруйск в 1942 году, о чем и рассказала мне моя сестра Аня, бывшая в то время партизанкой.

Сейчас я лечу в Америку, на международную конференцию в Сан-Франциско. Прилечу назад — напишу о всем виденном.

С первомайским приветом

Міхась Лынькоў.

2/V 1945

101. Р. Л. ГІНЗБУРГУ

20 ліпеня 1945, Мінск

Дорогой Гинзбург!

Только что прочитал Ваше письмо от 9 мая этого года. Дело в том что я только что вернулся из далекой заокеанской поездки, вернее — из полета, и поэтому смог прочитать Ваше письмо только сейчас.

Был я в Америке, на международной конференции в Сан-Франциско, куда я летал в составе белорусской делегации. Пробыл там более двух месяцев. День Победы нам пришлось проводить на чужбине, и понятно, что по этому поводу мы достаточно грустили. Мы не знали, какой огромный праздник представлял этот день на нашей родной земле, где народ переживал огромнейшую радость. А нас там, в Америке, советских людей, было не так много, и конечно, мы не могли провести этот день так, как могли бы провести его на Родине.

О моих наблюдениях, впечатлениях пока не говорю, потому что устал от дороги страшно, ведь мы только в один конец проделали более пятнадцати тысяч километров на самолете, бывши в воздухе почти неделю.

Спасибо за письмо.

Посылаю лучшие мои пожелания.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

20/VII 1945

102. М. І. ЮФІТ

3 лістапада 1945, Мінск

Милая и славная Матильда Иосифовна!

Вы не можете представить, как горячо и дружески поздравляю я Вас с маленьким сыном. Это же такое огромное счастье, о котором мечтают порой хорошие и честные люди. Может быть, я и нехороший, но мечты вот такой я, грешным делом, тоже не оставляю...

Вы спрашиваете о моем согласии быть крестным папаней Михаила Павловича. Да разве можно об этом спрашивать? В ответ я только радостно целую Вас, счастливую, а чтобы не было накладно Павлу Филипповичу, целую и его, разбойника, а Вы уже сообща поцелуйте от моего имени **моего** малышку-крестника.

Несколько слов о моем житье-бытье. Живу на прежнем месте, на прежней квартире. Она несколько улучшилась по сравнению с прошлым — появились столы и стулья и даже скатерти на столах. Говорить о сносной хотя бы обстановке в наших минских условиях не приходится, Вы же видели наши руины. Но все это мелочи. А главное, Матильда Иосифовна и Павел Филиппович, в том, что я уже целый месяц (це-лы-ы-й ме-сяц!), как перестал быть бесприютным бобылем и стал вполне приличным человеком, занимающим, так сказать, вполне определенное семейное положение. Короче говоря — женился. И как это ни странно в наш век — чувствую себя счастливым. И кажется, что это действительно так. Жена моя Софья Захаровна Куспиц — молодой научный работник нашей Академии наук, историк. «Чуточку» моложе меня, этак лет на семнадцать. Правда, это не омрачает нашу жизнь и нашу судьбу, соединившую нас обоих, понесших за войну тяжелые утраты. Что еще сказать о моей половине. Люблю ее и отношусь к ней, как добрый старый (и в том и в другом смысле) «лыцарь». Как видите, я уже совсем заговорился — но все это простительно в моем теперешнем положении. Остается только просить Вас — пожелайте мне хоть чуточку самого обыкновенного человеческого счастья, которое так редко приходит к человеку.

Теперь о других делах.

Прошло уже около четырех месяцев, как я вернул-

ся из Америки. Был там больше двух месяцев. Насмотрелся на многое, познакомился с совершенно иным миром, иными людьми, иной страной. Когда-нибудь при встрече расскажу подробно. Поездка, вернее — полет — исключительно интересны. Туда и назад «покрыл» по воздуху тридцать две тысячи километров — над равнинами, тайгой, степями, горами, морями и океанами. Рассказать о чем — есть.

На днях был в Литве на первом съезде писателей-литовцев.

Вот и все мое послание-рапорт. Еще раз приветствую Вас с маленьким сыном.

Крепко жму руки Вам, обоим, славным моим друзьям.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

3/XI 1945

P. S. Приветствую с Октябрьской годовщиной.

М. Л.

Как только буду в Москве, обязательно загляну к Вам. Привет от Максима. Аркаша сейчас в Лондоне.

103. В. І. ЛЫНЬКОВАЙ

22 лістапада 1945, Мінск

Уважаемая Ольга!

Во-первых, должен извиниться за небольшое запоздание с ответом на Ваше письмо, датированное Вами двадцать шестым октябрем. Чрезвычайно рад некоторым обстоятельствам, предстоящим у Вас в ближайшем будущем, и сердечно приветствую и Вас и Колю с будущими «изменениями» в Вашей семейной жизни. Почти одновременно с Вашим письмом получил письмо от Коли, в котором он делится аналогичными новостями и беспокоится о Вашем благополучном переезде на родину.

Я написал Николаю, чтобы он в дальнейшем держал курс на Белоруссию, в наш военный округ. Оказать ему соответствующую помощь я всегда смогу.

У меня самого некоторые перемены в моей личной

жизни: взял да и женился на старости лет, надоело жить бобылем. В общем, полтора месяца, как я женатый человек. Одним словом, посылаю Вам привет не только я, но и моя жена Софья Захаровна. Она еще молодой человек, работает научным работником в нашей белорусской Академии наук. Могу только добавить, что любим и уважаем друг друга, живем счастливо. Надеемся, что и в дальнейшем будем жить также.

Таковы мои новости.

Крепко жму Вашу руку и желаю большого материнского счастья в ближайшем будущем.

Горячий привет от жены.

Уважающий Вас

Міхась Лынькоў.

гор. Минск, 22/XI 1945 г.

P. S. Почему Вы не сообщите мне своего отчества, неудобно и писать так, обращаясь к Вам только по имени.

М. Л.

104. Д. М. КАВАЛЁВУ

1945, Мінск

Дарагі тав[арыш] Кавалёў!

Ваш прыяцель т. Рабцэвіч Віктар заходзіў да мяне і перадаў Вашу запіску. Дзякуй за памяць. Жывём ў Мінску амаль там, дзе жылі да вайны: выдаем «Полымя», «ЛіМ» («Літаратура і мастацтва» — газета) і яшчэ новы журнал «Беларусь». Адрасы ўсіх — можна пісаць на Саюз савецкіх пісьменнікаў (вул. Берсана, 6), а «Беларусь» (вул. Пушкіна, 55) і «Бярозка» — дзіцячы часопіс — у нас тут, у выдавецтве. Так што друкавацца ўжо ёсць дзе і друкаваць ёсць што. Наша беларуская літаратура за вайну «выцыбалася», як і ўсе падлеткі, і зараз ужо ходзіць у доўгіх штанах славы і ўсеагульнага прызнання. Не пашанцавала толькі прозе: смерць Самуйлёнка, Кузьмы Чорнага, Рыгора Мурашкі (загінуў у фашысцкім засценку як партызан), Бядулі <...> палон Макара Паслядовіча (толькі зараз знайшлі ў Нямеччыне на становішчы раба) — усё гэта падрэзала,

крыллі прозы. Хаця на будучы год тры празаікі (Лынькоў, Стаховіч і Гурскі) абяцаюць па раману. Значыцца, і проза цягнецца ўгору.

Вы неяк адарваліся ад нас. Калі ёсць беларускія вершы, дасылайце іх або непасрэдна ў журналы і газеты («Звязда» і «Чырвоная Змена» — Пушкіна, 55), або можаце даслаць і праз мяне, праз выдавецтва, а я іх тут «растыцкаю». Калі ёсць ужо лепшых вершаў на зборнік, безадкладна паведаміце, а яшчэ лепей, і прышліце, каб не спазніцца ўключыць у план 1946 года. Тэматыка, напэўна, у Вас арктычная, а гэта значыць, для беларускай літаратуры новая. Яна якраз магла б пасаваць, як антыпод іранскай паэзіі Пімена Панчанкі. (Добрыя, цудоўныя вершы піша Панчанка! Мы выдаём зараз яго зборнік іранскіх вершаў.)

У мяне асабіста шмат работы па выдавецтву, на сваю ўласную творчасць застаецца часу з вераб'ёву гульку.

Ну, бывайце. Чакаю вершаў.
З пашанай

Міхась Лынькоў.

1946

105. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

18 красавіка 1946, Мінск

Привет, Николай!

Открытку твою и письмо получил и вот выбрал время ответить. Жаль, что ты до сего времени пребываешь еще в бесквартирном положении. В общем, старайся все же приобрести квартиру, приедем тогда к тебе в гости.

Вот ты пишешь о мебели, об обстановке. В Вильнюсе ее, конечно, больше, и она дешевле, чем в Минске. Была бы у тебя квартира, ты бы и мне где-нибудь насмотрел бы что-нибудь толковое из мебели — книжные шкафы, буфет, диваны и пр., я бы смог прислать грузовик за ней. А раз квартиры у тебя нет, то, конечно, и покупать такие вещи нет смысла, раз их негде сложить.

Пишешь ты насчет телефона. Думаю, что через месяц у нас все телефоны переведут на автоматику и тогда можно будет со мной говорить. А теперь не ставлю обычного телефона потому, что они отживают последние дни.

О чем тебе еще написать? Живы и здоровы. Софья Захаровна шлет тебе привет. Перешли привет от нас жене. Жаль, что ты не даешь мне точного адреса. На днях в Вильнюс поедут мои ребята на грузовике, могли бы зайти к тебе.

На этом заканчиваю свое послание. Приветствуем с женой с близким Первым маем.

Твой брат

Міхась.

Минск 18/IV 1946 г.

106. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

6 ліпеня 1946, Мінск

6/VII 1946

Дорогая София!

Как я рад, получив наконец твою телеграмму, что ты уже на месте, в санатории, и даже в палате. Правда, я не знаю еще, как ты добралась до места, сколько дней понадобилось на дорогу, как добиралась с Симферополя в Евпаторию, как понравился тебе курорт и т. д., и т. п.

Одно, что обескуражило меня в твоей телеграмме и доставило несколько веселых минут нашим соседям, это торжественное твое сообщение, что ты целуешь некоего «Фомия». Так и написано в телеграмме: «Все хорошо адрес Евпатория санатория Ударник дача Кармен палата семь целую Фомия». Фомия целуешь, а мою фамилию переделала в Лырькова.

Однако шутки в сторону. Пиши подробнейше о дороге, о лечении, о самочувствии. Старайся поправиться на славу, чтобы привезла домой побольше южного солнца.

Как мы тут живем? Постепенно вхожу в мою теперешнюю холостяцкую жизнь — привыкать с непривыч-

ки трудновато и скучно. Очень и очень скучаю. Вчера заходила справиться о тебе Маруся. Собиралась сегодня зайти узнать, получил ли от тебя телеграмму. <...>.

Завтра с Максимом и Кондратом думаем съездить в Ждановичи навестить Глебуса с чады и домочадцы.

А в общем — скучновато. Да еще света сегодня не было. Тружусь пока над чужими книгами и рукописями. Как-нибудь примусь и за свои работы.

Пиши мне, Софунька, почаще, рапортуй о курортной своей жизни, о лечении, о развлечениях, о море и пр. На «Фомиев» особенно не заглядывайся, иначе и я стану «шукаць якую-небудзь Фамію».

Пиши, как там вас кормят, поят, услаждают зрелищами и пр. Если с кормежкой худовато, прикупай на стороне, если это возможно в евпаторийских условиях. Если нужны дополнительные финансы — немедленно телеграфируй.

На этом заканчиваю свое многословное послание. С нетерпением жду твоего первого письма. Между прочим, конверты, марки и открытки ты забыла-таки дома. Привет от Константина Михайловича, Евгении, Максимов и всей нашей братии.

Крепко целую свою воздушную путешественницу!

Твой *Міхась Лынькоў*.

107. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

9 ліпеня 1946, Мінск

9/VII 1946 г.

Софуня!

Пишу тебе второе послание. Первое письмо написал тебе шестого после получения твоей телеграммы. Вместе с этим письмом посылаю тебе открытку от твоих родных.

Что нового у меня? Все по-старому, живу, тружусь, потею в нашем пыльном Минске. Вчера ездили в Ждановичи, в гости к Глебке. Неофициально он справлял день своего рождения. Ездили — из экономии бензина — на грузовике. Были Танк, Пимен, Максим с Же-

ней, Кучар и Кондрат с домочадцами. Поездкой все мы остались чрезвычайно довольны. Дача Глебки в чудесной местности — лес, река, луга и т. п. Несколько раз искупались — я то первый раз в этом году,— загорали на солнце, малость поиграли в дурня. В общем, время провели замечательно. Мы с Кондратом сожалели, что в прошлые разы мы выезжали по воскресеньям в неуютные места. Если бы ты была с нами, то тоже осталась бы довольной такой поездкой.

Пиши мне, как проводишь время в Евпатории и довольна ли курортными распорядками.

Получил письмо от Прокофьева, просит приезжать во второй половине месяца августа, передает привет тебе.

Вот и все события за истекшие три дня, о чем и рапортую тебе, моя сеньёра.

Пиши, как живешь, здравствуешь.

Целую и обнимаю.

Твой *Міхась.*

108. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

12 ліпеня 1946, Мінск

12/VII 46

Софуня!

Сегодня получил от тебя сразу три послания — два письма и открытку (письмо и открытку за 3 и 4 июля из Симферополя и письмо из Евпатории, писанное, очевидно, числа пятого). Прочел твои симферопольские послания и не на шутку всполошился за твою путевку: печати и пр. Однако сразу успокоился, когда вспомнил, что только на днях получил твою открытку из Евпатории от 5 июля, в которой ты не писала ни о каких затруднениях. Одним словом, первые твои дорожные послания почему-то слишком запоздали. Очень рад, что все обошлось благополучно. Доволен и тем, что ты неплохо перенесла свой первый воздуш-

ный перелет. Посадок тоже не бойся, смело смотри в окно, это довольно-таки интересно.

Судя по твоему письму, санаторий у вас не из первоклассных, раз даже мебели нет в комнатах. Старайся поправляться, поздороветь, подзагореть. Одним словом, домой ты должна вернуться форменной цыганкой.

Обо мне не беспокойся. Живу, тружусь. Питаюсь сносно <...>. Сегодня ночь отвел на проявление снимков. Проявил все семь пленок, что накопились за лето. Много замечательных кадров. Многие можно будет увеличивать, настоящие художественные снимки. Хороши снимки, сделанные мной у Коласа. А вообще ты везде хороша, как и подобает быть моей почтенной женушке. Неплохи снимки в Ботаническом саду и в леску за Кальварией. Прекрасны снимки из нашей поездки в Вязынку. Одним словом, каждый день можешь рассчитывать на получение от меня по одному снимку. Одновременно с этим письмом посылаю тебе один из снимков.

О чем тебе еще написать? Скучаю о тебе, Софунька, чертовски, просто порой свет не мил. Утешаюсь одним, что вот уже девять дней прошло со времени нашей «разлуки» и остается какой-нибудь сущий пустяк — недели три, не более. Время и пробежит как-нибудь. Все же, Софуня, привыкли мы друг к другу. Не знаю, как ты, а мне без тебя скучно-скучно. Дело, очевидно, не в привычке только. Трудно мне представить свою жизнь без тебя, «возмутительницы» моего спокойствия. Однако хватит объясняться тебе в любви, и без этого видишь, что люблю тебя, мою славную разбойницу.

О всяких других делах. Заходила Вера, записала твой адрес, думает писать тебе. Заходила Маруся, ожидала, что ты пришлешь письмо. Кстати, очень удачны снимки ее и твоей двоюродной сестры, помнишь, снимал на дворе.

Теперь о прозе. Пока письмо мое дойдет до тебя, будет уже вторая половина месяца. Не забудь заранее подумать о способах своего возвращения назад, о билетах, о форме № 7 (или 37, не помню). Если есть возможность, сделай разведку насчет самолета — дорога воздухом значительно короче.

Привет тебе от Жени, от двух Максимов, Пимена,

Кондрата с чады и домочадцы, Якуба Коласа и от всех товарищей. Привет от Веры и Маруси.

Крепко, крепко целую и обнимаю.

Твой *Міхась.*

109. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

15 ліпеня 1946, Мінск

Софуня!

Получил сегодня от тебя телеграмму, в которой спрашиваешь, почему я ничего не сообщаю. Я удивился этой телеграмме, так как послал тебе уже несколько писем. И не только несколько, а вот уже четвертый день, как посылаю тебе ежедневные коротенькие послания, а если не послания, то хотя бы по одному фотографическому снимку. А от тебя вот писем нет и нет. Последнее твое письмо прислано мне от 6 июля. После этого никаких вестей от тебя, кроме сегодняшней телеграммы, не имею. Что нового у меня? Сегодня понедельник. Вечером начинается общее собрание Академии наук, продлится оно, судя по повестке дня, суток четверо. Вчера, в воскресенье, я, Кондрат с жинкой и Максим с женой ездили в Ждановичи на дачу к Глебке. Время провели исключительно хорошо. Купались раз пять, на месте варили обед, уехали часов в девять вечера. У них хорошая дача — сосновый лес, река Свислочь, луга. Погода нас тоже не подвела, дня четыре подряд были дожди, а воскресенье выдалось теплым, солнечным.

Таковы мои дела. А твоих вот совершенно не знаю. Как ты там живешь, как лечишься, отдыхаешь, развлекаешься — всего этого я не знаю. Понравилось ли тебе море, пляж, купаешься ли, принимаешь ли грязевые или морские ванны, загораешь ли — ничего мне об этом не известно. Мы теперь несколько дней не имеем света, по вечерам тоскливо, скучаю по твоей милости много, ведь уже двенадцать дней прошло после нашей «разлуки». Все это пишу к тому, чтобы ты почаще посылала мне письма. Наступает уже вторая половина месяца, пора тебе, Софуня, подумать о билетах и прочей проездной прозе. В одном из прошлых писем

я уже говорил тебе, что не мешает — в случае возможности — сделать разведку насчет возможности прилететь назад на самолете, все же это не так утомительно, как ехать поездом. Напиши или протелеграфируй, как у тебя с деньгами. Если нужны — вышлю немедленно телеграфом.

Ничего ты не сказала мне, как у тебя дела с питанием, бытовыми условиями и т. д. Только обещала в одном из писем сообщить об этом, но до сего времени не написала ни строчки. Вот и все мои претензии к тебе, Софуня. Пиши, не откладывая письма на другой день. Я ведь знаю, ты малость ленишься отвечать на письма.

Привет тебе от Максима, Кондрата, Лены, Люды, Глебки и Нины, Оли, от Веры и Маруси и т. д.

Крепко тебя обнимаю и целую.

Твой *Михась.*

15/VII 1946 г.

110. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

20 ліпеня 1946, Мінск

20/VII 1946

Софуня!

Вчера вечером получил сразу целых три письма от тебя: от 8, 9 и 11 июля. Радости было для меня хоть отбавляй. Плоховато то, что пишешь ты очень скупо, не говоришь мне о твоих настроениях, чувствах, переживаниях, впечатлениях и т. п. Вот очутилась ты на берегу моря и ни слова не написала мне, как оно тебе понравилось. Пробовала ли купаться? С кем проводишь время? Что за женщины твои соседки по палате? Почему не ходишь в кино, на концерты? Что касается твоих уборов, то, право, не стоило бы грустить по этому поводу. Ничего зазорного не случилось бы, если бы ты побыла в кино и в том платье, в котором ты поехала. Кроме всего прочего, ты же поехала подлечиться, а, следовательно, обращать внимание на всяких дам, приезжающих на курорты в качестве манекенов модных ателье, не стоило бы. Вот найдем время поехать

просто развлечься — тогда другое дело: и мы с тобой, вернее, ты, сможем пыль пустить, что называется... Но все это такие мелочи и пустяки, которым и ты, насколько я тебя знаю, не придаешь особого значения.

Что нового у нас? Погода всю неделю стояла исключительно жаркая, думаю, такая же, как и у вас в Евпатории. Сегодня суббота, ночью прошел дождь и день сегодня холодноватый, пасмурный. Если и завтра, и воскресенье, будет такая же погода, то сорвется наша поездка в Ждановичи. А хотелось бы искупаться — ванную с твоего отъезда я ни разу не затапливал, затопим ее вместе с тобою. На этом заканчиваю очередной свой рапорт. Привет тебе от Константина Михайловича и всех наших хороших знакомых.

Крепко обнимаю тебя, мою путешественницу, и также крепко целую.

Твой *Міхась.*

P. S. В случае, если тебе придется ехать поездом, подбирай хороших попутчиков — и ехать веселей и удобней.

М. Л.

111. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

23 ліпеня 1946, Мінск

23/VII 46

Софуник!

Вот уже несколько дней, как от тебя не слышно писем. В письме от 14 июля ты и писала мне, что не будешь «докучать» моей персоне письмами. А напрасно. Я с таким нетерпением ожидаю каждое твое письмо, что ты и представить не можешь мое разочарование к концу дня, когда почтальон приносит только Максимовы газеты, а мне — ни одного конверта.

Вчера уехали мои гости, так что на квартире у меня теперь тишина и спокойствие. Вчера Константин Михайлович пригласил нас пожинать плоды Михасевой охоты. Тот настрелял с десяток уток, жаркое из них получилось на славу. Понятно, мы — Кондрат, Максим, Пимен, Данила и Константин Михайлович — во-

здали должное «утям» как представителям водоплавающей дичи. Даже песню спели про некоих летящих уток и два гуся. Константин Михайлович передал по сему поводу горячий привет Софье Захаровне.

В письмо это не вкладываю тебе, как делал это всегда, запасного конверта и бумаги. Пока это письмо дойдет до тебя, ты уже будешь собираться в отъезд до хаты. Жду тебя, мою повелительницу, с нетерпением.

Привет от всех наших знакомых. Заходила Вера, я пожурил ее за то, что не написала тебе ни одного письма. Заходила Маруся, дал ей снимки — помнишь, что снимал ее, тебя и Ларису на дворе.

Обнимаю тебя и целую крепко-крепко.

Твой *Міхась.*

112. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

24 ліпеня 1946, Мінск

24/VII 1946

Софуня!

Вчера вечером получил твое письмо от 16/VII, а сегодня утром другое твое письмо от 15/VII. Как видишь, вчерашнее твое письмо шло семь дней, а сегодняшнее девять дней. Очень рад за твое письмо от 15/VII, в нем много радости, бодрости, а вот 16/VII ты уже малость скисла и говоришь обо всем в минорном тоне. Не знаю, получишь ли ты это письмо. В лучшем случае, если оно будет идти дней шесть, то оно еще застанет тебя в санатории. А ведь оно может идти и девять и десять дней, тогда придется ему застрять в Крыму. Во всяком случае, на этом письме прекращаю свою переписку с тобой, потому что письма тебя уже не застанут в Евпатории. Жаль, что ты ни разу не сообщила мне, получала ли ты мои фотоснимки. Вчера послал тебе телеграмму, письма ведь идут так страшно долго. Сегодня уже двадцать четвертое июля, тешу себя мыслью о том, что скоро мы опять будем вместе, и ни ты, ни я скучать особенно не будем.

На этом и заканчиваю нашу переписку. Пришлю еще одну-другую телеграмму.

Привет от Константина Михайловича и от всех наших знакомых.

Крепко тебя целую.

Твой *Міхась.*

P. S. Посылаю еще один из фотоснимков.

М. Л.

113. Б. М. МІКУЛІЧУ

10 верасня 1946, Мінск

Тов[арищ] Микулич!

Никто не против Вашего возвращения на родину. Само собой разумеется, что Вы всегда найдете работу у нас, любую, в том числе и литературную. Правда, я не знаю, будете ли Вы иметь право на проживание в Минске. Во всяком случае — напишите нам об этом. В случае необходимости окажем Вам необходимую поддержку перед правительством. Должен также сообщить Вам, что квартирные условия у нас чрезвычайно тяжелые в результате огромных разрушений, причиненных войной и фашистской оккупацией.

Міхась Лынькоў.

10/IX 1946 г.

1947

114. Б. М. МІКУЛІЧУ

23 студзеня 1947, Мінск

Тав[арыш] Мікуліч!

Выбачце за некаторае спазненне з адказам на Ваш ліст. Справа ў тым, што я ўсё чакаў аднаго чалавека, з якім я павінен вырашыць усе справы, звязаныя з Вамі. Але ён яшчэ не прыехаў з Масквы, дзе знаходзіцца па дзяржаўных справах рэспублікі. Прыедзе ён, відаць, дзён праз пяць. Я на тыдзень выязджаю ў Пін-

шчыну на выбарчую кампанію. Па прыездзе адтуль вырашу ўсе Вашы пытанні. Аповесці Вашы атрымаў, гаварыць аб іх буду пасля вырашэння ўсіх спраў. Адно, што магу сказаць: першая палова палескай аповесці мне спадабалася, другая палавіна не зусім, бо Вы не досыць добра ведаеце тую суровую сапраўднасць, якая мела месца на Беларусі ў часы вайны. На гэтым бывайце.

З таварыскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

23/I 1947 г.

115. Б. М. МІКУЛІЧУ

28 сакавіка 1947, Мінск

Тав[арыш] Мікуліч!

Прашу выбачэння за даволі значнае спазненне з адказам на Вашы лісты. Праўда, у гэтым спазненні я не зусім вінаваты. Як я Вам пісаў, мне трэба было перагаварыць, параіцца з пэўнымі людзьмі перад тым, як напісаць Вам пэўны адказ. Што я магу сказаць Вам сёння? Гэта адно, што шлях да літаратурнай дзейнасці Вам нікім не закрыты і — у гэтым няма ніякага сумнення — Вы будзеце займацца сваёй любімай справай. Аднак ёсць і некаторыя «але». Вы хочаце звярнуцца на Беларусь, у прыватнасці ў Лагойск. Гэта ўпаўне зразумелае жаданне. Але да гэтага часу мне і нашай пісьменніцкай грамадскасці невядомы некаторыя, я б сказаў, «юрыдычныя» акалічнасці Вашай справы. <...>.

Далей: варта пачынаць новае жыццё з якой-небудзь службовай працы — маю на ўвазе Беларусь — ці з настаўніцкай ці з якой іншай, якая Вам па сілах. Зразумела, што разам з гэтым Вы зможаце распачаць і сваю літаратурную працу, уключыцца ў літаратурнае жыццё рэспублікі.

Такія мае парады Вам.

Адносна аповесці аб Багдановічу магу сказаць толькі адно: яна патрабуе яшчэ пэўнай працы над ёй. Аповесць выглядае задужа, я б сказаў, песімістычнай,

змрочнай. Ні патрабаванні нашага часу, ні ўся сонечная, жыццесцвярджаючая творчасць паэта не апраўдваюць даволі сумнага каларыту твора. Але ж гэта заўсёды можна перамагчы, тым больш што ў Вас ёсць на гэта ўсе магчымасці, усе творчыя, як гэта гаворыцца, даныя. Адным словам, калі ў Вас захавалася страсная любоў да літаратуры, то Вы здолееце перамагчы пэўныя цяжкасці для таго, каб аддацца потым любімай дзейнасці.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

28/III 1947 г.

116. М. М. МІКУЛІЧ

29 сакавіка 1947, Мінск

Товарищ Микулич!

Я послал Вашему брату пару писем за последнее время — одно письмо одновременно с письмом к Вам. Ответил ему и относительно присланных им трех рассказов.

Думаю, что он сумеет заняться своим любимым литературным делом. Но перед этим ему придется, очевидно, разрешить ряд некоторых формальностей, которые неизбежны в таких случаях.

С приветом

Міхась Лынькоў.

29/III 1947

117. Б. М. МІКУЛІЧУ

1 красавіка 1947, Мінск

Тав[арыш] Мікуліч!

Толькі што прачытаў усе лісты і рукапісы, атрыманыя ад Вас за час майго водпуску. Што я магу сказаць у адказ на іх? Яшчэ перад выездам маім з Мінска, прыблізна за месяц да выезду, я перадаў Вашы рука-

пісы ў праўленне саюза некаторым таварышам для чыткі і скарыстання ў часопісе «Полымя». Перадаў я Броўку Петрусю (рэдактар «Полымя») і рукапіс, атрыманы на маё імя ў часе водпуску. Пастараюся прасачыць, каб яны хутчэй прачыталі і далі б Вам належны адказ. Як Вы ведаеце, на тыя рукапісы, якія я сам прачытаў, я даў Вам адказ. Наогул, як ведаеце, справа абстаіць так, што Вам не закрыты шляхі ў літаратуру: твор, які будзе задавальняць рэдакцыю, будзе скарыстаны ёй. У папярэднім пісьме Вы пісалі, што хочаце пагаварыць асабіста са мной. Будзе ў Вас выпадак пабываць у Мінску, калі ласка, можна будзе пагаварыць. Цяпер прашу звязвацца з рэдактарам часопіса Броўкам (у адрас Саюза пісьменнікаў на Дом урада, альбо непасрэдна ў адрас часопіса на Дом друку, выдавецтва). Я яшчэ раз скажу Броўку аб Вашых рукапісах.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

1/IV 1947 г.

118. ЯКУБУ КОЛАСУ

10 красавіка 1947, Мінск

Даражэнькі Канстанцін Міхайлавіч!

Падпішыце прывітанне Грыгонісу і захапіце [redacted] сабой на вечар у партшколу для перадачы мне. На вечары ў партшколе я таксама буду.

З прывіт[аннем]

Міхась Лынькоў.

10/IV 47

119. П. Н. КАВАЛЁВУ

1 ліпеня 1947, Мінск

Паўле!

Да Масквы едзе Левін, з ім перадаю гэтую пісульку. Што новага ў нас? Купалаўскі вечар правялі-такі

28-га, было мне запаркі, бо вырашылі вечар праводзіць іменна 28-га, напярэдадні суботы, трэба было ўсё арганізоўваць спачатку, а білеты размяркоўваць у дзень вечара. Але ўсё адбылося добра. На вечары былі Гусараў, Ігнацьеў, Іаўчук, Панамарэнка і другія таварышы з кіраўніцтва. Справаздача наша ізноў адкладзена, прызначана на 8-е, цяпер зноў ідзе падрыхтоўка. Сёння правялі паэтычн[ую] секцыю — слухалі Масэнку аб анталогіі беларуск[ай] паэзіі на ўкр[аінскай] мове. Сёння вечарам я і Александроўская пазнаёмімся ў Эльмана з праектам адбудовы нашай каробкі на Падгорнай, рашэнне яшчэ не прынята. У мінулую пятніцу на Савеце Міністраў прайшлі купалаўскія пытанні і пастанова аб сям'і Таўлая.

Пятага я выпраўляю ў Маскву чалавек пяць нашых пісьменнікаў, членаў Таварыства па распаўсюджванню палітычн[ых] і культурн[ых] ведаў — відаць, будзе вялікі з'езд. Калі надумаецеся застацца ў Маскве з Клімковічам і Танкам на гэтым з'ездзе, дык адразу ж тэлеграфіруй, і я вышлю вам з хлопцамі камандзіровачныя пасведчанні, хаця ў дачыненні цябе мне б гэтага і не хацелася рабіць, паколькі на чарзе дня наша справаздача, ды і я сабіраюся пакрысе ў ад'езд, калі справаздача не адкладзецца яшчэ раз.

Вось і ўсё, што думаў напісаць табе на хуткую, што называецца, руку ў часе паседжання.

Максіма Танка папрасі, каб ён купіў дзе ў фотамагазінах дзве плёнкі, якія ўжываюцца пры праяўленні фэдаўскіх фотаплёнак. Ён ведае, якія гэтыя плёнкі — калі будзе час у яго, няхай пашукае.

На гэтым прывітанне ад мяне і ад маёй паважанай палавіны ўсёй шаноўнай дэлегацыі.

Міхась Лынькоў.

1/VII 1947 г.

120. ЯКУБУ КОЛАСУ

19 кастрычніка 1947, Мінск

Даражэнькі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымалі Ваша пасланіе і прывітанне ад гор каўказскіх, а сёння Даніла перадаў па тэлефону Ваша пры-

вітанне з пісьма, перасланага Вамі падарожным чалавекам. За ўсё гэта наша сардэчная падзяка і самыя найлепшыя нашы пажаданні: добрага здароўя, добрага лячэння, слаўнага адпачынку і бадзёрага настрою.

Цяпер дакладваю аб усім нашым жыцці-быцці. Я з Кандратам націскаем на ўсе сцэнарныя педалі, абрыдлі яны нам да немагчымасці. Займаюся таксама аднатомнікам гісторыі беларускай літаратуры — гэты аднатомнік выгрызе мне ўсе печані. Акрамя ж яго ў мяне на руках яшчэ справа з падручнікам па літаратуры для сярэдняй школы. Мне здаецца, што калі мы пярэйдзем праз гэты рубікон, то на свеце жыць стане куды прыемней, весялей, а галоўнае — вальней. Цяпер жа проста не прадыхаць.

А тут яшчэ ліха паднесла артыкул Васілёнка ў «Литературной газете». Артыкул хаця і мае некаторыя прыватныя заўвагі, але вельмі ўжо развязны ў дачыненні да нашай літаратуры і наогул «злопыхательский». Нельга ж усіх людзей, якія працуюць над падручнікамі, агульна ахайваць фальсіфікатарамі і невукамі. Мне здаецца, што ў гэтым артыкуле аўтар зводзіць нейкія свае асабістыя рахункі з нашымі аўтарамі. Не ведаю, ці чыталі Вы гэты артыкул?

Заўчора адбыўся прэзідыум Акадэміі навук, на якім вызвалілі ад пасады Жэбрака. На прэзідыуме я асабіста не быў. Шкада чалавека — усё ж, як-ніяк, сапраўдны вучоны. Але ж такую дурасць адкалоў з гэтай сваёй пісанінай, міма якой прайсці, зразумела, нельга. Тым больш калі прыняць пад увагу стаўленне да нас былых нашых заакіянскіх «саюзнічкаў». Да таго апастылелі яны, што нават чытаць справаздачы аб Генеральнай Асамблеі няма ніякай ахвоты.

Таму я адразу і пераходжу да нашай пагоды. У нас захаладала. Учора днём было градусы два цяпла, ды і сягоння, відаць, не болей. Сёння раніцой быў моцны замаразак, лісце з дрэў амаль што поўнасцю асыпалася. Адразу запахла зімой, хаця снег яшчэ не паказваўся. З прычыны халадоў я сёння практыкаваўся ў новай прафесіі — шкліў фортку ў вакне, якая да гэтага часу была заткнута кардонам. Спецыяльна для гэтага купіў сёння алмаз. Практыкаванні мае нагадвалі не досыць удалыя спробы крылоўскага мядзведзя гнуць дугі. Пабітага шкла наваліў я цэлыя горы. Але ў рэшце рэшт усё ж адолеў я фортку і сяму-таму навучыўся.

Вылазак у грыбы пасля Вашага ад'езду мы не рабілі. Не зрабілі яшчэ і рэкагнасцыроўкі дачных мясцовасцей, усё неяк не выстарчала часу. Панцеляймон Кандратавіч раіў нам нейкае месца па дарозе на Астрашыцкі Гарадок — лес, гара, возера і іншыя «красоты». Не глядзелі яшчэ. Падгавару Петруся і сюдытуды праедземся.

На гэтым і заканчваю наша пасланіе. Прывітанне ад усіх нашых хлопцаў. Пішыце, як лечыцеся, як праводзіце час, ці сустракалі якіх знаёмых?

Застаемся з найлепшымі пажаданнямі, цалуем.

Ваш *Міхась, Зося.*

19/X 1947 Мінск

121. Б. М. МІКУЛІЧУ

25 снежня 1947, Мінск

Тов[арищ] Микулич!

Вы, наверное, изрядно ругаете меня за некоторое запаздывание с ответом на Ваши письма. Поверьте, что и запаздываю я иногда с единственной целью: все жду, чтобы дать Вам окончательное положительное решение Вашего вопроса. Я говорил в Центральном Комитете по всему этому делу, да и Ваше письмо там имеется. Должен сказать, что принципиально вопрос решается здраво: а почему же и не печатать Вас, если напишете подходящую вещь. Дело теперь за редакторами. Я им уже говорил неоднократно о необходимости так или иначе решить вопрос с отдельными Вашими вещами. Они ждут еще случая лишний раз согласовать все эти вопросы. Нажимайте еще на них. Думаю, что в ближайшее время все это разрешится в Вашу пользу. Повторяю: дело теперь только в редакторах.

С приветом

Міхась Лынькоў.

25/XII 1947 г.

1948

122. А. С. ВАСІЛЕВІЧ

18 красавіка 1948, Мінск

Паважаная тав[арыш] Васілевіч!

Вы ўжо, відаць, «усе чаканкі паелі», спадзеючыся з дня на дзень атрымаць мой ліст. І напэўна «і руганіем мя паругах» і ўсякім «злым речением мя поносих». Каюсь. Грэшан. Заслужыў. І Вам, як маладому аўтару, спачуваю: некалі быў у Вашай, груба кажучы, скуры. Але Вы можаце сказаць, што гэта кракадзілава спачуванне.

Але пярэйдзем бліжэй да справы. А справа ў тым, што я не зусім вінаваты ў гэтым спазненні з адказам на Ваш рукапіс. Мне перадалі яго літаральна за два дні перад нашым рэспубліканскім сходам. Не меў ніякай фізічнай магчымасці пазнаёміцца з ім, бо трэба было экстранна канчаць падрыхтоўку даклада, прынамсі — сам даклад. А пасля сходу я пралежаў некалькі тыдняў хворы. Я нават прасіў Піліпа Пестрака, каб ён паведаміў Вам аб прычынах майго спазнення. За час маёй хваробы ў мяне на маёй службе ў акадэміі сабралася тэрміновых рукапісаў (па падручніках па літаратуры для сярэдняй школы) старонак на 800. Іх трэба было безадкладна адрэдагаваць, бо ўсякія тэрміны, вызначаныя ЦК нашай партыі, былі прапушчаны. А тут яшчэ абарона дысертацый супрацоўнікамі нашага інстытута. А я ж, грэшным дзелам, кіраўнік, альбо часам афіцыйны апанент. А дысертацыі — гэта пухлыя рукапісы. А ўсё гэта адбірае вялізныя кавалкі часу. А тут ізноў грып.

Адным словам, як Марка па пекле.

Але мы ізноў-ткі далёка ад справы, якая Вас непасрэдна закранае і цікавіць. Мне хацелася ўсё ж сур'ёзна пасядзець над Вашай аповесцю, каб даць Вам і сур'ёзны адказ. І вось Ваша аповесць у мяне праканспектавана, «хірургічна ўскрыта», выпісаны дыягназ.

Агульнае маё ўражанне? Аповесць я прачытаў з задавальненнем, зжыўся з некаторымі героямі, трымаю ў памяці паасобныя карціны, трапныя зарысоўкі, удалыя параўнанні. Усё добрае, удачнае ў мастацтве заўсёды застаецца ў памяці.

Што ж добрага, харошага ў Вашай аповесці?

Сур'ёзная ідэйная задума. Паказ таго штодзённага і не заўсёды прыкметнага гераізму нашых жанчын-калгасніц, якія вынеслі на сваіх плячах увесь цяжар вайны (я маю на ўвазе іх намаганні падтрымаць, не запусціць сельскую гаспадарку).

Гэта паказана Вамі не дрэнна, а ў асобных раздзелах добра, нават бліскуча.

У гэтым, па-мойму, асноўная ўдача аповесці. Не ў «шляхах-дарогах», як пішаце Вы ў загалоўку, а іменна ў паказе гераічнага жыцця і змагання савецкай жанчыны.

Аб загалоўку скажу ніжэй.

Вамі любоўна выпісаны паасобныя жаночыя вобразы: асноўнай гераіні Любы, Волькі і некаторыя другія.

Волька — арыгінальны вобраз, хаця яму можа і не стае яшчэ дакладнасці. Не зусім ясны ўзаемадачыненні яе з былым мужам, якія б больш апраўдвалі яе паводзіны. Моцны біялагічны пачатак у ёй не шкодзіць, на маю думку, трактоўцы гэтага вобраза як станоўчага.

Цікава расказана Вамі аб сямейным жыцці — даваенным — Хадкевіча.

Да чытача даходзіць увесь своеасаблівы каларыт ваеннай вёскі. Відаць, што аўтар ведае сялянскае жыццё, яго асаблівасці, увесь вясковы побыт, праявы, перажыткі ідыятызму вясковага жыцця і г. д. Забыў сказаць: у Вас цудоўна выпісана летняя граза — багата свежага, новага ў гэтым апісанні. Надзвычай удалыя фразы: «Жыта, як перац схапілі», «Прападзе жыта ў бабках, як бачыш бараной парасце» і інш.

Гэта ўсё добрае, дадатнае, станоўчае ў аповесці. Але, як гэта гаворыцца, мы не можам прайсці і міма істотных недахопаў. Самы асноўны з іх — пэўная кампазіцыйная рыхласць аповесці, аднастайнасць яе сюжэтнай пабудовы. Вы яшчэ не навучыліся, як след, вязаць сюжэтныя вузлы, інтрыгаваць чытача. Вы будуеце твор, нанізваючы ў строгай храналагічнай паслядоўнасці асобныя эпізоды. Тут варта Вам сёе-тое запазычыць, пераняць у лепшых майстроў рускай і сусветнай літаратуры. Можна ж ужываць і пераносы ў часе падзей і ўсякія іншыя спосабы, якіх тысячы, каб трымаць чытача ў напружанні — а што будзе далей? Ёсць «длинноты», паўтарэнні. Аповесць яшчэ трэба

падчысціць, падскарацiць — ад гэтага яна толькі выйграе.

Цяпер аб асобных недахопах, недакладнасцях, недапрацаванасцях. У трактоўцы ўзаемадачыненняў Любы і Хадкевіча ёсць непатрэбныя, залішнія моманты, якія гучаць пэўнай абразай памяці загінуўшага Юзіка. Не трэба аўтару залішне акцэнтаваць на перажываннях сваіх герояў такога роду, як, скажам, «праблема», устаўшая перад Любай: «Юзік і Хадкевіч». Зусім дрэнна гучыць аўтарская сентэнцыя: «як расходзяцца і хутка знікаюць кругі ад кінутага на ваду камня, так разыходзіўся і знікаў у думках Любы вобраз Юзіка». Ці так гэта бывае ў жыцці? Не зусім так, тым больш што Юзік быў, ці правільней, іх дачыненні былі ідэальна шчаслівымі. Тут аўтар страціў да пэўнай ступені пачуццё мастацкага такту ў дачыненні да некаторых адвечных ісцін. Аўтар як бы знарок імкнецца апраўдаць любоў гераіні да Хадкевіча. Гэта любоў абсалютна законная, натуральная, і няма ніякай патрэбы яе апраўдваць, а тым больш выжываць гвалтоўна з памяці чалавека вобраз Юзіка. А Вы некалькі разоў акцэнтуеце на гэтым. Атрымоўваецца прыкра, фальшыва, без належнай павагі да вялікай годнасці чалавека і проста да светлай памяці добрага чалавека.

Яўна занізілі Вы вобраз Міхала Корбута — маю на ўвазе канец аповесці. Ці нельга было даць яму больш адпаведнае месца ў жыцці? А Вы яго проста кінулі ў брыгадзіры, абы толькі развітацца з героем.

Лічу няўдалым вобраз настаўніцы Марыны Паўлаўны. Калі спачатку яна абяцала нешта цікавае ў творы, то потым яе роля выклікае яўнае расчараванне. І няўдалы іменна таму, што Вы спрабуеце не то што перакрыжаваць дзве дарогі — Любы і яе,— а правесці нейкія паралелі: шляхі-дарогі двух гераінь. Адсюль нават робіце назву аповесці, гэтыя дарогі кладзіцё ў аснову ідэйнай задумы твора. Павінен сказаць, што гэта ніяк не апраўдваецца і выклікае ў чытача недаўменне. Тут маем мы не дзве дарогі, а па сутнасці адну, дарогу Любы, шлях чалавека, занятага вялікімі справамі, шлях гераічны, мужны, ад якога патыхае веліччу эпохі, і побач сцежка, я б нават сказаў — сцяжыначка непрыкметнага чалавека, якім з'яўляецца Марына Паўлаўна, чалавека з не зусім яснай біяграфіяй, носьбіта сваёй маленькай, уласнай драмы, занятага сваімі

вузкімі, не зусім цікавымі перажываннямі. Гэта хутчэй тып звычайнага няўдакі ў жыцці, прычым няўдакі шэранькага, нецікавага. Зразумела, што і гэты вобраз мае права на існаванне, але ніякага права не мае ён на супастаўленне з вобразам Любы, на прэтэнзіі на нейкую вялікую «дарогу», што зрабіла Марына Паўлаўна, каб адводзіць ёй такое месца ў аповесці. Што вучылася ў цяжкіх умовах? Гэта быў удзел усіх у часы вайны. Што дапамагла Любе падвучыцца? Справа не з выдатных. Адным словам, гэтую сцяжыначку не варта ператвараць у «шлях-дарогу». Сцяжынка застаецца сцяжынкай. Пішу Вам аб гэтым, маючы на ўвазе недакладнасць, неапраўданасць загалоўка.

З недахопаў аповесці, якія патрабуюць выпраўлення,— мова твора.

Што ж цяпер будзем рабіць з Вашай аповесцю? Празаічная секцыя сабіраецца абмеркаваць твор з Вашым выклікам у Мінск. На жаль, саюз не мае цяпер лішніх сродкаў, каб размножыць аповесць, кожны будзе чытаць рукапіс. Гэта адзавецца крыху на часе. Але нічога не паробіш, іншага не выдумаем. Калі Вы папрацуеце яшчэ над аповесцю, яна стане паўнакроўным мастацкім творам, бо ўсе дадзеныя на гэта ў яе ёсць. Гэта я і падкрэсліваю яшчэ раз.

Прашу яшчэ раз прабачэння за спазненне з адказам. Шчыра зычу Вам далейшых поспехаў у літаратуры. Цікава выслухаць Вашы думкі на мае заўвагі.

З павагай да Вас

Міхась Лынькоў.

18/IV 1948 г.

123. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

18 красавіка 1948, Мінск

Дорогой Евгений!

Прошу извинить за опаздывание с ответом на твое послание — малость болел, одолевал проклятый грипп, одолевает и работа в академии, сижу, как мученик, над работами Института литературы по двум учебникам по белорусской литературе.

Одно, чем доволен,— избавился, в конце концов, от руководства Союзом писателей. Это была моя могила. Почти. Теперь хотя время у меня появилось для творческой работы, своей собственной. В результате — второй месяц корпею над своим романом, начатым в кои века, а потом из-за союза совершенно заброшенным. В общем, думаю к концу года написать если не весь роман, то его большую половину. Во всяком разе первая книжка будет завершена.

Послал тебе на днях свою книжицу прошлогоднего издания. Спартачили мне издатели эту книжицу, а все из-за их спешки. И худосочна, и оформление аховое.

В издательстве «Советский писатель» как-будто запланирована на следующий год моя книжица. Если не поленишься — позондируй почву. Найдется у тебя время — займись составлением. Была у меня книжка на русском языке «На большой волне», не помню, какого года издания. Можешь использовать переводы. Используй и книжку «Рассказы». Но это, понятно, если у тебя будет время и желание.

С товарищеским приветом

Міхась Лынькоў.

18/IV 1948 г.

124. Б. М. МІКУЛІЧУ

18 красавіка 1948, Мінск

Паважаны тав[арыш] Мікуліч!

Прашу прабачэння за хранічнае спазненне з адказам на Ваш ліст (з рукапісам аповесці). На жаль, сам я не змог прачытаць аповесць з прычыны тэрміновай работы над двума падручнікамі ў інстытуце. Перадаў рукапіс рэдактару «Полымя» Максіму Танку з просьбай, каб ён паскорыў, урэшце, лёс Вашых твораў, якія знаходзяцца ў рэдакцыі.

Прашу Вас непасрэдна звязвацца з ім. «Полымя» змяшчаецца цяпер у Доме друку, у выдавецтве.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

18/IV 48

P. S. Рукапіс я аддаў Танку адразу пасля атрымання ад Вас.

М. Л.

125. А. С. ВАСІЛЕВІЧ

4 мая 1948, Мінск

4/V 1948 г.

Паважаная тав[арыш] Васілевіч!

Атрымаў Ваша пасланне і вось адказваю. Добра, што Вы з сім-тым згаджаецеся з маіх довадаў. Добра, што адстайваеце і некаторыя свае пазіцыі. Той, хто адразу згаджаецца, не заўсёды сур'ёзна ставіцца да свае творчасці. Гэта не значыць, аднак, што Вы да канца, як гэта гаворыцца, правы...

Вось і пачнем ізноў па парадку, паводле пунктаў Вашага ліста. Аб кампазіцыйнай рыхласці аповесці: Вы спасылаецеся на некаторыя свае адступленні ад храналагічнай паслядоўнасці. Справа не ў гэтым. Справа ў тым, што самі гэтыя адступленні робяцца ў аднастайнай форме. А хацелася б большай разнастайнасці, большай выдумкі ў мастацкіх прыёмах.

Цяпер адносна вобраза Юзіка, яго памяці. Справа не ў тым, што «нельга гераіню абвіняць (вярней, аўтара) за яе парывы, якія міжвольна, паміма яе волі і жадання на некаторы час выцяснялі з сэрца ранейшы дарагі вобраз». І далей Вы пішаце: «Людзям прысутна гэта слабасць, як сабе хочаце». Правільна, людзям уласціва гэта слабасць. Але залішне акцэнтаваць гэтую слабасць, некалькі раз спыняцца на ёй не трэба. Чытач і так ведае пра яе. Інакш атрымаецца ўражанне, што аўтар самасілам хоча пераканаць чытача ў законнасці гэтай слабасці. А ў выніку ў чытача з'яўляецца ўражанне, што аўтар нібы хоча апраўдаць паводзіны свайго героя, што ён нібы проста навязваецца на прабачэнне за паводзіны сваіх герояў. А наогул ёсць рэчы, аб якіх не варта падрабязна спыняцца ў творы, асабліва тыя рэчы, якія чытач уведае з самага падтэксту твора. Існуе ў мастацкай творчасці пэўнае пачуццё меры, такту. Калі выйсці за межы гэтай ме-

ры, можна ўпасць у назойлівасць, калі аўтар, калі так можна сказаць, ломіцца ў адчыненыя дзверы. А пры гэтым падобныя эпізоды, перажыванні пачынаюць прыядацца чытачу, ён пазяхае, а то і проста ставіцца да такіх месц як да залішніх, а часам і штучных. Вось у чым справа. Тут патрэбны выключны такт, выключная асцярожнасць.

Некалькі заўваг наконт Вашых думак аб адносінах паміж Любай і Хадкевічам. Тут Вы не зусім яшчэ добры псіхолаг. Ёсць бясспрэчная ісціна і яна спрадвечна, як свет: першае каханне заўсёды самае моцнае і яно пакідае след на ўсё жыццё чалавека, бытуючы ў яго ўспамінах да апошніх дзён жыцця. Калі так Вы ставіцеся да вобраза Юзіка, тут Вы абсалютна правы. Але калі Вы кажаце, што «Люба знайшла ў Хадкевічу нешта агульнае з нябожчыкам мужам — і гэта цягнула яе да яго»,— то тут, здаецца мне, Вы крыху памыляецеся. А ці не проста яна захапілася цікавым чалавекам, які ёй падабаецца, да якога яна цягнецца, быць з якім ёй прыемна і г. д. І калі і шукае яна часам нейкага падабенства з Юзікам, дык гэта проста ад непазбежных успамінаў, асацыяцый і г. д. А ўвогуле каханне — гэта такія нетры, у якіх любы псіхолаг можа зламаць ногі. Схематызаваць такія рэчы, вядома, нельга...

Яшчэ раз аб Вашай Марыне Паўлаўне. Дарэмна Вы крыўдуеце на мяне за мае нападкі на гэтую гераіню. Я не супраць «вінцікаў», не супраць людзей без гучных біяграфій. Я лічу адным з выдатнейшых фільмаў апошніх год фільм аб настаўніцы. Там таксама чалавек без гучнай біяграфіі, але як любім мы гэты вобраз, як спачуваем яму, як гатовы вучыцца ў гэтага скромнага чалавека. Чаму гэта так здарылася? Настаўніца ў фільме — носьбіт высокіх грамадскіх пачаткаў. Яе сэрца шырока адкрыта людзям, усяму добраму свету. Можа, і Вы думалі падаць Мар[ыну] Паўл[аўну] ў такім жа свеце. Але гэтага, на жаль, не атрымалася. Перад намі чалавек, які, па сутнасці, замкнуўся ў сваім асабістым горы, асабістай няўдачы ў сямейн[ым] жыцці. Канешне, ён, гэты чалавек, працуе, прыносіць грамадскую карысць, але няма ў ім таго вялікага абаяння, якое маюць людзі высокай ідэі (як тая настаўніца з фільма). Нельга ж ставіць ёй у вялікую заслугу тое, што яна не пабаялася кінуць

горад і паехаць у разбураную вайной вёску, як пішаце Вы ў пісьме. Калі б Вы змаглі пераставіць яе з звычайнай сцяжынкі на шырокую дарогу, тады б Вы мелі поўнае права перакрыжаваць гэтыя дзве дарогі — Любы і Мар[ыны] Паўл[аўны]. Я не супраць настаўніцы, я за больш трапную трактоўку яе вобраза.

У гэтым уся справа.

Цяпер аб далейшым. Я гаварыў з нашымі хлопцамі аб магчымасці Вашага прыезду. Калі зможаце па сямейных і службовых умовах прыехаць, было б добра. А калі не, то наша празаічная секцыя зможа абмеркаваць Вашу аповесць і ў Вашу адсутнасць і выслаць Вам падрабязны разбор аповесці і ўсе патрэбныя пажаданні. На гэтым бывайце.

З тавар[ыскім] прывіт[аннем]

Міхась Лынькоў.

126. С. І. ВАСІЛЁНКУ

20 мая 1948, Мінск

20/V 1948

Уважаемый Сергей Иванович!

Прошу извинить за неаккуратность с ответом на письма. Это, во-первых.

А во-вторых, я, по всей видимости, в своем письме-предложении Вам забыл уточнить тематику намеченного нами сборника по истории белорусской литературы для высших учебных заведений. Дело идет, главным образом, о советской литературе. На этом вполне справедливо настаивает и тов[арищ] Иовчук.

Таким образом, из предлагаемых Вами материалов тематически подходит статья «Москва в белорусской литературе». Пришлите ее. Жаль, что такая работа, как «Горький и белорусская литература», касается дореволюционного периода. Это чрезвычайно интересная работа. Полагаю, что ее можно использовать и в нашем сборнике, потому что роль и значение Горького в формировании белорусской советской литературы исключительны. Возможно, что в работе нужно сделать какие-нибудь дополнения, чтобы эту тему связать с

советским периодом белорусской литературы. Вам это видней, потому что работы Вашей я не читал. Во всяком случае я думаю, что эту работу можно использовать в сборнике. Прошу поделиться Вашими соображениями по этому поводу и выслать статьи.

С товарищеским приветом

Міхась Лынькоў.

127. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

14 чэрвеня 1948, Мінск

Евгений Семенович!

Посылал я тебе недавно письмо, в котором, между прочим, писал, что в издательстве «Советский писатель» предполагается к изданию в следующем году сборник моих рассказов, и предлагал тебе, в случае твоего согласия, включиться в это дело.

От издательства, в частности от тов[арища] Кирьянова, я получил на днях письмо с предложением выслать ему оригиналы моих вещей.

У меня такое предложение: если ты согласен, то вместе с Кобзаревским возьмитесь за составление моего сборника. Одновременно составили бы сборник рассказов на русском языке (на десять листов) и для Белорусского Государственного издательства — по плану этого года.

В случае твоего принципиального согласия сообщи, сэр.

Посылаю всяческие приветствия и самые лучшие пожелания от меня и от моей половины.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

14/VI 1948 г.

128. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

23 ліпеня 1948, Мінск

Евгений Семенович!

Получил твое последнее послание, приношу за него соответствующее «дзякуй».

Как видно из твоего письма, «Советский писатель» ставится к моей книжке с явной прохладцей. Ну и леший с ними! Ты ведь знаешь, я не из тех, которые набиваются своими вещами или добиваются изданий и прочее, тому подобное. Раз предлагают тебе включиться в это дело без договора, то ясное дело: уважаемые издатели опасаются за судьбу «предприятия». Это их законное дело: и предложение для видимости сделать и обставить это предложение унизительными условиями.

В общем, юноша, оставим мы это сомнительное предприятие, в противном случае это будет походить на навязчивость. А я таких вещей не терплю. При случае сообщи об этом и Кобзаревскому. Я не хочу тебя, в данном случае, ставить также в неудобное положение.

Я трезво смотрю на вещи: издатели могут и отказаться от книжки по чисто формальным соображениям: в ней не будет послевоенных рассказов, а писать я их не собираюсь, да и не имею пока возможности. Надо гнать роман.

Что касается минской книжки, то я просил главн[ого] редактора Шараховского, чтобы он позаботился о высылке тебе договора.

Теперь относительно некоторых отрывков из романа. Работа у меня в самом разгаре, хотя этот месяц и перегружен у меня работой в академии. Но с половины августа, с сентября я пойду в двухмесячный отпуск, тогда натисну на все педали. Тогда и подготовлю тебе несколько приличных отрывков, которые и можно будет использовать при случае на радио и в «Огоньке».

На этом заканчиваю, достопочтенный мистер, мою эпистолию и остаюсь, как говорилось, преисполненный всяческих высоких чувств и пожеланий в адрес твоей, зело уважаемой мной особы. Дружеский привет семье.

С товарищеским приветом

Міхась Лынькоў.

23/VII 1948 г.

129. З. У. ПІВУШКОВАЙ

7 верасня 1948, Мінск

7/IX 1948 г.

Дорогие друзья наши, Зоя Владимировна и Михаил Иванович!

Огромное и сердечное Вам спасибо за Ваше письмо, за Ваши дружеские, человеческие чувства, за все Ваши пожелания Софье.

Прошло уже три недели, как доставил я Софью в Минск, как лежит она в хирургической клинике. За это время было много у нас волнений и переживаний за здоровье Сони, за ее жизнь. Но теперь можно смело сказать, что самое тяжелое осталось уже позади. Прошли дни страшных мучений для Софьи, дни высокой температуры. Особенно радостным было для нас последнее воскресенье. Софью брали под рентген. Снимки показали, что операция по вытяжению ноги проходит успешно. Ведь у нее бедренная кость, отломав часть тазовой кости, отошла сантиметра на три от нормы, а острый отломок все время угрожал брюшине. Теперь этот отломок оттянут почти в нормальное положение, бедренную кость осталось оттянуть на сантиметр. Хирург уверяет, что весь этот процесс он завершит в ближайшие десять дней, и тогда можно будет наложить гипс на таз. А это значит, что Софья сможет хотя бы повернуться на постели. Ее так измучила эта операция на вытяжение, что она мечтает, как о высшем благе, освободить свою ногу от ненавистного груза и лечь нормально в постели (теперь кровать у нее поставлена так, что голова лежит значительно ниже, чем ноги).

Что касается ключицы, лопатки, ребер, то процесс сращения идет нормально. В общем, все мы надеемся, что Софья не через месяц, так через два, пусть себе даже три, вернется домой и будет, что называется, настоящим человеком.

Теперь она не переживает уже бывших мучительных болей, может подолгу говорить и даже смеяться и веселиться (говорю это, конечно, условно, какое уж там веселье, но все мы рады, когда видим ее улыбку).

Мы вот разговорились о наших болезнях и забыли

поздравить Зою Владимировну с тридцатилетием ее педагогической деятельности. От души, от всего сердца поздравляем Вас, Зоя Владимировна, вместе с Соней с Вашим славным тридцатилетием и искренне желаем Вам не один раз повторить свои юбилейные даты.

Горячий привет Вам, Зоя Владимировна и Михаил Иванович, от Марьи Петровны, Маруси и Надюши. Надюшка теперь уже полноправный «студент» 1-го класса, обременена множеством своих школьных трудов и забот.

Крепко жму Ваши руки.

Уважающий Вас *Міхась Лынькоў.*

P. S. Прошу передать привет Вове и Борису.

130. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

6 кастрычніка 1948, Мінск

Привет, Николай!

Как видишь, опоздал я с ответом на твое письмо больше чем на месяц — до того завертелся с работой, службой, с клиникой.

Каковы дела у нас?

Дела с Софьей значительно поправились. Почти все переломы срослись, врачи теперь возятся с ногой. Все время нога находилась под грузом (четыре кирпича), на вытяжении. Постепенно этот груз уменьшали, осталась одна кирпичина, да и ту послезавтра снимут. А это значит, что Софья сможет уже и поворачиваться и менять положение в постели. Рентгеновские снимки свидетельствуют о благополучном ходе всего лечения. В общем, на днях Софью будут учить становиться на ноги, в первое время с помощью костылей. Дней через десять думаю взять ее из клиники домой, потому что непосредственной врачебной помощи уже не нужно будет, необходима только будет в течение месяца помощь лечебной массажистки-физкультурницы и медицинских сестер.

Одним словом, теперь мы можем уже вздохнуть с облегчением: все это уже позади. А стоило все это и нервов, и здоровья, и сумасшедших расходов. Но все хорошо, что хорошо кончается. Может быть и не со-

всем хорошо, но могло быть значительно хуже — в первое время врачи сомневались, что Софья выживет. Главное, что спасло ее, это молодость и то, что она никогда не болела ни одной серьезной болезнью.

Таковы наши дела.

На этом заканчиваю свое послание.

Сердечный привет Ольге и малышам.

С приветом твой брат *Міхась Лынькоў*.

6/X 1948 г.

131. В. М. ЗОРЫНАЙ

23 кастрычніка 1948, Мінск

Паважаная тав[арыш] Зорына!

Прашу выбачэння за некаторае спазненне з адказам на Ваша пісьмо. А спазніўся таму, што да гэтага часу ў мяне не было больш-менш людскага фотаздымка. Урэшце фатограф «увекавечыў» маю скромную персону і я маю магчымасць паслаць Вам фотаздымак. Гэтымі днямі паслаў Вам бандэроллю і маю апошнюю кніжку, якой я, дарэчы, вельмі і вельмі нездаволены: паважаныя выдаўцы парадкам спаганілі яе (маю на ўвазе і памер кніжкі і яе афармленне). Тым часам абяцаю, калі выдам што лепшае, абавязкова прышлю экземпляр Вашай бібліятэцы.

З тварыскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

23/X 1948 Мінск

132. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

23 кастрычніка 1948, Мінск

23/X 1948 г.

Дорогой Николай!

Как видишь, запаздываю с ответом и на твое последнее письмо. А виной всему проклятая перегруженность работой по академии — у нас горячее время в институте, сдаем в печать два учебника по белорус-

ской литературе. Через пару дней вздохну свободней — пойду в конце концов в двухмесячный отпуск.

За это время значительно поправились дела с Софьей Захаровной. Еще 15-го этого месяца я выписал ее из хирургической клиники и теперь она дома. Поломы все срослись, и в эти дни под руководством физкультурницы-массажистки она делает первые пробы садиться и ходить по комнате. От пятидесяти минут в день эта ходьба доведена сейчас часов до трех, четырех в сутки. Ходит пока на костылях, но пробует обходиться и без них. Хирург и физкультурница — преподавательница Института физкультуры заверяют нас, что дней через десять костыли можно бросить в печь. Софья будет ходить и без них. Есть все основания этому верить, потому что процесс восстановления пошел очень быстро.

В общем, как видишь, дела наши поправляются и можно только повторить, что все хорошо, что хорошо кончается. Правда, это «хорошее» обошлось нам чрезвычайно дорого.

На этом заканчиваю свое послание. С братским приветом тебе и Ольге

Міхась.

P. S. Привет от Софьи Захаровны. Привет малышам.

133. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

28 кастрычніка 1948, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Я так запарился со своей срочной работой в Академии наук (готовил два учебника — и как редактор и как автор — по белорусской литературе для средней школы), что, как видишь, даже запаздываю с ответом на твое послание.

Теперь же положение у меня значительно улучшается, с 25-го иду в двухмесячный отпуск и смогу наконец полностью отдаться моему роману, роды которого так затянулись. Думаю к концу этого года закончить первую книгу моей «эпопеи», начатой еще давно, но по ряду причин до сего времени незавершенной: мешали союз и академия. Теперь же дышать мне стало

значительно легче, так как скинул со своих плеч основную обузу — союз. В ноябрьской книжке «Полымя» будут опубликованы первые шесть печатных листов моего детища, после чего буду печатать его регулярно.

Пару слов о моих семейных делах. На днях выписал жену из клиники. Поломы у нее все срослись, теперь под руководством массажистки-физкультурницы она осваивает первые шаги по комнате и двору. «Учеба» эта идет пока с костылями, но делаются уже первые попытки избавиться от них. Обещают мне врачи, что дней через десять костыли будут «изъяты из обращения». В общем молодость и общее состояние здоровья жены помогли ей выкарабкаться буквально из могилы. Вся эта печальная история стоила мне и нервов, и средств, и времени. Теперь я страшно доволен всем исходом этого дела, ведь могло все это кончиться трагически. Врачи только теперь признаются мне, что в первые дни лечения они серьезно сомневались в том, что жена выживет — ведь доставил я на самолете буквально мешок костей. И если до сего времени я довольно скептически относился к нашим медикам, то теперь вижу, что порой они делают форменные чудеса. Одним словом, урок я получил достаточно наглядный и убедительный, хотя и обошелся он мне чрезвычайно дорого.

Но все хорошо, что хорошо кончается.

Теперь о делах: требуемую тобой книжицу я выслал тебе на днях бандеролью. Буду посылать тебе и книжки «Полымя» с моим злосчастным романом.

На этом заканчиваю свое послание. Сердечный привет твоей семье.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

28/Х 1948 г.

134. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

23 лістапада 1948, Мінск

Уважаемый Павел Семенович!

Запаздываю малость с ответом на твое послание. Рад, что закончил ты свою часть переводов, Мозольков мне тоже пишет, что у него работа закончена.

Теперь относительно сборника Янки Купалы. Советую не включать в однотомник такие стихотворения из юбилейного издания 1948 года: «Паэзія», «Паэтам», «З людзьмі», «Бываюць хвілі...», «Разлад», «Эпіграмы», «Каб», «Гутарка аб кепскім гаспадару», «Гутарка аб кепскай гаспадыні». Все эти стихотворения не так уже характерны для Янки Купалы, некоторые носят характер случайных экспромтов, дружеских шуток и пр. Место им в академических полных собраниях.

К дальнейшей работе над романом только что приступаю. В 11-м и 12-м номерах «Полымя» идут первые части. Вышлю книжки журнала, как только они выйдут из печати, так что сам возьмешь из них то, что понравится.

Здоровье Софьи Захаровны постепенно улучшается, ходит теперь без костылей, обходится с помощью трости. Будет ходить и без нее. Передает она тебе дружеский привет.

Привет ленинградцам, в первую очередь Саше.

С товарищ[еским] приветом

Міхась Лынькоў.

23/XI 1948 г.

135. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

25 лістапада 1948, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Получил твое очередное послание, за которое и посылаю тебе сердечное спасибо.

Что нового у нас? Кажется, наступила зима, дня два стоят легкие морозы. Порядком надоела грязь и наши гнилые туманы. У вас, под Москвой, наверное, холоднее, чем у нас в Минске?

Прошел уже месяц, как я нахожусь в своем «отпуске» — порядком надоели всякие непредвиденные работы в связи с надвигающейся годовщиной республики, много времени отняла у меня большая статья о тридцатилетии белорусской литературы. Теперь вплотную займусь своим романом. Две первые части публикуются в одиннадцатом и двенадцатом номерах «По-

лымя». Продолжение первой книги романа и вторая книга пойдут в следующем году. Не знаю, как удастся мне завершить мой «труд» — задумал я ведь довольно-таки огромную эпопею, для осуществления которой нужно много времени, материалов и, разумеется, труда. Надеюсь как-нибудь все-таки вытянуть это дело. Немного помешали мне в работе все «приключения» моей жинки. Теперь она становится по-настоящему на ноги, ходит по комнате без костылей, с палочкой, в общем поправляется и не плохо.

Был я вчера у Константина Михайловича, говорили о твоих квартирных делах. Решили: просить при случае товарища Иовчука, чтобы он написал соответствующее письмо Фадееву. Предполагается также письмо Фадееву от нашего Правления союза.

Получил письмо от Кобзаревского. Сообщает, что закончил свою часть переводов. Не мешало бы быстрей послать переводы в издательства.

На этом заканчиваю свое послание. Желаю тебе хорошей поправки в санатории. Привет всей твоей коммуне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

25/XI 1948 г.

136. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

14 снежня 1948, Мінск

Дорогой Евгений!

С присущей мне привычкой запаздывать с ответом на письма малость запаздываю и сейчас.

Рад, что санатория подремонтировала твое здоровье. Это самое главное. «В здоровом теле здоровый дух» — истина хотя и старая, но неизменно верная.

Вместе с письмом посылаю тебе заказной бандеролью № 11 «Полымя» с началом моего злополучного романа (первая часть). Кусочек этой части (раздел четвертый) печатали еще в 1944 году в «Огоньке» под твоей достопочтенной подписью как переводчика. На днях должен выйти из печати и № 12 «Полымя», в нем

печатаю вторую часть. Третья часть у меня на руках в рукописи. Остается дописать две или три части и на этом первая книжка будет закончена. С № 12 сделаю небольшой перерыв, месяца на два, для дальнейшего разгона. <...>.

Привет семье и привет от моей половины.

Крепко жму руку.

Міхась Лынькоў.

14/XII 1948 г.

137. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

24 снежня 1948, Мінск

Достопочтенный сэр!

Одновременно с этим письмом посылаю тебе двенадцатый номер «Полымя». Одиннадцатую книжку журнала я послал тебе не так давно заказною бандеролью, не знаю, получил ты ее или нет.

Польщен твоими разговорами в Гослитиздате, но все же это дело еще некоторого будущего, книга ведь не закончена, она только начата. Я предполагаю закончить первую книгу романа в первые три-четыре месяца нового года. Правда, думаю ее сделать так, чтобы она имела, так сказать, самостоятельное хождение, не была бы зависимой от другой книги. Готов у меня кусок, по размерам равный второй части (№ 12). Нужно написать еще две-три части — минимум пятнадцать, двадцать листов. Как видишь, работы еще до черта и трудно пока судить о результатах. О первых двух опубликованных частях отзываются положительно, но это ведь еще начало.

Одним словом, все, что будет у меня готово, ты будешь иметь под руками — сможешь — при случае и при желании — дать по кусочку куда-нибудь: в «Огонек», на радио и т. п.

Что касается дальнейших судеб книги — смотри сам. Понятно, что никаких других переводчиков я не ищу и искать не буду.

Таковы мои соображения и планы. Хочется самому поскорее закончить все это довольно громоздкое сооружение, которое я задумал. Думаю сделать все, что-

бы его осуществить. Главное, что мне нужно: время, за него буду бороться, чтобы не слишком отвлекаться на всевозможные другие работы и задания.

На этом заканчиваю свое послание.

Привет твоей коммуне.

Дружески жму руку.

Міхась Лынькоў.

24/XII 1948 г.

1949

138. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

10 студзеня 1949, Мінск

Дорогой Николай!

Сердечное спасибо тебе и Оле за письмо и поздравительную телеграмму по случаю моего награждения. Праздники у нас прошли на славу. Кроме награждения группы работников промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры награждена большая группа партизан, более двадцати тысяч человек. По этому можешь судить о размахе наших юбилейных торжеств.

Одним словом, отпраздновали, а теперь и за работу. Правда, всякие собрания и заседания изредка мешают спокойной работе. Сегодня у нас начинается юбилейная сессия Академии наук, продлится дней десять. В конце января в Москве будет проводиться Декада белорусской литературы, из Минска выедут на декаду человек двадцать писателей. Я не поеду, надо будет участвовать в областной партийной конференции. Работаю я теперь над большим романом о партизанском движении. Часть романа опубликована в двух номерах журнала «Полымя» прошлого года. Часть публикуется сейчас. Но работы предстоит еще очень много, чтобы роман завершить полностью.

Софья постепенно поправляется. Ходит теперь с палочкой. Пробует ходить по комнате и без палки. Очевидно, что последствия всей этой истории будут

еще чувствоваться долгое время. Но как бы то ни было, ей теперь значительно лучше, чем было раньше.

Вчера к нам приехала в гости Поля. Думает побыть у нас и наведать Веру, у которой родилась дочка. Поля посылает всем вам привет.

Таковы все наши дела. Как поправляются после болезней племянники? Желаем им стать крепышами в этом новом году и не признавать никаких болезней, никаких ленинградских простуд.

Привет всем вам от меня, от Софьи.

С братским приветом

Міхась.

10/I 1949

139. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

25 студзеня 1949, Мінск

Дорогой Павел Семенович!

Прошу извинить за не совсем уже приличное запоздание с ответом на твое письмо. Замотался я малость за эти дни: подготовка к нашему белорусскому празднику, юбилейные торжества, потом десять дней юбилейной сессии Академии наук,— просто измаялся.

Большое спасибо за теплое слово о моем романе, вернее — о начале его. Все говорят мне, что написано вроде неплохо. Но автору ведь ближе и виднее его пороки и недостатки, а потому особого удовлетворения своим детищем он пока не видит. Да начинаются для него и основные трудности: героев нужно пускать в жизнь и в работу, а это, как тебе известно, не совсем легкое дело. Кроме всего прочего, был у меня вынужденный прогул месяцев на пять. Надо наверстывать утраченное время, нажимать, как говорится, на все педали. При моей работе в академии все это довольно-таки трудно. Но ничего не попишешь — взялся за гуж, не говори, что не дуж.

Таковы мои дела.

На декаду я не поехал. Оставили меня, с моего согласия, присматривать за союзом. Это раз. А во-вторых, и самому не хотелось тратить на поездку дорогое время.

Что касается перевода, то, по-моему, об этом рано еще говорить. Надо закончить дело, тогда будет видней и для меня и для тебя: стоящее ли это дело.

С переводом моей книги в Белгизе я еще не знакомился, знаю только, что его читают редакторы.

Привет от Софьи Захаровны.

Дружески пожимаю руку.

Міхась Лынькоў.

25/I 1949

140. Я. А. ФЕДЧАНКА

25 студзеня 1949, Мінск

Дорогая Ядвига Александровна!

С большой радостью получил и прочитал Ваше письмо, письмо одного из моих лучших и старых друзей, которым есть что вспомнить и о прежней работе — а за нее они не краснели,— есть все основания чувствовать моральное удовлетворение и за свою сегодняшнюю работу. Когда я узнал, что будет награждена большая группа наших учителей, я был более чем уверен, что список награжденных будете возглавлять и Вы. Одним словом, примите еще раз самое искреннее поздравление с награждением и самые лучшие мои пожелания: жить и жить и радоваться жизнью и трудом.

Есть у меня, Ядвига Александровна, и некоторые претензии и даже обиды и к Вам и к Николаю Ивановичу. Уже несколько лет, как мои друзья не заглядывали в мою хату, а в Минске они, по всей видимости, бывают. Чем это объяснить? Может быть какой-нибудь случайной обидой, случайным недоразумением? Не знаю. Ни разу не заглянула и Лариса, хотя один раз обещала было зайти за книгами. Я даже не знаю, где она теперь, учится ли еще, работает ли? Недобре все это, тем паче со стороны моих друзей, о которых у меня самые лучшие воспоминания и к которым у меня сохранились и сохраняются самые лучшие чувства. Ведь без Вас осиротел бы для меня город Рогачев, с которым связаны у меня многие и многие воспоминания: и детства, и юности, и первого выхода на большую дорогу

жизни. Уже появилось у меня этакое чувство «мести»: вот придется при случае побывать во славном граде Рогачеве — не загляну к ним, к моим друзьям, раз они чего-то дуются, чем-то недовольны мной. А чем? «Ты же, господи, веси». Но это к слову. К кому же мне и заглядывать, как не к вам. Клоню я все это к тому, чтобы полностью восстановить наши «дипломатические» отношения, нашу старую, хорошую дружбу, с которой так тепло и на душе и на сердце.

Я теперь работаю над большим романом о белорусских партизанах. Задумал огромную эпопею, как с ней справлюсь — пока еще не знаю. Работы и времени отнимает она у меня огромную уйму (сразу две ошибки допустил: два раза слово «огромную», которое совершенно излишне употреблено в отношении к этой «уйме»). Работаю и в академии — трудимся коллективно над учебником по литературе для вузов.

Пару слов о моих семейных делах, не совсем благополучных. Пять месяцев тому назад жена попала в автомобильную катастрофу с человеческими жертвами. Три месяца жена лежала в хирургической клинике — было восемь серьезных переломов. Теперь она дома, под наблюдением врачей учится ходить. В общем, не везет Вашему многогрешному рабу в семейной жизни. Не одно, так другое несчастье сопутствовали и сопутствуют мне с какой-то прямо-таки фаталистической неизбежностью.

Однако расплакался я. Пишите, как живете и работаете, что поделывает Николай Иванович. Сердечный привет Вам и ему и всему Вашему дому.

Дружески жму Вашу руку.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

25/I 1949 г.

P. S. Привет Александру Гавриловичу.

141. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

7 сакавіка 1949, Мінск

Дорогой Павел Семенович!

Извини за солидное запоздание с ответом на твое послание. Виной сему проклятая занятость. А тут еще

космополиты подвернулись, не дают покоя — собрания за собраниями и т. п. Очевидно, и у Вас там хватает хлопот от этих космополитов. Хотя у Вас, наверное, всякие обсуждения уже завершены. У нас они в самом разгаре.

Жалею, что не был на декаде — хотелось бы повстречаться с людьми и поговорить. Серьезных причин моего отсутствия на декаде не было. Согласился присмотреть за нашим союзом во время отсутствия товарищей, вот и не поехал.

Несколько слов о твоем предложении. Единственно, что могу сказать, это повторить прежнее: конца роману еще не видно, и поэтому трудно говорить что-нибудь в конкретном плане. Помимо этого, мне хочется сказать и о таком обстоятельстве: «издревле» переводил меня, как тебе может быть и не известно, Мозольков. И ты меня прекрасно поймешь — я никогда не кривил душой — мне нельзя игнорировать его в этом деле исходя из всех, так сказать, божеских и человеческих законов. Было бы это с моей стороны очень и очень некрасиво и просто — нечестно. Вот почему в своих ответах тебе я проявляю, если хочешь, известную сдержанность. Думаю, что ты не обидишься на меня, никаких претензий к тебе, как к переводчику, у меня нет. Но ведь забывать людей, которые и раньше трудились для меня, я не могу. Не могу я связывать и тебя каким-нибудь «безадресным» переводом. Это было бы тоже нечестно с моей стороны.

Такие вот у меня соображения по поводу моего, далеко не законченного еще детища. Полагаю, что ты поймешь меня по-человечески и не припишешь мне наличия у меня каких-нибудь симпатий и антипатий к товарищам переводчикам.

Очень рад, что некоторым космополитам всыпали за стихи Саши Прокофьева. При случае прошу передать ему дружеский привет. Привет всем ленинградским товарищам.

Привет тебе от Софьи Захаровны.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

7/III 1949 г.

142. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

7 сакавіка 1949, Мінск

Дорогой Евгений!

Запоздал я основательно с ответом на твое последнее письмо (от 6/II). Как видишь, не побывал я и на декаде, которая прошла как-будто неплохо, если судить по рассказам наших ребят. Чтобы судить о ней, надо было самому побывать там. И ты был тоже в отсутствии в те дни, так что и не имею я беспристрастного свидетеля, который рассказал бы мне о декаде.

Теперь о делах. О переводе. Я действительно не хочу подводить тебя: начнешь переводить, а у меня конца еще не видно. Всякие другие соображения можешь полностью отбросить, ни с кем другим не вступал я и не собираюсь вступать в деловые отношения (переводческие). Не завязывал и не завязываю никаких отношений с издательствами или журналами, тут ты меня, кажется, знаешь. Одним словом, во всех этих отношениях ты можешь быть самым полноправным представителем моих интересов. Писал мне на днях Мялик, человек мне совершенно незнакомый — возможно, ты его знаешь,— предлагает мне услуги по переводам и подготовке однотомника для Гослитиздата. В основу однотомника он предлагает положить роман. Я ответил ему, что все его предложения, во-первых, преждевременны, а во-вторых, есть у меня Мозольков, которого я знаю и т. д. «Искушает» меня и Кобзаревский, ему я ответил о преждевременности всяких разговоров, раз самого романа еще не существует. Таково мое отношение к различным «переводческим» предложениям, а в данном случае и к тебе, изменять которому у меня нет никаких оснований.

Одним словом, если думаешь готовить исподволь перевод, действуй.

Каково положение с романом. В № 3 «Полымя» у меня заканчивается третья часть. Работаю над следующими (думаю еще дать для первой книги части три-четыре). За первое полугодие думаю закончить первую книгу. Вторую думаю закончить в первую четверть следующего года.

Сегодня отослал рукопись переводов моего сборни-

ка для «Советск[ого] писателя». Качеством переводов — не твоих — не удовлетворен.

Из нашего белорусского издательства прислали рукопись переводов для сборника, идущего у нас в Минске. Начинаю читать.

Таковы все мои дела и планы. На днях, видно, придется выехать в длительную — около месяца — командировку в одну из областей. Это малость снизит темпы моей работы над романом.

На этом заканчиваю свой рапорт.

Привет семье.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

7/III 1949 г.

143. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

23 сакавіка 1949, Масква

23/III 1949 г.

Дорогой Николай!

Не успел ответить на твое последнее письмо. Причина — летаю, как летучий голландец. Во-вторых, на прошлой неделе вылетел в Пинск на посевную, а в среду вылетел оттуда по срочному вызову в Минск, откуда сразу сел на поезд и двинул в Москву. Нахожусь тут несколько дней. Отсюда у меня две дороги: или домой, или в длительную командировку за океан. Состав нашей делегации опубликован во вчерашних центральных газетах. Одним словом, сижу теперь у «океана» и жду погоды — вернее, разрешения на въезд от одного заокеанского не особенно симпатичного и, понятно, не сказать, чтобы дружеского к нам правительства. Поездки не особенно увлекают нас, но что поделаешь, приказ для коммуниста есть всегда приказ, который он должен выполнить.

На этом заканчиваю письмо. Горячий привет Оле и детишкам.

С братским приветом

Міхась Лынькоў.

P. S. Мы думаем, что заокеанские правители не пустят все же нас и я, таким образом, к моему удовольствию, поскорее попаду домой.

М. Л.

144. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

23 сакавіка 1949, Масква

23/III 1949 г.

Дорогая Софуня!

Почти неделю сижу я у «океана» и жду погоды. Поездка, как видишь, получается не ахти какая. Вчера опубликовали наши фамилии, делая таким образом некоторый моральный нажим на заокеанских дураков, которые тянут с визой, не отказывают и не дают, отделываясь одним и тем же: «просим подождать» и т. д.

Одним словом, у нашей делегации лопается уже всякое терпение, надоело до чертиков сидеть и чувствовать себя связанным ожиданием телефонного звонка на полет. Все эти неувязки — вернее, бюрократическая волокита аргентинских сатрапов — порядком нам надоели. Думаю, что в самые ближайшие дни все это прояснится и мы в конце концов определим свой маршрут: домой или от дома.

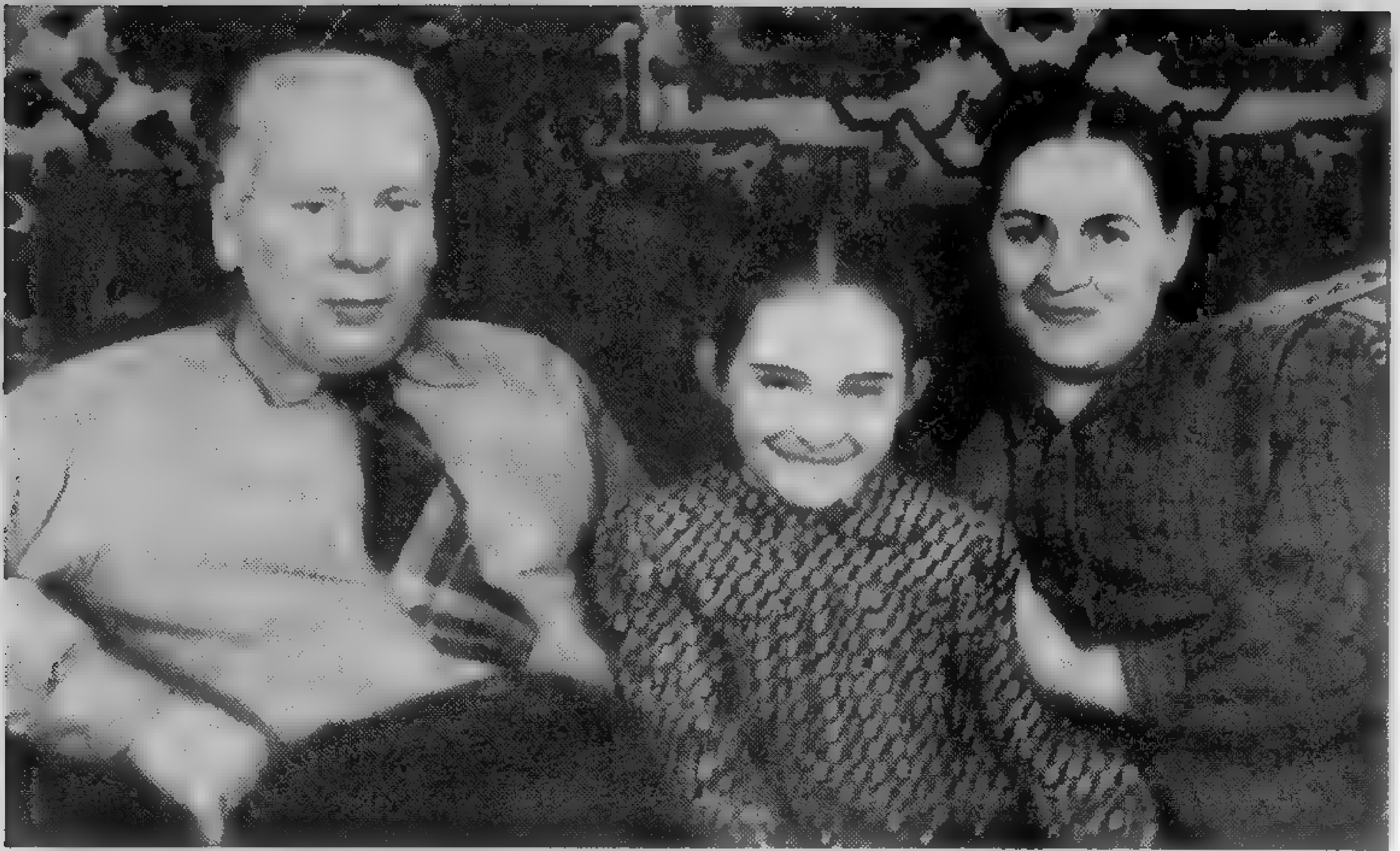
Соскучился по тебе, Софуня! Грущу, узнав, что ты простудилась. Идя на переговорную, всегда, Софунька, сожалею, что тебе приходится караулить у телефона, не спать и т. д. Думаю, что все это в ближайшие дни закончится.

Посылаю тебе с этим письмом три доверенности и три чистые бланки для доверенностей, которые возможно тебе потребуются. Если уеду, пришлю тебе еще бланков десять через Кучара — ты их заполняй сама по мере необходимости.

Горячий привет тебе от Константина Михайловича и Павла Григорьевича. Привет мамаше и Надюше.

Крепко вас обнимаю и целую, а тебя особенно.

Твой *Міхась.*



М. Лынькоў з жонкай С. З. Лыньковай-Куспіц і дачкой

М. Лынькоў і М. Танк у Доме вучоных
на сустрэчы з чытачамі. *Люты 1957 г.*

М. Лынькоў, С. З. Лынькова-Куспіц, І. Гурскі, М. Танк

На беразе Нарачы

P. S. Привет соседям.

P. S. В Москве делается все, чтобы послать нас к заокеанским славянам.

М. Л.

145. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПIЦ

24 сакавiка 1949, Масква

24/III 1949 г.

Софуня!

Посылаю тебе второе письмо. Сидим по-прежнему и ждем «у моря погоды». Надоело, осточертело. Никогда не попадал в такое глупое положение. Единственное, чем утешаем мы себя, что раз аргентинские диктаторы не пускают нас, значит — они боятся нас. Ты, очевидно, читала в газетах, что Соединенные Штаты Америки отказались выдать визу трем французским делегатам на Нью-йоркский конгресс сторонников мира. И это сделано при условиях, когда французское правительство разрешает любому американцу въезд во Францию без всяких виз и разрешений. Вот уж истинно холуйское правительство, холуйское перед американским долларом. Я бы на месте французов давно бы прогнал такое правительство, чтобы не позорило народ, не позорило страну.

Такие вот, Софуня, дела! Надеемся, что в ближайшие дни вся эта ситуация прояснится и твой благоверный или предстанет пред твои ясные очи или на какой-нибудь месяц скроется где-то за атлантическими туманами. В душе теплится надежда, что он, скорее всего, вернется в родные минские палестины.

Сейчас заканчиваю письмо и отправляюсь в поиски подкладки и четырех гузиков. Пожелай мне в этом удачи.

Целую Надюшу, бабушку и мою несравненную Пенелопу.

Твой *Мiхась.*

146. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

7 красавіка 1949, Мінск

Дорогой Павел Семенович!

Очередное твое послание получил, за оное и благодарю сердечно.

№ 3 из печати еще не вышел, как только выйдет — пришлю. На этом номере делаю пока «вынужденную» остановку, перерыв месяца на три, пока основательно не закончу первую книгу. Остается мне доработать приблизительно столько же, сколько уже опубликовано. Жму, пишу. На твое участие в переводе смотрю весьма положительно, но это, конечно, связано с согласием Евгения Семеновича.

Вчера был в издательстве. Недели три тому назад я сдал им всю рукопись с соответствующей авторизацией. Теперь они перечитывают ее у себя, в издательском аппарате. Обещали ускорить все дело. Твоими переводами я остался доволен.

Только на днях я вернулся из «путешествия в Аргентину». Славянский Комитет посылал Суркова, Тычину и меня на славянский конгресс в Аргентине, который должен был состояться в конце марта месяца, приблизительно в одно время с конгрессом деятелей культуры в Нью-Йорке. Правители Аргентины предпочли разогнать конгресс и арестовали сто делегатов из ста пятидесяти, причинив немало беспокойств нашим родственникам, полагавшим не без оснований, что и мы попали в эту злополучную сотню. Мы, однако, не дождавшись виз, благополучно вернулись в свои палестины, к удовольствию всех чад и домочадцев. Тем и завершились наши аргентинские приключения.

Привет всем ленинградским товарищам.

Дружеский привет от Софьи Захаровны.

С товарищеским приветом

Міхась Лынькоў.

7/IV 1949 г.

147. А. А. КАРЧАГІНУ

7 красавіка 1949, Мінск

Уважаемый Александр Афанасьевич!

Вашу работу «Героика белорусского народа в дореволюционном творчестве Янки Купалы» я передал в свое время редакции нашего журнала «Полымя», чтобы она — в случае возможности — использовала ее для опубликования (у нас, в академии, таких возможностей не было, так как не предвиделось издание соответствующих сборников). Каково положение теперь в редакции? Занята она на сегодняшний день, главным образом, всякими «космополитическими» делами. Редактор журнала Максим Танк находится сейчас в Москве на съезде комсомола. Секретарь редакции Модель болен. Одним словом, сказать Вам что-нибудь положительное в отношении использования Вашей рукописи я пока не имею никакой возможности. Буду еще говорить о ней с редактором по его возвращении в Минск и тогда сразу же сообщу Вам о результате моих переговоров. Сам я работу Вашу читал и расцениваю ее как положительную, которую, во всяком случае, можно было бы использовать если не всю, то хотя бы частично.

В редакцию «Полымя» мной были переданы и работы Ваших товарищей по университету.

Прошу дружески извинить меня, что я раньше не удосужился своевременно сообщить Вам о судьбе Вашей рукописи.

С товарищеским приветом

Міхась Лынькоў.

7/IV 49 г.
г. Минск, ул. Берсона, № 6
Лыньков М. Т.

148. К. П. КОРСАКАСУ

7 красавіка 1949, Мінск

Дорогой Костас!

Получил твое письмо и номер журнала — большое сердечное спасибо и от меня и от всех наших товарищей.

Очерки наши по истории белорусской советской литературы (вернее, учебник для 9—10-х классов средней школы) пока еще не сданы в печать. Пересматриваем, редактируем, в ближайшие дни должны сдать в типографию. Правда, идет работа и над созданием очерков по истории литературы (для вузов), но эту работу мы закончим, по-видимому, к осени. Во всяком случае, каждую нашу новую работу мы будем посылать Вам. Сейчас наши историки обсуждают макет истории. Серьезно пересматривается вопрос о взаимоотношениях литовцев и белорусов в соответствующие века в сторону, так сказать, «улучшения» этих отношений. Ведь в этом вопросе так много пока неясного, неразработанного, неисследованного. Одно бесспорно: и литовский и белорусский народы имели очень много общего в своей судьбе, в своей истории, и «ссорить» их в старые века нет ни нужды ни целесообразности.

Письмо твое получил по своем «возвращении из Аргентины». Дело в том что две недели просидел я в Москве в ожидании визы из Буэнос-Айреса на поездку туда. Славянский комитет посылал меня, Суркова и П. Г. Тычину на славянский конгресс в Аргентину, который должен был отбыться в конце марта месяца. Аргентинское правительство поступило хотя и не совсем оригинально, но, во всяком случае, по-хамски. Оно разогнало конгресс, арестовав две трети его участников. Таким образом, отпала всякая формальная причина в истребовании виз, и мы, что называется, благополучно вернулись домой из этого «путешествия». К вящему удовольствию родственников, которые не без оснований волновались за судьбу своих путешественников.

Теперь тружусь над своим романом.

На этом заканчиваю свое послание. Привет всем товарищам.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

7/IV 1949 г.
г. Минск, ул. Берсона,
№ 6.

149. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

11 чэрвеня 1949, Пскоў

Софуня!

Пишу тебе из Пскова, из поезда. Вечером должны ехать в Остров, откуда поедем автобусами в Михайловское (шестьдесят километров). Сутки были в Ленинграде — были на квартире Пушкина и в Институте Пушкина — смотрели рукописи Александра Сергеевича. Сутки были в гор[оде] Пушкине на открытии музея Лицея и Пушкинского музея в Царскосельском дворце. Едем мы с Кондратом в специальном академическом поезде из одиннадцати вагонов. В Ленинграде прицепили еще два вагона. Максим Танк едет с писательской группой особо — в двух вагонах, их прицепляют к попутным поездам. Из Пскова они поедут прямо на машинах в Михайловское (127 километров). Мы уже подумываем с Кондратом дезертировать из Пскова на Вильнюс — на Минск. Но это нам, очевидно, не удастся — надо оформить в Москве проездные документы, иначе самим бы пришлось платить за билеты. Одним словом, придется ехать через Ленинград и Москву.

Из покупок кроме тебе известных мне удалось купить в Ленинграде туфли, ботинки и платье Наде. Если будут (если останутся) деньги, в Москве куплю еще что-нибудь. Чулков «капрон» в Ленинграде не оказалось.

Таковы наши дела. Уморили беспрерывные заседания, митинги и пр. Дорога стоит «дороговато».

На этом заканчиваю свое послание. Целую, Софуня, и обнимаю. Привет бабушке и Наде.

Твой *Міхась.*

Псков
11/VI 1949 г.

P. S. Осматривали сегодня Псковские древности — собор, Кремль, музеи. Тут протекает большая река Великая, будет пошире нашего Днепра.

150. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

3 верасня 1949, Каралішчавічы

3/IX 1949

Достопочтенная и многоуважаемая Госпожа моя София Захаровна!

Послание Ваше честь имел получить и прочел его со вниманием, прилежанием и должными для себя выводами. Пребываю на лоне природы в добром здравии, при хороших атмосферических условиях, при солнце и проч. и проч. Одно, что утруждает мою страждущую душу,— отсутствие моей грозной повелительницы, без оной подвергаюсь расстройствам, апатии, меланхолии и прочим человеческим недугам. А в общем живу и понемногу творю.

Людей у нас небогато. Было до сегодняшнего дня пять человек (с моей персоной). Сегодня осчастливил нас своим прибытием Павел Семенович со супругой.

Делали тут попытку съездить за дровами (один совхозный шофер и наш Варенник). Проездили ночь, вернулись с носом. Говорят, попробуют в понедельник.

На этом заканчиваю послание — Павел Никифорович стоит за спиной, ожидая вручения эпистолии.

Целую, обнимаю.

Твой *Міхась.*

Привет бабушке, Кате. Поцелуй от меня Надюшку.

151. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

23 верасня 1949, Каралішчавічы

Паважаная супруга мая!

Пасланне тваё і плады атрымаў. І за тое і за другое дзякую. Паслаў табе раскладушку і матацыкл. Як відаць з тваіх рэплік, усё гэта атрымана.

Калі ты паехала, я крыху быў прыхварнуў, тэмпературыла. Але нанач прыняў аспірын, укрыўся паліто і раніцой устаў ізноў, як агурчык. Работа гудзіць — мінімум чатыры старонкі кожны дзень, як лёду. Шка-

да, што 28-га трэба варочацца да хаты, на службу. А я ўсё думаў, што да 4-га.

Кепска, што не прыедзеш у нядзелю з Надзюшкай. А можа як яшчэ выберацеся?

Дровы бяры, дзейнічай.

Аб чым яшчэ напісаць? Пагода добрая, настрой добры, здароўе не хужэй пагоды. Пішацца. Адным словам, усё ў парадку. Каб прыехалі з Надзюшкай, было б зусім добра.

Кепска, што просяць у мяне артыкулы і Славянскі камітэт і ЛіМ.

Ну, гэта на малачышка...

Прывітанне Надзі, Каці. Ад мяне пацалуй Надзюшку. Абнімаю і цалую.

Твой вернападданы *Міхась.*

23/IX 1949

Напісана ў лясах каралішчавіцкіх.

152. К. П. КОРСАКАСУ

1 кастрычніка 1949, Мінск

Уважаемый Костас!

Только что приехал я из отпуска и прочел оба твои послания: письмо и открытку и спешу ответить. В понедельник я вышлю тебе оба наши учебника — для 8-го класса средней школы (вышел в середине лета) и только-только вышедший учебник для 9—10-х классов. Учти, что оба они — первые блины и, следовательно, им свойственны все качества этого кулинарного произведения. Недостатков в них для хорошей и добросовестной критики хватит. В ближайшее время мы займемся подготовкой учебника для 8-го класса к повторному изданию. Есть в нем некоторые довольно туманные и не совсем верные формулировки о взаимоотношениях Литвы и Белоруссии. Этот вопрос по-новому ставится и нашими историками. Понятно, что более точные формулировки найдут свое место в повторном издании.

Готовились мы дать в этом году «Очерки по исто-

рии белорусской советской литературы» для вузов, но, очевидно, к концу года не успеем (много времени отнял учебник для 9—10-х кл.).

Если что соорудим новое — сообщу.

Отпуск свой — два месяца — провел в минских лесах в нашем писательском доме отдыха. Лето было паршивое, но зато месяц сентябрь чудеснейший. Работал на полную мощь своих сил — гнал роман. Не знаю, я его одолею или он меня. В Минске работать страшно трудно: служба, заседания, совещания, доклады и пр. и пр. Во всяком случае месяца через два думаю закончить первую книгу романа и вздохну свободнее.

На этом заканчиваю свое послание. Привет всем друзьям-литовцам.

Привет тебе от моей половины.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

1/X 1949 г.
Минск

153. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

19 кастрычніка 1949, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Прошу дружески извинить за неаккуратность в ответах на твои письма. Виной тому предпраздничная суета. У нас 28—30-го всебелор[усский] праздник воссоединения — десятая годовщина. А посему трудимся, насколько хватает сил. Только что уложил портфель и утром лечу самолетом в Пинск к своим избирателям. Пробуду с неделю в своих «владениях».

И я и Софья Захаровна просим извинить за причиненное беспокойство с туфлями и пр. и одновременно приносим дружеское спасибо. Кстати, туфли вышли очень удачные и по форме и по ноге.

Авторские я получил с месяц тому назад. <...>

В сентябре гнал роман, теперь временная задержка. В ноябре возьмусь с удвоенной силой. Он — роман — у меня набухает, подлец, придется шлифовать и резать. Одним словом, осталось мне дожать листов

пять, семь. В этом году обязательно завершу первую книгу и пришлю тебе рукопись. <...>.

Должен повиниться, что не поинтересовался — не успел — твоей книгой в издательстве, слышал только хорошие отзывы. По приезде из Пинска займусь этим делом ближе.

На этом, достопочтеннейший, заканчиваю свое послание. Большой привет от Софьи Захаровны.

Привет Калерии Ивановне и твоим наследникам.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

19/X 1949
Минск

154. К. П. КОРСАКАСУ

23 кастрычніка 1949, Пінск

Дорогой Костас!

Письмо твое и книгу получил, за что и приношу сердечную благодарность. Правда, по независящим от меня причинам затрудняюсь прочесть всю твою книгу, но возможно, что когда-нибудь и одолею, ведь словари у меня есть.

Пишу тебе из Пинска, где нахожусь я в связи с подготовкой к проведению годовщины воссоединения белорусского народа. Завтра думаю погрузить свое бренное тело на самолет и доставить его в Минск. В Пинской области я побывал в нескольких районах, был в молодых колхозах, выступал с докладами, агитировал и т. д.

Дома у меня лежит для тебя хрестоматия для X класса. Вышлю. Если достану другие хрестоматии, постараюсь дослать.

На этом заканчиваю свое послание — не потому, что писать не о чем, а тороплюсь на выступление в Учительский институт — и шлю тебе самые лучшие свои пожелания.

Привет всем друзьм.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

23/X 1949
Пинск

155. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

25 лістапада 1949, Мінск

Дорогие Павел Семенович и Анастасия Михайловна!

Получил Ваше трогательное приветствие, за которое сердечно благодарю и повергаю к стопам Вашим, как это говорится, все лучшие чувства мои и пожелания.

Что нового у меня? Благоверная моя Софья Захаровна пребывает в трудах и заботах, готовясь к «юбилейным торжествам» (1 декабря), намеченным к проведению 3 декабря этого года. Обследует рынки и все прочие торговые точки на предмет приобретения соответствующей снеди и пр. Я, грешным делом, склонен думать, что чувствовал бы себя значительно лучше, если бы до этой даты оставалось бы еще лет двадцать или, по крайней мере, хотя бы лет десять. Но ничего не попишешь: назвался груздем, полезай в кузов. А от этого кузова недалеко и до последнего, в котором обычно путешествуют, как говорят у нас в Белоруссии, к Абраму на пиво.

Однако помирать собирайся, а жито сей — тоже говорят у нас в Белоруссии. А посему нажимаю на свое детище и собираюсь его окончательно оформить за последние дни этого года. Имею в виду роман.

Теперь относительно твоей просьбы. Я подал в издательство заявление, чтобы они оплатили тебе «Гоя» за счет причитающейся мне мзды. В связи с моим юбилеем они думают несколько улучшить оформление моей книжки. Я не против.

На этом заканчиваю свое послание и шлю Вам дружеский привет от меня и Софьи Захаровны.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

25/XI 1949 г.

P. S. Привет всем друзьям.

156. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

25 лістапада 1949, Мінск

Привет, Николай!

Получил твою открытку, за которую благодарю. Что нового у меня? Собираюсь вот, вернее, друзья собираются отметить пятидесятилетие моего грешного существования. Припадает эта почтенная дата на 1 декабря. Одним словом, помаленьку да полегоньку переползаем мы в самые форменные старики. Правда, это особенно меня сильно не тревожит, тем более что на мотоцикле езжу я более или менее сносно, не считая отдельных случаев вынужденных полетов с мотоцикла. Мотоциклетный сезон закончил еще в сентябре, пробыв почти три месяца в нашем доме отдыха.

Теперь нажимаю на свой роман, первую книгу которого должен обязательно закончить в этом году, чтобы следующий год работать над второй книгой. Работаю по-прежнему в Академии наук, вожусь там с учебниками для школ по литературе.

Таковы мои дела.

На этом заканчиваю это письмо. Привет Ольге и племяшам. Привет от Захаровны.

Желаю всем вам здоровья.

Міхась Лынькоў.

25/XI 1949 г.

157. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

25 лістапада 1949, Мінск

Минск, 25 ноября 1949 г.

Дорогой Евгений Семенович!

Получил твое письмо и, как обычно, отвечаю на него с запозданием.

Что нового у нас? Работаю, как черт. Иногда бываю доволен этой работой, но в большинстве случаев грызут сомнения: выйдет ли толк из этой работы, не придется ли все это бросить, как говорится, черному тють-

ке под хвост. Во всяком случае работа в таком состоянии, когда уже просвечивает то, что мы можем назвать финалом. Правда, пока финалом первой книги. Во всяком случае — вот уже и повторение — к концу года думаю, надеюсь завершить мое несчастное творение. В крайнем случае может быть захвачу еще январь. Конечно, нужно будет всю эту громоздкую рукопись отшлифовать, возможно подсократить и т. п. Как только завершу работу, вышлю тебе на суд нелицеприятный.

Подходит день моего грешного юбилея — 1 декабря. Мне то ничего, а жинка в трудах и заботах: надо же достойно встретить с друзьями такое знаменательное, можно сказать, событие. В общем, тревожиться по поводу всяких яств и питий, что не мешает мне пробовать сии пития в порядке предварительной дегустации.

Пару слов о твоих делах. Я говорил в издательстве о договорах, об авансовой мзде и т. п. Черствый народ наши издатели, как и вообще все издатели. «Вот оформим, вот запустим в производство, тогда и вышлем...» — такие у них, знакомые для нашего брата, ответы. Постараюсь почаще напоминать им об этом деле.

На этом заканчиваю свое послание. Желаю тебе всякой поправки в санатории. Привет от Софьи Захаровны. Общий наш привет Калерии Ивановне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

1950

158. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

3 сакавіка 1950, Мінск

Дорогой Евгений!

Извини, что так долго не писал и даже не ответил на твое письмо, в котором ты писал о предполагаемом рецензировании в «Известиях» твоей книжки о Янке

Купале. Не писал я потому, что долгое время пребывал в болящих — возился с глазом, оперировал веко и т. п. Все то время не мог даже читать. Из-за болезни пропустил две приличные командировки: в Узбекистан на юбилей республики и на писательский Пленум, о чем искренне сожалею.

Теперь я подправился, впрягся в работу и тяну ее, как вол — и служебную академическую и свою творческую. Правда, одолевают всякие загрузки в связи с выборной кампанией, но ничего не попишешь, без этого немыслимо и жить.

Вчера мне позвонил корреспондент «Известий» Васильев с просьбой написать рецензию о твоей книжке. Я согласился, условились, что числа седьмого сдам рецензию. После твоего письма я ждал от них звонка, но, как видишь, позвонили они только вчера. В феврале я сделал для них статью о белорусской промышленности. Как видишь, приходится писать и на такие темы.

Работа моя над романом малость затянулась, но уже явно вижу ее недалекое завершение, правильней — близкое. Во всяком случае попотею еще месяца два и поставлю точку. Потребуется, конечно, время на окончательную отшлифовку, доделки, переделки и проч. Но теперь все это приобретает для меня реальные формы.

Как живешь, работаешь? Как здоровье твое, коммуны? Привет дружеский Калерии Ивановне, детям. Привет от Софьи Захаровны.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

3/III 1950 г.

159. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

5 красавіка 1950, Мінск

Дорогой Евгений!

Получил твое послание от 29 марта этого года. Разреши еще раз искренне поздравить тебя с прекрасной наградой — званием <...> лауреата. Многие из нас — и в первую очередь я и моя половина — пережили

огромное удовлетворение и радость по поводу этого события. Ты прав, называя все это увенчанием своей работы по популяризации белорусской литературы. Такого увенчания не многие заслуживают. В общем, расцениваем присуждение тебе Государственной премии как самый справедливый акт в нашей литературной жизни. Это поддержит тебя и морально и физически и даст тебе и силы и возможности для дальнейшей плодотворной работы, открывая перед тобой самые хорошие перспективы. Еще раз обнимаем тебя и желаем всяческих успехов в работе, а главное — хорошего здоровья.

Несколько слов о себе. Несколько лет подряд я совершенно не отдыхал. Отпуска были, но они занимались усиленной работой над романом. Одним словом, страшно устал, чувствую себя на каком-то пределе истощения и чертовского утомления. Последние страницы первой книги романа даются с трудом. А это нехорошо. Писать надо более легко, с бо́льшим чувством удовлетворения. Как-никак в этом месяце заканчиваю первую книгу. Понятно, заканчиваю условно — нужно будет доделывать, переделывать, заниматься перестановками, доработками и пр. и пр. Получилось очень много по объему, что-то листов около 60. Надо будет основательно поджать, чтобы выжать всю воду, все ненужное и лишнее. Все же приятно, что приближаюсь к финалу.

Одна беда, что работу над романом серьезно лимитирует моя проклятая служба в академии, где я теперь временно директорствую в нашем институте. Но как-нибудь выберусь из всех трудностей.

Пару слов о моей рецензии на твою книгу. Сжали ее, рецензию, до предела. Но я не в обиде: то, что я хотел сказать основного о твоей книге, в газете осталось. И это хорошо.

Ругал я неофициально Климковича за его рецензию в «Литературке», за его неуместную, а по существу и неправильную, дискуссию о Скорине. Такой уж характер у человека, обязательно подпустить ложку дегтя. На это, однако, не обращай внимания. Книга твоя принята общественностью Белоруссии весьма тепло, дружески. А это главное. Владислава Францевна говорила мне, что она посылает тебе все появившиеся рецензии.

На этом заканчиваю свое послание. Дружеский при-

вет от Софьи Захаровны. Приветствую Калерию Ивановну и детей.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

5/IV 1950
Минск

160. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

11 ліпеня 1950, Каралішчавічы

Дорогой Николай!

Получил твое письмо, за оное благодарствую. Давненько не получал твоих посланий.

Мы живем по-прежнему, трудимся, как говорится, в поте лица. Что касается «Векапомных дзён», то информация у тебя была не совсем правильная. Я закончил черновую работу над первым томом романа только в мае месяце этого года. Сейчас готовлю рукопись к печати. Работа огромная, так как первый том имеет размер около шестидесяти печатных листов. Второй (последний) том займет еще года два усиленной работы. Такие мои писательские дела. Думаю еще в этом году в перерыве между двумя томами написать книжку для детского читателя.

В отпуск я пойду числа 20 августа. Сейчас живем на даче, вернее, в писательском доме отдыха в Королищевичах. Почти каждый день езжу на работу в Минск. Сбыл свой «Москвич», обзавелся «Победой», более удобной машиной. Изредка, в свободные вечера, удостаиваю своим вниманием мой довольно уже потрепанный мотоцикл.

В Минске у нас живет теперь Аня, она находится на курсах.

Таковы все наши житейские дела. Работы как всегда много. Только что закончилась сессия нашего Верховного Совета. Председательствую в областной комиссии по сбору подписей под Стокгольмским воззванием.

Привет Ольге Ивановне и детям от меня и Софьи Захаровны.

С братским приветом *Міхась Лынькоў.*

11/VII 1950 г.

161. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

11 ліпеня 1950, Мінск

Дорогой Евгений!

Замотался я с работой, а потому и не ответил своевременно на твое послание. Вот закончили мы очередную сессию Верховного Совета республики и, вылучив свободную минутку, пишу тебе письмо. Что нового у меня? Роман — первую книгу — закончил я в мае месяце этого года. Сейчас потею над подготовкой рукописи к сдаче в издательство. Работы над ней много. По плану начну печатать с ноябрьской книжки в «Полымі». Никакого продолжения в журнале я не печатал, кроме известных тебе материалов.

Работу над второй книгой думаю завершить в ближайшие два года. Вторая книга по объему будет меньше первой. В первой, вероятно, листов шестьдесят, замучила она меня изрядно. А как будет мучить читателя, это еще неизвестно.

По-прежнему работаю в академии, живу в доме отдыха в Королищевичах. В отпуск пойду, очевидно, в конце августа месяца. Таковы все мои новости.

Сердечный привет Калерии Ивановне и детям от меня и Софьи Захаровны.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

11/VII 1950 г.

162. К. П. КОРСАКАСУ

27 ліпеня 1950, Мінск

27/VII 1950 г.

Дорогой Костас!

Только сегодня ночью узнал о награждении тебя орденом Трудового Красного Знамени и спешу поздра-

М. Лынькоў з унучкай. *1965 г.*

М. Лынькоў з П. К. Панамарэнкам,
С. А. Пілатовічам, С. В. Прытыцкім. *1967 г.*

Брат пісьменніка — Мікалай Ціханавіч Лынькоў. *1970 г.*

М. Лынькоў на возеры Нарач

вить тебя телеграфно и письмом. Я ехал ночью через Вильнюс из Таллина (был там на юбилейных торжествах Эстонской Республики), купил номер «Советской Литвы» от 26 июля и, таким образом, узнал о твоем награждении и награждении Шимкуса. Спешу выразить тебе самые лучшие братские пожелания — успехов, здоровья, радости, одним словом, всего того, что радует и украшает человеческую жизнь и труд.

Из списка награждений узнал и о другой приятной новости: ты уже не просто член-корреспондент, а действительный член Академии наук. Вот это уже ты утаил от меня самым бессовестным образом. Дружески приветствую и по этому случаю (имею в виду не утаивание, а присвоение тебе высокого академического звания). Привет и наилучшие пожелания. Крепко жму руку.

Міхась Лынькоў.

163. П. М. БАРАНАВУ

6 лістапада 1950, Мінск

6/XI 1950 г.

Дорогой Павел Николаевич!

Отвечаю на Ваше письмо и конечно с солидным запозданием. Но что поделаешь, когда уж такой характер, как говорит кавказская пословица. Работы перед праздниками было по горло, так что запустил и свою переписку.

Рад, что Вы устроились с пенсией и таким образом имеете возможность более спокойно осмотреться вокруг и более спокойно устраивать свои дела.

Я живу и работаю по-прежнему. Много времени отнимает служба в Академии наук, остальное время отдаю своей писательской работе. Первую книгу романа сдал, надо писать другую, а это несколько лет работы. Да хочется еще написать книгу для детского читателя. Много есть о чем писать, да жаль, что человек ограничен во времени. С удовольствием вспоминаю год, когда был в Вашей бригаде. Была тогда и молодость и многое из того, что безвозвратно потеряно в дни войны. Но

кто из советских людей не нес в те дни невозвратимых потерь? Жизнь есть жизнь, надо жить для живущих.

Горячий привет и поздравления Вам и Вашей семье с наступающим Октябрьским праздником.

Крепко жму руку.

Міхась Лынькоў.

164. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

10 лістапада 1950, Мінск

Дорогой Николай!

Давненько получил твою открытку и вот только теперь собрался написать тебе послание. Собирался я, будучи в Королищевичах, поехать машиной в Старые Дороги к Ане, когда ты был там с семьей. И Пелагее я обещал навестить ее летом. Да так и не собрался. Полонила меня работа над подготовкой первой книги моего романа к изданию, которую и сдал недавно в издательство. Это огромная и трудоемкая работа, более тысячи страниц рукописи. Теперь вздохнул несколько свободнее. 1 октября перебрался из Королищевич в Минск и отбываю тут последние дни моего отпуска. Скоро опять за работу, за службу, в надежде на отдых следующим летом.

Таковы все мои дела.

Твои наследники, наверное, основательно подросли за это время, так что и не узнал бы их. Приветствуй их и поцелуй от моего имени.

Привет от меня и Софьи Захаровны Ольге, тебе и детям.

С пожеланием всяческих благ

твой брат *Міхась.*

10/XI 1950 г.

165. ЯКУБУ КОЛАСУ

28 лістапада 1950, Мінск

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Мы ўжо тут, як гэта гаворыцца, і чаканкі даўно паелі, кожны дзень спадзеючыся на хуткі Ваш зварот да-

хаты. Урэшце пачынаем і сердавацъ: што яму прыспічыла там так доўга адлежвацца. Ужо і снег на вуліцах, і нешта падобнае на зіму нясмела падбіваецца к Мінску, і розных спраў набіраецца поўнае бярэмя,— а Вас усё няма і няма.

Зусім гэта, мякка кажучы, не па-таварыску... Ліст Ваш, пісаны, відаць, у дні Кастрычніцкага свята, мы з Зосяй даўно атрымалі, даўно перачыталі, крыху палаялі Вас за песімістычныя настроі. Праўда, атрымалі мы ліст са значным спазненнем. Відаць, асоба, якой даручылі Вы ўкінуць ліст у паштовую скрынку, пранасіла яго лішні час у сваёй кішэні, так што чысло на штэмпелі маскоўскай пошты дзён на дзесяць разыходзіцца з прастаўленай на пісьме датай напісання.

Якія навіны ў нас? Даніла, відаць, адрапартаваў Вам аб усіх нашых падзеях, у тым ліку і акадэмічных, у выніку якіх можна павіншаваць Кандрата Крапіву з годнасцю правадзейнага члена, а Петруся Глебку з «мантыяй» члена-карэспандэнта. Прызнацца, мы ўсе вельмі ўсцешаны гэтым, бо абодва гэтыя хлопцы слаўныя людзі і поўнасцю, калі не болей, заслужылі патрэбную павагу і пашану.

Што тычыцца маёй уласнай персоны, то мой удзел у акадэмічных выбарах абмежаваўся даволі трафарэтнай і набыўшай для мяне асабіста салідныя традыцыі ўласнай заявай: «Наколькі мне вядома, дык я, здаецца, здымаю сваю кандыдатуру». Ну, вядома, людзі пайшлі мне насустрач, задаволілі маю просьбу і я застаўся задаволены, што ўсё ж ткі мае просьбы як-ніяк выконваюцца. І я суцешыўся, як той герой, якому праспявалі вядомую лірычную песню «Якім ты быў, такім ты і застаўся!» (у канкрэтным выпадку гэтую песню прапела мне мая дарагая палавіна). Усё гэта, канечне, жарты. А кажучы шчыра, было такое адчуванне, нібы табе на галаву вылілі добры цэбар чаго-небудзь не зусім каб сказаць пахучага. Я добра разумею ўсе прычыны і ўсе абставіны справы: па нашаму аддзяленню была толькі адна кандыдатура і, кажучы трэзва, другія кандыдатуры мелі ў пяць разоў болей права быць выбранымі, чым Ваш грэшны карэспандэнт. Адзіная мая крыўда: навошта тады выстаўляць чалавека, абвяшчаць у газетах і г. д. Тым больш што гэта робіцца ўжо другі раз. Нават звычайны інструмент, калі яго залішне часта «выдвигать» і «задвигать», псуецца.

А мы ўсё ж ткі жывыя людзі, якім таксама ўласцівы законы амартызацыі.

Мне здаецца, што я залішне пішу Вам аб усім гэтым: Вам можа паказацца, што я перажываю ўсё гэта, як нейкую драму і г. д. Я ўжо не маладзён і, як таго вераб'я, мяне цяжка «правесці» на любой мякіне, хаця б сабе і акадэмічнай. Столькі ў нас спраў і столькі працы, што ўсе гэтыя «крыўды» і «крыўдачкі» страшныя дробязі, не вартыя аніякай увагі.

У суботу, 25-га, мы адсвяткавалі дваццаціпяцігоддзе творчасці Пятра Глебкі. З гэтай прычыны правялі ў нядзелю добрую таварыскую вечарыну, на якой пілі і за Ваша здароўе. Ушанавалі хлопца як след і, прызнацца, гарэлкі яго не шкадавалі, дзюбнулі па-юбілейнаму. Мы ўсе рады за Глебуса: хлопец ён не вельмі спрытны, каб пастаяць за сябе, за свае інтарэсы. Адным словам, поўная процілегласць тым, каго мы з поўным правам называем «дзельцамі» ад літаратуры (трапляюцца ж у нас і такія). Яго, груба кажучы, і заціралі, і замоўчвалі, і не ацэньвалі як след. І юбілей і выбары ў члены-карэспандэнты маральна падтрымаюць гэтага харошага, вялікай душы чалавека.

Аб чым Вам яшчэ напісаць? Хіба пару слоў аб Даніле. За апошнія месяцы назіраем мы ў ім вялікую перамену: пасталеў чалавек, пасур'ёзнеў. Як казалі мне хлопцы, сабіраецца ён жаніцца, ці правільней кажучы — ажаніўся. Кажуць, Вы прыхільна ставіцеся да яго абранніцы. Гэта вельмі і вельмі добра. Усім гэтым мы прыемна ўзрадаваны: і ім і Вамі асабіста.

Пасылаем Вам з Зосяй самыя лепшыя нашы пажаданні. І самае галоўнае: хутка сустрэць Вас у Мінску ў добрым настроі і ў добрым здароўі.

Абнімаем і цалуем Вас.

Міхась Лынькоў.

28/XI 1950 г.

166. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

28 лістапада 1950, Мінск

Дорогой Евгений!

Лужанины передали мне привет от тебя, за что посылаю тебе сердечное спасибо. От них же услышал я,

что ты собираешься забраться месяца на полтора в санаторий, что я тоже должным образом приветствую и заранее желаю тебе всяческих успехов в добротном отдыхе.

Теперь у меня к тебе начинаются некоторые вопросы. Когда ты был в Минске, я говорил тебе о желании Титова принять участие в переводе моего романа. Насколько помнится, ты отнесся к этому положительно. В нескольких письмах к своим друзьям Титов спрашивает о моем согласии и моем мнении по поводу всего этого дела. Я сказал его друзьям, чтобы он непосредственно связался с тобой в Москве и договорился бы о всех подробностях. Я имею в виду, так сказать, принципиальную сторону дела: возможности его участия в переводе и пр. Правда, и тебе говорить сейчас и решать что-нибудь практически нет возможности, потому что и рукописи у тебя нет да и — это самое главное — нет и деловых предложений со стороны какого-нибудь издательства. В общем, решай там, как знаешь.

Детище свое, как ты знаешь, я сдал Белгизу и его редактирует теперь Кондрат Крапива. Подготовил я рукопись и для тебя (часть, не опубликованную, в «Полымя») и привезу ее в Москву десятого декабря. Приеду в Москву для участия в торжественном вечере, посвященном «Слову о полку Игореве». Думает со мной проехаться и жинка для всяких своих покупок. Возможно, поедет и Танк с жинкой.

Такие мои планы с доставкой рукописи. Твой отъезд в санаторий (а я не знаю, когда ты поедешь) несколько смутил все мои надежды. Мне все же хочется, чтобы около моей работы походили свои, дружеские руки, а если не руки, то дружеское око. Одним словом, отпиши ты на это мое послание: какие у тебя планы, какие намерения и пр. и пр.

Однако довольно говорить о деловой прозе. Как живешь сейчас, можешь? Что нового у тебя с твоими работами? Как здоровье семьи?

У нас новостей особых нет. Только что провели юбилей 25-летия творческой деятельности нашего славного поэта и человека Петра Глебки. Проводили его, правда, не особенно широко, в рамках нашего союза. Якуб Колас все еще находится в Кремлевской больнице. Возможно, оттуда его направят в Барвиху. Не везет старику, как только поедет куда, так и просту-

живается. Надо больше беречь Константина Михайловича и не посылать его в командировки в дни с плохой погодой. В середине месяца у нас проводились выборы в нашу Академию наук. В действительные члены академии избран Кондрат Крапива, в члены-корреспонденты — Петро Глебка. В наших театрах идет с успехом пьеса Крапивы «Поют жаворонки». Пьеса будет поставлена в Ленинграде и, по всей видимости, в Москве.

Таковы все наши новости.

Пиши.

Дружеский привет от меня и Софьи Захаровны тебе и Калерии Ивановне, а также твоим славным детям.

С приветом

Міхась Лынькоў.

28/XI 1950 г.

167. ЯКУБУ КОЛАСУ

6 снежня 1950, Мінск

6/XII 1950. Мінск

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Чацвёртага снежня атрымалі Ваша пасланіе, за якое і прыносім самую сардэчную падзяку. Што нас прыемна здзівіла ў Вашым апошнім пісьме, гэта бадзёры, аптымістычны настрой, якога мы не бачылі ў пісьме ранейшым. І гэтаму мы вельмі рады, бо як-ніяк няма ў Вас асаблівых падстаў задужа скардзіцца на свой лёс, на хваробы і ўсякія іншыя такія штукі. Ды і не трэба даваць поваду завельмі расстройваць сябе. Наслухаецеся Вы там розных заключэнняў і парад нашых паважаных эскулапаў і пачынаеце сумаваць ды разважаць аб усякай там «суете сует». А жыць Вам і жыць яшчэ, Канстанцін Міхайлавіч, і не адну аповесць адгабляваць, і не адзін кош баравікоў сабраць у Балацянцы. Ды не пераяліся яшчэ і ляшчы ў беларускіх водах... Што ж тычыцца «одежд» і «метания жребия», то я не зусім падзяляю Вашы думкі, хаця мы з Зосяй і дружна рагаталі над прыведзенай цытатай. Мне здаецца, што некаторыя з людзей спецыяльна па-

даграваюць упаўне натуральную Вашу непрыязнь да пэўных асоб. А гэта рабіць, па-мойму, не варта, бо ў рэшце рэшт не гэта вызначае і запаўняе Ваша жыццё. Усё гэта, па-мойму, самая сапраўдная дробязь, не заслугоўваючая аніякай увагі. Не зразумейце мяне так, што я нібы сабіраюся тут некага абараняць, ці падзяляю іх думкі. Але ўсё гэта, паўтараю, драбяза і драбяза, вартая хіба жартоўнага верша, пачатак якога мы атрымалі і чакаем яго працягу і завяршэння.

Цяпер аб іншых справах. Думаем з Зосяй наведацца Масквы числа дзевятага. Прабудзем некалькі дзён. Магчыма, пад'едзе і Ваш паважаны сакратар Максім. Магчыма, калі дазволяць, наведаем і нашага патрыярха, каб намякнуць яму, што час ужо расставацца з Крамлёўскімі бальніцамі і накіраваць «нозе своя» на Мінск. У акадэміі сумнавата, навін асаблівых няма, пацеем над складаннем справаздач за мінулую пяцігодку і за 1950 год.

Надвор'е стаіць у нас надзвычай кепскае. Дажджы, плюхата. Зіма неяк намаглася аднаго разу заглянуць да нас, але некуды знікла, пакінуўшы адно макрэддзе. У гэтую нядзелю з'ездзілі мы ў каралішчавіцкія лясы. Выдалася была і добрая пагода, так што гэтая «вылазка ў прыроду» прайшла не дрэнна.

Вось і ўсе покуль што нашы навіны.

Моцна цалуем Вас і так жа моцна абнімаем. З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

168. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

23 снежня 1950, Мінск

Дорогой Николай!

Вот замотался с делами, так что и ответить своевременно на твое письмо не успел, а главное — не поздравил тебя с знаменательной годовщиной: оказывается, тебе уже тридцать пять лет! Дела, одним словом! Молодеем все понемногу. Хотя с опозданием на шесть дней, а поздравляю и желаю всего самого наилучшего. Хотел тебе написать еще из Москвы, был там несколько дней в связи с празднованием годовщины «Слова о

полку Игореве», да так и не успел. А тут еще много хлопот у меня было с работой в избирательной комиссии, так что только теперь несколько очухался от выборов. Одни закончили, начинаем готовиться к другим.

Ты напоминаешь о «Векапомных днях». Конечно, пришлю книгу, как только выйдет. Но выйдет она не так еще скоро, сейчас проходит она издательскую редактуру. Понадобится немало дней, пока издательство переварит ее как следует, кусочек то громоздкий, более тысячи страниц рукописи на машинке. Теперь думаю приступить к работе над второй книгой этого романа. Работы будет с ней опять-таки по горло. Но надо завершать: написал первую, надо дать и вторую.

Таковы мои писательские дела, от которых солидно отрывает меня академическая работа, поскольку приходится временно директорствовать в институте (наш директор находится на двухлетней докторантской учебе).

Привет от меня и Софьи Захаровны тебе, Ольге Ивановне, Елене и Николаю.

Поздравляем с наступающим Новым годом и желаем всех наилучших благ и в первую очередь расширения твоей квартирной площади.

С братским приветом

Міхась Лынькоў.

23/XII 1950 г.

169. ЯКУБУ КОЛАСУ

Другая палавіна снежня 1950, Мінск

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Некалькі дзён ужо, як вярнуліся мы з Зосяй у родны Мінск. У Маскве мы прабылі дні са тры. Хацелася пабыць яшчэ з тыдзень, але насоўваліся выбары, а ў дадатак да ўсяго быў я членам раённай выбарчай камісіі, так што трэба было спешна накіроўваць «стопы своя» да хаты. Усё, што трэба было зрабіць у Маскве, зрабілі. Выступіў я з прамовай на ўрачыстым вечары, прысвечаным «Слову аб палку Ігаравым», пабыў на паседжанні прэзідыума ССП, прысвечаным вынікам

азербайджанскай дэкады. Гэта афіцыйныя справы. З неафіцыйных: пабывалі на пратэзнай фабрыцы, заказалі Зосі спецыяльныя туфлі (вандравалі на фабрыку амаль што два дні). Купілі яшчэ Зосі зімовае паліто. Купіў сабе сігарэт, гэтым і абмежаваў свае ўласныя пакупкі. Адзін вечар правялі ў тэатры імя Немірові-ча-Данчанкі, глядзелі «Фрола Скабеева». Перагаварыў па тэлефону з Мазальковым (ён у адным з падмаскоўных санаторыяў) аб перспектывах перакладу маіх «Векапомных дзён». Як бачыце, спраў на тры дні хапала па горла. Рабілі яшчэ спробу прабрацца да Вас, але, як ведаеце, гэта было немагчыма. У выніку пару колцаў каўбасы, спецыяльна прывезенай Вам, давялося тэрмінова перадаваць Зосіным маскоўскім знаёмым. Не перадаў Вам і «Звязду» з Вашым артыкулам. Пасылаю яе адначасова з гэтым пісьмом спецыяльным заказным пасланіем. Такія вось справы з нашай паездкай у Маскву.

Пасля нашага прыезду ў Мінск атрымалі і Ваша пісьмо з «Возам навукі», над якім (над возам) мы добра і добра парагаталі.

Толькі, толькі што закончылі выбарную кампанію, рыхтуемся да новай. Мне, відаць, прыйдзецца ізноў быць членам якой-небудзь камісіі, хутчэй за ўсё акруговай, па выбарах у Вярхоўны Савет БССР. Адным словам, спаць не прыходзіцца. Наогул спраў розных так багата, што некалі заглянуць і да Батвініка, каб уставіць зуб, які выпаў на самым перадзе ды перад самым выступленнем у Маскве на ўрачыстым вечары. Хаджу цяпер шчарбатым.

Навін у нас у акадэміі асаблівых няма, самая гарачая пара розных справаздач, планаў і г. д. Пацеем, пакутуем, ды ўспамінаем маці, якая «во гресех роди мя».

Сягоння ў саюзе ў нас перавыбарчы партыйны сход, будзем выбіраць на год новага сакратара партарганізацыі.

На гэтым заканчваем наша пасланіе. Зычым Вам здароўя, шчасця, радаснай сустрэчы Новага года, абнімаем і цалуем.

Міхась Лынькоў.

1951

170. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

11 студзеня 1951, Мінск

Дорогой Евгений!

Как жив, как здоров, как дела? Дома ли или еще пребываешь в санатории? Одним словом, черкни очередное донесение.

Я с Софьей Захаровной пробыли в Москве дня четыре и подались до хаты. Хотелось пробыть еще с неделю, но как раз подходил день выборов, а я — по обыкновению — непременный член избирательной комиссии и поэтому спешил восвояси. Все, что нужно было в Москве, сделали, купили пальто жене, побывали на протезной фабрике, заказали ботинки, ну и всякое прочее. Навестили твою семью, посмотрели твои апартаменты. К слову сказать, квартира твоя понравилась нам. Если бы лишняя комнатенка, было бы и совсем не плохо, особенно, если учесть район, тихий, спокойный.

Теперь несколько слов о делах. Завез я тебе свою «опупею». И надо сказать, что просто сожалею, принудив тебя, не совсем здорового человека, читать эту увесистую кирпичину. Но что поделаешь... Я до некоторой степени «консерватор», не могу я и не хочу связываться с людьми незнакомыми мне или малознакомыми. Мне важно твое мнение, твои соображения и о рукописи, и об издательствах и т. д. Ведь переводить — не обязательно тебе (имею в виду и перегруженность твою, а возможно, и вполне естественное при случае нежелание заниматься этим делом), но познакомиться с рукописью, порекомендовать переводчиков — тут уже твое слово для меня будет ценным. Рукопись я сдал издательству в Минске. Редактором Кондрат Крапива. Он уже прочел, написал соответствующую рецензию. Теперь я делаю последнюю правку, снимаю некоторые эпизоды, кое-где сокращаю, сжимаю места, касающиеся предателей, меняю биографии некоторых из них, ликвидирую отдельные натуралистические эпизоды, устраняю излишнее в отдельных местах «комикование», подрезываю длинноты и пр. Заодно готовлю неопубликованные части и журнал

«Полымя». Значительной правке подвергаю и первые части, некогда опубликованные в журнале. В общем, работа в разгаре.

В Москве, на вечере о «Слове о полку Игореве», встретился с Рябининой. Она приглашала в Гослитиздат поговорить о моем романе. Но я не зашел: не было и времени тогда, да и не хотелось без тебя, без твоего мнения это делать.

Таковы дела. Мне страшно неудобно, что приходится волей-неволей посягать на твое время. Но что попишешь! Одним словом, когда сумеешь прочитать (причем без всякой спешки, торопливости, дело не к спеху), напиши.

Теперь о других делах. Уже идет четвертый месяц, как Якуб Колас в Москве. Как заболел во время конференции по борьбе за мир, так до сего времени не выходит из больницы. Правда, теперь его перевели из Кремлевки в Барвиху. Когда был я в Москве, мне удалось поговорить с ним по телефону, в больницу не пускали из-за гриппозного карантина. Мы уже заскучались порядком по Коласу, надолго он задержался на этот раз. При случае пошли ему письмецо, старик рад бывает каждому дружескому посланию. Как-никак он очень и очень одинокий человек, и всякое дружеское теплое слово ему крайне необходимо.

Передай сердечный — мой и С[офьи] З[ахаровны] — привет Калерии Ивановне и детям.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

11/I 1951 г.

171. П. М. БАРАНАВУ

11 студзеня 1951, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

Получил Ваше письмо, датированное третьим января этого года. За письмо сердечное спасибо. Напрасно, Павел Николаевич, упрекаете меня в «сухости», ей-богу же не повинен я в таких грехах. А если мое письмо и показалось таким, то самым искренним образом прошу Вас извинить меня — дело в том что письма иногда пишу в спешке, а потому они при случае могут по-

казаться и несколько суховатыми. Одним словом, каюсь и каюсь.

Очень неудобно мне посылать Вам карточку для целей, о которых Вы писали: ей-право, есть более подходящие и более стоящие люди, чем моя грешная персона, достойные кисти художника. Карточку посылаю. Сообщаю и нужные данные: глаза у меня какого-то неопределенного цвета, серо-голубые, голубизны самая малость. Что касается волос — седой, как леший (если только лешие бывают седыми). Брови редкие, еле приметные. Костюм цвета хаки, галстук — смесь зеленого с бежевым. Регалии на снимке не все, размещены они в следующем порядке: орден Ленина, орд[ена] Труд[ового] Красного Знамени, Красн[ой] Звезды. Дальше медали: «Партизанская I степени», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и «За доблестн[ый] труд в годы Отеч[ественной] войны».

Что касается фона, то это уже зависит полностью от Вас, от Вашего усмотрения, от домысла художника.

Напишите, как обстоят все Ваши дела. Хотя с запозданием, поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего самого хорошего и наилучшего, что и соответствует Вашим личным желаниям.

Сердечный привет Вам и Вашей семье.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

11/I 1951 г.

172. ЯКУБУ КОЛАСУ

16 студзеня 1951, Мінск

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Атрымалі ўчора Ваш ліст з новым адрасам і спяшаемся як мага хутчэй адказаць на яго. У гэтым годзе не пісалі Вам, бо дакладна не ведалі, калі Вы ўрэшце пераедзеце ў Барвіху.

Мы вельмі рады Вашаму лісту. Як-ніяк хутка Вы закончыце свой курс лячэння і прыедзеце ў наш родны Мінск, у якім так багата розных неадкладных спраў, якія патрабуюць і Вашага ўдзелу і Вашага вырашэння. Узяць хоць бы Данілавы справы: трэба ж адгуляць

вяселле і добра адгуляць, каб добра было і ўсім добрым людзям. Думаем, што знайшліся б і яшчэ падобныя справы, бо ўсе мы тут парадкам ужо засумавалі па Вас, а я з Нонікам соўдаемся па акадэміі, як тручаныя мухі (праўда, да канца яшчэ не затручаныя). Ізноў жа хутка люты, а за ім сакавік, а там запахне вясной, Балацянкай і ўсякімі такімі добрымі рэчамі, якія і на карысць і на патрэбу чалавеку.

Зіма ў нас у гэтым годзе нейкая нялюдская (дарэчы: калі яна была людскай у Мінску?): адзін дзень градусаў на дзесяць, а то і болей марозу, а на другі дзень тае, хлюпота. Так і чаргуюцца дні, ад якіх няма ніякай зімовай уцехі.

Працы ў нас цяпер па самае горла. Адны выбары правялі, узяліся за другія. Я ізноў у адной з выбарчых камісій. Акрамя таго, рэжуць розныя даклады, артыкулы ў газеты і г. д. Гэтымі днямі на пару дзён выеду ў Валожынскі раён (Маладзечанскай вобласці) з дакладам па пытаннях грамадскай зямлі ў калгасах. Заўтра раблю даклад у адной з воінскіх часцей аб Леніне. Карпею над падрыхтоўкай сваіх «Векапомных» да друку ў выдавецтве і ў «Полымі».

У акадэміі ў нас зацішша, заняты ўсе справаздачамі за 1950 год і за мінуўшую пяцігодку.

У саюзе таксама зацішша, хлопцы заняты выбарчай кампаніяй.

Такія нашы справы. Пасылаем Вам самыя лепшыя нашы пажаданні, абнімаем, цалуем, спадзяёмся, што хутка сустрэнемся і як належыць адзначым сустрэчу.

Пры выпадку перадайце прывітанне Абрасімаву.

Сардэчна паціскаю ад майго імя і Зосі Вашу дзясніцу.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

16/I 1951 г.

173. К. П. КОРСАКАСУ

7 лютага 1951, Мінск

Дорогой Костас!

Недавно послал тебе затребованную тобой «книжку». Это всего-навсего пара брошюр двух моих докладов.

Живу, как и ты: загружен работой и по горло и выше. Теперь самый разгар избирательной кампании, являюсь членом окружной избирательной комиссии. А тут и самому нужно ехать — вернее, лететь самолетом — к моим избирателям в Пинской области.

Пользуясь случаем, приветствую тебя с кандидатством в депутаты.

Сердечный привет и такое же пожатие твоей десницы.

7/II 1951 г.

Міхась Лынькоў.

174. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

31 сакавіка 1951, Мінск

Дорогой Николай!

Прошу извинить за «привычное» опоздание с ответом на твое письмо. Был это время в отъезде, путешествовал по Гродненской области и в самом Гродно. Были поручения ЦК, делал и литературные выступления. Смотрел, как пошел сахар на нашем первом белорусском сахарном заводе в Скидельском районе. Завод большой, первоклассный. Как видишь, белорусы научились и свой сахар производить.

Ты спрашиваешь совета насчет учебы малышей и пр. Понятно, что не нужно и не следует искусственно ускорять хотя бы и процесс ознакомления с буквами. Всякому овощу свое время, как говорится. А поэтому и занятия и развлечения надо подбирать исходя из возраста твоих «студентов».

Теперь о моей новой книге. Я ее только сдаю (окончательно, после редактуры) в эти дни в печать, в издательство. Книга большая, а потому и работы с ней, всевозможных доделок — много. Размер ее около пятидесяти печатных листов. В апреле разделаюсь с ней окончательно. Неопубликованные части ее начались печататься в «Полымі» с мартовского номера. Когда выйдет она в свет (а это не так скоро), вышлю обязательно.

На этом заканчиваю послание. Привет Ольге Ивановне и наследникам. Привет от Софьи Захаровны.

С наилучшими пожеланиями

Міхась.

31/III 1951 г.

P. S. С ответом запоздал из-за большой перегрузки в последние дни. Была городск[ая] партийн[ая] конференция, неделю был в Гродненщине, теперь «неделя книги» — приходится выступать в школах, на собраниях и т. д. В ближайшие дни областн[ая] парт[ийная] конференция, сессия Верх[овного] Совета БССР, сессия в Академии наук и Пленум правления Союза писателей. В общем, весна чрезвычайно «урожайная» на заседания. С мая думаю вырваться в наш дом отдыха в Королищевичах, тогда станет немного спокойнее от заседательской суеты.

М. Л.

175. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

6 чэрвеня 1951, Мінск

Дорогой Евгений!

Извини за некоторое запоздание с ответом на твое письмо. Последние недели занят был по горло нашими академическими делами, не успел вовремя тебе ответить. К тому же перебрались мы с Софьей в наш дом отдыха в Королищевичах, а тут соловьи, лягушки, комары и прочая живность — залюбуешься, заслушаешься весенними концертами — и на все забудешь.

Не хотел я тебя напрасно и тревожить, знал, что ты в санатории. В Москве я в последнее время не был, о романе ни с кем не говорил. Буду, очевидно, в ваших краях числа двадцатого, двадцать первого <...>, тогда и договоримся с издательством — тем или другим. Книгу кончаю печатанием в «Полымі» № 6. Сейчас печатается еще № 5. № 4 вышел, высылаю. Некоторые значительные поправки и сокращения я внес и в текст книги, сданной издательству (там сказали мне, что книга набирается). В «Полымі» дал больше сокращений из соображений места.

Что я хотел и хочу от тебя? Об этом мы, кажется, договорились с тобой. Переводчиком непосредственным быть тебе трудновато — и работы много, да есть у тебя и свои собственные творческие работы. Но быть в стороне от перевода было бы грешно. Эту приблизительную формулу наших отношений мы установляли во время моего пребывания в Москве. Еще мне хотелось тогда, чтобы ты — при возможности, при случае — позондировал почву в издательстве, а также подумал о коллективе переводчиков. Такие были мои претензии к твоей достопочтимой особе. Такими они и остаются. Но когда человек бывает болен, тогда всякие претензии к нему отпадают. Одним словом, увидимся в Москве, окончательно договоримся обо всем. В издательских делах я обычно бываю байбаком, несколько забрасываю их и в результате этого, конечно, проигрываю. Тут не мешает быть более расторопным.

Когда я сдал в издательство свою первую книжицу, у меня как гора с плеч свалилась. Правда, хлопот у меня с ней еще будет, от них не избавишься, но жить все же стало легче, скинувши с себя эту ношу. Теперь, за исключением академических дел, гоняю пока лодыря. Заработался, правда, до чертиков. Надо немного передохнуть. А пока возьмусь за другую книгу романа, хотелось бы написать книжку для детей или сборник американских рассказов. Посмотрю, как оно повернется со временем.

Как твои дела, как здоровье? Как здравствует Калерия Ивановна и дети? Сердечный им привет от меня и Софьи Захаровны.

Ты сообщаешь о фото с Горьким. У меня ничего не сохранилось из довоенных снимков.

Заканчиваю свое послание. Крепко жму твою десницу. Думаю, что скоро встретимся, если только ты будешь в Москве.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

6/VI 1951 г.

176. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

20 верасня 1951, Каралішчавічы

Софуня!

Нумерацию я проставил и рукопись посылаю тебе. Софунька, если Юлия Захаровна надумается с мамашей поехать к Лёне, отправь их машиной. Ведь это же сестра твоя и мама — их обоих я уважаю и люблю, не надо в этих делах скупиться. По существу тут грошовые расчеты, и я прошу тебя отбросить эти расчеты. Денег у нас с тобой всегда хватит, нельзя отправлять старенькую мать с поездом, когда есть возможность за несколько часов доставить ее спокойно.

Ты не сердись на меня, Софунька, я хочу сделать и делать все как можно лучше. А если пойдут на это пара-другая сотен, то это чепуха.

Очень прошу тебя, сделай так, как я прошу тебя. И мамаше будет лестно приехать на машине, и сестру ты этим не оскорбишь.

Софунька, сделай так, как я тебе рекомендую. На счет усякіх выдаткаў — я паклапачуся. Пастарайся, каб мамаша і сястра раней нядзелі не выязджалі, ты прывязеш іх у Каралішчавічы разам з Надзюшкай, а пасля яны могуць паехаць і да Лёні.

Сафунька! Не пярэч маім планам. Я ж хачу толькі, каб было добра самым любімым табой людзям.

Цалую цябе і сястру і мамашу і Надзюшку.

Усіх іх дастаў у Каралішчавічы ў суботу, а хочаш, дык і раней. Не забывайся і пра Нюру.

З сард[эчным] прывітаннем

Міхась Лынькоў.

20/IX 1951

177. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

22 снежня 1951, Мінск

Достопочтенный юноша!

Вот уже с неделю получил твое послание, а всяческая «болесть» задержала своевременный ответ. Дней с восемь как лежу в постели: гриппую, а вдобавок вос-

паление надкостницы верхней челюсти. И то и другое нагоняло температуру. Несколько ночей пришлось крутовато. Теперь все это уже в «прошлом», можно легче вздохнуть.

До 10 декабря был я в Королищевичах, с десятого приступил к службе и, как видишь, сравнительно неудачно. Софья мне говорила, что Есаков спрашивал у нее твою книжку. Она давала твою книжку о Купале, он, по словам жены, спрашивал книгу о Коласе. В общем, они так и не поняли друг друга. Вопрос, видимо, шел о I томе Коласа. Видел я рецензию Семеновича на этот том, нужно будет, достану.

Таковы мои дела.

Привет Калерии Ивановне и детям.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

22/XII 1951 г.

P. S. Поздравляю тебя и Калерию Ивановну с наступающим Новым годом!

1952

178. С. І. ВАСІЛЁНКУ

25 студзеня 1952, Мінск

Уважаемый Сергей Иванович!

Искренне прошу извинить меня, что до сего времени не поблагодарил Вас за присланную мне книгу. Когда Вы послали ее в Минск, я находился в Польше, где пробыл с месяц. Возвратившись оттуда, я почти весь декабрь месяц проболел, а потому и не имел возможности познакомиться с книгой.

Книгу Вашу я прочел (за исключением переводов с оригиналов). Имеются в ней и недостатки, порой и существенные. Мнение мое таково: раз начатую работу надо продолжать и совершенствовать, дело это весьма полезное и нужное.

Сейчас не пишу Вам подробно о моих замечаниях из-за страшной перегрузки работой. Будете в Минске, поговорим с книгой в руках. А если необходимо будет,

то смогу в будущем прислать и письменные мои замечания.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

Минск 25/I 1952 г.

179. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

6 лютага 1952, Мінск

Привет достопочтенному Николаю Тихоновичу!

Как видишь, получил твое послание и отвечаю. Живем мы тут по-старому, трудимся по-прежнему, помышляем о новой квартире — обещают весной переселить нас в отдельную квартиру.

Издание книги на русском языке все еще находится в стадии оформления: пока почитают, да обсудят, да оформят, да отредактируют — на все это нужно соответствующее время, и немалое, тем более что и книжица не малая.

Мы все время ждем зимы. Февраль на дворе, а настоящей зимы, настоящих снегов еще не слышно. Температура обычно вертится вокруг нуля, ни разу не порадовав добротным морозом. Может быть, февраль как-нибудь образумится.

Таковы все наши дела.

Привет от всех наших.

Остаюсь с наилучшими тебе пожеланиями

твой брат *Міхась Лынькоў.*

Минск
6/II 1952

180. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

25 сакавіка 1952, Мінск

Достопочтенный Николай Тихонович!

Отвечаю на твое письмо с соответствующим запозданием. Все было некогда своевременно написать тебе письмо: готовился с докладом к гоголевской годовщи-

не, потом готовился к Пленуму нашего союза, теперь готовлюсь к декаде белорусской литературы и искусства, которая будет проводиться осенью в Москве. Сегодня у нас начинается сессия Верховного Совета. Кроме этого, много работы по академии и т. д. Одним словом, некогда передохнуть.

Книга моя переведена на русский язык, будет издана к декаде или Военииздатом или издательством «Советский писатель».

Живем мы и трудимся по-старому, по-прежнему. Лето, если удастся, думаем провести на озере Нарочь, это двести километров от Минска. Будем там, если удастся только найти там какую-нибудь хатку для дачи.

Таковы наши все дела, на чем и заканчиваю свой рапорт.

С приветом

Міхась.

25/III 1952 г.

181. П. М. БАРАНАВУ

25 сакавіка 1952, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

По обычаю своему запаздываю с ответом на Вашу открытку (причиной этому перегрузка всевозможной работой — и служебной, и общественной, и личной), а посему и каюсь. Рад, что получили мои книги.

«Векапомныя дні» переведены на русский язык и выйдут в Москве к осени. Когда получу первые экземпляры, обязательно вышлю Вам книгу на русском языке.

Что-то Вы до сего времени не написали мне, как сложилась Ваша личная жизнь, ни слова не сказали о своей семье, о ее составе, о Вашей теперешней жизни и т. д. При случае черкните пару-другую слов. На меня особенно не сердитесь, если я иногда запаздываю с ответом. В этих запаздываниях я порой ни душой ни телом не виноват: переписка огромная, прибавьте сюда переписку по обязанностям депутата Верховного Совета,— одним словом, своевременно ответить всем това-

рищам и адресатам иногда не представляется простой физической возможностью.

С наилучшими Вам пожеланиями и дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

25/III 1952 г.

182. С. І. ВАСІЛЁНКУ

25 сакавіка 1952, Мінск

Уважаемый Сергей Иванович!

Прошу извинить за месячное опоздание с ответом на Ваше письмо. Причина, как и всегда, дьявольская перегрузка. Готовил доклад к гоголевскому юбилею, потом подготовка к Пленуму союза, подготовка к декаде и т. д. и т. д. Одной редактуры более чем по горло: издания Купалы, Коласа, ряд декадных изданий, редактура четвертого издания учебников по литературе для средней школы, подготовка юбилейных сборников по 70-летию Купалы и Коласа,— одним словом, погряз по самые уши и никак не выбраться, не продохнуть.

А в результате всей этой перегрузки почти год, как не написал ни единой строчки для 2-й книги «Векапомных дзён» (первую книгу высылаю Вам сегодня или завтра). В общем, чтобы выбраться из этого творческого тупика (в зависимости от времени), собираюсь просить ЦК партии о предоставлении более или менее длительного творческого отпуска. Иначе я пропаду, как швед под Полтавой. Для второй книги романа нужно написать минимум 50—60 печатных листов. Да который уже год не выполняю своего обещания школьникам — дать им детскую книгу. Остаются пока не реализованными мои наблюдения из заграничных поездок (Америка и Польша). Как видите, многогрешный раб Ваш клонит дело к тому, что в создавшихся для него условиях он никак не может осуществить редактирование Ваших «Очерков». Я полагаю, что Вы прекрасно учтете истинное положение с бюджетом моего времени и извините мой отказ (до конца года мне нужно отредактировать три тома Янки Купалы на белорусском языке, трехтомное издание Купалы в Москве на русском язы-

ке, семитомное издание Коласа на белорусском языке и т. д. и т. п.).

Пару слов о Ваших взаимоотношениях с Климковичем. Может быть, я ошибаюсь, но мне со стороны кажется, что обе стороны тут перегибают палку, допуская крайности в характеристиках друг друга. А делают они оба одно и то же дело, оба искренне думают о литературе. Но вместо того чтобы по-деловому поговорить о тех или иных формулировках, положениях, неточностях и т. д.,— оба поносят, поелико возможно и невозможно, друг друга и предают взаимным анафемам. Повторяю, однако, что это мой личный взгляд на это дело...

Вы спрашиваете меня, сохранилась ли у меня Ваша брошюра «Пад панскім бізуном»? К сожалению, от всей моей довоенной библиотеки у меня остались только одни воспоминания. Да и не только от библиотеки...

На этом заканчиваю свое послание.

С товарищ[еским] приветом

Міхась Лынькоў.

25/III 1952 г.

183. АРЭХАВУ

Сакавік 1952, Мінск

Март 1952 г.

Тов[арищ] Орехов!

Немного запаздываю с ответом на Ваши рассказы. Но в этом, пожалуй, виноваты больше Вы, чем я. Я впервые в своей практике встречаюсь с автором, который бы так небрежно, с таким вопиющим неуважением относился к своему собственному труду, как Вы. Рукописи неряшливы, неразборчивы. Автор не посчитал даже нужным пронумеровать страницы некоторых своих рукописей, полагая, очевидно, что это сделает за него кто-то другой. Тот, кто не уважает свой собственный труд, тот, очевидно, и не любит его. Кто не уважает свой труд, тот не способен ценить труд и другого. Вы, очевидно, полагаете, что у меня масса свободного времени, что у меня здоровые глаза — «прочтет, дескать, нигде не денется!» А времени у меня в обрез.

И вот я целыми неделями (буквально — неделями) расшифровываю по ночам (это мое свободное от служебной работы время) Ваши отдельные рассказы, стараюсь понять, прочесть то, что Вами написано. Половину времени приходится тратить только на то, чтобы вчитаться в Вашу рукопись. Никуда такая работа не годится! Не так начинали мы свою литературную жизнь. Ценя и любя свой труд, мы уважали и труд тех, которым приходилось иметь дело с нашими рукописями.

Это о внешнем виде Ваших работ.

Теперь об их содержании. Рассказы Ваши не только «слабоваты», они исключительно слабые, а отдельные из них просто не могут претендовать на это название. В чем тут дело? А дело, видно, в Вас самих. Вы пишете: «Сейчас буду писать рассказ о враче, о доярке и еще **много кое о чем.** Страшно много материалу накопилось». В том и беда, что Вы пишите **много**, когда следовало бы писать поменьше, да лучше, и писать не **кое о чем**, а писать о чем-нибудь значительном, интересном, важном, волнующем, актуальном, злободневном. Не Вы распоряжаетесь материалом, а он давит на Вас, и Вы беспомощно барахтаетесь в нем, Вы пренебрегаете основным законом писателя — строжайшей экономией слова, тщательным подбором подходящего слова. Необходимо добиваться самой максимальной нагрузки на слово, а не сыпать эти слова без разбору, как горох в бочку. При нетребовательном, беззаботном отношении к слову оно утрачивает свое значение, делается серым, бесцветным, а в результате и вся вещь получается скучной, тягучей, бесцветной. Там, где требуются всего две странички, Вы растягиваете их на десять, и читатель засыпает от скуки уже на первой странице. Как писал Гоголь, к слову нужно относиться честно.

Проиллюстрирую это примерами из Ваших рассказов. Вот Вы в рассказе «Утро» пишете про колхозника Лукича, что он «улыбался в густую холеную бороду». И в рассказе «Повесть о книге в красном переплете» помещик Семенчук поглаживал рукой «холеную бороду». Как видите, Вы слово «холеную» думаете применять на все случаи жизни. Чем же, в конце концов, отличается борода колхозника от бороды помещика? Обе они у Вас холеные. Очевидно, Вы совершенно не задумывались над смыслом этого слова, когда употреб-

ляли его, и в результате оно превратилось у Вас в пустой звук. Вы слово превратили в штамп. Холеные руки, холеные бороды — это руки и бороды тех, кто не знал труда, у кого только и дела было, что холить свои бороды.

Это яркий пример Вашего беззаботного отношения к слову, слову, которое является основным материалом литературы, как сказал Горький.

В результате этой беззаботности у Вас в нескольких рассказах заря рисуется, как распластанные крылья птицы. Сравнение бывает только тогда хорошим, когда оно бывает удачным и употребляется обычно один раз. Если им злоупотреблять, оно теряет всякую цену, приводит к однообразию, к ненужному повторению. Литература не терпит повторения.

Несколько слов об отдельных рассказах. Начнем с «Утра». Замысел действительно не плох, но как он плохо выполнен! Вы забываете чувство меры, а в результате получается неправдоподобность. Лукич серьезно болен. Как же он поднялся с постели? Как он прошел несколько километров до поселка, туда и обратно? Читатель не верит Вам, потому что Вы художественно не обосновали поступки Лукича. Читателя просто возмущают порядки в колхозе, при которых возможен такой случай, что достаточно заболеть одному конюху, как с лошадьми начинаются всякие несчастья. Читатель негодует на Вашего председателя колхоза, который или сплошной дурак или идиот, что стоит часами на коленях около заболевшей лошади и ничего не предпринимает (очевидно, и не встал бы с колен, если бы не вернулся Лукич). Читатель посмеивается над описанием всевозможных страхов Лукича, над Вашими волками (надумались они у Вас на Покрова свадьбы справлять, когда всякий уважающий себя волк делает это обычно зимой, в самые лютые морозы). Читатель возмущается тем, что Вы опошляете самую идею социалистического соревнования, заставив говорить о нем двух пьяных людей, по-видимому, бригадиров. Читатель улыбается героизму Вашего ветврача, у которого вот и сын родился, а он, смотрите, какой сознательный, пошел лечить больную кобылу. Зачем сваливать в одну кучу столько проблем. Разве не мешало бы остановиться на одной, да разработать ее как следует. В результате — скучно, натянуто, надумано, пресно.

В рассказе «Гудит» читаем: «И Ганна ждала с замиранием сердца той минуты, когда оборвется эта надоедливо звучащая веревочка и в наступившую тишину выльется из груди накопившаяся там радость встречи, стиснутая сейчас ожиданием и болью истосковавшегося материнского сердца». Как много тут наворочено: и веревочка, и тишина, и радость, и встреча, и сердце... Пока дойдешь до конца фразы, то все первые сравнения забываются. Читателю трудно остановить свое внимание на чем-нибудь, у него не создается четкого образа от всей этой словесной каши. Писать нужно лаконично, предельно ясно, не перегружая образа. Что это за домики там у Вас в вишневом цвету? И как это одевают фартук на юбку? Обычно женщины предпочитают повязывать фартук. И что это за «значок «Отличный танкист» Павла»? И разве заходящее солнце может покинуть на девичьем лице «частичку своего огня»? Как это — частичку? И в чем смысл заголовка «Гудит»?

Я уже говорил о необходимости чувства меры в подборе слов, в строении самой фразы. Слово должно соответствовать тому, что Вы хотите показать. Рассказ «Заря алая» вы начинаете фразой: «Седой великан сопротивлялся, он широко размахивал сучьями, как будто искал для себя опоры, но, не находя ее, сгибался, обнажал глубокую рану». Я полагал, что Вы будете рассказывать дальше о чем-то исключительно трагическом, исключительно важном. Оказывается, дело идет о заметке в стенгазете, критикующей плохого работника, о чувстве ревности этого работника и т. д. В общем, дело идет о самых рядовых, обычных вещах. К чему же тогда весь этот превыспренный тон, все это нагромождение великанов, ран и т. п.? Писать нужно проще и обычным словом, подобранным умело, воздействовать на читателя.

Рассказ Вы заканчиваете фразой, начинающейся словами: «Медленно гасла заря». Было бы хорошо, если бы тут Вы и оборвали рассказ. Слова эти просты, естественны, они вызывают настроение. Но Вам этого мало. Вы пишете дальше: «Она разгоралась все ярче и ярче, полыхала громадным алым полотнищем: заря великих строек, предвестница величественного завтра». Этим набором громких, крикливых слов Вы испортили всю концовку. Они ничего не дают ни сознанию, ни

чувству. Они не на месте, эти слова. Они были бы хороши где-нибудь в газетной передовице, в ораторской речи, но не в маленьком лирическом рассказе, где они звучат ненужным и трескучим привеском. Тут сказалось отсутствие чувства художественной меры, такта. Художественное слово не терпит многословия. Почитайте маленькие рассказы Брыля о лесорубах. Там тоже пишется о любви, о ревности. И сколько там подлинной поэзии, подлинного человеческого чувства. И достигается это не многословием, не крикливой фразой, а умело подобранным и тщательно обработанным словом, тонким наблюдением писателя-художника, метким сравнением, недосказом, полунамеком, удачно подобранной деталью. А у Вас ревут гудки, скрежещут машины, грохочет земля, раздаются взрывы, даже голос Родины «гремит». И весь этот грохот, гудки, скрежетание, гром и т. д. являются пустым набором громких слов, которые работают, как говорится, на холостом ходу, т. е. ничего не дают читателю, засоряют его сознание, отвлекают его внимание от того, что Вы хотели сказать ему. А хотели Вы сказать о любви, о счастье труда, о человеческой радости. Словесным грохотом Вы придавили Ваш замысел, выхолостили человеческие чувства, которые хотели показать.

Попутно о слове. Вы пишете: «Чуть и чуб не вытащила». Какое это плохое сочетание двух слогов: чу, чу. К тому же чуб никогда не вытаскивают, не тащат. Чуб можно выдернуть, вырвать. У Вас «без жалости жалила». Разве Ваше ухо не чувствует этих двух «жа»? То же можно сказать о фразе: «уже ожило поле» — же, жи. Слово «будто» Вы упорно пишете во всех рассказах, как «будь то». «Будто» и «буть то» не одно и то же. Это уже идет у Вас от неграмотности.

Как неряшливо, коряво построена фраза: «Вдруг он отложил, (при чем тут запятая?) поднесенную краюшку хлеба к самому рту, в сторону». Куда же он отложил: ко рту или в сторону?

Вы пишете: «Словно распахнутая грудь поверженного великана, заросшая рыжей щетиной, раскинулось поле». Эта же «грудь великана» перекочевала и в «Синий камень». Правда, там эта грудь «со светло-коричневыми волосами». Откуда у Вас это пристрастие к «великанам»? И разве нет у Вас других изобразитель-

ных средств, чтобы показать поле, не повторяя все время эту несчастную грудь?

В рассказе «Синий камень» поиски торфа напоминают читателю поиски алмазов или золота. Не так это делается в Белоруссии. Не поиски, не открытие залежей торфа является проблемой — торфа хватает повсюду, его искать не нужно. Проблемой является использование его, вывоз на поля и т. д. Отсюда весь замысел рассказа утрачивает свою остроту, свою актуальность, потому что показанное Вами не типично. Что еще неудачного в рассказе? Как и в других рассказах, Вы не отбираете самое главное, нужное, без чего нельзя раскрыть Вашу идею. Вы засоряете рассказ всем, что попалось на глаза, не пишете, а протоколируете, мешаете в кучу существенное и несущественное. Для чего, например, Вы описываете, как Василь давил сапогом мышонка? Еще не хватало, чтобы Вы подробно описали, как вылезли кишки мышонка, их содержимое, его цвет и запах... От таких описаний читателя может только стошнить. А Вы же хотите будить в читателе чувства прекрасного! Мышиными лапками никаких чувств, кроме чувства гадливости, брезгливости, не возбудишь. Такие описания называются натурализмом, который ничего общего с советской литературой не имеет. Зачем же Вы это делаете?

Дальше — жизнь не отдают каплю за каплей. Нет таких капель жизни. Можно отдавать свою кровь, каплю за каплей. Хор никогда не бывает сочным. Сочным может быть отдельный голос. Сочным может быть яблоко, огурец, но не хор. «Вековое накопление умерших трав» звучит плохо.

И опять Вы в конце рассказа начинаете словесную трескотню. Там и солнце у Вас, и ветер, и радость, и счастье... Не хватает еще молнии, росы, инея и прочих «стихий».

Чтобы показать Вам неуместность трескучих слов, напыщенных фраз, приведу Вам такой пример. Вам, очевидно, приходилось слушать некоторых ораторов. И вот бывает так: оратор кричит, закатывает громкие фразы, говорит напыщенным языком, а слушатели в это время дремлют от скуки или посмеиваются над оратором. До них не доходит его слово. А другой оратор говорит обычным человеческим голосом, тихим, спокойным, но каждое его слово захватывает слушателя,

трогает его сердце, волнует людей. Вот и учитесь разговаривать с читателем простым человеческим языком, умеющим проникать в человеческие души. В этом деле никакие «грохоты», «скрежетания» и всякая другая трескотня не помогут.

Плохо написан рассказ «Повесть о книге в красном переплете». Написан он не реалистически. У Вас даны не живые люди, а какие-то условные образы, символы. Таким, в частности, является Павел, который, как «святой дух», появляется во всех случаях жизни Евдокии. Книжку с Конституцией Вы превращаете в своеобразное евангелие. Не книжка сама по себе имеет значение, а наши советские законы, наш советский строй, который защищали от врагов наши люди, за который они отдавали свою жизнь [redacted] борьбе с врагами. Вот о чем надо писать, а не о переплете книжки. И нельзя в короткий рассказ втискивать почти всю жизнь человека. Теперь о деталях. Когда солдат обращается к незнакомой крестьянке, он не скажет «мама», а обычно говорит «мать». Федя у Вас читает: «ко, ко, нс-титуту...» и т. д. Это напоминает кур, когда они квокчут. Так обыгрывать слово «конституция» нельзя. У Вас Евдокия «мечтала с удовольствием». А разве можно мечтать с неудовольствием? У Вас «соленоватая слеза скатилась на щеку». Откуда Вы знаете, что она соленая? Соленое — это понятие вкусовое, соленое можно определить во рту, языком. А если слеза течет по щеке, то тут подойдут другие определения, связанные не со вкусовым, а со зрительным восприятием: крупная, светлая, мутная и т. д.

Примеры бездумного отношения к слову: Вы пишете: «страшное безвозвратное время». Слово «безвозвратно» обычно употребляется в отношении чего-нибудь дорогого, любимого для человека: «безвозвратная утрата», «счастливое, невозвратимое детство» и т. п. Зачем же так сожалеть о «страшном» времени, как делаете это Вы своей неправильной фразой. Вы пишете: «Евдокия чувствовала, за что ее взяли». Очевидно, Вы хотели написать: «Евдокия понимала, за что ее взяли», имея в виду некоторые дела, поступки и т. д. А если человек «чувствует, за что его взяли», то он имеет в виду, что его взяли за руку или за ногу, или за шею... Вот до каких нелепостей приводит необдуманное слово.

Другой пример. Вы пишете: «Не могла Евдокия от-

дыхать. Совести не хватало...» Значит, по-Вашему, Евдокия была бессовестным человеком, раз у нее не хватало совести. Очевидно, Вы хотели написать: «совесть не позволяла», но, не подумавши хорошенько, написали форменную чушь, оскорбляющую Вашего героя. Отсюда вывод: раньше надо думать, тщательно выбрать слово, обдумать его, а потом уже написать. Если в других рассказах у Вас в образе птичьих крыльев выступала заря, то в этом рассказе у Вас и туча сравнивается с «крылом красавца петуха». Неужели у Вас нет других наблюдений, чтобы отойти от повторения этих надоевших крыльев и дать какое-нибудь свежее, оригинальное сравнение.

В рассказе много неправдоподобного, художественно не оправданного. Евдокию бьют, терзают, а она улыбается. Не делайте своих героев каменными истуканами. Ваши герои должны быть живыми людьми, а не соломенными чучелами, безразличными к человеческой боли, к страданиям. Наши герои и мучаются и страдают, как обычные люди, и, несмотря на эти страдания, на нестерпимые пытки, они не сдаются врагу, не падают перед ним на колени.

И еще раз советую не увлекаться общими словами, ничего не дающими в рассказе, общими фразами, вроде таких: «Рос колхоз. Богатели люди. И никогда так звонко не звенели песни, никогда не было столько счастья, как в эту весну». Не говорить об этом в порядке протокольной записи, а показать художественно через образы живых людей, через их поступки и дела их мысли и чувства — вот задача настоящего писателя, если он не хочет превратиться в пустослова. Публицистические отступления имеют законное место в большом произведении, и то ими не злоупотребляют. Если в маленьком рассказе художественный показ жизни подменить публицистикой, то получится не рассказ, а статья. А Вы же, очевидно, хотите писать рассказы?

Те же недостатки, что свойственны Вашей «Повести о книжке в красном переплете», характерны и для рассказа «Счастье вошло в дом». На каких-нибудь восемнадцати страницах Вы надумались решить десятки проблем: и жизнь крестьян в Западной Белоруссии до воссоединения, и извечные собственнические чувства прежнего крестьянина, душевный мир собственника, и начало новой жизни, и Отечественную войну, и процесс

коллективизации и т. д. В результате Вы ничего толком не показали, да и не могли показать. Обычно рассказ строится на каком-нибудь одном-двух эпизодах, на каком-нибудь интересном случае, интересном проявлении человеческого характера, интересной ситуации, интересном положении и т. д. Рассказ строится различно каждым писателем соответственно творческим особенностям, своеобразию каждого писателя. Рассказы Тургенева не похожи на рассказы Горького или Чехова, или Толстого. Но ни один из величайших писателей мира не делал попыток вогнать в восемнадцать страниц целую эпоху в жизни народа, величайшие события почти десятка лет. Вот почему Ваш рассказ Вы сами заранее обрекли на неудачу.

Несколько слов об его отдельных недостатках, вернее — о недостатках Вашего слова. Их очень и очень много. Отмечаю наиболее существенные. Вы пишете: «Широкими шагами он мерял ширину...» Плохо сказано. Вы употребляете некоторые слова, не понимая их. Так, Вы пишете: «Прямо на него двигалось страшное провидение». Слово «провидение» означает в религиозном представлении бога, некое всевысшее существо, всемогущую силу, которой подчиняется все на земле и на небе. Вот до какой нелепицы можно дойти, не разобравшись в существенной разнице между словом «провидение» и словами «привидение», «призрак».

Вы не знаете по-настоящему русского языка, а потому и допускаете такие ляпсусы. Что это за странная «роспись нужды и сухого голода». Значит, по-Вашему, существует и «мокрый голод»? «Непроглядный мрак кровавым призраком полз...» Раз мрак непроглядный, как же Вы приметили цвет призрака? Все это и является или пустословием или обычным незнанием языка. Ну как это можно измученных людей, которые стремились своими мыслями на восток, сравнивать с мотыльками, летящими на яркий свет. Так писать — это попросту оскорблять людей, оскорблять наш народ. Все это звучит недомыслием. Не забывайте, что мотылек, летящий на яркий свет лампы или свечи, обжигает себе крылья. Об этом пишется в сотнях стихотворений, об этом поется в песнях. Зачем же Вы допускаете такое сравнение? А причина все та же — бездумное отношение к слову, не творчество, а баловство.

Вы пишете, что у Игната «крупные черносливы-

глаза подмаслились влагой». Это звучит открытием. Влага, да будет Вам известно, ничего не умасляет, попробуйте кашу заправить влагой. Очевидно, что в таком случае Вы предпочтете влаге масло. Но дело даже не в этом. Дело в том что «умаслением» глаз Вы искажаете образ Игната, которого Вы мыслите как хорошего человека, как героя. А когда говорят: «его глаза умаслились», то имеют в виду человека, у которого при взгляде на женщину появляются всякие игривые мысли, мысли самца. Думаю, что не это Вы имели в виду, говоря о глазах Игната.

Как это можно «взбудоражить и без того взбудораженную радость»? Это все равно, что сказать «масло масляное».

А вот пример тех общих, ничего не дающих читателю громких фраз, которыми неопытный писатель подменяет подлинный, художественный показ жизни: «Словно молодое дерево рос колхоз, выпуская все новые, блестящие от свежей молодости (а разве бывает еще несвежая молодость?) побеги. Неузнаваемой становилась деревня...» и т. д. и т. п. Вот вместо бы этой словесной шелухи Вы бы по-настоящему показали, что это за блестящие побеги! А читатель такому слову не верит, он ждет от писателя не пустых слов, а живого, волнующего показа жизни.

У Вас «война, словно громадный пылесос, вдохнула в себя всех». Это более чем странное сравнение. Во-первых, пылесос ничего не «вдыхает в себя», он только втягивает пыль. Во-вторых, сравнивать войну, это величайшее бедствие людей, с пылесосом, значит — преуменьшать это огромное зло, относиться к нему с какой-то наигранной шутливостью.

У Вас «пылинку» превращают «в большой комок грязи». Тут уж явное нарушение всяких физических и химических законов. Из пылинки, при всей даже неограниченной фантазии, комка не получишь.

А вот еще фраза: «Невидимый дирижер — радость коллективизма управляла этим огромным оркестром, почетное место в котором занимала сама природа». Это пример того, как погоня за ложной красивостью приводит к смысловым абсурдам, к нелепости, к пустословию.

Эти примеры неумелого, неряшливого, непродуманного, иногда безграмотного обращения со словом можно

было бы приумножить, но для этого нужно было бы переписать все страницы Ваших рукописей.

Какие же выводы мы сделаем? Писать Вы еще не умеете, у Вас нет еще для этого достаточной грамотности, нужной культуры, необходимого понимания существа художественного слова.

Может ли кто-нибудь научить писать? Нет, не может. Есть ли какие-нибудь секреты художественного письма? Нет никаких секретов. Как же быть? Нужно учиться. Основные учителя: жизнь, богатые наблюдения, литература. Вам вполне правильно рекомендовали побольше читать, но Вы, очевидно, неправильно поняли этот совет. Вы пишете в письме: «А я Чехова несколько раз перечитал от корки до корки». Вы можете и сто раз прочесть его, а пользы будет мало. Вот если Вы будете читать Чехова или Горького, или Тургенева, или другого какого-нибудь крупнейшего мастера слова не просто как читатель, а как начинающий писатель, тогда будет и польза. А что значит читать, как писатель? Это значит, присматриваться внимательно к каждому слову, к каждому художественному приему большого писателя, учиться у него приемам построения композиции, приемам типизации, приемам обрисовки портрета человека, приемам психологического анализа человеческих чувств, приемам написания пейзажа, приемам художественного обобщения и т. д. Изучайте эти приемы, сравнивайте эти приемы у различных писателей, и тогда Вы постигнете «секреты» творчества, которые лежат открытыми в книгах великих писателей.

У них, великих писателей, научитесь Вы ценить слово на вес золота, расходовать его экономно, умно, с подлинным искусством.

Кроме знания жизни, литературы, кроме специальной литературной учебы нужен, понятно, и талант, определенные способности и наклонности. Эти способности есть у Вас, но они находятся в зачаточном состоянии. Их нужно развивать, совершенствовать огромным, упорным трудом. У Вас есть то, что называется бойкостью пера. Но эта бойкость ограниченная: у Вас небогатый запас слов, недостаточное знание русского языка, увлечение дешевыми «красивостями», непродуманными сравнениями и т. д. Необходимо помнить, что литературный труд — это огромный и тяжелый труд, это подвиг. А поэтому и относиться к этому труду нуж-

но весьма и весьма серьезно. Вот этой серьезности я пока у Вас не вижу. Вместо того, чтобы написать один рассказ, но хороший, Вы стряпаете целое «собрание сочинений», из которых ни одно не является законченным, годным к печати. А еще сообщаете, что пишете «о враче, о доярке и еще много кое о чем». Не надо много. Пишите меньше, как можно меньше, но как можно лучше. Напишите, перерабатывайте, переписывайте до тех пор, когда написанное удовлетворит Вас, когда созданные Вами строчки взволнуют Вас самого по-настоящему, как волнует нас прекрасное слово Гоголя, Горького, Толстого и других великих писателей. Одним словом, Вам нужно пока больше учиться и меньше писать. Написанное прочитывайте со своими ближайшими товарищами — критика бывает очень и очень полезной.

Как видите, я подверг Ваши рассказы «сердитой» критике. Это необходимо. Не в моих привычках говорить человеку неправду, преуменьшать его недостатки, ставить его в ложное положение, прививать ему неверное представление о его силах.

Еще раз повторяю: литературный труд — не развлечение, не забава, не баловство. Это тяжелый и ответственный труд.

Ваши нарекания в адрес «минских литераторов» не совсем, по-моему, правильны. Если Вы будете забрасывать их целыми пачками сырых вещей, то, понятно, особого уважения у них не заслужите. А вот попробовали бы, да порадовали бы их хотя одним хорошим рассказом! Кто откажется от хорошей вещи? Писатели неожиданно не появляются. Наши способные молодые писатели — Шамякин, Брыль и другие — писали вначале и неудачные вещи, которые браковались, не печатались. А научились писать хорошие вещи, их с удовольствием печатают, даже Государственной премией награждают, как тов[арища] Шамякина. Советую следовать их примеру.

Вместе с письмом посылаю Вам высказывания Федина и Гоголя о писательском труде. Думаю, что это будет Вам полезно.

С приветом [*Міхась Лынькоў*].

184. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

7 ліпеня 1952, Каралішчавічы

7/VII 1952 г.

Достопочтенный Николай Тихонович!

Получил твое очередное послание и отвечаю с обычным опозданием. Живу я уже с месяц в королищевских лесах. Лето, правда, не совсем у нас курортное. Солнечные дни бывают редкими, холодновато. Недели три проболел воспалением легких, так что на некоторое время мне запрещено купаться. Из летних удовольствий мне предоставлено пока разжигание костров да собирание грибов. Боровиков у нас достаточно, так что каждый день разнообразим наше меню грибными блюдами.

Новая квартира будет предоставлена мне, очевидно, месяца через два — дом уже почти закончен, идут отделочные работы. Разговор идет о Доме ученых на Советской улице, квартала за три от моей теперешней квартиры.

Работаю теперь над второй книгой романа. Первая находится в производстве в Москве, выйдет осенью или в конце года на русском языке в Военгизе. В следующем году предполагается ее издание и в издательстве «Советский писатель».

Таковы мои творческие дела.

На этом свой рапорт заканчиваю. Привет тебе от Софьи Захаровны. Надюшка гостит в Вологодской области.

С приветом *Міхась Лынькоў.*

185. К. П. КОРСАКАСУ

29 верасня 1952, Мінск

Дорогой Костас!

На днях, улучив свободную минуту, проявил снимки, сделанные еще летом во время купаловских дней. На некоторых из них присутствуешь ты. Их и высылаю тебе на память. Не обессудь, если снимки не совсем

удачны. Как-никак, я только любитель, а не профессионал-фотограф.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

29/IX 1952 г.

186. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

1 кастрычніка 1952, Масква

Дорогой Николай!

Привет тебе и семье из Москвы. Нахожусь тут полтора суток проездом, вернее пролетом по дороге в дальнюю командировку. Завтра утром (2/X) лечу на Запад. Ночую в Берлине. Оттуда с делегацией двигаю на Париж, где пробуду дня два. Из Парижа поедем поездом до Шербурга, откуда шесть суток будем болтаться на пароходе в Атлантике. Конечный пункт — Нью-Йорк, где будет происходить VII сессия Генеральной Ассамблеи. Я — член нашей правительственной делегации на Ассамблее. Сколько пробуду там — неизвестно. Возможно, что только к Новому году вернусь назад.

На этом и заканчиваю свое дорожное послание. Привет Ольге Ивановне и детям.

С братским приветом

Міхась Лынькоў.

1/X 1952 г.

187. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

Пачатак кастрычніка 1952, Нью-Йорк

Софуня!

Шлю тебе первое заокеанское письмо. Не знаю, получила ли ты телеграмму, посланную мной из Нью-Йорка по прибытии сюда. Вот уже несколько дней, как мы живем на американской земле и, признаться, начинаем серьезно тосковать по нашей родимой земле. Однако начну по порядку. Первый день вылета был для нас с некоторыми сюрпризами. При посадке мы

узнали, что в Минске мы не будем делать никакой остановки и будем лететь мимо него. Это нас сильно обескуражило, так как накануне вечером мы, и я в том числе, условились встретиться со своими домашними на Минском аэродроме. Эти надежды наши рухнули. Пришлось сожалеть и о том, что не смогу передать тебе купленные в Москве фрукты. Мы просили одного московского товарища, сопровождавшего нас на аэродром, чтобы он позвонил в Минск, чтобы вы напрасно не беспокоились и не волновались (имею в виду тебя и домашних Новиковой и Поветьева), не дождавшись нас в Минске.

До Берлина мы летели часов восемь в сплошной мгле, не видя земли. В Берлине переночевали и полетели в Париж, где пробыли несколько дней, ожидая Киселева (его самолет, как оказывается, делал продолжительную посадку в Минске, Киселев побывал даже дома). С Парижем мы основательно познакомились, побывали в Соборе Парижской Богоматери, в Лувре, в Доме инвалидов (гробницы Наполеона и его соратников и родственников), в музее скульптора Родэна, на Монмартре, Монпарнасе, на кладбище Пер Лашез (стена коммунаров, могилы Барбюса, Жан Ришар Блока, Шатобриана, Виктора Гюго) и в др[угих] местах. Были на Елисейских полях, в Булонском лесу. Твой покорный слуга вместе с Поветьевым дерзнул подняться на Эйфелеву башню (высота 300 метров), что и совершил вполне благополучно с двумя пересадками на лифтах и фуникулере. Спускаясь обратно, перепутали площадку пересадки (из-за незнания языка) и 160 метров спускались пешком по винтовой лестнице, основательно вспотели (были в пальто). В общем, ноги у меня в Париже просто «гудели» из-за больших переходов (из-за незнания языка трудновато пользоваться автобусами и подземкой).

Из Парижа мы поехали поездом — Поветьев с другими товарищами в Гавр, я с Киселевым и др[угими] в Шербург. Ночью погрузились на огромный океанский пароход «Куин Элизабет» («Королева Елизавета» — англ[ийский] пароход), на котором и проболтались в океане пять суток. Плавание было сносным, океан отнесся к нам более чем снисходительно. Об этом нашем рейсе расскажу дома подробно.

Нью-Йорк меня особенно не удивил — по книгам, по снимкам и кинофильмам я немного представлял его

и вполне разделяю определение, данное этому городу А. М. Горьким («Город желтого дьявола»). Незавидна судьба людей, прикованных к этому городу, а их более 11 миллионов. Бетон, сталь, стекло, бензинный чад, сумасшедший грохот воздушн[ой] железной дороги, вереницы машин, гудки пароходов и паромов на Гудзоне и его рукавах,— вот что бросается в глаза, врезается в уши на территории этого города-спрута. Унылые небоскребы, улицы-ущелья, мусор, грязь на улицах (особенно в негритянских районах) не привлекают глаз. Ассамблея проходит в новом здании Орг[аниза]ции Объед[иненных] Наций. Оно напоминает спичечную коробку, поставленную торчмя (сорок этажей — с двух сторон сплошное стекло, с двух других узких сторон — глухие бетонные стены). Заседания происходят в одном из крыльев этого здания, невысоком по сравнению с основн[ым] зданием помещении. Как проходят заседания — узнаешь из газет. Здание ООН находится в районе Менхэттэна (централ[ьная] часть города, район небоскребов). Невдалеке известный 105-этажный дом.

Живем мы на даче, более 50 килом[етров] от города, каждый день ездим в город на машинах. Климат тут значительно теплее нашего, днем жарко в костюмах. Пальто ни разу еще не надевал. Жизнь в Америке по сравнению с 1945 годом значительно вздорожала — и продукты и товары поднялись в цене. С питанием мы устроились без американских услуг — столуемся на даче, повара наши, советские.

Работа у нас предстоит большая, будем загружены ей по горло.

На этом заканчиваю свой первый рапорт моему главнокомандующему. Покупок никаких не делал, за исключением вязаного шерстяного шотландского одеяла, купленного мной на пароходе для моей благоверной. При первой возможности напишу следующее письмо. Крепко, крепко тебя целую и обнимаю. Поцелуй от моего имени Надюшу и бабушку (приехала ли она?). Как твое здоровье и здоровье всех домашних? Не слишком усердствуй с экономией домашнего бюджета. Как здоровье Ольги Михайловны, привет ей (не перепутал я имя и отч[ест]во нашей домработницы?). Сердечный привет Коласу, Жене и Максиму Лужаниным, Танкам, Бровкам, Крапивам и др[угим] знакомым.

Еще раз целую и обнимаю тебя. Твой *Михась.*

P. S. Пиши письмо мне по адресу: г. Нью-Йорк, Парк Авеню, 680, Представительство СССР при Организации Объединенных Наций, Белорусская делегация, мне. (Письмо сдашь в Министерство иностр[анных] дел).

В Москве Мозольков говорил мне, что книгу готовили сдать в набор.

М. Л.

188. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

27 кастрычніка 1952, Нью-Йорк

Нью-Йорк, 27/X 1952

Софуня!

Посылаю тебе очередной «рапорт» из-за океана. Вот прожили мы уже две недели далеко от родимой земли, отъезд еще далек, а потому и начинаем грустить о своих городах, о своих дорогах, о своих Королищевичах и конечно в первую очередь о своих верных Пенелопах, о родных очагах.

Наверное, у нас там уже глубокая осень, листопад давно кончился, идут дожди. Тут осень по существу только началась. Многие деревья еще не скинули листвы, в первую очередь осыпаются клены. Деревья тут, за исключением кленов, не похожи на наши. У сосен иглы больше, чем у наших, кора совершенно другая, похожа на кору лиственных деревьев, а расположение сучьев такое же, как у наших елей. И ели местные не похожи на наши. Другие же деревья совершенно незнакомые мне. На этой неделе выпал был неожиданно снег, продержался он несколько часов, а теперь мы опять щеголяем в одних костюмах, потому что солнце днем пригревает сильно и, если бы было время, можно было бы основательно загореть. Интересная особенность — как только заходит солнце, сразу же наступает темнота, сумерек почти не бывает.

Живем мы по-прежнему на даче, более чем в полсотне километров от Нью-Йорка, завтракаем и ужинаем тут же на даче, обедаем в городе, в нашем посредстве. В общем, каждый день мы три часа находимся на машинах. Эти поездки страшно надоедают,

особенно вечерние поездки «домой», когда едешь в каком-то стремительном, сумасшедшем потоке автомобильных огней, от которых предельно утомляются глаза. На даче у нас своя, советская обстановка, свои люди, свое обслуживание, своя, советская кухня. Вечерами по субботам и воскресеньям ездим на другую нашу дачу — минутах в восемнадцати от нашей, где мы живем,— смотреть кино, свои, советские картины. Местность, в которой мы живем, называется Лонг Исланд (в переводе — длинный полуостров). Большую часть дня проводим на заседаниях Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке. О первом впечатлении от города я уже писал тебе в прежнем письме. Оно остается неизменным, город этот действует угнетающе, ничто в нем не радует глаза: ни улицы, ни дома, ни пестрота рекламных огней, которые на центральных улицах, на Бродвее, горят и днем. Кстати, на улицах, даже днем, очень много мусора. Совершенно пустынен и нелюдим Уол-стрит, это скопище небоскребов, всех основных американских банков. Центральная часть города — Мангаттэн — находится между двумя реками: Гудзоном и Ист-рева. Тут масса больших мостов для железнодорожного и автомобильного движения, а также для воздушной железной дороги и подземки (метрополитена). Есть и тоннели, где можно проехать под рекой, не пользуясь мостами. Почти все мосты платные, нужно платить по 25 центов за проезд. Некоторые из мостов двухэтажные. На Гудзоне много пристаней-причалов для океанских пароходов различных пароходных компаний. В центре Мангаттэна пенсильванский вокзал, поезда к нему подходят под землей (в черте города).

Обо всем, конечно, не расскажешь в коротком письме. Живем мы в чужом мире, в чужой нам обстановке, во враждебном окружении. А поэтому мы и мечтаем о той счастливой минуте, когда настанет пора паковать наши чемоданы и вручить, как говорится, наши судьбы добрым попутным ветрам.

Из нашей делегации пока что выступил Киселев (на пленарном заседании Ассамблеи). Сегодня твой благоверный будет выступать с «речой» на одном из комитетов Ассамблеи. Пока ты прочтешь это письмо, он, наверное, выступит еще несколько раз. Пожелай ему всяких успехов на этом новом его поприще!

На этом заканчиваю свой очередной недельный ра-

порт № 2. Ничего не знаю, как вы все там живете, как твое здоровье, как успехи Надюши, где теперь бабушка и как ее здоровье, что с Ольгой Михайловной. Напиши мне письмо обо всех домашних делах. Что нового в Союзе? Ездишь ли в Королищевичи? Передай привет Коласу, Лужаниным, Танкам, Бровке, Крапиве и другим знакомым. Крепко, крепко тебя целую и обнимаю. От меня поцелуй Надюшку и бабушку. Привет Марусе и Феде, а также Марусе Артюшкевич.

Твой *Міхась.*

189. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

19 лістапада 1952, Нью-Йорк

Нью-Йорк
19/XI 1952 г.

Софуня!

Пользуясь случаем отправки почты на Родину, пишу тебе мой очередной — третий — «рапорт».

Я жив и здоров, как говорится, чувствую себя пока неплохо. Одно, что тревожит меня,— не знаю, как живете все вы, как твое здоровье, как здоровье бабушки, Надюшки. При случае, если будешь посылать мне телеграмму (ориентировочно, не позднее десятого декабря), сообщи о здоровье.

У вас уже, очевидно, наступила зима, выпал снег. Тут пока что продолжается осень, деревья, правда, стоят уже безлистые, но кустарники еще зеленые. Погода последнее время солнечная, теплая (ездим без пальто). Только дня два шли дожди, были туманы.

Нью-Йорк надоел нам как горькая редька. Я не знаю другого такого города, который бы так быстро прискучил, как этот каменный мешок. Ничто в нем не привлекает: ни реки, ни обширные заливы, ни суматошная жизнь на его улицах, где видишь смесь племен и наречий.

Тоскуем все по родному Минску, а еще больше по вас, родных и близких, по всех наших людях. Живем ведь мы тут в чужом, враждебном нам окружении, в волчьем мире. И если бы ты только знала, с какой величайшей радостью встречаем мы каждую весточку с

родной земли, будь то телеграмма или письмо. «Правда» приходит к нам с запозданием. Иногда мы испытываем огромную радость, когда «Правда» прибывает к нам на третий день после выхода в Москве. Но это не часто бывает. За время путешествия по Европе и океану мы отстали было от наших газет на десяток дней, если не больше.

Прошло уже более полутора месяца, как мы выехали из Минска, и с какой радостью отсчитываем мы каждый прожитый день, наближающий наше возвращение. И хотя мы точно не знаем еще день нашего отплытия (полагаем все же вернуться домой к Новому году), у нас уже появляются «чемоданные» настроения. Вчера у меня выдался свободный день, когда я имел возможность заняться таким ответственным (перед домашними) вопросом, как подбор соответствующих подарков. Основное приобретено, остались мелочи. А что куплено, об этом будет доложено моей благоверной при моем самоличном возвращении в родную хату.

Передай привет всем нашим знакомым: Коласу, Бровкам, Крапиве, Танкам, Глебку, одним словом, всем друзьям и товарищам.

Поцелуй от меня Марью Петровну и Надюшу.

Крепко обнимаю тебя и целую.

Твой *Міхась*.

1953

190. К. П. КОРСАКАСУ

6 студзеня 1953, Мінск

Дорогой Костас!

Давненько ты прислал мне письмо — еще в октябре месяце, а отвечаю на него, как видишь, только сейчас. Причина — три месяца путешествовал, был за океаном, вернулся на Родину накануне Нового года. Эти дни прихожу постепенно в себя после длительной десятидневной дороги — с пароходами, самолетами и поездами — и кажется, что уже «обрел» себя, то есть

по-настоящему вхожу в нашу привычную писательскую и академическую атмосферу. Был за это время в Берлине, пять суток прожил в Париже и целых два месяца в проклятом Нью-Йорке, «городе Желтого Дьявола». Впечатлений много, наблюдений — масса, о них расскажем когда-нибудь при встрече.

Привет всем литовским друзьям.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

6/I 1953 г.

P. S. С запозданием приветствую с Новым годом.

М. Л.

191. ЯКУБУ КОЛАСУ

16 лютага 1953, Мінск

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Мае, не досыць акуратныя, саслужбоўцы па інстытуту толькі-толькі перадалі мне Ваша пісьмо, напісанае яшчэ 7 лютага. За пісьмо вялікае дзякуй. І парагаталі мы з Зосяй над Вашымі прыгодамі з зубачысткай. Я ўжо дапытваў Ноніка, а ці даставіў ён з хлопцамі злашчасны грабянец, але ён нічога не памятае і не можа сказаць — быў гэты грабеньчык ці не было яго.

Што новага ў нас? Каторы ўжо дзень, як я перасяліўся з Берсана на [Ленінскі] праспект і па вушы заняты асваеннем новай кватэры. Трэба сказаць, што адчуваем мы сябе з Зосяй як у раі, хаця час для розных «грэхападзенняў» даўно ўжо мінуў, мяркуючы па майму паважанаму ўзросту і г. д. і да т. п. Шчыра кажучы, кватэрай мы сваёй задаволены. Хаця трохі давялося і памерзнуць у першыя дні і пазнаёміцца з рознымі непаладкамі, непазбежнымі пры асваенні новага дома, але ж адчуваем сябе надзвычай добра: ні «музыкі» табе, ніякага іншага гаму і хамства, хадзі сабе па кватэры ды адпачывай, калі ёсць ахвота, ці працуй, калі ёсць жаданне. Адным словам, любата. А будзе, кажуць, яшчэ лепей. У бліжэйшыя дні абяцаюць падаваць і гарачую ваду, так што можна будзе і абмыць свае грэшныя «целеса». А вясной наш дом думаюць да-

лучыць да цеплацэнтралі, так што будучай зімой будзе значна цяплей.

У гэты дом перасяліліся і Куляшоў і Танк. Куляшоў разам са мной на 2-м паверсе, Танк на чацвёртым. Думае перасяляцца гэтымі днямі і Кандрат. У яго самае верхатур'е — 5-ы паверх, дзе і халаднавата, ды і вада не мае асаблівай ахвоты падымацца так высока, ды і самому Кандрату, а асабліва яго паважанай палавіне, даволі-такі цяжкавата падымацца пешым парадкам пад самыя воблакі (ліфты пакуль што не працуюць). І яшчэ адна не дрэнная акалічнасць у нашым жыцці: тэлефоны пакуль што не праведзены, так што некаторы час мы будзем адчуваць сябе зусім шчаслівымі людзьмі без тэлефонных званкоў. А тэлефон у часе падрыхтоўкі да дэкады — гэта сапраўдная кара гасподня.

Як бачыце, адчуваем мы сябе не кепска. І адзінае, чаго нам не хапае, гэта прысутнасці Вашае светлае персоны, а без яе мы не можам і спрыснуць па-людску нашу кватэрную абнову.

Што яшчэ новага ў нас? У нядзелю глядзелі ў тэатры новы спектакль па п'есе Кандрата «Зацікаўленая асоба». Спектакль добры, карысны, патрэбны, хоць і ёсць яшчэ паасобныя шурпатасці, але ў працэсе работы над спектаклем іх лёгка ўнікнуць. Адным словам, можна павіншаваць Кандрата з добрай творчай удачай.

Саюз наш заняты па вушы падрыхтоўкай да дэкады. Пішам з гэтага поваду розныя артыкулы, выступленні <...>.

Мне яшчэ пагражала небяспека паехаць за акіян на завяршэнне Сесіі Генеральнай Асамблеі, але сяк-так бог мілаваў ад гэтай навалы, і ўжо каторы дзень я нават сплю спакойна, не пужаючыся жахлівай перспектывы ізноў боўтацца пад воблакамі і цялёпкацца ў акіяне.

На гэтым заканчваю свой рапарт і спадзяюся, што ён застане Вас у Барвісе. Жадаю добрага здароўя і хуткага звароту пад радзімы дах. Моцна абнімаю і цалую.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

16/II 1953 г.

192. ЯКУБУ КОЛАСУ

20 лютага 1953, Мінск

20/II 1953 г.

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Учора атрымалі мы з Зосяй ліст ад «шматпакутнага Якуба», трохі парагаталі з Вашых прыгод, а яшчэ больш пасумавалі, што Ваш ад'езд з Барвіхі адсоўваецца ўсё далей і далей, а разам з ім адсоўваецца і добрая чарка цымлянскага, ці якога другога зелля, якую б мы падзялілі з Вамі на «вверенной мне территории» в доме № 12 на славном проспекте.

Мне здаецца, што Вам не ўдасца патрапіць да дому і чысла 5—6 марта, бо давядзецца, відаць, быць на сесіі Вярхоўнага Савета СССР, якая мяркуецца на пачатку месяца. Магчыма, яна адбудзецца крыху пазней. У сувязі [illegible] сесіяй, як мне думаецца, адцягваецца і пачатак нашай дэкады, у поспеху якой Вы крыху сумняваецеся. Вядома, цяжка прадбачыць вынікі нашай дэкады. Сякія-такія добрыя «прадзнаменаванні» ў нас ёсць. Кажуць, нядрэннай атрымалася опера «Дзяўчына з Палесся». Сам я не бачыў пастаноўкі, а таму і казаць пра яе не маю магчымасці. Удалым, на маю думку, атрымаўся спектакль, пастаўлены па п'есе Кандрата «Зацікаўленая асоба». Я расцэньваю гэтую п'есу значна вышэй, чымся «Пяюць жаваранкі», хоць і «жаваранкі» вельмі добра спявалі і нядрэнна ляталі па тэатрах Савецкага Саюза. Думаю, што новая п'еса Кандрата будзе каштоўным укладам у нашу саюзную драматургію. Нядрэнныя здабыткі ў нашых паэтаў і празаікаў. Вельмі ўдалай з'яўляецца выстаўка народнай творчасці — там багата трапных, высокамастацкіх экспанатаў па тканінах, вышыўцы, разьбе па дрэву і інш. Адным словам, у нас ёсць што паказаць у Маскве.

Якія ж навіны ў нас? Саюз заняты падрыхтоўкай да дэкады. У акадэміі пачалася чарговая паласа справаздач за мінулы год — адчытваемся на вучоных саветах, у аддзяленнях, на сакратарыяце, на прэзідыуме.

Я асабіста пацею над вялікім аглядам сучаснай беларускай літаратуры, прызначаным для саюзнага радыёвяшчання. Падсунуў мне саюз гэтае заданне, і я

праклінаю і саюз, і заданне. Няма ні свабоднай хвілінкі, каб напісаць хаця пару апавяданняў з маіх заакіянскіх назіранняў.

На новай кватэры адчуваю і адчуваем сябе як у раі, не зважаем на сякія-такія недаробкі, шурпатасці, якія звычайна бываюць у працэсе асваення новага дома <...>.

Такія ўсе нашы навіны.

Жадаем Вам добрай папраўкі, добрага здароўя і добрага настрою.

Моцна, моцна абнімаем і цалуем Вас.

Міхась, Зося.

193. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

26 лютага 1953, Мінск

Достопочтенный Николай Тихонович!

Видишь, даже в обращении чувствуется влияние Генеральной Ассамблеи, на которой вместе с дорогой я проболтался ровно три месяца.

Приехал я домой накануне Нового года. Теперь надо было вновь отправляться в океанское плавание и еле-еле избавился от этой тяжелой и изнурительной миссии: поскольку большинство комитетов Ассамблеи закончили свои работы еще в декабре месяце, не было нужды на вторую часть Ассамблеи ехать всем делегатам, всему составу делегации.

Не писал тебе ответного письма до этого времени, так как заняты мы были последние недели переселением на новую квартиру. Живем мы теперь в Доме ученых (угол Советской, вернее [Ленинского] проспекта и Володарской). Квартира неплохая, из четырех комнат с отдельной кухней и прочими удобствами. Одним словом, квартирные условия мои теперь раз в десять лучше прежних.

Все мы готовимся к предстоящей в марте месяце декаде белорусского искусства и литературы в Москве. Книга моя, судя по информации одного из последних номеров «Литературн[ой] газеты», должна была выйти в Воениздате ко Дню Советской Армии. Очевидно,

и вышла (она печаталась в Ленинграде), но я пока не имею на руках ни единого экземпляра.

Таковы все мои новости.

Привет от Софьи Захаровны и всех наших домашних.

С сердечным приветом

Міхась.

26/II 1953 г.

194. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

6 красавіка 1953, Мінск

Достопочтенный Николай Тихонович!

Надумался тебе написать, не ожидая твоего очередного письма.

Как я писал тебе, книга моя вышла в переводе на русский язык в Воениздате. Отдельные главы из романа передавали по радио из Москвы. Сегодня идет четвертая передача. Всего, как мне известно, должно быть шесть передач. Обычно о каждой передаче сообщается накануне в «Правде» в отделе радиопередач, так что, возможно, ты еще сможешь при случае прослушать очередную передачу.

Привет тебе от всех наших.

С дружеским приветом

твой брат *Міхась Лынькоў.*

6/IV 1953

P. S. Декада наша, очевидно, будет проходить в мае месяце.

М. Л.

P. S. P. S. Если хочешь иметь экземпляр книги, то я вышлю тебе, как только достану.

М. Л.

195. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

16 мая 1953, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Прошу извинить, что так поздно отвечаю на твое

первомайское приветствие. Только что выбрался из больницы, в которой пробыл целый месяц. По той причине и не смог обменяться с друзьями праздничными телеграммами.

Теперь как-будто чувствую себя неплохо и готовлюсь к летним дачным странствованиям.

Как дела, как здоровье, как поживает семья?

Сердечный привет от меня и Софьи Захаровны тебе, Калерии Ивановне и детям.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

16/V 1953 г.

г. Минск, [Ленинский] проспект, д. 12, кв. 43, М. Т. Л.

196. В. Ф. ТАКАЕВУ

16 мая 1953, Мінск

Уважаемый Валерий Федорович!

Прошу извинить меня за поздний ответ на Ваше письмо от 23 апреля этого года. Целый месяц я лежал в больнице, а поэтому и не имел возможности своевременно Вам ответить.

Теперь по существу Вашего письма. Я работаю над продолжением, вернее, над завершением моего романа, над его другой книгой. Конечно, я намерен осветить в романе и действия нашей авиации, связывавшей наших партизан с «Большой землей». Мне пришлось и приходится изучать огромнейший материал, касающийся славных партизанских дел: и соответствующие документы, и рассказы самих участников и организаторов партизанского движения и т. д. Буду признателен Вам, если Вы и Ваши товарищи смогли бы поделиться со мной Вашими воспоминаниями, записками, относящимися к делам и подвигам «воздушных партизан». Конечно, в романе ни один из выведенных героев не действует под своей фамилией. Все имена и фамилии вымышленные (за исключением единственного имени — Заслонова).

Заранее благодарю Вас за всяческую помощь — большую и малую — в завершении моего романа.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

16/V 1953 г.

г. Минск, [Ленинский] проспект, д. 12, кв. 43, Лыньков М. Т.

197. А. С.

3 чэрвеня 1953, Мінск

Уважаемый Алексей Степанович!

Прошу, во-первых, извинить меня за более чем солидное запоздание с разбором Вашей повести. Занятость службой, потом болезнь — все это помешало своевременно ответить Вам и дать детальный анализ повести.

Однако перейдем к делу.

Удалось или не удалось Ваше первое произведение? Этот вопрос, понятно, волнует Вас прежде всего. Не кривя душой, должен честно, открыто сказать Вам: нет, не удалось. Какие же причины неудачи?

Самый замысел Ваш не вызывает никакого принципиального возражения. Вполне допустимо и возможно совместить художественный показ боевых дней партизанского отряда, показ боевого прошлого советских людей с показом сегодняшнего дня нашей школы, жизни и учебы наших детей. Но для этого необходимо соблюсти одно условие: сочетание прошлого и настоящего не должно быть механическим. И то и другое должно быть органически связано друг с другом, одно должно быть художественно обосновано другим. У Вас этого единства, этой органической связи не получилось: рассказ об отряде идет сам по себе независимо от рассказа о школе. А там, где Вы делаете попытки связать прошлое и настоящее, получается механическое соединение. Проще говоря, почти в каждом очередном уроке или на очередном сборе учительница рассказывает пионерам часть истории отряда. Это было бы неплохо, если бы рассказ был построен художественно, если бы ав-

тор показал, чем же сумела увлечь своих слушателей рассказчица и как было связано рассказанное с задачами урока или сбора. Но этого в повести нет. История отряда рассказывается скучно, с сухим, протокольным описанием событий и явлений. Так же сухо и протокольно автор докладывает читателю, что дети были увлечены рассказанным, что они были оживлены, что у них появились замечательные чувства, настроения и т. д. и т. п. И во все это читатель должен верить автору на слово. Если автор и пробует увязать прошлое и настоящее, то делает это исключительно неуклюже, прямолинейно, и в результате — неправдоподобно. Хорошее намерение было у автора — показать, как воздействовал на одного из ленивых учеников рассказ о героической смерти его отца, как после этого рассказа ученик стал исправляться. Но как это сделано? Берем текст автора: «Раненый жил еще минут пятнадцать. Перед смертью он сказал своему земляку, еще безусому солдату:

— Будешь дома, смотри, не говори, как я погиб... Когда-либо после скажешь. Сделай все, чтобы мой единственный сын Юра учился... Нет, чтобы отлично учился. Чтобы не осрамил...»

Правдоподобна ли эта сцена? Нет. Умирающий боец, конечно, вспоминал свою семью, своих детей. Вполне естественно, что он мог попросить своего товарища, чтобы тот не спешил с горькой вестью о его смерти. И конечно, он мог попросить, чтобы товарищ или товарищи позаботились о его семье, не забыли бы его единственного сына. Но можно ли всю его предсмертную просьбу свести к заботам об учебе его сына, да еще отличной. Ведь сын, возможно, был в то время еще грудным младенцем, возможно, двухлетним или трехлетним ребенком. А если бы он был и постарше, то это не меняет положения. Заботы о жизни семьи, о ее благополучии (дело ведь происходило в условиях жестокой фашистской оккупации) — вот что могло быть содержанием предсмертной просьбы партизана.

Вы же все это решили простолинейно, в порядке, так сказать, лобовой атаки. Таких простолинейных, лобовых линий искусство не признает.

Основной недостаток Вашей повести в том, что Вы подменили художественный показ, показ через художественные образы людей обычным рассказом. А в

произведении искусства нужно не рассказывать, а показывать.

Вот Вы рассказываете: «Партизанские дни и ночи проходили в напряженных схватках, боях. Взрывали склады боеприпасов, горючего, железнодорожные составы. Почти ежедневно нападали на немецкие гарнизоны, обстреливали колонны машин на шоссе». Все это нужно показывать, создавать живые, волнующие картины, создавать живые образы людей, показывать их действия, их чувства, их взаимоотношения и т. д. Протокольное перечисление событий не увлечет читателя, не захватит его пафосом борьбы, не заставит его переживать вместе с героями их радости и печали, не даст ему возможности не только проникнуть в сложный душевный мир героев, но даже помешает ему отличить одного героя от другого. Ведь у каждого героя должен быть свой язык, свои привычки, свои привязанности. Ведь даже по внешности, не говоря уже о внутреннем своем мире, они отличаются друг от друга.

Вот эти «секреты» компановки образов, «секреты» самой композиции вещи Вы еще не постигли.

Итак, основной недостаток Ваш заключается в том, что Вы художественный показ подменяете протокольным рассказом. Это недостаток первый.

Другой Ваш основной недостаток и, надо сказать, огромный недостаток — это недостаточное знание языка, которое и подводит Вас на каждой странице. А язык, слово — это основной материал литературы. Писатель, строя свое произведение, пользуется не красками, не звуками, как делают это художники и композиторы. Писатель пользуется словом. Слово для него, как кирпич для каменщика. Поэтому он и должен в совершенстве знать слово и в совершенстве уметь им пользоваться. Вы не овладели еще словом. Оно еще не несет у Вас полной нагрузки, а поэтому страницы бывают многословными, но мыслей бывает мало, а иногда какой-нибудь мысли бывает трудно пробиться через словесную шелуху. Вы употребляете иногда слова не по назначению, не по их смыслу. У Вас ветер щелкает знаменем (1 стр-ца), а ведь щелкать можно только орехи. Нехорошо звучит сочетание слов «старой пионерки». Трудно вообразить, как «частица же слез испарилась и унеслась вверх, может быть, на золотистую

бахрому дружинного знамени, может быть, легкою влажностью опустилась на шелк букв пионерского призыва» (стр-ца 3). Этот трактат об испарении «пары слезинок» растянулся у Вас на полстраницы. Он пахнет чем угодно — и натурализмом и дешевым сентиментализмом, но только не литературой. Ну, всплакнули девочки от радости, появилась слеза-другая, напишите об этом, но не размазывайте эти «слезинки» на все небеса и знамена, потому что результат от этого получится совершенно обратный Вашим ожиданиям.

Вы излишествуете в употреблении слов, приводите слова ненужные, не играющие никакой служебной роли. Так, у Вас школьник-проказник бросил в классе бумажного голубя (стр-ца 6). Вы пишете, как летел голубь, как «скользнул на подоконник, шурша по окраске крыльями из первосортной бумаги...» Ну, а если крылья были бы просто из бумаги, разве это меняло бы дело, результаты, последствия? Какую служебную функцию несет у Вас в данном случае слово «первосортной»?

Как это понять: «промежутки между словами становились чаще»? (стр-ца 8). Трудно представить, как у Ваших героев «просторно расширялся нос...» (10 стр-ца). Как это можно улавливать «бывшие звуки природы»? Как расшифровать фразу: «Ухо ласкал частый перестук в тонкой гамме звуков настоящего»? (12 стр-ца). Если иметь в виду гамму, то она не вяжется с перестуком, а никакой перестук не может ласкать ухо.

На стр-це 17 у Вас «резкая жестикуляция с быстрым передвижением быстро заполнили огромное пространство». Там же у Вас в наличии какой-то «горизонт веселости». На стр-це 19 у Вас присутствует «гордая слеза за свое место в жизни». А на 20 стр-це «Тревога звучала радостной отплатой врагу за все пережитое, за горе, за слезы и кровь замученных на глазах». Как разгадать этот ребус? Все это примеры непродуманного набора слов, словесной шелухи.

На стр-це 21 Вы употребляете слово «перепалка» совершенно неуместно. Речь там идет не о перепалке, а о дружеском упреке.

На стр-це 28 плохо звучат «образы кандидатур». А вот образец непродуманного набора слов: «Монолит, крепкий, мужный, закаленный пионер с постоянной

любознательностью и не по годам рассудительный встал в ее памяти, в ее воспитательской голове». Что это? Илья Муромец? И что это за «воспитательская» голова?

На стр-це 29 Вы подробно расписываете «орган малыша — сердце». Если писать про сердце, только как определенный физиологический орган, то не мешает уже сказать, что оно бывает и у взрослых. А не лучше ли написать так понятно и просто: «Это была дорога к сердцу малыша». Ведь когда Вы пишете про глаза, Вы не станете расписывать, что они являются органами. Нелепо звучала бы фраза: «Она посмотрела на него глазами, органами зрения». Вот так же звучит и Ваш «орган малыша».

На стр-це 32 у Вас «цифры, как молот, ударяясь о железо, выковывают боевую волю тружеников». Странные цифры и непосильную роль возлагаете Вы на них.

На стр-це 33 учителя у Вас приходят из урока. И автор и учителя явно забываются на грамматику.

На стр-це 35 у Вас «полусогнутая рука описала чуть ли не круг собравшихся учителей». Ничего не понял. Также не понял я фразы с 37 стр-цы про деда Филиппа, который «вместе с младшим за него сивобородым тащил корзину к бурту». А Вы еще там же задаете вопрос: «Но разве может это вместиться и сжиться во взгляде пионера?» Трудно разгадать и этот ребус. Там же у Вас «небольшие кучи картошки уже рябели кое-где, образуя основание картофельного склада». Продумали ли Вы эту фразу? Там же картошку Вы называете плодами. Это не совсем верно. Обычно в разговорной речи плодами называют яблоки, груши, сливы и т. д.

На стр-це 39 Вы заставляете детские голоса разрезать «мелкий дождь». Дождь не сыр, его не разрезают. А что это за «личное детство», да еще в голове? Может быть, воспоминания о собственном детстве?

Росу Вы называете кристаллической, а ведь к кристаллам она не имеет ни малейшего отношения.

На стр-це 51 тучи у Вас плавают стайками. Очевидно, Вы имели в виду облачка? На той же странице Вы заставляете «тучи войны» что-то разрывать. Тучи никого не разрывают. Напрасно Вы разъясняете читателю, что клевер — это отменная пища скота. Чита-

тель, я полагаю, и сам догадается об этом, ему не нужно разжевывать элементарные истины.

На стр-це 56 у Вас звякает голос. Звонок может звякнуть, голос этого качества не имеет.

На стр-це 69 Вы открываете какие-то «мутно-серые слезы». Там же глаза героини пытаются схватить смысл каких-то необыкновенных «слов из мозга».

Стр-ца 70 представляет собой целый лабиринт непроходимых слов и фраз: «Но спустя глаза приобрели свое постоянство. (Куда спустя, что спустя?). Только новый суровый блеск гордости (разве гордость блестит?) за мужа, за его предсмертные слова разместился, властно заблестел (блеск заблестел?!) в их светло-карой бездности (??). Казалось, что этот блеск гармонировал с окраской много видевших за тридцать с лишним лет глаз. Особенно, когда немецкие солдаты под звуки опротивевшего (кому?) марша автоматически шагали по улице родной (кому родной? Немцам?) деревни, автоматически истязая родных знакомых (своих родных? Немцев?), тогда глаза блестели страшной злобой, сверкали, как небо осени запоздавшими молниями (плохо сверкать запоздавшими молниями, ничем не усиливают они образ)... Жизнь была именем тех качающихся в жестких смертельных объятиях веревки, живущих в лесных дебрях, но живущих с большой буквы, именем тех, которые умирали где-то далеко во имя независимости...» (сплошной набор слов, ничего не дающих, непонятных, приводящих к тому, что вся страница напоминает непроходимую по смыслу абракадабру).

Все это получается при отсутствии работы со словом, при отсутствии его тщательного подбора и шлифовки.

Как понять такую фразу на 82 стр-це: «Горячие порывы юной души всегда становились лучшим благородным зерном школьного урожая»?

Учитесь находить точные, краткие определения. Почему Вы употребляете такие корявые, громоздкие фразы, как «смолистые корневищи сосен для костров», когда можно сказать короче и выразительнее: «Смолистые сосновые пни для костров». Сами ведь корневища не бывают особенно смолистыми и никто не гоняется за ними для разжигания костра. Другое дело — смолистые пни, белорусские «смалякі».

Примеры небрежного, невнимательного отношения к слову можно было бы бесконечно увеличить. Они встречаются на каждой странице. (Мной все эти примеры подчеркнуты карандашом в Вашей рукописи.) Без тщательной, кропотливой работы над словом писателя не существует. Если каменщик сложит кирпичи без системы, без плана, без изучения чертежей, то стройного дома не получится. Без знания, без умения нельзя сложить даже ровный штабель кирпичей, не говоря уже о постройке дома.

Писатель, конечно, не каменщик, слово более сложная вещь, чем кирпич, но все же допускать известные сравнения мы можем.

Отсюда вывод: совершенствуйте язык, изучайте слово. А сделать это можно только при помощи огромного и настойчивого труда. Без труда ничего не делается. Такой гениальный писатель мира, как Л. Н. Толстой, десятки раз переделывал, переписывал свои произведения, чтобы сделать их лучше, действеннее, художественнее. Результаты всем известны: его произведения будут жить в веках как чудесные творения величайшего человеческого гения и величайшего человеческого труда.

Изучать художественное слово, раскрывать секреты художественного мастерства, учиться этому мастерству можно только на лучших образцах литературы, как современной, так и классической. Учитесь же и учитесь — вот единственное, что могу порекомендовать Вам.

А писать? Конечно, пробуйте и писать, у Вас есть для этого задатки, но они пока что скованы необработанным языком. А поэтому не увлекайтесь написанием больших вещей, пишите сначала по своим силам.

Не обижайтесь и на резкую мою критику. Она полезна.

С дружеским приветом [*Міхась Лынькоў*].

3/VI 53 г.

198. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

17 чэрвеня 1953, Нарач

Дорогой Николай!

Получил твою открытку и пишу тебе ответ с озера Нарочь, возле которого мы живем теперь на даче. Получил письмо от Ани, в котором она сообщает, что твои домашние находятся теперь у нее.

Мы решили в этом году провести лето на Нарочи, одном из самых живописных мест в Белоруссии. Озеро огромное, что-то около или более ста квадратных километров. А рядом еще четыре озера, так что пейзаж напоминает морской. Изобилие рыбы — щук, окуней, линей, плотвы. Попадаются в сети и знаменитые нарочские угри. Одним словом, живем на рыбном столе, и он не надоедает. Плоховато только то, что до Минска далеко — двести километров. Наш домик находится на самом берегу озера. А с другой стороны дома — сосновый бор. Условия для отдыха как-будто неплохие. Думаю тут основательно поработать над продолжением романа.

На этом заканчиваю свое послание. Привет тебе от Софьи Захаровны.

С нарочским приветом

твой брат *Міхась.*

17/VI 1953 г.

199. А. М. ДУБКОВУ

21 ліпеня 1953, Мінск

Уважаемый тов[арищ] Дубков!

Извините, что несколько замедлил с ответом: я только что приехал в Минск и мне передали Ваше письмо. Как видите, раньше ответить я не мог.

Теперь по существу Вашего письма. Должен я Вас огорчить и разочаровать: фамилия Дубков у меня в романе вымышленная, как и фамилии всех героев, за исключением Константина Заслонова.

У меня такая же история с моим братом, о котором я не имею никаких сведений с первого дня войны: как

ушел в армию, так с тех пор о нем ни слуху ни духу, очевидно, погиб в первые дни войны. Добавлю только, что семья моего брата, как и моя первая семья, были расстреляны фашистами.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

21/VII 1953 г.

200. В. П. КЛЕШЧАНКУ

27 жніўня 1953, Мінск

Уважаемый тов[арищ] Клещенко!

Я получил Ваше письмо с опозданием на два месяца. Эти месяцы я не был в Минске, а потому не мог и получить Ваше письмо и дать на него своевременный ответ. Не знаю даже, найдет ли мое письмо теперь Вас в Ленинграде.

Сообщаю некоторые биографические сведения. С первых дней войны я работал сначала в редакции газеты Зап[адного] фронта «Красноармейская правда», с июля м-ца 1941 г. был назначен редактором газеты «За Советскую Белоруссию». Газета предназначалась для населения оккупированной Белоруссии и издавалась — последовательно — политуправлениями Западного, Центрального, Брянского и в конце ее существования — Западного фронтов. 1 ноября 1942 г. был отозван в распоряжение ЦК КП(б)Б и работал в центральной партизанской прессе, а также в Союзе сов[етских] писателей и Акад[емии] наук БССР.

Вот и все сведения.

Что касается вопроса о Вашей службе, напишите В. В. Борисенко (он на днях приезжает из отпуска). Я не могу без него решать этот вопрос, тем более что в первых числах сентября выеду, очевидно, в дальнюю командировку (Борисенко же приезжает числа 1-го или 2-го).

С приветом

Міхась Лынькоў.

27/VIII 1953 г.

201. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

8 верасня 1953, Масква

Софуня!

В Москву прилетели через Витебск. Расположились в гостинице «Метрополь» (322-й номер). В гостинице будем до 1 часу ночи, после чего выезжаем на аэродром во Внуково и оттуда в три часа ночи вылетаем. Летим в Прагу (Чехословакия). Будем там в 9 часов утра. Там ночуем. Из Праги летим в Амстердам (9-го утром). В тот же день вылетаем из Амстердама в Париж и сразу же едем на Ламанш, откуда поедем или на «Корол[еве] Елизавет» или «Корол[еве] Мери». Сессия открывается 15 сентября, так что и летим мы молниеносно.

Теперь о поручениях. Постарайся заглянуть в Учпедгиз БССР (это на 2-м или 3-м этаже Дома печати). Побудь у Ладыжина (директор изд[ательст]ва) или Майхровича — он работает там. Возьми авторские «Миколки-паровоза». Потом сходи к Бровке или к Ковалеву и передай им мою просьбу: пусть напишут рекомендательное письмо в Детгиз, чтобы Детгиз при случае включил «Миколку-паровоза» в план 1954 года. Экземпляр «Миколки-паровоза» и это рекомендательное письмо (отдельно, заказным, а «Миколку-паровоза» заказной бандеролью) отошлешь во втор[ой] половине октября м[еся]ца <...> [в Москву].

Это деловая часть письма. Пишу за 1/4 часа до отлета. Напиши бабушке, чтобы приехала скорее (пошли ей машину).

Привет всем товарищам. Крепко, крепко целую и обнимаю. Обнимаю и целую Надюшу, скажи ей, чтобы хорошо училась.

На этом бывай. Жди писем из-за океана.

Еще раз целую.

Твой *Міхась Лынькоў.*

8/IX 1953 г.

P. S. Позвонил из гост[ини]цы Мозолькову, говорит, что переводит «Огни Танганьики» для «Дружбы народов» (есть такой журнал). <...>.

М. Л.

202. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

8 верасня 1953, Мінск

6 час. утра 8 сент.

Софунька!

Послал тебе письмо из Москвы. Приземлились только что в Минске по дороге на Прагу (полчетвертого утра 8-го). Самолет запаздывает, а поэтому стоянка небольшая (предполагалось 80 минут, тогда бы заехали на такси на минутку до дому, стоянку сократили, поэтому заехать не могли). В Праге (Чехослов[акия]) будем в 9 час[ов] утра. Днюем там, а завтра вылетаем в Амстердам, оттуда в Париж и потом на Гавр. У меня в портфеле дома снимки Ани, Садковича, Белевича. Пошли Ане снимки.

Открытку пишу на почте на аэродроме.

Целую, обнимаю тебя и Надюшу. Скажи Наде, чтобы хорошо училась.

Бывай. С приветом

твой *Міхась.*

8/IX 53

203. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

Пасля 15 верасня 1953, Нью-Йорк

Софуня!

Посылаю тебе первое мое письмо. Перебрались мы через океан, как я и сообщал тебе в телеграмме, благополучно. Всю дорогу завершили довольно быстро: восьмого сентября вылетели из Москвы, а утром пятнадцатого были уже в Нью-Йорке. Перед нашим приездом в Нью-Йорке была исключительно жаркая погода, температура днем доходила до 40 градусов. Правда, и теперь я не скажу, что здесь прохладно. Температура по некоторым дням доходит до тридцати градусов, и эта температура в сочетании с высокой влажностью воздуха переносится нами довольно трудно — в такие дни я чувствую себя неважно.

Что касается здоровья, то в этом отношении дело у

меня обстоит неплохо: за все эти дни никаких недомоганий не было, держусь молодцом. Единственное, что одолевает нас, это тоска по дому, по Родине. Чем больше тут находишься, тем больше осточертевает все, что тут видишь, с чем встречаешься, что наблюдаешь. Даже местные пейзажи, местная природа, реки, деревья — все это так чуждо нам, что даже обычные деревья не радуют глаза и не могут пойти ни в какое сравнение с нашими милыми соснами и березами. В общем, недоволен я Нью-Йорком, его окрестностями, его дорогами, пропахшими бензиновым перегаром, которым приходится дышать несколько часов в сутки. Одним словом, хочется домой, на лоно родного нашего Минска, хотя и пробыли мы здесь не так уже много. До конца нашего путешествия еще далековато — ты, очевидно, читала из газет о сроке завершения этой сессии. Во всяком случае, всех нас радует тот факт, что уже проходит почти месяц со дня нашего выезда из дома, а каждый день, каждая неделя приближают нас к тому счастливому дню, когда сядем мы на пароход и будем двигаться на родимый восток.

Таковы мои дела. Хотелось бы знать, что делается у нас дома: как здоровье всей нашей коммуны, приехала ли бабушка из деревни и сумела ли она хоть немного отдохнуть там, как учится Надюша, каковы ее успехи, что слыхать у наших братьев-писателей, у наших соседей по дому? Встречала ли Якуба Коласа, как его здоровье? Ездила ли в Королищевичи или на Нарочь за рыжиками, кто сейчас из наших товарищей отдыхает в Королищевичах? Напиши мне подробно о своем здоровье и самочувствии, о здоровье всех наших домочадцев — Марьи Петровны, Надюши и Зоси.

Теперь к тебе небольшая просьба: я забыл взять с собой книжку моих рассказов в переводе на русский язык. Поскольку в нашей домашней библиотеке имеется только один экземпляр сборника рассказов московского издания, то возьми книгу рассказов на русском языке, изданную нашим минским издательством (несколько экземпляров этого издания находятся в левом стенном шкафчике в кабинете) и попроси товарища Зайцева из МИДа переслать эту книгу в адрес нашей белорусской делегации. Было бы неплохо переслать и пару книг моего романа «Незабываемые дни» (второго московского издания), но это объемистый материал

и в отношении этих книг можешь действовать по своему усмотрению, в крайнем случае, можешь посоветоваться по этому вопросу с тов[арищем] Зайцевым.

Вот, пожалуй, и весь мой «рапорт» тебе. Как мы живем тут, как ехали, летели, плыли, обо всем расскажем дома. На этом заканчиваю свое послание, крепко обнимаю и целую тебя, приветствую и целую Надюшу и Марью Петровну, привет Зосе. Передай мой сердечный привет Коласу, Лужаниным, Танкам, Кулешовым, Крапивам и всем нашим знакомым и друзьям.

Не забудь послать деньжат моей и твоей сестрам.

Твой *Міхась.*

Нью-Йорк, Парк-авеню, 680, Представительство СССР при ООН, делегация БССР, мне.

P. S. К. В. Киселеву 1 ноября исполняется 50 лет. Было бы неплохо, если бы ты — а возможно, и другие (Поветьева и муж Новиковой) — соорудила приветственную, дружескую телеграмму ему к этому дню.

М. Л.

204. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

21 кастрычніка 1953, Нью-Йорк

21/X 1953 г.

Софуня!

Шесть дней тому назад получил оба твои письма, за которые премного благодарен и пр. и пр. Теперь вот, пользуясь подошедшей возможностью отправить тебе очередное послание, пишу ответ.

Оказывается, вы там дома вознамерились стать музыкальными людьми, купили пианино и думаете серьезно заняться освоением сольфеджио и прочих музыкальных премудростей. В общем, все это дело одобряю и приветствую, хотя оно, очевидно, доставило тебе и множество хлопот. Я до некоторой степени также приобщался к музыке — на днях слушал концерт Стоковского, но, по совести сказать, остались мы весьма и весьма неудовлетворенными этим концертом: исполнялись некоторые канадские вещи, имевшие малое отношение к подлинной музыке. Вокальные номера были

несколько лучше. Развлекаться нам некогда. За все это время побыл еще раз в «Родео» — это нечто вроде ковбойского цирка, со скачками и стрельбой ковбоев, ловлей быков, ездой на диких лошадях, такой же сумасшедшей ездой на быках и всякими прочими ковбойскими штучками. Все это делается на огромной арене в присутствии тысяч 20—25 зрителей. Общее заключение всех нас об этом зрелище: чтобы иметь некоторое представление о нем — не мешает один раз сходить и посмотреть. Второй раз смотреть такое зрелище не захочешь. Иногда по субботам смотрим у себя на даче свои советские кинофильмы. Таковы наши развлечения и короткие часы нашего досуга.

О работе писать не буду, о ней расскажем подробнее дома. Одно скажу — работы много. Она и помогает нам переносить разлуку с родными местами, к которым мы стремимся душой и сердцем каждую минуту. Одно утешает нас: количество недель нашего пребывания здесь заметно уменьшается, так что чемоданные настроения овладевают все больше и больше, и все ближе тот счастливый день, когда попутные ветры понесут нас к родным берегам (видишь, даже в поэзию ударился).

Погода у нас держится теплая, даже жаркая. Ходим в одних костюмах, даже потеем. Деревья еще не осыпались, многие стоят еще нетронутые осенью, не пожелтели. Дождей мы пока что не видели. Единственное — похолодали ночи, и это признак местной осени. Со здоровьем у меня все благополучно, хожу настоящим молодцом в этом отношении. Плохо, что ты пробовала болеть. Тут уже я должен отдать обязательный приказ по дому: никому из домочадцев не разрешаются не только болезни, но и малейшие недомогания. Так и объяви об этом моем распоряжении по нашему домашнему гарнизону.

Пишу это письмо ночью, сейчас двенадцать часов. Пишу и думаю, что у вас в это время уже восемь-девять часов утра и все вы уже встали и занимаетесь дневными делами (разница во времени нью-йоркском и нашем — восемь часов).

Пиши, как отдохнула бабушка, поправилась ли, как чувствует себя сейчас, как учится Надюшка? Одним словом, присылай мне подробный рапорт о вашем житье-бытье. <...>. Работает ли наш дом отдыха? Ездила ли на Нарочь?

Передай мой большой привет Якубу Коласу, Танкам, Лужаниным, Кулешовым, Крапивам и всем нашим друзьям и знакомым (обоим Марусям, Феде, Виктору). Привет тебе от Киселева, Поветьева, Новиковой и Астапенко. Привет Зосе.

Крепко обнимаю тебя, Надюшу, Марью Петровну, целую и желаю здоровья.

Твой благовернейший *Михась.*

P. S. Перешли письмо в «Литературную газету». Я решил написать им короткое послание, потому что на большее ни времени, ни возможности нет.

М. Л.

P.S. P.S. Фаина Архиповна ругала Азаренко, что не помог Мелких.

205. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

4 лістапада 1953, Нью-Йорк

Нью-Йорк 4 ноября 1953 г.

Софуня!

Получил твою поздравительную телеграмму, послал такую же достопочтенной твоей персоне, а также послал телеграмму Союзу писателей. А самое главное, имел возможность благодаря твоим настояниям говорить с тобой по телефону. Пару слов об этом разговоре. Слышимость была отвратительная, и я употреблял все усилия, чтобы услышать, живы ли вы там и здоровы ли. Разговор этот поднял настроение всей нашей делегации, создалось такое впечатление, будто бы каждый переговорил с домом. Хорошо вышло, что твой телефонный звонок пришелся на время, когда я — почти случайно — не был в Нью-Йорке.

Теперь о наших делах. Как видишь, на дворе уже ноябрь. А это значит, что еще несколько недель и твой «путешествующий и странствующий» Михась попадет в объятия своей Пенелопы. Одним словом, мы уже серьезно подумываем о том счастливом и сравнительно уже близком дне, когда отчалим от берегов этой страны и с каждым днем будем приближаться к родным просторам. Ты писала, что хочешь побывать в Москве,

если мы по возвращении сразу попадем не в Минск, а в Москву. Целиком и полностью поддерживаю твое намерение, но тут необходимо условиться, как сделать лучше. Если мы будем ехать поездом через Минск, то я дам телеграмму из Бреста. Если поедем не через Минск или если полетим прямо в Москву, то я пришлю тогда из Москвы телеграмму или позвоню по телефону Лужаниным, чтобы ты приезжала. С собой возьмешь тогда денег — тысяч десять. Можешь взять и больше, если ты думаешь купить что-нибудь солидное.

Последнее твое письмо (от 16 октября) я получил недавно, 28 октября. За это послание обнимаю тебя и крепко, крепко целую. Одно, чем недоволен я, это твоими словами, что у нас дома все почти здоровы. Что значит это «почти»? Такая «информация» меня несколько встревожила. Надо, благовернейшая моя супруга, писать точнее и обстоятельнее о здоровье моих чад и домочадцев.

Теперь перейдем к другим делам. У вас теперь, наверное, уже глубокая осень, а возможно, и зазимок. Тут за последние полмесяца почти все деревья сбросили листву, неделю шли дожди, на океане была штормовая погода. Но теперь по-прежнему стоят теплые, иногда даже жаркие (как наши июньские) дни, и мы щеголяем пока в одних костюмах, не прибегая даже к такому одеянию, как наши плащи. Правда, я подумываю о том, что в плаще возвращаться в наши родные снега будет рискованно и надо будет обзавестись какой-нибудь одежиной посолиднее.

Здоровье мое исключительно хорошее, ни разу не подводило меня. Надеюсь, что и на обратной дороге буду чувствовать себя еще лучше, согреваемый надеждой близкой встречи с тобой и со всеми моими родными и близкими.

На этом заканчиваю свой очередной рапорт. Крепко обнимаю тебя и целую. Поцелуй от меня Надюшу и Марью Петровну. Всем вам самый сердечный привет и привет Зосе, Марусям и всем близким и друзьям: Константину Михайловичу, Лужаниным, Танкам, Крапивам, Бровкам, Кулешовым и Титовой.

Еще раз целую свою благоверную.

Твой *Михась.*

206. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

18 лістапада 1953, Нью-Йорк

Нью-Йорк 18/XI 1953 г.

Софуня!

Давненько не получал от тебя писем и не знаю, как вы там живете-можете. Все нам тут надоело и осточертело до крайности, ждем не дождемся отъезда на Родину. Счастливы тем, что у нас уже начался чемоданный период, понемногу собираемся в путь-дорогу. Астапенко и Поветьев уезжают 27 ноября с первой партией на пароходе «Куин Елизабет». Через неделю после них отправляюсь я со второй партией на пароходе «Америка» — отплывем, очевидно, 4 декабря. Можно было бы и раньше дня на два, на три, но пришлось бы ехать на небольших пароходах, которые одолевают океан суток за десять, а то и больше, плывут, как черепахи, а пассажир на них чувствует себя все время, как на качелях. Хотя я и любитель сильных ощущений, но испытывать их в течение недели и больше — перспектива не из приятных. Одним словом, числа четвертого я двину в путь-дорогу, так что можешь пожелать мне попутных ветров, как «старому и испытанному мореплавателю». Через неделю после моего отплытия двинет в путь и наша последняя партия — Киселев и Новикова.

Таковы наши дела. Практически они сводятся к тому, что сегодня покупаю чемодан и вещевой мешок (жалею, что не захватил с собой из дома) и начинаю укладываться. Из Парижа на этот раз мы, очевидно, двинем поездом на Прагу, а оттуда через Киев на Москву. Если же нам удастся из Праги поехать на Варшаву и оттуда на Брест, то мы прямехонько попадем в родной Минск, прямо в твои объятия. Если же, паче чаяния, нам придется ехать из Праги на Чоп и на Киев, то тогда я вызову тебя в Москву, где и пробудем вместе несколько дней. В таком случае возьмешь с собой денег, а заодно справишься в банке, получались ли там переводы на мое имя (на вкладную книжку), чтобы мы с тобой могли произвести окончательные расчеты с издательством. Таковы мои тебе поручения.

О чем тебе еще рапортовать? Погода тут теперь из

М. Лынькоў у санаторыі «Нарач». *1974 г.*
Адзін з апошніх прыжыццёвых здымкаў

Святкаванне 80-годдзя
з дня нараджэння М. Лынькова ў Саюзе пісьменнікаў БССР.
З прамовай выступае М. Танк

чудеснейших: солнце, жарко. Снег, как я тебе сообщал, выпал тут 6 ноября и продержался сутки. Потом было еще некоторое похолодание с неделю, а затем наступили опять теплые дни. Эта погода несколько подвела меня и заставила на неделю выбыть из строя — схватил было жесточайший флюс, так что щеку разнесло было так, что принужден был питаться одним молоком, трудно было раскрыть рот. Немного и температурил. Теперь опять вошел в норму, по-прежнему жив и здоров и с ближайшего понедельника приступлю к исполнению своих обязанностей по Ассамблее. Принял и все меры предосторожности против обманчивого тепла — без пальто не пускаюсь в город.

Как видишь, обо всем тебе отрапортовал. О работе не пишу, потому что отклики о ней ты можешь найти в наших газетах. Признаться, устал немного, а самое главное — соскучился по тебе, моей благовернейшей Пенелопе. А посему самым достойнейшим образом обнимаю тебя и крепко, крепко целую, как только можно целовать после такой долгой разлуки. Обнимаю и целую Марью Петровну и Надюшу. Как она там учится? Передаю всем вам самый сердечный привет и самые лучшие пожелания здоровья, счастья и радости. Привет Зосе.

Передай приветы от меня Константину Михайловичу, Танкам, Лужаниным, Крапивам, Кулешовым, Бровкам, Марусе и Феде, Марусе и всем друзьям и знакомым.

Пребывающий в надежде на близкую встречу твой

Міхась.

207. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

27 лістапада 1953, Нью-Йорк

Софуня!

Посылаю тебе последнее письмо с моим «дипкурьером» — Гавриилом Алексеевичем. Последнее потому, что через шесть-семь дней после получения этого письма ты будешь иметь возможность получить в свои собственные руки своего благовернейшего супруга, кото-

рый предстанет во всей своей красе пред твои ясные очи и представит подробный рапорт обо всех своих делах и приключениях и похождениях на суше, на океане, под облаками и за облаками.

Я послал тебе недавно письмо, что мой отъезд намечен на 4 декабря, что собираюсь я ехать на американском пароходе «Америка». Вношу некоторые поправки в это письмо: буду ехать я не на «Америке», а на пароходе «Юнайтед Стейт». Разница в этих пароходах — первый шлепает до Европы семь суток, а «Юнайтед Стейт», считающийся самым быстроходным пароходом в мире, делает этот путь меньше чем за пять суток. В общем, я выигрываю на дороге суток полтора.

Ты, очевидно, задаешь вопрос: а почему мы не разом выезжаем? Дело в том что не все комитеты заканчивают свою работу одновременно, а поэтому и делегатов наших разбили на три группы. С первой едут Астапенко и Поветьев. 4 декабря еду я со второй группой, а числа 12 декабря снимаются с якоря остатки делегаций, в том числе Киселев и Новикова. Я еще должен выступить один раз в Комитете. <...>.

Твой верный слуга основательно устал за эти месяцы сумасшедшей работы, сумасшедшей езды, сумасшедшего напряжения человеческих сил и нервов. А посему он заслужил возвращение к семейному очагу, к отдыху, к заботам и попечению своей досточтимой супруги, к ее любви и ласке. Одним словом, соскучился я и по тебе и по всем моим домашним до последнего моего дыхания. Ты просто не можешь представить, как хочется поскорее вернуться домой, в родную привычную обстановку, в родные условия. Все нам тут надоело и осточертело до чертиков. Поветьев и Астапенко до некоторой степени счастливцы: сегодня, сев на английский пароход, они избавляются от американцев, от их нравов и распорядков. Мне придется ехать на американском пароходе, а следовательно, несколько лишних дней созерцать все красоты так называемого «американского образа жизни», от которого полностью избавлюсь только добравшись до берегов Франции. ≪...≫.

Нужные покупки я почти закончил. Буду завершать их в оставшиеся шесть дней. Подробно расписывать тебе эти покупки не буду — подарок не в подарок, если о нем растрезвонишь заранее. Да еще и не все

куплено, а что куплю — трудно сказать заблаговременно.

Таковы мои дела. Путь я намерен держать на Париж, оттуда на Прагу (Чехословакия). Вся группа с Праги двинет поездом на Москву через Киев. Трое нас, белорусов, будет принимать все меры к тому, чтобы с Праги свернуть на Варшаву, а оттуда через Брест на Минск. Признаться, так устал, что забираться в Москву через Киев не хочется — это несколько суток лишней дороги. Если же, паче чаяния, придется ехать через Чоп, Киев на Москву, то я из Москвы дам тебе телеграмму из гостиницы, чтобы ты приехала на несколько дней туда. Нужно будет взять с собой тысяч десять рублей, возможно, пригодятся на какие-нибудь покупки. Кроме того,— я писал уже тебе об этом — возьмешь вкладную банковскую книжку и спросишь в банке, были ли после моего отъезда дополнительные переводы из Москвы, из Воениздата. Это необходимо будет для окончательных расчетов с Воениздатом. Помещение, где надо навести справку, находится рядом, справа от главной конторы банка, на первом этаже.

Однако уже три часа ночи, пора ложиться спать (у вас уже одиннадцать часов утра). Сегодня у меня, по обыкновению, два длительных заседания, утреннее и дневное, надо подсобраться с силами.

На этом и заканчиваю свое послание, на этот раз последнее из Америки. Крепко обнимаю и целую тебя. От меня обними и поцелуй Марью Петровну и Надюшу. <...>.

Привет Зосе.

Передай сердечный привет всем близким и знакомым — Марусям, Феде, Крапивам, Кулешовым, Танкам, Лужаниным, Бровкам и всем, всем.

В ожидании близкой встречи твой «плавающий и путешествующий», жаждущий возвращения в родную хату и имеющий все шансы на быстрое возвращение.

Твой *Михась.*

Собственноручно написано сие в недосточтимом граде Нью-Йорке.

27 ноября 1953 года

1954

208. САВІЦКАМУ

17 студзеня 1954, Мінск

Уважаемый тов[арищ] Савицкий!

Только на днях имел возможность прочитать Ваш рассказ, присланный мне в конце сентября прошлого года. Я не мог прочитать его раньше, так как с 10 сентября по 1 января я был в длительной и далекой командировке.

Теперь по существу Вашего рассказа.

Надо откровенно сказать, что рассказ «Сергей Ломов» Вам не удался. Не оправдан заголовок рассказа. Заголовок заставляет читателя ждать от Вас рассказа о каком-нибудь человеке, привлекшем Ваше внимание или своими трудовыми подвигами или какими-то качествами, действиями, поступками, заслуживающими серьезного общественного внимания. Ни того, ни другого, ни третьего мы в рассказе не нашли. В нем трактуется о самом заурядном столкновении двух человек на почве ревности. Понятно, и ревность заслуживает серьезного писательского внимания как одно из проявлений глубоких человеческих чувств. И как всякое чувство, ревность требует и соответствующего художественного показа, тем более что в Вашем рассказе есть попытки изобразить пошлого, отсталого человека, его отношение к женщине, к своим товарищам по работе, к государственному имуществу и т. д. Но дело в том что Вы не справились с этими задачами, не решили их, не использовали всех средств художественного рассказа.

В Вашем показе образ агронома Смычкова неправдоподобен, неубедителен. Трудно поверить, что молодой советский агроном способен на такие мерзости, как порча государственного имущества, что является самым обычным вредительством. Этим могли заниматься наши отъявленные классовые враги, а не люди, воспитанные советской школой. Если Смычков был способен на такие пакости, то это нужно художественно оправдать, обосновав его поступки. Дальше — если Смычков занялся вредительством и если его разоблачили, то им обязаны заниматься судебные органы, а не общее

собрание работников МТС. Такие люди заслуживают строгого наказания, а Вы устраиваете своеобразный митинг, имеющий целью «перевоспитание человека». Звучит это по крайней мере неубедительно.

Эти замечания касаются, так сказать, морально-политической стороны Вашего рассказа.

Теперь коснемся некоторых чисто формальных соображений, имеющих отношение к писательскому мастерству. Каждый писатель старается заинтриговать читателя, держать его в напряжении. В соответствии с этим он и строит сюжет своего рассказа. А Вы сразу раскрываете карты перед читателем. Вы говорите ему: вот какой мерзавец Смычков, он пошел к сторожу, подкупил его и портит государственное имущество. Сразу всяческий интерес читателя к Смычкову пропадает, потому что Вы действуете, как говорится, в лоб, раскрываете сразу своих героев до конца, не даете читателю возможности поволноваться, подумать, а кто же тут прав, а кто виноват, кто в действительности учинил такую пакость и т. д.

Кстати сказать, Ваша трактовка сторожа совершенно неубедительна. Кто он такой, Ваш сторож? Что заставляет его идти на тяжелое преступление? Сомневаюсь, чтобы обещание дать пол-литра водки могло толкнуть его на сознательное вредительство. На такой поступок мог пойти только заклятый враг народа. Если он является таким, так и покажите его настоящий облик. Человек пьяный может наделать глупостей, может в опьянении допустить и тягчайшие проступки, может в пьяном состоянии быть косвенной причиной преступления, содействовать преступлению. А Ваш сторож соглашается на преступление, будучи в трезвом состоянии. Кто же он такой? Ведь недостаточно обмолвиться о его «кулацкой бороденке». Любая «бороденка» не дает исчерпывающей социальной характеристики человека. Такие вопросы можно поставить перед Вами и в отношении Смычкова.

Как видите, некоторые вопросы морального порядка тесно переплетаются с вопросами писательского мастерства. Людей надо показывать глубже, а не делить их только на две категории: отъявленных негодяев и стопроцентных паинек. В жизни все это сложнее и естественнее.

Теперь о языке Вашего рассказа. С языком у Вас не

все благополучно. Злоупотребляете Вы эпитетами. «Влетел в комнату легкий тревожный струнный аккорд». Нельзя нагромождать эпитеты, излишества мешают восприятию фразы, образа. У Вас лента реки «изумрудно-голубая». Изумрудный цвет — это темно-зеленый цвет, который трудновато совместить с голубым. У Вас брови героя сдвинулись «в одну крыльеобразную линию». Линия есть линия, она может быть кривой, прямой, извилистой, дугообразной и т. д. Но линию нельзя сравнивать с каким-нибудь предметом. «Сквозь мрак комнаты мать уловила» перемену на лице сына. Согласитесь, что во мраке ничего не увидишь.

Вы заставляете мрак «завертывать деревенский простор». Можно завернуть селедки, баранки и т. п., а деревенский простор этой операции не поддается. Возможно, Вы имели в виду слово «окутать»? Вы заставляете аиста (дневную птицу) летать под звездами, да еще держать в клюве «пищу для детенышей». Если бы аист, вопреки своим природным привычкам, и полетел во мраке под звездами, то было бы труднейшей задачей для Вас заметить в его клюве пищу.

Вы часто употребляете канцелярские обороты речи, нетерпимые в литературе («присовокупить», «в совокупности», «в ожидании предстоящих мероприятий», «соответствующим количеством людей», «наличие лунного света» и т. п.). Некоторые слова Вы употребляете, не понимая их значения. «Сергей тогда оборвал его резким комплиментом». Комплимент — это хорошее, приятное, любезное слово, сказанное другому человеку, чаще всего женщине. Как же понимать Ваш «комплимент» в адрес Смычкова? Не проще ли было написать: «оборвал его резким словом»?

Другой пример: «Тот подбежал и, парализуя лицо артистическими гримасами...» Как понимать слово «парализуя»? Паралич — это омертвение, неподвижность. Как же совместить с неподвижным лицом «артистические гримасы»?

У Вас «героиня опрометчиво помчалась сквозь кусты». Можно сказать опрометчивое слово, а бежать можно только опрометью.

Плохо звучит «обнаженная луна». В другой строчке Вы называете ее «огненным диском», совершенно забыв, что так можно говорить только о солнце.

Под навесом у Вас «разнокалиберный сельхозинвентарь». Это звучит по-канцелярски и неточно.

Как понять фразу: «дед перешел в позу сидящего»?

Как добраться до смысла слов: «но в то же время сознавал унизительность лестного для нее оборота речи по отношению к мере своего достоинства»?

Трудно также раскусить фразу: «солидное брюшко которого украшал пояс венка, по обычаю сплетенного девчатами...» Что это за пояс венка? И что это за обычай у девчат украшать чье-то брюшко поясом или венком?

Непонятна фраза: «ты сейчас... растолстеешь от булочек... как Матренина корова». Разве Матренина (кто эта Матрена?) корова растолстела от булочек?

У Вас герой «мысленно обдумывал юношу». Можно обдумывать вопрос, задачу, положение, ситуацию, действие и т. д., но юношу обдумывать нельзя, это безнадежное дело.

Вы пишете: «посещение работы в пьяном виде». Работу не посещают, на работу обычно являются. <...>.

Можно было бы привести еще десятки словных несуразностей из Вашего рассказа, свидетельствующих о том, что Вы не даете себе отчета о месте и значении того или другого слова или фразы. «В зале порхал ветерок прений». Странный ветер. Вы же заставляете людей «брызгать жгучей иронией», а гуси у Вас «брызгали радужными кругами воды». Очевидно, Вы не представляете, что такое брызги. Брызги — это капли воды или другой какой-либо жидкости, стремительно разлетающиеся от удара, всплеска. («Фонтан брызжет», «Брызжет грязь из-под копыт»). Брызгами также называются мелкие частицы камня или какого-нибудь другого твердого тела, летящие от удара. («Искры брызжут из-под молота».)

Брызгаться иронией, хотя бы и жгучей, а тем более брызгаться кругами совершенно невозможно.

Почему происходят подобные опусы? Причина их в недостаточном освоении языка, в незнании значения отдельных слов и оборотов, в увлечении цветистостью, кудреватостью фраз. Красота слова в его простоте, предельной ясности, четкости, точности. Художественное слово требует еще образности, яркости. Но эта образность и должна сочетаться с простотой, с кристальной чистотой и ясностью слова. Вы же увлека-

етесь внешними красивостями, которые затемняют смысл, отяжеляют фразу, разрушают образ, который Вы намеревались создать. Вот Вы пишете: «... по ночам звучал величественный гимн непревзойденного певца природы...» Пока читатель переварит все эти «красоты», он и забудет о том, о чем Вы, собственно говоря, хотели сказать. Такие фразы не передают картины, которую хотели Вы нарисовать, они не создают у читателя того настроения, о котором Вы думали, но не сумели передать.

Вы спрашиваете, есть ли у Вас литературные способности, стоит ли писать дальше и т. д.

Определенные способности, стремление к живому слову у Вас, конечно, есть. Но этого мало. В первую очередь нужно основательно знать язык, на котором собираетесь писать. Необходимо быть литературно-грамотным человеком. В этом отношении Вам еще многому и многому нужно учиться. А как учиться языку? Учиться у народа, учиться по лучшим произведениям русской литературы. Это может показаться стандартным советом. Но, как Вам известно, готовых рецептов в этом деле не существует. А потому и говорю: учитесь. Учитесь языку, учитесь и писать, писать так, как писали лучшие русские писатели прошлого и настоящего.

Вот все, что я считаю необходимым написать Вам о Вашем рассказе и в ответ на Ваше письмо.

С приветом

Міхась Лынькоў.

17/I 1954 г.

209. П. Н. КАВАЛЁВУ

25 студзеня 1954, Мінск

Уважаемый Павел Никифорович!

Я познакомился с издательским планом. По-моему, он не плох, отражает более или менее теперешнее состояние нашей литературы и потребности в ней.

Единственное смущение вызывает у меня раздел «Произведения современных русских писателей». Замечательные писатели и Шолохов и Шишков. Ниче-

го не скажу и про книгу Федорова — нужная книга. Но в отношении книги С. у меня возникают «маленькие» сомнения. Если это книга, которую я читал в прошлом году, книга совершенно беспомощная в художественном отношении, книга, требующая большой и большой авторской и редакторской работы, тогда мне остается только подумать об отсутствии чувства юмора у братьев издателей.

Если же это новая книга, или в крайнем случае основательно переработанная, тогда я ничего не имею против ее включения в план. Единственное, что не мешало бы: как-нибудь подтянуть — в смысле тиража — писателя Шолохова к писателю С. Думаю, что и издатели согласятся, что Шолохов — стоящий писатель, вполне заслуживающий того, чтобы пользоваться хотя бы таким же вниманием, как и С. <...>

К этому сводятся все мои замечания по плану.

С товарищ[еским] приветом

Міхась Лынькоў.

25/I 1954

210. М. П. РАКУ

21 мая 1954, Мінск

Уважаемый Михаил Петрович!

Прошу извинить за некоторое опоздание с ответом на Ваше милое письмо. Причина запоздания — перегрузка с работой, поездки и пр.

Сердечное спасибо за хороший отзыв о первой книге моего романа «Незабываемые дни». Она, конечно, не заслуживает такого лестного отзыва, как Ваш, но думаю, что она все же полезна для наших читателей. Надо сказать, что я исключительно рад получению каждого читательского письма. Читатель — самый надежный, обстоятельный и беспристрастный критик, стоящий в стороне от всяких групповых соображений и пр.

Теперь о других делах. Искренне приветствую Вас с пятидесятилетием жизни. Я лет на пяток старше Вас. Первую мою семью немцы расстреляли в Минске

в 1942 году (жену и сынишку 9 лет). Теперь обзавелся другой семьей.

Кроме писательской работы занимаюсь и научной, являясь действительным членом Академии наук БССР. Работаю теперь над второй книгой моего романа, думаю закончить ее к концу этого года или к началу следующего.

Посылаю Вам мое фото. Книги, к сожалению, выслать теперь не имею возможности, не имею на руках ни одного экземпляра. В Москве она печатается третьим изданием и должна выйти в июне месяце. Как только выйдет из печати, немедленно Вам пришлю.

С сердечным приветом Вам и Вашей семье

Міхась Лынькоў.

21/V 1954

Гор. Минск, [Ленинский] проспект, д. 12, кв. 43, Лыньков Михаил Тихонович.

211. М. П. РАКУ

1 чэрвеня 1954, Мінск

1/VI 1954 г.

Дорогой Михаил Петрович!

Письмо Ваше и фотоснимок получил, за что и приношу Вам сердечное спасибо. Вы уже, очевидно, завершили юбилейные празднества по воссоединению, в которых и я принимал некоторое, хотя и косвенное участие: делал доклад на торжественной сессии нашей Академии наук, напечатал статью в «Известиях» и статьи в местных газетах. Конечно, празднество воссоединения прошло у нас в более скромных масштабах, чем у Вас в Киеве и в Москве. Наша белорусская делегация, побывавшая в Киеве, отзывается с восторгом о киевских торжествах.

Теперь сообщаю о себе некоторые сведения, интересующие Вас: родился я 18 ноября 1899 года, так что осенью стукнет мне 55 лет. Жену свою я величаю Софьей Захарьевной. На днях я достал экземпляр моих «Незабываемых дней» и на днях вышлю Вам. Заранее приветствую с пятидесятилетием и желаю по-дружески

прожить Вам и другое полстолетие. Захотите больше — не будем против.

С дружеским приветом Вам и Анне Наумовне

Міхась Лынькоў.

212. ЯКУБУ КОЛАСУ

29 чэрвеня 1954, Нарач

Нарач 29/VI 54

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Пасылаем Вам з Зосяй па шчыраму прывітанню, а яшчэ па аднаму сардэчнаму пацалунку. А яшчэ лаем Вас патроху, бо даўно ўжо час, каб Вы з'явіліся на нарачскіх берагах і падыхалі нашым марскім паветрам. Да Вашых паслуг будзе таксама мой карвет з машынай магутнасцю ў $1^1/_4$ конскіх сілы — хуткасць развівае ад 6 да 12 кіламетраў у гадзіну — выдатная пасудзіна. Падрабязна Вам не пішам аб усім, раскажа Пятрусь. Ён, наколькі мне здаецца, застаўся задаволеным нашым акіянам.

Цалуем, абдымаем, чакаем.

Міхась, Зося.

P. S. Пасылаем Вам трошкі нарачскай сялявы на закуску. *М. Л.*

P.S.P.S. У гэтым годзе я не здымаю, так што гэтая апаснасць Вам не пагражае. *М. Л.*

213. П. М. БАРАНАВУ

15 ліпеня 1954, Нарач

15/VII 1954

Дорогой Павел Николаевич!

Получил Ваше письмо от 12/VII, на которое отвечаю и каюсь: я совершенно упустил из виду, что не послал Вам «Незабываемые дни» на русском языке. Теперь эту ошибку свою поправляю и одновременно с этим письмом посылаю Вам заказной бандеролью эк-

земпляр книги. Роман еще в прошлом году вышел в двух изданиях в Москве, в Воениздате. В этом месяце выходит там третье издание. А я, грешным делом, полагал, что выслал Вам книгу еще раньше. Оказывается — это была книга на белорусском языке.

На книгу я получаю массу отзывов от военных читателей со всех концов нашей страны. В большинстве случаев отзывы положительные, хотя читатели и справедливо критикуют и высказывают много различных пожеланий. Теперь я перешагнул в другую половину своей работы над второй книгой. Одновременно вношу некоторые изменения в первую в связи с высказанными читателями пожеланиями.

Рад узнать, что Вы успешно «закончили» курс средней школы. Остается мне пожелать Вам соответствующих успехов в дальнейшей Вашей учебе.

Живу я на озере неплохо. Места красивые, несмотря на обилие воды — сухие. Замечательный лес, обилие рыбы, ягод и т. п. Обзавелся собственной моторкой (обычная рыбачья лодка с прицепным мотором). Сегодня заменил старый мотор (сломался гребной винт) новым, более мощным (старый $1^1/_4$ лошад[иные] силы, новый — 3 силы). Можно успешно заниматься рыбной ловлей, но на это у меня не хватает времени, ограничиваюсь простыми прогулками по озеру. Работается здесь замечательно: нет главного врага писательской жизни — телефона. В довершение ко всем местным красотам тишина, покой, нарушаемые только по выходным дням, когда, несмотря на двести километров, отделяющих нас от Минска, делаются наезды гостей из Минска. Но в выходные дни и бог велел малость побездельничать и отдохнуть.

Жду вторую часть Вашего письма.

Сердечный привет Вам и Вашей коммуне.

Міхась Лынькоў.

214. П. М. БАРАНАВУ

10 верасня 1954, Мінск

Уважаемый Павел Николаевич!

Я не успел ответить на Ваше предыдущее письмо, а сегодня получил Ваше второе письмо, на которое и

спешу ответить как можно скорее, потому что через пару часов должен отправиться на аэродром, чтобы лететь в далекую и долгую командировку (почти до Нового года) за рубежи нашей Родины и за рубежи Европы.

За короткое время, оставшееся до отлета, я не имею возможности оформить как следует Вашу просьбу, чтобы послать ее в соответствующие организации. Кроме того, в этих случаях полагается приложить Ваше официальное заявление, чтобы из него видна была сущность дела, адрес заявителя и подробные данные о нем. Отсюда вывод: или подождите моего возвращения или напишите форменное заявление кому-нибудь из депутатов по месту жительства, желательно депутату Верховного Совета СССР, а не той или иной республики.

За все биографические материалы большое Вам спасибо. Они представляют исключительную ценность как интересные документы из жизни наших современников.

Еду в командировку без особого удовольствия. Она помешала мне закончить роман (думал завершить его к концу года). Эта командировка лишает меня возможности побывать и на съездах писателей: нашем республиканском (начинается 15 сентября) и всесоюзном (в ноябре месяце). Из-за сборов и эту командировку я не сумел побыть и на съезде писателей Литвы (состоялся в первых числах сентября), куда я раньше назначен был представителем от союзного правления. А литовским съездом я предполагал воспользоваться как предлогом для того, чтобы заглянуть к Вам в Каунас. Но все эти мои планы рушились.

На этом заканчиваю мое послание. Шлю Вам и Вашей семье самые сердечные пожелания и дружеский привет.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

10/IX 1954 г.

215. МАКСІМУ ТАНКУ

10 верасня 1954, Мінск

Максиме!

Жаль, что ты задерживаешься в Казахстане и мне не пришлось поговорить с тобой перед моим отбытием в «заокеанье».

Надо форсировать отвод земельных участков — об этом звонил Притыцкий. Он сказал, что дал указание мядельским товарищам, чтобы они отвели нам участки по нашему желанию и пр. Но он предлагал ускорить это дело, потому что количество претендентов увеличивается, находятся все новые и новые охотники.

Я оставляю тебе ответ Гутенковой на Ваше заявление о рыбаке Роличе. Думаю, что от него за версту несет формалистикой. Покажи ты этот ответ Притыцкому, докажи, что это дело имеет особое значение и что нельзя при его решении исходить из формальных соображений. Это дело должно иметь свою специфику, и пенсия, по-моему, должна назначаться как персональная.

Заканчиваю сие послание и отправляюсь в путешествие. Может быть, встретимся с тобой по пути в Москве, ты же, кажется, должен числа двенадцатого, а может быть, и раньше быть там.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

10/IX 54

P. S. Твой объектив у меня. Спроси у Софьи Захаровны.

216. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

12 верасня 1954, Масква

12/IX 1954
Москва

Достопочтенная моя супруга София Захаровна!

Шлю тебе это послание из славного града Москвы, из которого мы завтра, на рассвете, в 7 час[ов] 20 минут улетим в дальние края. Вылетаем с Внуковского

аэродрома, а поэтому снимаемся из гостиницы «Москва» часов в пять утра. Летим на Прагу (Чехословакия), где делаем пересадку на французский самолет и двигаем дальше на Париж. Самолет, как нам сказали, полетит мимо Минска, южнее. Хотя бывают всякие неожиданности, может при случае завернуть и на Минск. Если это случится, мы сможем увидеться с тобой раньше, чем ты прочитаешь это письмо.

В Париже мы предполагаем пробыть суток двое и поедем дальше поездом до Шербурга, где и погрузимся на пароход «Куин Мэри» (Королева Мария). Это такой же большой пароход, как и «Куин Елизабет», чуточку меньше.

Из украинской делегации из старого состава едут мои знакомцы Штокало и Поламарчук.

Вчера мы приехали в Москву в 10 час[ов] 20 минут утра. Весь день до самого позднего времени были заняты оформлением документов. Сегодня утром нам предоставили возможность посетить сель[ско]хоз[яйственную] выставку или Кремль. Мы предпочли Кремль. В течение двух часов осматривали кремлевские достопримечательности: соборы, церкви и Оружейную палату, представляющую богатейший в мире музей.

После обеда думал добыть какие-нибудь тапочки, но в магазинах обычная воскресная толчея, так что никакой охоты не было мозолить ноги по магазинам. Добуду эти принадлежности где-нибудь в другом месте.

О чем тебе еще написать? Не забудь, Софуня, подписаться на Джека Лондона (в магазине подписных изданий или на съезде). Если в книжном мазагине встретится тебе последнее издание «Незабываемых дней», не поленись приобрести какой-нибудь десяток экземпляров. Я еще попробую зайти в Москве в книжные магазины, может быть, найду с пару экземпляров. Еще одно книжное поручение тебе: только что вышел учебник политической экономии <...>, постарайся или через союз или через академический киоск достать эту книгу. В Москве за этой книгой стояли вчера огромнейшие очереди у книжных магазинов, мы не имеем абсолютно ни минуты времени заняться этим делом.

Максим Танк, очевидно, еще в дороге. Я думал случайно встретить его в Москве, но его пока не слышно. Не слышно и других членов делегации. Наверное, еще

гостят у казахов. Ты ему дашь подробнейшие инструкции по поводу нашего «строительства».

Еще тебе одна инструкция: не экономь на таких вещах, как питание. Я должен застать всех вас бодрыми и цветущими, как только что вернувшихся с нашей благословенной Нарочи. Не забудь послать к Октябрьским праздникам деньжат обеим нашим сестрам, моей и твоей.

На этом заканчиваю свое московское послание. Если до вечера будут какие-нибудь новости, напишу дополнительно.

Передай привет Константину Михайловичу и его семье, Марусе и Марусе, Феде, Танкам, Кулешам, Лужаниным и всем нашим добрым знакомым.

Крепко обнимаю и целую тебя. Не скучай, ну и конечно не забывай своего благоверного, почаще его вспоминай — ему легче будет в облаках и над волнами и на чужой земле.

Передай мой сердечный привет и поцелуй Марье Петровне и Юлии Захаровне.

Крепко поцелуй от моего имени Надюшу, пусть хорошо учится, поменьше зубрит, побольше читает хорошей литературы. И еще ей мой приказ: побольше и регулярно есть.

Еще раз целую тебя, моя Пенелопа, и желаю здоровья, бодрости и веселого настроения.

Твой *Міхась.*

217. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

16 верасня 1954, Парыж

Париж 16/IX 1954 г.

Софуня!

Пишу тебе это письмо за час до отправки из Парижа.

Прилетели мы вполне благополучно. Было две остановки, кроме Минской. В Праге пересели на французский самолет, короткую остановку делали в Страсбурге (Саарская область). В Париже жили в гостинице Пале Рояль на улице де Бак, недалеко от нашего посольства.

Погода в Париже малость пасмурная, проходят дожди. Завчера водили белорусов на Эйфелеву башню. Вчера всеми делегациями до обеда экскурсировали по городу, после обеда ездили в Версаль (26 километров от центра города) смотреть дворец и парк.

Сегодня оклеили наши чемоданы, получили билеты на железную дорогу и пароход. Буду ехать вместе с Абушкевичем в каюте А-114.

В дороге малость простудился, очевидно, на самолете. Сегодня ночью принимал все меры, чтобы хорошенько пропотеть, что мне и удалось. Одним словом, самочувствие и состояние здоровья несколько улучшилось.

Таков мой дорожный рапорт. У вас там идет уже второй день съезда, когда наступит третий, я буду уже в океане.

Передашь привет Константину Михайловичу, Лужаниным, Танкам, Кулешам, Феде, Марусям и всем, всем знакомым и друзьям.

Если не поленишься, позвони при случае в больницу (2-я поликлиника) врачу Виторскому (телеф[он] 2-12-22) или Андрею Яковлевичу Прокопчуку (тот же телефон), узнай про здоровье Николая Ивановича Федченко. Прокопчуку привет.

Передай привет бабушке и Юлии Захаровне.

На этом заканчиваю свое послание с самыми наилучшими тебе пожеланиями.

Крепко обнимаю и целую тебя и Надюшку.

Твой *Міхась.*

218. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

25 верасня 1954, Нью-Йорк

Нью-Йорк 25/IX 1954 г.

Софуня!

Посылаю тебе второе письмо (первое послал из Парижа). Добрались мы до Нью-Йорка вполне благополучно, если не считать некоторого опоздания из-за тумана, который стоял над океаном в последние сутки нашего плавания. Из-за тумана пароход шел медленно и вместо того, чтобы прибыть утром 21 сентября в 8 ча-

с[ов] 30 минут, прибыл днем в 1 час 30 минут, и нам пришлось сразу же ехать на Ассамблею.

Разместились мы на житье по-прежнему в Гленкоу в прежних комнатах и даже на прежней кровати. Погода здесь несколько холоднее, чем в прежние годы, когда обычно в это время стояла иногда жара. Ночи исключительно холодные.

Город нисколько не изменился, стоит такой же чужой нам, каким он был и в прежние годы. Дороговизна тут все растет, и это заметно даже по сравнению с прошлым годом. Все наши товарищи перенесли океанское плавание неплохо — говорю о нашей делегации. Никто не хворал, не отлеживался от качки в кровати. И твой старый океанский волк чувствовал себя в океане не хуже, чем на наших нарочанских волнах.

Теперь постепенно втягиваемся в нашу работу, в изучение материалов, в подготовку к выступлениям.

Мы отстали тут дней на десять от наших газет и поэтому не в курсе, что делается теперь в наших краях. Ты напишешь мне, как прошел съезд наших писателей, ездила ли куда-нибудь на экскурсию и пр. Одним словом, жду от тебя подробнейшего рапорта и о съезде и обо всех наших внутренних, семейных делах. Приехала ли Марья Петровна, как ее здоровье? Как дела у Юлии Захаровны, как с переездом Ивана Васильевича? Напишешь и о нашем «строительстве» — ездила ли с Максимом Танком на Нарочь, что слышно с участками и т. д.

Как успехи у Надюши в науке? Ей, очевидно, трудно будет в этом году с математикой, тут надо подумать о каких-нибудь мерах эффективной помощи. Пусть при случае черкнет мне пару слов о своей учебе и успехах.

Пиши мне подробнейше обо всех наших новостях. Не позабудь за это время хорошенько подлечиться в нашей лечебнице, чтобы застал я тебя и всех домашних в полном здравии и благополучии.

Передай мой сердечный привет Константину Михайловичу, Танкам, Лужаниным, Кулешовым, Крапиве и всем нашим друзьям и знакомым.

Привет Марусям, Феде и всем нашим домашним.

Крепко обнимаю и целую тебя.

Твой благовернейший *Михась*.

P. S. Поцелуй от меня Надюшу.

219. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

4 лістапада 1954, Нью-Йорк

Нью-Йорк 4/XI 1954 г.

Софуня!

Посылаю тебе третье письмо из дальних мест моих странствий. От тебя не получал еще ни единой весточки, не знаю, как вы там живете-можете.

Новостей у нас особенных нет. Самым важным для нас явилось выступление тов[арища] Вышинского, речь его ты прочитала в наших газетах. Мы здесь отстаем на несколько дней от наших советских газет. По крайней мере последний номер нашей газеты, который я читал,— это «Правда» от 23 сентября. А сегодня уже четвертое ноября.

Погода у нас несколько изменилась к худшему: жарко и высокая влажность, так что даже дышать трудновато. Со здоровьем у меня неплохо, ни на что не жалуюсь, одним словом, в этом отношении все обстоит благополучно.

Хотелось бы знать, как поживает вся моя коммуна, как твое здоровье, как ведет себя и как учится Надюша, как со здоровьем у Марьи Петровны.

Что нового слышно в Союзе писателей, у всех наших друзей и знакомых? Что поделывает Константин Михайлович, дома ли он или в Королищевичах?

Одним словом, пиши подробнейше обо всем, так как каждая весточка из дома является для нас, странствующих и путешествующих, большим событием.

О чем тебе еще написать? Я уже сообщал, что живем на прежнем месте, в комнате, в которой жил и прошлый год. Живем вчетвером: я, Астапенко, Абушкевич и Чернущенко. Все они посылают тебе приветы.

На этом заканчиваю свой очередной рапорт-отчет о моей жизни и самочувствии. Хотя до отъезда еще далеко, но порядочно мы тоскуем по нашим родимым местам и по нашим людям. А если говорить обо мне, то хочется мне поскорее увидеть свою благоверную Пенелопу и засвидетельствовать ей свое непременное почтение, любовь и пр. и пр.

Крепко обнимаю и целую тебя. Поцелуй от меня Надюшу и мамашу. Привет всем близким и знакомым.

Твой тоскующий на чужбине *Міхась.*

220. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

16 лістапада 1954, Нью-Йорк

Нью-Йорк 16/XI 1954 г.

Софуня!

Сегодня отправляется наша очередная почта, а по сему случаю и спешу сочинить рапорт моей благоверной. Что нового у нас, как проходит наша жизнь, чем занимаемся мы? Никаких особенных новостей нет, ежедневно потеем на двух заседаниях, так что за этими заседаниями и жизни не видим.

Я жив и здоров, ни разу не болел. Правда, устал до чертиков, и самая большая мечта моя теперь — поскорее очутиться на пароходе и взять курс на родные палестины, чтобы поскорее очутиться среди своих родных и близких и предстать пред ясные очи моей Пенелопы. До 5 ноября я сильно грустил, не получая ни единой весточки от тебя. С получением твоей телеграммы от 5 ноября настроение мое пошло быстро в гору и достигло своего апогея 6 ноября, когда меня с постели поднял твой звонок (правда, у тебя в это время пахло уже вечером). Одним словом, шестого ноября я почувствовал себя кумом королю и сватом солнцу. День 5 ноября был у меня исключительно напряженным: два труднейших заседания комитета, а вечером торжественное собрание сотрудников нашего представительства, членов трех делегаций и всей нашей нью-йоркской советской колонии, посвященное Октябрьской годовщине. Трудности мои усугублялись тем, что докладчиком на этом высоком собрании был не кто иной, как твой благовернейший Михась, который, надо отдать ему полную справедливость, оказался на высоте своих задач и справился с ними более чем хорошо. Можешь себе поэтому представить, что твой звонок из Минска был завершением всех моих удач в те дни, и я чувствовал себя не более и не менее как на седьмом небе. А что человеку иногда нужно для счастья? Самое обыкновенное письмо, небольшая телеграмма или такой же небольшой разговор по телефону.

И уже совсем я повеселел, когда 12 ноября получил сразу целых три письма от моей благовернейшей

Софии. А признаться, до получения телеграммы от тебя я уже собирался налаживать официальные запросы о благополучии моей семьи. Все получали письма, и только мы с Абушкевичем отходили от нашей почты не солоно хлебавши. Правда, мы рассудили все же, что наши домашние, очевидно, не виноваты в этом, а виною тут нерасторопность некоторых работников.

О чем тебе еще написать? Тут уже холодновато, хотя снегу еще не было. Днем обычно солнце светит еще жарко, но в тени уже холодно. Пережили один ураган, о котором, возможно, ты читала в газетах. Настроения у нас уже несколько чемоданные, так как думаем во всяком разе выбраться отсюда в первых числах декабря или, по крайней мере, числа 10 или 15 декабря, если все будет обстоять благополучно. О дне отплытия дам телеграмму. Никакими покупками еще не занимался, не было времени. Улажу эти дела за текущие две недели.

Ты, очевидно, основательно умаялась с дачными делами, так что я полностью сочувствую тебе в этом деле. Но ничего не попишешь — назвался груздем, полезай в кузов. Плохо, что тебе одной приходится отдуваться за все наше строительство. Постараемся, чтобы в дальнейшем облегчить твои «прорабские» обязанности.

Нам тут все осточертело, хочется поскорее домой, на родную землю, к родным людям. И вообще трудновато нести довольно продолжительное время солидную нагрузку. Жаль, что не довелось мне побыть на нашем писательском съезде. Читал о нем в «Литературке» и в нашей «Советской Белоруссии». Газеты мы читаем обычно с опозданием на две недели. Не придется, наверное, попасть и на Всесоюзный съезд писателей — мы будем или в дороге, или только-только собираться в дорогу. Во всяком случае, ты должна съездить в Москву. Об этом ты скажи и Якубу Коласу, да и я черкну ему пару слов, чтобы не забыл моей благоверной. Тебе нужно малость встряхнуться, скинуть на время все твои строительные заботы и треволнения и чуток отдохнуть, отдавшись на время другим впечатлениям и настроениям. Думаю, веселей тебе будет, если вас организуется несколько женщин. Что касается декады, то возможно, что я и поспею как-нибудь на нее. Тогда, разумеется, побудем вместе с тобой в Москве. Правда,

я сроков не знаю, может быть, и декада будет раньше моего возможного приезда.

Теперь обо всех наших домашних. Обними и поцелуй от меня Марью Петровну. Надюшу благодарю за ее письмецо, расцелуй ее крепко, крепко. Привет Зосе. Сердечные приветы обоим Марусям, Феде, Танкам, Кулешам, Крапивам, Лужаниным и всем знакомым.

Привет тебе от Кузьмы Венедиктовича, Астапенко и всех наших делегатов.

В Октябрьские дни получил я телеграмму от Николая из Ленинграда, но не сумел ответить, так как не было под рукой адреса, а припомнить номер дома я не мог.

Из последнего твоего письма узнал о твоих виленских путешествиях. Что же, и сие одобряю: хоть небольшое, но все же путешествие.

На этом заканчиваю свое отчетное послание. После 25—30 ноября писем мне, пожалуй, слать больше не нужно, так как мы, по всей вероятности, можем с ними разъехаться. Шлю всей моей коммуне самые наилучшие свои пожелания, обнимаю всех и целую. Самые, конечно, мощные объятия и такие же крепкие поцелуи предназначаются для моей верной Пенелопы. Правда, они все же остаются бумажными. Будем надеяться, что недалёк уже час, когда заменим их на самые настоящие, всамделишние...

Обнимаю, целую и проч. и проч.

Твой *Міхась.*

221. ЯКУБУ КОЛАСУ

16 лістапада 1954, Нью-Йорк

Нью-Йорк 16/XI 1954 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Сердечный привет Вам из-за далекого океана. Узнал я от моей Софьи Захаровны, что Вы надумались заболеть и находитесь в стационаре. Сие, конечно, не заслуживает ни малейшего моего одобрения. Правда, Софья писала мне об этом еще в письме от 26 октября (а письма ползут к нам медленно, медленно), так что

надеюсь я, что мое письмо застанет Вас в полном здравии и благополучии.

Живем мы тут на горькой чужбине и чувствуем себя, конечно, значительно хуже, чем у тещи на блинах. Короче говоря, живем мечтой — поскорее забраться на пароход, поднять все паруса и мчать, не оглядываясь, до родимой хаты. Надоело, осточертело и т. д. и т. п.

Я уже совсем оторвался от литературной жизни, а что всего хуже — от своей литературной работы, по которой скучаю и днем и ночью. Наверное, не придется побывать и на Всесоюзном съезде — будем в это время болтаться где-нибудь в океане, а возможно, в это время только-только начнутся наши приготовления в путь-дорогу. Хочется поскорее вернуться к родным пенатам, а еще больше — к своим людям.

Работы у нас очень много, свободных минут почти не бывает. Правда, это помогает гнать время. Не успели и оглянуться, как прошли сентябрь, октябрь месяцы, а сегодня уже 16 ноября. Недалеко и первое декабря, а там недалеко будет и до отъезда. А там дней восемь-десять дороги — и очутишься в нашем родном и любимом Минске. А там, смотришь, можно будет со своими друзьями и близкими,— и в первую очередь с Вами, Константин Михайлович,— поднять добрую чару за встречу. Поверьте, Константин Михайлович, живем мы тут настоящими анахоретами. Только в Октябрьскую годовщину подняли и мы скромные чары (но какие они были торжественные, эти чары!) «за тех, кто за океаном», за всех вас, родных наших и близких.

Заканчиваю свое небольшое послание пожеланием Вам всех наилучших благ, мыслимых на нашей земле, и в первую очередь здоровья, доброго духа. А прочее все приложится!

Привет всей Вашей семейной коммуне, всем чадам и домочадцам. Привет Бровке, Глебке и всей остальной честной братии. Поднимите при случае чару за плавающих и путешествующих. А на этом ставлю точку и крепко, крепко целую моего славного Якуба, сиречь Вас, Константин Михайлович.

Пребывающий в надежде скорой встречи Ваш

Михась.

P. S. Привет Максиму со супружницей Евгенией.

P. S. P. S. В случае, если поедут на съезд и некоторые супружницы наших друзей-приятелей, благосло-

вите на такую поездку и мою верную Пенелопу — пусть побудет в Москве, посмотрит на добрых людей.

М. Л.

222. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

26 лістапада 1954, Нью-Йорк

Нью-Йорк 26/XI 1954

Софуня!

Пользуюсь случаем — завтра утром уезжают наши два товарища из делегации — Шельдов и Бронников — и я посылаю с ними это письмо, чтобы они бросили его в Минске в почтовый ящик. Возможно, они бросят письмо в Москве, так как задержатся там на несколько дней.

Сегодня был у меня замечательный день: утром позвонила ты, и, как всегда бывает в таких случаях, этот звонок был и праздником для всей нашей делегации, истосковавшейся по родимых местах. Как обычно, сегодня у меня было два заседания комитета и на послеобеденном заседании я держал большую речу о всяких колониальных делах во всех уголках мира. Речой остался доволен, а это тоже повышает иногда настроение.

Новости наши ты, конечно, знаешь по газетам, которые мы прочтем недели через две. Смерть Андрея Януарьевича была для всех большим ударом и доставила нам много и много тяжелых переживаний. Но ничего не поделаешь, каждому человеку ограничен его жизненный срок — одному больше, другому меньше.

Жизнь наша проходит пока в напряженных заседаниях, прениях и пр. Надоели они нам до бесконечности. И единственное, чем дышим мы,— это надежда на то, что все это скоро кончится. Числа четвертого, пятого декабря едет вторая наша группа и с ней наш Абушкевич. С третьей или с четвертой группой выеду я. Возможно, что это будет только третья по счету группа. Ориентируемся мы на сроки между 10 и 18 декабря. Точная дата зависит от расписания пароходов, притом больших пароходов, так как на небольших мы не

рискнем отправиться в дальнее плавание. Во всяком случае, о дне нашего выезда я пришлю телеграмму. Жаль, конечно, что я не успею побыть на съезде. Но, признаться тебе, даже если бы я и успел добраться до начала съезда, то мне трудновато было бы отсидеть дни съезда, да к тому же и принимать в нем активное участие, так как чувствую себя порядком-таки утомленным. Ты представь себе дни за днями напряженнейших заседаний — они основательно выматывают. Теперь мне несколько легче — сегодняшнее мое выступление было последним моим большим выступлением. Остаются уже только мелочи. Этими днями займусь основательно подготовкой к отъезду, это значит и всякими хозяйственными делами, которыми до сего дня было невозможно заняться из-за нехватки времени.

Рад был услышать сегодня, что все вы живы и здоровы. Рад был услышать твой голос. Передай сердечный привет Константину Михайловичу, Танкам, Кулешам, Крапивам, Лужаниным, Марусям, Феде и всем друзьям и знакомым.

По горячему поцелую Марье Петровне и Надюше. Привет Зосе.

Крепко обнимаю и целую тебя. До близкой встречи!

Твой *Міхась.*

P. S. Из «Литер[атурной] газ[е]ты» недавно узнал о Климковиче. Жаль человека. При случае передай жене его мое искреннее соболезнование.

P. S. P. S. Еще и еще раз крепко обнимаю и целую тебя и всех моих домочадцев.

М. Л.

223. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

31 снежня 1954, Мінск

Дорогой Николай!

Я только, только завершил почти двухнедельную — и на этот раз очень тяжелую — дорогу из-за океана на Родину. Спешу написать тебе это короткое письмо, так как думаю, что ты, возможно, обиделся, что я не ответил на две твои телеграммы. Я их получил своевремен-

но, и за них самым сердечнейшим образом благодарю. Но ответить на них не мог по самой простой причине: адреса мы с собой не берем (сие не положено), а из памяти выпал номер дома, а с ним и номер квартиры. Номер квартиры еще не так важен, а номер дома обязателен. Помнил Красноармейскую, помнил число тринадцать, а к чему оно относится, к улице, или к дому — никак не мог припомнить. Если бы послал телеграммы только с этими двумя координатами, то блуждали бы мои телеграммы по всей улице до сего дня, а возможно, и дольше.

Что о себе написать? Вернулся жив, здоров, хотя устал от дороги до чертиков. Еще стоит в ушах шум океана и грохот поездов и самолетов. Отсыпаюсь теперь за всю дорогу и за все месяцы большой, напряженной работы. Работа же наша, и условия ее, и страна, где мы были, таковы, что рассказывать о них много не приходится: были, как говорится, не у тещи на блинах.

Заканчиваю сие короткое послание новогодними поздравлениями тебя, Ольги Ивановны, детишек и пожеланиями здоровья, радости и счастья.

Привет от Софьи Захаровны.

Братски пожимаю всем руки.

Твой *Міхась.*

31/XII 1954 г.

1955

224. С. І. ВАСІЛЁНКУ

20 студзеня 1955, Мінск

Уважаемый Сергей Иванович!

Прошу великодушно извинить меня, что я с большим опозданием благодарю Вас за посланную мне книгу «Устное поэтическое творчество русского народа». Получена она была еще в конце сентября прошлого года, а письмо Вам посылаю 20 января. Но были у меня и смягчающие мою вину обстоятельства. С 10 сентября прошлого года был я в далекой и продолжи-

тельной командировке. Вернулся домой после заокеанских странствий только накануне Нового года. А тут ухитрился еще простудиться и проболел дней десять. Потом искал еще Ваш домашний адрес, спрашивал о нем у Борисенко,— но адреса так и не нашел. Вот причины, несколько оправдывающие мое запоздалое письмо. Но поблагодарить никогда не поздно — и за книгу и за теплые слова, что я и делаю этим письмом.

Еще раз благодарю за книгу, за внимание.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

20/I 1955 г.

225. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

2 лютага 1955, Мінск

2/II 1955

Дорогой Евгений Семенович!

Давненько получил твое письмо, а с ответом, как видишь, запоздал. А запоздал из-за массы разных дел, навалившихся на меня после четырехмесячных моих странствий. Дней десять понадобилось, чтобы перечитать накопившиеся за время моего отсутствия газеты и журналы. Да дней десять проболел — сказались и дорога и перемена климата и все такое прочее. Накопилось и работы в академии. А тут подготовка к декаде, да выборная кампания. Завтра лечу в свои пинские болота, оттуда надо будет спешить, чтобы попасть своевременно к отправке на декаду в Москву. Одним словом, февраль месяц для меня будет перегружен как никогда. Единственная надежда на дальнейшее — с марта месяца будет свободнее, можно будет заняться и творческой работой, о которой, можно сказать, просто истосковался.

Теперь пару слов о небольшом деле, к которому ты имеешь непосредственное отношение. Наши ребята сказали мне, что в Москве готовится или подготовлен сборник «Белорусские рассказы» и что включен в этот сборник рассказ «Огни Танганьики». Как помнишь, в прошлом году в «Литер[атурной] газете» (№ 43 от 10

апреля) мне брошен упрек, что в рассказе я поселил сначала племя вамеру на склоны горы Меру, а потом механически перебросил его на сотни километров дальше, на берега озера Танганьика. Очевидно, повод к этому упреку дала фраза из рассказа: «Было некалькі землякоў з берагоў возера Танганьікі» («Полымя», № 5, 1953 г.). Очевидно, автор заметки понимает слово «земляк» в слишком узком смысле — земляк как человек из родного селения. Я же понимаю слово земляк в более расширенном смысле: земляк — человек из одной и той же страны, скажем: «Я встретил земляка из Белоруссии». Поэтому если герой рассказа встретил земляков с берегов озера Танганьики, это значит, что он встретил земляков из своей страны (пограничная линия между Танганьикой и Бельгийским Конго проходит посередине озера Танганьика). Таким образом, этот упрек я считаю совершенно необоснованным.

Прав автор заметки относительно Килиманджаро. Тут меня попутали некоторые справочники, в которых Килиманджаро относится к вулканам, без указания на то, что это уже потухший вулкан. Действующим вулканом как раз и является гора Меру, на склонах которой, у подножья, и жило племя вамеру.

А посему и необходимо внести некоторые поправки в текст рассказа на русском языке (между прочим, я этого текста не видел).

Отсюда просьба: если ты за сохранение своих авторских прав переводчика и за выставление своей фамилии переводчика под рассказом (тут, конечно, ты вправе поступать, как тебе заблагорассудится), то не мешает тебе сделать следующие малюсенькие поправки, чтобы примирить «историю с географией». Поправки следующие:

1. Фразу «Акіян нібы налíўся крывёй...» пополни несколькими словами «Акіян на якую хвіліну нібы налíўся крывёй...» («Полымя», № 5, 1953, с. 19).

2. Фразу «То дыхае стары Кіліманджара...» смени на фразу «То дыхае старая Меру...» (с. 20).

3. Начало следующего абзаца сделай таким: «Ціха напяваючы знаёмую песню аб радзімых гарах Кіліманджара і Меру, чалавек пайшоў у цемру ночы».

Вот и все поправки. К слову сказать, Килиманджаро и Меру стоят в непосредственном соседстве, расстояние от вершины до вершины — километров 75, а от их

подножий значительно меньше. Об этих двух близких горах существует много общих легенд у негров, но я не хочу утяжелять рассказ этими легендами.

Думаю, что ты не поленишься внести эти поправки в рассказ, если он действительно включен в сборник <...>.

На этом и заканчиваю свое послание. Привет Калерии Ивановне и всем домочадцам от меня и Софии Захаровны.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

226. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

2 лютага 1955, Мінск

2/II 1955 г.

Дорогой Николай!

Давненько собирался ответить на твое письмо, да за текущими делами так и не успел своевременно написать ответ. А дел у нас теперь куча: подготовка к декаде белорусского искусства и литературы в Москве — начнется 11 февраля. <...>. Придется потратить недели две на эту поездку, да и теперь эта декада отнимает много времени: статьи, выступления и пр.

Подготовку к декаде приходится сочетать с выборной кампанией. Завтра вылетаю в свои пинские края на встречу с избирателями, не потерявшими еще доверия к своему депутату, которого они постоянно избирают с 1940 года.

Начало января я проболел, схватил грипп. Сказалась перемена климата. В Нормандии в садах убирали яблоки (это во Франции), а в Белоруссии попал в настоящую зиму с морозами, с большими сугробами снега. Теперь, правда, у нас оттепель. Дня три стояли туманы, так что не летали самолеты. Вот и завтра думаю лететь, а самолета может и не оказаться, тогда придется двигать на машине через Брест, а это около полтысячи километров.

На этом заканчиваю свое послание. Привет от ме-

ня, Соф[ьи] Захар[овны], Мар[ии] Петр[овны] и Надюши тебе, Ольге Ивановне, Елене и Николаю.

Твой *Міхась.*

227. М. П. РАКУ

2 лютага 1955, Мінск

2/II 1955 г.

Уважаемый Михаил Петрович!

Запоздал с ответом на Ваше последнее письмо — работы накопилось за время моего отсутствия порядочно, а тут еще подготовка к декаде белорусского искусства и литературы, которая начнется в Москве одиннадцатого февраля. Кроме того, значительное время отнимает и очередная выборная кампания. Завтра лечу в пинские края на встречу с моими избирателями, выдвинувшими мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета республики. По прибытии оттуда поеду в Москву на декаду, где пробуду, вероятно, до 23 февраля.

А после — о чем мечтаю уже несколько месяцев — засяду вплотную за работу по завершению второй книги «Незабываемых дней». Вот всем этим и живу в последнее время.

Шлю Вам и Анне Наумовне пожелание всяческих успехов, а Анне Наумовне хотя запоздалое, но сердечное приветствие с исполнившимся 48-летием.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

228. К. П. КОРСАКАСУ

4 лютага 1955, Мінск

Дорогой Костас Пранович!

Сердечно признателен тебе за твое дружеское послание — поздравление с правительственной наградой.

Привет тебе, твоей семье от меня и моей жены Софьи Захаровны.

Крепко пожимаю руку.

Твой *Міхась Лынькоў.*

4/II 1955
г. Минск

229. ВУЧНЯМ МАЛЬКОВІЦКАЙ ШКОЛЫ

21 сакавіка 1955, Мінск

21/III 1955 г.

Дарагія дзеці!

Вы захацелі пазнаёміцца са мной. Я не супраць такога знаёмства і вельмі рад яму. Што ж, давайце знаёміцца!

Я з цікавасцю прачытаў ваша пісьмо, даведаўся, як вы вучыцеся, якія ў вас поспехі, чым займаецеся ў дзіцячым доме. Як відаць, займаецеся вы добрай і карыснай справай.

Прыемна мне, што вам падабаліся некаторыя мае творы, якія вы чыталі альбо вывучалі.

Прыемна мне было даведацца, што сярод вас нямала добрых вучняў, як Галоўчык С., Яско Л., Часнакоў Н., Залько І., Макарэвіч М. і іншыя. Па сакрэту кажучы вам, я спадзяюся, што і вучні Бас С., Клішэўскі С., Шапялевіч Н. У., Чэшка Я., Канцавы ў хуткім часе таксама стануць добрымі вучнямі. Іначай жа і не можа быць, бо кожны з нас, савецкіх людзей, заўсёды стараецца працаваць як мага найлепей, каб яго праца давала сапраўдную карысць нашай дзяржаве, нашаму народу.

Вы пытаецеся ў мяне, якія апавяданні напішу я для школьнікаў. Мне цяжка адказаць пакуль што на ваша пытанне, бо ўвесь гэты год буду працаваць над завяршэннем другой кнігі рамана «Векапомныя дні». Вось калі закончу працу над гэтым творам, тады вазьмуся і за апавяданні ці якія іншыя творы для дзяцей.

Жадаю вам самых лепшых поспехаў у вашым жыцці і вучобе. Прывітанне вашаму настаўніку Івану Малахавічу Савіцкаму.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

230. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

7 красавіка 1955, Мінск

Дорогой Николай!

Получил твое очередное послание, за которое и благодарствую. Рад успехам племянников и желаю им умножать эти успехи в будущем.

Мы живем по-старому. Работы у меня как всегда по горло — и служебной, и общественной, и творческой,— успевай только поворачиваться.

Главная моя забота — во что бы то ни стало закончить в этом году вторую книгу романа. Тогда бы как гора с плеч свалилась бы и смог бы в конце концов хоть год отдохнуть по-человечески. Таковы мои дела.

На этом и заканчиваю свое короткое послание. Привет от всей моей семьи тебе, Ольге Ивановне, Коле и Лене.

Крепко жму твою руку.

Міхась.

7/IV 1955 г.

231. Н. Г. КОНЮХАВУ

7 красавіка 1955, Мінск

Уважаемый товарищ Конюхов!

Прошу, во-первых, извинить, что обращаюсь в письме не по имени и отчеству, а только по фамилии. Как ни вспоминал Ваше отчество, вспомнить все же не мог, подводит память, а Вы сами не догадались проставить в письме, в адресе необходимые подробности.

Во-вторых, прошу извинения и за некоторое опоздание с ответом на Ваше письмо. Дело в том что в письме Вы упомянули Бровку, а он в то время был в командировке в Венгрии. Я ждал его возвращения, чтоб познакомить его с письмом. Недавно он приехал и просил передать Вам привет.

Должен сказать, что Ваше письмо я прочел с радостью за Вас, что Вы остались тем же, чем были и

Свята вуліцы М. Лынькова

Помнік на магіле М. Лынькова

раньше по своей человеческой сути, по своему моральному облику, а именно советским человеком, большевиком. Это говорю я не в порядке какого-то утешения: любое утешение ничто в сравнении с тем, что человек пережил за эти долгие годы. Зная Вас раньше, я, понятно, никогда не мог представить Вас в роли человека, враждебного советскому народу, враждебного нашей Родине и государству. И я всегда был убежден, что Вы являетесь жертвой какой-то ошибки или злой воли недобросовестных людей. И мне хочется верить, что правда действительно восторжествует, что все невинно пострадавшие люди будут полностью реабилитированы.

Вы пишете о Белоруссии, восторгаетесь ее успехами. Вы правы, когда говорите, что самая пылкая фантазия не может помочь представить себе все те огромные изменения, которые произошли за эти годы. Достаточно сказать о Минске, чтобы судить о масштабах нашего роста. Человек, который не был после войны в Минске, сейчас не узнает его. Гитлеровцы буквально разрушили его, превратили город в груду развалин. За короткие годы народ сумел построить почти заново огромный, красивый и по современному благоустроенный город с прекрасными улицами, площадями, новыми парками. А главное — этот город имеет сейчас массу новых предприятий и таких заводов-гигантов, как тракторный, автомобильный, велосипедно-мотоциклетный заводы, камвольный комбинат и множество других предприятий, о которых до войны мы и не мечтали. И город все строится, и это строительство проводится исключительными темпами, и такое строительство идет во всех городах, во всей стране. Я бывал в эти годы в странах Запада. Там еще до сего времени не ликвидированы последствия войны, до сего времени стоят руины в западных городах Франции, в Англии.

Многое сделано за это время и в строительстве культуры в стране. Расширен университет, политехнический институт вырос в целый городок, много новых учебных заведений.

Такова жизнь нашей страны.

Несколько слов и о своей личной жизни. В войну я потерял брата, погиб без вести. Его семью и мою семью (жену и сынишку девяти лет) гитлеровцы рас-

стреляли. Теперь у меня новая семья. Детей нет, воспитываем приемную дочку.

Что касается творческой работы, то пишу теперь вторую книгу моего романа «Незабываемые дни», думаю в этом году закончить ее.

На этом и заканчиваю свое письмо. Желаю Вам и всей семье счастья и благополучия, а главное — осуществления своих заветных желаний.

С приветом Вам и Слонимской

Міхась Лынькоў.

7/IV 1955

232. ЯКУБУ КОЛАСУ

12 чэрвеня 1955, Мінск

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Пасылаю Вам наша сардэчнае прывітанне і «з любоўю нізкі паклон» ад мяне і маёй шаноўнай палавіны, а таксама ад усіх нашых хлопцаў і ад слаўнага нашага града Мінска.

Як Вы там пачуваецеся і што робіце і як ідзе лячэнне ўсіх «немощей и недугов»? Мы ўжо тут не раз узносілі да ўсявышняга малітвы нашы «о восстании от одра болящего и скорбящего раба Константина и ниспослании духа веселяща на главу его и всякия тверди в нóзе его и все иные вуды его».

Мы тут жывём па-старому, без асаблівых прыгод. Чакаем усё добрага лета, не пабачыўшы як след вясны. А лета пачынаецца нешта не па-людску. З другога чэрвеня пастаяла некалькі добрых дзён, а потым хлябі нябесныя разверзліся ізноў і дождж лупіць каторы ўжо дзень бесперастанку. І гэта ў той час, калі дачная храміна мая яшчэ не складзена і дахам не накрыта, а мой прараб (Соф'я Захараўна) купіў ужо і патрэбную мэблю (адзін ложак нават спецыяльна прызначаны для Вашай персоны) і заваліў усю кватэру ў Мінску. Дом Максіма Танка таксама яшчэ не накрыты, без печы, без падлогі, без вокан. Будаўнікі нашы абяцаюць, аднак, што да першага ліпеня ўсё будзе гатова да нашага пераезду на нарачскія воды. Наша азёрнае племя ў гэтым годзе значна павялічваецца. На возера пры-

язджаюць таксама Янка Брыль, Краўчанка, Зарыцкі і, відаць, яшчэ сёй-той з хлопцаў.

Я, грэшным дзелам, чакаю не дачакаюся, калі ўрэшце выеду з Мінска на возера, дзе ляжыць недзе пад паветкай мой славу́ты фрэгат, якому пара ўжо станавіцца на якар. Націскаю на другую кніжку рамана, які цяжкай гарой наваліўся на мае плечы і я пачынаю пабойвацца, што гэтая гара зусім прыцісне мяне, бо не маю ні дня, ні ночы, каб пажыць і адпачыць па-людску. Я ўжо даўно забыўся на ўсякія курорты і за апошнія гады не меў ніводнага месяца сапраўднага адпачынку.

Такія мае асабістыя справы.

Навін асаблівых не чуваць. Слаўны наш Нонік недзе боўтаецца сягоння на сярэдзіне акіяна, паехаў з Кісялёвым К. В. на юбілейную сесію ААН у Сан-Франціска. Прызнацца, я паспрыяў гэтай паездцы і думаю, што хлопец застанецца задаволеным, пабачыць свету. Другі наш Пятрусь рыхтуецца да пяцідзесяцігоддзя, якое адбудзецца ў канцы месяца. Вось і ўсе нашы навіны.

Моцна цалуем Вас, абнімаем і жадаем усяго добрага.

Заўсёды Вашы *Міхась Лынькоў, Зося.*

12/VI 1955

233. ЯКУБУ КОЛАСУ

16 чэрвеня 1955, Мінск

Вітанне шаноўнаму схімніку і страстацерпцу!

Рыданіем возрыдах і скорбію воскорбех, прачытаўшы Ваша пасланіе ад 8 чэрвеня, якое лайдакі з Дому пісьменніка прынеслі мне толькі ўчора. А перад тым я паслаў Вам пісьмо, якое Вы, напэўна, даўно прачыталі, калі толькі яно дапяла да Вас.

Калектыўна перажываем усе Вашы пакуты і перажыванні, асабліва тыя, што звязаны з некаторымі непаразуменнямі з вядомай «маркай». Да нізрыне алах гнеў свой на главы несумленных рабоў сваіх, оныя не можахv ўразумець святыя ісціны, што ні адзіным ба-

рыем жыў чалавек і не ў рэнтгене суць веселіе душы чалавечаскай і што немашчэн чалавек стварыць цуды і прэтварыць ваду ў піціе добрай маркі, як некалі рабіў Ісус у Кане Галілейсцей. Да ніспадзе хула на іх, неразумных.

Што новага ў нас? Сяды-тады перападаюць добрыя дні, ясныя, цёплыя. А наогул, неба ўсё хмурыцца, не ды не і павее халодным ветрам, і не ведаеш, ці гэта лета, ці гэта восеньскі дажджлівы дзень, ці самы пачатак вясны. А сёння як-ніяк ужо 16 чэрвеня. У мінулым годзе ў гэтыя дні я ўжо сядзеў на сваім Нарачы, і лагодныя хвалі ціха пагойдвалі маю брыганціну. А цяпер сяджу вось у хаце, сумна пазіраю на двор ды псую паперу.

Дачабудаўніцтва маё крыху затрымалася было, здарылася няшчасце з прарабам: ехаў на матацыкле і разбіўся насмерць. Сёння пазванілі мне з Вілейкі, што брыгада рабочых зноў выехала на Нарач, будуць насцілаць падлогу, класці столь, ставіць вокны і дзверы. Спадзяемся ўсе ж, што ў першых чыслах ліпеня будзем спраўляць наваселле. У Максіма Танка ўжо накрылі дах. Ён крые так званай фінскай стружкай (шчепа), у мяне дах будзе шыферны. Дамы яшчэ не гатовыя, а трэба ўжо ставіць громаадводы. Адным словам, клапот не абярыся. Усю гэтую будаўнічую турбацыю вядзе мая паважаная Зося Захараўна, з якой і ўзнікаюць у нас частыя дыскусіі, якія часам прыводзяць да спынення дыпламатычных адносін на які дзень-другі. Дакладна вывучаючы ўсякія асаблівасці маланак, вычытаў нават у Ламаносава: «... Стрелы на местах, от обращения человеческого по мере удаленных, ставить за небесполезное дело почитаю, дабы ударяющая молния больше на них, нежели на головах человеческих и на храминах силы свои изнуряла».

Увогуле кажучы, азёрная храміна наша парадкам «изнурила» нашы сілы. Спадзяемся ўсё ж, што ў самым недалёкім часе справім мы наваселле, у якім [удзел] прымеце і Вы, наш шаноўны барвіхаўскі нявольнік.

У саюзе ніякіх асаблівых навін. У акадэміі адзначаем сягоння шасцідзесяцігоддзе майго аднакашніка па бурсе Паўла Пракопавіча Рагавога.

На гэтым і заканчваю сваё пасланіе з надзеяй на хуткую сустрэчу.

Цалую, абнімаю і моцна цісну руку.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

Р. S. Прывітанне ад Зосі і ўсіх нашых знаёмых.

М. Л.

16/VI 1955
Мінск

234. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

12 верасня 1955, Масква

Достопочтенная моя Софья Захаровна!

Пишу тебе письмо после телефонного разговора с тобой. В 5 ч[асов] 40 минут утра уезжаем в аэропорт (Внуковский). Оттуда вылет ш 7-30. 12 сентября к вечеру будем в Париже. Самолет наш, по всей вероятности, полетит через Вильнюс. Через океан будем двигать тремя группами: часть на пароходе «Куин Мери» (в том числе я и Абушкевич), часть на пароходе «Либерти» (Ус и известный тебе Иосиф Захарович Штокало — оба боятся качки и как на грех попали на небольшой пароход, подвергающийся качке в большей степени, чем наш). Третья группа летит через океан самолетом (в этой группе Киселев и некоторые другие работники нашего министерства).

В Нью-Йорк мы прибудем — если погода будет нормальная — 20 сентября. И прямо, как говорится, с корабля на бал — с парохода на сессию.

Посылаю тебе вырезку из «Сов[етской] Белоруссии» — фельетон Макаёнка и Чаусского (из газет, которые я не успел прочитать в Минске и взял с собой). <...>.

Напиши племянницам Ганкевичам, что я пробовал безуспешно связаться с ними по телефону. «Московск[ие] гор[одские] справки» дали номер телефона их общежития, но этот телефон не пожелал вступать со мной в разговоры («по служебн[ому] телефону студенток не вызываем...»). «Мосгорсправка» говорила, что есть и другое общежитие, но без телефона.

Борисенко скажи, что пробовал связаться с ним по телефону (он говорил, что остановится в общежитии постпредства), но телефон также мне ответил, что такой персоны у них не значится.

Были с Абушкевичем на Чехосл[овацкой] выставке, еле не очумели — духота, силища народа, почти час двигались в очереди на вход. Из 4 павильонов осмотрели 2 и подались до дому (до гостиницы).

Передай мой привет бабушке и преподнеси от моего имени то, о чем я говорил.

Уже два часа ночи, а в пять вставать, поэтому заканчиваю послание. Не забудь, Софуня, послать к Октябр[ьским] праздникам рублей триста моей сестре. Поцелуй от моего имени Надюшку и скажи, что буду из Нью-Йорка следить за ее учебой.

Привет Марусям, Феде, Танкам, Лужаниным, Константину Михайловичу и всем добрым знакомым.

Обнимаю и целую.

Твой *Міхась.*

12/IX 1955 Москва, г[остини]ца «Ленинград», № 1810.

235. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

12 верасня 1955, Масква

12/IX 1955 г.

Дорогой Николай!

Давненько не получал от тебя писем, а летом так и не сумели повидаться. Пишу тебе это письмо с дороги, из Москвы, откуда я через три часа отправляюсь в далекий заокеанский рейс (на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН). Сегодня, 12 сентября, к вечеру буду в Париже, где проведу суток полтора, а дальше Шербург и океан. В Нью-Йорке буду, если не подведет погода, 20 сентября — день начала сессии.

Два месяца — с 1 июля по 4 сентября — провел на Нарочи. Отдыха особого не было, потому что только 1 августа было закончено (в основном) строительство моей дачи. Таким образом, месяц жил в полном смысле на строительной площадке, а другой месяц расчищал территорию дачи от строительного хлама. Немного и писал, но романа закончить не удалось — будем зимой, с Нового года, нажимать. Надеюсь отдохнуть почеловечески в следующем году.

Домой доберусь, очевидно, к Новому году.

Сердечный привет тебе, Ольге Ивановне и племяшам.

Твой брат *Міхась Лынькоў.*

236. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

12 верасня 1955, Вільнюс

Софуня!

Летим через Вильнюс. Пролетели в 10 ч[асов] 15 м[инут] утра через Нарочь. Озеро было видно, но наша часть озера, где дачи, была закрыта облачностью, так что не смог увидеть нашего летнего пристанища. Летим дальше на Берлин. Обнимаю, целую тебя и Надюшу. Привет всем нашим друзьям и знакомым.

Твой *Міхась.*

12/IX 55

237. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

28 верасня 1955, Нью-Йорк

28/IX 1955 г.

Софуня!

Пишу тебе первое послание с американской земли. Доехал я сравнительно благополучно до Нью-Йорка. Говорю сравнительно, потому что впервые за мои далекие странствия океан на этот раз встретил нас не совсем приветливо. Дожди, грозы, туманы, штормы сопутствовали нам все время до Нью-Йорка. Целые сутки нас солидно покачало, вплоть до того, что окна на передней носовой площадке закрывали от волн стальными заслонками. Двое суток перед Америкой находились под угрозой урагана, проходившего в то время по американской территории. Опасаясь этого урагана (харрикейна), пароход менял курс и выбился из расписания. Урагана нам удалось избежать, зато мы опоздали на открытие сессии (не все, а наша группа, едущая на «Куин Мери» — я, Абушкевич). За сутки раньше нас прибыла группа, ехавшая на французском

пароходе «Либерте» (Ус, Штокало и др.). Киселев был в группе, вылетевшей из Парижа самолетом,— они добрались за сутки. Еще одна группа, летевшая самолетом, вынуждена была заночевать в Лондоне и летела потом через Исландию.

Надо сказать, что и Париж на этот раз встретил нас неприветливо — шли сплошные дожди. Здесь тоже первые дни шли дожди, дней с пару стояла исключительная влажность с полнейшим безветрием, так что дышать было трудно. Теперь установилась солнечная погода, но более холодная, чем в прошлом году.

Сессия только что разворачивает свою работу, идет пока что общая дискуссия. Говорить о ней не буду, так как прочитаешь обо всех выступлениях — имею в виду основные — в наших газетах. За эти несколько дней мы побывали на некоторых приемах. Были на обеде у мэра города Нью-Йорка. В прошедшую субботу я с Кузьмой Венедиктовичем обедали у Вячеслава Михайловича.

Живем мы на прежнем месте, на даче в Остербее, в прежней комнате. Даже сплю на прежней своей кровати. В комнате живем вчетвером — я, Абушкевич, Зайцев и Гуринович.

За это время получил письмо от Николая. Он написал его 13 сентября, когда я был уже в Париже. Письмо нагнало меня на второй день по прибытии моем в Нью-Йорк. Если найдется у тебя пара свободных минут, черкни ему открытку, что письмо его я получил. Я забыл оставить тебе наш телефон и теперь пользуюсь случаем сообщить его:

Ouster Bay — 6-28-39 (ойстер бей сикс-ту эйт-три найн).

Вот, приблизительно, все, что можно написать тебе о первых днях нашего пребывания на американской земле. С городом еще не знакомились, но с достоверностью можно сказать о растущей дороговизне, в особенности на продукты. Позднее напишу поподробнее, когда поближе присмотримся к современной американской действительности.

Пиши, как живешь, как проводишь время, как здоровье: твое и всех наших домочадцев, как идет учеба у Надюши?

Передай мой привет Константину Михайловичу,

Танкам, Лужаниным, Феде, Марусям и всем нашим добрым друзьям и знакомым.

Сердечный мой привет Марье Петровне, поцелуй ее от моего имени. Не обойди поцелуем и Надюшку.

Крепко обнимаю и целую тебя!

Скучающий по тебе твой благоверный

Міхась.

P. S. Напиши и о дачных делах. Не жалей денег на покупку дров. Как теперь на даче?

М. Л.

238. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

6 кастрычніка 1955, Нью-Йорк

6 октября 55

Софуня!

Завтра объявили отправку почты, и вот в полдвенадцатого ночи пишу тебе очередное мое послание (первое пошло, очевидно, с почтой от 1 октября).

До сего времени я жив и здрав, с каждым днем все более скучаю по своим родным палестинам. Этому способствует и стоящая у нас теперь погода: идут затяжные дожди, холоднее, чем в прошлом году. В общем, скука неимоверная. Только на заседаниях Ассамблеи отдыхаем от этой скуки, особенно тогда, когда разгораются какие-нибудь очередные страсти, когда большинство государств, несмотря на различия в своих общественных и политических системах, единым фронтом выступают против государств-колонизаторов. Примером этого может служить эпизод с делегацией Франции, которая демонстративно покинула зал заседания и даже уехала на родину в знак протеста против решения Ассамблеи включить вопрос об Алжире в повестку дня сессии.

Обычно мы ежедневные новости черпаем из американской прессы, потому что наши газеты изрядно запаздывают с приходом. Сегодня 6 октября, а мы читали наши газеты только за 24 сентября.

Московская «Литературная газета» присылала мне две телеграммы с предложением писать очерки об Ас-

самблее. Послал им телеграмму с отказом от этого предложения, потому что как член правительственной делегации я по существу не имею права этого делать.

Что еще нового у меня? Стараюсь поддерживать такой режим, чтобы не прибавиться в весе по сравнению с летними днями, а посему придерживаюсь скупой диеты. Правда, тут поневоле будешь осмотрительным, потому что дороговизна явно приметна даже по сравнению с прошлым годом.

Пиши мне подробно, как живешь-поживаешь, как чувствуют себя все наши уважаемые домочадцы, как здоровье бабушки, как учится Надюша?

Напиши, как проходил юбилей Глебки, была ли на банкете и проч.

В общем, напиши мне подробный рапорт о всех наших семейных делах.

Передай привет от меня Константину Михайловичу, Лужаниным, Танкам, Марусям, Феде и всем нашим знакомым.

Сердечный привет Марье Петровне и мой поцелуй ей и Надюше.

Крепко обнимаю и целую свою Пенелопу.

Твой *Міхась.*

239. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

18 кастрычніка 1955, Нью-Йорк

18/X 1955

Софуня!

Сегодня, 18 октября, получил наконец твое первое письмо (писанное тобой 23 сентября). Как видишь, письмо путешествовало ровно 25 дней, почти месяц. Я уже всяческое думал по сему случаю, но было существенное «утешение»: из всей нашей делегации да и из других делегаций никто также не получал до сего дня писем. Рад, что все мои чады и домочадцы пребывают в добром здравии и благополучии.

Я до сих пор чувствую себя неплохо, тем более что наступают уже дни, когда мы начинаем подумывать о не таком уже далеком возвращении в родные края

(живем во второй половине октября, а там незаметно переберемся в ноябрь, а с началом декабря все ближе и ближе будет пароходная пристань, а всякая пристань ставит тебя поближе к дому).

Новостей у нас особых нет. Не так давно разбился один американский самолет, все пассажиры и команда — 65 человек — погибли. Сейчас у нас прошли сильнейшие дожди, суток трое шел беспрерывный ливень, причем облака ползли буквально по земле. Дожди вызвали огромные наводнения, причинившие большие разрушения отдельным городам и дорогам. Были и человеческие жертвы — утонуло 42 человека. Были наводнения и на острове, на котором мы живем, но наша резиденция находится на высоком, безопасном месте, которому никакие стихии не угрожают.

Недавно были мы в Нью-Йорке на концерте нашего пианиста Эмиля Гилельса. Надо сказать, что даже я, считающий себя обычным профаном в области музыкальных дел, был очарован игрой этого изумительного пианиста. Успех его на концертах потрясающий: бесконечные вызовы на бис, бурные овации, восторженные отзывы в прессе. Слушая Гилельса, не замечаешь его: в отдельные моменты инструмент его как бы превращается в нечто поющее, самодавлеющее. Гилельс выступал в Филадельфии, два раза в Нью-Йорке, будет еще выступать в других городах. Его выступления превращаются в подлинный триумф советской музыки, советского искусства.

Теперь о других делах. Наверное, ты уже успела посадить сад за это время. Напиши, сколько деревьев и каких посадила там, как подготовлена была посадка и т. д. Жаль, что ты не написала подробно, как чувствовала себя Марья Петровна на даче и понравились ли ей наши хоромы? Кстати, как эти хоромы выдержали испытание дождем, купили ли дров и т. д.? В общем, обо всем напиши подробно, учти, что каждую строчку письма из нашего прекрасного далека мы перечитываем тут по нескольку раз, чтобы мысленно перенестись под наши родные крыши, стать ближе к нашей земле. Как успехи Нади, Раисы, Тани? Ходишь ли в кино, в театр? Как здоровье? Мы тут на даче просмотрели несколько старых наших, виденных и перевиденных кинокартин, вроде «Падения Берлина», «Смелых людей» и «Анны на шее». Увидеть новые ки-

нокартины не предвидится. На пароходе смотрели английскую и американскую белиберду, которую забываешь, выходя из кино.

На этом и заканчиваю свое третье послание в надежде, что оно быстрей дойдет до тебя, чем твое до меня. Обними и хорошенько поцелуй от моего имени Марью Петровну и Надюньку. Привет Константину Михайловичу, Крапивам, Лужаниным, Танкам, Кулешам, Феде, Марусям, Раисе и всем нашим друзьям и приятелям. Привет Нине Михайловне.

Елико можаху обнимаю тебя и крепко, крепко целую.

Твой закоренелый путешественник

Міхась.

240. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

7 лістапада 1955, Нью-Йорк

7/XI 1955 г.

Софуня!

Сегодня 7 ноября, первый день Октябрьского праздника. Сейчас у нас одиннадцать часов утра, сижу на заседании Комитета, в котором участвует Киселев (мой Комитет после обеда). Сижу, слушаю в наушники выступления делегатов и пишу тебе это письмо. Пишу и думаю, что у вас уже вечер и, очевидно, семья моя садится уже за праздничный ужин, а нам тут приходится потеть на заседаниях, выслушивать иногда всяческие благоглупости и бесконечно голосовать.

Мы тут провели праздничный вечер 4 ноября в Нью-Йорке. На братском ужине помянули всех, кто «за океаном», и выпили по чарке за их здоровье и благополучие. Одним словом, выпили и за твое и за всех моих домочадцев здоровье. Пятое и шестое ноября были у нас выходные дни. Сидели у нас на даче и скучали. Шли дожди, так что не могли даже выйти на двор и прогуляться в нашем парке. Погода у нас пока что терпимая. В некоторых штатах уже выпал снег, но тут еще не закончился листопад, а в Нью-Йорк ездим пока без пальто, в одних костюмах. До сих пор благоверный твой супруг пребывает в добром здравии, ни разу не болел, полагает и домой вернуться в таком же приличном состоянии. Уже намечаются приблизительные

сроки нашего отъезда из Нью-Йорка. Первая группа выедет, очевидно, второго декабря. Вторая группа (в состав которой входит и твой благоверный) отчалит от американских берегов девятого декабря и к числу девятнадцатому-двадцатому предполагает добраться до родных палестин. Одним словом, девятого декабря это уже почти установленная дата нашего отправления, и если ты не получишь специальной от меня телеграммы о дне выезда, то это будет значить, что я выехал девятого декабря (всякая телеграмма — это существенные расходы в нашем дорожном бюджете). Если же время отъезда будет изменено, то тогда я, конечно, уведомлю тебя об этом телеграммой.

На днях я получил твое третье письмо. Из телефонного разговора с тобой знаю, что ты послала мне и четвертое письмо — оно где-то путешествует еще по океану. Надеюсь, что получу его в самые ближайшие дни. Это мое письмо четвертое по счету. Думаю, что успею послать тебе еще несколько писем. После пятнадцатого, двадцатого ноября посылать мне письма не стоит, они не застанут меня здесь, потому что каждое письмо идет обычно около двадцати дней.

На этом, достопочтенная моя супруга, заканчиваю свой очередной рапорт о моем житье-бытье, о всех моих планах и замыслах. Надо сказать, что у нас уже наступают дни, когда мы усиленно думаем об исправности и готовности наших чемоданов к обратному путешествию.

Письмо это пишу на заседании потому, что неожиданно предупредили об отправке почты.

Посылаю искренний привет всем друзьям и знакомым: Коласу, Лужаниным, Танкам, Крапивам, Кулешовым, Марусям, Феде, Раисе, Тане, Вале.

Крепко обнимаю и целую тебя, мамашу и Надюшу.

В ожидании скорой встречи твой благовернейший

Міхась.

241. І. П. ФІЛІПАВУ

28 снежня 1955, Мінск

Уважаемый Иван Филиппович!

Посылаю Вам пароходные снимки. Не сказать, чтобы были удачными, но что поделаешь: погода была не-

важной, неважной была и пленка. Что касается самого фотографа, то справедливости ради надо сказать: он тоже далек от совершенства.

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю доброго здоровья и успехов в Вашей работе в Новом году.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

28/XII 1955

1956

242. Г. В. ВІГУРСКАЙ

11 студзеня 1956, Мінск

Паважаная Галіна Васільеўна!

Прабачце, што крыху спазніўся з перасылкай Вам рукапісу перакладу. Толькі напярэдадні Новага года прыехаў я да хаты з далёкага і доўгага падарожжа (каля чатырох месяцаў быў за акіянам, у Нью-Йорку). Ды яшчэ крыху быў захварэў з дарогі, а ў выніку, як бачыце, толькі цяпер перасылаю Вам рукапіс.

Пераклад я Ваш аўтарызаваў.

Жадаю Вам усякага поспеху ў Вашай карыснай працы і віншую — праўда, з некаторым спазненнем — з Новым годам, з новымі поспехамі ў жыцці і працы.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

11/I 1956 г.
Мінск

243. Н. М.

23 лютага 1956, Мінск

Уважаемая Наталья Николаевна!

Только на днях я имел возможность прочесть Вашу пьесу по мотивам моего романа. Раньше я не мог этого

сделать, так как четыре месяца был в заграничной командировке, а после возвращения домой некоторое время проболел.

Несколько слов о Вашей пьесе. Я не драматург и не театральный работник, поэтому мне трудно судить о пьесе с точки зрения ее драматургических качеств. Что касается литературных ее качеств, то у меня в этом отношении нет особых к ней претензий. Если бы пьеса являлась инсценизацией всего романа, тогда мое слово имело бы некоторое значение при решении вопроса: разрешать или не разрешать ее постановку. В данном же случае этот вопрос должен решить руководитель Вашего драмкружка исходя из драматургических качеств пьесы. Я лично не возражаю против ее постановки.

Если Вам интересно мое отдельное замечание, я поделюсь им. В Вашей пьесе одним из героев выведен Анатолий (разведчик, он же лейтенант Макс). У меня в романе нет такого персонажа. Вы, конечно, имеете полное право ввести в пьесу такого героя. Но надо сделать так, чтобы он был более правдоподобен. Вера в Вашей пьесе верит Анатолию с первого его слова. Это звучит очень и очень неубедительно.

Вот все, что хочу я написать в ответ на Ваше письмо.

Желаю Вам всяческих успехов.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

23/II 56

244. П. М. БАРАНАВУ

23 сакавіка 1956, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

Прошу извинить, что несколько запоздал поблагодарить Вас за присланный подарок. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Однако, благодаря Вас, хочется и дружески поругать Вас: зачем Вы делаете ненужные расходы и обременяете себя совершенно излишними заботами? Ей-богу, не нужно было этого делать...

Но раз сделано, назад не воротишь.

Пару слов о себе. Как всегда, до чертиков перегружен и служебной и своей творческой работой. Потею над завершением своего романа. Думаю закончить его в первой половине года, а потом займусь частичными переработками первой книги романа. Таковы мои планы на этот год.

Как живете сами, чем занимаетесь?

С дружеским приветом Вам и Вашей семье

Міхась Лынькоў.

23/III 1956 г.

245. Н. Г. КОНЮХАВУ

26 сакавіка 1956, Мінск

Уважаемый Никифор Гурьянович!

Одновременно с этим письмом высылаю отзыв на Вас в Венгеровский РК КПСС.

Говорил относительно Вас с Ветровым Иваном Дмитриевичем. Он обещал сделать все, что необходимо. Он теперь министр юстиции БССР и Ваше дело знает, так как занимался и, очевидно, занимается им.

Привет Слонимской и всей Вашей семье.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

26/III 1956 г.

246. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

6 красавіка 1956, Мінск

Дорогой Николай!

Получил твое письмо и вот отвечаю с небольшим запозданием.

Живем по-прежнему. Работы больше чем по горло. Пора, наконец, кончать вторую книгу романа, а работы над ней остается еще порядком. Это не работа уже, а настоящая каторга. Но ничего не поделаешь — взялся за такую объемную вещь, нужно вытягивать. Думаю в ближайшие два-три месяца эту работу закончить. А потом предстоит еще основательная работа по доработке первой книги романа.

Так вот и живу. Мечтаю о тех временах, когда смогу хоть месяц какой-нибудь отдохнуть по-человечески, как отдыхают порой все добрые люди. Но, видно, дождусь я такого отдыха только тогда, когда придется «присоединиться к большинству», т. е. отправиться к праотцам.

Таковы мои дела.

На этом заканчиваю свое короткое послание. Привет тебе, Ольге Ивановне и племяшам от меня и всех наших.

Міхась Лынькоў.

6/IV 1956

247. М. Я. ТРАЧЭЎСКАЙ

17 мая 1956, Мінск

Уваж[аемая] Мар[ия] Яновна!

Не так давно я получил Ваше письмо, за котор[ое] и приношу Вам сердечную благодарность. Отвечаю Вам с некоторым запозданием: только что вернулся в Минск из поездки по Пинской области.

Искренне рад Вашему любезному сообщению, что в недалеком будущем книга моя появится на польском языке и герои этой книги будут представлены польскому читателю.

Большое Вам спасибо за лестный отзыв о моей книге. Я, как автор этой книги, не совсем ей доволен. Но это чувство свойственно всем авторам. Они никогда не удовлетворяются своей работой, хотят видеть ее еще более лучшей и более совершенной. Это естественное и законное чувство.

Над рукописью второй книги романа я еще работаю. Завершу ее, очевидно, месяца через полтора. Одновременно работаю над некоторыми переделками первой книги.

В наше белорусское издательство сдам рукописи второй книги романа и переработанной первой книги в конце этого лета. Из печати они выйдут в следующем году, очевидно, в первой половине года. Как только будут они напечатаны — обязательно вышлю Вам.

Выслать Вам сейчас что-нибудь из моих произведений не имею возможности — нет под руками прошлых

изданий, да и не хочется рекомендовать их. На польском языке в Варшаве издан в 1951 году сборник моих рассказов «Opowiadania» (перевод сделан с русского издания 1949 г. издательства «Сов[етский] писатель»). Одноврем[енно] с этим письмом посылаю Вам заказной бандеролью детскую повесть «Миколка-паровоз», изданную в прошлом году «Детгизом». К ней прилагаю текст белорусского издания. Если в будущем появится у меня что-нибудь заслуживающее вним[ания], то постараюсь выслать Вам.

С большим уважением к Вам

Міхась Лынькоў.

17/V 56

248. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

26 мая 1956, Мінск

Дорогой Николай!

Извини, что так запаздываю с ответом на твое письмо. Закопался я с работой так, что своевременно ответить на письма не успеваю. Работаю теперь над завершением второй книги своего романа. Думаю в июне месяце завершить черновую работу. Когда закончу это дело — как гора с плеч свалится и можно будет вздохнуть легче.

Для того чтобы форсировать это дело и избавиться от заседательской суетни, выехал с 13 мая на свою дачу на Нарочи. Она еще не оштукатурена (думаем штукатурить в следующем году), но летом жить можно. Правда, погода все время стояла отвратительная, так что даже мерзли на своем озере. Но теперь значительно потеплело.

На несколько дней приехал в Минск, вызвали на встречу с журналистами стран народной демократии. Думаю, что месяц после этого буду работать спокойно.

Таковы мои дела. На этом и заканчиваю свой короткий рапорт с пожеланием всяческих благ тебе, Ольге Ивановне и племяшам. Привет от Софьи Захаровны, Марии Петровны и Надюши.

Твой брат

Міхась.

26/V 1956 г.

249. М. П. РАКУ

Май 1956, Мінск

Дорогой Михаил Петрович!

Прошу извинить меня, что я с таким запозданием отвечаю на Ваше апрельское письмо. Виной всему моя перегруженность всяческой работой, а главное, моей работой над завершением своего романа «Незабываемые дни». Думаю в следующем месяце закончить всю черновую работу над рукописью, чтобы в конце концов подготовить ее к сдаче в печать.

Был за последнее время в нескольких командировках. Был у своих избирателей в пинских краях. Очень рад, увидев большой, настоящий перелом к лучшему в жизни наших колхозников. Трудятся люди по-настоящему, а хороший труд дает и хорошие результаты.

О моей поездке в Америку не пишу Вам, потому что в письме коротко обо всем не расскажешь, об этом нужно писать целые книги. Вот закончу роман, тогда напишу несколько рассказов из американской жизни.

Посылаю сердечные приветы от меня и Софьи Захаровны Вам и Анне Наумовне. Желаю Вам обоим всяческих успехов в жизни и труде.

С уважением

Міхась Лынькоў.

1956 г.

250. ЯКУБУ КОЛАСУ

30 чэрвеня 1956, Мінск

Мінск 30/VI 1956 г.

Дарагі Канстанцін Міхайлавіч!

Ужо дні з чатыры, як атрымаў Ваша пасланне і вось толькі сягоння сабраўся з духам напісаць Вам адказ. Справа ў тым, што гэтыя дні я знаходзіўся ў дарозе паміж Мінскам і нашым слаўным Нарачам. Забраўся ў Мінск па розных тэрміновых справах і прабегаў тры дні, высалапіўшы язык. Справы, праўда, дробныя:

гаспадарчыя, пісьменніцкія, дэпутацкія, лячэбныя і інш.

Сардэчна дзякуем з Зосяй за Ваша пісьмо.

Пасумавалі мы па «обремененных недугами и всякою скорбию телесной», па «невзыскующих пития и возроптавших на бездождие и на десницу и шуйцу своя» і «зело возвеселихомся, елико прочитах, яко врачують телесы ваша и яко зелие, дабы исцелити вуды ваши, изыскують».

Жывем мы на зямлі нарачскай больш чым добра. Бадай увесь чэрвень месяц быў цёплым, некаторыя дні нават жаркім. Добрыя праходзілі і дажджы. Былі і нядрэнныя навальніцы, адзін дзень быў надзвычайным — праграмела аж пяць навальніц.

Дні чатыры таму назад знайшоў я першых пяць баравікоў недалёчка ад нашай хаты. На рыбалку яшчэ не выходзіў, не адпускаюць мяне мае «Векапомныя», якія парадкам ужо замучылі мяне. Думаю ў ліпені месяцы завяршыць усё ж чарнавы рукапіс. Тады і адпачыць змагу па-людску, бо ўжо колькі год як я па-сапраўднаму не адпачываў ніводнага месяца. А гэта даецца ў знакі.

Мы з Зосяй чакаем Вашага прыезду. Пакой для Вас заўсёды гатовы, можа прыняць у любы дзень і час. Зможаце жыць альбо ў тым пакоі, у якім былі ў мінулым годзе, альбо ў любым, які Вам падабаецца. У нас і двор цяпер не тая пустая гала, як было летась. Бяруцца ў сілу маладыя яблынькі, зелянее і цвіце ўжо бульба. Ёсць, вядома, і цыбуля, і ўкроп, і гарох, і боб, і фасоля і капуста, і салат і ўсякія іншыя «зернебабовыя» і «злакі». Адным словам, плантацыя, якая патрабуе штодзень багата вады, а паколькі гідрамеханізацыя апіраецца галоўным чынам на ўласныя нашы плечы, дык я часам праклінаю дзень і час, у які ўсявышні сатварыў жанчыну не па падобію свайму і надзяліў яе залішняй страсцю да залішніх град з цыбуляй, з макам і проста так.

Такія, Канстанцін Міхайлавіч, нашы аграсправы. А зрэшты добра: жывем, працуем, хлопцы (два Максімы, Куляшоў, Кандрат Крапіва — таксама пасяліліся ў Купе) рэжуцца ў пульку, а жаночая палавіна — у дурня (у вольны ад агракультурных спраў час). Куляшоў (адбудаваўся ўжо), Танк і я завялі па пеўню, так што ў нас цяпер цэлая капэла, якая, праўда, забываец-

ца часам на свае непасрэдныя абавязкі і кідаецца ў зацяжныя бойкі. Прычына — адна курка на трох спевакоў, прычым распараджаецца непасрэдна ёй толькі адзін, а другія два вымушаны назіраць усялякія заляцанні з-за плоту і, вядома, перажываць так, што схуднелі і страцілі ўсякую спажывецкую вартасць. Зося прымае рашучыя захады і падшуквае нашаму спеваку «маладзіцу». Адна бабка прыносіла ўжо курку, але яна аказалася сляпой на адно вока, так што «шлюбны кантракт» не састаяўся, і я пакінуў свайго пеўня ў халасцяках.

Акрамя пеўня маем мы яшчэ грознага цэрбера па імені Валет. Ад роду яму месяцы тры. Належыць да племені патомственных дварняг, вызначаецца выключнымі здольнасцямі брахаць на гаспадароў і лашчыцца да кожнага незнаёмага чалавека. Гэты выдатны цюцік перажыў ужо багата прыгод пры сваім азнаямленні са светам. Былі сур'ёзныя сутычкі з мурашкамі, чмялямі і крапівай (асабліва давалася яму ў знакі апошняя: чым больш ён нападаў на яе, тым больш яму і перападала ад яе). Гэты мудры і грозны пёс цэлы тыдзень шукаў у возеры смажаныя сасіскі і з рызыкай для жыцця адважна абследаваў прыбярэжнае дно (аднаго разу я кінуў для яго ў ваду сасіску, ён і прыйшоў да вываду, што гэтыя сасіскі жывуць і плодзяцца ў возеры).

Аднак пішу я Вам аб такіх ужо дробязях, за якія Вы можаце мяне і палаяць.

Цяпер аб сур'ёзных справах. Навін асаблівых у нас няма. Учора быў у саюзе, правёў паседжанне франкаўскага камітэта. А з усяго камітэта быў толькі Пятрусь ды я.

Сёння вечарам адбываю ў сваю нарачскую вотчыну. Сардэчнае прывітанне Вам ад Зосі, Жэні, ад двух Максімаў, Аркадзя і Кандрата і ад Петруся.

Зося шле Вам пацалунак і напамінак аб прыездзе. Усе мы жадаем Вам хутчэй «восстать от одра» і прыйсці да нармальнага жыцця.

Асцярожна паціскаю Вашу длань, абнімаю і цалую.

Ваш *Міхась Лынькоў.*

Молодечненская область, п. о. Кобыльники, Мядельского р-на, дер. Купа, мне.

251. С. П. ШУШКЕВІЧУ

30 чэрвеня 1956, Мінск

Мінск 30/VI 1956

Паважаны тав[арыш] Шушкевіч!

Прашу прабачэння за позні адказ на Ваша пісьмо. Прабачце і за тое, што не ведаю Вас па бацьку, а таму і зварочваюся па фаміліі. Імя ведаю, называлі ж Вас раней Стахам, але пісаць так у пісьме неяк нязручна.

Прычына спазнення з адказам такая: пісьмо Ваша мне перадалі ў Маладзечанскую вобласць, дзе жыву я часова, разам з паведамленнем з саюза, што патрэбныя фармальнасці для Вас ужо зроблены. Учора быў у саюзе і даведаўся, што Вы адноўлены ў кандыдатах, а з часам будзеце і паўнапраўным членам саюза.

Карыстаюся выпадкам і віншую Вас з завяршэннем усёй Вашай больш чым сумнай эпапеі. Шкада, вельмі шкада Барыса Мікуліча! Цяпер рэабілітуюцца шмат хто [illegible] хлопцаў. Рэабілітацыя рэабілітацыяй, а некаторых хлопцаў няма ўжо ў жывых...

Жадаю Вам з сям'ёй усяго найлепшага і пасляховага звароту на Радзіму.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

30/VI 1956 г.

252. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

22 ліпеня 1956, Нарач

Дорогой Николай!

Послание твое получил и, как видишь, с ответом запоздал более чем на две недели. Но если ты запаздываешь с ответами на письма, то мне и бог велел, как старшему, так сказать, по чину.

Что касается твоих семейных дел, то мне остается только приветствовать тебя с Ольгой, если только вы не передумали. Где двое, там легко устроятся и трое, как говорит народная мудрость. У наших батьков нас было значительно больше, а достатки у них были, очевидно,

неизмеримо меньшие, чем у тебя, так что такими вещами смущаться не стоит.

Я занят все своей работой над романом. В этом месяце закончу, наверное, черновую рукопись второй книги. Работы еще хватит по горло над шлифовкой, доделками и над частичной переработкой первой книги. Но без работы человека не бывает.

Если бы нашлось у тебя время, привез бы ребят ко мне погостить на озеро — славно бы провели они время. Ольгу Ивановну не приглашаю, потому что ей, очевидно, теперь не до гостей.

Ты пишешь, что в отпуск пойдешь в сентябре или в октябре. Учти, что в это время я буду еще на даче, так что ты имеешь полную возможность провести это время у меня на озере. Купаться в это время, возможно, будет уже трудновато, но зато остается рыбная ловля, грибы, катание на лодке (на причале стоит у меня моторный «крейсер») и пр. Учти это самым серьезным образом. Можешь приехать в Минск, оттуда тебя доставят ко мне. Можешь приехать и в Вильнюс, откуда до меня всего сто километров (от Минска 200), можно добраться такси или автобусом до Постав, а оттуда попутной машиной до Кобыльников (двадцать — двадцать пять километров), а от Кобыльников километра четыре до нашей дер[евни] Купа, возле которой стоит моя дача. Самое лучшее, конечно, ехать на Минск, оттуда свой транспорт.

На этом заканчиваю свое послание. Привет от меня, Софьи Захаровны, бабушки и Надюши тебе, Ольге Ивановне, Коле и Лене.

Пожимаю твою десницу.

Твой брат *Міхась.*

22/VII 1956 г.

253. Н. Г. КОНЮХАВУ

22 ліпеня 1956, Нарач

Дорогой Никифор Гурьянович!

Получил Ваше письмо, несколько запоздал с ответом. Рад, что Вы вернулись в места, где некогда провели самый ответственный период своей жизни и труда.

Предыдущее Ваше письмо с повествованием о финише всех Ваших злоключений давно получил. Не писал, потому что ожидал от Вас адреса. Вместе с Вами переживаю искреннюю радость в связи с окончанием всех Ваших мытарств. Еще раз приветствую Вас и Слонимскую с завершением всей этой тяжелой эпопеи и вместе с Вами выражаю глубокую уверенность, что подобные истории с добрыми людьми никогда больше не повторятся.

Числа двадцать шестого этого месяца я выеду в Минск на очередную сессию Верховного Совета республики. Если случайно будете в это время в Минске, звоните по телефону 2-48-29.

Вероятно, я буду в Минске 10—15 августа, когда Вы собираетесь ехать обратно. Во всяком случае, Вы всегда можете справиться по моему телефону. Если он утром или вечером будет глух, значит меня в Минске не будет.

Еще раз приветствую и поздравляю Вас и Слонимскую и Сашу со всем хорошим, что начинается у Вас теперь.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

22/VII 1956 г.

254. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

10 кастрычніка 1956, Нарач

10/X 1956 г.

Достопочтенная моя супруга!

Вчера получил сразу два молниеносных твоих послания, за оные и приношу мою благодарность. Однако и напугали вас хулиганы, представляю твои переживания. Действуют они, по-видимому, в одном месте. Когда мы ехали с Николаем, мы наблюдали, как в шедший перед нами грузовик тоже бросали камни из толпы людей, человек в пятнадцать. Кто-то из них «голосовал», а грузовик не остановился, поэтому и бросали вслед ему камни. Думаю, что в конце концов распоясавшееся хулиганье напорется на должный

отпор и получит по заслугам. Во всяком случае, учту твое предупреждение и когда буду ехать в Минск, буду во всеоружии.

Второе твое послание о всяких поездках — за океан — несколько меня обескуражило. Когда человек определенным образом настроился, строит некоторые планы, то такие известия нарушают все его планы. Но, в конце концов, все, как говорится, к лучшему. Хоть отдохну по-человечески одну зиму, да и семейный наш коллектив, полагаю, не против всего этого.

Теперь о времени закрытия нашего лагеря. Прошу тебя, достопочтенный диспетчер, приехать за нарочанцами в среду. Почему в среду, а не в понедельник? Надо закончить тут все хозяйственные дела, которых еще много. Все мелочи, по существу, а накопилось их много, надо все завершить.

Сегодня ночью шел мокрый снег, а потом был приличный мороз. Утро сегодня замечательное — солнце, тишина, озеро все в серебре.

Водорослей я натягал возов с пятнадцать. Посадили еще несколько березок. Ищу солидную березу, чтобы посадить на дворе, у гаража.

Таковы наши нарочанские дела. Заканчиваю свое послание и пошлю Зосю опустить его в почтовый ящик.

Посылаю всем Вам по привету и по доброму поцелую, а тебе самый большой.

Твой *Міхась*.

255. М. П. РАКУ

20 кастрычніка 1956, Мінск

20/X 1956

Дорогой Михаил Петрович!

Получил Ваше письмо, за которое и приношу Вам сердечное спасибо. Что нового у меня? Только что приехал в Минск с озера Нарочь, где я был до сего времени и работал над своим романом.

Работу над черновой рукописью закончил, готовлю теперь вторую книгу романа к печати на белорусском

языке и к переводу на русский язык. В общем, в ближайшие недели сдам работу в печать.

Книга будет такого же размера, возможно, несколько больше, чем первая, Вам известная. Что касается качества книги, то об этом потом скажут читатели, я своей работе, как говорится, не судья. Поработал я над ней много, несколько лет. На русском языке, да и на белорусском она выйдет [redacted] следующем году. Недавно мне прислали из Польши один экземпляр моей книги в переводе на польский язык.

Таковы мои творческие дела, о которых и рапортую.

За океан [redacted] этом году не поеду. Надо, наконец, и отдохнуть и малость подлечиться: возможно, съезжу на какой-нибудь месяц в Кисловодск.

Сердечный привет Вам и Анне Наумовне от меня и Софьи Захаровны.

Дружески пожимаю Вашу руку.

Міхась Лынькоў.

P. S. Поздравляю с близкими Октябрьскими праздниками и шлю в связи с этим самые лучшие свои пожелания.

М. Л.

256. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

1 лістапада 1956, Масква

1/XI 56

Дорогой Николай!

Пишу тебе с дороги, из Москвы. Как видишь, расчеты мои не оправдались. Я, кажется, писал тебе, что в этом году отдохну от далеких путешествий. Не вышло. Не поехал в Америку, приходится лететь в Индию на конференцию ЮНЕСКО [redacted] гор[од] Дели. Единственное утешение — поездка более короткая, займет только полтора месяца с дорогой, так что в половине декабря буду дома.

Через три часа рано утром вылетаю. Маршрут — Москва, Стокгольм, Копенгаген, Амстердам, Рим, Карачи (Пакистан), Дели (Индия). Полет — трое суток. Из дома мне звонили, что ты прислал письмо.

Привет и лучшие пожелания тебе, Ольге Ивановне, детям.

Поздравляю всех вас с наступающими Октябрьскими праздниками.

Твой брат *Міхась.*

257. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

24 лістапада 1956, Індыя

24/XI 1956

Софуня!

Сообщаю: жив, здоров, ожидаю, что в скором времени отправлюсь в обратное путешествие. (Конференция заканчивается 5 декабря, возможно, на несколько дней останемся после конференции.) Живу при атмосферной температуре, большей, чем [redacted] Минске, градусов на 45. (В Минске, мы слышали, температура −20, тут +25.)

Целую, обнимаю тебя и всех своих домашних.

Привет друзьям.

Твой *Міхась.*

258. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

4 снежня 1956, Індыя

Софуня!

Привет из далекой Индии! Через несколько дней (9/XII) вылетаем домой. Маршрут — Пакистан, Ирак, Сирия, Турция, Греция, Италия, Швейцария, Чехословакия, Москва. Если будем лететь через Вильнюс, слезем там. Крепко обнимаю и целую тебя, Надюшу, Марью Петровну и всех добрых знакомых.

До скорой встречи.

Твой неутомимый путешественник *Міхась.*

4/XII 56

259. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

7 снежня 1956, Індыя

7/XII 1956

Софуня!

Сообщаю — жив, здоров, еще не испекся окончательно под индийским солнцем. Предполагали выехать домой 9-го, но задержимся до 16—17-го, разъезжаемся по городам. Мы (я, Киселев и Кудрявцев) 9-го выезжаем в Бенарес, оттуда 11-го в Алахабад, а потом назад в Дели. Из Дели вылетим в Бомбей, где пробудем дня два и полетим окончательно домой. Одним словом, числу к 20-му предполагаем быть дома. Часть делегации (Малышев и Бронников) вылетели 5-го. Целую, обнимаю тебя, Надюшу, Мар[ью] Петр[овну]. Привет всем друзьям и знакомым. Хочется страшно домой.

Твой неутомимый путешественник

Міхась.

Софуня!

У меня накопилось много интересных наблюдений, больше, чем за все мои поездки прежние. Будет много о чем рассказывать.

Твой *Міхась.*

260. П. М. БАРАНАВУ

26 снежня 1956, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

Вашу поздравительную почтовку (поздравление с Октябрьской годовщиной) прочел только сегодня и приношу за нее дружескую благодарность. Дело в том что два месяца я отсутствовал, был в далекой Индии на конференции ЮНЕСКО. Только что вернулся из дальних краев и разбираю собравшуюся почту.

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю здоровья, счастья, хороших успехов в Вашей жизни.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

26/XII 1956 г.

261. Г. В. ВІГУРСКАЙ

26 снежня 1956, Мінск

Паважаная Галіна Васільеўна!

Толькі ўчора я меў магчымасць прачытаць Вашу мілую паштоўку і ўбачыць «Міколку-паравоза» ў Вашым перакладзе на ўкраінскую мову. Справа ў тым што апошнія месяцы мяне не было ў Мінску, быў я ў далёкай Індыі, адкуль я толькі-толькі што вярнуўся. Быў я там на канферэнцыі ЮНЕСКА, а пасля канферэнцыі вандраваў па краіне, наведаў гарады Джайпур, Агру, Алахабад, Бенарэс і Бамбей, адкуль і вылецеў на Радзіму. За гэты час шмат чаго пабачыў, былі і розныя прыгоды, вясёлыя і невясёлыя. Назад ляцеў разам з двума ўкраінскімі таварышамі — Літвіным і Русько. Пабывалі ў Саудаўскай Аравіі, Іраку, Турцыі, Італіі, Швейцарыі. Трапілі аж у Лондан, адкуль павярнулі да хаты.

Вы пішаце, што былі б не супраць таго, каб пераласці мой раман «Векапомныя дні», калі б на тое была мая згода. Справа, відаць, не залежыць ад мае толькі згоды. Я з вялікім задавальненнем пагадзіўся б на Ваш пераклад. Але тут даводзіцца лічыцца з планамі і пажаданнямі Вашых выдавецтваў. Калі б у іх знайшліся такія магчымасці, мне заставалася б толькі вітаць Вашу прапанову.

Шчыра вітаю Вас з надыходзячым Новым годам і жадаю Вам добрага здароўя, шчасця і поспехаў у Вашым жыцці і працы.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

26/XII 1956 г.
Мінск

1957

262. М. П. РАКУ

5 студзеня 1957, Мінск

5/I 1957 г.

Дорогой Михаил Петрович!

Только недавно, накануне Нового года, прилетел из далекой Индии, в которой провел два месяца. Вне-

чатлений за это время накопилось много, больше чем за пять моих поездок за океан. Народ в Индии замечательный, к нам относится дружески. Правда, живет он еще бедно, изживая постепенно тяжелые последствия английского колониализма. Англичане заботились лишь о том, как бы побольше вывезти из страны награбленных богатств, нисколько не думали о благосостоянии индийского народа. В результате огромная отсталость Индии в промышленности и сельском хозяйстве. Землю пашут еще деревянными сохами, которые у нас уже и в музеях трудно найти. Много безграмотных, сказывается еще нищета и т. д. Но страна имеет богатейшие возможности создать лучшие условия для жизни народа, освободившегося от колониального гнета. Новое строительство, развернувшееся в настоящее время в Индии, и направлено на поднятие жизненного уровня народа. Имеется и немало достижений в этом направлении.

В поездке я делал и фотографические снимки, но пока не проявлял их. Если среди снимков будет что-либо интересное, поделюсь и с Вами.

Вы спрашиваете у меня — будет ли война? Мое личное убеждение — не будет. Ее все ненавидят — имею в виду простых людей, да и почти все народы. Этим можно объяснить и то, что вспышка войны в Египте была быстро потушена — весь мир поднялся против агрессоров.

На этом и заканчиваю свое письмо. С сердечным приветом Вам и Анне Наумовне

Міхась Лынькоў.

263. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

12 лютага 1957, Мінск

Благовернейшая моя супруга!

Вчера получили твое письмо, которое торжественно было и прочитано на нашем почтенном семейном совете к великому удовольствию и удовлетворению всех его членов. Все успокоились, все довольны твоим переходом на второй этаж и первым знакомством с трускавецкими водами. Довольны и вынесли резолю-

цию: да благоденствует она и пребывает в добром здравии и благополучии на пользу и благо всей нашей коммуны.

Надюшка трудится над своими пятерками. Разрешил я ей посещать (два раза в неделю) кружок английского языка во Дворце культуры профсоюзов. Вчера она была там в первый раз, осталась довольной. Учат там разговорному английскому языку. Пускай ходит, это не без пользы.

На днях я договорился с Матузовым насчет срока сдачи рукописи — к 15 марта, первый том позднее.

Пришли в конце концов и мои документы из Москвы — получил вчера. Сегодня произвел выплату Вите — согласно твоему графику. Уплатил и за квартиру.

Вчера обедала у меня — точнее, у нас — Маруся, говорила, что получила от тебя письмо.

Пленум в Москве будет в середине марта, так что и ты при случае сможешь навестить Москву.

Таковы все наши дела. Всем нашим коллективом посылаем тебе наилучшие пожелания и соответственно — по рангам — целуем.

Твой пребывающий в одиночестве *Міхась*.

P. S. Посылаю тебе «ЛіМ» — сохрани для архива.

264. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

Пасля 12 лютага 1957, Мінск

Софуня!

Посылаю тебе очередное послание от всей нашей коммуны. Все живы и здравы и взывают ко всевышнему об исцелении от недугов и немощей достопочтенной жены нашей, суровой тети и верной любящей дочки.

Ботинки ты, наверное, уже давно получила. Из письма к Надюше мы узнали о твоем добром здравии и о твоих планах приобрести во Львове обувь, если предоставится возможность и время. Срочно сообщи, нужны ли деньги, чтобы своевременно выслать тебе. Время быстро летит — не успеешь оглянуться, и мы будем встречать нашу гаспадыню, по которой мы порядком соскучились.

Я пребываю в трудах — дневных и ночных. Не знаю, кто кого доконает, я ли роман или роман меня. Режу, пилю, сокращаю, оставляю резервы для дальнейшей пилки. Иногда наталкиваюсь на казусы, не замеченные ни мной, ни таким взыскательным критиком, как ты. К примеру — Цайт изображен в одном месте со стриженым бобриком головы, а через полсотни страниц он уже «лысы д'ябал». И еще пример — едет Свистун к Тамаре, на поле «бульба кусціцца». Приезжает в деревню, и Тамара упрекает его, что его хлопцы-конвойцы замерзнут на улице.

Но как бы там ни было, работа продвигается, и я мечтаю о времени, когда же, наконец, я вздохну и малость отдохну.

Г. Я. Киселев говорил мне, что наш с тобой кинофильм весьма благосклонно принят в Москве и зачислен в список «юбилейных» (приуроченных к 40-летию Окт[ябрьской] годовщины). Будет демонстрироваться с июня месяца, как и все юбилейные фильмы.

Таковы наши дела.

Нина Михайловна еще болеет, с ней поддерживает связь Мария Порфирьевна.

Надюшка нажимает на свои уроки. Марья Петровна и Зося трудятся, дипломатических осложнений у них как будто бы не замечается. Привет тебе от Ксаны, Лены Конст[антиновны] и от всех наших знакомых.

Приветствуем всем коллективом, целуем, обнимаем. От меня индивидуальные поцелуи и пр. и пр.

Твой благовернейший *Міхась.*

P. S. Посылаю пару «ЛіМаў», захавай для архива.

265. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

23 лютага 1957, Мінск

23/II 1957 г.

Софуня!

Завчера получил твое письмо, где ты увековечена на фотографии со своими напарницами по санаторию. Фото было подвергнуто всестороннему обсуждению на семейном совете, на котором и пришли к единодуш-

ному выводу, что высматриваешь ты неплохо, что санаторий тоже, по-видимому, неплох и т. д. В общем, фотография твоя внесла в семейную атмосферу успокоение — мамаша теперь не волнуется, меньше вздыхает, настраивается на скорую встречу и т. д.

Все в доме живы и здравы, пребывают, можно сказать, в полном благоденствии. Нина Михайловна пока больна, так что Надюшка занимается пока музыкой дома.

Я все нажимаю на свои «Векопомные», обалдел уже от них до умопомрачения. Кончаю 4-ю пайку, исправляю, режу, сокращаю. У меня договорен срок сдачи 15 марта, сделаю, конечно, раньше, хотя надо будет дополнительно перепечатать отдельные места и страницы. После сдачи второго тома будет полегче — над первым томом работы значительно меньше, хотя надо будет в белорусском оригинале внести те сокращения, которые сделаны в русском варианте.

Сегодня получили твое письмо от 19-го, которое моментально было доведено до всеобщего сведения (мамаша обычно не отходит ни на шаг, пока я не прочитаю письма).

Таковы наши дела. О чем тебе еще написать? Сегодня ночью у нас выпал основательный снег, сейчас тает. Зима в общем в этом году «сиротская», снега настоящего и не видели.

Теперь о проблемах транспортных, которыми ты интересуешься. Было у меня с десяток звонков Толкачевскому, назначены были свидания с ним и прочее. Но он, как летучий голландец,— застать его на месте трудновато, да и не хватает у меня терпения просиживать в приемных, тем более что дорога каждая минута. Сегодня совершил решительную атаку — был у Котовода, министра торговли. Он собрал всех своих людей, имеющих отношение к этому делу, и вопрос с машиной решен. Как он заявил мне, раньше меня в список не включили, поскольку был в отъезде. Одним словом, транспортная проблема решена, машину будем иметь.

Очевидно, мы обменяемся с тобой еще несколькими письмами. На всякий случай не забудь перед выездом домой сообщить телеграммой, когда приблизительно (к какому времени, в какой день) подослать тебе машину в Барановичи. На случай заносов снежных билет

11 Зак. 1190

не мешает брать до самого Минска, не стоит считаться с небольшими лишними расходами.

Вот и все мое послание. Посылаем тебе от всего нашего коллектива самые лучшие пожелания, приветы, поцелуи. Просила передать привет Женя. Приветы от Марусей, Феди, Танка, Любы, Ксаны.

Основательно обнимаю, целую.

Твой скучающий *Міхась*.

P. S. Посылаю очередной номер «ЛіМа». В следующем номере будет завершение очерка.

266. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

27 лютага 1957, Мінск

27/II 1957 г.

Софуня!

Получили целых два письма от тебя — от 21/II и 22/II и спешим отрапортовать тебе о нашем житии-бытии. В доме все в порядке, все бодрствуют и благоденствуют, каждый занят своим делом. Сейчас уже три часа дня. Я только что пришел из облисполкома, куда ходил по избирательным делам. Надя пришла из школы и похвалилась, что получила сегодня две пятерки — по английскому и по машиноведению. Бабушка с Зосей готовят обед, делают холодное. Упражнялись недавно в печении пирогов, получились неплохие.

Я все время «шурую» рукопись. В сокращениях и исправлениях давно перешел границы оставленных тобой «руководящих указаний» в твоих тетрадях.

Как видишь, трудимся все в меру своих сил и возможностей. Трудимся и вздыхаем, ощущая твое отсутствие, которое так необходимо для поддержания наших духовных и физических сил. Бабушка ждет не дождется, когда же наконец увидит свою дщерь. Весь коллектив доволен, что с камнями и прочими там вещами у тебя благополучно.

Крепко обнимаем тебя и целуем. Привет от Жени, от наших соседей, от Марусей и Феди.

С индивидуальным поцелуем твой добродетельный *Міхась*.

P. S. Бабушка только что дала мне инструкцию: спросить у тебя, что приготовить к твоему приезду. Имеются в виду всякие «харчовыя рэчы».

М. Л.

Посылаю «ЛіМ» с завершением моих «странствий по Индии».

267. М. П. РАКУ

22 сакавіка 1957, Мінск

Дорогой Михаил Петрович!

Только что вышел я из больницы и посылаю Вам это письмо. В свое время обещал Вам выслать фотокарточки, заснятые в Индии. Но они у меня в спешке не совсем удались. Посылаю Вам одновременно с этим письмом шесть экземпляров газеты «Літаратура і мастацтва», в которых напечатаны мои заметки об Индии. Думал сразу же послать Вам по напечатании, но болезнь помешала. Болел воспалением легких и сердцем. Теперь выкарабкался, но из дома выходить пока не разрешают, еще с неделю придется побыть в домашнем карантине.

С дружеским приветом Вам и Анне Наумовне

Міхась Лынькоў.

22/III 1957 г.

268. П. М. БАРАНАВУ

29 красавіка 1957, Мінск

29/IV 1957 г.

Уважаемый Павел Николаевич!

Давненько я получил Ваше письмо и портрет. За все это приношу Вам сердечное спасибо. Правда, я не имел возможности своевременно ответить Вам. Около трех месяцев я был больным, месяц находился в больнице, остальное время лежал дома. Последние дни мне разрешили выходить на улицу, так что считаюсь выздоравливающим.

Поздравляю Вас с праздником 1 Мая и желаю здоровья, счастья и успехов в Вашей творческой работе.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

269. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

30 мая 1957, Мінск

Привет отважной полярной зимовщице!

Не замерзла ты еще на благословенном лоне природы? Мы тут каждый день с грустью вспоминаем тебя, жительницу арктических берегов. В Минске и то холодно, а у хладных берегов Нарочи поди еще холодней. Если замерзла, то рекомендуем тебе всем домашним коллективом вернуться под домашний кров, где тебя хотя бы согреют твои верные чада и домочадцы. В самом деле, садись в Танкову машину и вертай до хаты.

Максим объявил о своей поездке неожиданно, а посему мяса купить тебе я уже не имел возможности. Купил тебе утицу, колбаски, ну и хлебушка с кренделем. Посылаю также немного ликерных конфет и мармеладу и пару следей.

У нас еще сегодня будет продолжаться сессия. Первого июня не смогу еще выехать — хочется закончить со сдачей материалов в «Полымя», так что предполагаю выбраться числа 3-го или 4-го. С просмотром «Векапомных» меня дня на три задержала срочная служебная редактура (страниц на 600, сборник Максима Богдановича).

Надя завершила учебу, после 1-го, как ей сказали, дней пять будет работать в колхозе. Боюсь, что это не пять дней, а дней пятнадцать (так сказали Максимку Танкову, которому нужно будет работать на заводе). У Надюши гостит сегодня ее подруга Лиля — девочка из Вилейки.

Мы все живы и здравы. Помышляем все о том, чтобы и ты могла заявить нам о том же. В общем, надо завершать твой курс лечения.

Звонила из Ленинграда Маруся, передавала привет (ботинок еще не купила, обещает купить).

Юлия Захаровна еще прошлым воскресеньем уеха-

ла в Москву, вернется как будто бы 1-го. Привет тебе передавала Зинаида Сергеевна Мелких.

Вот и все наши «новины». Пиши или приезжай. Привози теплую погоду, ты ведь вывезла ее из Минска и не задержала на Нарочи.

Крепко тебя целуем и обнимаем всем коллективом, а я еще и отдельно.

Твой благовернейший *Міхась.*

P. S. Привет Зосе.

30/V 1957 г.

270. М. П. РАКУ

13 ліпеня 1957, Мінск

Дорогой Михаил Петрович!

Приехал я на неделю с дачи из Молодечненской области и получил Ваше письмо из Москвы. Спешу ответить, так как сегодня уезжаю обратно.

Кинофильм «Миколка-паровоз» сделан действительно по моей одноименной повести, написанной для детского читателя еще в довоенные годы. Повесть эта в прошлом году издана в Киеве на украинском языке. Издавалась она и на русском языке в Москве. Как только у меня появится лишний экземпляр книжки — немедленно вышлю Вам.

Погода у нас стояла все время холодная. Теперь, когда я на неделю выбрался в Минск, наступили настоящие жаркие дни. Понемногу отдыхаю и конечно работаю — много срочных работ по Академии наук.

Привет от моей семьи Вам и Анне Наумовне.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

13/VII 1957

271. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

3 жнiўня 1957, Перадзелкiна

Достопочтенная Софья Захаровна!

Пишу это послание из писательского Дома творчества в Переделкино — двадцать пять километров от Москвы. Гостиницы, как я телеграфировал тебе, все

переполнены иностранцами, а посему живем за городом. Страшно неудобно для нас, приехавших не на отдых, а на хождения по Москве. Минут пятнадцать — двадцать надо идти пешком до полустанка (платформы), двадцать пять минут ехать на электричке до Киевского вокзала, оттуда тем или другим транспортом добираться до центра или на Ленинские горы в Университет или в какие-нибудь другие места, где проводятся те или иные фестивальные мероприятия, связанные с нашим присутствием (встречи с молодыми писателями мира, со студентами из всех стран, изучающими литературу, и т. д.).

Назад в Переделкино возвращаемся теми же путями. Все это страшно утомительно, особенно для ног (к тому же я взял еще новые ботинки, которые нужно обнашивать). В день приезда в Москву, когда было открытие фестиваля, мы драпали со стадиона в Лужниках пешком. Измучились было и проголодались, как черти — все виды транспорта были закрыты. Закрыты были и рестораны. Питаемся в основном в Переделкино, в Доме творчества. Это хотя не накладно.

Думаем с Максимом, как бы поскорее смыться домой. Петрусь думает вызывать Лелю и Юрку — поселит их у родственников жинки в Кунцеве.

Каковы мои благоприобретения? Купил Надюшке униформу с двумя передниками — белым батистовым и черным сатиновым: шерстяных передников не было. Купил ей ботинки, вернее, туфли, № 38 1/2. Взял на половину номера больше, чтобы подошли наверняка. Тебе сегодня купил теплые ботинки № 37 (седьмого размера) и туфли № 37 (тоже седьмого размера). Теплые ботинки не ахти какие (258 руб.), но других, более дорогих, нет. По форме и по цвету, кажется, подойдут. Поищем с Максимом еще: если найдем что-нибудь лучшее и оригинальное — добудем. Себе и бабушке тэпти не купил — нет.

Вот и весь мой отчет. Если надумаешься ехать в Москву, телеграфируй мне на Союз писателей — придумаем, как устроиться.

На этом заканчиваю свое послание. Желаю всяческих благ и проч. и проч.

Приветствую и целую тебя и всех домашних.

Твой *Міхась*.

3/VIII 1957 г.

272. К. Я. ДАНІЛКУ

30 жніўня 1957, Нарач

Паважаны Косць Юхімавіч!

Шчыра прашу прабачыць мне за маё спазненне з адказам на Ваш ліст. Быў я ў раз'ездах, а таму і не змог своечасова адказаць на Ваша любезнае пасланіе. Шчыра ўдзячны Вам за прыхільнае стаўленне да мае творчасці і за Вашы добрыя прапановы аб перакладзе маіх твораў. Зразумела, што я асабіста магу толькі з удзячнасцю прыняць Вашу прапанову. Але павінен сказаць Вам, што рэалізацыя пераклада ад мяне не залежыць. Станоўча вырашыць падобную справу можа толькі Дзяржаўнае выдавецтва Украіны, у якога ёсць свае гадавыя планы і меркаванні і, у рэшце рэшт, свае думкі аб творчасці таго ці іншага пісьменніка. Калі б выдавецтва пагадзілася выдаць маю кнігу, то мне заставалася б толькі вітаць Вас як перакладчыка майго твора. Вядома, што я асабіста не магу прапаноўваць выдавецтву маю кнігу, бо гэта было б нетактоўна з майго боку і трошкі падобна было б на звычайную назойлівасць.

Такія мае думкі і меркаванні па закранутаму Вамі пытанню.

Яшчэ раз прашу прабачэння за спазненне з адказам на Ваш ліст. Жадаю Вам добрага здароўя і поспехаў у Вашай працы.

З павагай да Вас

Міхась Лынькоў.

30/VIII 1957 г., возера Нарач

273. М. П. РАКУ

30 жніўня 1957, Нарач

Дорогой Михаил Петрович!

Получил Ваше печальное письмо, сочувствую в Вашем горе, желаю успешного выздоровления. Почему бы Вам не обратиться в Одесский глазной институт, который возглавлял покойный Филатов. Ведь там делались настоящие чудеса, возвращали зрение многим и

многим людям. Конечно, не зная состояния здоровья человека, очень трудно что-либо советовать, но во всяком случае Вам нужно серьезно познакомиться с глазными специалистами.

Я на свое здоровье в эти месяцы не имею основания жаловаться. Неплохо отдохнул этим летом, по мере сил и возможностей работаю.

Хуже обстоит дело у Софьи Захаровны, которой приходится все время лечить горло.

С дружеским приветом Вам и Анне Наумовне

Міхась Лынькоў.

30/VIII 1957

274. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

21 кастрычніка 1957, Мінск

Дорогой Николай!

Отвечаю, как обычно, с большим запозданием. Причина — дела, дела и дела. Подходят праздники, значит очередные статьи для газет, журналов, доклады и т. д. На Нарочи был до 2 октября. Посадил еще много березок, тополей. В сентябре довольно основательно занимался рыбной ловлей и не без успеха. Обычно, когда уезжал на рыбалку, наша бабушка молила бога, чтобы я ничего не поймал — ей надоело чистить щук, среди которых попадались и довольно солидные, с которыми приходилось основательно повозиться на озере, чтобы вытащить на борт. В общем, отдохнул этим летом неплохо, жалею, что рыбному хозяйству не уделял раньше достойного внимания. На днях был в Гродно, читал там доклад на выездной сессии Академии наук. Завтра начинается сессия Верховного Совета республики. Потом будет собрание интеллигенции города Минска, после юбилейные сессии Отделения общественных наук, потом юбилейная сессия академии. В общем, порядком прозаседаем до праздников.

Второй том «Векопомных», очевидно, не успеет выйти в этом году — громоздкая для издательства работа.

Такова наша жизнь. В остальном живем по-старому. <...>.

На этом заканчиваю свое послание. Сердечный привет от меня и всех наших тебе, Ольге Ивановне, детям. Поздравляем всех с наступающими Октябрьскими праздниками, желаем здоровья и всяческих успехов.

С братским приветом

твой *Міхась.*

21/X 1957 г.

275. М. П. РАКУ

28 кастрычніка 1957, Мінск

28/X 1957 г.

Дорогой Михаил Петрович!

Сердечное спасибо за письмо! В этом году я впервые буду праздновать Октябрьскую годовщину дома, в семейной обстановке. Пять лет подряд я обычно в эти дни болтался где-нибудь за морями, океанами, что порядком надоело. Пора, как говорится, и честь знать. В мои годы дальние путешествия переносятся не так легко. Последнее мое путешествие в Индию стоило мне потом двух месяцев больницы.

За лето я основательно отдохнул и после праздника возьмусь за новые литературные работы.

Желаю Вам весело и счастливо провести Октябрьские дни и, вообще, отпраздновать в будущем не один десяток Октябрьских годовщин.

Сердечно приветствую Вас и Анну Наумовну и желаю всяческих успехов в жизни и труде.

Міхась Лынькоў.

276. П. М. БАРАНАВУ

17 лістапада 1957, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

Давненько получил Ваше письмо и, как видите, отвечаю с некоторым запозданием.

За письмо большое спасибо. Второго тома романа в продаже еще нет, он находится в производстве (на белорусском языке) в Минске и переводится на русский

язык в Москве. Когда выйдет в Москве, я обязательно вышлю Вам.

Что касается всяческих «присвоений», то это сущие пустяки, о которых я никогда не думаю. Да, кроме того, я ведь и не Шолохов, чтобы рассчитывать на какие-то звания и прочее. Прожить можно и без званий и неплохо. С меня достаточно сознания того, что твоя работа все же не бесполезна для народа. Таковы дела.

Что касается того, что, по Вашим словам, «числится» за Вами, то давайте об этом не говорить — мы давно рассчитались с Вами. А поэтому — чтобы не ссориться с Вами — давайте не будем и вспоминать об этом.

Желаю Вам всяческого благополучия и успехов в Вашей жизни.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

17/XI 1957 г.

277. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

16 снежня 1957, Мінск

Дорогой Павел Семенович!

Спасибо за дружеские пожелания. Мы так и полагали, что ты заболел или какие-нибудь неотложные дела помешали тебе позвонить в нашу минскую обитель.

У нас несколько изменились планы. Мне предстоит служебно-деловая командировка в Москву. Решили, что и Софья подъедет со мной в Москву, используя эту поездку в лечебных целях. В Москве думаем побыть немного, дней пяток, не более, с тем чтобы к Новому году вернуться в благословенный Минск. В январе Софья уедет на месяц в Трускавец. И только в феврале мы планируем поездку в Ленинград со всевозможными целями — лечебными, туристскими, просветительными и пр. и пр.

Передай наш сердечный привет Тасе, Александру Андреевичу, Анастасии Васильевне и всем общим знакомым.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

16/XII 1957 г.

278. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

28 студзеня 1958, Мінск

28/I 1958

Достопочтенная супруга!

Послание твое получили сегодня, 28-го, прочли, обсудили на семейном совете (во время обеденного перерыва между заседаниями Верховного Совета, сегодня началась сессия) и немедленно посылаем тебе ответ с полным отчетом о нашей трудовой деятельности и всей нашей жизни.

Все мы здравы, пребываем в полном благополучии, трудимся в меру сил наших и возможностей, возносим моления о здравии путешествующих и санаторствующих, скучаем и грустим об отсутствующих, не исключая и твоего питомца Дымка, который ежедневно аккуратно подходит в 5 часов утра к двери нашей спальни и лирическим мяуканьем напоминает о своей скорби по своей покровительнице. Не ограничиваясь этим, он в течение дня помыкается по несколько раз взобраться на руки к бабушке или к Надюшке.

Одним словом, скучаем.

Плохо, что ты простудилась, и мы так и не знаем, в каком же состоянии находишься теперь.

Надюшка имеет еще несколько пятерок, трудится изо всех сил. О своих делах она пошлет тебе свое письмо.

В минувшее воскресенье у бабушки были гости — собрались две ее сестры — та, что гостит у Ларисы, и другая с дочкой, из Заславья. В общем, провели они день неплохо, наговорились про запас.

У меня в воскресенье было выступление в Доме офицеров для начинающих военных писателей.

Сегодня кроме двух заседаний сессии вечером выступим с небольшой беседой на одном из избирательных участков. Другой томик книги еще не готовый из печати, прочел за это время принесенную мне рукопись для редактуры. Как видишь, трудимся.

Привет тебе от Притыцкого и Борисова — они на

сессии. Если наши хозяйки сварганят холодец, то при случае приглашу их на ужин.

Нина Михайловна еще на прошлой неделе приглашала меня в гости на воскресенье. Отказался: не могу, дескать, ходить в гости без своей Дульцинеи, да и занят. Разобиделась — пренебрегаю, мол, маленькими людьми. Думаю, помиримся.

Таковы все наши дела.

Отчет заканчиваю — пора двигать на сессию. Желаю тебе всяческих успехов и преуспеваний в санаторном житии, а главное — доброго здравия.

От имени всей нашей коммуны и моего в первую очередь обнимаю и целую.

Твой благовернейший *Михась.*

P. S. Сердечный привет Марусе.

279. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

31 студзеня 1958, Мінск

Софа!

Каюсь во гресех — не писал до получения твоего письма. А тут сегодня сразу получаю два послания: от 26 и 27 января. Спешим отчитаться.

Твое сообщение об автомобильных приключениях наделало дома переполоху. Грешным делом, и я подумываю, а не утаиваете ли вы с Марусей размеры и характер этих «приключений»? Одним словом, для умиротворения нашего дома необходим твой подробный отчет о всем этом происшествии.

Мы все живы и здравы. Сессия закончилась позавчера — предполагали потеть три дня, завершили за два. Серега пробыл только один день и уехал, так что никаких гостевых компаний не проводилось. Надюшка преуспевает, отчитывается передо мной и бабушкой. Установилась договоренность: за каждую пятерку получает от меня апельсин (купил с пяток килограмм). Вчера возобновилась горячая вода, и твой благоверный рыцарь моментально же этим воспользовался, омыв свои порядком соскучившиеся по мылу телеса. Сегодня расплатился за два месяца за свет и квартиру.

Таковы наши домашние дела.

Упоминаемую тобой книгу Броневской не читал, надо будет взять в библиотеке. Сегодня взял в издательстве корректуру второго тома первой книги. Скоро будет готов и третий том.

Пленум в Киеве отменили (заболел Бажан, а поэтому сняты вопросы украинской литературы), но назначили в Москве на 11-е. Съезжу.

Домашние рады, что вы с Марусей устроились неплохо с комнатой. Все желают тебе доброго здоровья и успехов в лечении. Привет от твоего друга Поветьевой. Приветы от Танков, Феди, Маруси, Вити и Ларисы.

Надя стоит рядом (она понесет письмо в ящик), диктует — заканчивайте, целуйте и т. д.

Просьбу всех домашних выполняю: крепко обнимаю и целую от всех и меня персонально. Привет Марусе.

Твой благовернейший *Міхась.*

31/I 1958 г.

280. К. Я. ДАНІЛКУ

8 лютага 1958, Мінск

Паважаны Канстанцін Юхімавіч!

Перш за ўсё сардэчнае дзякуй за Ваша пісьмо і за Вашы пажаданні.

А цяпер адкажу на ўсе Вашы запытанні. Ніхто з таварышаў перакладчыкаў не мае пэўнай дамоўленасці са мной адносна перакладу майго рамана. Прычына ў тым, што не ад мяне залежыць унясенне кнігі ў выдавецкі план Дзяржвыдата Украіны. У мінулым годзе мне прапаноўвала перакласці раман тав[арыш] Вігурская з Кіева (яна перакладала на ўкраінскую мову маю дзіцячую аповесць «Міколка-паравоз» для выдавецтва «Молодь» — кніжка выйшла ў 1956 годзе). Таварышу Вігурскай я адказаў прыблізна тое ж, што і Вам, што я «рад бы ў рай, ды выдавецтвы часам не пускаюць».

Наколькі я разумею з Вашага пісьма, раман мой быў уключаны ў выдавецкі план, а пасля, відаць, не быў зацверджаны. Крыўдаваць на выдавецтва я не маю ніякіх прычын, бо справа тут, як кажуць, «хозяйская».

Другая кніга «Векапомных дзён» знаходзіцца зараз

у друкарні і выйдзе яна разам з першай кнігай у першай палове гэтага года — зараз чытаю карэктуру. Другая кніга будзе і апошняй.

Яшчэ раз дзякуй Вам за пісьмо. Жадаю Вам добрых поспехаў у жыцці і працы.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

8/II 1958 г.

281. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

15 лютага 1958, Масква

Софуня!

Пишу тебе из Москвы. Выехал я из Минска в воскресенье 9 февраля и приеду домой завтра, 16 февраля. Выезжаю минским поездом в 3 ч[аса] 45 мин[ут] из Москвы. Думал выехать берлинским в 6 ч[асов] вечера, заказал и билет на него. Но сегодня принесли билет на минский, так что приходится ехать им. <...>. И в Минск приеду позже (берлинский приходит в семь часов утра, а минский в одиннадцать). Неувязка с билетом сорвала план встречи с Ганкевичем. Предполагали с ним в 3 часа пообедать у меня в гостинице «Украина», а тут надо выбираться на вокзал раньше 3 часов. Он звонил, что приедет на вокзал, чтобы встретиться и провести меня на поезд.

Новостей особых на пленуме не было, обычное словоговорение, так что я даже не доволен, что поехал. Хорошо, что брал с собой корректуру.

Ничего не покупал — и некогда было, да ничего и не было из того, что хотелось купить. Взял в буфете апельсинов и мандаринов для домашних. Привет от <...> Танка и Брыля.

Обнимаю и целую.

Твой *Міхась.*

15/II 1958

282. П. М. БАРАНАВУ

19 лютага 1958, Мінск

Уважаемый Павел Николаевич!

Сердечно поздравляю Вас с сорокалетием нашей родной и любимой Советской Армии.

Вам как ветерану-летчику нашей Армии желаю долгих лет жизни и славных удач на жизненной дороге. Дружеский привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку.

Міхась Лынькоў.

19/II 1958 г.

283. П. А.

10 мая 1958, Мінск

Уважаемый Павел Александрович!

Внимательно прочел Вашу рукопись «Сибиряки сражались за Родину». В разборе произведений квалифицированных и неквалифицированных авторов, опытных и малоопытных и только-только начинающих я всегда придерживаюсь самой суровой правды. Исходя из этого основного моего принципа, я, к сожалению, должен огорчить Вас: художественного произведения у Вас не получилось. Более того, тщательное ознакомление с Вашей рукописью говорит о том, что Вы еще не имеете ясного, отчетливого представления о сущности художественной литературы, литературы, отражающей жизнь в художественных образах, показывающей человека не только в его внешней, портретной характеристике, в его внешних поступках, но и во всем многообразии, богатстве его внутреннего духовного мира, в его взаимоотношениях, столкновениях и конфликтах с другими людьми, в его идейном росте, в богатстве его чувств и переживаний. Художественная литература апеллирует в первую очередь к человеческому сердцу, к человеческому чувству. В этом ее отличие от других видов литературы, в этом ее отличие от публицистики, от научных произведений.

Советская художественная литература — это лите-

ратура о советском человеке, его росте, становлении, формировании, его героическом труде, его героической борьбе с врагами, мешающими его строительству, посягающими на его жизнь, его свободу, его государство (говорю применительно к теме, затронутой в Вашей рукописи).

Присутствует ли этот настоящий человек в Вашем произведении? К сожалению, нет. Правда, на целом ряде страниц (30, 56, 73, 74, 75, 102, 128, 129, 160 и др.) Вы называете фамилии людей. Но эти фамилии так и остаются фамилиями, а не полнокровными образами людей, живущих, борющихся, чувствующих, переживающих, не похожих друг на друга, различных по характерам, привычкам, профессиям (былым), но единых в своей безграничной любви к Родине, могучих непобедимой силой коллектива, сознанием, что они неотделимые частицы великого советского народа. Люди, в показе которых Вы ограничиваетесь только упоминанием их фамилий, жили, очевидно, полнокровной человеческой жизнью, любили, страдали, совершали героические подвиги, иногда погибали. А вот этой волнующей, всеобъемлющей, захватывающей жизни и нет на страницах Вашей рукописи. Есть только голые фамилии, и эти фамилии незаметно приходят и также незаметно уходят со страниц, не оставляя никакого следа в памяти читателя, не заполняя его сердца, не зажигая его теми или другими чувствами.

Фамилии останутся только фамилиями, несмотря даже на то что в отдельных местах Вы делаете робкие попытки хоть внешне немножко показать носителя той или другой фамилии. Так, о подполковнике Свешникове Вы говорите, что это «был высокий стройный мужчина лет сорока от роду, с правильными чертами лица, русый и голубоглазый красавец». Должен сказать, что это очень небогатая характеристика внешнего облика человека, к тому же еще и ходульная, ничего не дающая. А что мы больше узнаем об этом человеке? Ничего. Ведь читатель не хочет верить Вам, что «он покорял гвардейцев своим сдержанным тактичным обращением с подчиненными» и проч. Читатель поверил бы Вам, если бы Вы это качество человека раскрыли в живом показе, в действиях, поступках, отношениях героя к другим людям и т. д. Вы только назвали человека, а не показали его, не раскрыли его ду-

ховный мир, не создали его образа. Вы ограничились протокольной фиксацией: «он покорял гвардейцев...» и т. д., а протокольная, канцелярская запись органически чужда художественному показу.

О человеке можно написать различно. Приведу несколько примеров. Так, в боевых донесениях Вы могли встретиться с такими сообщениями: «20 сентября при исполнении боевого задания героически погибли разведчики Иванов, Смирнов и Николаев». Такое сообщение вполне на месте в боевом донесении. В сводке, скажем, политработника об этом факте будет рассказано несколько шире. В газетной заметке еще шире. В специальном газетном очерке о героях будет рассказано значительно полнее. Если же писатель напишет об этом в рассказе или повести, то пред читателем возникнут волнующие образы людей, их героизм наполнит сердце читателя самыми лучшими чувствами, переживаниями, окажет большое воспитывающее влияние. Читатель невольно захочет следовать героическому подвигу героев, быть подобным на них в своих поступках и действиях.

Автор газетной статьи и автор рассказа об одних и тех же героях преследуют одну и ту же цель: показать героизм трех разведчиков. Но этого показа они достигают различными путями: обычно в газетной статье публицистическим путем, а в рассказе или повести — художественным. Различие этих путей, этих приемов нужно всегда учитывать. Можно и в художественном произведении прибегать к элементам публицистики, но в меру и, конечно, высококачественной публицистики.

Как же характеризовать Вашу рукопись? Это не художественный показ. Это в основном протокольная запись вперемешку с публицистическими отступлениями, написанными на невысоком уровне.

От этой общей оценки Вашей рукописи перейдем к деталям. Вы, очевидно, задавались целью показать боевые подвиги взвода разведчиков-сибиряков. Но Вы очень часто сбиваетесь на общие рассуждения, на общевоенные и на историко-военные темы, что совершенно не нужно Вам и что является по существу задачей военных историков (страницы 61, 146—150 и др.).

Вы увлекаетесь часто громкой фразой, и это приводит порой к словесным несуразицам, к трескучему,

никого не убеждающему слову. На стр. 34 Вы пишете: «Тяжелый ручной труд колхозников... наглядно показывал на историческую необходимость боевой учебы...» А если бы труд был механизированным, разве тогда отпала бы Ваша «историческая необходимость»? Не все понятия легко связываются. Боевую учебу связывайте с чем-нибудь другим, скажем, с необходимостью более успешно громить врага. Так будет естественнее, нормальнее. А то слов-то много, и громких, а получается нелепица. И вся страница — пример плохой публицистики, жонглирующей ненужными словами, громкими фразами и повисающей в воздухе, не доходящей до читателя.

А вот показали бы Вы, как, увидев тяжелый труд колхозников на разоренной войной земле, бойцы прониклись жгучей ненавистью к врагу, как эта ненависть повела их в бой,— тогда бы Вы и достигли цели. Но показать надо художественно, а не голыми рассуждениями, оформленными к тому же неряшливо, коряво.

Эта склонность к голым рассуждениям, к громкой фразе, к выспренности сводит на ничто многие и многие страницы Вашей рукописи (39, 41, 45, 60, 61, 62, 65, 71, 73, 76, 147, 173 и др.). Склонность к выспренности приводит Вас к курьезам, к смешению несопоставимых по своему значению понятий. «Солнце уже всходило над Родиной (как громко!!!), когда Борис с разведчиками располагались отдохнуть (как буднично, просто!)». Это на стр. 65. На стр. 76 опять то же: «Солнце взошло над Родиной. Стоявшие в траншее покуривали». Вдумайтесь в эти фразы, и Вы поймете их несуразность. Если уж Вы начали фразу в так называемом высоком стиле, то в том же стиле и кончайте ее. А Вы умудряетесь совместить, сопоставить рядом высокое понятие «Родина» с «закуркой». Это все равно, что построить такую фразу: «Да здравствует Родина! Дай прикурить!» Слово требует бережного обращения. Когда мы говорим: «Солнце взошло над Родиной», мы этот восход понимаем не в буквальном, а в переносном смысле. Такое выражение будет уместно в описании, скажем, знаменательного дня, когда враг был окончательно изгнан из пределов нашей земли. А Вы делаете попытку применить это выражение к будничным делам, к перекурке, к отдыху. Тут оно неприменимо и по другой причине. Когда Вы

пишите: «Солнце взошло над Родиной. Стоявшие в траншее покуривали», то мы не имеем точного представления о времени. Просторы Родины у нас безграничны, солнце всходит на Дальнем Востоке на несколько часов раньше, чем в Минске или Гомеле. Поэтому не лучше ли было бы написать Вам: «Солнце взошло. Стоявшие в траншее покуривали». Так было бы естественно, понятно, просто.

Дальше. Вообще плохо строите Вы фразу. Разве можно так писать: «...чтобы движением согреть организм и не дать коченеющему телу потерять свойство двигаться». Получается «движением... двигаться» (стр. 1). На стр. 2 «грели спины к солнцу». Можно поворачивать «спины к солнцу», а уж если греть, то «на солнце». На стр. 25 колонны у Вас «все падают и падают на лежавших уже убитых и раненых». Как понять: солдаты ли падают, или колонны падают на уже убитые и раненые... колонны (так получается по смыслу фразы, а это же нелепица).

Не к месту привели Вы «металлистов» на стр. 60. И на Западном фронте и на других победу над врагом ковал весь советский народ, а не одни металлисты.

Очень корявая фраза на 120 стр.: «Противник очистил все пространство действий окруженной гвардейской роты».

На стр. 135 село у Вас сначала превращается в «красный уголь», а потом вспыхивает... костром. Уголь никогда не вспыхивает костром. Обычно после костра остаются угли. На стр. 141 Вы позволяете говорить о советском человеке, Вашем знакомом, что его боятся больше, «чем фрицев в бою». Хороший знакомый! Так о советских людях нельзя говорить, нельзя делать таких сравнений. Так можно говорить о предателях, изменниках, фашистских наймитах, а не о человеке, посмевшем ухаживать за любимой девушкой другого.

Не надо злоупотреблять одними и теми же словами. На стр. 13 у Вас и «подарки богатые» и «завтрак богатый». Разве нет других слов, равнозначных по смыслу? Некритическое употребление одного и того же слова приводит к бедности языка.

На стр. 43 Вы делаете анатомическое открытие. Оказывается, у бойца «разбило левую грудь». Если мы слышим фразу: «Женщина кормила ребенка левой грудью», то это еще до некоторой степени терпимо,

У бойца одна грудь, а не две. Правда, существуют левая и правая части, половины груди.

На страницах 69 и 70 несколько раз повторяются слова «торжественно» и «грозно». Такие повторения и нагромождения не создают никакой «торжественности» ни «грозности».

Напрасно Вы думаете, что «в любом парке культуры» позавидовали бы фейерверку из пуль и снарядов. Не позавидуют (стр. 55).

Не особенно хорошо чувствует себя голова на стр. 68 «посторонним грузом на позвоночнике».

На стр. 77 «...голос терялся не выходя из уст в железном грохоте войны». Очевидно, Вы имели в виду слово, а не голос. Слова «не выходя из уст» совершенно лишние. Не говорят: «человек произнес речь из уст», а просто: «человек произнес речь», потому что и так понятно, что никаким другим органом, никаким другим местом речи не произносят. А отсюда следует, что надо было бы написать просто: «Голос (или слово) терялся в железном грохоте войны (лучше «боя», понятие «война» слишком обширное).

На страницах 81 и 171 у Вас происходят просто невероятные вещи. То героя «стукнуло по спине большим осколком снаряда» (а герою хоть бы хны, полежал малость да вновь командует...), то «огромная каменная глыба ударила его по левому бедру» (и он опять командует). По бедру можно ударить камешком, камнем (большим и малым), осколком снаряда или мины, но не «огромной глыбой». Если бы «огромная каменная глыба» ударила по бедру, то не осталось бы в наличии и хозяина бедра, он был бы расплющен, раздавлен. Значит, очевидно, дело шло не об «огромной глыбе», а обычном осколке камня, или камне.

На стр. 83 враг был «обезглавлен» ударом приклада автомата. Обезглавить можно саблей, топором, косой, гильотиной, но не прикладом, который может только проломать, или раздробить, или разбить, или размозжить череп.

На стр. 87 герой «медленно и долго смотрел». Можно медленно идти, медленно продвигаться, медленно собираться, но нельзя смотреть ни медленно, ни быстро. Вот взгляд может быть быстрым.

На стр. 114 Вы опять выпускаете «слова из уст».

Противоречива фраза на стр, 115: «Глаза его не

выражали ничего, они отражали напряженную мысль». И ничего, и напряженную мысль... Как же это понимать?

На стр. 123 у Вас имеется слово «рокотящее». Такого слова в русском языке нет. Вы, очевидно, имеете в виду слово «рокочущее».

Безграмотна фраза: «...высота является орешком чего-то более важного».

На стр. 125 «был слышен свист пуль вокруг головы». Это выражение не совсем точное.

На стр. 173 санитарки «стали подымать Бориса, чтобы выкинуть из траншеи». Очевидно, «чтобы вынести из траншеи». Обычно выкидывают что-нибудь ненужное, неценное. А здесь ведь разговор идет о живом человеке, хотя и раненом.

На стр. 175 «девушки привели к Борису крестьянскую телегу». Можно привести человека, привести лошадь, но привести телегу — дело довольно замысловатое в литературном обиходе. Телегу можно притащить, поставить, подтолкнуть, опрокинуть, сломать... Можно и привезти, но не привести.

Встречаются в Вашей рукописи и частые грамматические «огрехи», которые говорят о необходимости усвоения элементарных основ правописания. Вы пишете: загримел, курыли, пригать, нагрядной, ширылся и т. п. У Вас «смеются с разведчика», когда нужно «над разведчиком», «из вашего разрешения» вместо «с вашего разрешения», «в его над головой» вместо «у него над головой» и т. д.

Если говорить о композиционном построении Вашей вещи, то оно совершенно беспомощное: тут нет ни настоящей завязки, ни кульминации, ни развязки, ни всего того, что заинтриговало бы читателя, заставляя его с неослабевающим интересом следить за ходом событий.

Оценку рукописи я дал в начале разбора. Не обижайтесь за суровый анализ. Я честно предостерегаю Вас от переоценки своих сил и возможностей, от поспешной работы. Вы сообщаете в последнем письме, что пишете новую работу «Беззаветное служение Родине». Не торопитесь. Вам нужно основательно подучиться, много прочесть книг самых лучших писателей, чтобы усвоить хотя бы азы — на первых порах — литературной работы, познать ее «секреты». Читать

нужно не просто так, для забавы, для развлечения, а читать критически, присматриваясь, как писатель строит сюжет своего произведения, какими средствами и способами добивается высокой изобразительности, как создает он портреты и характеры людей, как управляет их поступками и действиями, как показывает события и т. д. Приемы, методы работы у различных писателей разные, осваивать их нужно критически. Вы пишете о разведчиках. Попробуйте для начала прочитать небольшую повесть Э. Казакевича «Звезда». Она написана тоже о разведчиках и многому научит Вас. Несмотря на то что герои ее погибли, повесть звучит оптимистически, призывая читателя на героические подвиги, на героический труд.

Работа писателя большая, тяжелая, сложная и ответственная. Она требует большой, систематической учебы. Человек, если он даже обладает талантом, никогда не станет писателем, если он пренебрежет упорным трудом и такой же учебой.

Вот мысли, которыми я считаю нужным поделиться с Вами в связи с Вашей рукописью.

С приветом *Міхась Лынькоў*.

10/V 1958 г.

284. К. Я. ДАНІЛКУ

25 жніўня 1958, Нарач

Шматпаважаны Канстанцін Юхімавіч!

Тысячу і адно прабачэнне прашу ў Вас за позні адказ на Ваша пісьмо. Спадзяваўся, што хутка выйдуць з друку чатыры томікі маёй «апупеі» (абедзве кнігі рамана), а таму і думаў паслаць іх Вам разам з пісьмом. Але выпуск з друку, як гэта заўсёды бывае, затрымаўся, а адказ на Ваша пісьмо так і не быў напісаны да гэтага часу.

Паколькі ж і ў мяне, як у кожнага чалавека, існуе сумленне, то яно загадала мне: не чакай выхаду кніг, а адказвай, бо іначай цябе назавуць нетактоўным чалавекам. Гэта ў лепшым выпадку. Могуць назваць і горш, бо падставы на гэта ёсць.

Адным словам, каюся «во гресех сваіх» і яшчэ раз прашу прабачэння.

Крыху аб справах. Аб выдавецкіх меркаваннях кіеўскіх выдаўцоў (маю на ўвазе маю кнігу) мне нічога невядома. Відаць, не ўключылі ў план.

Як толькі выйдуць з друку абедзве кнігі рамана — абавязкова вышлю Вам.

Адказваю на некаторыя Вашы запытанні. Некаторыя мае «партызанскія» навелы былі не столькі творчымі «загатоўкамі» для мяне, колькі звычайным творчым «разбегам».

Вы пытаеце ў мяне пра навінкі з гісторыі беларускай літаратуры. Мне цяжка адказаць, бо не ведаю, што ў Вас ёсць у наяўнасці з гісторыі нашай літаратуры. За апошнія два гады выйшлі з друку кнігі Івашына, Адамовіча, Барысенкі, Кудраўцава, Пшыркова і інш. Гэта кнігі аб літаратуры XIX стагоддзя, аб Францішку Багушэвічу, аб вытоках крытычнага рэалізму ў беларускай літаратуры, аб Кузьме Чорным і г. д. Не кажу ўжо аб розных артыкулах, аглядах і інш.

На гэтым заканчваю сваё спозненае «пасланіе» і шчыра жадаю Вам добрых поспехаў з пачаткам новага навучальнага года.

З павагай

Міхась Лынькоў.

25/VIII 1958 г.
возера Нарач

285. К. Я. ДАНІЛКУ

28 лістапада 1958, Нарач

Паважаны Канстанцін Юхімавіч!

Нядаўна выслаў Вам заказнымі бандэролямі чатыры томікі майго рамана (абедзве кнігі). Напісаць ліст не паспеў, бо ўвесь гэты час быў у раз'ездах, нават гэты ліст пішу Вам з возера Нарач Маладзечанскай вобласці.

Раман мой, як відаць, у выдавецкі план не ўключаны, бо ў іншым разе мне хто-небудзь паведаміў бы аб яго ўключэнні. Але столькі той бяды!

Адказваю на некаторыя Вашы запытанні. У часы

далёкага дзяцінства я вельмі любіў апавяданні Гогаля. Пры сканчэнні пачатковай школы мне падарылі кніжку «Ноч напярэдадні Раздва». Апавяданні з гэтай кніжкі я ведаў напамяць. Пазней, у юнацкія гады, любімымі маімі творамі былі раннія апавяданні Максіма Горкага. Зачытваўся і Тургеневым, Л. М. Талстым, Ганчаровым, Чэхавым. З украінскіх пісьменнікаў ведаў — і даволі рана — славутага Тараса Рыгоравіча. Чытаў у юнацтве Франко і Кацюбінскага.

Што тычыцца маёй аўтабіяграфіі, дык мне нават цяжка сказаць, у якім падручніку можна знайсці яе. Ва ўсякім разе, калі трапіцца мне пад рукі такі падручнік, дык я пры выпадку перашлю Вам.

Выбачце, што так коратка адказваю на Вашы запытанні, бо крыху спяшаюся: ударылі марозы і «выкурваюць» мяне з маёй дачы на возеры Нарач.

На гэтым бывайце. З таварыскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

28/XI 1958 г.

286. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

28 лістапада 1958, Нарач

Дорогой Николай!

Пишу это послание с озера Нарочь, куда мы забрались на неделю, чтобы посмотреть, как замерзает наше море. Посадили тут десятка полтора елочек, да три большие липы. Только закончили завчера посадки, как вчера ударил первый мороз и земля сразу же замерзла. Берега Нарочи стали покрываться льдом. Сегодня зажжем последний в этом году костер и завтра отправляемся в Минск. Надюшке сегодня исполнилось 17 лет, так что надо будет отметить ее именины. Учится она неплохо, но жалуется на сильные головные боли (результат переутомления этого года — два экзамена, да прошлой зимой после продолжительной болезни старалась нагнать упущенное). Одним словом, возможно, придется ей попросить годовой отпуск из университета, посмотрим, как пойдут у нее дела дальше.

Рад, что ты доволен своей новой работой. Нажимай на Николая, чтобы брался за художественную книгу

и привыкал к ней, иначе будет ограниченным человеком. Скажи ему, чтобы он написал мне, какие книги прочел в первом полугодии.

Я недавно ездил в свою Пинщину. Еле пробрался по своим болотам. Из-за распутицы не сумел побыть во всех запланированных мной пунктах. Был в двух районах — Пинском и Ивановском.

Неделю назад был в Борисове.

Таковы наши дела.

Сердечный привет от меня и Софьи Захаровны тебе, Ольге Ивановне, Лене и Николаю.

С приветом *Міхась Лынькоў.*

28/XI 1958 г.

P. S. «Векапомныя дні» на белорусск[ом] языке вышли.

М. Л.

1959

287. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

8 сакавіка 1959, Мінск

Дорогой Николай!

Отвечаю на твое письмо с некоторым запозданием. Был «занят» — грипповал, потом ездил на встречу с избирателями в пинские края, потом опять прихварывал, а теперь вот пришел в норму и отвечаю всем своим корреспондентам.

Гриппуют и у нас в Минске не хуже, чем в Ленинграде. У нас болели все — я, Надя, Мария Петровна, за исключением Софии, которую мы и называли начальником лазарета. Теперь все уже здоровы, а начальник лазарета вчера уехал в Трускавец малость подлечиться.

Погода стоит у нас отвратительная — слякоть, туман, гололедица. Тоскуем по настоящему, что называется, человеческому солнцу.

Когда я ездил в Пинщину, там погода была лучшей, хотя все дороги на знаменитых пинских болотах

так разнесло, что я оставил свою машину в городе, а по району колесил на грузовиках, «козлах» и всяких прочих видах транспорта.

Рад, что доволен ты своей службой и своими астрономическими увлечениями. Хорошо, когда у человека бывают и свободные минуты для всяких своих личных дел «не по службе».

Теперь относительно конструкторских увлечений Николая меньшего. Прошелся я по минским магазинам и ничего толкового не нашел. Есть обычные маленькие конструкторы и большие, но из деревянных деталей, которые никакого интереса для Николая не представляют. Конечно, в Москве и Ленинграде есть и нужные конструкторы, но в Москве я, очевидно, буду только в конце этого месяца (буду на Всесоюзном съезде писателей). Там бы и смог купить подходящий конструктор. Но это было бы не ко времени. Остается один выход: купи конструктор сам (в Ленинграде наверное же есть), а завтра я посылаю тебе на это дело двести рублей.

На этом заканчиваю свое послание, составляемое, как видишь, в День 8 марта. А посему, хотя с опозданием, приветствую Ольгу Ивановну и Лену с их женским праздником.

Привет от всего женского населения моей коммуны и самые наилучшие пожелания тебе, Ольге Ивановне, Лене и будущему имениннику Николаю Николаевичу.

С приветом
твой брат

Міхась Лынькоў.

8/III 1959 г.

288. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

13 сакавіка 1959, Мінск

13/III 59

Достопочтенная моя супруга!

Не дождавшись от тебя послания, шлю это письмецо как первый рапорт о политико-моральном состоянии нашего домашнего гарнизона. Состояние это оце-

ниваю в общем как вполне удовлетворительное. А подробно обо всем доложу по пунктам. Бабушка пребывает если не в добром, то во вполне терпимом здравии. Пробует делать набеги на кухню, но оттуда ее торжественно выпроваживаю. Оправдывается: хочется какого-нибудь дела... Отговариваю от всяких дел. Единокровная твоя племянница ходит на музыку, на процедуры в лечебную комиссию, живет скоропроходящими увлечениями: машинопись, фото, чтение газет и т. д. Каждое увлечение начинается с декларации: вот завтра начну систематическую читку газет... Обычно завтра увлечение проходит, уступая место следующему.

Зося хозяйствует на кухне и в прочих отраслях домоведения. Бабушка дает руководящие указания. Дымок ведет прежний образ жизни: бродяжит по ночам, добросовестно является в хату для подкрепления своих моральных и физических сил <...>.

Я пребываю в удовлетворительном здравии и посылаю сердечные приветы от всех домашних, Феди и Маруси. Дымок в знак приветствия мяукнул два раза и забрался спать на мое кресло.

Привет Марии Порфирьевне.

Целую, обнимаю и пр. и пр.

Твой благовернейший *Михась.*

289. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

23 сакавіка 1959, Мінск

23/III 1959 г.

Дорогой Евгений Семенович!

Получил твое письмо и отвечаю вот с некоторым опозданием. Дело в том что письмо заставило малость призадуматься. Рассказов и повестей (которые я считаю «удобоваримыми») не только на 30, но и на двадцать листов не наберется. Что касается «На чырвоных лядах», то я ведь даже никогда не допустил их к переизданию, поскольку они совершенно меня не удовлетворяют. Я их оставляю как черновой материал для одной задуманной работы. Брать из «Векопомных» листов 20 и неудобно и нехорошо (и для меня и тем более для читателей) — это совсем несолидно.

В общем, с этим делом спешить мне не стоит, надо как следует обмозговать и дополнительно поработать. На съезде, думаю, встретимся — поговорим.

Привет от всей моей коммуны тебе и Калерии Ивановне.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

290. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

23 сакавіка 1959, Мінск

Благоверная моя супружница!

Что-то не слыхать от тебя очередных посланий. Прислала письмо и забастовала, а мы тут, с чадами и домочадцами, должны волноваться, беспокоиться и т. д. и т. п.

Живем мы во всяческом благополучии, питаемся трудами рук Зосиных, ходим под неослабным руководством Марии Петровны. Погода у нас стоит изумительная — уже седьмой день солнышко, тепло и пр. Воробьи чирикают во всю, ребятишки бегают на нашем дворе без пальто. Даже мы грешным делом сменили зимнюю форму на демисезонную. У вас там, очевидно, еще теплей. Правда, ожидается как будто похолодание (прогнозы службы погоды, но эта служба всегда ошибается).

Какие новости у нас? Съезд писательский отнесен на 18 мая. Только мне придется съездить на день в Москву на юбилейный вечер Гоголя (1 апреля), чтобы выступить там с «речугой». Договорились, когда съезд назначен был на 31 марта. Съезд отложили, Гоголя не отложишь.

Елена Константиновна находится сейчас в больнице — у нее кровоизлияние на сетчатку глаза.

Послезавтра я, Танк и Надя думаем наведаться на Нарочь.

Привет тебе от бабушки, Нади, Зоси, Феди, Маруси и соседей.

Обнимаю, целую.

Міхась.

23/III 1959 г.

291. Д. Я. БУГАЁВУ

23 сакавіка 1959, Мінск

Паважаны тав[арыш] Бугаёў!

Адказваю на некаторыя Вашы пытанні, пастаўленыя ў Вашым пісьме.

Пачнём па парадку з А. М. Горкага. Вядома, і я, як і іншыя нашы пісьменнікі, паважаю А. М. Горкага перш за ўсё як вялікага мастака, у якога шмат чаму можна павучыцца. Паважаю і як выдатнага грамадскага і культурнага дзеяча, шмат зрабіўшага і ў часе яго прабывання старшынёй Саюза пісьменнікаў, калі нам давялося з ім сустракацца і гаварыць на розныя тэмы. З яго твораў найбольшы ўплыў на мяне як пісьменніка зрабілі яго раннія, рамантычныя апавяданні. З другіх класікаў рускай літаратуры мне як чытачу і пісьменніку падабаюцца творы Гогаля, Тургенева і Л. М. Талстога.

Што датычыцца творчасці Я. Купалы, Я. Коласа і іншых беларускіх пісьменнікаў, то трэба сказаць, што ў самым пачатку маёй літаратурнай дзейнасці іх уплыў на мяне не быў ні рашаючым, ні значным, бо я толькі-толькі знаёміўся з іх творчасцю, з якой у юнацкія гады я зусім быў незнаёмы. Зразумела, што ў далейшым, калі блізка пазнаёміўся з іх творчасцю, я палюбіў яе і паважаў яе творцаў, як сапраўдных пісьменнікаў-трыбунаў свайго народа. Іх творчасць — гэта сапраўды вялікая і павучальная школа для ўсіх пісьменнікаў любога народа, любой нацыі. Адсюль зразумела, што ўплыў нашых народных паэтаў на маю пазнейшую творчасць меў месца і сказваўся ён, вядома, у наследаванні пэўных традыцый. Павінен сказаць, што з Якубам Коласам мяне звязвала і добрая дружба (асабліва ў пасляваенныя гады). Колас не раз крытыкаваў мае творы, і гэта ніколі не псавала самых добрых, прыязных узаемаадносін. Здарылася і мне (не публічна і не ў друку, а ў таварыскай бяседзе з Коласам) пакрытыкаваць яго асобныя творы («Суд у лесе», «Адплата»). Колас не вельмі любіў крытыку (вінаваты тут былыя вульгарызатары, якія спрабавалі нават такія шэдэўры нашай літаратуры, як «Новая Зямля», абвяшчаць ні больш ні менш як кулацкім творам), але да маіх заўваг прыслухоўваўся.

Што датычыцца тэматычнай блізкасці з Галава-

чом, то зразумела, што ў нас было шмат агульных інтарэсаў — і грамадскіх, і творчых, і проста самых звычайных жыццёвых.

Цяпер аб прататыпах у маіх творах. Прататыпамі некаторых маіх даваенных апавяданняў з местачковага жыцця былі жыхары мястэчка Свержань Рагачоўскага раёна. Цяпер цяжка прыпомніць іх фаміліі, амаль што ўсе гэтыя людзі загінулі ў часе вайны, загінулі і ўсе мае даваенныя запісы, архіўныя матэрыялы. Прататыпамі герояў «Чырвоных лядаў» былі жыхары мястэчка Свержань, вёскі Старае Сяло Рагачоўскага раёна, вёскі Ліпінічы Буда-Кашалёўскага раёна. Фамілій большасці з іх прыпомніць не магу. Прататыпам «Пішчыка» былі бабруйскія беспрытульнікі. Пад «Пірыным» выведзены ў мяне сапраўдны чэкіст Фірын, які працаваў на будаўніцтве канала.

У «Векапомных днях» багата розных герояў. Галоўнымі прататыпамі былі В. І. Казлоў, Варвашэня, Бондар, Заслонаў, Мазанік і інш.

Што тычыцца Хведара Бужана, то на сённяшні дзень я не маю аб ім дакладных вестак. Некалі, да вайны, ён быў сапраўды лесніком, я аказаў яму тады некаторую падтрымку ў выданні яго кнігі. Пасля вайны — у першыя гады — я атрымаў быў ад яго два лісты. Па некаторых намёках відаць было, што ён нейкі год «адпачываў», але быў рэабілітаваны. Ён пісаў, што працуе ў Львове ў нейкім упраўленні па азеляненню чыгуначных дарог. Больш я лістоў ад яго не атрымаў і не ведаю, дзе ён цяпер і чым займаецца.

Такія мае кароткія адказы на Ваш ліст. Прашу прабачыць мне, калі не змог падрабязна адказаць на ўсе Вашы пытанні.

З прывітаннем
Міхась Лынькоў.

23/III 1959 г.

292. А. І.

24 сакавіка 1959, Мінск

Уважаемый Александр Иванович!

Отвечаю с некоторым запозданием на Ваше письмо с присланными рассказами.

Что можно сказать о Ваших литературных работах? Вывод один: еще многое нужно сделать Вам, чтобы по-настоящему овладеть и мастерством художественного слова и языком вообще.

Начну с Вашего стихотворения о метели. Каждое литературн[ое] произведение должно иметь какую-то идею, чем-то взволновать читателя — оригинальной мыслью, ярким образом, захватывающим чувством и т. п. Ничего этого в стихотворении я не вижу. Это перепев известной песни, причем перепев неудачный. Но и самые лучшие перепевы не являются оригинальной вещью. Перепев есть всегда перепев и только...

Я не поэт, но и мое непоэтическое око видит смысловые и прочие несуразицы стихотворения. В самом деле, послушайте, как совместить такие две картины: «День морозный. В небе солнышко сияет» и тут же «только вьюга злится, злобно завывая, да по улице метелица метет».

Вспомните знаменитое: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя». «Мглою кроет»,— у Вас солнышко... При солнышке может мести поземка, но не метель. Да Вы и сами к концу стихотворения противоречите себе и пишете: «Пусть вокруг ни зги не видно». Как же это так: и «солнышко сияет» и «ни зги не видно»?

Дальше Вы приписываете некоторые мысли тому, кто «лёг дремать на койке узкой возле печки, разогретой угольком». Метель не обязательно нагоняет тоску на того, кто вздремнул да еще на «койке узкой». Можно вздремнуть и на узкой и на широкой койке и совершенно не думать о метели. И дело не изменится, будет ли стоять эта койка у печки или далеко от нее.

Правда, печь у Вас особая: она разогрета «угольком». Обычно «угольком» разогревают утюг, а печи разогревают, топят их дровами, углем, нефтью, мазутом, газом, торфом и т. д. А «угольком» Вам понадобилось, очевидно, для рифмы «с ветерком».

Есть у Вас в стихотворении и необычные «вьющиеся» столбы. Обычно вьются веревки, плети, стебли, пружины, спирали и т. п. Бывают витые колонны, но «вьющиеся столбы» в природе не встречаются.

Я не поэт и не имею возможности учить Вас поэтическому мастерству. Поучиться этому делу можно у лучших поэтов, как современных, так и классиков.

Кстати, есть замечательные высказывания выдающихся поэтов о «секретах» поэтического слова (статьи Маяковского, Асеева, Исаковского и других).

Теперь о Вашей прозе. Рассказ «Я — пионер» сырой еще, недоработанный. Он излишне растянут, язык рассказа небрежный, герой в конце рассказа высматривает каким-то взрослым дядей, изрекающим нужные автору дидактические истины («Это мой долг», «это обыкновенный поступок»...). Эти поучения превращают хорошего, обычного мальчишку, в какого-то сухаря, старичка, начиненного тезисами. А начат был рассказ неплохо, с соблюдением всех особенностей детского возраста, детской психики.

Язык рассказа желает много лучшего. Разве можно так писать: «...ты ведь... знаешь, что ты не оправдал...» Разве не режет Ваш слух это неблагозвучное ты-то-ты?

У Вас герой решил «утонуть». Может быть, он хотел «утопиться»? Хотя результаты этих действий бывают одинаковы, но смысл слов «утонуть» и «утопиться» несколько различный. Чтобы выражаться точно, писателю нужно знать оттенки слов, их смысловую разницу. Я приведу Вам фразу из толкового словаря Даля: «Либо он сам утопился, либо утонул», и Вы поймете разницу двух понятий — утонуть, утопиться.

На 3 странице (кстати, страницы не пронумерованы, это тоже следы известной небрежности) Вы пишете: «На дворе **сияет** солнце... Алеша **смотрел** на воду». Придерживайтесь одного времени в показе тех или других картин или событий.

Небрежная работа над словом приводит к абсурдам. В одной фразе Вы пишете: «...выбивался из сил другой, течением которого уносило все дальше и дальше». Про какое течение тут идет речь? Вы хотели сказать о течении реки, но по построению фразы выходит какое-то течение «другого» (мальчика). Какое же может быть тут течение?

Там же рядом у Вас старушка, шамкающая «для себя разные проклятия». Странная, не правда ли, старушка, проклинающая себя?..

В самых трудных обстоятельствах Ваш герой пробует рассуждать по-взрослому, и об этих рассуждениях Вы повествуете канцелярским протокольным языком:

«но потом заключил, что мальчик все-таки не виноват...»

Учебники у Вашего героя «валялись в разных позах». Это пахнет открытием. Обычно слово «поза» применяется в отношении к человеку. Для того чтобы лучше убедиться в этом, загляните в словари русского языка Даля и Ушакова.

Герой Ваш перевоспитывается молниеносно, моментально приводит в порядок свое «рабочее место», приносит несколько пятерок и объясняется с матерью на таком кудрявом, слащавом языке: «Надеюсь, что больше не буду лишаться такого удовольствия».

Я уже говорил, что язык рассказа желает много и много лучшего. У Вас встречаются не русские слова («заметусились», на другой странице «замитусились», стогн, одежа). В рукописи надо придерживаться какого-нибудь одного языка: или русского, или белорусского, одним словом, того, с которым лучше знакомы.

Пару слов о рассказе «Мишкин «конь». Как только дочитался я до фразы «А как колосо... сколо выласту...», то сразу насторожился. Это ведь то обычное сюсюканье, с которым неопытные (как педагоги) родители обращаются к маленьким детям. С детьми нужно говорить обычным нормальным языком, не сюсюкая, не подделываясь под формирующуюся детскую речь. Вам как педагогу эта элементарная истина должна быть хорошо известна: сюсюканье совершенно неуместно в литературе для малышей.

Странный у Вас дед: выскочил заспанный и начал палить из ружья при четырехлетнем малыше. Для чего это? Для литературного эффекта? Неподходящий эффект.

Теперь у меня вопрос такого порядка: чему Вы хотите научить читателей-малышей своим рассказом? Пробовать ездить на собаках, свиньях, козлах? Такой вывод невольно напрашивается по прочтении рассказа. Детишек нужно развлекать, но необходимо ставить при этом перед собой не задачи простого развлекательства, а что-то более серьезное, имеющее отношение к воспитанию ребенка, приобщению его к живому художественному слову, привитию ему любви к литературе, воспитанию в ребенке с самых ранних лет хорошего эстетического вкуса и т. д.

В своем письме Вы пишете, что «Мишкин «конь»

понравился детям. Должен Вам сказать, что в этом деле легко поддаться самообману, самообольщению. Первым и самым требовательным критиком должен быть сам автор. Читатель и слушатель у нас (имею в виду взрослых) исключительно благожелательные и знакомые с чувством такта. К аплодисментам относитесь осторожно. Что касается дошкольного слушателя, то, понятно, его легко рассмешить рассказом о том, как его сверстник пытался ездить на свинье или на козле. Но попытайтесь рассмешить его при помощи других ситуаций. Писатель не простой развлекатель, он педагог, в особенности писатель для детей. Исходя из этого и надо строить свою работу.

Я уже говорил о некоторых неладах Ваших с языком. Тут надо серьезно подтянуться... Нельзя же писать «запрегали», «над чем то думал» (думают о чем-нибудь, а не над чем-нибудь). Отдельные предложения построены у Вас с явным нарушением основ грамматики. Привожу пример: «Расстратив почти всю силу в то время, когда, преодолевая течение, спешил на помощь к утопающему мальчику». Не чувствуете ли Вы, что в смысловом отношении это предложение повисло в воздухе, осталось незавершенным. И почему слово парикмахер превратилось у Вас в «поликмахер»?

Резюмируем: Есть у Вас литературные задатки, но они требуют еще большой и систематической Вашей учебы, большого и настойчивого труда. Тот, кто искренне хочет овладеть живым художественным словом, найдет все возможности к этому, преодолеет все трудности, все препятствия на своем пути. Без учебы, без упорного труда ничего не будет, так как литература — это сложное, ответственное и очень трудное дело.

Не сердитесь на меня за «разнос» Ваших рассказов. Правдивое критическое слово полезнее, чем дешевая, уклончивая похвала, ничего не дающая молодому автору.

С товарищеским приветом

Міхась Лынькоў.

24/III 1959

293. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

Сакавік 1959, Мінск

Достопочтенная моя супруга!

Прочитал вчера твое послание <...>, а сегодня утром ты соблаговолила позвонить по телефону, так что получили мы полную информацию о тебе, твоем лечении, времяпрепровождении и пр. и пр.

Семейный коллектив встретил всю эту информацию с удовлетворением и спешит с ответом.

Все мы живы и здравы, пребываем в неплохом настроении. Вчера я с Надей и Танком приехали с Нарочи, пробыли там почти двое суток. Ехали туда — погода была подозрительной: слякоть, дождь, туман. Но к концу дороги небо прояснилось, улыбнулось солнце, и мы повеселели. Вчера погода там была по-настоящему теплая, весенняя. Ходили мы с Максимом в одних пиджаках. Надя ночевала в Кобыльниках.

На озере стоит еще лед, по льду ходят и ездят на санях рыбаки, ведущие подледный лов. Даже на велосипедах и мотоциклах шпарят нарочанцы, как по доброй асфальтированной дороге. Но лед все же мягчеет, у берегов подтаивает, так что ходьба и езда по льду вот-вот прекратятся.

Снегу на нашей усадьбе осталось только немного у забора, граничащего с Кулешовыми. Сирень почти готова распуститься. В установленной мной скворечнице поселились «жильцы» — поют по утрам и вечерам. Только «коммунальная скворечница» (под крышей сарая) пока пустует, вероятно, потому, что с утра она находится в тени. Дом в порядке, двор в порядке. Сад наш цел и невредим. Только захиревшая в прошлом году яблонька, очевидно, окончательно засохнет.

Были мы и у Юлии Захаровны. Они переселились в новую квартиру — небольшую, тесную комнатенку. Есть у них и другая комнатенка, в мезонине больничной кухни, где обитает Геннадий. Сей юноша несколько дней назад купил мотоцикл и теперь осваивает его. Вывезли наши кобыльникские и 25 кубометров дерева на постройку дома. Дают им еще 15 кубометров. Место под строительство еще не выбрали. Думаю, что строительные дела их затянутся, принимая во внимание их темпы и расторопность.

Геннадий вместе с нами приехал в Минск, сегодня едет на две недели в дом отдыха в Ошмяны. Выглядит он неплохо, посвежел по сравнению с прошлым.

Что еще нового у нас? Пожалуй, и все. Разве вот про Дымка еще. Вторые сутки пребывает в нетях, где-то гастролирует.

На этом заканчиваю свое послание с пожеланием всего наилучшего «в делах рук твоих». Приветы от всех наших чад и домочадцев, от Феди и Маруси и Танков. В понедельник еду в Москву, где пробуду дня два-три.

С приветом и поцелуями

Міхась.

P. S. Привет Марье Порфирьевне.

294. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

11 красавіка 1959, Нарач

Достопочтенная моя супруга!

В усадьбе все в порядке. Озера очистились ото льда. Правда, когда мы приехали, часть озера (проведи линию от Черевков к ручью, что за Кулешовой усадьбой) была покрыта льдом. Но дождь ночью и ветер прогнали лед. Теперь он виден под Черевками. Напор льда был сильный, лез через наши камни, льдина вырыла ровик почти до нашего стола на берегу.

На даче все благополучно. Немного обогрелись. Сегодня протопил верх. Посылаю статью, отняла у меня несколько часов сегодняшнего воскресенья.

Танку я дал инструкцию — спросить у Аллер насчет насоса.

Статью отправишь Ус через Володю. Будешь ехать, захвати книжку П. Абрахамса «Тропою грома» (или на тумбочке в спальне, или в книжном шкафу за письм[енным] столом).

Пишу в спешке — торопят с обедом.

Бывай. Целую, обнимаю.

Міхась.

11/IV 1959

295. Д. Я. БУГАЁВУ

20 чэрвеня 1959, Нарач

Паважаны тав[арыш] Бугаёў!

Прашу прабачэння за спазненне з адказам на Ваша пісьмо. Абедзве працы Вашы прачытаў. Ніякіх пярэчанняў супроць тых ці іншых палажэнняў Вашых артыкулаў у мяне няма. Магчыма, што Вы крыху праўвялічваеце якасці і вартасці маёй былой «арнаментальшчыны». Працы Вашы прачытаў з цікавасцю, нібы пабыў у вандраванні ў сваё мінулае.

Аб Вашых прыгодах з брашурай — магу толькі паспачуваць, бо нічым канкрэтным дапамагчы ў гэтай справе не маю магчымасці, бо з'яўляюся тут задужа «зацікаўленай» асобай. Але ж Вы і самі гэта добра разумееце.

Цяпер аб некаторых Вашых запытаннях. Я асабіста не памятаю выказванняў Я. Купалы, якія б мелі ці простае ці ўскоснае дачыненне да маёй творчасці. Магчыма, ён і гаварыў калі-небудзь аба мне, але, відаць, у прыватных гутарках, не ў афіцыйных выступленнях. Я. Купала быў вялікім майстрам у паэтызацыі працы. Тут у яго можна шмат чаму павучыцца любому з нашых пісьменнікаў — маладых і старых.

Адносна кнігі для дзяцей: маю такі намер, але што выйдзе з гэтага намеру — сказаць пакуль што цяжкавата, бо не спыніўся яшчэ канчаткова на якой-небудзь канкрэтнай тэме. Думаю таксама заняцца апавяданнямі на замежную тэматыку.

Вось коратка ўсё, што змог я напісаць у адказ на Ваша пісьмо.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

20/VI 1959

296. П. М. БАРАНАВУ

25 чэрвеня 1959, Нарач

Дорогой Павел Николаевич!

Прошу извинить, что не успел своевременно ответить на Ваше письмо. Вы, очевидно, путешествуете теперь по местам, о которых писали в письме.

Я теперь живу на даче на озере Нарочь и занимаюсь очередными литературными работами. Не забываю, конечно, и рыбалку, хотя особых успехов на этом поприще не имею.

Большое спасибо за присланные Вами критические замечания по поводу рассказа «Талисман». Кое-какие «огрехи» допущены там переводчиками, но в основных «огрехах» виноват конечно я. При ближайшем переиздании учту все Ваши замечания.

Желаю Вам всяческих успехов в Вашей заочной учебе и в летнем отдыхе.

С наилучшими пожеланиями Вам и Вашей семье

Міхась Лынькоў.

25/VI 1959 г.
озеро Нарочь

297. З. У. ПІВУШКОВАЙ

27 ліпеня 1959, Мінск

Уважаемые Зоя Владимировна и Мария Александровна!

Очень жаль, что не можете сейчас приехать к нам в гости на озеро Нарочь. Что же, оставим, как говорится, вопрос открытым. Приезжайте в любое время, как только предоставится Вам возможность, мы всегда будем рады встретить Вас в нашем доме на Нарочи или в минской квартире. Лучше, конечно, приехать в летние месяцы, неплохо и в осенние. Показали бы мы Вам наше озеро, лес и, конечно, нашу дачу. Она неплохая. Покатал бы я Вас на славу на нашей моторной лодке. Озеро у нас около 90 квадратных километров, связано с двумя другими озерами. Вокруг есть еще несколько озер. Одним словом, как только появится у Вас возможность выбраться из Череповца, сразу же держите путь на Минск.

Софья находится сейчас еще в больнице (третья неделя). Делали операцию по удалению опухоли (незлокачественной). Через неделю после операции думали ее выписать, но случилось осложнение (лопнули сосуды) и пришлось делать вторую операцию и переливание крови. После второй операции прошла уже не-

деля. Софья поправляется, температура почти нормальная. Правда, Софье не разрешают еще подниматься с постели. Каждый день я бываю в больнице. Надеемся, что в ближайшие дни наша больная выпишется из больницы и мы уедем на Нарочь (около двухсот километров от Минска). Мария Петровна не знает, что Софья находится в больнице, мы пока скрываем это от нее и говорим, что Софья занята разными делами в городе. За эти дни и Мария Петровна переболела воспалением легких, теперь уже выздоровела и бодрствует на даче. Живет она там с Надюшкой и Марией Захаровной. Навещают их и Юлия Захаровна и Иван Васильевич (они живут километрах в четырех от нашей дачи). Когда Мария Петровна болела, мы не говорили об этом Софье, чтобы не расстраивать ее. Теперь, когда Мария Петровна выздоровела, я рассказал Софье о болезни ее матери.

Таковы наши дела. Болезни несколько расстроили наши летние планы, но теперь все уже идет к лучшему.

Софья еще перед болезнью собиралась послать посылочку со сладостями Марии Александровне. Но не успела этого сделать. Она просила меня послать Марии Александровне пятьсот рублей, чтобы Зоя Владимировна купила необходимые сласти для Марии Александровны по своему вкусу и усмотрению. Одновременно с этим письмом я и посылаю пятьсот рублей, за которые прошу на нас не обижаться — они посылаются от всей души.

Передаем Вам приветы от Юлии Захаровны, Маруси, Ивана Васильевича, Федора Малаховича, Марии Петровны, Надюши и Геннадия. И конечно и от меня с Софьей.

Желаем Вам доброго здоровья и всяческого благополучия.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

27/VII 1959 г.

298. Д. Я. БУГАЁВУ

25 жніўня 1959, Нарач

25/VIII 1959 г.

Паважаны тав[арыш] Бугаёў!

Па-першае, прашу прабачыць за несвоечасовы адказ на Ваша пісьмо — як бачыце, задужа спазніўся з адказам. Па-другое, патрэбна прабачэнне і за тое, што поўнасцю задаволіць Вашу просьбу не маю магчымасці. Лісты чытачоў закінуты ў маім архіве без усякага парадку — патрэбны сапраўдныя раскопкі, а каб зрабіць іх, трэба быць у Мінску, а я пакуль што моцна прышвартаваны к Нарачскім берагам. Тое ж самае можна сказаць і аб маіх выступленнях.

Сягоння мая палавіна едзе ў Мінск і будзе там з тыдзень. Я сказаў ёй, дзе знаходзяцца мае выступленні (па крайняй меры частка з іх) на Генеральнай Асамблеі ААН. Выкарыстоўваць іх даволі клапотна. Адным словам, тут патрэбна пэўная асцярожнасць і захаванне пэўнай меры сціпласці ў выкарыстанні такіх матэрыялаў. Глядзіце самі, як і што скарыстаць, калі наогул я не спазніўся для Вас з гэтай справай.

З прывітаннем *Міхась Лынькоў.*

299. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

Канец верасня 1959, Нарач

Достопочтенная моя супруга!

Получил оба твои послания — по почте и с оказией.

Живем, трудимся в поте лица, дерзаем. Посылаю тебе одну папку рукописи. Просмотрено две папки, но в другой папке в последнюю минуту — при дополнительной проверке — обнаружил путаницу с фамилиями и поступками одних из героев — польских диверсантов. А Танк уже собрался ехать, так что я оставил эту папку у себя — перешлю с Артемиком.

Я уже форменным образом обалдел от рукописи, прихожу в ужас — еще на столе три папки... В общем,

будем шуровать еще основательно — и по рукописи, и после машинки, и при переводе, и при подготовке к печати в Минске.

Одним словом, работы до самой субботы.

28-го буду иметь честь явиться до хаты пред твои светлые фары. Помыться будет неплохо.

Бабушка все собирается в свою Круглянщину, надо будет сразу же отпустить ее по моем отъезде с юбилея на Нарочь.

Ты спрашивала в письме про аккумулятор. Его не покупали, только собирались купить.

Теперь относительно рыжиков. Зося ходит, Николай ходит (вчера принес более 20 рыжиков), так что, по мере возможности, выполняем твой наказ. О чем тебе еще написать? Обрелся твой второй шерстяной чулок. Бабушка достала его из Валеткиных тайников — закопал основательно.

Теперь бабушка переживает: Валет прикарманил ее какой-то чулок и, видимо, основательно запрятал.

Ночью приехал отец Кулешова, привез яблони. Нам и Танку дал по три сливы — садим их с Николаем.

Вот и все наши основные новости.

Пребывающий в сугубой верности твой почтенный супруг Міхась. Целует он тебя и Надюшу и желает вам отогреться от осенних холодов хотя бы в ванне.

P. S. Сегодня стоит чудеснейшая погода на Нарочи — солнце весь день, озеро почти не шелохнется.

М. Л.

P. S. Возможно, перешлю мешки с картофелем на грузовике, на котором Кулешовы привезли яблони. У грузовика испортился аккумулятор, так что Артемик едет в город за новым.

М. Л.

300. Ф. І. КУЛЯШОВУ

17 лістапада 1959, Мінск

Паважаны Фёдар Іванавіч!

Па-першае, прашу прабачыць мне за некаторае спазненне з адказам на Ваша пісьмо. Але спазненне не такое вялікае, каб я заслугоўваў той ці іншай кары.

Цяпер аб справах. Адказваю на Вашы запытанні па пунктах.

1. Аб адрыўку з апавядання «З пражытых год». І дата 1922 г. і слова «Паволжа» — фікцыі. Пісалася апавяданне ў 1925 альбо 1926 годзе. У аснове яго сапраўдны факт з часоў вялікага голаду на Паволжы, часткова на Урале і ў Заходняй Сібіры, дзе ў 1921 і 1922 гг. я жыў і працаваў. Але ўсё гэта з ліку тых фактаў, аб якіх не варта пісаць, тым больш ставіць іх у цэнтры таго ці іншага твора. Адным словам, падобныя здарэнні, падобныя факты — не тэма для нашай літаратуры. Гэта я зразумеў даўно, адразу пасля надрукавання апавядання, і яно ніколі не ўключалася мной у тыя ці іншыя зборнікі апавяданняў, назаўсёды выкінута мной з творчага багажу. Акрамя ўсяго іншага, твор гэты слабы, напісаны ў яўна натуралістычным плане. Аб усім гэтым пішу для таго, каб сказаць Вам: не чапайце гэты недаспелы плод, бо ён — да ўсяго іншага — і дрэнна пахне. Гэта не азначае, аднак, што я хачу забараніць Вам дакранацца гэтага твора. На гэта я не маю аніякага маральнага права. І як бы *не падабаўся* пісьменніку той ці іншы ўласны яго твор, кожны літаратуразнаўца або крытык мае поўнае права, па свайму ўгледжанню, выходзячы з сваіх планаў, сваіх наметак, пісаць аб гэтым творы.

Вось усё, што магу адказаць па Вашаму першаму пытанню.

Цяпер па другому пытанню.

а) Елена Емяльянаўна Бандарэнка (па нараджэнню) — гэта мая маці. Загінула яна, калі ёй было 42 ці 43 гады. Усе мае асабістыя архівы загінулі ў часе вайны, так што дакладных дат, назвы дакладных месц, падзей з майго мінулага, альбо мінулага маіх блізкіх — устанавіць не магу.

б) Ціхан Васільевіч — мой бацька. Памёр у 1920 годзе. Месяца не помню. Памёр ён, калі быў я пад Варшавай (канец лета 1920 г.). Прычына смерці — запаленне лёгкіх. Перад гэтым падбіўся, скочыўшы з поезда.

в) Агрыпіна, Васілій, Георгій, Пелагея, Анна, Мікалай, Ефрасінія — мае браты і сёстры. Засталіся ў жывых — Пелагея, Мікалай, Анна (першая — калгасніца, другі — тэхнік, Анна — настаўніца сярэдняй школы).

г) У Старасельскую школу я паступіў, відаць, у 1907 годзе. Акрамя Бечына быў яшчэ адзін настаўнік — Міхаіл Васільевіч (фаміліі не памятаю, здаецца, Галкоўскі).

д) Аркадзь Гаўрылавіч Самахвалаў быў выкладчыкам літаратуры ў семінарыі.

е) Фізік Парыйскі дапамог мне знайсці прыватныя ўрокі.

ж) «Братья Карамазовы» Дастаеўскага, «Война и мир» і некаторыя інш[ыя] творы Л. М. Талстога, раманы Тургенева.

З творамі беларускіх пісьменнікаў у семінарыі зусім не сустракаўся.

з) Раннія творы А. М. Горкага.

і) Месца, дзе пераходзіў праз Буг у часе наступлення на Варшаву, не памятаю (здаецца, Саколкі). Памятаю толькі накірунак — з Баранавіч на Пружаны, Ружаны, Шарашова. Назад — з Гарволіны на Седлец і далей на Ваўкавыск. І туды і назад дзесьці правей Брэста.

к) У Свержанскай школе выкладаў рускую мову і літаратуру, а таксама рысаванне.

л) У 1945 годзе ажаніўся з Соф'яй Захараўнай Куспіц. Першы раз ажаніўся ў 1926 годзе з настаўніцай Аранковай Ханай Абрамаўнай. Расстраляна немцамі ў 1942 годзе разам з сынам Маркам — 10 год і сям'ёй брата Георгія.

3. Псеўданімам Васілёк падпісаў з пару апавяданняў («Камуніст», «Уздым») і некалькі вершаў. Другія псеўданімы (маю на ўвазе тыя, якімі падпісаў фельетоны ў газеце) не памятаю, бо не маю пад рукамі камплекта газеты.

Вось усе мае адказы на Вашы шматлікія запытанні. Падрабязна не магу адказваць, бо гэта было б задоўга, а я страшэнна ненавіджу такія рэчы, як аўтабіяграфіі і анкеты. Пісаць пра сябе значна цяжэй, чымся пра жыццё іншых людзей.

На гэтым заканчваю сваё «пасланіе».

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

17/XI 1959 г.

301. К. Я. ДАНІЛКУ

25 лістапада 1959, Мінск

Дарагі Канстанцін Юхімавіч!

Сардэчная падзяка Вам за Ваша слаўнае пісьмо, за Вашы добрыя пажаданні.

Задужа Вы расхвалілі мяне і надзялілі такімі якасцямі, што ў мяне і галава можа закружыцца ад «поспехаў». Праўда, я чалавек з той пароды людзей, якія цвяроза ставяцца і да залішніх пахвал і да залішне жорсткіх ушчуванняў. Але што ні гавары, добрае, прыязнае слова радуе сэрца і дае зарадку ў жыцці і працы.

Цяпер у мяне пачынаецца самая «страдная» пара, ці па-нашаму, па-беларускаму — прыпар. Трэба неяк перажыць шасцідзесяцігоддзе. Саюз пісьменнікаў вызначыў дзень правядзення юбілею 11 снежня. Даводзіцца цяпер часта сустракацца з шматлікімі чытачамі — рабочымі, студэнтамі, школьнікамі. Усімі гэтымі сустрэчамі я шчыра задаволены.

Адно, аб чым шкадуеш, што табе ўсё ж шэсцьдзесят, а не сорак, не трыццаць год. Але нічога не паробіш — і ў гэтыя гады багата радасцей у чалавека.

Яшчэ раз вялікае дзякуй Вам на добрым слове.

З таварыскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

25/XI 1959 г.

302. П. Л. КАМІСАРАВУ

26 снежня 1959, Мінск

Дорогой Павел!

Радостно изумил ты меня своим письмом-приветствием. Оно было для меня целым «открытием». Ведь как-никак после сорока лет разлуки получить письмо от человека, от однокашника,— ведь все это бывает так редко.

Почему же ты не напишешь, как жил эти сорок лет, что делал, чем занимался, где проживал и т. д. и т. п. Нас, однокашников, осталось так мало, что можно пе-

ресчитать, не прибегая к помощи пальцев одной руки. До войны я поддерживал связь с Мининым, Юльским, Рябовым — они жили и работали в Ленинграде. Теперь не слышно и о них. Поздравил меня с юбилеем Чернецов Василий. Он в Поболове. А где же остальные друзья-товарищи? Может быть, тебе известны отдельные адреса? Если переписываешься с кем-нибудь, пришли адреса.

Я с 1930 года жил все время в Минске, первую мою семью — жену и десятилетнего сынишку — гитлеровцы расстреляли. Теперь у меня новая семья: жена и приемная дочка. Занимаюсь в основном литературой и немного наукой. У нас в Академии наук работает один из бурсаков Роговой Павел — из старших выпусков семинарии. А больше я ни с кем из семинаристов не встречался.

Таковы вот дела. Напрасно, бывая в Минске, не заглянул ко мне. Правда, в летние месяцы меня обычно в Минске не бывает — летом живу на Нарочи в твоей же Молодечненской области.

На этом заканчиваю свое послание в надежде, что напишешь мне более подробное письмо. За юбилейное поздравление большое спасибо.

Сердечно поздравляю тебя и всю семью с наступающим Новым годом. Крепко жму руку.

Міхась Лынькоў.

26/XII 1959 г.

1960

303. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

5 студзеня 1960, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Посылаю тебе небольшую книжицу «Агні Танганьікі» не просто в качестве презента, а вот по какой причине: Ленинградское отделение Гос[ударственного] изд[ательст]ва художественной литературы включило в план этого года издание сборника моих рассказов. Все материалы я сегодня им высылаю. Не нашлось у

меня под рукой твоего перевода моих африканских «огней».

А посему прошу: немедля вышли текст своего перевода на адрес: Ленинград, Д-88, Невский просп[ект], 28-е Ленингр[адское] отделение Госуд[арственного] издательства «Художественная литература», главному редактору П. Т. Щипунову.

Не забудь только в самом конце текста внести небольшие поправки, внесенные в свое время мной в связи, если помнишь, с заметкой в «Лит. газете» «История с географией». Поправки самые мизерные — поправленные места подчеркнуты мной в конце книжки, на последней странице, красным карандашом.

Вот и все, о чем я тебя «турбую».

С приветом и наилучшими пожеланиями тебе и семье

Міхась Лынькоў.

5/I 1960 г.

304. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

10 студзеня 1960, Мінск

Почтеннейший Николай Тихонович!

Получил с неделю назад твое послание и послания обоих твоих чад, а моих племянников, написанные твоим коллективом 27 декабря прошлого года.

За эти послания и выраженные в них пожелания приношу сердечное спасибо и взаимные пожелания на весь новый год.

У нас все по-старому: я только теперь прихожу наконец в себя от юбилейных забот и треволнений — пришлось еще порядком повыступать в школах и библиотеках. Последний раз выступил пятого января и на этом решил пока поставить точку. Иначе ведь невозможно работать.

Завтра думаю дать стрекача в Королищевичи в дом отдыха — надо готовить доклад к чеховскому юбилею, я докладчик, а в городе сделать что-нибудь невозможно из-за суетни заседаний, телефонных звонков и всякой прочей муры.

Дома у нас все по-старому. Бабушка продолжает

серьезно болеть, так что приходится ей все время иметь дело с врачами, медицинскими сестрами и т. п.

Таковы, в общих чертах, наши дела. Новый год встретили скромно, в семейном кругу. Накануне Нового года мне вручили мой новый орден. Вручил Василий Иванович Козлов.

Вот и все наши новости.

Привет от всего нашего коллектива тебе, Ольге Ивановне, Лене и Николаю. Скажи Николаевичу, что вскоре я спрошу у него отчет о прочитанных им книгах за первое полугодие.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

10/I 1960 г.

305. Н. І. ПАРУКАВУ

10 студзеня 1960, Мінск

Паважаны Нічыпар Ільіч!

Сардэчна дзякую Вам за Ваша пісьмо ад 3/XII мінулага года, за віншаванні і добрыя пажаданні.

На жаль, у мяне няма пад рукой больш буйнейшых маіх выданняў, а таму і пасылаю Вам невялічкую маю кніжыцу з аўтографам.

Са спазненнем віншую Вас з Новым годам і жадаю добрага здароўя, шчасця і поспехаў у Вашым жыцці і працы.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

10/I 1960 г.

306. П. Р. ТЫЧЫНУ

23 студзеня 1960, Мінск

Дарагі Паўло Рыгоравіч!

У сонечных садах паэзіі нашых народаў дзесяткі год гучыць, не змаўкае Ваша мужная песня, заклікаючая людзей да шчасця і радасці, услаўляючая подзві-

гі «сям'і адзінай». Няхай жа і надалей красуе Ваш звонкі голас у суладным хоры нашай вялікай і магутнай Радзімы!

Ад усёй душы жадаю Вам доўгіх год жыцця, шчаслівай і плённай працы на карысць братняга ўкраінскага і ўсіх нашых народаў, на славу Радзімы, на славу і веліч камуністычнага заўтра.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

23/I 1960

307. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

28 сакавіка 1960, Мінск

Дорогой Николай!

Вот уже недели две, как получил твое письмо, а ответить собрался только сегодня. Дело и не в перегрузке, а просто матушка лень одолела. Хотя и не совсем это верно. За дни юбилея получил столько писем, что, отвечая на них, приобрел чуть ли не отвращение к письмам. Плохо, когда их много — ведь на каждое нужно ответить. И стараюсь, понятно, ответить на каждое, самое порой пустяковое. Переписка со своими сюда не идет — тут свои законы.

Однако ближе к делу. Новостей у нас особых нет. Живем, ждем настоящей весны. Некоторое время я провел в Королищевичах, а с пятого марта — дома. Серьезно хворает Мария Петровна. Теперь ей несколько лучше, а была совсем плоха́.

Вчера приехала в гости Поля с Леной. Лена уже большая: когда я был в Станькове в последний раз, она была еще маленькой девчуркой. Завтра или послезавтра приедет в гости и наша достопочтенная Анна Тихоновна. Так что, как видишь, у меня собирается чуть ли не лыньковский пленум.

Я теперь занимаюсь всякими служебными делами — редактура, статьи, доклады. Делал доклад о Чехове, на очереди доклад об Ильиче. Мечтаю о дне, когда вырвусь на Нарочь, чтобы в конце концов заняться и творческой работой, а то ведь уже несколько лет, как

я не написал ни одной строчки нового рассказа или повести или чего-нибудь в этом роде. Вторая книга романа на русском языке так и не появилась еще в свет. Судя по некоторым признакам, выйдет она, возможно, к концу этого года. Издателям написал я гневное письмо, разорвав с ними дипломатические отношения.

Сожалею, что Лена «не расстается» со своими болезнями, с этим делом надо порывать и от всяких недугов уходить подальше. Писать в поликлинику я, понятно, не буду, потому что «действие» и «авторитет» моего депутатского мандата кончаются на границах республики.

Сигаретами ты «завалил» меня основательно. Я получил и твою посылку и одновременно Юлия Захаровна привезла и те сигареты, которые ты посылал через Геннадия. За курево спасибо, отдельное спасибо упаковщику Николаю Николаевичу и запоздавшее поздравление ему с тринадцатилетием — пусть растет здоров и бодр.

На этом заканчиваю свое послание. Сердечный привет от всех нас тебе, Ольге Ивановне, Лене и Николаю.

Крепко жму руку.

Міхась Лынькоў.

28/III 1960 г.

308. П. Я. ГЛІНКІНУ

10 чэрвеня 1960, Мінск

10/VI 1960

Уважаемый Павел Евгеньевич!

Посылаю Вам просмотренные мной сверстанные листы моего сборника рассказов. Из существенных поправок (кроме незначительных корректурных) мной внесены поправки к стр[ани]це 161 (где слово «спарышы» (посуда) переводчик перевел как «грибы», и получилась несуразица, (182) переводчик перепутал «воробьем» с «аистом»). На стр[ани]це 343 вставил сокращенную концовку к рассказу «Астап». Если по техническим причинам эту концовку нельзя вставить, то я на ней и не настаиваю.

Прошу дружески извинить мне небольшую задерж-

ку с отсылкой верстки — причина: всякие срочные работы по службе.

С искренним уважением

Міхась Лынькоў.

309. І. Д. ГУРСКАМУ

21 жніўня 1960, Нарач

Дарагі Ілья Данілавіч!

Каемся, грэшныя рабы твае, я і Максім, у грахах сваіх і просім даравацъ нам іх, хаця мы і душой не віnаваты перад табой. Маю на ўвазе тваё запрашэнне на вяселле Лёніка. Гэтае запрашэнне свінтус-грандыёзус, ён жа Аркадзь, забыўшыся на яго, перадаў толькі ўчора, калі ў цябе ўжо, відаць, пачалося вяселле. А нашы жонкі ў гэты час былі ў Вільнюсе.

Сабіраліся мы наламаць шыю Аркадзю, але што ты з яго возьмеш!

Як бы там ні было, але нам вельмі нязручна перад табой, перад Марусяй і перад Лёнікам. Яшчэ раз просім аб літасці — даруй і прабач.

Самыя найлепшыя ад усіх нас пажаданні Лёніку: каб ён быў шчаслівым, вясёлым і здаровым на доўгія і доўгія гады.

А табе і Марусі пажадаем: чакайце такіх жа слаўных унукаў з усімі тымі добрымі якасцямі, якія ўласцівы былі калісьці і маломуу Лёніку.

Яшчэ раз даруй.

З самым шчырым прывітаннем усім вам ад усёй нарачанскай камуны.

Міхась Лынькоў.

21/VIII 1960 г.

310. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

4 верасня 1960, Нарач

Привет, Николай!

Отвечаю на твое письмо с небольшим запозданием. Живу я пока на Нарочи. Все домашние в Минске —

началась учеба у Нади и Леонида. Я думаю пробыть тут весь сентябрь месяц, а может быть, и после, если будет стоять подходящая погода.

Недели полторы промаялся с радикулитом и ишиасом, теперь опять в норме. Изредка занимаюсь рыбалкой. Вчера выезжал с шофером Володей к дальним берегам. Поймали (вернее, щука взялась за его спининг, а я вытащил ее в лодку) рыбину в 8 килогр[аммов] 500 грамм[ов] и другую небольшую. Большая щука оказалась большой хищницей: в ее горле торчал хвост килограммовой щуки. Не успела дура как следует проглотить добычу и бросилась на блесну — поистине жадность одолела, за сие и наказана.

Эту щуку поймали вечером. А утром Володя со сторожем станции поймал 11 щук общим весом 20 килограммов.

Я в этом году не ловил щук весом более 4 килограммов. К ним я вообще проявляю только спортивный интерес, а «спажываць» их не люблю.

Таковы мои дела. Кроме рыбачьих — это дело досуга и отдыха — работаю над книжкой рассказов о загранице. Думаю закончить ее к началу зимы.

Насчет «Чайки» ты постарайся. Это самый наилучший мотор для рыбалки, а моя чайка порядком уже износилась, работает она честно уже седьмой или восьмой год. С ней в рыбачьих качествах не сравнится ни один самый первоклассный и мощный мотор. Найдутся запасн[ые] части к ней, те, о которых писал я (поршневые кольца, карбюратор) — бери.

Я написал бы о запчастях и Геннадию, но он как будто заболел гриппом. Возможно, что теперь он уже выздоровел.

На этом заканчиваю свое нарочанское послание с самыми лучшими пожеланиями твоему коллективу — Ольге Ивановне, Лене и Николаю Николаевичу.

С приветом

Міхась Лынькоў.

4/IX 1960 г.

311. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

23 верасня 1960, Мінск

Привет достопочтенному Евгению Семеновичу!

Получил твое письмо и, поскольку несколько дней обретаюсь в Минске, отвечаю сразу. Живу я пока что обычно на берегах своей Нарочи и в Минск завитал по разным общественным и прочим обязанностям.

За лето написал несколько рассказов, главным образом «американских». Сейчас еду на Нарочь дорабатывать, шлифовать их. Еще ни одного рассказа не опубликовывал. Подберу лучшее для «Правды». Полагаю, что для библиотеки «Огонька» материала наберется.

Подработаю — вышлю.

Привет от меня и С[офьи] З[ахаровны] Калерии Ивановне.

Пожимаю десницу.

Міхась Лынькоў.

23/IX 1960 г.

312. МАКСІМУ ТАНКУ

29 кастрычніка 1960, Мінск

29/X 1960 г.

Максіме!

Па-першае — прывітанне!

Па-другое — я ўжо занудзіўся без цябе, разбойнік! Сяджу вось і сумую — «и некому руку пожать...» Пытаюся часам у Любові Андрэеўны, як ты там, ці нададкучылі табе авеню і стрыты? Сачыў, браце, і за «Балтыкай» і за першымі тыднямі працы Асамблеі, цяпер весткі аб ёй пайшлі ў больш сціплых маштабах.

З Нарачы я вярнуўся числа 10 кастрычніка. Сядзеў бы там і надалей, але паважаная мая Соф'я Захараўна выцарапала мяне адтуль, каб я канчаткова не здзічэў са сваімі шчупакамі. Быў там і некалькі дзён назад: завёз туды новую сваю лодку (алюмініевую) і цэлы транспарт дрэў: таполі, ясені, дубы, каштаны, плаку-

чыя івы, арэхі і г. д. Адным словам, па дамоўленасці з Л[юбоўю] А[ндрэеўнай] пасадзіў я табе сем таполяў, дзве плакучыя івы і адзін чырвоны дуб. Цяпер унізе схілу ад возера працягнулася цэлая шарэнга таполяў (канадскіх, кітайскіх і пірамідальных) — аж 24 дрэвы супраць нашых трох дач. Спецыяльна ездзіў у Шчомыслiцу і завёз на возера грузавік дрэў. Ездзіў з Валодзем і на рыбалку, але пагода не вельмі спрыяла, злавілі толькі аднаго шчупака ў $5^1/_2$ кг. А якіх толькі шчупакоў не лавіў я ў верасні і кастрычніку! Праўда, мае ўласныя рэкорды не перавысілі шасці кілаграмаў (Валодзя злавіў аднаго разу шчупака і ў $8^1/_2$ кг), але вопыт рыбацкі набыў я за гэты час не малы, асвоіў амаль што ўсё возера. Хацелі парыбачыць 23 кастрычніка, але пайшоў першы снег, быў моцны вецер і шалёныя хвалі, і рыбалку мы адмянілі і паехалі да хаты. Дзён праз пяць, калі будзе падыходзячае надвор'е, думаю ўсё ж яшчэ раз наведаць Нарач і патурбаваць шчупакоў. Старая мая лодка стаіць яшчэ на якары, трэба ўрэшце і яе выцягнуць на бераг.

А каб ты ведаў, якога шчупака я ўпусціў у пачатку кастрычніка! Гэта ж цэлая казка! Тыдні са два ён мне сніўся кожную ноч, гэты кароль нарачскіх шчупакоў. Разоў з пяць ездзіў я на тое месца, але дарэмна. Праўда, узяў аднаго, відаць, з яго світы ў 4 кг.

Як бачыш, крыху я «помешался» з гэтымі рыбацкімі справамі, з якіх і павінен ты рабіць некаторыя вывады.

Што новага ў нашым саюзе? Асаблівых навін не чуваць. Сходы адбываюцца ў новым клубе, які, між іншым, нядрэнны. Броўка на тры месяцы ў Маскве. Гэтымі днямі адбыўся перавыбарчы сход — сакратаром ізноў абралі вядомага табе Івана Іванавіча. У лістападзе юбілей Л. М. Талстога — я дакладчык па акадэміі і, магчыма, у саюзе.

Надвор'е ў нас цяпер дажджлівае, былі замаразкі, галалёдзіца, але ў апошнія дні крыху пацяплела.

Аб чым жа табе яшчэ пісаць? Перадай сардэчнае прывітанне Кузьму Венедзіктавічу, Валодзю Грэкаву і іншым хлопцам (я не ведаю, хто там са знаёмых таварышаў). Пры выпадку павітай Літошку, карэспандэнта «Праўды». Мы аднаго разу ехалі з ім з Нью-Йорка.

На гэтым і заканчваю сваё сумбурнае пасланне,

якое ты атрымаеш, магчыма, тыдні праз два, а можа, і раней. Прывітанне табе ад маёй шаноўнай Соф'і Захараўны.

Моцна паціскаю тваю длань.

Міхась Лынькоў.

313. Л. А. СКУРКО

5 лістапада 1960, Мінск

Дорогая Любовь Андреевна!

Сердечно поздравляем Вас и семью с Октябрьскими праздниками и желаем всем доброго здоровья, счастья и успехов в жизни, труде и учебе.

По поручению семейного коллектива

Міхась Лынькоў.

5/XI 1960 г.

314. МАКСІМУ ТАНКУ

19 лістапада 1960, Мінск

Дарагі Максіме!

Атрымаў твае абодва пасланні, праўда, з вялікім спазненнем — пісьмо тваё ад 27/X атрымаў 16/XI. Узрадаваны, што набыў ты дэталі, так што «джонсан» будзе пужаць шчупакоў і надалей. Бачу, што «важджацца» з маторамі ты не будзеш і не забяспечыш сябе якою-небудзь адной конскай сілай. Тут ужо мне даводзіцца прыйсці табе на дапамогу — адным словам, можаш лічыць, што будзеш мець у сваім распараджэнні «Чайку», якую я табе і згораю.

Што новага ў мяне? Апошнія дні адольваў Талстога, сёння ў мяне даклад аб ім у Акадэміі навук. Заўтра раблю такі ж даклад на агульнагарадскім юбілейным вечары. Перабраў горы матэрыялаў і зусім «абалдзеў» ад пісаніны, бо начы тры зусім не спаў, пішучы даклад.

Напярэдадні Кастрычніцкіх свят ездзіў на Нарач на рыбалку. Прывёз двух шчупакоў — адзін у $6^1/_2$ кг,

другі — $3^{1}/_{2}$. Трэцяга, большага, упусціў, не дацягнуўшы метраў на дваццаць. Цяпер чакаю вясны, каб ізноў пачаць наступленне на шчупакоўскі род ужо разам з табой.

Атрымаў ад вас прывітальную тэлеграму — парагаталі мы тут уволю, бо вы чамусьці наважыліся вітаць мяне з шасцідзесяцігоддзем, так што я памаладзеў на цэлы год.

Пасылаю табе гэты ліст і не спадзяюся, што ты яго атрымаеш, бо пошта ідзе вельмі марудна. Але гэта не важна, абы ты хутчэй прыязджаў, бо мы ўжо ўсе засумавалі тут без цябе.

Учора ў нас выпаў першы снег, так што наступіла зіма.

На гэтым заканчваю сваё пасланне, пішу, бачыш, дрэнна і сумбурна, бо, па праўдзе кажучы, не выспаўся як трэба праз Льва Мікалаевіча Талстога.

Сардэчнае прывітанне Кузьме Венедзіктавічу і ўсім членам нашай шаноўнай дэлегацыі.

Прывітанне ад Соф'і Захараўны.

Моцна паціскаю тваю длань і жадаю добрага здароўя і хуткага звароту на Радзіму.

Твой *Міхась Лынькоў.*

19/XI 1960 г.

315. Л. А. БЭНДЭ

20 лістапада 1960, Мінск

Привет, Лука Афанасьевич!

Извини, что задержался с отсылкой переводов — был до чертиков занят, готовил доклад к юбилейной дате Л. Н. Толстого. Был основным докладчиком в академии и на общегородском юбилейном вечере. Юбиляр великий и пришлось основательно попотеть, чтобы не упасть в грязь лицом. А времени было в обрез, потому что доклад поручили сравнительно поздно, а надо было перевернуть горы материалов.

Переводы просмотрел, сделал некоторые незначительные поправки. Если примут — пускай. Согласен и на предложенный тобой вариант (с несколькими рассказами), если его, конечно, согласятся пустить в рабо-

ту. Писать соответствующую просьбу в издательство не буду — выйдет, так выйдет, а не выйдет — и так хорошо.

Что касается новых рассказов, то у меня не было еще времени заняться обработкой черновых набросков, сделанных летом. Если будет что толковое — подошлю.

На этом и заканчиваю свое послание. Привет семье и знакомым.

Пожимаю десницу.

Міхась Лынькоў.

20/XI 1960 г.

316. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

27 лістапада 1960, Мінск

Дорогой Николай!

Получил твое послание и, как видишь, своевременно отвечаю. Чем это объяснить? А тем, что свалил гору с плеч: был я председателем юбилейной комиссии по юбилею Л. Н. Толстого и основным докладчиком по этому поводу в академии и на общегородском юбилейном вечере. А делать доклад о Л. Н. Толстом, да на официальном вечере — это значит перекопать горы материалов.

Теперь вот немного очухался и пишу ответы на письма. Нашпарил уже более двух десятков, а на столе еще стопка писем, ждущих от меня ответа.

Добре, что достал крыльчатки и втулки. Очевидно, одновременно с тобой М. Танк достал мне в Нью-Йорке крыльчатки и фильтр для моего «джонса», о чем он и соблаговолил мне написать. Теперь мой «джонс» опять будет бороздить нарочские волны — для рыбной ловли он наиболее подходящий мотор. Смотрел тут один «эвинруд» на 25 сил. Прет то прет, но выпуска престарого, даже без механического стартера и без холостого хода, что нам совершенно не годится.

Чтоб ты случайно не запутался в безнадежном старье, посылаю тебе две вырезки, дающие представление о современном виде «джонсонов» и «эвинрудов». Первые меня интересуют в диапазоне 10—15 сил (три-

дцатисильные для моего «крейсера» противопоказаны), а вторые — в диапазоне 15—25 сил.

Напоминаю только, что это не специальное тебе задание, а так, если в магазине будешь по случаю, так сказать, проходя мимо.

В Ленинграде мы зимой обязательно побудем, но сказать сегодня, когда именно, еще трудновато. Во всяком случае сообщим, когда соберемся «осчастливить» ленинградские края своим присутствием.

Хорошо, что налил в «Чайку» автола — она это любит, когда не работает. Ну, а когда надо будет работать, тогда дадим ей меньшую порцию.

На этом заканчиваю послание и передаю всем чадам и домочадцам по привету от меня и всех членов моей коммуны.

Пожимаю десницу.

Твой *Міхась Лынькоў.*

27/XI 1960 г.

317. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

17 снежня 1960, Мінск

Дорогой Николай!

Вчера я послал тебе письмо с поздравлением по случаю твоего сорокапятилетия. Через несколько часов после того, как письмо было опущено в почтовый ящик, приходил работник с почтамта, чтобы спросить, в какой ящик было опущено письмо. Дело в том что на сортировочный стол почтамта оно попало изувеченным (кто-то, очевидно из почтовых работников, сорвал марки — их было четыре, я их специально наклеивал, имея в виду интересы твоих филателистов). Работник почты полагал, что письмо, может быть, поручалось для доставки к ящику какому-нибудь мальчишке, неравнодушному к маркам, и тот сорвал их. Убедившись в том, что письмо было опущено собственноручно мной вместе с другим письмом (с которого тоже были содраны марки), работник почты принес извинение и сказал, что на обоих письмах они наклеили марки и отправили письма по назначению.

Это письмо посылаю тебе просто для контроля, что-

бы лишний раз проверить нашу почту и помочь их работникам выявить при случае затесавшихся в их среду недобросовестных «любителей филателии», обдирающих письма, а то и просто уничтожающих их.

На это письмо наклеиваю марки: 15 коп[еек] (спортивная), 15 коп[еек] (тетерев), 20 коп[еек] (заяц) и 10 коп[еек] (сер[ая] куропатка).

С приветом всей коммуне

Міхась Лынькоў.

17/XII 1960

318. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

26 снежня 1960, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Посылаю тебе три рассказа — может быть, выберешь из них что-либо для перевода.

Приветствую с наступающим Новым годом и желаю тебе и семье всяческих новогодних благ.

С приветом

Міхась Лынькоў.

26/XII 1960 г.

1961

319. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

18 студзеня 1961, Мінск

Дорогой Николай!

На днях послал тебе сто рублей на всякие твои «детские» расходы.

Живем и трудимся по-старому. Зимы у нас до вчерашнего дня по существу не было — ни снега, ни мороза, одни дожди, слякоть и прочее. Даже в некоторых местах скворцы оставались на своих летних позициях.

И только вчера зима, кажется, вспомнила о своих

законных правах и задумала вступить в силу. Сегодня морозик даже крепчает. Очевидно, то же происходит и в Ленинграде.

Мы собирались побывать в Ленинграде в январе месяце, но этот план срывается, поездку приходится отложить. И дело все это упирается в зубы, вернее в мое беззубие. Доломал последние собственные зубы и приходится канителиться с новыми зубными протезами — а это требует времени.

Одним словом, в Ленинград предполагаем наведаться попозднее.

Мои чада успешно учатся. Надежда держит сейчас зимние экзамены. Леонид постепенно овладевает вершинами своей пятиклассной науки, приучается к дисциплине и аккуратности. Во всем этом деятельную помощь оказывает ему Софья, не забывающая держать его в ежовых рукавицах, в которых чадо пока нуждается.

У меня работы, как всегда, по горло, хватало бы времени.

Таков мой очередной отчет о нашем минском коллективе. Привет от всей коммуны Ольге Ивановне, Лене и Николаю.

Пожимаю твою длань.

Міхась Лынькоў.

18/I 1961 г.

320. К. П. КОРСАКАСУ

19 студзеня 1961, Мінск

Дорогой Костас!

Разбирая свой архив за 1945 год, я в одном из номеров нью-йоркской газеты «Русский голос» нашел твое стихотворение «Освободителям Литвы». Посылаю тебе этот номер газеты.

С приветом

Міхась Лынькоў.

19/I 1961 г.

321. Л. А. БЭНДЭ

16 лютага 1961, Мінск

Дарагі Лука Апанасавіч!

Атрымаў тваё пісьмо і адказваю вось са спазненнем. Навін асаблівых няма, як няма і сапраўднай зімы. Вось і сягоння замест снегу з нябёс ліецца дождж, ніводнага добрага мароза не пабачылі за гэтую зіму.

Адносна калькуляцыі ганарару за зборнік — няхай будзе так, як ты сказаў у выдавецтве, тут сам чорт дакладна не разбярэцца. Я паслаў ім у бухгалтэрыю даведку, куды трэба пасылаць належную мзду.

Шкада, што ў цябе не наладжваецца справа з «Міколкам-паравозам». А можа, яшчэ наладзіцца.

Некаторыя апавяданні я вышлю табе, як толькі з'явяцца ў «Полымі». Вось-вось часопіс павінен выйсці, а машынапіснага экземпляра ў мяне няма пад рукамі.

Прывітанне ўсёй тваёй камуне.

Моцна ціску лапу.

Міхась Лынькоў.

16/II 1961 г.

322. Л. А. БЭНДЭ

4 сакавіка 1961, Мінск

Шаноўны Лука Апанасавіч!

Пасылаю табе апошнія свае «падзелкі», якімі я, прызнацца, не толькі не задаволены, а, як кажуць у Адэсе, зусім наадварот, г. зн. незадаволены.

Адным словам, пазнаёмся, можа і наскрабеш чаго на які-небудзь ліст.

Віншую тваю сямейную камуну з днём 8 Сакавіка і жадаю ім добрага здароўя, шчасця і ўсякіх поспехаў.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

4/III 1961 г.

323. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

11 сакавіка 1961, Мінск

11/III 1961 г.

Софунька!

Наконец-то получили от тебя первое послание от 7/III. А я переслал тебе столько поздравлений с мартовским праздником и все ждал письма, уже думал посылать сегодня телеграмму с запросом о твоем здравии. Живем помаленьку, питаемся не худо, учимся не хуже, чем на четверки, случаются и пятерки (имею в виду нашего достопочтенного профессора). Два дня я не пускал Леньку в школу — малость грипповал, температура у него была небольшая, самая высокая 37,1. Теперь ходит в школу. День 8 Марта провели в домашней обстановке своим семейством. Вчера был юбилейный вечер Шевченко в Доме офицеров, докладчик Борисенко. Приехало человек пять украинских писателей. Даниил Константинович приглашал их в гости, угощал. Приглашал и меня, раба грешного, но я уклонился, сославшись на свое теперешнее сиротство и беззубие (зубатая канитель все тянется и закончится, очевидно, к концу месяца).

У нас стоит сейчас хорошая солнечная погода — настоящая весна. Вот и все наши новости. Привет от нас, от Феди и Маруси тебе и Марии Порфирьевне.

А засим целую и обнимаю.

Твой *Міхась Лынькоў*.

324. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

3 чэрвеня 1961, Мінск

3/VI 1961 г.

Здравствуй, Николай!

Одновременно с этим письмом посылаю тебе полтораста рублей на всякие летние расходы на детей.

Я уже с неделю как пребываю на нарочских берегах, приехал на пару дней в Минск на совещание.

Неделю тому назад ездил в Крынки навестить тамошнюю среднюю школу, ученики которой приглаша-

ли меня еще зимой как земляка побывать у них в гостях. В Витебске ночевал у двоюродного брата Николая Васильевича (у него в прошлом году умерла жена. Живет он с сыном — учится в девятом классе и одновременно работает слесарем на заводе. С ним же живет и замужняя дочка с мужем. Живут они в собственном домике недалеко от вокзала. Возле дома небольшой садик). В Витебске живет и другой двоюродный брат Григорий — у того жена и двое мальчишек.

Из Витебска по Смоленскому шоссе поехал на машине в Крынки. Съехал на грунтовку у дер[евни] Сасево, проехал километров 8 и застрял с машиной в грязи на непроезжей весенней дороге. Вытащил нас трактор. Вернулся в Витебск, оставил там машину и поехал в Крынки пригородным поездом. До станции от школы и совхоза полкилометра, но для встречи прислали машину, ребятишки забросали черемухой. Встреча в школе и в совхозе была исключительной. Организовали большой митинг, который был заснят работниками Витебской телевизионной студии, специально прибывшими на встречу. Явилась комсомольская делегация из Лезно, чтобы навестил и их школы. Обещал им побывать осенью. Раньше Крынки и наши Зазыбы были в Лезненском районе, а теперь отошли к Витебскому. Учителя и работники совхоза организовали специальный банкет, чтобы «ушанаваць» земляка. На банкет был приглашен и Николай, который ездил со мной в качестве проводника, и другой двоюродный брат (по матери) Семен Степанович Бондаренко, путевой обходчик станции Крынки. У него мы и переночевали. Утром пригородным поездом вернулся в Витебск, где застал уже записки от витебских школ навестить их. Ответил им письмом, что навещу осенью и махнул в Минск. В Витебск ехал более короткой дорогой через Логойск, Бегомль, Плещеницы, Лепель и Бешенковичи. Потратил на «короткую» дорогу семь часов. Назад поехал на Оршу, а от Орши по московско-минской автостраде. Весь путь в 350 килом[етров] занял $3^1/_2$ часа.

На Нарочи первого июня открыл с Танком рыболовную путину и побил и собственные и других рекорды — поймал сразу три щуки, из них одну в десять килограммов весом (настоящая зверюга), другую в 2 килогр[амма] и третью в 300 граммов. Таковы мои весенние путе-

шествия (был еще в Несвижском р[айо]не) и приключения.

Теперь к тебе и маленькая просьба: может быть, в магазинах найдутся шланги к бачкам от моторов «Москва». У меня вышли из строя. Если при случае найдутся — купи пару.

Привет Ольге Ивановне и племяшам. С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

Нужный шланг не перепутай со шлангом от мотора, откачивающим воду из лодки.

Речь идет о шланге, подающем бензин из бака в мотор.

М. Л.

325. Л. А. БЭНДЭ

20 кастрычніка 1961, Мінск

Уважаемый тов[арищ] автор!

Пачынаю, як бачыш, у стылі твае апошняе адкрыткі. Але да канца не магу гэты стыль захаваць. Аднак каюся, што маўчаў і не адказаў своечасова на твае два лісты. У чым справа? Думаю, што ты і так разумееш, калі чытаеш «ЛіМ». У свой час (і не такі далёкі) наша літаратурная грамадскасць пачала багата гаварыць і аб тваіх памылках і нават аб тваім палітычным твары. Нават парашылі — і ўпаўне правільна — перагледзець усю тваю ранейшую крытычную работу і г. д. Зразумела, што я павінен быў затрымаць твой артыкул пра Чачота, пакуль высветліцца ўся гэтая справа. Вось і ўсё.

На гэтым бывай. Работы свае прысылай ці па крайняй меры напішы, што думаеш пісаць у бліжэйшыя часы. Артыкул пра Чачота ў мяне ў рэдакцыі і будзе пушчаны, як толькі ў нас у пытанні аб табе будзе поўная яснасць, зразумела, у станоўчым для цябе сэнсе.

Пакуль усё.

З прывіт[аннем]

Міхась.

20/X 1961

326. І. П. МЕЛЕЖУ

3 лістапада 1961, Мінск

Паважаны Іван Паўлавіч!

Сардэчна віншую цябе і сям'ю з Кастрычніцкім святам і жадаю цэлы кораб шчасця, радасці і поспехаў у жыцці, працы і творчасці.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

3/XI 1961 г.

P. S. А разам з тым віншую і з добрым раманам.

М. Л.

327. Э. С. ГУРЭВІЧ

Канец 1961, Мінск

Паважаная Эсфір Саламонаўна!

Супроць зместа тома ў мяне няма ніякіх пярэчанняў. Адзінае, аб чым варта параіцца з членамі рэдкалегіі: пускаць ці не пускаць верш «Сын і маці» (51 старонка)?

Каментарыі сапраўды займаюць непамерна вялікае месца, аж 92 старонкі. Па-мойму, варта даць каментарыі (ці правільней — варыянты) толькі да найбольш папулярных твораў, такіх, скажам, як «Арляняты», «Сыходзіш вёска з яснай явы...» і да іх падобных. Але тут трэба прытрымлівацца агульнага прынцыпу, устаноўленага для ўсяго Збору твораў — рабіць так, як і ў іншых тамах.

На старонцы 66 (каментарыі) трэба змяніць фразу «...заклікалі рабочы клас да яднання і барацьбы з буржуазіяй...» Трэба «і да барацьбы з буржуазіяй».

На стар. 76 (каментарыі) трэба прывесці да аднаго «знаменателя» словы Гарыславіч і Гарыслаўліч.

З раздзела «Ці даваць», па-мойму, можна друкаваць усё, акрамя «На шырокім, беларускім...» <...>.

Вось і ўсе мае заўвагі.

З тавар[ыскім] прывітаннем

Міхась Лынькоў.

328. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

24 студзеня 1962, Мінск

Дорогой Евгений!

Сердечное спасибо за новогодние поздравления и пожелания. Как видишь, я малость обремизился. Более двух месяцев был в больнице, куда затянул меня инфаркт. Только на днях меня привезли домой, где и нахожусь под надзором врачей.

Постепенно становлюсь на ноги и прихожу, что называется, в себя после длительного пребывания во врачебном узилище.

Сердечный привет и наилучшие пожелания тебе, Калерии Ивановне и детям от меня и Софьи Захаровны.

Пожимаю твою десницу.

Міхась Лынькоў.

24/I 1962 г.

329. П. Л. КАМІСАРАВУ

6 лютага 1962, Мінск

Дорогой Павел!

Вчера получил твое письмо — за него сердечное спасибо. Я понемногу, что называется, становлюсь на ноги. Вчера по разрешению врачей впервые выходил на полчаса на улицу под конвоем моих домашних. В общем, поправляюсь. Никакой творческой работой пока не занимаюсь — запрещено, да и сам чувствую, что это мне не по силам пока.

Вот окрепну как следует, тогда придется поработать.

Грипп в Минске свирепствует, хотя теперь пошел уже на убыль. А недавно даже школы не работали несколько дней.

На этом заканчиваю послание и желаю тебе доброго здоровья и благополучия.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

6/II 1962 г.

330. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

10 красавіка 1962, Мінск

Дорогой Евгений!

Мы потихоньку живем и здравствуем, постепенно набираемся сил, собираемся даже выйти на днях из врачебной блокады, чтобы окончательно — хотя бы на ближайшее время — избавиться от притеснений наших достопочтенных эскулапов.

В мае думаю переселиться на нарочские берега, где думаю заняться сокращениями моих «Векапомных...»

Насчет их перевода послал я письмо Владыкину, в котором просил его о включении книги в издательские планы (год издания по его усмотрению). В письме просил, чтобы он о своем решении сообщил мне или тебе. Пока ответа я не получил. Если вообще не ответит, то напоминать о своей просьбе я, конечно, не буду — я не из назойливых людей.

У нас уже пахнет весной. Правда, на городских дворах дотаивают еще остатки наледи, но на полях снег давно сошел. В Москве, наверное, та же картина. Как думаешь проводить лето?

На этом заканчиваю свое короткое послание.

С сердечным приветом тебе и Калерии Ивановне

Міхась Лынькоў.

10/IV 1962 г.

331. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

17 верасня 1962, Нарач

Дорогая моя супруга!

Послание твое получил, за которое и приношу тебе сердечную благодарность.

Мы все пребываем в здравии и благополучии, питаемся неплохо, одним словом, чувствуем себя хорошо. И погода малость поправилась. На рыбалку не ездим по причине несознательности щупацкого рода, пренебрегающего нашими блеснами. Пробовали с Николаем поставить перемет на десять крючков, но оный сорвался и остался лежать в глубинах Нарочи, как жертва

Нептуну. В субботнюю и воскресную ночь ночевала у нас Юлия Захаровна. В субботу мылись в бане. Играем в дурня. Николай и Ю[лия] З[ахаровна] с коллективом больничных работников ездили на машине в грибы за Сермеж (есть такое село). Привезли немного боровиков и моховиков с сыроежками.

Теплого белья у меня одна пара (зеленоватая). В субботу самолично выстирал и теперь опять надел.

Цыгейку, одеяло и сетку посылаем. Посылаем и пару курчат — чем их менее у нас, тем лучше: дни короткие, кормить особенно нечем, так что пернатые могут только худеть.

Из других пернатых одна семья ласточек еще выкармливает птенцов. Мы даже сомневаемся: успеют ли они поставить к отлету своих птенцов на крылья. Шпаки пробуют прилетать и поют на громоотводе.

Насчет доклада пусть не сомневаются, дело ведь будет в ноябре месяце. Телеграмму (текст) Максиму посылаю, адрес возьмем у Юлии Захаровны.

Привозить нам ничего особенного не нужно (за исключением хлеба и, возможно, сахара).

Пробыть здесь я думаю, как запланировали мы, до ноября месяца.

Молодец, что купила себе демисезонное пальто. Теперь позаботься о зимнем.

Вот, кажется, и все, о чем собирался я написать. На этом и заканчиваю свое послание с наилучшими пожеланиями тебе, Наде, Ленику и Федору Малаховичу. Им же всем по привету от меня, Ник[олая] Тихон[овича] и Маруси.

Крепко обнимаю тебя и целую.

Твой, в здравии пребывающий *Михась.*

17/IX 1962 г.

332. ЯНКУ БРЫЛЮ

Пачатак лістапада 1962, Мінск

Дарагі Янка!

Сардэчна віншую цябе і ўсю сям'ю з гадавінай Кастрычніка і жадаю здароўя, шчасця і добрых поспехаў у жыцці, працы, творчасці і вучобе!

Я толькі што прыехаў з Нарачы, дзе, кажучы словамі Міхайлы Васільевіча Ламаносава, «бугристы берега, благоприятны влаги». Праўда, гэтыя «ўлагі» не «благоприятствовали» мне ў справе «уловления» душ шчупаковых, «оныя, творяху всяческое мне посрамление и поругание», и «сокрушаху и терзаша» ўсе мае прычындалы, пакідалі мяне ў тым стане, аб якім добра сказаў Тарас Рыгоравіч Шаўчэнка, як аб «добрай руки тетери». Злавіць за лета тры няшчасныя шчупакі — гэта ж жах! Мізэрныя!.. Але я да іх яшчэ дабяруся! Такія вось справы, Янка! З-за гэтых несвядомых стварэнняў я не паспеў аддзякаваць цябе за надасланую кнігу, што і раблю цяпер. З найлепшымі пажаданнямі

Міхась Лынькоў.

1962 г.

333. МАКСІМУ ТАНКУ

18 лістапада 1962, Мінск

Дарагі Максіме!

Наважыўся паслаць табе прывітанне за акіян. Яшчэ раней, перад Кастрычніцкімі святамі, паслаў табе і Кузьму Венедзіктавічу прывітальную святочную тэлеграму, але так і не ведаю: атрымалі вы яе ці не?

Жыў я на Нарачы да чацвёртага лістапада. Рыбацкія мае вылазкі на возера канчаліся традыцыйнымі ў гэтым годзе няўдачамі — без цябе я развітаўся яшчэ з двума вялізнымі шчупакамі (такімі ж, як некалі пры нашай паездцы з Путрамантам). Адзін шчупачэц налаўчыўся нават перарваць леску (гэта таўшчынёй у 0,9 міліметра!) і даў драпака з усёй маёй снасцю — і бляснай, і карабінамі, і грузікамі. Можаш уявіць, з якім настроем развітаўся я з такой несвядомай рыбінай.

Усё ж, нягледзячы на такія няўдачы, некалькі шчупакоў я злавіў, а аднаго нават напярэдадні майго ад'езду ў Мінск.

Што ж новага на Нарачы? У санаторыі ўжо з'явілася святло, відаць, у наступным годзе і мы будзем з электрычнасцю.

У Мінску правялі мы юбілейныя коласаўскія дні.

На сесіі ў Акадэміі навук даклад рабіў я. Урачысты юбілейны вечар адбыўся 12/XI у Тэатры оперы і балета. Даклад рабіў Лужанін. Былі госці з Масквы, Ленінграда, з нашых рэспублік і з Балгарыі і Чэхаславакіі. Увогуле юбілей прайшоў нядрэнна.

Цяпер праходзіць у нас Тыдзень чэхаславацкай культуры. 22 лістапада ў Маскве ў Калонным зале будзе праведзены вечар, прысвечаны нашым юбілярам — Купалу і Коласу. Мне крыху нездаровіцца, так што ў Маскву не паеду.

У снежні месяцы саракагоддзе «Полымя». Твае хлопцы падгаварваюць мяне згадзіцца быць дакладчыкам. Відаць, згаджуся.

Як ты там маешся, як справы, як здароўе? Не спадзяюся атрымаць ад цябе пісьмо, бо пакуль зойдзе маё, дык будзе, відаць, час сабірацца табе да хаты.

Заканчваю гэты напамінак аб сабе, пасылаю маё сардэчнае прывітанне К. В. Кісялёву і ўсім членам дэлегацыі з шчырым пажаданнем добрых поспехаў у вашай працы.

З найлепшымі пажаданнямі ад усёй маёй камуны

твой *Міхась Лынькоў.*

18/XI 1962 г.
Мінск

334. І. М. САВІЦКАМУ

14 снежня 1962, Мінск

Паважаны Іван Малахавіч!

Атрымаў Ваша пісьмо, быў у выдавецтве, гаварыў з галоўным рэдактарам Камінскім Леанідам Іванавічам. Аб чым жа я даведаўся? Вучпедвыдавецтву было прапанавана перадаць усю серыю кніжак, маючых дачыненне да мастацкай літаратуры для школьнікаў, Дзяржаўнаму выдавецтву. Пакуль цягнуліся перамаўленні па гэтаму пытанню, план Вучпедвыдавецтва быў ужо зацверджаны. А тым часам Дзяржаўнае выдавецтва адмовілася ад прапанаванай серыі, і яна засталася па-за планам.

Камінскі абяцае, што Вашу кнігу яны абавязкова надрукуюць і яна павінна выйсці ў самым пачатку 1964 года (іменна 1964-га).

Камінскі сказаў мне, што Ваша кніга ім спадабалася і яны прымуць усе захады, каб яна выйшла ў свет. Раю Вам асабліва не хваляваацца з-за выдавецкіх затрымак, яны так часта здараюцца ў іх практыцы. У мяне адна кніга выдавалася пяць год — вядома, суцяшальнага ў гэтым мала, але даводзіцца часам мірыцца з тымі ці іншымі затрымкамі і зацяжкамі.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

14/XII 1962 г.

1963

335. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

24 сакавіка 1963, Мінск

Достопочтенная моя супруга!

Вчера выпустили меня из больничного заключения, так что я жив, бодр и здрав, чего и тебе желаю в Хрустальном дворце. За мной приезжал, вернее, приходил, Федор Малахович и привез меня до хаты на подвернувшейся машине.

А сегодня имел честь разговаривать с тобой по телефону — слышимость была исключительной.

Пробыл я, как видишь, пятнадцать дней в больничной палате и под руководством Марии Игнатьевны подремонтировался основательно.

Вчера звонила вечером Анна Тихоновна, она не знала о наших с тобой «путешествиях», просила передать тебе соответствующий поклон и пожелания. Сегодня вечером Маруся отправляется на три дня в путешествие в Киев, оное я и одобряю — пускай человек повидит малость света.

Сегодня вечером Танки справляют «вяселле» Максимки. Вчера заходил главный Максим и приглашал на это торжество, проектируемое ими в ресторане гостиницы «Минск». Правда, он согласился, что мне, только что вышедшему из больничной палаты, не гоже сразу направляться на пир, хотя бы и честной. В общем, мы договорились, что по твоем приезде мы оба навестим молодоженов с «визитом вежливости».

Таковы все наши новости. Леник начал каникулы, отметки за четверть неплохи.

Желаем тебе всем коллективом успешного лечения и благополучного возвращения под родимый кров.

Крепко обнимаю и целую.

Твой *Міхась Лынькоў.*

24/III 1963 г.

336. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

26 сакавіка 1963, Мінск

Дорогой Николай!

Я наконец получил свободу из больничного заключения, в котором пробыл, правда, немного. Лежал с воспалением легких, которое схватил на встрече писателей с покупателями книг в книжном магазине. Посидел там, раздевшись, часа два и заработал больницу. Но все хорошо, что хорошо кончается.

Перед больницей был в Витебской области, в Лезненском районе, где я в этом году избирался в депутаты. Провел там несколько встреч на избирательских участках. Жаль, что наши Зазыбы отошли к Витебскому району, все не удается побыть в родных местах. Правда, мне говорили, что и деревни такой не существует, есть только поселок (Зазыбы еще в 1911 году были разбиты на хутора).

Таковы мои дела. Послезавтра сессия Верховного Совета нового созыва. Софья уже с полмесяца находится в Трускавце Львовской области, в санатории. Не хотела уезжать в связи с моей болезнью, еле уговорил ее поехать, чтобы не терять путевку.

Ты мне писал насчет бритвы с механическим заводом. Покупать не нужно — мне такую бритву привез Геля. А если купил при случае, то можно предоставить такую штуку Танку.

Я, как только пригреет по-весеннему солнце, подамся на нарочские берега, разумеется, по приезде Софьи.

Привет Ольге Ивановне и детям.

С братским приветом

Міхась Лынькоў.

26/III 1963 г.

337. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

20 чэрвеня 1963, Мінск

Дорогой Евгений!

Спасибо за послание. Как раз случилось, что я приехал на несколько дней в Минск и твое письмо не пришлось передавать на Нарочь. Сегодня еду обратно в свою обитель.

Заходил в наше издательство, чтобы поговорить о твоем предложении, но, оказывается, Матузов З. П. (директор изд-ва) в Москве, на Пленуме. Там же, конечно, и Шауро. Думаю, что, если черкнешь ему пару слов, будет не лишним. Не мешает привести и некоторые твои доводы <...>.

Полагаю, что сомневаться тебе особенно о возможности, вернее, целесообразности, твоего перевода нет оснований, берись да помаленьку в свободное время переводи то, что кажется тебе нужным и бесспорным.

Я начал только что работу над решительным сокращением романа, стилистической правкой и т. п. По мере выполнения работы буду присылать тебе очередные книжки.

Здоровье у меня сравнительно удовлетворительное, хотя весной и пролежал месяц в больнице из-за воспаления легких. Вслед за мной схватил инфаркт Аркадий Кулешов. Пролежал он в больнице изрядное время, несколько месяцев. На днях вышел из больницы и сегодня тоже двигается на Нарочь в сопровождении эскулапов.

Из наших ребят на Пленуме Крапива, Бровка и Максим Танк, может быть, и повидишь их в Москве.

Одновременно с письмом посылаю тебе нарочский альбом.

Мои домашние немного побаливают, не совсем хорошо со здоровьем у Софьи Захаровны.

Таковы мои дела.

Сердечный привет от меня Калерии Ивановне и детям.

Дружески пожимаю десницу.

Твой *Міхась Лынькоў*.

20/VI 1963 г.

338. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

2 жнiўня 1963, Нарач

Дорогой Евгений!

Одновременно с этим письмом посылаю тебе первый том «Векапомных». Сделал поправки, сокращения, одну вставку. Следующие тома буду сокращать еще больше.

Будучи в Минске, заходил в издательство, говорил с Казеком (Матузова не застал), оставил им твое письмо. Они как будто согласны, в подтверждение чего посылаю тебе послание Казеки (при случае вернешь его мне).

Сижу теперь на Нарочи и спасаюсь от жары в хате — на дворе до 35 градусов тепла. Исключительное по теплу лето, таких у нас здесь не бывало еще. Как поживаешь, где проводишь лето? Как здоровье?

Я после всяких инфарктов чувствую себя не плохо, только вот Софья у меня похварывает.

На этом заканчиваю послание — жарища явно мешает писать длинные письма.

Сердечный привет Калерии Ивановне и детям.

Привет от моей коммуны.

Пожимаю твою десницу.

Твой *Міхась Лынькоў.*

2/VIII 1963 г.

339. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

18 жнiўня 1963, Нарач

Дорогой Евгений!

Получил твое послание и отвечаю. Одновременно с письмом посылаю тебе второй том «Векапомных».

С твоими предложениями и замечаниями целиком согласен. Принимаю твой «встречный» план по сокращениям. Со стороны иногда видней все лишнее и ненужное. Порой автору жалко расстаться с той или иной страницей или целым разделом, а читатель сразу видит «излишества».

Думаю, что в свободное время (хотя у кого оно есть?) ты мог бы помаленьку переводить бесспорные с твоей точки зрения страницы.

Живу я по-прежнему на Нарочи. В этом году лето у нас было исключительно теплым и даже жарким, так что берег наш напоминал Черноморское побережье: людно, шумно. Особенно у нас (где дачи моя, Танкова и Кулешова). Рядом большой, недавно выстроенный санаторий. Недалеко туристская база, биостанция университета. Рядом деревня — почти в каждой хате дачники. В первые годы, когда мы втроем первыми освоили нарочские берега, была тут исключительная тишина, можно сказать, первобытная. Теперь времена изменились, в летние месяцы народу бывает много (особенно в жаркое лето). Но это нам не мешает.

Теперь наступило похолодание, и у нас по-прежнему стало более уютно и спокойно.

Стоит и тебе подумать о следующем лете — можно устроиться и в санатории, или же заблаговременно снять комнату в деревне. Должен открыться еще большой дом отдыха профсоюзов, есть дом отдыха полиграфистов.

В общем, при желании можно всегда устроиться. И в моей даче найдется всегда нужная комнатенка. Лишь бы лето удалось. В прошлом году оно не баловало нас теплом, было холодно и дождливо.

Но это дело будущего. Сейчас не приглашаю тебя на наши берега — наступает осень. Если тебе в сентябре случится быть в Минске — побудешь и на Нарочи, покатаемся на моторке, съездим на рыбалку.

На этом заканчиваю свое послание. Сердечный привет от меня и Софьи Захаровны тебе, Калерии Ивановне и детям.

Тисну твою десницу.

Твой *Міхась Лынькоў*.

18/VIII 1963 г.

340. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

7 верасня 1963, Нарач

Дорогой Евгений!

Получил твое послание от 3/IX. Пишу коротко, чтобы отправить письмо через Минск, куда отправляется Танкова машина.

Черти издательские еще не сообщили мне — внесли они в план или не внесли злополучные «Векапомныя». Одновременно с письмом тебе пишу послание им.

Хорошо, что ты приедешь в Минск. Если задумаешь ко мне на Нарочь заглянуть — стукни телеграмму заблаговременно, чтобы я успел организовать тебе транспорт. Моя машина в Минске, но постоянного шофера нет. Обслуживает меня шофер автобусного парка в свободные от службы дни. Его я и мобилизую, чтобы доставить тебя на Нарочь. Дома у меня (в Минске) только Надя (приемная дочь) и Леня (приемный сын) — организаторы не из блестящих. Так что транспортные дела я улаживаю сам. Хотя можешь при случае позвонить и им, а они позвонят к матери Надюши в Кобыльник, где она работает врачом (4 километра от нас). Она и передаст мне все, что нужно. А я дам команду шоферу. В общем, действуй в любом варианте. Я Надюше напишу, чтобы была в курсе дела.

Заканчиваю письмо — Танки торопят.

Погода у нас на Нарочи приличная, моторная лодка в исправности.

С сердечным приветом тебе и Калерии Ивановне

Міхась Лынькоў.

7/IX 1963 г.

341. П. М. БАРАНАВУ

14 снежня 1963, Мінск

Уважаемый Павел Николаевич!

Я забыл своевременно Вам сообщить, что все присланные Вами рисунки (и последний — Скорину) я передал в редакцию журнала «Маладосць».

Редактор журнала Пимен Емельянович Панченко и сотрудники журнала обещали мне рассмотреть все присланные материалы, отобрать для себя — если окажется для них подходящее — и написать Вам о результатах.

Адрес редакции: гор. Минск, ул. Карла Маркса, дом № 40, редакция журнала «Маладосць».

Рекомендую Вам при случае — если у Вас будут рисунки — установить связь и с другим журналом —

«Беларусь» (типа журнала «Огонек»). Его адрес: Минск, ул. Захарова, 19, редакция журнала «Беларусь». Редактор его Михаил Иванович Калачинский.

С товарищ[еским] приветом

Міхась Лынькоў.

14/XII 1963 г.

1964

342. Б. І. БУР'ЯНУ

19 красавіка 1964, Нарач

Дорогой Борис Иванович!

Перевод Ваш прочел на нарочских берегах и остался им удовлетворенным. Хороший перевод — что больше скажешь!

Некоторые мои поправки самые незначительные — микроскопические.

Может быть, для «стрэльбы — ружья» (19 стр.) лучше подойдет «фузия»? Но это уже оставляю на Ваше усмотрение.

В общем, спасибо за перевод. Остаюсь с наилучшими пожеланиями, с нарочским приветом

Міхась Лынькоў.

19/IV 1964 г.

343. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

9 чэрвеня 1964, Мінск

Дорогой Николай!

Письмо твое получил еще на Нарочи, где я и обитаю с мая месяца. Теперь приехал на несколько дней в Минск на сессию Верховного Совета республики, Софья на Нарочи. Вся коммуна еще в Минске. Надя должна защищать диплом 18 июня, Леник держит выпускные экзамены за [illegible] классов. Думает он поступать в Суворовское училище — я не мешаю, хочет стать военным — пожалуйста!

Софья чувствует себя плоховато: надо делать операцию, но она не хочет, побаивается, что вполне естественно после перенесенных травм в результате автомобильной катастрофы 1948 года. Да, кроме того, была у нее и еще одна операция. Одним словом, говорит, что с нее уже достаточно всяких операций. В общем, я поеду на Нарочь, а Софья приедет в Минск на всякие консультации с врачами.

Давно собирался написать тебе, чтобы о белилах не беспокоился, достал я их не где-нибудь в Минске, а в Кобыльнике, так что эта «проблема» решена полностью. Таковы наши дела. Что нового у нас на Нарочи? Работает на полный ход санаторий. С 1 мая открылся дом отдыха профсоюзов на 400 человек — несколько больших корпусов в лесу за рыбхозом, по дороге на Кобыльник. Расширена турбаза. Строится за косой белорусский «Артек» на площади в 50 гектаров. Одним словом, Нарочь постепенно превращается в курортно-санаторный район. Малость шумновато, но жить можно. С осени у нас проведено электричество, а недавно мы обзавелись на даче и газом с привозными (из Мяделя) баллонами. Как видишь, цивилизация приходит и к нам, на нарочские берега.

Все это не мешает нашим скворцам и ласточкам — облепили гнездами весь дом. Между прочим, одна скворечья семья поселилась в этом году и в твоем сооружении (в прошлом году оно пустовало, возможно, не выветрился было запах ацетона, не подходящий по вкусу пернатым).

Приеду на Нарочь, выеду на рыбалку, пока не пробовал пугать щупаков, да и запрет был — не ловить до 15 июня.

Таковы все наши новости. Привет Ольге Ивановне и детям от всей моей коммуны, Федора Малаховича, Юлии Захаровны (она у нас, возится с внучкой) и Маруси.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

9/VI 1964 г.

344. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

20 жнiўня 1964, Нарач

Дорогой Евгений!

Еще первого августа этого года тов[арищ] Казека из нашего Белгиза написал мне, что «Векапомныя днi» включены в план редакционной подготовки для выпуска в 1966 году. Одновременно он сообщил мне, что тебе послан договор, но этот договор еще тобой не вернут, но что ты, по словам одного из работников издательства, бывшего в Москве, согласен переводить и вскоре пришлешь договор.

Таковы слухи и неслухи, дошедшие до меня. Вот и надумал я послать это письмецо и узнать от тебя, как обстоит все это дело.

Живу я на Нарочи. Лето было исключительно жарким, так что наши нарочские берега порой напоминали черноморские. Теперь дело идет к осени, поспокойнело и наше озеро, стало тише, уютнее на его берегах, хотя солнце не так уже щедро, как раньше. Думаю пробыть тут еще месяц-другой.

Пиши, как провел с семьей это лето, где отдыхал, как здоровье?

Сердечный привет тебе и Калерии Ивановне от Софьи Захаровны.

С наилучшими пожеланиями

Мiхась Лынькоў.

20/VIII 1964 г.
Нарочь

345. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

3 лiстапада 1964, Мiнск

Дорогой Евгений!

Я получил от Кирьянова такое письмо: «Мы получили вашу заявку о включении в план выпуска издательства на 1966 год в новой авторской редакции роман «Векопомные дни» в переводе Евгения Мозолькова. Мы просим Вас в самое ближайшее время прислать нам белорусский оригинал романа».

И вот я в раздумье: а что посылать? Полностью подготовленного нового белорусского оригинала еще нет, он появится только после окончательной моей работы по сокращению и согласованию с тобой. Очевидно, надо послать пока белгосиздатовский четырехтомник в том виде, в каком он появился на свет, оговорив в письме, что после нескольких месяцев будет прислан окончательно отредактированный текст (белорусский).

Вот и советуюсь с тобой по этому поводу. Кстати, сообщи мне и имя и отчество Кирьянова.

Вот и все мое послание по этому вопросу.

С приветом *Міхась Лынькоў*.

3/XI 1964 г.

346. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

18 снежня 1964, Мінск

Дорогой Евгений!

Вчера я послал тебе телеграмму в ответ на твою. Послал я Кирьянову четырехтомник в его, так сказать, первозданном виде. В письме я написал ему, что вместе с тобой мы сокращаем сие «творение» процентов на тридцать. Выслать сокращенный вариант я не имел возможности, так как все еще занимаюсь этим делом — сокращаю. Три тома мной закончены. Четвертый закончу в первую декаду января. Сокращение довожу до намеченной совместно с тобой нормы.

Как у тебя дела? Не получив от тебя за последние недели ни одного письма, я подумал, что ты или в отъезде, или, что не рекомендуется нам всем, прихворнул. Беспокоить тебя не хотелось. Ну, а раз ты прислал телеграмму, то теперь и побеспокою некоторыми вопросами. И первый «бестактный»: может быть, ты уже перевел кусочек-другой? Присылать тебе другие тома по очереди или сразу все? И еще вопрос: если, скажем, в феврале выдастся хорошая погода — со снегом, с морозцем,— смог бы ты приехать на какой месяц в Королищевичи — посидели бы там вместе за работой?

Вот вопросы, с которыми и обращаюсь к тебе. Мне сегодня из нашего издательства звонили, высказывали такое мнение, что, мол, неплохо было бы запустить ро-

ман в производство во второй половине 1965 года. Справлялись о переводе. Я, конечно, ответил, что дать им исчерпывающую информацию по этому вопросу не могу.

На этом и заканчиваю свое послание. Пиши, как живешь-дышишь?

Сердечный привет от меня и моей почтенной Софии Калерии Ивановне.

Пожимаю твою десницу.

Міхась Лынькоў.

18/XII 1964 г.

P. S. В моем справочнике в твоем адресе стоит цифра Д-284, а в твоих письмах за 1963 год — А-284. Не сделал ли я описку в своих записях? Это письмо посылаю без этих цифр в адресе. Уточни. И еще просьба: в справочнике Союза писателей за 1961 год имеется номер твоего телефона. Но у вас в Москве были какие-то изменения в нумерации телефонов. Не коснулись ли они и твоего телефона? Видишь, к чему клоню — дай точный номер, при случае можно использовать и телефон вместо письма.

М. Л.

347. ЯНКУ БРЫЛЮ

27 снежня 1964, Мінск

Дарагі Янка!

Віншую цябе, дружыну, отрака і атракавіц з Новым годам і жадаю ўсім добрага здароўя, шчасця, радасці, поспехаў і ўсяго, што належыць не толькі па навагодняму рытуалу, але па вышэйшаму рытуалу слаўнай чалавечай прыязні.

Што ж яшчэ пажадаць? Будзе ж вясна, будзе і лета, а там і Нарач. Дык каб было ўсё, як кажаш: «...машынке хап а пружынке, пружынке хап а маторке, маторке хап а рыбака, рыбак хап а блешня, блешня хап а шчупака...» Ну, кілаграм на дзесяць... Аб чым толькі не думаюць людзі!

З сяброўскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

27/XII 1964 г.

348. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

19 лютага 1965, Мінск

Дорогой Евгений!

Одновременно с письмом посылаю тебе последних два томика моих злосчастных «Векапомных». Скоро будет три недели, как я вернулся в родимый Минск. У нас, да, очевидно, и у вас в Москве, в эти недели разгуливает грипп — теперь пошел уже на убыль.

Был я в нашем Белгизе, говорил с Казекой. Он сказал мне, что копия договора тебе выслана. Что касается аванса, то он уверял меня, что аванс вышлют в мае месяце. При этом он «оправдывал» май тем, что теперь они рассчитываются с тобой за перевод Науменко, ну, а после него начнут рассчитываться и за меня.

Что нового у тебя? Как твои настроения? О Королищевичах не думаешь? Ведь и весна уже не за горами. Если надумаешься, сообщи, с какого времени ты мог бы заглянуть в наши лесные дебри. Кстати, сообщаю тебе мой номер телефона — 2-48-29.

На этом заканчиваю свое короткое послание.

Сердечный привет от меня и Софьи Захаровны Калерии Ивановне.

Пожимаю твою десницу.

Міхась Лынькоў.

19/II 1965 г.

349. ЯНКУ БРЫЛЮ

28 красавіка 1965, Мінск

Даражэнькі Янка!

Сардэчна віншую пачэсную Брыль-кампанію з Першамайскім святам і жадаю ёй і здароўя, і шчасця, і вясновых радасцей і хваляванняў, і ўсяго іншага, што на патрэбу кампаніі!

А цяпер падаюся ў крытыку. За павіншаванне дзякуй. І за «рыбна» і «грыбна» і за іншае дзякуй. А дзе «маторна»? А я ж новую «Маскву» купіў! Так што занатуй, браце, дзе і належыць гэты гістарычна-азёрны

факт і май на ўвазе пры складанні планаў летняй перадыслакацыі твайго сямейнага воінства. Вось яно як!

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

28/IV 1965 г.

350. І. Д. КАЗЕКУ

6 чэрвеня 1965, Нарач

Паважаны Іван Дарафеевіч!

Прашу прабачыць мне спазненне з адказам на Ваша пісьмо. Крыху грыпаваў, а таму і спазніўся.

Прызнацца, знаходжуся я трохі ў разгубленым стане: не атрымаў яшчэ адказу ад Мазалькова, а наш лёс, як вядома, у значнай ступені залежыць ад шаноўных перакладчыкаў. З 12 чэрвеня буду я з тыдзень у Мінску. Думаю, што да таго часу атрымаю я пісьмо ад Мазалькова, даведаюся, як у яго з перакладам.

А ўрэшце рабіце, як зручней для выдавецтва. Я ж разумею, што выдавецкія планы не павінны залежаць ад планаў і замыслаў паасобных пісьменнікаў, якія часам бываюць вельмі і вельмі ненадзейнымі ў сэнсе акуратнай вытрымкі пэўных тэрмінаў здачы рукапісаў, тым больш калі тут прымешваюцца і меркаванні перакладчыкаў.

З таварыскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

6/VI 1965 г.

351. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

6 чэрвеня 1965, Нарач

Дорогой Евгений!

Мне из Минска домашние сообщили, что ты звонил из Москвы и сказал, что напишешь письмо. Но письма я не дождался.

Сообщи, как дела. Мне Казеко пишет, что был в Москве в Комитете по печати и что в заключении этого комитета есть такой абзац: «Двухтомник М. Лынькова

«Незабываемые дни» готовится к выпуску в издательстве «Советский писатель» в 1967 году, к 50-летию Советской власти».

Казеко спрашивает, где же мы думаем издать «первое» издание — в Москве или в Минске, причем Минск мог бы в ближайшие месяцы приступить к работе над книгой. Без твоего мнения я не могу сказать им что-нибудь положительное. Одним словом, сообщи о твоих соображениях.

С 12 мая я живу на Нарочи. Весна была не из теплых, да и начавшееся лето пока теплом не радует, так что я пока еще даже не купался. Но выдаются и хорошие солнечные дни, когда и озеро бывает исключительно привлекательным. В июне у меня еще несколько выездов в Минск, так что я даже не спускал пока свою флотилию на воду.

Приглашаю тебя, как и в прошлом году, на наши нарочские берега. Поверь мне, что не пожалеешь, побывав в наших краях. Когда надумаешься приехать в Минск, сообщи мне, и я приеду за тобой. С 12 по 18 июня я буду в Минске — заседания в Академии наук и Сессия Верховного Совета республики.

Ты мне так и не сообщил номер своего телефона (в справочнике есть, но у вас были какие-то изменения с нумерацией). При случае я смог бы позвонить тебе и с Нарочи, хотя ты, очевидно, пребываешь с семьей где-нибудь на даче.

Пиши по любому адресу, или минскому, или нарочскому (п. о. Купа Мядельского р-на Минской области, мне).

Сердечный привет от меня и С[офьи] З[ахаровны] тебе, Калерии Ивановне и детям.

С нарочским приветом

Міхась Лынькоў.

6/VI 1965 г.

352. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

14 чэрвеня 1965, Мінск

Дорогой Николай!

Что-то не слышно от тебя ни одной весточки, не случилось ли что, не заболел ли?

Я с 12 мая проживаю с Софьей и внучкой на Нарочи. Погода пока не из блестящих. Весна холодная, да и начавшееся лето солнцем не балует. Я еще ни разу не купался, Софья пробовала. Правда, погода способствует тому, что на берегу у нас более спокойно, не так шумно, как было, например, в прошлом году, когда наш берег порой был подобен на Черноморское побережье — до того было людно, крикливо, шумливо.

Я пока даже флотилию свою не спускал и щупаков не дразнил — находятся в полном от меня спокойствии и невмешательстве в их щучьи дела. Думаю оказать им внимание уже после Сессии Верховного Совета, на которую я и прибыл во славный наш град Минск.

Софья все время занята Иринкой, ей уже один год и два месяца — девица замечательная и потешная, настоящий «сорванец», передразнивает деда, как он курит, кашляет и спит. Растет Иринка общей любимицей, развлекает нас: поет, танцует, имитирует пение наших постоянных скворцов (которые, кстати, впервые заняли и одно из помещений сооруженной тобой скворечницы). С каждым днем у внучки появляются новые слова, нас называет по именам. Меня величает «дедя Макаля», что в переводе означает «дед Михал». Юлию Захаровну величает «баба Зюля», а Софью «баба Золя».

Так вот и живем. Здоровьем особым похвалиться не можем, как-никак наваливается постепенно старость.

Пиши, как живет твоя коммуна, как дела у Лены и нашего прославленного авиамоделиста?

Одновременно с этим письмом посылаю тебе 50 рублей на твои расходы. Аня мне говорила, что ты жаловался на плохое здоровье. Значит, надо подумать о хорошем курорте, о путевке. А может быть, ты уже и подумал? Я же ничего не знаю.

Сердечный привет от моей коммуны тебе, Ольге Ивановне, Лене и Коле.

С братским приветом

Міхась Лынькоў.

14/VI 1965 г.

353. ВУЧНЯМ 6-га «А» КЛАСА РАДЗЕЕУСКАЙ ШКОЛЫ

24 сакавіка 1966, Мінск

Дарагія рабяты!

Даўно атрымаў ваша пісьмо, а з-за ўсякіх спраў не змог своечасова вам адказаць.

Вось і дачакаўся вашых вясновых канікулаў, так што толькі пасля іх вы і прачытаеце маё пісьмо.

Сардэчнае вам дзякуй за ўсе вашы добрыя пажаданні. У сваю чаргу жадаю вам добра адпачыць, каб з новымі сіламі ўзяцца за вучобу і паспяхова завяршыць гэты навучальны год.

З сардэчным прывітаннем вам і вашым настаўнікам

Міхась Лынькоў.

24/III 1966 г.

354. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

22 чэрвеня 1966, Нарач

Дорогой Евгений Семенович!

Получил от тебя очередную порцию перевода и отвечаю, как видишь, с некоторым опозданием.

Почему ты нарушаешь еще прошлогодний наш уговор? Договорились с тобой, что приедешь ко мне на Нарочь с Калерией Ивановной или с сыном (в зависимости от твоих семейных обстоятельств и соображений), и никаких, как говорится, сдвигов в этом деле. Или ты уж так тяжел на подъем?

Живем мы с Софьей на Нарочи. Сделали ремонт дачи внутренний (перетирка, побелка и проч.). Молодежь наша уехала в Вологодские края к своим родным на пару-другую недель.

Дни у нас стоят исключительно жаркие, спасаемся купанием. В воскресенье сделал первую вылазку на рыбалку, словил пару щук.

На пару дней приехал в Минск на Сессию Верховного Совета. Буду в Минске еще раз 4—5 июля — сессия Академии наук.

Одним словом, пиши и решайся!

С сердечным приветом тебе и Калерии Ивановне от меня и Софьи.

Крепко пожимаю десницу.

Міхась Лынькоў.

22/VI 1966 г.

355. П. М. БАРАНАВУ

2 верасня 1966, Нарач

Уважаемый Павел Николаевич!

Целиком разделяю Ваши мысли, высказанные в письме о памятнике декабристам. Этот памятник нужен — в этом нет ни малейших сомнений.

Что касается моего участия в письме, то скажу прямо: никогда не подписываю документов, написанных другими. Есть тут и некоторые тактические соображения: я белорус, а поэтому было бы нетактично с моей стороны вмешиваться, что называется, в дела ленинградцев, русских. Возможно, у ленинградцев есть какие-то и свои соображения в отношении, скажем, сохранения исторически сложившегося ансамбля городской площади. Вам как русскому человеку вполне уместно и должно высказать это мнение о памятнике и его месте в городе. Ваши ссылки на какие-то авторитеты и прочее совершенно неосновательны: у Вас все основания и права высказать свое собственное мнение, тем более что «Литературная газета» печатает материалы не только касающиеся литературы и присланные писателями, но и различного рода статьи, заметки и письма, касающиеся любых сторон жизни Советской страны и написанные представителями любых профессий и занятий.

Одним словом, Вам и перо в руки. В Вашем письме я сделал маленькую поправку: не надо необходимые мероприятия подавать как проект решения Ленинград-

ского горсовета. Пишите о них как о своих предложениях.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

Нарочь,
2/IX 1966 г.

356. В. А. ЛАПІЦКАЙ І ВУЧНЯМ РАДЗЕЕЎСКАЙ ШКОЛЫ

3 верасня 1966, Нарач

Паважаная Ольга Аляксееўна!

Шчырае дзякуй за Ваша пісьмо. На жаль, не магу я поўнасцю выканаць Вашы просьбы. Яшчэ раз вяртацца да сваёй аўтабіяграфіі не маю пакуль што ні сіл, ні часу, бо заняты цяпер некалькімі звыштэрміновымі і службовымі і сваімі асабістымі працамі. Вы пытаецеся, з якіх твораў лепш за ўсё пачынаць вывучэнне мае творчасці. Думаю, што можна пачынаць з такіх апавяданняў, як «Над Бугам», «Андрэй Лятун», «Гой». Я пасылаю Вам бандэроллю дзве кніжкі аб маёй творчасці тт. Куляшова Ф. і Бугаёва Д. Спадзяюся, што калі гэтых кніжак у Вас няма, то яны дадуць Вам патрэбныя матэрыялы.

З самым цёплым прывітаннем

Міхась Лынькоў.

3/IX 1966 г.
Нарач

357. І. Д. КАЗЕКУ

28 верасня 1966, Нарач

Паважаны Іван Дарафеевіч!

Я заканчваю артыкул «Аб часе і аб сабе» і прывязу яго ў выдавецтва ў першых чыслах лістапада.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

28/IX 1966 г.
Нарач

358. ВУЧНЯМ 7-га «А» КЛАСА РАДЗЕЕЎСКАЙ ШКОЛЫ

15 кастрычніка 1966, Нарач

Дарагія дзеці!

Даўно атрымана ваша пасылка з яблыкамі, а падзякаваць за ваш падарунак я маю магчымасць толькі цяпер, бо некаторы час быў у ад'ездзе. Сардэчнае дзякуй за ваш салодкі гасцінец, за вашу ўвагу і за вашы добрыя пачуцці да мяне.

Жадаю вам і вашым настаўнікам добрага здароўя і такіх жа добрых поспехаў у жыцці, працы і вучобе.

З нарачанскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

15/X 1966
Нарач

1967

359. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

11 лютага 1967, Мінск

Дорогой Евгений!

Рад, что твоя домашняя жизнь вошла в нормальную колею, что все пребывают в здравии и благополучии.

Мы живем по-старому, помаленьку, одним словом, скрипим, пока можем. Как-никак, старость не радость. Она основательно сковывает, ограничивает человека — не так уж легко ходить, ездить, передвигаться и прочее. Все это, конечно, законная дань старческому брюзжанию. А в общем жить еще можно. У нас сейчас проходит выдвижение в кандидаты в депутаты Верховного Совета республики. Только что получил телеграмму от Радошковичского избирательного округа — просят дать согласие баллотироваться по этому округу. Хотя депутат из меня не ахти какой, но согласие дать нужно. В последний созыв я был депутатом по Лиозненскому округу в Витебщине. А раньше на Пинщине. Это

далекие места — ездить на Пинщину было все равно, что в Москву (надо было ехать чуть ли не до Бреста, а потом поворачивать на юго-восток, на Пинск. Не близкая дорога и до Лиозно, с пересадкой в Витебске). Радошковичи близко, ты был в Вязынке, так что представляешь это расстояние. Ближе «переехал» и К. Крапива, с Могилевщины до Смилович под Минском. Все это облегчает, конечно, нам, «старикам-депутатам», выполнять наши депутатские обязанности, чаще встречаться со своими избирателями.

Таковы наши новости, хотя для тебя они и не представляют особого интереса.

Был вчера в издательстве. Передал Казеко все, о чем ты говорил мне в телефонном разговоре. Взял и посылаю тебе необходимую справку.

На этом заканчиваю очередное послание. Сердечный привет от меня и Софьи Захаровны тебе и Калерии Ивановне. Ждем лета и летнего тепла на Нарочи.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

11/II 1967 г.

360. П. С. КАБЗАРЭЎСКАМУ

26 лютага 1967, Мінск

Дорогой Павел Семенович!

Письмо Павлу Ивановичу я послал. Из моего старого сборника (1961 года) я исключаю десять рассказов: «Волчий лог», «Радо», «Кларнет», «Хомуты», «О человечьем сердце», «Про мальчика Яську», «Три злота», «Недопетые песни», «Свадьба» и «Кусок хлеба». Они занимают приблизительно пять печатных листов.

Вместо исключенных рекомендую из сборника «За акіянам» следующие рассказы: «Чорная пляма», «Джыавані», «Цана крыві» і «Падарунак маці».

Павлу Ивановичу я пісаў, каб ты быў переводчиком этих рассказов, а также перевел бы и «Встречи» <...>. Я писал также и о том, что если издательство и ты найдете что-либо стоящее в остальном материале «заокеанского» сборника, то я не был бы против исполь-

зования таких материалов. Я лично не могу быть объективным ценителем вещей этого сборника хотя бы уже потому, что сборник этот не сказать чтобы был мне по душе.

На сем заканчиваю послание с наилучшими пожеланиями и приветом твоей коммуне от меня и Софьи Захаровны.

Міхась Лынькоў.

26/II 1967 г.

361. В. А. ЛАПІЦКАЙ

26 лютага 1967, Мінск

Паважаная Ольга Аляксееўна!

Атрымаў Ваша пісьмо-запрашэнне. Вялікае за яго дзякуй. Калі не выйду са строю, то прыеду. Хацеў бы даведацца, дзе знаходзіцца раз'езд «Буслы» — да ст[анцыі] Буда-Кашалёўская ці пасля гэтай станцыі (калі ехаць з Мінска).

З падборам матэрыялаў для Вашага дыспута я згодны.

Апавяданне «Дзіцячы башмачок» не зусім аўтабіяграфічнае, але гэта, як гаворыцца, не мяняе справы.

На гэтым заканчваю сваё кароткае пасланне.

З павагай да Вас

Міхась Лынькоў.

26/II 1967 г.

362. А. П. УС

25 чэрвеня 1967, Нарач

Паважаная Аляксандра Паўлаўна!

Памятаю аб сваім абяцанні. Сёння закончыў работу над з'ездаўскімі матэрыяламі (для «Полымя») і саджуся за перадавіцу для «Работніцы і сялянкі». Спадзяюся дзён праз дзесяць паслаць яе ў Вашу рэдакцыю. Адным словам, не хвалюйцеся, перадавіца будзе, хаця ў нарачанскіх умовах без маёй хатняй бібліятэкі пісаць такі артыкул даволі цяжкавата. Але, як гаворыцца,

няма такіх крэпасцей, якія б былі не пад сілу нашаму брату-камуністу...

З нарачанскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

25/VI 67

363. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

27 ліпеня 1967, Нарач

Дорогой Евгений!

Кончается и июль месяц... Ты, очевидно, понимаешь суть многоточия?

Переслал я тебе рукопись твоего перевода в нескольких бандеролях. Там у меня некоторые пометки карандашом (их очень немного), прими их во внимание.

Как только переслал я рукописи, так и заболел. Проболел довольно серьезно. Проклятая стенокардия. Три дня, как разрешили мне эскулапы закончить постельный режим и прекратить уколы. Теперь жив и здоров, начал работать.

Жарища у нас стоит как никогда неимоверная. Уже второй месяц, как не было дождя.

Где пребываешь с Калерией Ивановной? Что думаешь о нарочских берегах?

Разом со мной болел и Максим Танк. Нам обоим повезло: ни разу еще не купались, ни разу не выезжали на рыбалку. Думаем осуществить эти «замыслы» в ближайшие дни.

На этом заканчиваю послание. С приветом от меня и С[офьи] З[ахаровны] Калерии Ивановне и твоей персоне!

Міхась Лынькоў.

27/VII 1967

364. В. А. ЛАПІЦКАЙ

Ліпень 1967, Нарач

Паважаная Ольга Аляксееўна!

Даўно атрымаў Ваша пісьмо, а адказаць змог вось толькі цяпер. Мне гэтым летам зусім не вязе. Жыву на

возеры, але ні разу яшчэ не выкупаўся, не злавіў ніводнага шчупака. Справа ў тым што ўвесь гэты час даволі цяжка хварэў (сардэчныя прыступы, стэнакардыя). Толькі пару дзён таму назад мне дазволілі вылезці з пасцелі і хадзіць па хаце, нават выбірацца на вуліцу (праўда, падалей ад сонца).

Адным словам, маю магчымасць адказаць на пісьмы, а іх сабралася за гэты час даволі многа.

Вы залішне дзякуеце нас за прыём Вашага вучнёўскага калектыву. Недарэчна атрымалася з пагодай. Вашы вучні не мелі нават магчымасці пакупацца ў возеры. А цяпер вось больш месяца стаіць такая жарышча, што наш бераг нагадвае Чарнаморскае ўзбярэжжа ў час найлепшага курортнага сезона: у вадзе сотні і сотні людзей — купаюцца. Жара такая, што ў агародзе ўсё пасохла — за апошнія дзесяткі год упершыню такая гарачыня. Чакаем дажджу, як манны нябеснай.

Адказваю на некаторыя Вашы пытанні. З выпускнікоў Ліпініцкай школы магу прыгадаць Вішнеўскага Мікалая Аляксеевіча (член Саюза пісьменнікаў, адрас Вішнеўскага: гор. Мінск-12, Тыпаграфскі праезд, д. 3, кв. 3). Вішнеўскі вучыўся ў мяне ў Ліпінічах, калі не памыляюся, усяго адзін год.

З выпускнікоў Свержанскай школы магу прыгадаць Іванюка Яўгенія Іванавіча (гор. Рагачоў Гомельскай вобласці, вул. Леніна, д. 45, кв. 7) і доктара філалагічных навук Пшыркова Юліяна Сяргеевіча (гор. Мінск, Акадэмія навук БССР, Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы). Магчыма, яны ўспомняць каго-небудзь з сваіх аднакашнікаў.

З калег па Свержанскай школе магу прыпомніць Дар'ю Васільеўну Сівакову (гор. Мсціслаў Магілёўскай вобласці, вуліца Юрчанкі, 25) і Ядвігу Аляксандраўну Федчанка (адраса дакладнага не ведаю, жыве, здаецца, у Бабруйску).

З аднакурснікаў па Рагачоўскай семінарыі магу прывесці адрасы Камісарава Паўла Лук'янавіча (Глыбокае Віцебскай вобл., вул. М. Горкага, 75) і Нікалаева Макара Аляксандравіча (вёска Кашалёва Буда-Кашал[ёўскага] р[аё]на). Магчыма, яны ведаюць і другіх аднакурснікаў з ліку жывых.

Коратка адказваю на апошнія пытанні: беларускія пісьменнікі ў часе вайны пісалі ва ўсе цэнтральныя газеты, частка пісьменнікаў працавала ў спецыяльных

франтавых газетах — «За Савецкую Беларусь» (рэдактарам быў я) і «За свабодную Беларусь» (рэдактарам быў І. Гурскі).

Працую цяпер над зборам сваіх твораў у чатырох тамах.

Вобраз Міколкі мае сёе-тое з маёй біяграфіі.

На гэтым заканчваю пісьмо. Пісаць мне даволі цяжкавата.

З шчырым прывітаннем

Міхась Лынькоў.

P. S. Мар'я Уладзіміраўна выехала з Нарачы яшчэ ў чэрвені месяцы. Ваша пісьмо, паколькі там былі звароты і да яе, мной пераслана ёй.

М. Л.

365. В. А. ЛАПІЦКАЙ

22 верасня 1967, Нарач

Паважаная Ольга Аляксееўна!

Зусім, як бачыце, я сапсуўся, не адказваю ў часе на пісьмы... Адным словам,варты ўсякага ганьбавання... Нічога не папішаш, факты ёсць факты, трапіў я ў вялікія грэшнікі перад Вамі, а таму вось і каюся: даруйце мае грахі — вольныя і нявольныя.

Аднак кожны вінаваты мае права і на некаторыя апраўданні. Вось я і апраўдваюся. Увесь час было, як гэта гаворыцца, работы па самае горла — рыхтую чатырохтомны збор сваіх твораў. Здаў тры тамы, засталася праца над апошнім томам. А тут адолелі дактары, загадалі месяцы на два весці пасцельны рэжым. А да гэтага ўколы і ўсякая іншая трасца. Вось чаму я і стаў неакуратным карэспандэнтам, зацягваю адказы на пісьмы. Наогул лета выдалася для мяне дрэннае. І хаця было яно цёплае і жаркае, але я, жывучы на возеры, усяго два разы выкупаўся — і купанне забаранілі дактары.

Цяпер адчуваю сябе крыху лепш. Жыву з Соф'яй Захараўнай на Нарачы. Яна ў мяне заўзяты купальшчык — купаецца і цяпер. А я карпею над паперамі, капаюся ў вольны час на агародзе.

У Мінск паедзем толькі перад Кастрычніцкімі святамі.

На гэтым заканчваю пісьмо. Сардэчнае прывітанне Вашым вучням і найлепшыя ім пажаданні.

З нарачанскім прывітаннем ад мяне і Соф'і Захараўны

Міхась Лынькоў.

22/IX 1967 г.
Нарач

366. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

Кастрычнік 1967, Нарач

Дорогой Евгений!

Жаль, что не приехал ты на нарочские берега, где мы тебя ждали, приведя в боевую готовность весь мой флот (как-никак, два судна — одно деревянное, другое металлическое). Мы уже подумали, что ты не получил моего письма с Нарочи, в котором я писал, как нам наилучшим образом связаться друг с другом и какой транспорт использовать для твоего приезда. Потом мы подумали, что ты вообще не приехал, и Софья поехала в Минск на «разведку».

Хорошо, что вы встретились и поговорили. Теперь у меня к тебе такая просьба. За последние года два моего отшельнического жития я утратил всякие издательские адреса и забыл, кто и руководит издательствами. Одним словом, сообщи мне адрес «Советского писателя» и имя, отчество и должность Лесючевского. Кроме этого, напиши, на какой год просить включить в издательский план мои «Векапомныя».

Такова моя просьба. Софья рассказала мне о разговоре с тобой, передала с твоих слов информацию о Пленуме (вернее, об атмосфере на Пленуме и всяких таких вещах).

На Нарочи я думаю пробыть с Софьей до ноября, а потом переберемся в Минск.

Пишу это послание в пять часов утра. Темно, на дворе первые заморозки. Озеро угомонилось, не шумит — безветренное утро. Часа через полтора выеду на

моторке на рыбалку, на щук. Ты, очевидно, не знаешь этой рыбацкой страсти и не понимаешь ее. А штука эта замечательная, не мешало бы и тебе приобщиться к немалоликой армии рыбаков-любителей, подлинных страстотерпцев. Но приобщаться надо в летние дни, на утренних зорях — до чего же они прекрасны! Рыбалка — это замечательное общение с природой, помогающее познать ее тайны, ее красоты, ее мудрость.

Однако отклонился я значительно в сторону рыбацких увлечений.

Заканчиваю сие послание. Нарочский привет Калерии Ивановне от меня и Софьи Захаровны. Тебе, конечно, тоже. И домочадцам и чадам.

Жму десницу.

Міхась Лынькоў.

367. І. П. МЕЛЕЖУ

3 лістапада 1967, Мінск

Дарагі Іван Паўлавіч!

Сардэчна віншую цябе і сям'ю з выдатнай гадавінай Вялікага Кастрычніка, а цябе яшчэ раз з высокай урадавай узнагародай.

Жадаю ўсім добрага здароўя, шчасця, радасці, вясёлага святочнага настрою і слаўных поспехаў у жыцці, у працы, у творчасці!

З сяброўскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

3/XI 1967 г.

368. А. А. КУЛЯШОВУ

6 лістапада 1967, Мінск

Дарагі Аркадзь Аляксандравіч!

Сардэчна віншую цябе, Ксану Фёдараўну, дзяцей і ўнукаў з наступаючым святам Вялікага Кастрычніка і жадаю ўсім добрага здароўя, слаўных поспехаў у жыцці і — галоўнае — шчасця і радасці жыць, пра-

цаваць і тварыць пад мірным сонечным небам нашай Радзімы!

Са святочным прывітаннем ад маёй камуны

Міхась Лынькоў.

6/XI 1967 г.

369. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

30 лістапада 1967, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Все-таки фотографы меня подвели. Один заболел, а другой испортил пленки три и ничего у него толком не получилось. Причина, очевидно, в объекте съемки: такая образина получается, что и смотреть тошно.

Посылаю тебе три снимка — два десятилетней давности, один поновее (такой я послал в начале ноября Горбачевой). По твоему усмотрению используй их.

Новостей у меня особых не слышно. Сдал в печать три тома из моего четырехтомного собрания, теперь готовлю последний том. Первый том на днях вышел из печати.

Работаю мало, одолевают недуги. На личном опыте убеждаюсь, что старость не радость.

С сердечным приветом тебе и Калерии Ивановне — от меня и Софьи Захаровны

Міхась Лынькоў.

30/XI 1967 г.

370. І. П. МЕЛЕЖУ

25 снежня 1967, Мінск

Дарагі Іване!

Прымі з сям'ёй сардэчнае павіншаванне з наступаючым Новым годам і пажаданне ўсім добрага здароўя, шчасця, радасці і поспехаў і на 1968 год і на ўсе наступныя гады!

Няхай мірна свеціць сонца ў нашы хаты, над нашай зямлёй!

З навагоднім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

25/XII 1967 г.

1968

371. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

4 лютага 1968, Мінск

Дорогой Евгений!

Каюсь в своих прегрешениях: запоздал с ответом на твое последнее письмо. Это, если хочешь, и «месть» тебе: ты тоже в переписке не можешь похвалиться аккуратностью, так что получается в некотором роде «око за око и зуб за зуб».

Но все это, конечно, шутки. Дело в том что я, верный прошлогодней традиции, малость прихварываю и в этом году пробавляюсь уколами «диафиллина нютеозума», порошками «эуфиллини» и всякими подобными специями. Прихварывает и Софья Захаровна и наша любимица внучка.

Но не болезнями едиными жив человек, но и трудами.

Вожусь я со своим четырехтомником. Сдал уже три тома, сдаю последний. Из печати уже вышел первый том.

Таковы наши дела. Как здоровье Калерии Ивановны? Как шевелишься сам? Как подвигается твоя работа во владениях Лесючевского?

У нас особых новостей нет. Имею в виду наши писательские дела. Максим Танк сейчас обретается в Москве на секретарском дежурстве.

Умер наш Председатель Президиума Верховного Совета республики Василий Иванович Козлов. На внеочередной сессии избрали президентом Сергея Осиповича Притыцкого. Хороший человек — ты его знаешь.

На этом заканчиваю свое короткое послание с

наилучшими — тебе и Калерии Ивановне — пожеланиями. Сердечный привет обоим от Софьи Захаровны.

Жму твою десницу.

Міхась Лынькоў.

4/II 1968 г.

372. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

14 мая 1968, Мінск

Дорогой Евгений Семенович!

Ты мне так и не ответил насчет читки корректуры, а посему я пока что и не читаю второй том.

Завтра мы выезжаем на нарочские берега. Думаю, что повторять тебе и Калерии Ивановне приглашение на Нарочь нет нужды — это приглашение, сделанное тебе в 1967 году, не отменяется и в этом году.

Что нового у нас?

Из печати вышли 1-й и 2-й тома моего четырехтомника. Скоро должен выйти и 3-й том, так что формальные возражения Лесючевского сами собой отпадут (2-й и 3-й тома четырехтомника полностью исчерпывают «Незабываемые»).

В этом году я основательно болел: более месяца дома и почти два месяца в больнице. Все это до чертиков надоело. Надеюсь, что больше болеть в этом году не буду. Врачи значительно ограничили мои «вольности» — не купаться, не загорать, даже в жару не расставаться с шерстяными одеяниями и т. д. и т. п. Возможно, что они малость и преувеличивают. Кое в чем их нужно, конечно, слушаться.

На этом заканчиваю свое послание.

Сердечный привет Калерии Ивановне и тебе от Софьи Захаровны.

Пожимаю твою десницу.

Міхась Лынькоў.

14/V 1968 г.

373. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

15 ліпеня 1968, Нарач

Софуня!

Мы уже основательно соскучились по тебе. Живем по мере возможности. Сегодня приезжал секретарь Мядельского райкома Алексей Петрович Жданюк. Интересовался, какая нам нужна помощь во всех отношениях — в медицинской, продовольственной и т. д. Жаль, что тебя не было. Мы с Танком приняли его почеловечески — старались Юлия Захаровна и Любовь Андреевна. Соскучились по тебе все, в том числе я и Ирунька. Чувствует она себя неплохо. Купалась, вовремя пообедала, вовремя легла спать. Смотри, чтобы у тебя все было хорошо. Сразу же пиши нам письмо. Если нужно, я немедленно приеду. Пиши нам письма. Конвертов у меня и бумаги огромный запас (вторая или третья полка в стенном шкафу, первый от стены, а не от двери в моем кабинете). Есть и марки (в первом или втором отделении письменного стола). Ключи я забрал на Нарочь, но к письм[енному] столу подходит почтовый ключ.

В общем, пиши обо всем подробно и, если нужна помощь,— пиши и телеграфируй, не смотри, что, по твоему мнению, я человек малоподвижный и ни к чему непригодный. Я могу тоже проявить большую энергию.

Закругляюсь, забежал Саша, выезжают.

Письмо передаст Ксеня Федоровна.

Привет от всех нас — от меня, Юлии Захаровны, Нади и, главное, от Ируньки.

Целую.

Твой *Міхась.*

15/VII 1968

374. С. З. ЛЫНЬКОВАЙ-КУСПІЦ

19 ліпеня 1968, Нарач

Софунька!

Получили твое послание. Я несколько дней собирался тебе написать, но ждал оказии: со дня на день

ожидали приезда Кулешова, с их шофером я собирался послать тебе письмо. Но Кулешов пока не приехал, прибыло твое письмо. Мы все тут живы и здравы, каждый занят своим делом. Ира прекрасно себя чувствует, вспоминает бабу Соку и ждет возвращения ее на нарочские берега. Я слежу, чтобы ее не обижали.

Огорчает меня то, что ты уже заговариваешь о выписке. Не торопись с этим делом и подлечись, насколько это возможно в условиях лечкомиссии. О нас не думай — сыты, обуты, пригреты. Единственное, чего нам не хватает,— это твоего руководства, наставления и попечения. В общем, лечись, поправляйся, ставь себя на ноги. Рады, что у тебя добрые соседи, передай им наш сердечнейший привет.

Какие новости у нас? В понедельник навестил нас тов[арищ] Жданюк, первый секретарь Мядельского райкома. Зашел к нам. Мы соответствующим образом приняли его. Хозяйками были Юлия Захаровна и Любовь Андреевна. Результатом его визита был приезд целой бригады врачей во главе с Бажановой. Был и Владимир Евгеньевич Баслык. Осмотрел и меня. Он и Бажанова обещали достать кокарбоксилазу. Мое состояние Влад[имир] Евг[еньевич] признал лучше прошлогоднего. Я крепок и здрав, только ты вот должна основательно поправить свои дела. Издательство прислало корректуру четвертого тома и договор. Когда прочту корректуру, приеду в Минск и навещу мою болящую. Мне ведь просто совестно: ты лежишь в больнице, а я тут прохлаждаюсь на Нарочи. Это дело поправим. Напиши, в чем ты нуждаешься. Будут на днях Кулешовы, я дам Ксане денег, чтобы купила и передала тебе фруктов.

Ленька прислал тебе письмо. Сегодня я вскрыл его и пересылаю тебе.

Нас навещает Юлия Захаровна — тогда пользуемся драниками. Вчера Геля с Ирочкой были в лесу за грибами, поймали маленького ежика. Ира торжественно несла его в берете и еще более торжественно объявила мне, что она принесла самого Шушамона. Накормили его молоком и пустили под дом, где, как ты знаешь, обитает уже целая семья Шушамонов.

Таковы наши дела. Шлем тебе самые сердечные приветы и поцелуи. В знак особых чувств Ирочка приложила и свою подпись. Привет от Евг[ения] Иван[ови-

ча] и Любови Андреевны и от большой Иры. Конечно, и от Юлии Захаровны.

Целуем тебя и обнимаем — я, Надя, Геля, Ира.

Твой *Міхась Лынькоў*.

19/VII 68 г.

375. В. А. ЛАПІЦКАЙ

22 жніўня 1968, Нарач

Паважаная Ольга Аляксееўна!

Вялікае дзякуй за Ваша пісьмо.

Рад, што Вы жывы-здаровы, добра перанеслі аперацыю і цяпер адпачываеце, папраўляецеся. Праўда, праз які тыдзень Вы зноў возьмецеся за настаўніцкую працу.

Як нашы справы? Жыву на возеры, а ні разу не купаўся, не загараў — забаранілі мне ўсё гэта нашы дактары. Соф'я з 15 ліпеня знаходзілася ў Мінску ў бальніцы, нядаўна выпісалася і прыехала на Нарач. Здароўе ў яе зусім кепскае. Мне назначылі ўколы розныя і цэлы месяц будуць пужаць шпрыцам. Але я лічу сваё становішча здавальняючым і лепшым, чым у Соф'і. Галоўны наш лекар — унучка Ірка, яна нас пацяшае, развясельвае, танцуе, спявае. Так вось і жывём.

Цяпер адносна Вашых пытанняў аб героях маіх твораў. Я не дакументаліст, пішу не дакументальныя творы. Большасць вобразаў — гэта абагульненыя, у якіх можна знайсці рысы, характэрныя для многіх і многіх людзей. Некаторыя героі маюць сваіх прататыпаў. У некаторых паасобныя рысы нагадваюць да некаторай ступені канкрэтныя факты з жыцця канкрэтных людзей (Саколіч — Казлоў Васіль Іванавіч, Слышэня — Варвашэня, Бохан — Бондар, Марына — Марыя Восіпава і г. д.). Некаторыя — Надзя Канапелька, Сёмка-матрос, Дубок, Майка і інш. — вымышленыя. З найбольшай дакументальнай дакладнасцю выпісаны вобраз К. С. Заслонава. Гэта канкрэтны чалавек з канкрэтнай біяграфіяй. На вакзале ў Оршы стаіць помнік Заслонаву, там жа, у самім горадзе, існуе музей Заслонава. Аб гэтым чалавеку існуе бага-

тая літаратура. Астап (з апавяд[ання] «Астап») выпісаны мной на аснове канкрэтных падзей, меўшых месца на Палессі (фашысты расстралялі двух старых, братоў, калі не памыляюся, па фаміліі Цуба). Некалькі слоў аб паводзінах Астапа. Што рухала яго ўчынкамі? Лютая нянавісць да ворагаў падказвала яму патрэбнасць як мага хутчэй адпомсціць фашыстам, таму ён параўнальна хутка згадзіўся правесці незнаёмых людзей да партызан, але ўжо ў самым пачатку дарогі ён выкрыў сапраўдны твар гэтых людзей і дастойна расплаціўся з імі.

Вось, коратка, адказ на Вашы пытанні. Зразумела, што ў кароткім пісьме нельга раскрыць усёй кухні пісьменніцкай працы, тым больш што гэтая кухня ў кожнага мае свае асаблівасці. У прамысловасці вялікае значэнне мае стандарт. У мастацкай творчасці стандарт супрацьпаказан. Кожны твор павінен быць арыгінальным, унікальным, не падобным ні на якія іншыя. Толькі тады ён будзе падабацца чытачу і прынясе яму пэўную карысць.

На гэтым заканчваю сваё «пасланіе».

З сардэчным прывітаннем Вам і Вашай сям'і ад мяне і Соф'і Захараўны.

Міхась Лынькоў.

22/VIII 1968 г.

376. ЯНКУ БРЫЛЮ

Лета 1968, Нарач

Дарагі Янка!

Вялікае дзякуй за тваё «пасланіе» нарачлянам. Аднак і мясцінку ты абраў, адна назва настройвае на паэтычны лад. Сапраўды, той, хто даў такую назву дому адпачынку, належыць да паэтычнага племені.

У нас на Нарачы справы ў гэтым годзе не зусім добрыя. І Максім, і я аскудзелі зело целесамі: заместа добрых піцій глытаем розныя мікстуры і таблеціі. Максім разы са два акунуў свае целясы ў нарачанскія воды і на гэтым завяршыў сезон амавеній. А мне эскулапы рэкоша: хошчэшы прадліць леты свае, не суйся ў воды і пад промнем сонечным не заголяйся, ібо сіе табе на згубу. І яшчэ рэкоша мне: не пожэлай ні жаны

бліжняга свайго, ні асляці яго, ну і г. д. і г[этаму] падобнае. Наконт «жаны бліжняга» блюду заветы эскулапаў, бо ашчэ і васхацеў бы прэступіць іх запаведзі, нічэгожэ не сатварыў бы, поеліку замацерэх во днех сваіх. А на кожнага бліжняга взіраю яко на асляці, онае можа маторасе мае восцягнуць на брэг і вадрузіць на маю каравелу, дабы восседоша які капітану і адміралу дзерзаць на Гатавічы, на Наносы, Чараўкі і іншыя селішчы нарачанскія.

Мінулым днём спакусіў я едзіных з малых сіх — Сашку Куляшова і яго супружніцу Святлану (каму ж як не ім цягнуці на брэг маторые?) і даша кожнаму па спінінгу, адплыша ў мора. І пачашася веліе смяценіе на водах і на воздусех. Возгрымелі грамы веліі і някоша маланкі, а хлябі нябесныя разверзліся і амачыху нас, які цюцей. І бысць нам веліе пасрамленіе і ўсякае рыбіе насмеяхуся з нас — і шчупацы, і акуніе, і калючыя ершые. На прычале ўзрэў нас Максіме і яко схімен, обітаяй у тайных, ізрэк: «Ну што, налавіў?..» На сіе маўчаніем адказаша, ізышэд я пад кроў свой, дабы асушыці адзежды свае і мысліе да парадку прывесці.

Так вось і жывём. У Максіма са здароўем вельмі кепска — кравяны ціск 160 і 120. Занядужала і мая дружына, у нядзелю паехала ў Мінск, давядзецца, відаць, класціся ў бальніцу. Мяне даглядаюць Надзя і малая Ірынка, якая лепш ад усіх нас карыстаецца нарачскімі шчадротамі: купаецца, загарае і верхаводзіць сваімі «калегамі» — малым Максімкам і яго аднагодкам Кокам — унукам Аркадзія.

Яшчэ раз дзякую за тваё мілае пасланіе і жадаю добрага адпачынку на «Рэчаньцы».

Сардэчнае прывітанне Ніне Міхайлаўне і тваім слаўным нашчадкам.

У чаканні лепшага надвор'я

твой *Міхась Лынькоў.*

377. І. І. ГРАМОВІЧУ

24 снежня 1968, Мінск

Дарагі Іване!

Віншую цябе з Новым годам, з пяцідзесяцігоддзем Рэспублікі і КПБ і жадаю здароўя, шчасця, новых

творчых здабыткаў і добрага навагодняга настрою! За тваё здароўе асушу святочную чарку, дальбог!

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

24/XII 1968 г.

1969

378. Я. С. МАЗАЛЬКОВУ

12 студзеня 1969, Мінск

12/I 1969 г.

Дорогой Евгений!

Как живешь, можешь?

Шутя, шутя вступили вот в новый год и начинаем отсчитывать его быстролетящие дни. Еще пара-другая месяцев и опять потянет меня на нарочские берега. Как-то там веселей и удобней моей душе. В феврале думаем с Софьей закатиться на месяц в королищевские леса. Ты как будто бы говорил Софье, что и в ваших семейных планах учитывались Королищевичи на какой-нибудь зимний месяц? Что же, дерзайте! В лесу зимой неплохо, комары там только весной атакуют немилосердно.

Новостей у нас особых нет. Новый год и юбилей республики провели неплохо. К слову сказать, была замечательно организована и проведена демонстрация, оригинально и богато иллюминирован город. От юбилейных настроений пора переходить к очередным будням.

Одним словом, пиши. Привет Калерии Ивановне!

Пожимаю десницу.

Твой *Міхась Лынькоў.*

379. Г. А. КАРАВАЕВАЙ

12 студзеня 1969, Мінск

Дорогая Анна Александровна!

Не успел вовремя поздравить Вас телеграфно. А опоздав, посылать телеграмму как-то не с руки...

Пишу письмо. Искренне поздравляю Вас с замечательным юбилеем и с высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Прожили Вы три славные двадцатипятилетия — три четверти века. Живите, здравствуйте и творите еще многие и многие годы — чтобы была работа не только критикам и литературоведам, но и математикам — подсчитывать эти годы...

Желаю здоровья, счастья, радостей!

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

12/I 1969 г.

380. ВУЧНЯМ 5-га «А» КЛАСА РАДЗЕЕЎСКАЙ ШКОЛЫ

14 красавіка 1969, Мінск

Дарагія рабяткі!

На жаль, не магу выканаць вашай просьбы. Я ніколі не пісаў вершаў аб нашым вялікім правадыры. А раз не пісаў, то і выслаць такія вершы не маю магчымасці.

З прывітаннем усім вам

Міхась Лынькоў.

14/IV 1969 г.

381. А. Я. ДАНІЛКУ

22 красавіка 1969, Мінск

Уважаемый Афанасий Ефимович!

Ваше письмо преисполнило меня большой скорби: почти уже девять месяцев, как ушел из жизни человек, с которым я долгое время находился в дружеской переписке. Я находился только в переписке, а Вы — самый близкий, самый родной ему человек. Как же неизмеримо глубока Ваша скорбь, как тяжела Ваша невозвратимая утрата. С огромнейшим, невольным в данном случае запозданием, высказываю Вам и всем

родным и близким Константина Ефимовича мое искреннее соболезнование в постигшем Вас и их горе. Конечно, никакие сочувствия и соболезнования не могут осязаемо облегчить горечь этой утраты, но люди есть люди — горе одного должно тяготить и другого.

Заканчивая это письмо, прошу передать мой сердечный первомайский привет всем родным и близким Константина Ефимовича.

С наилучшими Вам и Вашим близким пожеланиями.

Міхась Лынькоў.

22/IV 1969 г.

382. С. Н. ГУСЕВУ

30 мая 1969, Нарач

Дорогой Силантий!

Когда я уезжал на Нарочь, то в спешке забыл и расплатиться с тобой за кустики рябины. Одним словом, извини меня за эту забывчивость. 11—13 июня буду в Минске, расплачусь тогда с тобой.

За рябину спасибо — вся прижилась.

С нарочским приветом

Міхась Лынькоў.

30/V 1969 г.

383. В. А. ЛАПІЦКАЙ

25 жніўня 1969, Нарач

Паважаная Ольга Аляксееўна!

Вялікае дзякуй за пісьмо і добрыя пажаданні. Мы з Соф'яй Захараўнай жывём, як і раней, на Нарачы. Патроху рухаемся. Калі я яшчэ трымаюся і не маю асаблівых праў паскардзіцца на здароўе, то з Соф'яй крыху хужэй. Яна толькі што прыехала з Мінска, дзе тыдні са два праляжала ў бальніцы (почкі, камні), і адчувае сябе кепска. У мяне ж, акрамя старасці, ніякіх сур'ёзных хвароб не назіраецца. Ды і старасць —

гэта ж не хвароба, а завяршаючы перыяд жыцця, перыяд, праўда, не зусім прыемны, лепш бы абыходзіцца без яго. Але нічога не папішаш. Тут ужо, як гаворыцца ў прыказцы: што міру, то і бабінаму сыну. Гэта ўжо такая штука, ад якой ніхто не пазбаўлены. Шмат чаго мне забаронена: купацца, загараць. Яшчэ не забаранілі лавіць шчукапоў, і па меры сіл і магчымасцей змагаюся з імі ў зручную пагоду, калі возера бывае мірным, лагодным. Праўда, Соф'я не пускае мяне аднаго на возера, баіцца, каб у выпадку якога-небудзь сардэчнага прыпадку я не трапіў бы ў палон азёрнай хвалі. Я гавару ёй, што ў такіх выпадках чалавеку ўжо ўсё роўна, у які б палон ён ні патрапіў.

Вось так і жывём мы. З намі ўнучка Ірынка, адзіная наша радасць і ўцеха.

За летні час нічога новага не напісаў я, і гэта мяне турбуе. Трэба ж неяк пачынаць якую-небудзь новую работу.

На гэтым заканчваю сваю кароткую справаздачу.

З сардэчным прывітаннем Вам і Вашай сям'і ад мяне і Соф'і Захараўны

Міхась Лынькоў.

25/VIII 1969 г.

1970

384. Д. М. КАВАЛЁВУ

20 лютага 1970, Мінск

Дорогой Дмитрий Михайлович!

Наверное, зачислил ты меня в разряд самых неприкаянных невеж — до сих пор не ответил я на твои письма, поздравления и пожелания. Факт остается фактом — не ответил... Но есть у меня смягчающие мою вину обстоятельства. На другой день после юбилейного вечера отвезли меня, раба грешного, в больницу с воспалением легких. Там и «отпраздновал» я целых два месяца. Там и Новый год встречал вместе с Кондратом Крапивой, который попал туда еще раньше. Там и переживали мы вместе с ним печальные ве-

сти о наших друзьях — Петре Глебко и Евгении Мозолькове. Кондрат вышел из больницы раньше меня. Вторую неделю и я провожу дома, привыкаю, «акклиматизируюсь».

Большое тебе спасибо за письмо и телеграммы, за все доброе, что несли они в мою больничную палату (всю мою почту домашние доставляли в больницу).

Вот сегодня опечалили меня вести из Украины о преждевременной смерти Андрея Малышко — хороший был человек, славный поэт и верный друг Белоруссии. Такие потери чувствительны для нашей культуры. И рано бы Андрею навсегда прощаться с нами, был он еще молодой, в самом расцвете сил и таланта. То ли дело у нас, стариков, перешагнувши седьмой десяток — в самый раз «сушить весла...» И то неохота...

На этом заканчиваю свое покаянное послание с самыми сердечными пожеланиями тебе, жене и наследникам.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

20/II 1970 г.

385. Я. Я. КАРАТКЕВІЧУ

20 лютага 1970, Мінск

Дорогой Яков Ефремович!

Видишь, какой я неаккуратный корреспондент: ты пишешь, ты поздравляешь с юбилеем, с Новым годом, а твой адресат, как это говорится у нас, у белорусов, «і ў вус не дзьме...» Однако не такой уже я виноватый. Дело в том что сразу же после юбилея отвезли меня с воспалением легких в больницу, в которой и «отдежурил» я два месяца. Там же, в больнице, с микстурами и прочими эскулапскими специями встречал я и Новый год. Особого энтузиазма, а тем более веселья, не было, как и положено в подобных «богоугодных» заведениях.

Уже вторая неделя, как я акклиматизируюсь в домашней обстановке, даже два раза осмелился выходить на мороз, на улицу, но еще опасаюсь сходить в Верховный Совет республики, чтобы получить орден

Ленина, которым награжден в связи с семидесятилетием — хожу с трудом.

Сижу дома и разбираю накопившуюся за два месяца корреспонденцию.

Таковы мои дела.

Когда поправлюсь и как следует стану на ноги, исполню все твои просьбы — о годовщине освобождения Белоруссии от белополяков и о Лепешинском. Был у нас один из учеников Литвиновичской школы Лепешинского доктор филологических наук Иван Гуторов — умер в прошлом или позапрошлом году. Был членом-корреспондентом нашей Академии наук, в войну замечательным партизаном брянских лесов, веселым, жизнерадостным человеком, баянистом, удачливым охотником, крепким здоровяком. Проклятый рак за несколько месяцев свел его в могилу. Других учеников школы Лепешинского я не встречал.

На этом заканчиваю свое послание. Поздравляю тебя с Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота!

С наилучшими пожеланиями тебе в этом Новом году

Міхась Лынькоў.

20/II 1970 г.

386. Ф. Л. БЫЧЫНСКАМУ

22 лютага 1970, Мінск

Дорогой Федор Лаврентьевич!

Большое, сердечное спасибо за юбилейное и новогоднее поздравление, полученное от тебя (разреши по старой школьной традиции обращаться с тобой на ты).

Мне приходится с большим запозданием поздравить тебя с давно наступившим Новым годом. Дело в том что после юбилея мне пришлось пролежать два месяца в больнице с воспалением легких и только теперь я получил возможность ответить на многочисленные письма и поздравления в связи с юбилеем и награждением орденом Ленина. Из учеников, твоих сверженских однокашников, мне прислали письма и телеграм-

мы Гинзбург Г. из Саратова, Шандалов Ш. из Челябинска, Шандалова Э. и Ривкин Г. из Ленинграда, Иванюк Е. из Рогачева. Каждому такому письму я рад — они хорошее напоминание о давно прошедших годах, о молодости.

Поздравляю тебя с давно наступившим Новым годом и с наступающим завтра Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота и желаю тебе и семье доброго здоровья, счастья и всяческого благополучия!

Написал бы, как живешь, где трудишься, как живут твои родные в Свержене?

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

22/II 1970 г.

387. А. Я. ДАНІЛКУ

22 лютага 1970, Мінск

Паважаны Панас Юхімавіч!

Сардэчная падзяка Вам і дружыне і дзецям Канстанціна Юхімавіча за юбілейнае павіншаванне і слаўныя пажаданні маёй сціплай персоне.

Прашу прабачыць мне такі позні адказ на Ваша пісьмо. Справа ў тым што пасля юбілею мне «пашчасціла» прабыць два месяцы ў бальніцы з запаленнем лёгкіх. Сяк-так выцарапаўся адтуль.

Вельмі сумую з прычыны заўчаснай смерці майго даўняга маладзейшага па гадах друга Андрэя Малышкі. Гэта ж так нечакана і недарэчна: паэт быў у самым росквіце сваіх сіл і таленту. Два месяцы таму назад мы страцілі добрага паэта Пятра Глебку і літаратуразнаўца Яўгена Мазалькова.

Усё гэта сумна, усё гэта значныя, беззваротныя страты для нашай культуры.

Дазвольце на гэтым завяршыць маё пасланіе і пажадаць усім Вам шчасця, поспеху і добрага спору ў працы!

З сяброўскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

22/II 1970 г.

388. М. Я. НОВІКАВУ

23 лютага 1970, Мінск

Дорогой Мефодий!

Твое письмо было огромнейшей неожиданностью за последние пятьдесят лет, когда разошлись наши пути-дороги из славного града Рогачева. Еще в довоенные годы приходилось переписываться с несколькими друзьями — с Мининым, Юльским (они из-под Чечерска) и Рябовым Яшкой (из Рогачева). Все трое работали в Ленинграде. Где-то в военной завирухе затерялись их следы. Навсегда... После войны заезжал ко мне Чернецов (он был учителем в Поболове). Жив ли он теперь — не знаю. Переписывается со мной Павел Комиссаров (учитель-пенсионер в г. п. Глубоком). Он же мне говорил, что где-то обретается в Белоруссии Масальский.

Вот и все... В нашей академии работает Роговой (из старших выпусков бурсы).

Сколько было ребят, а осталась ничтожная горстка. Да и мы уже кандидаты в «бессрочные отпуска», «идеже несть ни болезнь, ни воздыхание», ни глотка коньяку... Грустная, одним словом, история. Растили нас, «сеятелей вечного, разумного...», а войны по-своему рассчитались с этими сеятелями, рассеяв их кости по всему белому свету.

Как известно, весь наш выпуск был направлен в военные училища. Только трое из выпуска — я, Рябов и Бескишкин,— как не достигшие нужного возраста (нам было по семнадцать с небольшим) остались тогда в стороне от военной, изменчивой и коварной судьбы. Бескишкин вскоре умер от туберкулеза. Я учительствовал до 1919 года. Три года на гражданской войне. Опять три года учительства. Потом пять лет работы в газете, начало писательского пути, издательство, литературные организации, Академия наук — вот краткая анкета. Второй год пребываю в пенсионерах. Много ездил, путешествовал. Пять раз был за океаном. Один раз в далекой Азии (Индия, Пакистан и пр.), несколько раз в Европе.

Теперь уже не до путешествий, с трудом ноги носят и по своей земле. Когда получил твое письмо, то собирался сразу же и ответить. Да не вышло. На второй

день после юбилея отвезли меня в больницу с воспалением легких, где и пролежал я два месяца, только недавно вернулся домой.

Ты пишешь, что работал и на Беломорстрое. Когда канал был построен, я побывал там со специальной делегацией братьев-писателей.

Напиши ты подробнейшее письмо (первые годы после бурсы, кого и когда встречал из однокашников, может быть, знаешь кого-нибудь из них и посегодня здравствующих). Со мной переписывается один из после нашего выпуска — Короткевич. Живет в Киеве.

Пиши обо всем. Буду рад твоему письму.

Остаюсь с наилучшими тебе пожеланиями: здоровья, счастья, бодрости.

Твой *Міхась Лынькоў*.

23/II 1970 г.

389. П. Л. КАМІСАРАВУ

2 сакавіка 1970, Мінск

Дорогой Павел!

Приношу тебе сердечную благодарность за твои юбилейное и новогоднее поздравления. Как видишь, с большим запозданием отвечаю я на твои приветствия и пожелания и с таким же запозданием поздравляю тебя с давно наступившим Новым годом. Дело в том что после своего юбилея я «умудрился» попасть в больницу и пролежал в ней два месяца с воспалением легких. Только теперь, вернувшись домой, имею возможность ответить на многочисленные письма и телеграммы.

Между прочим, впервые за последние пятьдесят лет я узнал о наличии среди живущих нашего однокашника Мефодия Яковлевича Новикова. Он прислал мне письмо из города Горки (Могилевской области, ул. Тимирязева, 32, кв. 18). Теперь он пенсионер. Я написал ему: может быть, он знает и еще каких-нибудь наших однокашников.

Ты, очевидно, бываешь в Минске, почему не зайдешь?

Хочу я спросить тебя вот о чем. Некогда были мы с тобой и в двухклассном училище при семинарии. Как

мне помнится, однажды мы снимались всем коллективом школы. Может быть, случайно сохранился у тебя такой снимок, может быть, знаешь, у кого он есть? Было бы неплохо, если бы сохранились какие-нибудь следы этого снимка. У меня пропал весь довоенный архив, в том числе и единственная фотография времен семинарии (помнишь, что делали перед самым выпуском).

Пиши, как здоровье, как самочувствие?

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

2/III 1970 г.

390. ВУЧНЯМ НАВАСЁЛКАЎСКАЙ СЯРЭДНЯЙ ШКОЛЫ

7 сакавіка 1970, Мінск

Дарагія, юныя таварышы!

Вялікае вам дзякуй за павіншаванне з юбілеем, за вашы прывітанні і пажаданні, за вершы, прысвечаныя мне, напісаныя ўдзельнікамі школьнага літаратурнага гуртка.

Даўно я адпісаў бы вам, але мне давялося прабыць два месяцы ў бальніцы, таму я і спазніўся.

Жадаю вам усім — вучням і вашым паважаным настаўнікам — добрага здароўя, шчасця, вясновай радасці і добрых поспехаў у жыцці, працы і вучобе!

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

7/III 1970 г.

391. ВУЧНЯМ 9-га КЛАСА СУХАВІЦКАЙ ШКОЛЫ

7 сакавіка 1970, Мінск

Юныя мае таварышы!

Даўно я атрымаў Ваша пісьмо, але не паспеў своечасова адказаць на яго, бо з-за хваробы павінен быў два месяцы праляжаць у бальніцы.

Вялікае дзякуй вам за ваша павіншаванне з сямідзесяцігоддзем.

У сваім пісьме вы пытаецеся ў мяне: за што і калі ўзнагароджаны я трыма ордэнамі Леніна. Адказваю: першы раз узнагароджаны ў 1949 г., другі раз у 1955 г., трэці раз у 1969 годзе. Кожны раз узнагароджаны «За заслугі ў развіцці савецкай літаратуры».

Жадаю ўсім вучням і вашым паважаным настаўнікам добрага здароўя, шчасця і выдатных поспехаў у жыцці, працы і вучобе!

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

7/III 1970 г.
гор. Мінск

392. ВУЧНЯМ 5-га «А» КЛАСА ПІНКАВІЦКАЙ ШКОЛЫ ІМЯ ЯКУБА КОЛАСА

7 сакавіка 1970, Мінск

Мае юныя таварышы!

Сардэчнае дзякуй вам за слаўнае павіншаванне з маім сямідзесяцігоддзем. Вельмі спазніўся я з адказам на ваша мілае пісьмо, бо два месяцы знаходзіўся ў бальніцы.

Дзякуй вам за запрашэнне наведаць Пінкавічы. Калісьці пасля вайны я быў у Пінкавічах, бачыў вашу школу.

З сардэчным прывітаннем вам, усім вучням школы і вашым паважаным настаўнікам, з найлепшымі пажаданнямі

Міхась Лынькоў.

7/III 1970 г.

393. ВУЧНЯМ ІЛЫЧОЎСКАЙ ШКОЛЫ

10 сакавіка 1970, Мінск

Ученикам Ильичевской школы.

Дорогие ребята!

Сердечно благодарю вас за ваше поздравление и

добрые пожелания. Отвечаю вам с большим опозданием из-за болезни — два месяца пролежал в больнице.

Желаю вам всем крепкого здоровья и отличных успехов в жизни, труде, учебе!

С дружеским приветом всем вам и вашим уважаемым учителям

Міхась Лынькоў

10/III 1970 г.

394. М. Я. НОВІКАВУ

16 сакавіка 1970, Мінск

Дорогой Мефодий!

Получил твое письмо. Спасибо. Ты говоришь, что воспаление легких нам не к лицу, что более логично знакомиться с такими приятными вещами, как инфаркт и проч. Для меня инфаркт уже не новость, года три тому назад познакомился и с ним, пережил. А воспаления легких у меня просто вошли в традицию — чуть зазеваешься... и готово. Правда, врачи предупреждают: не зевать — с моими легкими — прокуренными и с застарелой эмфиземой — это рискованно.

Но оставим этот «пенсионерский» разговор и последуем совету наших белорусских женщин: «на сухі бы лес усе гэтыя хваробы!»

Оказывается, и ты был в числе тех «малолеток», которых в 1917 году не отправили в военные училища. Но между нами, оказывается, разница. Ты пошел на дальнейшую учебу, а я с 1919-го три года провел на гражданской войне. После, по семейным обстоятельствам (умерли родители, у меня на руках остались малолетние братья и сестры), я не имел возможности учиться, получить высшее образование. Так и пошел в жизнь с «бурсацкой» наукой. Учительствовал, а с 1925 г. переключился на газетно-журналистскую работу, незаметно втянулся, вжился в литературу. Воевал в 1939 году и в первые годы Отечественной. Потерял семью — немцы казнили жену и единственного моего сынишку в возрасте девяти лет. Казнена была и семья брата — его жена и двухлетняя дочка. Брат без вести пропал на фронте.

Как видишь, если придерживаться твоей жизненной программы, то и мной не выполнен пункт первый: вырастить сына. Нет у меня и дочек. Правда, воспитал приемную. Есть от нее и внучка пяти лет, главная моя радость и утеха.

Что касается пунктов 2 и 3, то они выполнены и перевыполнены. Много посадил я деревьев за свою жизнь. И теперь у меня на даче на озере Нарочь имеются березы, ели, сосны, дубы, клены, липы, ясени, рябины, тополя, каштаны — несколько десятков деревьев, выращенных за 15 лет. Некоторые из них при посадке имели уже лет по 20. Одним словом, образовался настоящий дендрарий. Есть и более десятка яблонь.

Теперь о другом. Послал я тебе книжку рассказов на русском языке. Если сможешь одолеть книги на родном белорусском, то я вышлю тебе роман «Векапомныя дні». Если не можешь, то я пришлю эту вещь на русском языке.

На этом и заканчиваю свое послание. С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

16/III 1970 г.

395. М. Я. НОВІКАВУ

29 красавіка 1970, Мінск

Дорогой Мефодий!

Твое подробное письмо восстановило в памяти многие подробности, давно улетучившиеся. Так, я долго пытался несколько раз вспомнить фамилию математика и не смог. Речь идет о Шевандо. Ты, возможно, несколько переоцениваешь его преподавательские возможности и его демократизм. Он действительно держал себя с бурсаками запанибрата. Но мне помнится и другое — излишне часто он поклонялся Бахусу и пребывал в такие дни в угрюмо-мрачном настроении. Мне кажется, такие вещи не повышали нашего рвения к математическим наукам. Возможно, я ошибаюсь. Возможно, подводит память...

Из других преподавателей я помню историка Гришкова (невысокого, чернявого человека, нос с горбинкой,

с зеленым прозрачным козырьком над глазами). До Шевандо математиком был Путимцев. До Аркад[ия] Гавриловича Самохвалова литературу преподавал Купцевич (мы его окрестили, кажется, Купчиком...), преподавал неважно. Парийский всем нам нравился. Кстати, мне он оказал огромную помощь. Дело в том что на стипендии я прожил только первые две четверти первого года обучения. Перед рождественскими каникулами мне закатили три или четыре двойки (до сего времени не могу понять, почему это случилось, так как и в двухклассном училище при семинарии и в самой семинарии учился хорошо, а некоторые двойки были поставлены по предметам, в которых я вообще разбирался отлично). В результате меня «милостиво» избавили от стипендии. Это пахло для меня катастрофой — мой отец, рабочий железной дороги, получал в месяц 12 рублей. И это при большой семье. Содержать меня в городе он не мог. Вот тут Парийский и помог мне, порекомендовав мою особу в качестве репетитора в некоторые семьи купцов и чиновников. Так и жил я, мыкаясь по городу, репетируя великовозрастных балбесов, не всегда уверенный в аккуратное получение заработанных рублей. Летом обычно работал на железной дороге поденным рабочим.

Стипендия моя была передана Лапицкому, сыну начальника почты из Сморгони. Если помнишь, Лапицкий вскоре умер — на первом или втором курсе. Чем он заболел — не помню. Фамилию его помню, так как она косвенно была связана с некоторыми моими, не сказать чтобы приятными переживаниями из-за стипендии.

Был я некоторое время репетитором и у Арк[адия] Гаврил[овича] Самохвалова, «школил» двух его подшивальцев. Тут вспоминаются мне и некоторые комические эпизоды, когда Аркадий Гаврилович, желая помочь мне воздействовать на его отпрысков, пускал в ход такие средства — педагогические и методические,— как подтяжки. Средства действовали, маленькие сорванцы (так и называл их папаша) сдавали позиции и спокойно высиживали уроки. Я с удовольствием вспоминаю это репетиторство у Арк[адия] Гавриловича. Хорошая, интеллигентная семья, сочувственно относившаяся к моей особе, оказывавшая порой и ту или другую помощь.

Большинство «работодателей» были другими людьми. Помню, репетировал я у одного интендантского чиновника Квицинского (даже фамилию запомнил) девочку и мальчика. Один раз мне заплатили, а за другой месяц — мне следовала пятерка — задержали. Ходил я за этой несчастной пятеркой раз двадцать: хозяйка-мадам находила разные поводы, чтобы отказать: не получили жалованья, потратились на покупки и т. д. и т. п. Когда явился я последний раз и дернул звонок у дверей, появилась служанка. Она заявила: барин приказали, чтобы вы больше их не беспокоили, а если вы еще придете, они позовут городового...

В общем, заработки порой были довольно шаткие, но сяк-так четыре года выдюжил, семинарию закончил.

Судьбу наших преподавателей проследить не удалось. Самохвалов и первый директор семинарии Сцепуро работали — так говорили мне — одно время в Минске. Сцепуро несколько лет тому назад умер в Одессе (с ним даже переписывался наш бывший бурсак из первых выпусков академик Роговой). Ничего не знаю о судьбе второго директора Назарьина (которого мы почему-то прозвали пудретом). Законоучитель о. Владимир Ходкин в послереволюционные годы был где-то на селе священником, дальнейшей его судьбы не знаю.

Были у нас, если помнишь, два учителя (они сменили друг друга) пения и музыки. Фамилия одного была, кажется, Бережной. Один из них был чахоточный и при нас умер. Пел он неважно, но страстно любил музыку. Этим мы, оболтусы, порой злоупотребляли: попросим сыграть что-либо на скрипке, он не отказывал, увлекался — так и проходил учебный час. Если помнишь учителя рисования и черчения Константина Кирилловича (или Кирилла Конст[антинови]ча) Зюбко, большого к тому любителя-театрала. После революции он работал в кино, как артист выступал в нескольких фильмах.

Вот, коротко, несколько воспоминаний из далекого прошлого. Парийский как будто бы принимал участие в обществ[енной] жизни после революции, но подробностей я не знаю — жил в то время на Гомельщине (до лета 1919 года), а потом был в армии, на «гражданке» до осени 1922 г. У тебя память на лица. У ме-

ня такой памяти нет. Я запоминал другие вещи: действия, эпизоды, дикцию говорящего и т. д.

Отвечаю на некоторые твои вопросы. Когда я пишу, то думаю только на языке создаваемой вещи. Думать по-русски, а писать по-белорусски или наоборот нельзя. Есть особенности в образном мышлении, русские и белорусские слова одного и того же смысла, значения имеют различные степени образности, живописности, эмоционального восприятия. Некоторые схожие слова имеют совершенно противоположное значение. Привожу пример: это пойдет ему на благо (русск[ая] фраза). Ён адчуваў сябе блага (белор[усская] фраза). В первом случае благо — добро, польза. Во втором случае блага значит «плохо», «худо». Думать на одном языке, а писать на другом — получится вермишель, что-то похожее на худосочный перевод.

Я послал тебе «Векапомныя дні» в русском переводе. Московские издания лучше оформлены, но они разошлись. Послал тебе минское издание. Вот пример тебе, как трудно иногда перевести с одного языка на другой, даже близкий, родственный язык. Слово «векапомныя» перевели как «незабываемые». А в «незабываемом» несколько иная, более узкая смысловая нагрузка, чем в «векапомным» (памятным на века). У людей, которые не знают белорусского языка, но пробуют писать на нем, думая по-русски, подчиняя весь строй фразы русскому синтаксису, русской грамматике, получается плохо. Всякий дословный, так называемый подстрочный, перевод положительных результатов не дает. Обычно утрачивается вся поэзия слова, его аромат, его своеобразие.

Ты спрашиваешь, где находится моя дача. Даю схематический план<...>.

Спасибо за садоводческие советы. Черенков не нужно. У меня есть смородина, крыжовник. В прошлом году раздобыл и черную рябину.

Почва у озера и вокруг песчаная. Масса валунов. Только вокруг Мяделя самая лучшая в районе почва, там давно развивалось огородничество.

Озеро ледникового происхождения, совершенно не похоже на наши полесские болотные озера. Нарочь отличается исключительной чистотой и прозрачностью воды. Дно в основном песчаное или покрыто мохоподобными водорослями. Берега удобны для массовых

пляжей. Есть всевозможная рыба, от обычной плотвы, окуней, лещей, щупаков до сомов и угрей. Правда, с каждым годом количество ее уменьшается. Дело в том что механизация промыслового лова растет с каждым годом, а рыба живет и размножается без всякой механизации, древними способами. Я клоню к тому, что на этом озере, как в курортном районе, промысловый лов надо или прекратить или резко сократить, чтобы и туристу и отдыхающему в санатории или в доме отдыха или в будущих пансионатах имелась возможность поймать окуня или того же щупака.

Восемнадцать лет тому назад на озере была только одна моторная лодка. Она свозила в рыбхоз рыбу с участков. Рабочая бригада (в составе четырех лодок) выезжала на тони на веслах, вручную ставила и вытягивала подволоки. На это уходила уйма времени. Теперь каждая бригада состоит из моторного катера и трех лодок, да на одной из лодок находится еще бензиновая лебедка. Быстро добираются до любого места, распускают подволоку и моторами вытягивают ее. Да и бригад таких стало больше, чем раньше. В результате такой механизации теперь рыбаку-любителю, спортсмену надо основательно поколесить по озеру, чтобы поймать того щупака, который раньше легко шел на блесну при самой короткой прогулке по озеру.

Однако я малость увлекся щупаками, а кончать письмо пора.

Поздравляю тебя с наступающим Первомайским праздником и с Днем Победы и желаю всяческих благ, а главное — здоровья и отличной весенней бодрости и весенне-праздничного настроения!

С бурсацким приветом

Міхась Лынькоў.

29/IV 1970 г.

396. В. Г. ПАНАМАРОВУ

20 чэрвеня 1970, Нарач

Уваж[аемый] Вал[ентин] Георгиевич!

Посылаю Вам рецензию на фильм «В огне жизни». Малость запоздал из-за семейных дел: привез жену из больницы, а тут она серьезно была заболела гриппом,

пришлось основательно повозиться с лечением. Рецензию посылаю Вам, потому что не знаю адреса этого журнала (на Нарочи не достанешь). Посылаю в рукописи, печатник из меня не ахти какой.

Что касается заглавия, можете изменить на какое-нибудь другое, например «Фильм о большой жизни» или что-нибудь подобное, используя «служение человеку» — это подлинные слова Орловского. Прочитайте, изменяйте, если это при случае необходимо. Не знаю, стоит ли упоминать авторов песни и музыки? Оставляю это на Ваше усмотрение.

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

20/VI 1970 г.

397. М. Я. НОВІКАВУ

28 кастрычніка 1970, Мінск

Дорогой Мефодий!

Искренне сочувствую твоему большому горю — утрате единственной дочери. Утешать не буду — все утешения никогда не возвращают утраты. Вот внучка у тебя осталась — это лучше всяких утешений. Помоги ей сделаться хорошим человеком.

Жаль, что нам не пришлось встретиться летом. Я только на днях вернулся в Минск с берегов Нарочи. Лето этого года, да и весь год был для меня крайне неудачным. Новый год я встретил в больнице. А вышел из нее не совсем здоровым. Все лето проболел на Нарочи, ни разу не выезжал на моторке, не поймал ни одной щуки. Далася в знаки моя хроническая пневмония. Из-за нее я принял около семидесяти уколов разными снадобьями, да «выпил» несколько литров микстур, закусывая всевозможными порошками, таблетками и проч. и проч. Приехал в Минск и сразу же несколько сердечных приступов.

В общем, не везет. Чуть ли не дисквалифицировался как рыбак и давно признанный нарочанский адмирал.

А проще говоря — виною всему старость. Она преподносит иногда совершенно неожиданные сюрпризы.

Тут уж ничего не попишешь — от старости лекарств нет, от нее никуда не убежишь.

Рад, что понравились тебе мои «Векапомныя дні». По-русски «векапомныя» перевели как «незабываемые». Но это не одно и то же. «Векапомныя» — это слово имеет более глубокий смысл, более высокое звучание, чем слово «незабываемые». Но не все ведь слова — в любом языке — переводимы. Приходится подбирать более близкие, приблизительные, по смыслу.

Сад мой, нарочанский, был в этом году неурожайным. Только две яблони — штрифель и белый налив — малость порадовали «садовода».

Пишу это письмо в Горький, поскольку ты сказал, что будешь там до ноября месяца.

Остаюсь с наилучшими пожеланиями и приветом тебе и супруге.

Старый бурсак

Міхась Лынькоў.

28/X 1970 г.

398. У. К. АЛЕКСЯЁНКУ

16 лістапада 1970, Мінск

Уважаемый Владимир Кузьмич!

Перед Октябрьскими праздниками я послал Вам двухтомник моего романа «Векапомныя дні». Не знаю, получили ли Вы книги? Может быть, я перепутал адрес?

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

16/XI 1970 г.

399. У. К. АЛЕКСЯЁНКУ

23 лістапада 1970, Мінск

Паважаны Уладзімір Кузьміч!

Сардэчнае дзякуй Вам за павіншаванне з днём нараджэння!

Дасылаю Вам тры фотаздымкі, зробленыя калісьці на возеры Нарач.

З таварыскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

23/XI 1970 г.

400. СЯМ'І М. А. НІКАЛАЕВА

27 лістапада 1970, Мінск

Дорогие друзья!

Получил Ваше письмо. Оно так меня ошеломило, что и описать трудно. Глубоко сочувствую Вашему большому горю и вместе с Вами скорблю о невозвратимой утрате Вашего близкого, родного человека, а моего испытанного, искреннего друга. Наша дружба возникла более полувека тому назад. Я сожалею, что в последние годы мы не смогли встретиться и вспомнить о годах нашей далекой юности.

Остаюсь с наилучшими всем Вам пожеланиями

Міхась Лынькоў.

27/XI 1970 г.

1971

401. Ф. Л. БЫЧЫНСКАМУ

4 студзеня 1971, Мінск

Дорогой Федор Лаврентьевич!

Спасибо за новогоднее поздравление и за письмо. Взаимно поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе и семье всего наилучшего в жизни, а главное — хорошего здоровья. От тебя узнал, что нет уже на свете славного Лаврентия Петровича. О нем у меня сохранились самые лучшие воспоминания — чудесный он был человек и хороших наследников воспитал.

Вот пишу письмо к тебе, обращаюсь на ты только потому, что ты ученик мой, а все ученики встают в моей памяти как незабываемые ребята. Именно ребята.

А у этих ребят сыновья по сорок лет... Вот она жизнь, ее быстротечный поток, вечный поток!

И признаться тебе — завидую твоему счастью, счастью иметь двух сыновей. Фашисты отняли у меня единственного сына: они убили моего Марика, когда ему не было и десяти лет. Одним словом, помощников, наследников у меня нет. Но что поделаешь, жить-то ведь надо, воспитываем чужих детей, привязываемся к ним, любим.

Такова жизнь. Не жалуемся. Правда, последний год я основательно постарел. Летние месяцы я обычно живу на даче на озере Нарочь (большое озеро, около 90 квадр[атных] километров площ[адь], в 175 килом[етрах] от Минска). Заядлый рыболов (на моторке с дорожкой на щупаков). Но за прошлое лето не поймал ни одного щупака. Проболел все лето и осень. Ничего не попишешь — старость, от нее никуда не убежишь! Сколько же тебе лет? Прислал бы фотокарточку — интересно взглянуть на теперешний облик моего бывшего ученика.

На этом заканчиваю свое послание. С наилучшими пожеланиями и сердечным приветом тебе и всем твоим родным и близким

Міхась Лынькоў.

4/I 1971 г.

402. В. У. БЫКАВУ

16 студзеня 1971, Мінск

Паважаны Васіль Уладзіміравіч!

Даўно атрымаў ад Вас пісьмо, а своечасова не адказаў, а таму вось і каюся «во гресех своих», і ўшчуваю сябе, і прашу прабачэння.

А прычына спазнення звычайная: адалявае старасць з усімі сваімі «хворямі» и трасцамі. Галоўны ж мой вораг — пракураныя амаль што да рэштак лёгкія. Адсюль вар'яцкая задышка, калі для таго, каб прайсці які квартал, трэба зрабіць некалькі прыпынкаў і нахапацца паветра, як хапае яго выкінуты на бераг шчупак. Вось было апошняе праўленне па прыёму ў саюз, былі і Вы на ім. Пабыў і я — гэта была мая першая вылазка ў людзі за апошнія месяцы. Думаю 20 студзе-

ня наведацца ў саюз — цікава паглядзець на моладзь — наша папаўненне, абнаўленне, наша змена. Ідуць гады, і тыя, што «змянілі» нас пасля вайны, цяпер таксама ўжо не маладыя і для людзей якога-небудзь дванаццацігадовага ўзросту яны ўжо сапраўдныя дзядулі: Шамякін, Мележ, Брыль... Ды і Вы ўжо блізка да гэтых рубяжоў. А для нас, пачаўшых разменьваць восьмы дзесятак, узрост Вашых аднагодкаў самы што ні ёсць піянерскі ўзрост.

Аднак адхіліўся я ад тэмы майго пісьма. Перш за ўсё — шчырае дзякуй за Ваша пісьмо, навагодняе павіншаванне і пажаданні, за напамінак аб маёй колішняй маладосці. Даўно мне хочацца пагаварыць з Вамі па некаторых праблемах нашай літаратуры, па асобных пытаннях, звязаных непасрэдна і з Вашай творчасцю. Але ўсё не траплялася зручнага выпадку. Спадзяюся, што такі выпадак будзе. Вельмі рады за Вашага Сотнікава. Думаю, што Вы зразумелі прычыны і сутнасць гэтай радасці. Я ніколі ў жыцці не крывіў душой, а таму і не магу сказаць, што я як чытач быў задаволены ўсімі Вашымі рэчамі. З некаторымі з іх, а таксама з некаторымі асобнымі палажэннямі, асобнымі сітуацыямі быў я нязгодны. Ну, а такія творы, як «Альпійская балада», «Трэцяя ракета» і шмат якія іншыя, прымаліся мной, як гэта гаворыцца, на сто процантаў. Але ўсё гэта — тэма для нашай асабістай гаворкі.

Яшчэ раз дзякуй за Ваша пісьмо. Жадаю, каб Новы год і ўсе наступныя гады не здраджвалі Вам у творчых пошуках, у творчых удачах і здабытках, а сям'і Вашай — у шчасці і радасці!

Моцна цісну Вашу руку.

Міхась Лынькоў.

16/I 71

403. Ф. Л. БЫЧЫНСКАМУ

20 сакавіка 1971, Мінск

Дорогой Федор Лаврентьевич!

Малость запоздал с ответом на твое славное письмо. Основательно простудился, болел. Удивился, узнав, что тебе уже 62 года... Ведь в моем представлении

все мои бывшие ученики живут в памяти очень и очень молодыми. Да что тут говорить — помню их всех мальчишками: тихими, озорными, всякими... И как я был поражен, когда прислали мне недавно фотографию одного из моих учеников по Липиничской земской школе. Ученик старше меня на один год (случалось и такое — у семнадцатилетнего учителя было несколько учеников постарше его).

Большое тебе спасибо за присланные фотографии. Посылаю взамен три своих фотографии. На одной снят я с шестилетней внучкой Ирой (дочка моей приемной дочери. Первая моя семья — жена и сынишка — как тебе, возможно, известно, были убиты гитлеровцами в 1942 году). На фотографии в берете изображен я во время рыбалки на озере Нарочь.

С 1953 года являюсь я академиком Академии наук республики. В 1962 году мне присвоили звание народного писателя Белоруссии. С 1940 года избирался депутатом Верховного Совета БССР всех созывов. Третий год ношу еще одно звание — пенсионера. Звание это, говоря по совести, ненавижу. Как-никак, старость не радость. Идет мне 72-й год. Лет до семидесяти старости как-то не замечал. А вот после семидесяти она основательно напоминает о себе.

Из родных живет у меня в дер[евне] Станьков (десять верст от Рогачева) сестра, пенсионерка в совхозе. Другая сестра учительница — пенсионерка [redacted] Дорогanове Осиповичского района. Младший брат Николай живет со своей семьей в Ленинграде. Брат Григорий пропал без вести на войне. Семья его (жена и ребенок), как и моя, убита гитлеровцами.

Как видишь, получился целый отчет перед тобой. Остается еще сказать об орденах. Имею три ордена Ленина, три Трудового Красного Знамени, один Красной Звезды и медали.

Рад был познакомиться — хотя бы по фотографиям — с твоей семьей. В детях главное счастье людей. Мне в этом отношении не повезло. Но ничего не поделаешь. Хотя внучка, снятая со мной, и не родная, но она главная радость и утеха [redacted] моей жизни.

С сердечным приветом тебе, жене и всей славной твоей семье

Міхась Лынькоў.

20/III 1971 г.

404. П. М. БАРАНАВУ

25 сакавіка 1971, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

Получил оба Ваши письма. Доволен, что получили обе бандерольки. Я не мог послать их раньше, так как малость болел, что и приличествует мне «по штату», вернее — по годам, по возрасту. Уже больше года, как я основательно «отстал» от жизни. Общение с людьми ограничивается встречами с врачами, и эти встречи нельзя назвать интересными. Прошлым летом я, завзятый рыбак, не словил ни одного щупака: живучи на берегу озера, ни разу не съездил на рыбалку — уколы мешали. Никуда не хожу, нигде не бываю. Вот приближаются писательские съезды, боюсь, что не смогу побывать в Москве на очередном съезде (а был я на всех съездах начиная с 1934 года). С трудом хожу. На выставке, конечно, не смогу побыть по этой же причине. Когда мне приходится изредка по необходимости пройти пару-другую кварталов, я делаю на каждом квартале две-три остановки-передышки. Одним словом, подводят легкие.

С Вами встретился бы с удовольствием — есть о чем поговорить о днях минувших.

На этом заканчиваю свое послание.

С дружеским приветом Вам, семье

Міхась Лынькоў.

25/III 1971 г.

405. В. А. ЛАПІЦКАЙ

5 мая 1971, Мінск

Дарагая Ольга Аляксееўна!

Атрымаў Ваша пісьмо ад 28/IV, за якое і прыношу Вам маю шчырую падзяку. Але павінен сказаць Вам, што ў нашай перапісцы адбываецца нешта незразумелае. Вы пішаце: «Неяк нялоўка мне пісаць да Вас, бо ніякай весці ў адказ не атрымліваю». Нічога не разумею. Апошняе Ваша пісьмо да мяне было напісана

17/III. У ім пісалася пра «музей», пра кабінет беларускай мовы і інш. Пры гэтым Вы прасілі ў мяне прабачэння за нейкія выдуманыя Вамі Вашы «прегрешения» перада мной. Разам з тым папракалі мяне за «доўгае маўчанне». Пісалі Вы тады і аб тым, што былі 8—11/II у Мінску на семінары выкладчыкаў, але зайсці да нас і не зайшлі. 20 сакавіка я паслаў Вам пісьмо ў адрас Радзееўскай школы. У пісьме я пісаў, што ніякіх «прегрешений» у Вас супраць мяне не было і няма, што мы, беларускія пісьменнікі, вельмі ўдзячны Вам, насмыў, беларускія пісьменнікі, вельмі ўдзячны Вам, настаўнікам, якія так прыязна, клапатліва ставяцца да мастацкай літаратуры. У пісьме быў і папрок Вам за тое, што з-за нейкіх меркаванняў кампанейшчыны Вы абмінулі маю хату.

20/III я паслаў тое пісьмо, а 30/III мяне адвезлі ў бальніцу, у якой я і прабыў да 1 Мая. Перад Першамайскім святам прасіў Соф'ю Захараўну паслаць Вам павіншаванне з Першамайскім святам. Адрас даў ёй на Радзееўскую школу.

Так і не ведаем мы, атрымалі Вы гэтыя пісьмы, ці не. Мяркуючы па Вашаму пісьму, выходзіць, што не атрымалі. Мы зусім разгубіліся ад фразы ў Вашым апошнім пісьме: «вельмі страшна думаць аб страце дарагога дарадчыка, спадарожніка працы. У ранейшым пісьме я Вам аб усім расказала».

Хіба і я не атрымаў нейкага Вашага пісьма, дзе Вы няйначай пісалі аб невядомай нам страце? Адным словам, адбываецца нейкае непаразуменне. Няйначай не трапілі па адрасу некаторыя пісьмы — Вашы і нашы.

Гэтае пісьмо пасылаю заказным.

Вось ужо пяты дзень, як я дома. Спадзяваўся падлячыцца ў бальніцы, але «рамонт» быў не зусім удалы. Соф'і Захараўне давялося ўжо два разы выклікаць дактароў на хуткую дапамогу. Чакаем добрага надвор'я, мо будзе лепей маім лёгкім. Не скажу, каб добра адчувала сябе і Софья Захараўна, здароўе яе кульгае. Неяк трымаецца, каб глядзець за старым і за малым — за мной і за Ірачкай.

На гэтым і заканчваю свой рапарт.

Сардэчнае прывітанне Вам і Вашай сям'і і павіншаванне з Днём Перамогі!

Міхась Лынькоў.

5/V 1971 г.

406. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

27 кастрычніка 1971, Мінск

Дорогой Николай!

Твое послание я получил за день до отъезда с нарочских берегов — 16 октября. Выгнали нас оттуда снег, дожди, холодные ветры. Теперь обитаем в Минске.

Весна и лето этого года были для меня не совсем удачными. Апрель я провел в больнице. Месяца два на Нарочи меня беспрерывно кололи. Если в прошлом году я раза два выезжал на озеро, то в этом году я не спускал даже на воду свою бригантину, и она — все же покрашенная мной — простояла лето под окнами, превратившись в резервуар для дождевой воды с крыши (для поливки огорода). И с этой обязанностью она плохо справлялась — стояла небывалая для Белоруссии засуха. В результате картошки мы накопали меньше, чем посеяли. Такие же «урожаи» и прочих «культур». И только яблони, презрев всякие засухи, впервые за всю историю моей дачи принесли столько яблок, что мы просто ахнули от удивления. Пришлось спешно ставить подпоры (около двухсот), чтобы не поломались ветви под небывалым урожаем. Встала проблема: как быть с яблоками? Раздавали направо и налево корзинами и мешками. Паданки шли коровам и свиньям молочницы и Броньки. Отправляли в Минск Наде, Вере Захаровне, Федору Малаховичу. Часть брала Юлия Захаровна. Несколько мешков привезли в Минск себе.

Однако я увлекся в сторону от основной темы письма. Даже яблоки не смогли повлиять к лучшему на мою персону. Два месяца подряд меня ежедневно «подбадривали» уколами. В довершение ко всему пережил одно потрясение — неожиданно умер один из самых лучших моих друзей — Сергей Притыцкий. За неделю до выборов в Верховный Совет республики (в воскресенье 6 июня) он приехал ко мне на Нарочь. Перед приездом ко мне поймал он семикилограммовую щуку, которой и похвалился и пожурил меня, что я не поймал ни одного щупака. Не оправдываясь своими недугами, я пошутил, что нам на веслах не угнаться за щукой (дело в том что в этом году на озере Нарочь запрещено пользование подвесными и другими лодочны-

ми моторами). В общем, мы посмеялись, он обещал «исправить» дело с моторами и приехать ко мне после выборов на рыбалку. Через неделю, 13 июня, мы с Софьей поехали в Минск на выборы. Проголосовали. А часа в два нам позвонили, что Притыцкий умер (его ночью доставили в больницу, врачи не могли установить диагноз, были вызваны специалисты-медики из Москвы. Никакие врачи и хирурги помочь не могли — у Притыцкого был разрыв аорты). Таких похорон, как похороны Притыцкого, Минск не видел. Десятки тысяч людей провожали его в последний путь.

Чувствовал я себя плохо, неважно. Не смог ответить и на твое письмо, присланное в июле месяце. Аня часто писала нам и звонила по телефону на Нарочь. Из твоего письма и от Ани мы узнали, что вы собираетесь приехать к ней. А она собиралась заехать к нам на несколько дней в гости. Тогда мы и написали ей, чтобы приезжала вместе с Полей, тобой и Ольгой.

Получил я письмо и от Поли. Она говорит, что вы поехали бы, если бы было приглашение, да к тому же пересадки (про которые и ты пишешь). Я думаю, что особых приглашений не требуется, чтобы навестить больного брата. А болезнь мне досаждает. Из-за нее я не ездил даже на встречу с избирателями в предвыборную кампанию — просто не разрешили ездить.

Вот так и живу. Не был на съездах — республиканском и всесоюзном. Надеюсь все же покрепче стать на ноги. Остаюсь с наилучшими всем пожеланиями и приветом от меня и Софьи тебе, Ольге Ивановне и детям

Міхась Лынькоў.

27/X 1971

1972

407. М. М. ГРЫНЧЫКУ

8 лютага 1972, Мінск

Паважаны тав[арыш] Грынчык!

Не зусім своечасова адказваю я на прапанаваную Вамі анкету, за што і прашу прабачэння. Адказваю па

сутнасці. Вывучаючы літаратурныя традыцыі Гомельшчыны, Вы зварочваецеся да мяне як да «пісьменніка-земляка». Але, на жаль, гамяльчанін я «ліпавы», на Гомельшчыне жыў не поўныя тры гады, так што сур'ёзна гаварыць аб якім-небудзь значным уплыве мясцовых гомельскіх фактараў на мяне, на маю творчасць асаблівых падстаў няма. Нарадзіўся я на Віцебшчыне. Раннія дзіцячыя гады правёў непадалёк ад Магілёва, дзіцячыя і юнацкія — на Рагачоўшчыне. Тры гады жыў на Бабруйшчыне. Большую палову жыцця — у Мінску. Цяпер па пунктах анкеты:

1. Зразумела, што рэгіянальныя фактары (розных месц пражывання) мелі бясспрэчны ўплыў на мяне, на маю творчасць. Адным з такіх фактараў з'яўлялася і прафесія бацькоў (незалежна ад геаграфіі самаго месца пражывання). Бацькі былі чыгуначнікамі. Чыгунка, яе «атмасфера», яе асяроддзе пакінулі значны след на маім эмацыянальна-псіхалагічным складзе і на творчасці (напрыклад, апавяданне «Андрэй Лятун», аповесць «Міколка-паравоз», паасобныя вобразы і эпізоды ў «Векапомных дзён»).

2. Уплыў паасобных фактараў (як, напрыклад, чыгунка) не быў аднолькавым. Прычына простая — аслабленне альбо поўнае спыненне сувязей з тым ці іншым жыццёвым асяроддзем. У гэтым аслабленні ўплыву таго ці іншага фактару аднолькавую ролю мелі і эмацыянальна-псіхалагічны стан і характар творчай задумы. Прымаючы пад увагу асаблівасці маёй біяграфіі, трэба гаварыць аб сінтэзе цэлага комплексу жыццёвых з'яў і фактараў, якія і сфарміравалі мяне як чалавека і пісьменніка.

3. Хутчэй за ўсё поўнай залежнасці паміж рэгіянальнай спецыфікай і жанравымі асаблівасцямі мастацкага твора не існуе. Па крайняй меры прыклады такой залежнасці ў беларускай літаратуры цяжка знайсці, за выключэннем хіба твораў, арганічна звязаных з фальклорам.

4. Узмацненне рэгіянальнага каларыту ў літаратуры можна толькі вітаць, бо яно сведчыць аб росце сталай, глыбокай сувязі літаратуры з жыццём народа, з усёй разнастайнасцю і шматграннасцю гэтага жыцця. Гэты рост бясспрэчны, так што ўзмацненне рэгіянальнага каларыту — з'ява перспектыўная. Пад рэгіянальным каларытам я маю на ўвазе не легкаваж-

ныя падробкі пад «народную жысцьь», не стылізатарскія практыкаванні, а высокаідэйныя, паўнакроўныя мастацкія творы, праўдзіва і хвалююча паказваючыя жыццё народа, народа-барацьбіта, народа-воіна, народа-творцы і будаўніка.

Вось кароткія адказы на пытанні Вашай анкеты.

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

8/II 1972 г.

408. Ф. Л. БУЖАНУ

20 красавіка 1972, Мінск

Дорогой Федор Лаврентьевич!

Прими с семьей Первомайское поздравление и мои наилучшие пожелания: здоровья, счастья, успехов, весенних радостей и утех и всего самого наилучшего в жизни!

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

20/IV 1972 г.

409. І. І. ГРАМОВІЧУ

4 мая 1972, Мінск

Дарагі Іван Іванавіч!

Як ветэрана Айчыннай вайны віншую цябе з Днём Перамогі і жадаю табе ніколі ў жыцці не ўбачыць паўтору пачварных дзён вайны!

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

4/V 1972 г.

410. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

29 чэрвеня 1972, Нарач

Дорогой Николай!

Получил твое послание. Отвечаю — значит, жив. Насчет «здрава» можно сказать «помаленьку». Главное

тут на Нарочи — хороший воздух, не минский. Что касается воды, то ей особо не интересуюсь — третий год не купаюсь и полтора года не ездил на своей бригантине по озеру. Отвлекали от этого благородного дела уколами, да и моторы мои — и не только мои — были запрещены. Недели две тому назад использовал случайный приезд на озеро тов[арища] Машерова (секретаря ЦК КПБ), «доложил» ему о дискриминации меня как «нарочанского адмирала» и в результате нам, трем народным, разрешена моторная навигация в виде исключения из общего правила. Одним словом, готовлю бригантину к спуску на воду.

На Нарочь в этом году мы приехали с опозданием и с 1 июня. Живем четыре персоны: Софья, Ира, Ирин котенок Мурзик и я. Пользуемся домашним столом и обедами из столовой (рядом с нами). Рядом с нами и новый кинотеатр. В общем, все удобства. С 3 июля приедут Геля и Надя. Ира предполагает увеличить свое животное поголовье двумя кроликами, самолично красила для этого клетку, сооруженную Гелей.

Такова наша жизнь. Пока на нее не в обиде. К докторам в этом году не обращался. Софья жалуется на ноги. У Ирки свои дела. Но живем, существуем, по мере сил трудимся, женская половина часто навещает кино (благо — под боком). Я не киношничаю —тяжело ходить.

Хорошо, что ты предупредил о 60-летии Ани. Она ничего об этом не говорила, да и занята теперь двумя своими внучками, так что и писать ей некогда. Одним словом, пошлем поздравление.

Насчет твоего приезда на Нарочь — приезжай, будем пугать щупаков. Инжиру не покупай — теперь имеются фрукты.

Вот, кажется, и все, о чем я собирался написать.

Сердечный привет от меня и Софьи Ольге Ивановне, тебе и детям.

С братским приветом

Міхась Лынькоў.

29/VI 1972 г.

411. П. М. БАРАНАВУ

5 ліпеня 1972, Нарач

Дорогой Павел Николаевич!

Отвечаю на оба Ваши письма. Запаздываю с ответом из-за болезни. Вам, как пишете, 66 лет, а мне уже скоро 73. Одним словом, некоторая разница. В Ваши годы (в 66 лет) я чувствовал себя еще пионером. Разница в семь лет в наши годы значит очень много, человек начинает быстро стареть, терять все свои силы и способности.

Присланные Вами фотографии дают представление о Ваших работах и, я бы сказал, о Вашем профессиональном росте как художника-любителя. Журналы с отзывами мне не нужны, я ведь сам не слепой и кое в чем разбираюсь без помощи чужих оценок и суждений. Да, кроме того, Вы же не уверены, как Вы пишете, «что они вернутся обратно». Совершенно напрасно Вы напоминаете о пропавшем бесследно «выходе к морю». Поверьте, я лично не был бы против того, чтобы и Атлантику присоединить к нам. Но что поделаешь, когда сие ни от меня, ни от Вас не зависит.

Давайте пошутим на этот счет и оставим в покое Балтику.

Я только недавно приехал на Нарочь, не спускал еще на воду лодку (правда, прошлое лето лодка простояла на дворе, ни разу не коснувшись воды, как и моя собственная персона, отдававшая вынужденное предпочтение всевозможным уколам).

После жарких июньских дней стоит июльская холодина, хоть ты шубу надевай. Надеемся, что все же потеплеет.

Думаю, что Ваше пребывание на лоне природы дает многое Вам — и как человеку и как художнику.

Наилучшие пожелания и приветы Вам и Марии Николаевне.

5/VII 1972 г.

Міхась Лынькоў.

P. S. Должен еще раз сказать, что присланные Вами снимки дают действительное представление о Ваших успехах в живописи: в пейзаже, натюрморте и портрете.

М. Л.

412. М. Ф. КАПІЧУ

1 жніўня 1972, Мінск

Уважаемый Николай Федорович!

Болезнь задержала мой ответ на Ваше письмо. В конце апреля или начале мая этого года я послал Татьяне Ивановне Притыцкой мои воспоминания о Сергее Осиповиче. Правда, ответа от нее не получил: попало в ее руки или не попало посланное заказное письмо, удовлетворяет ли или не удовлетворяет содержание — форма воспоминаний... Ничего не известно.

Копию воспоминаний посылаю Вам. О результатах при случае сообщите.

С ком[мунистическим] приветом

Міхась Лынькоў.

1/VIII 1972 г.

413. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

8 жніўня 1972, Нарач

Дорогой Николай!

Давно я послал тебе письмо в ответ на твое. И только недавно вспомнил, что я не ответил на твои два вопроса, а именно: какой номер нашего нарочского телефона и когда лучше звонить, в какое время. № телефона 3-46, звонить лучше утром с 7 до 10 и вечером после 9.

Живем по-старому. 4/VIII вернулись из Одессы Геля и Надя, ездили туда на две недели как туристы. Мы пребывали втроем: я, Софья и Ира.

Во второй половине июля, в самые тропики, я ухитрился схватить воспаление легких (посидел вечером у костра без пиджака). Положение было довольно тяжелым: хотели затарабанить в Минск, но признали нетранспортабельным и лечили на месте, на даче. Были врачи из Минска, и из Мяделя и санатория. Выкачали. Сегодня первый день, как обхожусь без них, и второй день, как сделал первую вылазку на двор. В общем, живу, существую. В июле, в самую жару, пробовали с

Гелей выехать на щупаков. Ничего не поймали, а я чуть не превратился в бифштекс — так обсмолило солнце.

В субботу 5/VIII Геля и Петр Маркович (свояк М. Танка) поймали два щупака, а в воскресенье, 6/VIII — четыре щупака. Как видишь, щупаки на нас не забываются, имеют в виду и твою персону. Думаю, что и я включусь в рыбацкие дела, если малость окрепну.

На этом заканчиваю послание. Большой привет от меня, Софьи и Иры тебе, Ольге Ивановне, Лене и Николаю.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

8/VIII 1972 г.

414. КАНДРАТУ КРАПІВЕ

22 жніўня 1972, Нарач

Дарагі Кандрат!

Жыў я і здраў, хацеў нават наведацца на пару дзён у Мінск, каб падмацаваць крыху дачны бюджэт, але адзін з маіх эскулапаў, які не пакідае яшчэ мяне сваёй увагай, забараніў мне гэтую вылазку. У выніку такую вылазку зробіць заўтра Соф'я, хаця яна крыху і пабойваецца пакідаць маю асобу без кантролю.

Я бываю ўжо і на двары, нават вадзілі мяне Соф'я і Іра ў лазню, і я ў першы раз не парыўся, а крыху пацялёпкаўся ў цёплай вадзе і, па праўдзе кажучы, не столькі мыўся сам, колькі мылі мяне Соф'я з унучкай.

Ты дарэмна бярэш на сябе нейкую долю віны ці ўсю віну за мае прыгоды [illegible] запаленнем лёгкіх. Ты зусім тут ні пры чым. Падвёў мяне касцёр, ля якога я пасядзеў без пінжака і нават памятаю, як адчуў азноб, бо ад возера даволі-такі павейваў ветрык-вятрыска. Адчуў, але сядзеў, як прыкіпеў.

А я сапраўды перажываў, бо так і не давялося мне з табой выехаць на шчупакоў. Ігар жа, вядома, асвоіць возера, яго рыбацкія мясціны за кароткія выезды, ды яшчэ ў гарачыню не змог і не мог. Наш Геля (муж Надзі) з зяцем Танка Сашкам некалькі раз выязджалі на рыбалку. За час ад 5 жніўня на яго рахунку наліч-

ваецца ўжо 8 шчупакоў — некоторыя з іх па 4, па 6 кілаграмаў. Рэшта па $1^1/_2$ і 2 кілаграмы. Вядома, што трапілі б такія шчупакі і на наш рахунак. Але з-за мяне была сапсута ўся «абедня». Такія, браце, нашы шчупацкія справы.

А некаторыя падзеі настройваю[ць] на сумны лад. Мой аднагодак Ілья паспяшаўся з фінішам, а быў ён чалавекам здаровым (ці гэта толькі так здавалася...). Вось і думай тут пра нейкія там рыбацкія старты...

Але покуль жывём, то маем права і думаць і нават замышляць рыбацкія прыгоды.

З найлепшымі прывітаннямі і пажаданнямі ад мяне, Соф'і і Іры (Юлія ў Маскве) табе, Зоі Мікалаеўне, Ігару, Алёне і Міколу.

Міхась Лынькоў.

22/VIII 1972 г.
Нарач

1973

415. Р. С. АГЕЕВАЙ

18 студзеня 1973, Мінск

18/I 1973 г.

Уважаемая Раиса Сергеевна!

Большое сердечное спасибо Вам и товарищам из отдела культуры за новогоднее поздравление и дружеские пожелания. Прошу великодушно извинить меня за опоздание с ответом на Ваше письмо и за то, что я не успел своевременно поздравить Вас с Новым годом. Но лучше, как говорится, поздно, чем никогда.

Вы пишете, каково будет мое мнение по затронутому Вами вопросу. Признаться, плохой я в этом деле советчик. Но дело по существу простое. Все оно сводится к одному: при жизни соответствующей «персоны» никаких мемориальных мероприятий (организацию специальных комнат, установление мемориальных досок и проч.) не проводят. Все это делается после

смерти человека и, конечно, только в том случае, если он того заслуживает.

Другое дело, если в Лиозненском историко-краеведческом музее среди материалов, экспозиций о различных «земляках» будет в скромной форме упомянута и моя грешная особа, то это будет единственно правильное решение всего этого «вопроса». А целая комната в музее для меня — это ничем не оправданное излишество, которое поставило бы меня в исключительно неловкое положение: каждый человек имел бы неоспоримое моральное право упрекнуть меня в нескромности, в желании еще при жизни своей предпринимать попытки к увековечению памяти о себе среди своих славных земляков-лиозненцев.

С опозданием поздравляю Вас с Новым годом, желаю Вам и всем сотрудникам Отдела культуры доброго здоровья, счастья и успехов на все последующие годы.

С искренним уважением и благодарностью за Ваши теплые пожелания

Міхась Лынькоў.

P. S. Переселяясь на новую квартиру, простудился и малость прихворнул. Вот почему запоздал с ответом на Ваше милое письмо.

М. Л.

416. Ц. Е. ГАНКЕВІЧУ

21 ліпеня 1973, Нарач

Дорогой Тимофей Евстафьевич!

Очевидно, я заслужил у Вас кличку невежи... И поделом. Лимоны получил и ни одним словом об этом не обмолвился, не говоря уже и о том, что не сообразил сразу же поблагодарить за эти хлопоты, возню с посылкой и пр. Каюсь во всех моих прегрешениях и прошу прощения за запоздание с ответом и с благодарностью за посылку.

Всю эту «диверсию» с лимонами учинили наши женщины тайком от меня. В результате я очутился в довольно неловком положении: Вам наделали хлопот,

а я теперь думаю, как мне достойно разобраться со всем этим делом, отблагодарить Вас и — что тоже не лишнее — рассчитаться с Вами. Вот надеюсь на грибы. Уродятся этим летом и осенью — тогда можно будет с честью отблагодарить Вас боровиками.

Живем мы с Софьей вдвоем на даче. Ирочку отправили в Евпаторию на лечение в специальном санатории для детей, больных сколиозом. Без внучки скучаем. Здоровьем оба не можем особо похвалиться. Софья хотя купается, а я уже третий год избавлен от этого удовольствия. На солнце загорать тоже нельзя. А главное — и на щук охотиться тоже не имею возможности. Моторку даже не спускал на воду, ожидает лучших времен в сарае. Одним словом, старость не радость. Знал эту поговорку и раньше. Но знать ее — это одно, а близко, непосредственно знакомиться с ней — это другое, значительно худшее.

Таковы наши дела. У нашего Лени родился сын, назвали его Михаилом. Леня переселяется теперь на новую квартиру в кооперативном доме. Геля и Надя уехали в Евпаторию, чтобы быть поближе к Ирочке.

Таковы все наши новости. Пишите, как проводите это лето. Самый сердечный привет от меня и Софьи Вам, Александре Захаровне, Томочке и Лине и их детям.

С наилучшими всем вам пожеланиями

Міхась Лынькоў.

21/VII

417. В. Е. БУРНОСАВУ

18 верасня 1973, Нарач

Паважаны Васіль Емяльянавіч!

Згодны з Вашымі заўвагамі і папраўкамі (стылістычнымі).

Цяпер аб асноўных, прынцыпіяльных:

1. Фамілію «Ковалев» можна змяніць на фамілію «Саличев».

2. Апошні абзац на старонцы 106 першага тома варта дапоўніць фразай: «говорил Сталин».

На старонцы 107 таго ж тома пачатак першага аб-

заца зверху «А слова лились» замяніць такім пачаткам: «Слова лились».

3. На старонцы 528 другога тома ў першым абзацы зверху фразу «ему никогда не приходилось выступать с отчетом перед союзным правительством, перед Верховным командованием» замяніць фразай: «ему никогда не приходилось отчитываться перед союзным правительством, перед Верховным командованием, он никогда не выступал перед Сталиным и ни разу не видел его. Знал Сталина только по портретам, по снимкам в кино, в газетах».

У другім абзацы зверху на гэтай жа старонцы пачатак фразы «Соколича внимательно слушали» замяніць наступнымі словамі: «Сталин, Ворошилов, Андреев и другие члены Политбюро внимательно слушали Соколича».

Гэты абзац дапоўніць фразай: «говорили о крепкой связи партизан с народом, о превращении партизанской борьбы в борьбу массовую, всенародную. Рекомендовали шире вовлекать в эту борьбу города и все крупные населенные пункты, активно помогать там боевым выступлениям и всей работе патриотов-подпольщиков».

4. У трэцім абзацы зверху на гэтай жа старонцы словы «поручение членов Политбюро» замяніць на словы: «поручение Сталина».

Прашу ўнесці ўсе гэтыя самыя істотныя папраўкі. Наогул прашу Вас узяць да майго прыезду ў Мінск часовае шэфства над падрыхтоўкай да друку гэтага выдання.

З таварыскім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

18/IX 1973 г.
Нарач

418. ВУЧНЯМ ЗАГОРСКАЙ ШКОЛЫ

11 кастрычніка 1973, Мінск

Калісьці вы мне пісалі, што ў вашай школьнай бібліятэцы некуды знік першы том са Збору маіх твораў. Паколькі такога тома ў мяне не было, я абяцаў вам замяніць яго кнігай з апавяданнямі, якія ўваходзілі ў

першы том. Цяпер гэтая кніга выйшла з друку, і я пасылаю вам адзін экземпляр, каб ён замяніў страчаны вамі том.

З найлепшымі вам і вашым настаўнікам пажаданнямі

Міхась Лынькоў.

11/X 1973 г.

419. Я. М.

20 кастрычніка 1973, Мінск

Паважаная Яўгенія Мікалаеўна!

Даўненька я сабіраўся адказаць Вам на першы ліст з «Вольгай» і на другі з «чарнавіком Вольгі». Але ў мяне не было фізічнай магчымасці гэта зрабіць. Я ўсё лета хварэў. Прыехаў у Мінск і займаюся той жа «справай» — хварэю, жыву на штодзённых уколах. Нідзе не быў, нідзе не бываю: ні ў акадэміі, ні ў Саюзе пісьменнікаў. Нават на летнюю сесію Вярхоўнага Савета не меў магчымасці паехаць. Вось асноўная прычына спазнення з адказам. А тут Вы яшчэ дасылаеце чарнавік «для сравнения», для таго каб «я поняла, что такое рассказ и как «легко» его написать». А ў мяне ні часу ні здароўя для такіх доследаў няма. І ніхто так не робіць, не пасылае свае чарнавікі і белавікі ў адзін адрас. І гэта не дае аніякай карысці для Вас. І ніхто не навучыць Вас, як трэба пісаць. Навучыць можа толькі наша багатая класічная і сучасная літаратура. Чытайце Чэхава, Талстога, Горкага, Гогаля, Паўстоўскага, Федзіна, Фадзеева, Шышкова і другіх карыфеяў — нашых і замежных. Чытайце не як звычайны чытач, а як пачынаючы аўтар. Чытайце, знаёмцеся з іх мастацкімі прыёмамі, ■ іх выяўленчымі сродкамі, як будуюць яны кампазіцыю твора, як малююць партрэты людзей, як перадаюць складаныя падзеі жыцця, унутраны, духоўны свет сваіх герояў, як ствараюць характары, якімі сродкамі дасягаюць яркасці, праўдзівасці жыцця, якое паказваюць у сваіх творах. І чым яны, пісьменнікі, розняцца адзін ад другога, чым адрозніваюцца Тургенеў ад Чэхава, Гогаль ад Горкага і г. д. Чым адрозніваюцца ў іх тыя ці іншыя элементы, кам-

паненты твора, як пабудаваны ў іх завязка, кульмінацыя альбо развязка ў творах. У кожнага свае асаблівасці, свае прыёмы. Стандарт мастацкай літаратуры супрацьпаказаны.

Вось толькі так можна зразумець асноўныя законы пабудовы мастацкіх твораў, прасякнуць у складаны свет мастацкага слова, зразумець сілу слова, слова трапнага, яркага, вобразнага.

Ваша апавяданне «Вольга» нельга яшчэ назваць апавяданнем. Гэта, так сказаць, першая спроба пяра. Па манеры, па стылю яно эклектычнае. То «гула дарога» па-рамантычнаму, то побач з гэтым Ваша гераіня, аддаючы даніну звычайнаму натуралізму, «несла паронкі». Сэрца ў Вашым апавяданні «тройчы груканула». Можна груkнуць дзвярмі ці якой жалязякай па каменю, з сэрцам трэба абыходзіцца крыху лягчэй і мякчэй. «Крылатыя» ногі — кепска. Незразумела, як «слёзы... раслі вышэй і вышэй». «Гула дарога, а час цягнуўся марудна». (16 ст[а]ронка. Дарэчы, праставяць старонкі, сачыць за выглядам рукапіса — элементарны абавязак аўтара, а не каго-небудзь іншага.) Калі гудзе дарога, тады і час робіцца больш імклівым. Маруднасць тут не падыходзіць.

У чыгуначным транспарце Вы робіце надзвычайныя адкрыцці: б'еце па рэйках паравознымі коламі. Звычайна па рэйках б'юць молатамі ці якімі другімі інструментамі. У паравозных колаў іншае прызначэнне і пра іх можна знайсці і патрэбныя словы і трапныя параўнанні.

Вось коратка мае заўвагі пра Ваша апавяданне. Яно яшчэ з'яўляецца сырым, вельмі і вельмі слабым. Праўда, разам з усім гэтым яно сведчыць аб некаторых Вашых здольнасцях, аб Вашай любві да мастацкага слова, прыхільнасці да яго. Сярод друкуемых твораў, асабліва ў газетах, я сустракаў і слабейшыя. Але не на іх жа Вы павінны раўняцца... Патрэбна ўпартая, доўгая, настойлівая вучоба, каб дасягнуць першых прыкметных поспехаў у літаратуры.

Жадаю Вам усяго найлепшага ў гэтай справе.

Міхась Лынькоў.

20/X 73 г.

420. В. А. ЛАПІЦКАЙ

12 снежня 1973, Мінск

Паважаная Ольга Аляксееўна!

Шчырае дзякуй Вам за павіншаванне з днём нараджэння і за Вашы мілыя пажаданні і пальчаткі.

У маім жыцці асаблівых змен няма і не прадбачыцца — якія ўжо могуць быць змены ў маіх гадах. Патрохі змагаемся з хваробамі, не хочам паддавацца ім, бо чалавеку, які прызвычаіўся быць заўсёды ў руху, у працы, і надалей хочацца працаваць, а сілы ўжо не тыя, дужа не разгорнешся.

Вось і жывём так, паціхеньку ды памаленьку.

З найлепшымі Вам і сям'і пажаданнямі

Міхась Лынькоў.

12/XII 1973 г.

1974

421. В. П. КЛЕШЧАНКУ

27 студзеня 1974, Мінск

Паважаны Васіль Піліпавіч!

Мне ў бальніцу перадалі Ваша пісьмо. Калі мне крыху палепшала, адказваю на Вашы запытанні:

1. Аповесць «Міколка-паравоз» мае некаторыя адзнакі біяграфіі аўтара, галоўным чынам па месцу пражывання і дзейнасці героя аповесці. Чыгунка — радзімая атмасфера і для мяне і для героя аповесці.

2. Штуршком для пачатку пісьменніцкай дзейнасці былі багатыя ўражанні з часоў грамадзянскай вайны, удзельнікам якой мне давялося быць.

3. Маці часта спявала народныя песні. Бацька любіў пачытаць у вольны час кнігу, пачынаючы ад «Жыція святых» да твораў мастацкай літаратуры.

4. Самыя моцныя эмацыянальныя ўражанні засталіся ад часоў грамадзянскай вайны і Вялікай Айчыннай вайны.

5. Малодшы брат Мікола жыве ў Ленінградзе.

Адрас яго: Ленинград, Л-255, ул. Лени Голикова, 54, кв. 8.

Брат Григорий пропал без вести на войне. Сестра Пелагея живет в совхозе. Адрес: Почт. отделение Станьков Рогачевского р-на Гомельской обл.

Сестра Анна — учительница, пенсионерка. Адрес: п. о. Дараганово Осиповичского р-на Могилевской обл.

З сяброў-аднакашнікаў (па настаўніцкай семінарыі) засталіся ў жывых Камісараў Павел Лук'янавіч (г. п. Глыбокае Віцебскай вобласці, вул. М. Горкага), Караткевіч Якаў Яфрэмавіч, гор. Киев-10, ул. Январского восстания, 3, кв. 78, и Новиков Мефодий Яковлевич, Горки Могилевской обл., улица Тимирязева, 32, кв. 18.

Вось і ўсе мае кароткія адказы на Ваша пісьмо. Падрабязна пісаць не магу, на бальнічным ложку вельмі не разыдзешся.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

27/I 1974 г.

422. І. Д. КАЗЕКУ

9 лютага 1974, Мінск

Паважаны Іван Дарафеевіч!

Мая сястра Пелагея Ціханаўна прыслала мне пісьмо з просьбай, каб я дапамог ёй адказаць на Ваша пісьмо аб маім браце, бо пэўных звестак пра яго яна не мае, ніякіх дакументаў у яе не захавалася ды і не было (сямейны архіў захоўваўся ў мяне і ўвесь загінуў у вайну). Я паведаміў яе пра некаторыя, вядомыя мне допісы. Магчыма, яна і пашле Вам пісьмо. Я ж наважыўся паведаміць Вам некаторыя звесткі з жыцця брата, каб не затрымліваць гэтую справу. Нарадзіўся ён у 1909 годзе, вясной (месяца не памятаю) у сям'і рамонтнага рабочага-чыгуначніка ў будцы на 230-й вярсце на перагоне між станцыямі Рагачоў і Тошчыца каля вёскі Старае Сяло Кісцянёўскай воласці Рагачоўскага павета Магілёўскай губерні. Вучыўся ў Старасельскай народнай школе, потым у Свержанскай няпоўнай сярэдняй школе і ў адной з сярэдніх школ

гор. Бабруйска (нумара школы не памятаю). Не закончыўшы апошняга класа, пайшоў па камсамольскай пуцёўцы працаваць ізбачом на вёску (назвы вёскі не памятаю). Адслужыў потым пэўны тэрмін у Чырвонай Арміі і пасля дэмабілізацыі працаваў у рэдакцыі Бабруйскай акруговай газеты «Камуніст» да 1932 года, пасля чаго пераехаў у гор. Мінск.

У Мінску працаваў у рэдакцыі газеты «ЛіМ» літсупрацоўнікам. Захапляўся паэзіяй, пісаў пад псеўданімам «Рыгор Суніца» вершы, рабіў пераклады з рускай мовы на беларускую. Не бяруся даваць ацэнку яго паэтычнай творчасці (як-ніяк я самы блізкі сваяк яго), скажу толькі, што быў ён чалавекам здольным, багата часу аддаваў самаадукацыі, быў сапраўдным патрыётам Савецкай дзяржавы, сумленным чалавекам і грамадзянінам.

У 1941 годзе ў першы дзень Айчыннай вайны быў мабілізаваны ў армію. З таго часу ніякіх звестак аб ім я не меў. Невядома, дзе, на якім фронце, пры якіх акалічнасцях ён загінуў. Лічыцца «пропавшим без вести». Сям'я яго — жонка і маленькая дачка (ёй не было і двух год) закатаваны гітлераўцамі ў пачатку восені 1942 года ў Старадарожскім р-не разам з маёй сям'ёй.

Такія кароткія звесткі пра майго брата Рыгора.

Пішу толькі што выбыўшы з бальніцы, у якой «аддзяжурыў» месяц.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

9/II 1974 г.

423. В. П. КЛЕШЧАНКУ

25 лютага 1974, Мінск

Паважаны Васіль Піліпавіч!

Новікаў М. Я. надаслаў да мяне напісаныя для Вас успаміны аба мне для таго, каб я праверыў некаторыя факты з жыцця далёкіх семінарскіх часоў. Я праверыў, зняў некаторыя недакладнасці і перасылаю Вам.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

25/II 1974 г.

424. Л. М. ФЕДЧАНКА

4 красавіка 1974, Мінск

Дорогая Лариса!

Большое спасибо за приглашение посетить постановку, в которой ты участвовала.

Но, к сожалению, я не смог воспользоваться твоим любезным приглашением. Я недавно вышел из больницы, никуда еще не выхожу. Жена была в больнице (она выписалась оттуда в начале этого месяца). Сообщить об этих обстоятельствах я не имел возможности, не зная твоих телефонных координат. Еще раз спасибо за приглашение!

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

4/IV 1974 г.

425. П. М. БАРАНАВУ

23 красавіка 1974, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

Письмо Ваше со снимками Вашей работы получил, за что и говорю спасибо. Прототипу трудно делать оценку сделанного с него портрета. Я просто скажу — похож, малость омоложен. Для сравнения посылаю два снимка, один 1969-го, другой 1972 года — может, пригодятся Вам для работы над портретом.

Жаль, что по состоянию здоровья не смогу, наверное, побывать в Витебске в дни празднования его тысячелетия. Еще в прошлом году Витебский горсовет предупредил меня, что я должен побывать в Витебске в дни его юбилея как уроженец Витебщины. А я и ходить толком не могу — пройти какой-нибудь квартал, это уже чуть ли не подвиг. Подводят легкие.

Рад Вашим восторгам, связанным с внучкой. У меня есть тоже внучка (от приемной дочки), но она постарше, уже третьеклассница. Забот и внимания они требуют основательно независимо от возраста. Я пишу о внучке, которая живет со мной. А вообще-то их — внуков и внучек — хватает. Правда, все это дети пле-

мянников (по-русски это «внучатые племянники») и годовалый сынишка моего приемного сына. Прямых, так сказать непосредственных продолжателей рода, нет. Единственного моего сына немцы расстреляли, когда ему было девять лет. Это было в 1942 году.

А детей я люблю. У меня, особенно летом на Нарочи, бывают многочисленные экскурсии школьников. Школьники из всех областей ведут со мной обширную переписку, до того обширную, что приходится отдавать много времени, чтобы хоть кратко ответить на каждое письмо.

На этом заканчиваю свое послание.

С приветом Вам и семье

Міхась Лынькоў.

23/IV 1974 г.

426. К. П. КОРСАКАСУ

26 красавіка 1974, Мінск

26/IV 1974 г.

Дорогой Костас Пранович!

Сердечно поздравляю тебя и твою семью с Первомайским праздником и с Днем Победы!

Желаю тебе и семье здоровья, счастья, успехов и чудесных радостей весенних дней!

С дружеским приветом

Міхась Лынькоў.

P. S. В своем архиве нашел я записку П. Цвирки от 1942 года — маленький штрих к нашим дружеским отношениям тех далеких дней. Пусть она хранится в архиве Петраса.

М. Л.

427. А. І. МАХНАЧУ

26 красавіка 1974, Мінск

Паважаны Алесь Іванавіч!

Прыміце з сям'ёй сардэчнае павіншаванне з Першамайскім святам і з Днём Перамогі і мае найлепшыя

пажаданні здароўя, шчасця і поспехаў у жыцці, працы і творчасці!

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

26/IV 1974 г.

428. П. М. БАРАНАВУ

27 красавіка 1974, Мінск

Дорогой Павел Николаевич!

Вчера я получил Ваше письмо, в котором Вы пишете о моем «молчании» и даже спрашиваете, чем я недоволен. Тут явное недоразумение. Я за последние три-четыре дня отправил более 130 писем. В большинстве — это поздравительные, первомайские письма. Хотя я и не веду точного учета «входящих» и «исходящих», но приблизительный список отправленной корреспонденции ведется, и письмо, посланное Вам, стоит в этом списке двенадцатым. Очевидно, за вчерашний или за завчерашний день Вы это письмо получили. Дать детальную оценку любой работы, выполненной масляными красками, очень трудно по фотоснимку этой работы. В письме я написал, что мне кажется, что Вы малость меня подмолодили. Даже послал Вам две моих «образины» последних лет, чтобы Вы учли, как это говорится, дистанцию времени и в случае необходимости уточнили бы тот или другой штрих на портрете. Ни о каком «недовольстве» у меня и в мыслях не было.

Ответить на письмо я сразу же — по его получении — не имел возможности.

Вот и все, что я могу сказать в ответ на Ваше письмо.

С дружеским приветом и самыми лучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

27/IV 1974 г.

429. ЗЕМЛЯКАМ-ВІЦЯБЛЯНАМ

6 мая 1974, Мінск

Дарагія мае землякі-віцябляне!

Ад усёй душы віншую вас і ўсіх працоўных Прыдзвінскага краю са слаўнай гадавінай вызвалення Беларусі ад фашысцкай нечысці! Вызваления ад звярыных вылюдкаў шалёнага Гітлера, якія імкнуліся пе ратварыць часова захопленыя імі землі ў краіны жахлівага нявольніцтва, крывавых здзекаў над людзьмі, жудасных катаванняў, нечуванага прыгнёту над народам.

Вы, дарагія мае землякі, як дастойныя, верныя сыны савецкага народа гераічна і самаадцана змагаліся з заклятымі ворагамі і сваёй мужнасцю, сваімі подзвігамі множылі дапамогу фронту, дапамагалі яму, яго слаўнай Чырвонай Арміі разграміць гітлераўскія полчышчы, дабіць фашысцкую гадзіну ў яе ўласнай бярлозе. Перамогай над ворагам мы абавязаны нашай слаўнай Камуністычнай партыі. Пад яе кіраўніцтвам савецкі народ, у тым ліку і віцябляне, здолелі за кароткі тэрмін аднавіць зруйнаваныя ворагам фабрыкі і заводы, гарады і сёлы і дабіцца новых выдатных перамог у далейшым росце гаспадаркі і культуры народа.

Жадаю сваім землякам-віцяблянам новых подзвігаў, новых дасягненняў, новых здабыткаў на славу нашай Радзімы, на славу і веліч Ленінскай справы, на ўмацаванне міру ва ўсім свеце.

З глыбокай павагай да землякоў

Міхась Лынькоў.

6/V 1974 г.

430. ЯНУ СУДРАБКАЛНУ

17 мая 1974, Мінск

Дорогой Арвид Карлович!

У замечательного художника природы, почтенного поэта в прозе Пришвина Михаила есть чудесное слово: сорадование. Разрешите же мне сорадоваться вместе с Вами Вашим счастьем, Вашей радостью по случаю

высокого признания Ваших больших заслуг в родной литературе и присвоения Вам почетного звания Героя Социалистического Труда. Желаю Вам всего, всего самого лучшего в жизни, что только можно пожелать славному человеку, коммунисту, поэту.

С искренним уважением всегда Ваш

Міхась Лынькоў.

17/V 1974 г.

431. В. П. КЛЕШЧАНКУ

27 чэрвеня 1974, Мінск

Паважаны Васіль Філіпавіч!

Успаміны Новікава М. я паслаў Вам заказным пісьмом 25 лютага. Новікаў надаслаў гэтыя ўспаміны мне, каб я праверыў іх адпаведнасць біяграфічным фактам.

Адказваю на два Вашых запытанні. Прататыпы пералічаных Вамі апавяданняў былі. За даўнасцю часу і з прычыны таго, што асабісты мой архіў у дні вайны загінуў, пералічыць імёны прататыпаў не маю магчымасці. Міколка-паравоз — абагульнены вобраз.

Другое пытанне не разумею. Магчыма таму, што ніяк не дабяруся сэнсу слова «прататыўным». Калі гэта з апіскамі напісана слова «прататыпам», то я павінен сказаць, што любы пісьменнік мае на ўвазе і пратыпаў, і сацыяльны паказ, і фантазію, ці правільней будзе сказаць — мастацкую выдумку (вымысел).

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

27/VI 1974 г.

432. У. К. АЛЕКСЯЁНКУ

10 лістапада 1974, Мінск

Паважаны Уладзімір Кузьміч!

Вялікае дзякуй за Ваша павіншаванне — яго перадалі мне ў бальніцу, дзе я цяпер знаходжуся. Узаемна віншую Вас і сям'ю з прайшоўшым ужо святам і ад

усёй душы жадаю Вам самага моцнага здароўя, шчасця, поспехаў і ўсяго, усяго самага найлепшага ў жыцці!

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

10/XI 1974 г.

433. М. П. РАКУ

24 лістапада 1974, Мінск

Уважаемые Михаил Петрович и Фаина Наумовна!

Ваши письмо и телеграмму я получил, за что и благодарю. С 5 ноября я нахожусь в больнице, откуда и посылаю это письмо. Дата моего юбилея 1 декабря (по старому стилю 18 ноября). Не знаю, выйду я к этому дню из больницы, хотя все это не имеет особого значения, так как я договорился, чтобы официального юбилейного вечера не проводили, поскольку 75-летие не является круглой датой, да и утомительны такие мероприятия для самих юбиляров. Самое лучшее в данном случае — это провести свою годовщину дома, в кругу семьи, хотя и небольшой.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

24/XI 1974

434. ЯНКУ БРЫЛЮ

27 снежня 1974, Мінск

27/XII 1974 г.

Дарагія Брылі, Брыляты і Брылback!

З Новым Вас годам, з новым шчасцем, з усім найлепшым у жыцці! Жадаю здароўя, радасці, добрага святочнага настрою!

Ваш *Міхась Лынькоў.*

P. S. Пасля двух месяцаў бальнічных «асалод» захацелася мне як мага хутчэй трапіць да хаты. Дактары

абяцаюць развітацца са мной перад навагоднім вечарам. Чакаю гэтага развітання!

М. Л.

435. К. П. КОРСАКАСУ

28 снежня 1974, Мінск

Дорогой Костас Пранович!

Сердечно поздравляю тебя и твою семью с Новым годом и желаю всем здоровья, счастья, успехов!

Почти два месяца, как я нахожусь в больнице. Врачи обещают выпустить меня домой накануне Нового года.

Большое спасибо тебе за твои два письма.

С дружеским приветом

твой *Міхась Лынькоў.*

28/XII 1974

436. І. І. ГРАМОВІЧУ

30 снежня 1974, Мінск

30/XII 1974 г.

Дарагі Іване!

Мне перадалі з дому тваё павіншаванне з Новым годам, за што і прыношу табе сардэчную падзяку і ўзаемна віншую цябе са сваёй 408-й палаты на 4-м паверсе новага корпуса. Прабыў тут два месяцы, тут жа «сустрэў і правёў» свой юбілей. Такія вось справы. Залежвацца на такі тэрмін не рэкамендую і зычу добрага здароўя, шчасця і ўсяго, усяго найлепшага ў жыцці!

З навагоднім прывітаннем

Міхась Лынькоў.

P. S. Заўтра мяне выпусцяць да дому, да хаты.

М. Л.

1975

437. І. П. МЕЛЕЖУ

1 студзеня 1975, Мінск

Паважаныя Лідзія Якаўлеўна і [Іван] Паўлавіч!

Сардэчна віншую Вас і дзяцей з Новым годам і зычу ўсім самага надзейнага здароўя, такога ж шчасця, нязменных поспехаў і ўсяго найлепшага ў жыцці!

Я толькі ўчора вызваліўся з бальніцы, у якой прабыў два месяцы, дзе «правёў» і свой юбілей.

З навагоднім прывітаннем ад мяне і Соф'і

Міхась Лынькоў.

1/I 1975 г.

438. В. Е. БУРНОСАВУ

3 студзеня 1975, Мінск

3/I 1975

Дорогой Василий Емельянович!

Сердечно поздравляю Вас и семью с Новым годом и желаю всем здоровья, счастья, успехов, хорошего праздничного настроения!

Я только что выписался из больницы, вот почему новогодний привет посылаю с запозданием.

Міхась Лынькоў.

439. ВУЧНЯМ 6-га «Б» КЛАСА РАДЗЕЕЎСКАЙ ШКОЛЫ

9 студзеня 1975, Мінск

Кажамякіну Віктару, Саўціну Аляксандру, Лаўрыненку Мішу, Картавенка Жэні, Драбышэўскай Жэні, Туранкову Геню, Саўцінай Тамары, Карпенку Мішу, Якіменка Надзі, Лапіцкаму Сашу, Стэльмах Сашы, Зыблевай Галі, Савасцьянавай Галі, Паўлюкову Геню, Карпавай Свеце і Драбышэўскаму Валерыю.

Дарагія рабяткі!

Вялікае Вам дзякуй за вашы павіншаванні з днём

нараджэння і за вашы слаўныя пажаданні. Жадаю ўсім вам слаўнага здароўя, шчасця, поспехаў у вучобе і ўсяго найлепшага ў жыцці!

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

9/I 1975 г.

440. ВУЧНЯМ 8-га КЛАСА РАДЗЕЕЎСКАЙ ШКОЛЫ

9 студзеня 1975, Мінск

На днях я вернулся из больницы, в которой пробыл два месяца. Увидел и ваш подарок. Он чудесный. Одно могу сказать: остаюсь я вашим неоплатным должником.

С наилучшими пожеланиями и дружеским приветом вам и всем ученикам школы и вашим уважаемым учителям

Міхась Лынькоў.

9/I 1975 г.

441. І. У. САЛАМЕВІЧУ

31 студзеня 1975, Мінск

Паважаны Іван Уладзіміравіч!

Сягоння мне перадалі ў бальніцу (дзе я знаходжуся каля трох месяцаў) Ваша пісьмо ад 23/XI 1974 г.

Адказваю на пытанні. Чаму падпісваўся «Васілёк»? Падабалася. А калі даведаўся, што такім псеўданімам ужо карыстаецца адзін заходнебеларускі паэт, то развітаўся з гэтым псеўданімам, тым больш што карыстаўся я ім усяго некалькі раз, падпісваючы свае некаторыя вершы. Іх было завельмі мала, і больш я наогул «паэзіяй» не займаўся.

Былі яшчэ некаторыя псеўданімы, якімі падпісваў фельетоны, раёшнікі ў газеце «Камуніст». Але за даўнасцю часу не памятаю іх. Магчыма, іх ведае часткова наш літаратуразнаўца Ф. Куляшоў, які вывучаў маю творчасць і напісаў аба мне кнігу.

Псеўданімамі ў газетах «Беларуская звязда» і «За Савецкую Беларусь» не карыстаўся.

Вось усё, што магу адказаць на Ваша пісьмо.

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

31/I 1975 г.

442. Я. І. КОХАНУ

19 лютага 1975, Мінск

Дарагі Кохан!

Не зусім гэта добры зварот — па фаміліі. А што рабіць: не такі ўжо надзейны сродак наша памяць — не заўсёды захавае яна імёны і па бацьку ўсіх тваіх сяброў і проста знаёмых за добрую паўсотню гадоў жыцця. Здаецца, звалі Вас у тыя далёкія часы Яўхімам... А можа, я памыляюся. Ва ўсякім разе не было б граха, калі б Вы расшыфравалі Ваша імя і па бацьку, ды пару-другую слоў сказалі аб пражытых гадах. Я толькі нядаўна выйшаў з бальніцы, дзе прабыў тры месяцы. На гэты раз удалося выцарапацца адтуль, хварэў сур'ёзна, не на жарты. Сказаліся і вынікі ранейшых захворванняў, як інфаркт і іншыя. У бальніцы мяне застала і мая юбілейная дата. Спецыяльнага літаратурнага вечара, прысвечанага такой «урачыстасці», у Мінску — па маёй просьбе — не праводзілася. Быў праведзены літаратурны вечар у Бабруйску, куды выязджалі нашы літаратары (былыя бабруйчане). Бабруйскі гарком і гарсавет прыслалі мне павіншаванне.

У бальніцу мне перадалі і Ваша пісьмо ад 28 лістапада. З гэтага пісьма я нічога не даведаўся: як Вы жылі, што Вы рабілі за гэтыя гады? Куцыя весткі аб Вас я атрымаў ад Сяргея Грахоўскага, якога ў канцы студзеня прывезлі ў бальніцу з інфарктам. Ён мне сказаў, што Вы даўно жывіцё ва Львове і працуеце на чыгунцы. І гэта ўсё, што я даведаўся пра Вас. Вельмі і вельмі мала. Адсюль просьба: напішыце аб усім больш-менш падрабязна.

За надасланае пісьмо вялікае Вам дзякуй.

З сардэчным прывітаннем і найлепшымі пажаданнямі

Ваш *Міхась Лынькоў.*

19/II 1975 г.

443. КАНСТАНЦЫІ БУЙЛО

22 красавіка 1975, Мінск

Дарагая Канстанцыя Антонаўна!

Горача віншуем Вас і сям'ю з Першамайскім святам і слаўнай гадавінай Дня Перамогі над гітлераўскай Германіяй!

Жадаем Вам добрага здароўя, шчасця і новых творчых здабыткаў!

З сардэчным прывітаннем ад мяне і Соф'і

Міхась Лынькоў.

22/IV 1975

444. ВУЧНЯМ 9-га «В» КЛАСА [ГОМЕЛЬСКАЙ] С[ЯРЭДНЯЙ] Ш[КОЛЫ] № 39

22 красавіка 1975, Мінск

Дарагія рабяты!

Горача віншую вас, усіх школьнікаў і вашых настаўнікаў з Першамайскім святам і з Днём Перамогі і жадаю ўсім добрага здароўя, шчасця, поспехаў у жыцці, працы і вучобе!

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

22/IV 1975 г.

445. Д. М. КАВАЛЁВУ

22 красавіка 1975, Мінск

Дорогой Дмитрий Михайлович!

Поздравляю тебя и твою славную семью с праздником 1 Мая и чудесным Днем Победы над гитлеровской Германией!

Желаю всем крепкого здоровья, счастья, радости, весеннего настроения и всяческого благополучия!

Мне «малость» не повезло: ноябрь, декабрь и январь «продежурил» в больнице и вот уже третий месяц

пребываю в домашнем заключении. Всесоюзное совещание писателей в Минске слушал по телевизору. Прослушали с Софьей и твое выступление. Твое стихотворение — о матери — мы с Софьей оценили как лучшее из всего, что слышали с той трибуны. Жаль, что ты не позвонил нам по телефону.

С сердечным приветом от нас

Міхась Лынькоў.

22/IV 1975 г.

446. В. С. ГАРБУКУ

22 красавіка 1975, Мінск

Дарагі Вісарыён Сцяпанавіч!

Горача віншую Вас і Вашых блізкіх з Першамайскім святам і слаўным Днём Перамогі над гітлераўскай Германіяй!

Жадаю Вам моцнага здароўя, шчасця, светлых вясенніх радасцей і ўсяго, усяго, што ёсць лепшага і карыснага на Зямлі!

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

22/IV 1975 г.

447. ЯНКУ БРЫЛЮ

25 красавіка 1975, Мінск

Дарагі Іван Антонавіч!

Прымі з сям'ёй сардэчнае павіншаванне з Першамайскім святам і з Днём нашай Вялікай Перамогі!

Ад усёй душы жадаем усім здароўя, шчасця, вясенніх радасцей і слаўных поспехаў у жыцці, працы і творчасці!

З прывітаннем

Міхась Лынькоў.

25/IV 1975 г.

448. А. А. КУЛЯШОВУ

25 красавіка 1975, Мінск

Дарагія Аркадзі Аляксандравіч і Ксана Фёдараўна!

Горача віншуем вас, дзяцей і ўнукаў з Першамайскім святам і з Днём Перамогі!

Ад усёй душы жадаем вам добрага здароўя, шчасця, цёплай Нарачы, слаўных поспехаў у жыцці, працы і творчасці!

З сардэчным прывітаннем ад нашай камуны

Міхась Лынькоў.

25/IV 1975 г.

449. І. І. ГРАМОВІЧУ

26 красавіка 1975, Мінск

Дарагі Іван Іванавіч!

Горача віншую цябе і сям'ю з Першамайскім святам і з Днём Перамогі над гітлераўскай Германіяй!

Жадаю табе і тваім блізкім добрага здароўя, шчасця, вясенніх радасцей, святочнага настрою і слаўных поспехаў у жыцці, працы і творчасці!

З сардэчным прывітаннем

Міхась Лынькоў.

26/IV 1975 г.

450. В. С. СЕРАФІМАВУ

28 красавіка 1975, Мінск

Дорогой Василий Степанович!

Горячо поздравляю тебя и твою семью с Первомайским праздником и с замечательным юбилеем нашей Победы над гитлеровской Германией!

Желаю всем здоровья, счастья, весенних радостей, теплых воспоминаний о днях давно прошедших и неу-

гасимой бодрости и свежести в наши обветшавшие порядком оболочки.

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

28/IV 1975 г.

451. В. А. ЛАПІЦКАЙ

27 мая 1975, Мінск

Дарагая Ольга Аляксееўна!

Вялікае дзякуй за Ваша пісьмо. Хаця і позна выказваць Вам спачуванні ў перажытых Вамі няшчасцях, але дазвольце мне і Соф'і Захараўне выказаць наша шчырае спачуванне ў гэтым пісьме. Соф'я Захараўна ў канцы мінулага года пахавала дзвюх сясцёр: Юлію — былога ўрача і Веру — былую настаўніцу <...>. Ад усіх гэтых клопатаў Соф'я сама ледзь ходзіць і трымаецца толькі бясконцай хатняй працай, без якой, як кажа Соф'я, яна б даўно звалілася. Але больш за ўсё клопатаў я прыношу ёй сам. Тры месяцы я правёў у бальніцы (у самы цяжкі для мяне месяц і яе паклікалі ў бальніцу, каб знаходзілася пры мне). Пасля бальніцы я чатыры ўжо месяцы, як трымаюся паўпасцельнага рэжыму, нікуды не выходжу за межы кватэры. Вось вылучылі кандыдатам у дэпутаты, а я не маю магчымасці паехаць на сустрэчу з выбаршчыкамі.

Такія вось абставіны, у якіх знаходзімся мы з Соф'яй цяпер. Месяц май праходзіць, а мы яшчэ ў Мінску. Сядзім, як кажуць, у мора і чакаем пагоды. Пагоды прычакаем, а вось здароўя прычакаць, па ўсяму відаць, ужо не давядзецца. Ва ўсякім разе спадзявацца на штонебудзь лепшае не даводзіцца.

Зразумела, што запрашаць пры такіх абставінах нашых мілых і слаўных радзееўцаў да мяне ў Мінск я не адважваюся, бо мне гэта было б цяжкавата, а ім не дало б належнай карысці. Я вось не паспеў яшчэ аддзячыць іх за надасланы падарунак (ракету), бо, не маючы магчымасці хадзіць па гораду, не змог набыць для іх што-небудзь цікавае. Але маю ўсе магчымасці адказаць на іх ласку кнігамі, што і зраблю восенню.

Цяпер у адказ на некаторыя пытанні з Вашага пісьма. Архіваў, рукапісаў і іншых матэрыялаў, звязаных з маімі творамі для дзяцей («Міколка-паравоз», «Пра храбрага ваяку Мішку»), у мяне няма. Усё гэта загінула ў часе вайны. Але Вы можаце задаваць мне самыя разнастайныя пытанні па маёй творчасці, і я змагу адказаць на іх у нашай перапісцы. Ніводнага рукапісу па маіх пазнейшых творах у мяне няма — яны ўсе ў архівах і даследчых інстытутах. Што тычыцца ўласных рэчаў — можна даць аўтаручку, якой напісаны «Векапомныя дні», акуляры ці яшчэ што-небудзь з падобнай драбязы.

На гэтым заканчваю сваё пісьмо, якое, відаць, Вас не задаволіць. Але, як бачыце, інакш напісаць я не магу, пішу аб тым становішчы, у якім я знаходжуся на сённяшні дзень. Становішча не з зайздросных. Яно лішні раз сцвярджае старую прыказку — старасць не радасць.

З самым сардэчным прывітаннем ад мяне і Соф'і Захараўны

Міхась Лынькоў.

27/V 1975 г.

452. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

8 чэрвеня 1975, Нарач

Дорогой Николай!

Письмо твое получил — Надя переслала его на Нарочь, куда мы уехали 1 июня. На встречи с избирателями я не поехал — было бы все это для меня рискованным предприятием. Избирательная комиссия, секретарь которой навестил меня в Минске, решила освободить меня от этой обязанности из-за болезни кандидата. Спасибо за планку к ленинской медали.

Что касается грейпфрутного сока, то покупать и пересылать его не нужно. Если ты заготовил уже и запаковал посылку, то ничего не попишешь — посылай. Только в адресе напишешь не меня, а Надежду Ивановну Ратникову. Иначе я долго не получу посылку,

нужно будет посылать в Минск доверенность Наде и там заверять подлинность моей подписи и т. д. и т. п.

А больше не покупай эту водицу и не посылай — совершенно лишние для тебя и ненужные заботы.

Живем мы на Нарочи втроем: я, Софья и Ира. Погода пока холодная, иногда к тому же и дождливая. Одним словом, в апреле было лето, а теперь что-то вроде поздней осени.

На этом заканчиваю свое послание. Ира ждет, чтобы отнести письмо на почту и заработать на этом мороженое.

Сердечный привет тебе, Ольге Ивановне, Лене, Коле и Гале. Наилучшие пожелания внучке.

Твой нарочанский братец

Міхась Лынькоў.

8/VI 1975 г.

453. П. М. БАРАНАВУ

18 ліпеня 1975, Нарач

Дорогой Павел Николаевич!

Я долгое время на Нарочи отсутствовал — была избирательная кампания. Когда приехал на Нарочь, мне сразу же передали Ваше заказное письмо со снимком картины, за что и приношу благодарность. Вовремя не ответил из-за болезни. Болел и теперь болею — ежедневно «угощают» двумя уколами. От шприцев освободят на днях.

Таковы мои вот дела. Хотелось бы, чтобы они были лучшими. Но приходится с ними мириться: от старости никуда не уйдешь. Старость хуже любой болезни — она неизлечима.

Примите от меня самые наилучшие мои пожелания — Вам, Марии Николаевне и всем Вашим близким!

С сердечным приветом

Міхась Лынькоў.

18/VII 1975 г.

454. М. Ц. ЛЫНЬКОВУ

19 ліпеня 1975, Нарач

Дорогой Николай!

Приветствуем тебя, Ольгу Ивановну и все молодое поколение!

Письмо твое получил, за которое и приносим соответствующую благодарность. Мы тоже живы и здравы и по мере возможности отдыхаем и развлекаемся, как кто хочет и может. Коллектив наш — я, Софья, Надя и Иринка. Месяц целый мне делали по два укола в день, вчера это «удовольствие» прекратили, и я чувствую себя вольнее от уважаемых эскулапов и сестер со шприцами.

Мой коллектив использует во всю солнечные и водные процедуры, о которых я только могу вспоминать. «Бригантина» стоит на приколе в гараже, и щупаки благодарят судьбу за бездействие моего флота.

Твои нарочанские планы оставляй без никаких изменений: как договорились, так и действуй.

Теперь о посылках. Банку грейпфрута израсходовали — неплохо. Но посылать больше не нужно — ни соков, ни фруктов, ни консервов. Продукты основной необходимости здесь имеются, фруктов и ягод в изобилии, так что и загружать почту и укорачивать свое свободное время беготней по магазинам и почтам не нужно. Говорю это самым решительным образом в порядке «приказа старшего брата».

Погода у нас теперь довольно жаркая, не мешало бы подбавить дождей — для яровых и садов.

Спасибо за ленточки для медали.

Самый сердечный привет Ольге Ивановне, тебе и молодежи от всей моей коммуны.

С наилучшими пожеланиями

Міхась Лынькоў.

19/VII 1975 г.

КАМЕНТАРЫІ

У дадзены том уключаны пісьмы, найбольш значныя ў гісторыка-літаратурным плане, найбольш цікавыя ў сэнсе вывучэння асабістага жыцця пісьменніка, бытавога асяроддзя. Усяго ў том увайшло 454 пісьмы. Частка пісем знаходзіцца ў адрасатаў, якія па розных прычынах устрымаліся ад іх публікацыі.

Пісьмы пададзены ў храналагічнай паслядоўнасці. Друкуюцца па арыгіналах і фотакопіях, пераважная большасць якіх захоўваецца ў сямейным архіве пісьменніка. Спасылка на гэту крыніцу ў каментарыях не даецца. Іншыя крыніцы захавання агавораны. Даведкі пра адрасатаў і асоб, якія ўпамінаюцца ў пісьмах, даюцца пераважна пры першым іх упамінанні. У канцы тома змешчан паказальнік адрасатаў.

1

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

Лынькоў Мікалай Ціханавіч (н. 1915) — брат М. Лынькова.

Марк Міхайлавіч — сын М. Лынькова.

Анька — Анна Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

Хана Абрамаўна — жонка М. Лынькова.

На адвароце ліста дзіцячай рукой накрэслены чатыры ламаныя лініі, пад якімі аўтарам напісана: «А это тебе приписка и собственноручный привет от Марика».

2

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

Поля — Пелагея Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

3

Друкуецца па фотакопіі. Арыгінал — у Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

Кабзарэўскі Павел Сямёнавіч (Гардон Фавій Залманавіч; 1909—1970) — рускі савецкі пісьменнік-перакладчык.

Колас Якуб (Міцкевіч Канстанцін Міхайлавіч; 1882—1956)— класік беларускай літаратуры, народны паэт БССР, акадэмік АН БССР.

Чорны Кузьма (Раманоўскі Мікалай Карлавіч; 1900—1944) — беларускі савецкі пісьменнік.

Бядуля Змітрок (Плаўнік Самуіл Яфімавіч; 1886—1941) — беларускі савецкі пісьменнік.

Паслядовіч Макар Трафімавіч (1906—1984) — беларускі савецкі пісьменнік.

Мурашка Рыгор Данілавіч (1902—1944) — беларускі савецкі пісьменнік.

4

Друкуецца па фотакопіі.

5

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.

Дата пісьма ўстаноўлена ў адпаведнасці з пісьмом Я. Коласа да М. Лынькова ад 1/VIII 1941 г.

Пятрусь — Броўка Пятрусь (Пётр Усцінавіч; 1905—1980) — народны паэт БССР, акадэмік АН БССР.

Латышаў — супрацоўнік газ. «За Савецкую Беларусь».

Крапіва Кандрат (Атраховіч Кандрат Кандратавіч; н. 1896)— народны пісьменнік БССР, акадэмік АН БССР.

Глебка Пятро (Пётр Фёдаравіч; 1905—1969) — беларускі савецкі паэт, акадэмік АН БССР.

Гурскі Ілья Данілавіч (1899—1972) — беларускі савецкі пісьменнік.

Панчанка Пімен Емяльянавіч (н. 1917) — народны паэт БССР.

Барысёнак — Барысенка Васіль Васільевіч (1904—1984) — беларускі савецкі літаратуразнаўца, акадэмік АН БССР.

Стаховіч Алесь (Аляксандр Іосіфавіч; 1907—1956) — беларускі савецкі пісьменнік.

Янка — Янка Купала (Луцэвіч Іван Дамінікавіч, 1882—1942) — класік беларускай літаратуры, народны паэт БССР, акадэмік АН БССР і АН УССР.

Мар'я Дзмітрыеўна — жонка Я. Коласа.

Даніла і Міхаська — сыны Я. Коласа.

6

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Гольцаў — знаёмы М. Лынькова.

Янка — Я. Купала.

Кандрат — К. Крапіва.

Луцэвіч Уладзіслава Францаўна (1891—1960) — жонка Я. Купалы. Пасля смерці паэта — дырэктар Музея Я. Купалы.

Танк Максім (Скурко Яўгеній Іванавіч; н. 1912) — народны паэт БССР.

7

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у Рагачоўскім музеі народнай славы.

Федчанка Мікалай Іванавіч (1900—1954) — сябар М. Лынькова, настаўнік Свержанскай школы.

Ядвіга Аляксандраўна — жонка М. І. Федчанкі.
Ларыса — дачка М. І. Федчанкі.

8

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.
Кандрат — К. Крапіва.
Пятрусь — П. Броўка.
Іван Дамінікавіч — Я. Купала.

9

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Дата пісьма ўстаноўлена ў адпаведнасці з пісьмом П. Ф. Глебку.
Кандрат — К. Крапіва.

10

Друкуецца па арыгінале.
Дата пісьма ўстаноўлена па зместу і ў адпаведнасці з пісьмамі Я. Коласу, напісанымі ў гэты час.
...Сталі мы недалёка ад аднаго даволі вялікага горада... дамо табе тэлеграму з другога горада, дзе мы друкуем нашу газету...— «Жылі і рыхтавалі газету [«За Савецкую Беларусь».— *А. Х.*], рабілі яе набор пад Бранскам, а друкаваць вазілі ў Арол, да якога было сто кіламетраў па шасе. Там жа здавалі гатовы тыраж на ваенны аэрадром. Адтуль газета знаходзіла паветраныя шляхі на Беларусь» (Лынькоў М. Літаратура і жыццё.— Мн., 1978, с. 504).
Пімен — П. Панчанка.
Носаўская рэдакцыя далёка ад нас...— Рэдакцыя газеты «Красноармейская правда», рэдактарам якой быў Носаў.
Кандрат — К. Крапіва.

11

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у Рагачоўскім музеі народнай славы.

12

Друкуецца па фотакопіі.
Федчанка Ларыса Мікалаеўна (н. 1925) — заслужаная артыстка БССР.
Караленка Іван — вучань М. І. Федчанкі, бацькі Л. М. Федчанка.
Цёця Яня — Яніна Аляксандраўна, сястра маці Л. М. Федчанка.

13

Друкуецца па фотакопіі.

14

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

Грыша — Рыгор Ціханавіч, брат М. Лынькова.

Аня — Анна Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

Поля — Пелагея Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

Хана — Хана Абрамаўна, жонка М. Лынькова.

Марык — сын М. Лынькова.

15

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў сямейным архіве Х. Шынклера.

Шынклер Хвядос Сяргеевіч (1903—1942) — беларускі савецкі пісьменнік.

Вольскі Віталь (Зэйдэль-Вольскі Віталій Фрыдрыхавіч; н. 1901) — беларускі савецкі пісьменнік.

Майр Янка (Фёдараў Іван Міхайлавіч; 1883—1971) — беларускі савецкі пісьменнік.

16

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

17

Друкуецца па арыгінале.

Эдзі Агняцвет (Каган Эдзі Сямёнаўна; н. 1916) — беларуская савецкая паэтэса.

18

Друкуецца па арыгінале.

«За свабодную Беларусь» — франтавая газета. Адказным рэдактарам быў І. Гурскі. У склад рэдакцыі ўваходзілі: П. Глебка, П. Панчанка, А. Кучар і журналісты Пінхасік і Рабіновіч.

Выпустили всего один номерок газеты...— «За Савецкую Беларусь», рэдактарам якой быў М. Лынькоў.

Максім — М. Танк.

...После славянского митинга...— Другі ўсеславянскі мітынг адбыўся ў Маскве 4—5 красавіка 1942 г.

Фейгінзон — журналіст.

19

Друкуецца па арыгінале.

Получил вашу газету... и «дубинку».— Газета «За свабодную Беларусь» і сатырычны часопіс «Партызанская дубінка», якія рэдагаваў І. Гурскі.

Александроўская Ларыса Пампееўна (1904—1980) — беларуская спявачка, народная артыстка СССР.

Мурамцаў Ілья Аляксеевіч (1901—1968) — заслужаны артыст БССР.

Млодэк Рыта (Рэвека Веньямінаўна; 1906—1969) — беларуская савецкая спявачка, народная артыстка БССР.

Аляксеева Ларыса Філалогаўна (н. 1907) — оперная спявачка, народная артыстка БССР.

Пятрок — П. Глебка.

Пімен — П. Панчанка.

20

Друкуецца па арыгінале.

Пімен — П. Панчанка.

...вспоминаем «калининцев».— Газета «За свабодную Беларусь», якую рэдагаваў І. Гурскі, выходзіла на Калінінскім фронце.

21

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў сямейным архіве Х. Шынклера.

Упершыню ў кн.: Шынклер Х. Апошні рэйс.— Мн., 1984.

Дата пісьма ўстаноўлена па зместу.

Рыгор — брат М. Лынькова, загінуў на фронце.

22

Друкуецца па арыгінале.

Пісьмо адрасавана І. Гурскаму, рэдактару газеты «За свабодную Беларусь», і П. Глебку, яе супрацоўніку.

Модэль Міхась (Мендэль Моўшавіч; 1904—1980) — беларускі савецкі тэатральны крытык.

Пімен — П. Панчанка.

23

Друкуецца па арыгінале.

Якуб — Я. Колас.

Кандрат — К. Крапіва.

Кузьма — К. Чорны.

Пятрусь — П. Броўка.

Максім — М. Танк.

Пімен — П. Панчанка.

Стах — А. Стаховіч.

Барысёнак — В. В. Барысенка.

24

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Дата пісьма ўстаноўлена па зместу.

Нортман Сцяпан — беларускі журналіст.

Юрка — сын Я. Коласа.

Кандрат — К. Крапіва.

Пятрусь — П. Броўка.

Цікоцкі Яўген Карлавіч (1893—1970) — беларускі савецкі кампазітар.

Ларыса Пампееўна — Л. П. Александроўская.
Аршарун — супрацоўнік выдавецтва.

25

Друкуецца па арыгінале.
Мікалай Іванавіч — бацька Л. М. Федчанка.
Ядвіга Аляксандраўна — маці Л. М. Федчанка.

26

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў сямейным архіве Х. Шынклера.
Упершыню — кн.: Шынклер Х. Апошні рэйс.

27

Друкуецца па арыгінале.
Дата ўстаноўлена па зместу і ў адпаведнасці з пісьмом І. Д. Гурскаму ад 20/VI 1942 г.
Пятрук — П. Глебка.
Ілья — І. Гурскі.
Айзік — Кучар Алесь (Айзік Евелевіч; н. 1910) — беларускі савецкі крытык і драматург.
Кандратка — К. Крапіва.
Янка — Я. Купала.

28

Друкуецца па арыгінале.
...выпуск газеты...— «За свабодную Беларусь».
Кандрат — К. Крапіва.
...закончыў чарговы варыянт п'есы.— «Проба агнём».
Пятрусь — П. Броўка.
...пацее над лібрэта оперы.— «Міхась Падгорны».
Максім — М. Танк.
...пацее над паэмай.— «Янук Сяліба».
Вася — В. В. Барысенка.
...Вольскі, заканчвае п'есу.— «Машэка».
Кузьма Чорны працуе над раманам.— «Пошукі будучыні».
Янка — Я. Купала.
Мікола — М. Ц. Лынькоў.
Марык — сын М. Лынькова.

29

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Дата пісьма ўстаноўлена па зместу.
Янка — Я. Купала.
Гарай Канстанцін Васільевіч (н. 1904) — беларускі савецкі вучоны, акадэмік, у той час прэзідэнт АН БССР.
Кандрат — К. Крапіва.
Пятрусь — П. Броўка.

Мазалькоў Яўген Сямёнавіч (1909—1969) — рускі савецкі перакладчык, крытык і літаратуразнаўца.

30

Друкуецца па арыгінале.

Гарбуноў Цімох Сазонавіч (1904—1969) — у той час сакратар ЦК КП(б)Б, рэдактар часоп. «Славяне».

31

Друкуецца па фотакопіі.

Далматоўскі Яўгеній (Яўген Аронавіч; н. 1915) — рускі савецкі паэт.

Мікалай Іванавіч — бацька Л. М. Федчанка.

Ядвіга Аляксандраўна — маці Л. М. Федчанка.

32

Друкуецца па арыгінале.

Барашка Ілары (Іларыён Мацвеевіч; 1905—1968) — беларускі савецкі пісьменнік.

33

Друкуецца па фотакопіі.

Юрка — дваюрадны брат Л. М. Федчанка.

34

Друкуецца па арыгінале.

Садоўскі Яфім Ільіч (н. 1908) — беларускі савецкі празаік.

Рудзько Юрый Герасімавіч (1913—1948) — беларусі савецкі пісьменнік.

Крысько Цімох Васільевіч — Вітка Васіль (н. 1911) — беларускі савецкі паэт.

Аркаша — А. Куляшоў.

35

Друкуецца па арыгінале.

Дата пісьма ўстаноўлена па зместу.

Янка — Я. Купала.

Кандрат — К. Крапіва.

Уладзіслава Францаўна — жонка Я. Купалы.

36

Друкуецца па фотакопіі.

Дата пісьма ўстаноўлена па зместу і ў адпаведнасці з іншымі пісьмамі аўтара, напісанымі ў гэты час да адрасата.

37

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Пятрусь — П. Броўка.

Крупеня Іван Ануфрыевіч (1908—1952) — у той час намеснік старшыні СНК БССР і намеснік начальніка Беларускага Штаба партызанскага руху.

38

Друкуецца па арыгінале.

...пленум правялі.— 7 і 8 жніўня 1942 г. у Маскве адбыўся пленум Праўлення ССП БССР, прысвечаны творчасці беларускіх пісьменнікаў у гады вайны.

Ларчанка Міхаіл Рыгоравіч (1907—1981) — беларускі савецкі літаратуразнаўца і крытык.

Пятро — П. Глебка.

Пімен — П. Панчанка.

...не досыць акуратна атрымліваю тваю газету.— «За свабодную Беларусь».

39

Друкуецца па фотакопіі.

Бацька Мінай — Шмыроў Мінай Піліпавіч (1891—1964) — адзін з арганізатараў і кіраўнікоў партызанскага руху на Беларусі, Герой Савецкага Саюза.

Куляшоў Аркадзь Аляксандравіч (1914—1978) — народны паэт БССР.

40

Друкуецца па арыгінале.

Датуецца па штэмпелю паштоўкі.

41

Друкуецца па арыгінале.

Цімох Сазонавіч — Ц. С. Гарбуноў.

42

Друкуецца па арыгінале.

43

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

...для ўдзелу ў другім мітынгу...— Другі беларускі антыфашысцкі мітынг адбыўся ў Маскве 27 верасня 1942 г.

44

Друкуецца па арыгінале.

Піменка — П. Панчанка.
Пятрусь — П. Глебка.

45

Друкуецца па арыгінале.

Вітаўтаў — да Айчыннай вайны — дырэктар Агенцтва па ахове аўтарскіх праў пры ССП БССР.

Кацовіч Лазар Абрамавіч (1903—1953) — беларускі савецкі празаік.

46

Друкуецца па арыгінале.

Кавалёў Дзмітрый Міхайлавіч (1915—1977) — рускі савецкі паэт і перакладчык.

Машара Міхась (Міхаіл Антонавіч; 1902—1976) — беларускі савецкі пісьменнік.

Астрэйка Анатоль (Акім Пятровіч; 1911—1978) — беларускі савецкі паэт.

Клімковіч Міхась (Міхаіл Мікалаевіч; 1899—1954) — беларускі савецкі пісьменнік.

Пестрак Піліп Сямёнавіч (1903—1978) — беларускі савецкі пісьменнік.

47

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.

Уралава Еўдакія Ільінічна (н. 1902) — у той час народны камісар асветы БССР.

Казлоў Васіль Іванавіч (1903—1967) — партыйны і дзяржаўны дзеяч БССР, адзін з арганізатараў і кіраўнікоў партызанскага руху на Беларусі ў Айчынную вайну. У той час першы сакратар Мінскага абкома і гаркома КП(б)Б. Пазней — Старшыня Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР.

Іван Напрэевіч — І. А. Крупеня.
Уладзіслава Францаўна — У. Ф. Луцэвіч.
Сазоныч — Ц. С. Гарбуноў.

48

Друкуецца па арыгінале.

49

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

...вітаю Вас са слаўнай гадавінай... — 60-годдзе з дня нараджэння Я. Коласа.

Любан Ісак Ісакавіч (1906—1956) — беларускі савецкі кампазітар.

Кандрат — К. Крапіва.

50

Друкуецца па арыгінале.

Кандрат — К. Крапіва.

...юбілей Коласа (3/XI 42).— 60-годдзе з дня нараджэння Я. Коласа.

51

Друкуецца па арыгінале.

Прусліна Ася — настаўніца.

Пятрук — П. Глебка.

Клімковічыха— Марыя Іосіфаўна Клімковіч —жонка М. Клімковіча.

Гурскі-мовазнаўца — Гурскі Канстанцін Іванавіч (1907—1943) — беларускі савецкі мовазнаўца.

52

Друкуецца па арыгінале.

Панамарэнка Панцеляймон Кандратавіч (1902—1984) — у той час першы сакратар ЦК КП(б)Б, начальнік Цэнтральнага Штаба партызанскага руху пры Стаўцы Вярхоўнага Галоўнакамандавання.

Кандрат — К. Крапіва.

Якуб — Я. Колас.

53

Друкуецца па арыгінале.

Адам Багдановіч — Багдановіч Адам Ягоравіч (1862—1940) — беларускі энтограф і фалькларыст, бацька Максіма Багдановіча.

54

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

...як прайшоў юбілей...— 60-годдзе з дня нараджэння Я. Коласа.

Наталевіч Нічыпар Якаўлевіч (1900—1964) — дзяржаўны дзеяч БССР, у той час Старшыня Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР.

Кандрат — К. Крапіва.

Пятрусь і Пятро — П. Броўка і П. Глебка.

Ільья — І. Гурскі.

Цімох Сазонавіч — Ц. С. Гарбуноў.

55

Друкуецца па арыгінале.

Пятрусь — П. Броўка.

Пятро — П. Глебка.

Ільья — І. Гурскі.

Пінхасік — журналіст.

Рабіновіч — журналіст.
Барыс — сын К. Крапівы, загінуў на фронце.
Алена Канстанцінаўна — жонка К. Крапівы.
...тысячу рублёў...— У старым грашовым вылічэнні.

56

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Іван Напрэіч — І. А. Крупеня.
Ілья — І. Гурскі.
Пятро, Нонік — П. Глебка.
Пімен — П. Панчанка.
Аркаша — А. Куляшоў.
Дабрынін Міхаіл Кузьміч (1889—1955) — рускі і беларускі савецкі літаратуразнаўца.
Кандрат — К. Крапіва.
Кузьмец — К. Чорны.

57

Друкуецца па арыгінале.

58

Друкуецца па арыгінале.

59

Друкуецца па арыгінале.
Кірэенка Канстанцін Ціханавіч (н. 1918) — беларускі савецкі паэт.
Лешчынер — знаёмы М. Лынькова.

60

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Кузьма — К. Чорны.
Уладзіслава Францаўна — У. Ф. Луцэвіч.
Кандрат — К. Крапіва.
Нонік — П. Глебка.
Пятрусь — П. Броўка.
...жыве ў «Эўропе».— У жартаўлівым сэнсе ўжыта назва гасцініцы «Еўропа».
Чагін Пётр Іванавіч (1898—1967) — у той час дырэктар Дзяржаўнага выдавецтва мастацкай літаратуры (ГИХЛ).
Гарадзецкі Сяргей Мітрафанавіч (1884—1967) — рускі савецкі паэт і перакладчык.

61

Друкуецца па арыгінале.
Атраховіч Елена Канстанцінаўна — жонка К. Крапівы.
Кандрат — К. Крапіва.

Ігар — сын Е. К. Атраховіч.
Людачка — дачка Е. К. Атраховіч.

62

Друкуецца па арыгінале.
Цвірка Пятрас (1909—1947) — літоўскі савецкі пісьменнік.
Венцлава Антанас (1906—1971) — літоўскі савецкі пісьменнік і грамадскі дзеяч.
Корсакас Костас Пранавіч (н. 1909) — літоўскі савецкі літаратуразнаўца, паэт, грамадскі дзеяч, народны пісьменнік Літоўскай ССР.

63

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Уладзіслава Францаўна — У. Ф. Луцэвіч.

64

Друкуецца па фотакопіі.

65

Друкуецца па фотакопіі.

66

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.
Пятрусь Браўкец — П. Броўка.
Панцеляймон Кандратавіч — П. К. Панамарэнка.

67

Друкуецца па арыгінале.
Кандрат — К. Крапіва.
Жаўрук Алесь (Сінічкін Аляксандр Дзмітравіч; 1910—1942) — беларускі савецкі паэт.

68

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.
Кандрат — К. Крапіва.
Кузьма — К. Чорны.
Нонік — П. Глебка.
Пятрусь — П. Броўка.
Петрусі — П. Броўка і П. Глебка.

69

Друкуецца па арыгінале.
Возможно... осенью откроется Белорусский государственный университет... — Часова перапыненыя заняткі аднавіліся 1 каст-

рычніка 1943 г. на ст. Сходня (пад Масквой). 12 верасня 1944 г. БДУ пачаў працаваць у Мінску.

70

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

Кандрат — К. Крапіва.

71

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Уладзіслава Францаўна — У. Ф. Луцэвіч.

Кандрат — К. Крапіва.

72

Друкуецца па арыгінале.

73

Друкуецца па арыгінале.

74

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.

Кузьма — К. Чорны.

Кандрат — К. Крапіва.

Петрусі — П. Броўка і П. Глебка.

Фадзееў Аляксандр Аляксандравіч (1901—1956) — рускі савецкі пісьменнік. У той час быў сакратаром Праўлення СП СССР.

75

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Кандрат — К. Крапіва.

Кузьма — К. Чорны.

Петрусі — П. Броўка і П. Глебка.

Максім — М. Танк.

Аркаша — А. Куляшоў.

Уладзіслава Францаўна — У. Ф. Луцэвіч.

76

Друкуецца па арыгінале.

Сямынін Пётр Андрэевіч (н. 1909) — рускі савецкі паэт і перакладчык.

Крайчанка Усевалад Ігнатавіч (1915—1961) — беларускі савецкі пісьменнік.

Шарахоўскі Янка (Іван Захаравіч; 1908—1973) — беларускі савецкі пісьменнік і літаратуразнаўца.

Якімовіч Алесь (Аляксандр Іванавіч; 1904—1979) — беларускі савецкі пісьменнік.

Грубіян Мацей Міхайлавіч (1909—1972) — яўрэйскі савецкі паэт.

77

Друкуецца па арыгінале.

78

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Дата пісьма ўстаноўлена ў адпаведнасці з пісьмамі Я. Коласа да М. Лынькова ад 20/VII 1943 г.; 10/VIII 1943 г.; 18/IX 1943 г.

Прыляжаеў Мікалай Аляксандравіч (1872—1944) — беларускі савецкі хімік-арганік, акадэмік АН БССР.

Вятохін Іван Андрэевіч (1884—1959) — беларускі савецкі фізіёлаг.

Кузьма — К. Чорны.

Іван Напрэіч — І. А. Крупеня.

Цімох Сазонавіч — Ц. С. Гарбуноў.

79

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Даніла — сын Я. Коласа.

Пятрусь — П. Броўка.

...выставілі мы Вашу кандыдатуру ў саюзныя акадэмікі.— Я. Колас не балаціраваўся.

80

Друкуецца па арыгінале.

81

Друкуецца па арыгінале.

82

Друкуецца па арыгінале.

83

Друкуецца па арыгінале.

84

Друкуецца па арыгінале.

85

Друкуецца па арыгінале.
Цімох Сазонавіч — Ц. С. Гарбуноў.
Максім — М. Танк.
Кандрат — К. Крапіва.

86

Друкуецца па арыгінале.

87

Друкуецца па арыгінале.

88

Друкуецца па арыгінале.

89

Друкуецца па арыгінале.
Напісаў з Крапівой сцэнарый.— Не быў выкарыстаны.
...*Крапівінскі плакат.*— Сатырычная газета-плакат «Раздавім фашысцкую гадзіну», якую рэдагаваў К. Крапіва.

90

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

91

Друкуецца па арыгінале.

92

Друкуецца па арыгінале.
Аркаша — А. Куляшоў.

93

Друкуецца па арыгінале.
Юфіт Мацільда Іосіфаўна (н. 1909) — руская савецкая пісьменніца.
Максім — М. Танк.
Аркадзі — А. Куляшоў.
Сёма — Кірсанаў Сямён Ісакавіч (1906—1972) — рускі савецкі паэт.
Івашачкін Макар Васільевіч — генерал-лейтэнант, удзельнік Вялікай Айчыннай вайны.
Уткін Іосіф Паўлавіч (1903—1944) — рускі савецкі паэт.
...*неистового Павла*...— Антакольскі Павел Рыгоравіч (1896—1983) — рускі савецкі паэт.

Павел — муж М. І. Юфіт. Нілін Павел Піліпавіч (1908—1981) — рускі савецкі пісьменнік.

94

Друкуецца па арыгінале.

Федчанка Ядвіга Аляксандраўна (1894—1964) — заслужаная настаўніца БССР.

Канавальчык — настаўніца.

Мікалай Іванавіч — муж Я. А. Федчанка.

Ляля-бібліятэкарка — Ларыса Мікалаеўна — дачка Я. А. Федчанка.

95

Друкуецца па арыгінале.

96

Друкуецца па арыгінале.

Рыльскі Максім Тадэевіч (1895—1964) — украінскі савецкі паэт, вучоны, грамадскі дзеяч, акадэмік АН УССР, акадэмік АН СССР.

97

Друкуецца па арыгінале.

98

Друкуецца па арыгінале.

99

Друкуецца па арыгінале.

Павел — П. П. Нілін, муж М. І. Юфіт.

Вінаградская — знаёмая М. Лынькова.

Аркадзь — А. Куляшоў.

Соня — С. Вінаградская.

Сеня — Трэгуб Сямён Адольфавіч (1907—1975) — рускі савецкі крытык.

Васіль Макаравіч — работнік выдавецтва.

Максім і Аркадзь — М. Танк і А. Куляшоў.

100

Друкуецца па арыгінале.

Гінзбург Рыгор Львовіч (н. 1908) — інжынер-эканаміст, вучань М. Лынькова.

101

Друкуецца па арыгінале.

102

Друкуецца па арыгінале.
Міхаіл Паўлавіч — сын М. І. Юфіт.
Нілін Павел Піліпавіч — муж М. І. Юфіт.
Максім — М. Танк.
Аркаша — А. Куляшоў.

103

Друкуецца па машынапісу з уласнаручным подпісам аўтара і рукапіснай прыпіскай.
Лынькова Вольга Іванаўна — жонка Мікалая Ціханавіча Лынькова, брата М. Лынькова.
Коля — М. Ц. Лынькоў.

104

Друкуецца па арыгінале.
Дата пісьма ўстаноўлена па зместу.

105

Друкуецца па арыгінале.
Соф'я Захараўна — жонка М. Лынькова.

106

Друкуецца па арыгінале.
Лынькова-Куспіц Соф'я Захараўна (н. 1917) — жонка М. Лынькова. Працавала настаўніцай, навуковым супрацоўнікам у Інстытуце гісторыі Акадэміі навук БССР.
Маруся — Баранава Марыя Парфір'еўна, сяброўка С. З. Лыньковай-Куспіц.
Максім — Лужанін Максім (Каратай Аляксандр Амвросьевіч; н. 1909) — беларускі савецкі паэт.
Кандрат — К. Крапіва.
Глебус — П. Глебка.
Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.
Яўгенія — Пфляумбаум Яўгенія Эдгардаўна — жонка М. Лужаніна.
Максімы — М. Танк і М. Лужанін.

107

Друкуецца па арыгінале.
Пімен — П. Панчанка.
Максім — М. Лужанін.
Жэня — жонка М. Лужаніна.
Пракоф'еў Аляксандр Андрэевіч (1900—1971) — рускі савецкі паэт.

108

Друкуецца па арыгінале.
Максім — М. Лужанін.

Вера — Маскаленка Вера Паўлаўна, сяброўка С. З. Лынько-вай-Куспіц.
Маруся — М. П. Баранава.
Жэня — жонка М. Лужаніна.
Максімы — М. Танк і М. Лужанін.
Пімен — П. Панчанка.
Кандрат — К. Крапіва.

109

Друкуецца па арыгінале.
Кандрат — К. Крапіва.
Максім — М. Лужанін.
Лена — жонка К. Крапівы.
Люда — дачка К. Крапівы.
Ніна — жонка П. Глебкі.
Оля — хатняя работніца.
Вера — В. П. Маскаленка.
Маруся — М. П. Баранава.

110

Друкуецца па арыгінале.
Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

111

Друкуецца па арыгінале.
Максім — М. Лужанін.
Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.
Міхась — сын Я. Коласа.
Кандрат — К. Крапіва.
Пімен — П. Панчанка.
Даніла — сын Я. Коласа.
Вера — В. П. Маскаленка.
Маруся — Марыя Захараўна, сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.
Ларыса — дваюрадная сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.

112

Друкуецца па арыгінале.
Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

113

Друкуецца па арыгінале.

Мікуліч Барыс Міхайлавіч (1912—1954) — беларускі савецкі пісьменнік.

Никто не против Вашего возвращения на родину.— Б. М. Мікуліч у той час жыў у Краснаярскім краі.

114

Друкуецца па арыгінале.

115

Друкуецца па арыгінале.

Багдановіч Максім Адамавіч (1891—1917) — беларускі паэт, перакладчык, літаратуразнаўца, празаік.

116

Друкуецца па арыгінале.

Мікуліч Марыя Міхайлаўна — сястра Б. М. Мікуліча.

117

Друкуецца па арыгінале.

118

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Грыгоніс Генрых Юр'евіч (1889—1955) — беларускі савецкі акцёр, народны артыст БССР.

119

Друкуецца па арыгінале.

Кавалёў Павел Нічыпаравіч (н. 1912) — беларускі савецкі пісьменнік.

Левін — у той час дырэктар Літфонда ССП БССР.

Гусараў Мікалай Іванавіч (н. 1905) — у той час сакратар ЦК КП(б)Б.

Ігнацьеў Міхаіл Купрэевіч (н. 1904) — партыйны работнік, у Вялікую Айчынную вайну кіраўнік партызанскага руху.

Іаўчук Міхаіл Трыфанавіч (н. 1908) — савецкі філосаф, член-карэспандэнт АН СССР. У той час сакратар ЦК КПБ.

Масэнка Тарэнь Германавіч (1903—1970) — украінскі савецкі паэт і перакладчык.

Эльман Андрэй Пятровіч (н. 1903) — партыйны работнік, персанальны пенсіянер.

Тайлай Валянцін Паўлавіч (1914—1947) — беларускі савецкі паэт.

120

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Даніла — сын Я. Коласа.

Кандрат — К. Крапіва.

Васілёнак Сяргей Іванавіч (1902—1982) — у той час дацэнт Маскоўскага універсітэта імя М. В. Ламаносава.

Жэбрак Антон Раманавіч (1901—1965) — беларускі савецкі батанік, генетык, селекцыянер, акадэмік АН БССР.

Панцеляймон Кандрацьевіч — П. К. Панамарэнка.

Пятрусь — П. Броўка.

121

Друкуецца па арыгінале.

122

Друкуецца па арыгінале.

Васілевіч Алена Сямёнаўна (н. 1922) — беларуская савецкая пісьменніца.

...Ваш рукапіс.— Аповесць А. Васілевіч «Шляхі-дарогі».

123

Друкуецца па арыгінале.

...корпею над своим романом...— «Векапомныя дні».

...книжицу прошлогоднего издания.— Лынькоў М. Апавяданні.— Мн., 1947.

124

Друкуецца па арыгінале.

125

Друкуецца па арыгінале.

Аб кампазіцыйнай рыхласці аповесці...— Аповесць А. Васілевіч «Шляхі-дарогі».

126

Друкуецца па арыгінале.

127

Друкуецца па арыгінале.

128

Друкуецца па арыгінале.

Надо гнать роман.— «Векапомныя дні».

129

Друкуецца па арыгінале.

Півушкова Зоя Уладзіміраўна (1896—1978) — настаўніца.

Міхаіл Іванавіч — муж З. У. Півушковай.

Соф'я — С. З. Лынькова-Куспіц.

Мар'я Пятроўна — маці С. З. Лыньковай-Куспіц.

Маруся — сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.

Надзюша — прыёмная дачка М. Лынькова.

Вова і Барыс — пляменнікі З. У. Півушковай.

130

Друкуецца па арыгінале.

Соф'я — С. З. Лынькова-Куспіц.
Ольга — жонка Мікалая, брата М. Лынькова.

131

Друкуецца па арыгінале.
Зорына Вера Міхайлаўна (н. 1907) — у той час загадчыца Бабруйскай гарадской бібліятэкі імя А. С. Пушкіна.

132

Друкуецца па арыгінале.
Соф'я Захараўна — жонка М. Лынькова.
Вольга — жонка Мікалая, брата М. Лынькова.

133

Друкуецца па арыгінале.
...отдаться моему роману...— «Векапомныя дні».

134

Друкуецца па арыгінале.
К дальнейшей работе над романом...— «Векапомныя дні».
Соф'я Захараўна — жонка М. Лынькова.
Саша — А. А. Пракоф'еў.

135

Друкуецца па машынапісу. Дата і подпіс напісаны аўтарам чарнілам.
Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

136

Друкуецца па арыгінале.

137

Друкуецца па арыгінале.
...предполагаю закончить первую книгу романа...— «Векапомныя дні».

138

Друкуецца па арыгінале.
Оля — жонка Мікалая, брата М. Лынькова.
...по случаю моего награждения.— М. Лынькоў быў узнагароджаны ордэнам Леніна за заслугі ў развіцці савецкай літаратуры.
Работаю я теперь над большим романом...— «Векапомныя дні».
Соф'я — жонка М. Лынькова.
Поля — сястра М. Лынькова.
Вера — дачка Полі.

139

Друкуецца па арыгінале.

...спасибо за теплое слово о моем романе...— «Векапомныя дні».

Соф'я Захараўна — жонка М. Лынькова.

140

Друкуецца па арыгінале.

Мікалай Іванавіч — муж Я. А. Федчанка.

Ларыса — дачка Я. А. Федчанка.

...работаю над большим романом... — «Векапомныя дні».

Аляксандр Гаўрылавіч — бацька Я. А. Федчанка.

141

Друкуецца па арыгінале.

...конца роману еще не видно...— Раман «Векапомныя дні».

142

Друкуецца па арыгінале.

О переводе.— Я. С. Мазалькоў перакладаў раман «Векапомныя дні».

...положение с романом.— «Векапомныя дні».

143

Друкуецца па арыгінале.

Оля — жонка Мікалая Лынькова.

144

Друкуецца па арыгінале.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

Тычына Паўло Рыгоравіч (1891—1967) — украінскі савецкі паэт.

145

Друкуецца па арыгінале.

Надзюша — прыёмная дачка М. Лынькова.

Бабушка — Марыя Пятроўна — маці С. З. Лыньковай-Куспіц.

146

Друкуецца па арыгінале.

...пока... не закончу первую книгу.— Раман «Векапомныя дні».

Яўгені Сямёнавіч — Я. С. Мазалькоў.

Суркоў Аляксей Аляксандравіч (1899—1983) — рускі савецкі паэт.

147

Друкуецца па арыгінале.

Карчагін Аляксандр Апанасавіч — у той час выкладчык БДУ.

148

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

Корсакас Костас Пранавіч (н. 1909) — літоўскі савецкі літаратуразнаўца, паэт, грамадскі дзеяч, народны пісьменнік Літоўскай ССР.

...тружусь над своим романом.— «Векапомныя дні».

149

Друкуецца па арыгінале.

...поедем автобусами в Михайловское...— Адзначалі 150-годдзе з дня нараджэння А. С. Пушкіна.

Кандрат — К. Крапіва.

150

Друкуецца па арыгінале.

У арыгінале аўтар памылкова паставіў дату: 3/X 1949, замест: 3/IX 1949.

Людей у нас небогато.— У Доме творчасці пісьменнікаў у Каралішчавічах.

Павел Сямёнавіч — П. С. Кабзарэўскі.

Варэннік — рабочы.

Павел Нікіфаравіч — П. Н. Кавалёў.

151

Друкуецца па арыгінале.

Каця — хатняя работніца.

152

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

...гнал роман.— «Векапомныя дні».

153

Друкуецца па арыгінале.

...гнал роман...— «Векапомныя дні».

...твоей книгой в издательстве...— Відаць, размова ідзе пра кнігу: Мазалькоў Я. Янка Купала: Жыццё і творчасць/Пер. з рус. мовы.— Мн., 1951. На рускай мове кніга выйшла ў 1949 г.— М.

Калерыя Іванаўна — жонка Я. С. Мазалькова.

154

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

155

Друкуецца па арыгінале.
Анастасія Міхайлаўна — жонка П. С. Кабзарэўскага.
Имею в виду роман.— «Векапомныя дні».
...оплатили тебе «Гоя»...— П. С. Кабзарэўскі перакладаў на рускую мову апавяданне М. Лынькова «Гой».

156

Друкуецца па арыгінале.
...нажимаю на свой роман...— «Векапомныя дні».
Вольга — В. І. Лынькова.
Захараўна — С. З. Лынькова-Куспіц.

157

Друкуецца па арыгінале.
...финалом первой книги.— Раман «Векапомныя дні».
...день моего грешного юбилея...— 50-годдзе з дня нараджэння.

158

Друкуецца па арыгінале.

159

Друкуецца па арыгінале.
...работой над романом.— «Векапомныя дні».
Уладзіслава Францаўна — У. Ф. Луцэвіч.

160

Друкуецца па арыгінале.
Аня — сястра М. Лынькова.

161

Друкуецца па арыгінале.
Роман — первую книгу — закончил...— «Векапомныя дні».

162

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.
Шымкус Стасіс Стасевіч (1887—1943) — літоўскі кампазітар.

163

Друкуецца па арыгінале.

Баранаў Павел Мікалаевіч (н. 1906) — лётчык-ветэран, мастак-любіцель. У гады Вялікай Айчыннай вайны камандаваў авіяпалком, які ў 1941—1942 гг. дастаўляў прадукты ў блакіраваны Ленінград.

М. Лынькоў пазнаёміўся з П. М. Баранавым у 1932 г. у Віцебску, калі наведаў лётчыкаў 7-й авіяэскадрыллі знішчальнікаў. З таго часу яны сябравалі. У тым жа годзе М. Лынькоў напісаў пра лётчыкаў апавяданне «Талісман».

Первую книгу романа сдал...— «Векапомныя дні».

164

Друкуецца па арыгінале.

Аня — сястра М. Лынькова.

Пелагея — сястра М. Лынькова.

...моего романа...— «Векапомныя дні».

165

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Зося — С. З. Лынькова-Куспіц.

Даніла — сын Я. Коласа.

166

Друкуецца па арыгінале.

Цітоў Канстанцін Маркавіч (1905—1972) — рускі савецкі паэт і перакладчык.

Детище свое... я сдал Белгизу...— Раман «Векапомныя дні».

Барвіха — санаторый пад Масквой.

167

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.

Зося — С. З. Лынькова-Куспіц.

Максім — М. Лужанін.

168

Друкуецца па арыгінале.

...с празднованием годовщины «Слова о полку Игореве...» — 150-годдзе з дня першай публікацыі «Слова аб палку Ігаравым».

Алена — дачка Мікалая, брата М. Лынькова.

Мікалай — сын Мікалая, брата М. Лынькова.

169

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.

Дата ўстаноўлена па зместу і ў адпаведнасці з пісьмом Я. Коласу ад 6/XII 1950 г.

Зося — С. З. Лынькова-Куспіц.

...на ўрачыстым вечары, прысвечаным «Слову аб палку Ігаравым...» — 150-годдзе з дня апублікавання «Слова аб палку Ігаравым».

...глядзелі «Фрола Скабеева».— Опера Ц. М. Хрэннікава.

Хрэннікаў Ціхан Мікалаевіч (н. 1913) — рускі савецкі кампазітар і грамадскі дзеяч.

«Воз навукі» — верш Я. Коласа.

170

Друкуецца па арыгінале.

...сваю «опупею».— Раман «Векапомныя дні».

Рабініна Аляксандра Пятроўна — у той час загадчыца сектара нацыянальных літаратур Дзяржаўнага выдавецтва мастацкай літаратуры (Масква).

171

Друкуецца па арыгінале.

172

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.

Даніла — Д. К. Міцкевіч, сын Я. Коласа.

Нонік — П. Глебка.

Абрасімаў Пётр Андрэевіч (н. 1912) — у той час сакратар ЦК КП(б)Б.

Зося — С. З. Лынькова-Куспіц.

У пісьме маюцца дзве прыпіскі: К. Крапівы і П. Глебкі:

Шчыра вітаю, Канстанцін Міхайлавіч, жадаю хутка папраўіцца, добра ўсталяваць сваё здароўе і вярнуцца бадзёрым і жыццярадасным.

Кандрат Крапіва.

Дарагі і любы дзядзька Якубе! Карыстаюся выпадкам, каб перадаць Вам самае шчырае прывітанне і найлепшыя пажаданні. Не пісаў Вам, бо ўсё баяўся, што мой ліст Вас у Маскве не застане і чакаў новага адраса. У самыя бліжэйшыя дні напішу Вам чарговае пасланне на новы адрас, які мне падабаецца больш: паколькі з бальнічных сцен выбраліся на шырэйшыя прасторы, дык спадзяюся, што хутка і да Мінска даберацеся,— гэтым мне новы адрас і падабаецца. Шчыра абдымаю і жадаю ўсяго найлепшага.

Пятро Глебка.

173

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

174

Друкуецца па арыгінале.
...о моей новой книге.— «Векапомныя дні».

175

Друкуецца па арыгінале.
...о романе ни с кем не говорил.— Раман «Векапомныя дні».

176

Друкуецца па арыгінале.
...рукопись посылаю...— Раман «Векапомныя дні».
Юлія Захараўна — сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.
Мамаша — Мар'я Пятроўна, маці С. З. Лыньковай-Куспіц.
Лёня — прыёмны сын М. Лынькова.
Надзюшка — прыёмная дачка М. Лынькова.
Нюра — знаёмая сям'і Лыньковых.

177

Друкуецца па арыгінале.
Есакоў Аляксандр Аляксандравіч (н. 1911) — беларускі савецкі тэатральны і літаратурны крытык.
Семяновіч Антон Аляксандравіч (н. 1917) — беларускі савецкі літаратуразнаўца і крытык.

178

Друкуецца па арыгінале.
...не поблагодарил Вас за присланную мне книгу.— Василёнок С. И. Белорусская литература.— М., 1951.

179

Друкуецца па арыгінале.
Издание книги на русском языке...— Раман «Векапомныя дні».

180

Друкуецца па арыгінале.
...готовился с докладом к гоголевской годовщине...— 100-годдзе з дня смерці М. В. Гогаля.
Книга моя переведена на русский язык...— Раман «Векапомныя дні».

181

Друкуецца па арыгінале.

182

Друкуецца па арыгінале.

183

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

У канцы пісьма-рэцэнзіі подпіс аўтара адсутнічае.

Арэхаў — пачынаючы празаік.

Брыль Янка (Іван Антонавіч; н. 1917) — народны пісьменнік БССР.

Шамякін Іван Пятровіч (н. 1921) — народны пісьменнік БССР, член-карэспандэнт АН БССР.

184

Друкуецца па арыгінале.

Работаю теперь над второй книгой романа.— «Векапомныя дні».

185

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

186

Друкуецца па арыгінале.

187

Друкуецца па арыгінале.

Дата пісьма ўстаноўлена па зместу і ў адпаведнасці з наступнымі пісьмамі да адрасата, напісанымі з Нью-Йорка.

Новікава Фаіна Архіпаўна — член дэлегацыі.

Павецьеў Гаўрыла Аляксеевіч — прарэктар Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна.

Кісялёў Кузьма Венядзіктавіч (1903—1977) — дзяржаўны дзеяч, міністр замежных спраў БССР.

188

Друкуецца па арыгінале.

Маруся — Марыя Захараўна, сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.

Федзя — Фёдар Малахавіч Вішнеўскі, муж Марыі Захараўны.

Арцюшкевіч Маруся — М. П. Баранава.

189

Друкуецца па арыгінале.

Мар'я Пятроўна — маці С. З. Лыньковай-Куспіц.

190

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

...три месяца путешествовал...— М. Лынькоў быў членам дэлегацыі БССР на VII Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН.

191

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Зося — С. З. Лынькова-Куспіц.

Нонік — П. Глебка.

Кандрат — К. Крапіва.

192

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Упершыню — «Полымя», 1982, № 11.

...опера «Дзяўчына з Палесся».— Лібрэта П. Броўкі і Я. Рамановіча, музыка Я. Цікоцкага.

Кандрат — К. Крапіва.

193

Друкуецца па арыгінале.

Книга моя...— Раман «Векапомныя дні».

194

Друкуецца па арыгінале.

...книга моя вышла...— Раман «Векапомныя дні».

195

Друкуецца па арыгінале.

196

Друкуецца па арыгінале.

Такаеў Валерый Фёдаравіч — знаёмы М. Лынькова.

...работаю... над завершением моего романа...— «Векапомныя дні».

Заслонаў Канстанцін Сяргеевіч (1910—1942) — адзін [illegible] арганізатараў і кіраўнікоў партызанскага руху на Беларусі ў Айчынную вайну, Герой Савецкага Саюза.

197

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

Прозвішча адрасата не ўстаноўлена.

Аляксей Сцяпанавіч — пачынаючы празаік.

У канцы пісьма-рэцэнзіі подпіс аўтара адсутнічае.

198

Друкуецца па арыгінале.

Аня — Анна Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

...поработать над продолжением романа.— «Векапомныя дні».

199

Друкуецца па арыгінале.

Дубкоў Аляксей Мікалаевіч — чытач.

...фамілія Дубков у меня в романе вымышленная...— Размова ідзе пра героя рамана «Векапомныя дні».

...история с моим братом...— Брат М. Лынькова Рыгор Ціханавіч Лынькоў загінуў на фронце.

200

Друкуецца па арыгінале.

Клешчанка Васіль Піліпавіч — аспірант Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага.

201

Друкуецца па арыгінале.

Сессия открывается 15 сентября...— VIII Сесія Генеральнай Асамблеі ААН.

Ладыжын — дырэктар Вучпедвыдата БССР.

Майхровіч Сцяпан Казіміравіч (1908—1981) — беларускі савецкі крытык.

...«Огни Танганьики»...— Апавяданне М. Лынькова.

202

Друкуецца па арыгінале.

Аня — сястра М. Лынькова.

Садковіч Мікола Фёдаравіч (1907—1968) — рускі савецкі празаік і кінадраматург.

Бялевіч Антон Пятровіч (1914—1978) — беларускі савецкі паэт.

203

Друкуецца па арыгінале.

Дата пісьма ўстаноўлена па зместу.

Зося — хатняя работніца.

Зайцаў — супрацоўнік Міністэрства замежных спраў БССР.

204

Друкуецца па арыгінале.

Стакоўскі — амерыканскі дырыжор.

Марусі — Марыя Захараўна, сястра С. З. Лыньковай-Куспіц, і Марыя Парфір'еўна, яе сяброўка.

Федзя — Фёдар Малахавіч, муж сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

Віктар — шафёр.

Астапенка Павел Яўменавіч — дыпламат.

Фаіна Архіпаўна — Ф. А. Новікава.

Азаранка Емяльян Кліменцьевіч (н. 1908) — у той час прарэктар Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна.

Мялкіх Зінаіда Сяргееўна — дачка прафесара С. М. Мялкіх.

205

Друкуецца па арыгінале.

...возьмешь... тысяч десять...— У старым грашовым вылічэнні.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

Цітова Ніна Міхайлаўна — піяністка.

206

Друкуецца па арыгінале.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

Маруся — сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.

Федзя — муж сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

Маруся — сяброўка С. З. Лыньковай-Куспіц.

207

Друкуецца па арыгінале.

У арыгінале аўтар памылкова паставіў дату: 27 декабря, замест: 27 ноября.

Гаўрыіл Аляксеевіч — Г. А. Павецьеў.

208

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

Ініцыялы адрасата не ўстаноўлены.

Савіцкі — пачынаючы празаік.

...был в длительной и далекой командировке.— М. Лынькоў быў у Нью-Йорку на IX Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН.

209

Друкуецца па арыгінале.

Упершыню — зб.: Святло яго душы.— Мн., 1979.

Шолахаў Міхаіл Аляксандравіч (1905—1984) — рускі савецкі пісьменнік.

Шышкоў Вячаслаў Якаўлевіч (1873—1945) — рускі савецкі пісьменнік.

Фёдараў А. Ф. (н. 1901) — партыйны і дзяржаўны дзеяч УССР, аўтар мемуарных твораў.

210

Друкуецца па арыгінале.

Рак Міхаіл Пятровіч — знаёмы М. Лынькова.

211

Друкуецца па арыгінале.

Анна Навумаўна — жонка М. П. Рака.

212

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Зося — С. З. Лынькова-Куспіц.

Пятрусь — П. Броўка.

213

Друкуецца па арыгінале.

214

Друкуецца па арыгінале.

...лететь в далекую и долгую командировку...— М. Лынькоў быў удзельнікам IX Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у Нью-Йорку.

215

Друкуецца па арыгінале.

Прытыцкі Сяргей Восіпавіч (1913—1971) — савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч.

Гуцянкова Еўдакія Трафімаўна (н. 1905) — у той час міністр сацыяльнага забеспячэння БССР.

216

Друкуецца па арыгінале.

...улетим в дальние края.— У Нью-Йорк на IX Сесію Генеральнай Асамблеі ААН.

Штокала Іосіф Захаравіч — акадэмік АН УССР.

Паламарчук А. С.— член дэлегацыі Украінскай ССР.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

Маруся і Маруся — сястра і сяброўка С. З. Лыньковай-Куспіц.

Федзя — муж сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

217

Друкуецца па арыгінале.

Абушкевіч Карп Мікалаевіч — юрыст.

...второй день съезда...— Трэці з'езд СП БССР (15—18 верасня 1954 г.).

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

Пракапчук Андрэй Якаўлевіч — прафесар.

218

Друкуецца па арыгінале.

...съезд наших писателей...— Трэці з'езд СП БССР (15—18 верасня 1954 г.).

Іван Васільевіч — муж Юліі Захараўны, сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

219

Друкуецца па арыгінале.

Вышынскі Андрэй Януар'евіч (1883—1954) — першы намеснік міністра замежных спраў СССР.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

Чарнушчанка Герадот Гаўрылавіч — супрацоўнік Міністэрства замежных спраў БССР.

220

Друкуецца па арыгінале.

...на нашем писательском съезде.— Трэці з'езд СП БССР (15—18 верасня 1954 г.).

Не придется... попасть и на Всесоюзный съезд писателей...— Другі Усесаюзны з'езд пісьменнікаў (15—26 снежня 1954 г.).

Кузьма Венядзіктавіч — К. В. Кісялёў.

Мікалай — брат М. Лынькова.

221

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Анахарэт — пустэльнік.

Максім — М. Лужанін.

222

Друкуецца па арыгінале.

Шэльдаў і Броннікаў — супрацоўнікі Міністэрства замежных спраў БССР.

Андрэй Януар'евіч — А. Я. Вышынскі.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

223

Друкуецца па арыгінале.

...завершил... дорогу из-за океана на Родину.— М. Лынькоў прымаў удзел у працы IX Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у Нью-Йорку.

224

Друкуецца па арыгінале.

225

Друкуецца па арыгінале.

226

Друкуецца па арыгінале.

Алена — дачка Мікалая, брата М. Лынькова.

Мікалай — сын Мікалая, брата М. Лынькова.

227

Друкуецца па арыгінале.

228

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

...поздравление с правительственной наградой.— М. Лынькоў быў узнагароджаны ордэнам Леніна за заслугі ў развіцці савецкай літаратуры.

229

Друкуецца па арыгінале.

230

Друкуецца па арыгінале.

...вторую книгу романа.— «Векапомныя дні».

231

Друкуецца па арыгінале.

Конюхаў Нікіфар Гур'янавіч — знаёмы М. Лынькова.

Слонімская — жонка Н. Г. Конюхава.

232

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Крайчанка Усевалад Ігнатавіч (1915—1961) — беларускі савецкі пісьменнік.

Зарыцкі Аляксей Аляксандравіч (н. 1911) — беларускі савецкі паэт.

Націскаю на другую кніжку рамана...— «Векапомныя дні».

Нонік — П. Глебка.

Пятрусь — П. Броўка.

233

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Рагавой Павел Пракопавіч (н. 1895) — беларускі савецкі вучоны ў галіне глебазнаўства. Акадэмік АН БССР.

234

Друкуецца па арыгінале.

Ус Аляксандра Паўлаўна — у той час галоўны рэдактар часоп. «Работніца і сялянка».

...с парохода на сессию.— М. Лынькоў прымаў удзел у працы X Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у Нью-Йорку.

Макаёнак Андрэй Ягоравіч (1920—1982) — народны пісьменнік БССР.

Чавускі Міхась (Майсей Моталевіч; 1904—1984) — беларускі савецкі пісьменнік.

Ганкевічы—сям'я Аляксандры Захараўны, сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

235

Друкуецца па арыгінале.

...романа закончить не удалось...— «Векапомныя дні».

236

Друкуецца па арыгінале.

Летим дальше на Берлин.— М. Лынькоў быў удзельнікам X Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у Нью-Йорку.

237

Друкуецца па арыгінале.

Кузьма Венядзіктавіч — К. В. Кісялёў.

Зайцаў і Гурыновіч — супрацоўнікі Міністэрства замежных спраў БССР.

Мікалай — брат М. Лынькова.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

238

Друкуецца па арыгінале.

...юбилей Глебки...— 50-годдзе з дня нараджэння П. Ф. Глебкі.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

239

Друкуецца па арыгінале.

Раіса — пляменніца С. З. Лыньковай-Куспіц.

Таня — дачка Паліны Ціханаўны, сястры М. Лынькова.

Канстанцін Міхайлавіч — Я. Колас.

Ніна Міхайлаўна — Н. М. Цітова.

240

Друкуецца па арыгінале.

Валя — пляменніца С. З. Лыньковай-Куспіц.

Мамаша — Мар'я Пятроўна, маці С. З. Лыньковай-Куспіц.

241

Друкуецца па арыгінале.

Філіпаў Іван Піліпавіч — дыпламат.

242

Друкуецца па арыгінале.

Вігурская Галіна Васільеўна (н. 1909) — украінская савецкая пісьменніца і перакладчыца.

...спазніўся з перасылкай Вам рукапісу перакладу.— Г. В. Вігурская пераклала на ўкраінскую мову аповесць М. Лынькова «Міколка-паравоз».

243

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

Прозвішча адрасата не ўстаноўлена.

Наталля Мікалаеўна — пачынаючая пісьменніца.

...по мотивам моего романа.— «Векапомныя дні».

244

Друкуецца па арыгінале.

Потею над завершением своего романа.— «Векапомныя дні».

245

Друкуецца па арыгінале.

246

Друкуецца па арыгінале.

Пора, наконец, кончать вторую книгу романа...— «Векапомныя дні».

247

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

Арыгінал — у адрасата.

Трачэўская Марыя Янаўна — польская перакладчыца.

...книга моя появится на польском языке...— Першая кніга рамана «Векапомныя дні» ў перакладзе М. Я. Трачэўскай.

248

Друкуецца па арыгінале.

Работаю... над завершением второй книги своего романа.— «Векапомныя дні».

249

Друкуецца па арыгінале.

Рэдактарская дата дапоўнена па зместу пісьма.

250

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў Літаратурным музеі Я. Коласа.

Зося — С. З. Лынькова-Куспіц.

Два Максімы — М. Танк і М. Лужанін.

...правёў паседжанне франкоўскага камітэта.— У сувязі са 100-годдзем з дня нараджэння І. Я. Франко.

Пятрусь — П. Броўка.

Жэня — жонка М. Лужаніна.

Аркадзь — А. Куляшоў.

Кандрат — К. Крапіва.

251

Друкуецца па арыгінале.

Арыгінал мае дзве аўтарскія даты.

Шушкевіч Станіслаў Пятровіч (н. 1908) — беларускі савецкі пісьменнік.

Жадаю Вам... паспяховага звароту на Радзіму.— С. П. Шушкевіч з 1936 г. жыў у Сібіры.

252

Друкуецца па арыгінале.

Я занят... работой над романом.— «Векапомныя дні».

253

Друкуецца па арыгінале.

254

Друкуецца па арыгінале.

Мікалай — брат М. Лынькова.

Зося — хатняя работніца.

255

Друкуецца па арыгінале.

256

Друкуецца па арыгінале.

Пісьмо напісана на фотакартцы, на якой зняты Мікалай Ціханавіч на двары каля дома-дачы М. Лынькова.

257

Друкуецца па арыгінале.

Конференция заканчивается 5 декабря... — Канферэнцыя ЮНЕСКА ў Індыі, удзельнікам якой быў М. Лынькоў.

258

Друкуецца па арыгінале.

259

Друкуецца па арыгінале.

Кудраўцаў Барыс Васільевіч (н. 1925) — работнік Міністэрства замежных спраў БССР.

Малышаў Андрэй Якаўлевіч — у той час прарэктар па вучэбнай часці Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна.

Броннікаў Сяргей Андрэевіч (н. 1930) — работнік Міністэрства замежных спраў БССР.

260

Друкуецца па арыгінале.

261

Друкуецца па арыгінале.

Літвін К. З. і Русько А. Н.— члены ўкраінскай дэлегацыі.

262

Друкуецца па арыгінале.

263

Друкуецца па арыгінале.

Дата пісьма ўстаноўлена па запісу ў блакноце М. Лынькова.

Матузаў Захар Пятровіч (1911—1977) — у той час дырэктар Белдзяржвыдата.

Віця — шафёр.

Маруся — сяброўка С. З. Лыньковай-Куспіц.

Пленум в Москве будет в середине марта...— Пленум праўлення СП СССР адбыўся 14—16 мая 1957 г.

264

Друкуецца па арыгінале.

Дата ўстаноўлена ў адпаведнасці са зместам пісьма і пісьмом аўтара да гэтага ж адрасата ад 12 лютага 1957 г.

...кто кого доконает, я ли роман или роман меня.— Раман «Векапомныя дні».

Кісялёў Рыгор Якаўлевіч (1913—1970) — міністр культуры БССР.

Ніна Міхайлаўна — Н. М. Цітова, піяністка.

Марыя Парфір'еўна — М. П. Баранава.

Ксана — жонка А. Куляшова.

Алена Канстанцінаўна — жонка К. Крапівы.

265

Друкуецца па арыгінале.

Мамаша — Мар'я Пятроўна, маці С. З. Лыньковай-Куспіц.

Ніна Міхайлаўна — Н. М. Цітова.

...«Векопомные»...— Раман «Векапомныя дні».

Талкачэўскі — работнік Міністэрства гандлю БССР.
Люба — жонка М. Танка.

266

Друкуецца па арыгінале.
...*«шурую» рукопись.*— Раман «Векапомныя дні».
Жэня — жонка М. Лужаніна.
Посылаю «ЛіМ» с завершением моих «странствий по Индии».— У 1956 г. М. Лынькоў у складзе дэлегацыі БССР ездзіў у Індыю на IX канферэнцыю ЮНЕСКА (Міжнародная арганізацыя па пытаннях навукі, культуры і адукацыі). Дарожныя нататкі пісьменніка былі апублікаваны ў газ. «Літ. і мастацтва», 1957, 26 студз.; 13 лют.; 16 лют.; 20 лют.; 23 лют.; 27 лют.

267

Друкуецца па арыгінале.

268

Друкуецца па арыгінале.

269

Друкуецца па арыгінале.
...*будет продолжаться сессия.*— Сесія Вярхоўнага Савета БССР (28—30/V 1957 г.).
Маруся — М. П. Баранава, сяброўка С. З. Лыньковай-Куспіц.

270

Друкуецца па арыгінале.

271

Друкуецца па арыгінале.
...*фестивальные мероприятия...*—VI фестываль моладзі і студэнтаў міра адкрыўся ў Маскве 28 ліпеня 1957 г.
Максім — М. Танк.
Пятрусь — П. Броўка.
Лёля — жонка П. Броўкі.
Юрка — сын П. Броўкі.

272

Друкуецца па арыгінале.
Данілка Канстанцін Яфімавіч — выкладчык ВНУ.

273

Друкуецца па арыгінале.
Філатаў Уладзімір Пятровіч (1875—1956) — акадэмік АМН СССР.

274

Друкуецца па арыгінале.

275

Друкуецца па арыгінале.
У адпаведнасці з тэкстам пісьма выпраўлена памылка, дапушчаная аўтарам у датаванні: 28/XI 1957 г., замест 28/X 1957 г.

276

Друкуецца па арыгінале.
Второго тома романа в продаже еще нет...— Раман «Векапомныя дні».

277

Друкуецца па арыгінале.
Соф'я — С. З. Лынькова-Куспіц.
Тася — Анастасія Міхайлаўна, жонка П. С. Кабзарэўскага.
Аляксандр Андрэевіч — А. А. Пракоф'еў.
Анастасія Васільеўна — жонка А. А. Пракоф'ева.

278

Друкуецца па арыгінале.
Ларыса — дваюрадная сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.
Другой томик книги еще не готовый из печати...— Раман «Векапомныя дні».
Барысаў Павел Фёдаравіч — у той час міністр сельскай гаспадаркі БССР.
Ніна Міхайлаўна — Н. М. Цітова.
Маруся — М. П. Баранава.

279

Друкуецца па арыгінале.
Маруся — М. П. Баранава.
Серега — С. В. Прытыцкі.
Бранеўская Яніна (1904—1981) — польская пісьменніца.
...взял в издательстве корректуру второго тома первой книги.— Раман «Векапомныя дні».
Бажан Мікола (Мікалай Платонавіч; 1904—1983) — украінскі савецкі паэт.

280

Друкуецца па арыгінале.
...прапаноивала перакласці раман...— «Векапомныя дні».

Друкуецца па арыгінале.

Ганкевіч Цімафей Яўстаф'евіч — муж Аляксандры Захараўны, сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

...брал с собой корректуру.— Другі том першай кнігі рамана «Векапомныя дні».

282

Друкуецца па арыгінале.

283

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

Прозвішча адрасата не ўстаноўлена.

Павел Аляксандравіч — пачынаючы празаік.

Казакевіч Эмануіл Генрыхавіч (1913—1962) — рускі савецкі пісьменнік.

284

Друкуецца па арыгінале.

...абедзве кнігі рамана.— «Векапомныя дні».

Івашын Васіль Уладзіміравіч (н. 1913) — беларускі савецкі літаратуразнаўца, акадэмік АПН СССР.

Адамовіч Аляксандр Міхайлавіч (н. 1927) — беларускі савецкі пісьменнік і крытык, член-карэспандэнт АН БССР.

Кудраўцаў Іван Фёдаравіч (н. 1922) — беларускі савецкі літаратуразнаўца і крытык.

Пшыркоў Юльян Сяргеевіч (1912—1980) — беларускі савецкі літаратуразнаўца і крытык, доктар філалагічных навук, прафесар.

285

Друкуецца па арыгінале.

286

Друкуецца па арыгінале.

Мікалай — сын Мікалая, брата М. Лынькова.

287

Друкуецца па арыгінале.

288

Друкуецца па арыгінале.

289

Друкуецца па арыгінале.

290

Друкуецца па арыгінале.

...юбилейный вечер Гоголя...— 150-годдзе з дня нараджэння М. В. Гогаля.

Алена Канстанцінаўна — жонка К. Крапівы.

291

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

Упершыню — «Полымя», 1979, № 11.

Бугаёў Дзмітрый Якаўлевіч (н. 1929) — беларускі савецкі крытык і літаратуразнаўца.

Галавач Платон Раманавіч (1903—1937) — беларускі савецкі пісьменнік.

...*«Чырвоных лядаў»*...— Раман «На чырвоных лядах».

Варвашэня Іван Дзянісавіч (1904—1957) — партыйны і дзяржаўны дзеяч БССР.

Мазанік Алена Рыгораўна (н. 1914) — у Вялікую Айчынную вайну ўдзельніца падполля г. Мінска, Герой Савецкага Саюза.

Хведар Сілавіч Бужан (н. 1896) — беларускі савецкі пісьменнік.

...аказаў... падтрымку ў выданні яго кнігі.— Бужан Х. Леснікі.— Мн., 1932. У кнізе маецца прысвячэнне: Лепшаму таварышу — настаўніку, Міхасю Лынькову — прысвячаю.

292

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

Прозвішча адрасата не ўстаноўлена.

Аляксандр Іванавіч — пачынаючы аўтар.

293

Друкуецца па арыгінале.

Дата пісьма ўстаноўлена паводле слоў адрасата.

Максім — М. Танк.

Генадзь — пляменнік С. З. Лыньковай-Куспіц.

294

Друкуецца па арыгінале.

Алер — у той час дырэктар Літфонда СП БССР.

Валодзя — шафёр.

295

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

Упершыню — «Полымя», 1979, № 11.

296

Друкуецца па арыгінале.

297

Друкуецца па арыгінале.

Марыя Аляксандраўна — маці З. У. Півушковай.

298

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

299

Друкуецца па арыгінале.

Дата ўстаноўлена па зместу пісьма і паводле слоў адрасата.

Посылаю... папку рукописи.— Раман «Векапомныя дні».

Арцёмік — шафёр.

...по моем отъезде с юбилея...— 60-годдзе з дня нараджэння М. Лынькова.

Мікалай — брат М. Лынькова.

300

Друкуецца па арыгінале.

Упершыню — часоп. «Беларусь», 1978, № 7.

Куляшоў Фёдар Іванавіч (н. 1913) — беларускі і рускі савецкі літаратуразнаўца.

301

Друкуецца па арыгінале.

302

Друкуецца па арыгінале.

Камісараў Павел Лук'янавіч (н. 1896) — настаўнік.

...получить письмо... от однокашника...— М. Лынькоў вучыўся разам з П. Л. Камісаравым у Рагачоўскай настаўніцкай семінарыі.

Рагавой Павел Пракопавіч (н. 1895) — беларускі савецкі вучоны ў галіне глебазнаўства. Акадэмік АН БССР.

303

Друкуецца па арыгінале.

304

Друкуецца па арыгінале.

...доклад к чеховскому юбилею...—100-годдзе з дня нараджэння А. П. Чэхава.

Бабушка — Мар'я Пятроўна, маці С. З. Лыньковай-Куспіц.

...мне вручили мой новый орден.— Ордэн Працоўнага Чырвонага Сцяга.

305

Друкуецца па арыгінале.

Парукаў Нічыпар Ільіч — знаёмы М. Лынькова.

306

Друкуецца па арыгінале.

Тычына Паўло Рыгоравіч (1891—1967) — украінскі савецкі паэт.

307

Друкуецца па арыгінале.

Поля — Пелагея Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

Лена — дачка Пелагеі Ціханаўны.

Анна Ціханаўна — сястра М. Лынькова.

Вторая книга романа...— «Векапомныя дні».

Лена — дачка Мікалая, брата М. Лынькова.

Генадзь — сын Юліі Захараўны, сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

Мікалай Мікалаевіч — сын Мікалая, брата М. Лынькова.

308

Друкуецца па арыгінале.

Глінкін Павел Яўгенавіч — рэдактар Дзяржаўнага выдавецтва мастацкай літаратуры (Масква).

Посылаю... листы моего сборника рассказов.— Лыньков М. Рассказы.— М.— Л., 1961.

309

Друкуецца па арыгінале.

Максім — М. Танк.

Лёнік — сын І. Д. Гурскага.

Аркадзь — А. Куляшоў.

Маруся — жонка І. Д. Гурскага.

310

Друкуецца па арыгінале.

311

Друкуецца па арыгінале.

312

Друкуецца па арыгінале.

Танк Максім (Скурко Яўген Іванавіч; н. 1912) — народны паэт БССР і грамадскі дзеяч.

Любоў Андрэеўна — жонка М. Танка.

Валодзя — шафёр.

Іван Іванавіч — Грамовіч (н. 1918) — беларускі савецкі пісьменнік.

...юбілей Л. М. Талстога...—50-годдзе з дня смерці Л. М. Талстога.

Кузьма Венядзіктавіч — К. В. Кісялёў.

Валодзя Грэкаў — работнік Міністэрства замежных спраў БССР.

313

Друкуецца па арыгінале.
Скурко Любоў Андрэеўна (н. 1912) — жонка М. Танка.

314

Друкуецца па арыгінале.
Кузьма Венядзіктавіч — К. В. Кісялёў.

315

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.
Бэндэ Лука Апанасавіч (1903—1961) — беларускі літаратурны крытык.
...задержался с отсылкой переводов...— Л. А. Бэндэ перакладаў на рускую мову некаторыя апавяданні М. Лынькова.
...готовил доклад к юбилейной дате Л. Н. Толстого.—50-годдзе з дня смерці Л. М. Талстога.

316

Друкуецца па арыгінале.
...был я председателем юбилейной комиссии по юбилею Л. М. Толстого...— 50-годдзе з дня смерці Л. М. Талстога.

317

Друкуецца па арыгінале.

318

Друкуецца па арыгінале.

319

Друкуецца па арыгінале.

320

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

321

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.
Адносна... ганарару за зборнік...— Л. А. Бэндэ перакладаў на рускую мову некаторыя апавяданні М. Лынькова.

322

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

323

Друкуецца па арыгінале.

Прафесар, Лёнька — прыёмны сын М. Лынькова.

...юбилейный вечер Шевченко...— 100-годдзе з дня смерці Т. Р. Шаўчэнкі.

Даніла Канстанцінавіч — Д. К. Міцкевіч, сын Я. Коласа.

324

Друкуецца па арыгінале.

325

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва БССР.

...наша літаратурная грамадскасць пачала багата гаварыць і аб тваіх памылках...— У свой час Л. А. Бэндэ выступаў у друку з пазіцый вульгарна-сацыялагічнай крытыкі.

Чачот Ян (1796—1847) — беларускі і польскі паэт, фальклярыст.

326

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў сямейным архіве І. П. Мележа.

Мележ Іван Паўлавіч (1921—1976) — народны пісьменнік БССР.

...віншую і з добрым раманам.— Раман І. П. Мележа «Людзі на балоце».

327

Друкуецца па арыгінале.

Дата ўстаноўлена прыблізна, паводле слоў адрасата.

Гурэвіч Эсфір Саламонаўна (н. 1921) — старшы навуковы супрацоўнік Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР, доктар філалагічных навук.

Супроць зместа тома ў мяне няма ніякіх пярэчанняў.— Размова ідзе пра кн.: Купала Я. Зб. тв.: У 6-ці т. Т. 5.— Мн., 1962. Рэдактар тома М. Ц. Лынькоў.

328

Друкуецца па арыгінале.

329

Друкуецца па арыгінале.

330

Друкуецца па арыгінале.

Владыкін — супрацоўнік выдавецтва (ГИХЛ).

331

Друкуецца па арыгінале.

Мікалай — М. Ц. Лынькоў.

Телеграмму (текст) Максиму посылаю... — У канцы пісьма рукою аўтара напісан тэкст віншавальнай тэлеграмы М. Танку ў сувязі з яго 50-годдзем.

332

Друкуецца па арыгінале.

Дата дапоўнена ў адпаведнасці са зместам пісьма.

Брыль Янка (Іван Антонавіч; н. 1917) — народны пісьменнік БССР.

333

Друкуецца па арыгінале.

Кузьма Венядзіктавіч — К. В. Кісялёў.

Путрамант Ежы (н. 1910) — польскі пісьменнік і грамадскі дзеяч.

...правялі мы юбілейныя коласаўскія дні. — 80-годдзе з дня нараджэння Я. Коласа.

334

Друкуецца па арыгінале.

Савіцкі Іван Малахавіч — настаўнік Малчанаўскай васьмігадовай школы Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці.

...Вашу кнігу яны абавязкова надрукуюць... — Кніга І. М. Савіцкага «Кніжка-малышка» для вучняў 1-га класа.

335

Друкуецца па арыгінале.

Фёдар Малахавіч — Ф. М. Вішнеўскі.

Марыя Ігнацьеўна — урач.

Маруся — Марыя Захараўна, сястра С. З. Лыньковай-Куспіц.

Максімка — сын М. Танка.

Максім — М. Танк.

336

Друкуецца па арыгінале.

Софья — С. З. Лынькова-Куспіц.

Геля — муж Надзі, прыёмнай дачкі М. Лынькова.

337

Друкуецца па арыгінале.

Шаура Васіль Філімонавіч (н. 1912) — савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч.

338

Друкуецца па арыгінале.

Казека Янка (Іван Дарафеевіч; н. 1915) — беларускі савецкі крытык і літаратуразнаўца. У той час працаваў галоўным рэдактарам Дзяржаўнага выдавецтва БССР.

339

Друкуецца па арыгінале.

340

Друкуецца па арыгінале.

341

Друкуецца па арыгінале.

Калачынскі Міхась (Міхаіл Іванавіч; н. 1917) — беларускі савецкі пісьменнік.

342

Друкуецца па арыгінале.

Бур'ян Барыс Іванавіч (н. 1924) — беларускі савецкі пісьменнік і перакладчык.

Перевод Ваш прочел...— Пераклад аповесці «Міколка-паравоз».

343

Друкуецца па арыгінале.

344

Друкуецца па арыгінале.

345

Друкуецца па арыгінале.

Кір'янаў Сяргей Леанідавіч — у той час супрацоўнік выдавецтва «Советский писатель».

346

Друкуецца па арыгінале.

...сокращаем сие «творение»...— Раман «Векапомныя дні».

347

Друкуецца па арыгінале.

348

Друкуецца па арыгінале.

Навуменка Іван Якаўлевіч (н. 1925) — беларускі савецкі пісьменнік і літаратуразнаўца, акадэмік АН БССР, віцэ-прэзідэнт АН БССР.

349

Друкуецца па арыгінале.

350

Друкуецца па арыгінале.

351

Друкуецца па арыгінале.

352

Друкуецца па арыгінале.

Аня — Анна Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

353

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата (Радзееўская васьмігадовая школа Буда-Кашалёўскага раёна Гомельскай вобласці).

354

Друкуецца па арыгінале.

355

Друкуецца па арыгінале.

356

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

Лапіцкая Вольга Аляксееўна (н. 1930) — выкладчыца беларускай мовы і літаратуры ў Радзееўскай васьмігадовай школе Буда-Кашалёўскага раёна Гомельскай вобласці.

357

Друкуецца па арыгінале.

358

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

359

Друкуецца па арыгінале.

360

Друкуецца па арыгінале.

Качурын Павел Іванавіч — рэдактар зб.: Лыньков М. Рассказы.— Л., 1968.

361

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

362

Друкуецца па арыгінале.

Ус Аляксандра Паўлаўна (н. 1909) — у той час галоўны рэдактар часоп. «Работніца і сялянка».

363

Друкуецца па арыгінале.

364

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

Дата ўстаноўлена па зместу пісьма і запісной кніжцы М. Лынькова.

Мар'я Уладзіміраўна — М. У. Браншгэйн, жонка Браншгэйна Якава Анатольевіча (1897—1938), беларускага крытыка і літаратуразнаўцы.

365

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

366

Друкуецца па арыгінале.

Дата ўстаноўлена па зместу пісьма.

367

Друкуецца па арыгінале.

368

Друкуецца па арыгінале.

Ксана Фёдараўна — жонка А. Куляшова.

369

Друкуецца па арыгінале.

Гарбачова Таццяна Якаўлеўна — рэдактар выдавецтва «Советский писатель». Рэдагавала раман «Векапомныя дні» на рускай мове ў 1968 і 1979 гг.

370

Друкуецца па арыгінале.

371

Друкуецца па арыгінале.

Лесючэўскі Мікалай Васільевіч — супрацоўнік выдавецтва «Советский писатель».

372

Друкуецца па арыгінале.

373

Друкуецца па арыгінале.

Ірунька — унучка М. Лынькова.

Саша — сын А. Куляшова.

374

Друкуецца па арыгінале.

Бажанава — урач.

Баслык Уладзімір Яўгенавіч — урач.

Издательство прислало корректуру четвертого тома... — Раман «Векапомныя дні».

Ксана — К. Ф. Куляшова.

Лёнька — прыёмны сын М. Лынькова.

Яўген Іванавіч — М. Танк.

...большая Ира... — хатняя работніца А. Куляшова.

375

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

Соф'я — С. З. Лынькова-Куспіц.

Марыя Восіпава — Осіпава Марыя Барысаўна (н. 1909) — удзельніца Мінскага камуністычнага падполля і партызанскага руху на тэрыторыі Мінскай вобласці ў гады Вялікай Айчыннай вайны, Герой Савецкага Саюза.

376

Друкуецца па арыгінале.

Упершыню — кн.: Святло яго душы: Успаміны пра Міхася Лынькова.— Мн., 1979.

Датуецца паводле слоў адрасата.

...адна назва настройвае на паэтычны лад.— «Рэчанька», калгасны дом адпачынку над Шчарай.

Максім — М. Танк.

Ніна Міхайлаўна — жонка Я. Брыля.

377

Друкуецца па арыгінале.

Грамовіч Іван Іванавіч (н. 1918) — беларускі савецкі пісьменнік.

378

Друкуецца па арыгінале.

379

Друкуецца па арыгінале.

Караваева Анна Аляксандраўна (1893—1979) — руская савецкая пісьменніца.

380

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

381

Друкуецца па арыгінале.

Данілка Апанас Яфімавіч — літаратуразнаўца.

Канстанцін Яфімавіч — брат А. Я. Данілкі.

382

Друкуецца па арыгінале.

Гусеў Сілан (Сіла Нікіфаравіч; н. 1897) — беларускі савецкі пісьменнік.

383

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

384

Друкуецца па арыгінале.

Малышка Андрэй (Андрэй Самойлавіч; 1912—1970) —украінскі савецкі паэт.

385

Друкуецца па арыгінале.

Караткевіч Якаў Яфрэмавіч (н. 1898) — настаўнік, вучыўся з М. Лыньковым у Рагачоўскай настаўніцкай семінарыі.

Лепяшынскі Панцеляймон Мікалаевіч (1868—1944) — дзеяч рэвалюцыйнага руху, публіцыст.

...Литвиновичской школы Лепешинского...— П. М. Лепяшынскі ўлетку 1918 г. заснаваў і ўзначаліў Літвінавіцкую школу-камуну (Кармянскі раён Гомельскай вобласці).

Гутараў Іван Васільевіч (1906—1967) — беларускі савецкі літаратуразнаўца, доктар філалагічных навук, прафесар, член-карэспандэнт АН БССР.

386

Друкуецца па арыгінале.

Бычынскі Фёдар Лаўрэнцьевіч (н. 1908) — палкоўнік у адстаўцы. Былы вучань Свержанскай сямігодкі.

387

Друкуецца па арыгінале.

Канстанцін Юхімавіч — К. Я. Данілка, брат А. Я. Данілкі.

388

Друкуецца па арыгінале.

Новікаў Мяфодзій Якаўлевіч (н. 1899) — настаўнік, вучыўся разам з М. Лыньковым у Рагачоўскай настаўніцкай семінарыі.

389

Друкуецца па арыгінале.

390

Друкуецца па арыгінале.

Навасёлкаўская сярэдняя школа — Пастаўскі раён Віцебскай вобласці.

...дзякуй за павіншаванне з юбілеем...— 70-годдзе з дня нараджэння М. Лынькова.

391

Друкуецца па арыгінале.

Сухавіцкая сярэдняя школа — Калінкавіцкі раён Гомельскай вобласці.

392

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата (Пінкавіцкая сярэдняя школа імя Якуба Коласа Пінскага раёна Брэсцкай вобласці).

393

Друкуецца па арыгінале.

Ільічоўская сярэдняя школа Рагачоўскага раёна Магілёўскай вобласці.

...благодарю вас за ваше поздравление...— з 70-годдзем з дня нараджэння.

394

Друкуецца па арыгінале.

395

Друкуецца па арыгінале.

396

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).
Арыгінал — у адрасата.
Панамароў Валянцін Георгіевіч (н. 1923) — беларускі савецкі журналіст.
Арлоўскі Кірыла Пракопавіч (1895—1968) — старшыня калгаса «Рассвет» Магілёўскай вобласці, Герой Савецкага Саюза, Герой Сацыялістычнай Працы.

397

Друкуецца па арыгінале.

398

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.
Алексяёнак Уладзімір Кузьміч — настаўнік.

399

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

400

Друкуецца па арыгінале.

401

Друкуецца па арыгінале.
Лаўрэнцій Пятровіч — бацька Ф. Л. Бычынскага.

402

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).
Быкаў Васіль Уладзіміравіч (н. 1924) — народны пісьменнік БССР.

403

Друкуецца па арыгінале.

404

Друкуецца па арыгінале.

405

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

406

Друкуецца па арыгінале.
Бронька — вартаўнік.

407

Друкуецца па арыгінале, які захоўваецца ў адрасата.
Грынчык Мікалай Міхайлавіч (н. 1923) — беларускі савецкі літаратуразнаўца, доктар філалагічных навук, прафесар.

408

Друкуецца па арыгінале.
Бужан Фёдар Лаўрэнцьевіч — знаёмы М. Лынькова.

409

Друкуецца па арыгінале.
Грамовіч Іван Іванавіч (н. 1918) — беларускі савецкі празаік.

410

Друкуецца па арыгінале.
Аня — Анна Ціханаўна, сястра М. Лынькова.

411

Друкуецца па арыгінале.
Марыя Мікалаеўна — жонка П. М. Баранава.

412

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).
Капіч Мікалай Фёдаравіч (н. 1918) — беларускі савецкі гісторык.
Прытыцкая Таццяна Іванаўна — жонка С. В. Прытыцкага.
Сяргей Восіпавіч — С. В. Прытыцкі.

413

Друкуецца па арыгінале.

414

Друкуецца па арыгінале.

Ілья — І. Д. Гурскі.
Зоя Мікалаеўна — нявестка К. Крапівы.
Ігар — сын К. Крапівы.
Алёна — унучка К. Крапівы.
Мікола — унук К. Крапівы.

415

Друкуецца па арыгінале.

Агеева Раіса Сяргееўна — супрацоўніца Аддзела культуры Лёзненскага раёна Віцебскай вобласці.

416

Друкуецца па арыгінале.

Дата пісьма дапоўнена паводле слоў С. З. Лыньковай-Куспіц.

Ганкевіч Цімафей Яўстаф'евіч — муж Аляксандры Захараўны, сястры С. З. Лыньковай-Куспіц.

Томачка і Ліна — дочкі Ц. Я. Ганкевіча.

417

Друкуецца па арыгінале.

Бурносаў Васіль Емяльянавіч (1914—1984) — беларускі савецкі крытык.

Згодны з Вашымі заўвагамі і папраўкамі...— Да рамана «Векапомныя дні».

...прашу Вас узяць... часовае шэфства над падрыхтоўкай да друку гэтага выдання.— В. Е. Бурносаў рэдагаваў раман «Векапомныя дні», які быў выдадзены на рускай мове: Лыньков М. Незабываемые дни.— Мн., 1974.

418

Друкуецца па арыгінале.

Загорская школа — Маладзечанскі раён Мінскай вобласці.

419

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

Прозвішча адрасата не ўстаноўлена.

Яўгенія Мікалаеўна — пачынаючы празаік.

420

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

421

Друкуецца па арыгінале.

422

Друкуецца па арыгінале.

423

Друкуецца па арыгінале.

424

Друкуецца па арыгінале.

425

Друкуецца па арыгінале.

426

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

427

Друкуецца па арыгінале.
Махнач Алесь (Аляксандр Іванавіч; н. 1922) — беларускі савецкі драматург.

428

Друкуецца па арыгінале.

429

Друкуецца па аўтографе (чарнавы рукапіс).

430

Друкуецца па арыгінале.
Судрабкалн Ян (Пейне Арвід; 1894—1975) — латышскі савецкі паэт.

431

Друкуецца па арыгінале.

432

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

433

Друкуецца па арыгінале.
Фаіна Навумаўна — сястра жонкі М. П. Рака.

434

Друкуецца па арыгінале.

435

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

436

Друкуецца па арыгінале.
Упершыню — часоп. «Маладосць», 1980, № 12.
...*«сустрэў і правёў» свой юбілей.*— 75-годдзе з дня нараджэння М. Лынькова было адзначана 30 лістапада 1974 г.

437

Друкуецца па арыгінале.
Лідзія Якаўлеўна — жонка І. П. Мележа.
У арыгінале аўтар памылкова напісаў: Антон замест: Іван.
...*«правёў» і свой юбілей.*— 75-годдзе з дня нараджэння.

438

Друкуецца па арыгінале.

439

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.

440

Друкуецца па фотакопіі.
Арыгінал — у адрасата.
...*ваш падарок.*— Альбом з фотаздымкамі.

441

Друкуецца па арыгінале.
Саламевіч Іван Уладзіміравіч (н. 1938) — супрацоўнік выдавецтва «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі.

442

Друкуецца па арыгінале.

Кохан Яўхім Іванавіч (н. 1912) — працаваў журналістам.

443

Друкуецца па арыгінале.

Буйло Канстанцыя (Калечыц Канстанцыя Антонаўна; н. 1899) — беларуская савецкая паэтэса.

444

Друкуецца па арыгінале.

445

Друкуецца па арыгінале.

446

Друкуецца па арыгінале.

Гарбук Вісарыён Сцяпанавіч (н. 1913) — беларускі савецкі пісьменнік.

447

Друкуецца па арыгінале.

448

Друкуецца па арыгінале.

Куляшоў Аркадзь Аляксандравіч (1914—1978) — народны паэт БССР.

Ксана Фёдараўна — жонка А. Куляшова.

449

Друкуецца па арыгінале.

450

Друкуецца па арыгінале.

Серафімаў Васіль Сцяпанавіч — знаёмы М. Лынькова.

451

Друкуецца па фотакопіі.

Арыгінал — у адрасата.

452

Друкуецца па арыгінале.
Галя — нявестка Мікалая, брата М. Лынькова.

453

Друкуецца па арыгінале.

454

Друкуецца па арыгінале.

ЛЕТАПІС ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ

1899

Лістапад, 18 (лістапад, 30).

У вёсцы Зазыбы Селюцкай валасці Віцебскага павета Віцебскай губерні (Лёзненскі раён Віцебскай вобласці) у селяніна Ціхана Васільевіча Лынькова і Алены Емяльянаўны Лыньковай (Бандарэнка) нарадзіўся сын Міхась.

Аўтабіяграфія, 1948.— Архіў М. Лынькова.

1905—1906

Ціхан Лынькоў пераехаў з сям'ёй на жыхарства ў чыгуначную казарму паміж станцыямі Магілёў і Латва.

Лынькоў М. З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

1906—1907

Бацькі М. Лынькова пераехалі на новае месца службы, у будку «на дзвесце трыццатай вярсце», у 10 кіламетрах ад Рагачова.

Аўтабіяграфія, 1948.— Архіў М. Лынькова.

1908

Вучыцца ў пачатковай школе ў в. Старое Сяло.

Аўтабіяграфія, 1948.— Архіў М. Лынькова.

1910

Скончыў пачатковую школу. У якасці ўзнагароды

за добрую вучобу атрымаў кніжку М. В. Гогаля «Вечары на хутары паблізу Дзіканькі».

Лынькоў М. З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

Па прапанове настаўніка Кірылы Іванавіча Бечына бацькі пасылаюць Міхася ў двухкласнае вучылішча пры Рагачоўскай настаўніцкай семінарыі.

Аўтабіяграфія.— У кн.: Пяцьдзесят чатыры дарогі. Мн., 1963, с. 263.

1913

Восень

Вытрымаў экзамен у настаўніцкую семінарыю. Вучыўся без стыпендыі. Таму летам працаваў на чыгунцы, зімой займаўся прыватнымі ўрокамі, быў рэпетытарам, працаваў на нафтаскладзе, на выгрузцы дроў, на розных выпадковых работах.

Аўтабіяграфія.— У кн.: Пяцьдзесят чатыры дарогі, с. 364.

У час вучобы ў семінарыі пачаў займацца літаратурнай творчасцю, пісаў вершы за подпісам «Лынчанка», паказваў іх сябрам і настаўнікам.

З успамінаў Р. І. Гуськова, які вучыўся ў семінарыі разам з М. Лыньковым. (Запіс захоўваецца ў Інстытуце літаратуры АН БССР.)

1917

1 лютага

Скончыў настаўніцкую семінарыю, атрымаў прызначэнне на пасаду настаўніка ў Ліпніцкую земскую школу (Буда-Кашалёўскі раён). Вёў заняткі ў школе адзін у чатырох групах, ездзіў і даставаў кнігі, арганізаваў першы ў вёсцы кааператыў, ездзіў за паўсотні кіламетраў сам за таварамі, за плугамі, сярпамі ў горад і сам, пакуль не падвучыў сабе змену, быў загадчыкам і сядзельцам кааператыўнай крамы ў летнія месяцы.

З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

1918

У час нямецкай акупацыі ўдзельнічаў у барацьбе з захопнікамі ў партызанскім атрадзе, арганізаваным з сялян в. Ліпнічы.

З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

1919

Пасля выгнання кайзераўскіх войск зноў працаваў настаўнікам у в. Ліпнічы.

З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

Лета — восень

Быў прызваны ў Чырвоную Армію. Служыў у запасным стралковым палку ў Вязьме, потым у Дарагабужы, дзе праходзіў вайсковую падрыхтоўку ў мінамётнай камандзе.

З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

Надрукаваў свой першы верш. Па ўспамінах М. Лынькова, газета, у якой верш друкаваўся, называлася «Борьба», выдавалася ў Смаленску, Вязьме або Дарагабужы. (Намі ўстаноўлена, што гэта магла быць дарагабужская газета «Коллективный путь», якая ў 1919 г. называлася «Борьба». У Смаленску і Вязьме газет з такой назвай не было. Нумар газеты з вершам Лынькова не адшуканы.)

«ЛіМ», 1974, 23 мая; З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

1919—1920

З 70-м стралковым палком 8-й дывізіі ўдзельнічаў у баях з белапалякамі, у паходзе на Варшаву. У арміі быў культурна-асветніцкім работнікам, пазней — упаўнаважаным па забеспячэнню палка і інжынерных часцей дывізіі.

З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

1921

Першая палова

Быў у складзе спецатрада 8-й стралковай дывізіі, які займаўся нарыхтоўкай прадуктаў і фуражу (раён Старадубска і Ноўгарад-Северска Чарнігаўскай губ.).

Камандзіраваўся на Урал (Перм, Чэлябінск), служыў у напаўвайсковай арганізацыі «Упрадгуб-Чэлябінскі».

З родных крыніц.— «Полымя», 1959, № 11.

1922

Ліпень

Дэмабілізаваўся, вярнуўся дадому. Хварэў. Пасля выздараўлення працаваў у Свержанскай няпоўнай сярэдняй школе.

Аўтабіяграфія, 1948.— Архіў М. Лынькова.

1923—1925

Працуючы ў школе, М. Лынькоў прымаў блізкі ўдзел у жыцці мястэчка, у працы сельсавета, камітэта ўзаемадапамогі, камсамольскай ячэйкі, у рабоце павятовай прафсаюзнай настаўніцкай арганізацыі. Чытаў лекцыі па асновах марксізма-ленінізма мясцовым камсамольцам.

З родных крыніц.— «Полымя», 1956, № 11.

Дасылаў першыя карэспандэнцыі, вершы ў газ. «Камуніст», стаў актыўным селькорам.

Аўтабіяграфія.— У кн.: Пяцьдзесят чатыры дарогі, с. 364.

1925

Напісаў дзе невялікія п'есы, якія паслаў у Мінск на конкурс. «Атрымаўшы рукапісы назад з рэзалюцыяй, што п'есы гэтыя можна дапусціць да выкарыстання ў гуртках самадзейнасці, расчараваны аўтар ад-

даў агню злашчасныя мае «трагікамедыі» і назаўсёды развітаўся з гэтым жанрам».

Аўтабіяграфія, 1948.— Архіў М. Лынькова.

Май

Акруговы камітэт Кампартыі Беларусі накіраваў М. Лынькова на працу ў рэдакцыю акруговай газ. «Камуніст». З мая 1925 г. працаваў сакратаром рэдакцыі.

Аўтабіяграфія, 1948.— Архіў М. Лынькова.

Май

Абран членам прэзідыума створанай у Бабруйску філіі «Маладняка». З 2 кастрычніка 1925 г.— кіраўнік філіі. Філія выдавала свой літаратурны альманах «Уздым».

Лынькоў М. Справаздача аб працы Бабруйскай філіі «Маладняка».— Архіў М. Лынькова.

25—29 лістапада

Прысутнічаў як прадстаўнік ад Бабруйскай філіі на I Усебеларускім з'ездзе «Маладняка».

1925—1930

У час працы ў рэдакцыі М. Лынькоў выступаў на старонках газеты з фельетонамі, артыкуламі, нататкамі, надрукаваў у 1925 г. некалькі вершаў. Часта бываў на прадпрыемствах, у вёсках, вёў работу з селькорамі, пачынаючымі літаратарамі. Арганізаваў выпуск літаратурных старонак «Літаратурны дасуг селяніна» (з 19 лістапада 1926 г.), «Наша творчасць», літаратурнага дадатка да газ. «Камуніст» — «Вясна».

1926

Чэрвень

У альманаху «Уздым» надрукавана апавяданне «З пражытых год» (урывак — у газ. «Камуніст», № 127).

Ліпень

Прыняты ў члены Камуністычнай партыі.

З родных крыніц.— «Полымя», 1956, № 11. Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР.

Восень

У альманаху «Уздым» надрукавана апавяданне «Гой».

30—31 снежня

Прысутнічаў на I Акруговым сходзе маладнякоўцаў Бабруйшчыны. 7 студзеня 1937 г. у газ. «Камуніст» надрукавана справаздача М. Лынькова пад загалоўкам «На Першым акруговым сходзе «Маладняка».

У 1926 г. М. Лынькоў ажаніўся с настаўніцай Х. А. Аранковай.

«Беларусь», 1978, № 7.

1927

Люты

У часоп. «Маладняк», № 2— апавяданне Васілька (М. Лынькова) «Гома».

Красавік

У часоп. «Маладняк», № 4— апавяданне «Чыгунныя песні». (Пад псеўданімам Васілёк.)

8 чэрвеня

У газ. «Савецкая Беларусь» — апавяданне «Крот».

17 чэрвеня

Газ. «Камуніст» пачала выходзіць з 17 чэрвеня за подпісам намесніка адказнага рэдактара М. Лынькова.

«Камуніст», 1927.

Чэрвень

У часоп. «Маладняк», № 6— апавяданне «Над Бугам».

Верасень

У часоп. «Маладняк», № 9— апавяданне М. Лынькова «У мястэчку».

21 кастрычніка

Прызначан адказным рэдактарам газеты. З 21 кастрычніка па 26 ліпеня 1930 г. газета выходзіла за подпісам «Адказны рэдактар М. Лынькоў».

Па іншых звестках (Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР) — з 1 кастрычніка 1928 г.

1928

15—18 лютага

Прысутнічаў на Усебеларускай канферэнцыі «Маладняка», абраны членам Цэнтральнага Бюро і дэлегатам на Усесаюзны з'езд ВАПП.

«Сав. Бел.», 15, 17—19 лют.

30 красавіка — 8 мая

Прысутнічаў на І Усесаюзным з'ездзе пралетарскіх пісьменнікаў як дэлегат з правам дарадчага голасу.

«Маладняк», № 5, с. 105—107.

У літаратурным дадатку да газ. «Савецкая Беларусь» друкуюцца апавяданні М. Лынькова «Воўчы лог» (№ 8), «Кларнет» (№ 13), «Беня-балагол» (№ 15).

Верасень

У часоп. «Маладняк», № 9— «Радо».

Кастрычнік

Выйшаў з друку ў выданні ЦБ «Маладняка» першы зборнік М. Лынькова «Апавяданні».

Лістапад

У часоп. «Маладняк», № 11— «Андрэй Лятун».

У другой кнізе альманаха «Уздым» — апавяданне «Журавель мой, журавель...»

1929

Сакавік

У часоп. «Маладняк», № 3 пачынае друкавацца аповесць «Апошні зверыядавец» (працяг у № 4—6).

8—15 мая

Прысутнічаў на IX Усебеларускім з'ездзе Саветаў, абраны кандыдатам у члены ЦВК.

«Сав. Бел.», 9, 14 мая;
«Звязда», 16 мая.

Май

Першы палёт на самалёце. М. Лынькоў апісаў яго

ў замалёўцы «На самалёце» (уражанні), надрукаванай у газ. «Камуніст», № 54.

Снежань

Выйшаў зборнік апавяданняў М. Лынькова «Гой».

1930—1932

Узначальваў БелАПП.

Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР.

1930

Май

Выйшла з друку кніга апавяданняў М. Лынькова «Андрэй Лятун».

26 ліпеня

Газ. «Камуніст» у апошні раз выйшла за подпісам «Адказны рэдактар Лынькоў».

Ліпень

Выйшла з друку аповесць «Апошні зверыядавец».

Ліпень — жнівень

Прызначан загадчыкам выдавецкага аддзела Беларускага дзяржаўнага выдавецтва (на гэтай пасадзе да 1 мая 1932 г.). З гэтага часу жыве ў Мінску. Згодна асабовай справы М. Лынькова (Архіў АН БССР), ён працаваў у выдавецтве з 1 студзеня 1930 г.

3 кастрычніка

Увайшоў у створанае Беларускае літаратурнае аб'яднанне Чырвонай Арміі і Флоту (БелЛАЧАФ).

«Звязда», 6 кастр.

1931

3—9 студзеня

Разам з А. Александровічам прымаў удзел у Тыдні Савецкай Беларусі ў Маскве. У час Тыдня ў Маскве праходзілі літаратурныя вечары, дыспуты з удзелам беларускіх пісьменнікаў.

«Звязда», 3—11 студз.; «Лит. газета», 4, 9, 14 студз.; «Полымя», № 1; «Рабочий», 3, № 1.

12—16 мая

На II пашыраным пленуме праўлення БелАПП абраны другім сакратаром праўлення.

«Звязда», 14—18 мая; «Маладняк», № 6—7.

13 мая

На станцыі Негарэлае ўдзельнічаў у сустрэчы прадстаўнікоў грамадскасці Мінска з М. Горкім, які вяртаўся з Італіі.

«Звязда», 14, 15 мая; «Чырвоная змена», 14, 15 мая; Артыкул «Максім Горкі». Машынапіс, датаваны 1968 г.— Архіў М. Лынькова.

23 жніўня

Удзельнічаў у аб'яднаным сходзе беларускіх пісьменніцкіх арганізацый сумесна з Усесаюзным з'ездам польскіх пралетарскіх пісьменнікаў і рабочымі масамі Мінска. Ад імя прэзідыума сходу ў ліку іншых падпісаў пратэст супраць рэпрэсій у Польшчы, Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне.

«Літ. газета», 25, 28 жн.; «Звязда», 17—19 жн.; «Сав. Бел.», 16, 22 жн.

25 лістапада — 1 снежня

Прысутнічаў на першай канферэнцыі Мінскай АПП. Выступаў з артыкулам «Аб творчых задачах» МінАПП.

«Звязда», 2 лістап.; «Сав. Бел.», 26, 27, 28 лістап.; «Літ. газета», 3 снеж.

Выйшла другое выданне аповесці «Апошні зверыядавец».

Выйшаў першы зборнік М. Лынькова «Выбраныя творы», у які ўвайшлі апавяданні і аповесць «Апошні зверыядавец».

На яўрэйскай мове выдадзен зборнік «Апавяданні».— Мн.: Дзяржвыдат БССР.

1932

8—22 лютага

Удзельнічаў у творчай дыскусіі МінАПП аб станоўчым героі, вобразе бальшавіка ў мастацкіх творах. Зрабіў уступны даклад.

«Чырвоная змена», 10, 25 лют.; «Сав. Бел.», 22 лют.

19 сакавіка

Выступіў з дакладам на І канферэнцыі Віцебскай АПП.

«Чырвоная змена», 24 сак.;
«Маладняк», № 4, с. 123.

15—17 красавіка

Выступаў ад імя БелАППа на І Акруговай літаратурнай канферэнцыі пагранаховы і войск АДПУ БССР.

25 красавіка

У Доме пісьменніка адкрыў творчую дыскусію ў БелАППе, прысвечаную пытанням крытыкі.

«Беларусь калгасная», № 4.

9 мая

У Доме пісьменніка выступіў з дакладам на сходзе, прысвечаным абмеркаванню пастановы ЦК ВКП(б) «Аб перабудове літаратурна-мастацкіх арганізацый».

«Сав. Бел.», 12 мая.

26 мая

У газ. «Звязда» — артыкул М. Лынькова, П. Галавача, Х. Дунца «На новым этапе» ў сувязі з пастановай ЦК ВКП(б) «Аб перабудове пісьменніцкіх арганізацый».

1 чэрвеня

На сходзе літаратурных арганізацый БССР прызначан адказным сакратаром Саюза савецкіх пісьменнікаў БССР (на гэтай пасадзе да 1 чэрвеня; па іншых звестках — да 1 сакавіка 1940 г.).

«Звязда», 6 чэрв.;
«Беларусь калгасная», № 5;
Асабовая справа М. Лынькова.—
Архіў АН БССР.

11 чэрвеня

У газ. «Звязда» — апавяданне «Саўка-агіцірнік».

Ліпень

У часоп. «Чырвоная Беларусь», № 14 — апавяданне «Квартырмайстар Бадай».

Ліпень — жнівень

Жыў у лагеры авіяэскадрыллі. Лётаў на самалёце. Напісаў нарысы: «На баявым развароце» («Нарыс аб N-скай авіяэскадрыллі імя Ф. Э. Дзяржынскага»; часоп. «Напагатове»), «Над зямлёй» («Звязда», № 178)

і «Крыху паветранай рамантыкі» («Чырвоная Беларусь», № 19).

Жнівень

У часоп. «Беларусь калгасная» — «Салавей-разбойнік».

Да 18 жніўня

Увайшоў у склад Усесаюзнага аргкамітэта Саюза савецкіх пісьменнікаў СССР.

«Правда», 18 жн.;
«Лит. газета», 23 жн.

30 жніўня

Выязджаў у лагер 2-й Беларускай дывізіі, дзе выступаў з чытаннем сваіх твораў разам з А. Вольным, П. Глебкам і С. Шушкевічам.

«ЛіМ», 10 верас.

10 верасня

Выступаў на ўрачыстым вечары, прысвечаным 50-годдзю з дня нараджэння Я. Купалы.

«Звязда», 13 верас.

11 верасня

Быў у Я. Купалы з дэлегацыяй Саюза савецкіх пісьменнікаў Беларусі, якая вітала паэта з юбілеем.

«Звязда», 14 верас.

9 кастрычніка

У складзе дэлегацыі беларускіх пісьменнікаў выехаў на адкрыццё Днепрагэса. Дэлегацыя прыняла ўдзел у сустрэчы ўкраінскіх, рускіх і беларускіх пісьменнікаў з паэтамі-будаўнікамі Днепрагэса.

«Літ. газета», 31 кастр.

12 кастрычніка

Прысутнічаў на сустрэчы беларускіх пісьменнікаў з украінскімі (на нечарговым урачыстым пленуме аргкамітэта ССП Украіны, Харкаў). Пленум быў прысвечаны 50-годдзю Я. Купалы і пытанням творчых сувязей паміж літаратурнымі арганізацыямі Украіны і Беларусі.

«Літ. газета», 31 кастр.

12—13 кастрычніка

Беларускія пісьменнікі пабывалі ў літаратурных арганізацыях Украіны, наведалі Харкаўскі трактарны і

Краматорскі машынабудаўнічы заводы, Літаратурны інстытут імя Т. Шаўчэнкі.

«Літ. газета», 31 кастр.

26 кастрычніка

У газ. «Савецкая Беларусь» выступіў з нарысам «Агні вялікай станцыі», прысвечаным адкрыццю Днепрагэса.

19 лістапада

У «ЛіМе» пад ініцыяламі М. Л. перадавы артыкул «Пленум найвялікшых перамог» (аб I пленуме Усесаюзнага аргкамітэта Саюза савецкіх пісьменнікаў СССР).

15 снежня

На ўрачыстым вечары, прысвечаным 50-годдзю з дня нараджэння Я. Коласа, выступіў з прывітаннем.

«Звязда», 11, 15, 18, 23 снеж.;
«ЛіМ», 23 снеж.

У 1932 г. выйшла другое выданне зб. апавяданняў «Андрэй Лятун».

1933

Студзень

У часоп. «Заклік», № 1 — апавяданне «Талісман».

Сакавік

Часоп. «Полымя рэвалюцыі» з № 2—3 пачаў друкаваць раман М. Лынькова «На чырвоных лядах» (працяг і заключэнне першай кнігі — у № 4—10).

Чэрвень

Прызначан адказным рэдактарам часоп. «Полымя рэвалюцыі».

«Полымя рэвалюцыі», № 6.

Па іншых крыніцах — 1 сакавіка 1934 г. (Лынькоў М. Семінарый), 1 сакавіка 1933 г. (Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР). Рэдактарам часопіса М. Лынькоў быў да лістапада 1940 г.

29 ліпеня

Выступаў на заключным пасяджэнні вытворчай нарады па пытаннях паэзіі ў Аргкамітэце ССП БССР.

«ЛіМ», 13 жн.

31 ліпеня

Выступіў з дакладам на агульным сходзе пісьменнікаў Мінска, прысвечаным падрыхтоўцы да з'езда ССП БССР.

«ЛіМ», 13 жн.

Жнівень

З дэлегацыяй беларускіх пісьменнікаў выязджаў на будаўніцтва Беламорска-Балтыйскага канала.

«Звязда», 24 жн.

24 верасня

У Доме пісьменніка выступіў на вечары, прысвечаным адкрыццю Беламорска-Балтыйскага канала.

«Звязда», 28 верас.

29 кастрычніка — 3 лістапада

Удзельнічаў у рабоце Першага пленума Аргкамітэта Саюза савецкіх пісьменнікаў СССР. Абраны членам прэзідыума ССП СССР.

«Лит. газета», 29 кастр.; 5, 11 лістап.; «Звязда», 16 лістап.

Лістапад

У часоп. «Полымя рэвалюцыі», № 11 — апавяданне «Баян».

Снежань

«Полымя рэвалюцыі», № 12 — апавяданне «Сінія галіфэ».

У 1933 г. выйшлі з друку кнігі: 3-е выданне «Андрэй Лятун» (апавяданні), «Саўка-агіцірнік» (апавяданні); трэцяе выданне аповесці «Апошні зверыядавец».

1934

У 1934—1935 гг. М. Лынькоў выкладаў беларускую і рускую літаратуру ў закрытай школе КПЗБ. Сярод слухачоў школы былі В. З. Харужая і С. В. Прытыцкі.

«ЛіМ», 1975, 23 мая; Успаміны М. Лынькова пра Прытыцкага ў кн.: Жизнь, отданная народу. Мн.: Беларусь, 1978, с. 178.

15 студзеня

Выступаў на вечары, прысвечаным 25-годдзю літаратурнай дзейнасці З. Бядулі.

«ЛіМ», 31 студз.

20 студзеня

У газ. «Літаратура і мастацтва» змешчаны дарожныя нататкі М. Лынькова «На вялікай хвалі» (аб паездцы на Беламорска-Балтыйскі канал).

23—26 красавіка

На II пашыраным пленуме Аргкамітэта ССП БССР з дакладамі, прысвечанымі разгляду першай часткі рамана М. Лынькова «На чырвоных лядах», выступілі Я. Колас і М. Піятуховіч.

«ЛіМ», 26 крас.; 6 мая.

8 мая

Прыняў удзел у радыёпераклічцы Мінска, Віцебска, Гомеля, прысвечанай падрыхтоўцы да I з'езда пісьменнікаў БССР.

«ЛіМ», 12 мая.

8 мая

Быў прыняты ў Саюз савецкіх пісьменнікаў БССР.

«ЛіМ», 12 мая.

Чэрвень

Выйшла з друку кніга М. Лынькова «Выбраныя творы».

«Летапіс друку БССР», № 6.

8—14 чэрвеня

Прымаў удзел у рабоце I Усебеларускага з'езда пісьменнікаў.

«Звязда», 9, 10, 14, 15 чэрв.; «ЛіМ», 12, 18 чэрв.

2 жніўня

Выступаў на II пленуме ССП БССР.

«ЛіМ», 7 жн.

17 жніўня — 1 верасня

У складзе дэлегацыі ССП БССР прысутнічаў на I Усесаюзным з'ездзе савецкіх пісьменнікаў.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей/Стеногр. отчет.—М., 1935; «Известия», № 234.

23 жніўня

Выступаў на вячэрнім пасяджэнні I з'езда савецкіх пісьменнікаў. Даклад надрукаваны ў «Звяздзе» ад 11 верасня, у «Правде» ад 25 жніўня.

«Звязда», 26 жн.

У час знаходжання ў Маскве разам з дэлегацыяй беларускіх пісьменнікаў на дачы ў М. Горкага.

Аўтабіяграфія.— У кн.: Пяцьдзесят чатыры дарогі, с. 365.

15 верасня

Прысутнічаў на сустрэчы дэлегатаў I Усесаюзнага з'езда савецкіх пісьменнікаў з членамі Бюро ЦК КП(б)Б.

«Звязда», 17 верас.; «ЛіМ», 12 кастр., «Лит. газета», 20 кастр.

16 верасня

Выступаў з дакладам у клубе імя У. І. Леніна ў Гомелі на сходзе партыйнага і камсамольскага актыву. М. Лынькоў прыехаў у Гомель у складзе брыгады ССП БССР.

17 верасня адбылося яшчэ некалькі сустрэч, у якіх прымалі ўдзел дэлегаты I з'езда пісьменнікаў СССР.

«ЛіМ», 24 верас.

19 верасня

Разам з Я. Коласам, М. Галодным, П. Галавачом, А. Александровічам выступаў на сходзе партыйнага, прафсаюзнага і камсамольскага актыву г. Мінска са справаздачай аб рабоце I Усесаюзнага з'езда савецкіх пісьменнікаў.

«Звязда», 21 верас.

4 кастрычніка

У Доме партактыву выступаў на сустрэчы работніц-ударніц з беларускімі пісьменнікамі, арганізаванай Мінскім гаркомам КП(б)Б і часоп. «Работніца і калгасніца Беларусі». Выступалі таксама М. Чарот, П. Глебка, А. Александровіч.

«Работніца і калгасніца Беларусі», № 19, с. 2.

26 кастрычніка

У Доме пісьменніка выступаў на сустрэчы пісьменнікаў са знатнымі людзьмі калгасаў Мінскага раёна. На сустрэчы прысутнічалі А. Александровіч, К. Крапіва, Я. Купала, Я. Колас, М. Зарэцкі, М. Чарот.

«Звязда», 28 кастр.; «ЛіМ», 31 кастр.

В 1934 г. выйшла асобным выданнем першая част-

ка рамана М. Лынькова «На чырвоных лядах», а таксама кніга «На вялікай хвалі» (апавяданні).

У «Антологии белорусской литературы» (М.: ОГИЗ, 1934) змешчана на рускай мове апавяданне М. Лынькова «Боян». Прыведзены таксама кароткія звесткі аб пісьменніку і спіс яго твораў.

У Мінску на польскай мове выдадзены аповесць «Апошні зверыядавец» і зборнік апавяданняў «Андрэй Лятун».

1935

15 лютага

На вечары, прысвечаным праблемам сучаснай беларускай навелы, М. Лынькоў, К. Чорны, В. Каваль, Я. Скрыган, С. Знаёмы і іншыя чыталі свае творы.

«ЛіМ», 23 лют.

21 лютага

У газ. «Звязда» змешчан артыкул «На лыжы ў паветры».

26 лютага

М. Лынькоў быў у складзе групы пісьменнікаў, якая вітала III з'езд рабселькораў БССР.

«ЛіМ», 28 лют.

28 лютага

У складзе беларускай дэлегацыі выязджаў у Маскву на II пленум праўлення ССП СССР. Пленум праходзіў з 3 па 7 сакавіка.

«ЛіМ», 27 лют.

Да 20 красавіка

У Смаленску ў абласным дзяржаўным выдавецтве на рускай мове выйшаў зборнік «Проза Советской Белоруссии». У ім надрукавана апавяданне М. Лынькова «Баян».

28 мая

Ад імя маладога пакалення беларускіх пісьменнікаў вітаў Я. Коласа на вечары, прысвечаным 30-годдзю творчай дзейнасці народнага паэта БССР.

«Звязда», 29 мая.

Верасень

«Полымя рэвалюцыі», № 9 — аповесць М. Лынь-

кова «Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў».

23 кастрычніка

Выступіў з прывітаннем на вечары, прысвечаным 25-годдзю творчай дзейнасці З. Бядулі.

«ЛіМ», 24 кастр.

7 лістапада

У «ЛіМе» надрукаван урывак з аповесці «Міколка-паравоз» пад назвай «Як Міколка з царом пазнаёміўся».

Снежань

Выйшаў з друку зборнік апавяданняў М. Лынькова «Баян».

«Летапіс друку БССР», 1935, № 12.

На рускай мове выдадзена кніга апавяданняў М. Лынькова «На большой волне» (М.: Гослитиздат).

1935—1936

Пад рэдакцыяй М. Лынькова выходзіць раман М. Горкага «Маці» ў перакладзе на беларускую мову. Разам з Я. Коласам і З. Бядулем рэдагаваў таксама асобныя тамы Збору твораў М. Горкага на беларускай мове.

1936

10—16 лютага

Прысутнічаў на III пленуме праўлення ССП СССР. 12 лютага выступаў з прамовай.

«ЛіМ», 14 лют.; «Правда», 11—17 лют.

Да 24 лютага

У складзе дэлегацыі беларускіх пісьменнікаў прымаў удзел у святкаванні 15-годдзя Савецкай Грузіі ў Тбілісі.

«Лит. газета», 24 лют.

31 сакавіка

Прысутнічаў на сустрэчы беларускіх пісьменнікаў са школьнікамі калгаса імя К. Я. Варашылава Жлобінскага раёна, якія прыехалі на экскурсію. Прысут-

нічалі таксама М. Клімковіч, Я. Купала, М. Чарот, А. Александровіч, З. Бядуля, В. Каваль, А. Якімовіч, М. Хведаровіч і інш.

«ЛіМ», 7 крас.

20 красавіка

Узначаліў секцыю прозы ў Саюзе савецкіх пісьменнікаў БССР.

«ЛіМ», 21 крас.

20 чэрвеня

Выязджаў у Маскву ў складзе дэлегацыі БССР на пахаванне М. Горкага.

«ЛіМ», 27 чэрв.; «Правда», 20 чэрв.

Верасень

Прысутнічаў на манеўрах Беларускай ваеннай акругі ў складзе групы беларускіх пісьменнікаў (Я. Колас, А. Александровіч, П. Броўка, П. Глебка, І. Харык, а таксама А. Суркоў і В. Гусеў).

«Звязда», 10 верас.

28 верасня

М. Лынькоў і Я. Колас прысутнічалі на адкрыцці Мінскага Палаца піянераў.

«Звязда», 29 верас.

15 кастрычніка

Выбран членам-карэспандэнтам Акадэміі навук БССР.

Аўтабіяграфія.— У кн.: Пяцьдзесят чатыры дарогі, с. 365; Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР.

1937

Да 10 лютага

Выязджаў у Віцебск для выступленняў з дакладам пра А. С. Пушкіна, прысвечаным 100-годдзю з дня смерці паэта.

«Рабочий», 10 лют.

25—29 сакавіка

Прысутнічаў на сходзе пісьменнікаў БССР, прысвечаным абмеркаванню работы праўлення і задачам

ССП БССР у сувязі з падрыхтоўкай да 20-й гадавіны Вялікага Кастрычніка. Выступаў у спрэчках.

«ЛіМ», 3 крас.

5 мая

У «Правде» змешчан артыкул М. Лынькова і П. Галавача «По «Правде» учимся и растем».

19 чэрвеня

Абраны на XVI з'ездзе КП (б) Б кандыдатам у члены ЦК КП (б) Б.

«Звязда», 20 чэрв.

Чэрвень

У часоп. «Полымя рэвалюцыі», № 6 змешчана апавяданне М. Горкага «Маленькая» ў перакладзе М. Лынькова.

Ліпень

Абраны ў журы абвешчанага ЦК ЛКСМБ конкурсу на лепшы твор для дзяцей да XX гадавіны Вялікага Кастрычніка.

«Чырвоная змена», 6 ліп.

15 ліпеня

У «Литературной газете» нататка М. Лынькова і П. Галавача «Привет мужественным и смелым» (аб удзельніках пералёту Масква — Паўночны полюс — ЗША).

17 кастрычніка

У «ЛіМе» надрукаван урывак «Зварот на радзіму» з рамана «Сенька Сокал». Другі ўрывак «На даху вагона» быў надрукаваны ў «ЛіМе» 6—7 лістапада. Раман не быў надрукаваны поўнасцю, рукапіс не захаваўся.

26 кастрычніка

У «Литературной газете» артыкул Я. Купалы, Я. Коласа, М. Лынькова «Одной жизнью с великим советским народом».

24 снежня

З дэлегацыяй беларускіх пісьменнікаў прыехаў у Тбілісі для ўдзелу ў пленуме праўлення ССП СССР, прысвечаным 750-годдзю паэмы Ш. Руставелі «Віцязь у тыгравай скуры». Беларускія пісьменнікі наведалі

Батумі, Горы і іншыя гарады Грузіі. М. Лынькоў выступіў на пленуме.

«Полымя рэвалюцыі», 1938, № 1; «Сав. Бел.», 22 снеж.; «ЛіМ», 1938, 5 студз.

У 1937 г. выйшлі з друку казка-аповесць для дзяцей малодшага ўзросту «Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў», аповесць для дзяцей «Міколка-паравоз», апавяданне для дзяцей «Янка-парашутыст», зборнік «Баян», які ўключае апавяданні і аповесць «Апошні зверыядавец». У «Зборніку беларускай літаратуры», выдадзеным як хрэстаматыя для школ, змешчана аповесць «Міколка-паравоз».

1938

27 студзеня

На вечары, прысвечаным 750-годдзю паэмы Ш. Руставелі «Віцязь у тыгравай скуры», выступілі ўдзельнікі юбілейнага пленума ССП СССР Я. Колас і М. Лынькоў.

«Сов. Бел.», 29 студз.

27 сакавіка

У «ЛіМе» надрукаван артыкул М. Лынькова пра М. Горкага «Аляксей Максімавіч».

28 сакавіка

Выступіў на ўрачыстым пасяджэнні ГК КП (б) Б, гарсавета, АН БССР, ССП БССР, прысвечаным 70-годдзю з дня нараджэння М. Горкага.

«Полымя рэвалюцыі», № 3.

14 красавіка

Выступіў у Доме пісьменніка на вечары памяці У. Маякоўскага.

«ЛіМ», 16 крас.; «Полымя рэвалюцыі», № 4.

10—19 чэрвеня

На XVIII з'ездзе КП(б)Б. Выступаў з прамовай.

15 чэрвеня

Выступіў з прамовай на сустрэчы з выбаршчыкамі.

«ЛіМ», 16 чэрв.

Да 28 жніўня

На сходзе актыву Саюза савецкіх пісьменнікаў

БССР М. Лынькоў ва ўступным слове расказаў аб дзейнасці ССП БССР.

«ЛіМ», 28 жн.

1 верасня

Абраны старшынёй Саюза савецкіх пісьменнікаў БССР. (На гэтай пасадзе да 1 лістапада 1948 г.)

Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР.

5 кастрычніка

Прымаў удзел у абмеркаванні паэмы А. Куляшова «У зялёнай дуброве» на пасяджэнні праўлення ССП БССР.

«ЛіМ», 11 кастр.

15—17 лістапада

У Смаленску на нарадзе паэтаў Беларускай асобай ваеннай акругі (БАВА).

«ЛіМ», 23 лістап.

Снежань

Прыняў удзел у абмеркаванні п'есы Э. Самуйлёнка «Пагібель воўка» ў Саюзе савецкіх пісьменнікаў БССР.

«Лит. газета», 10 снеж.

Снежань

У часоп. «Полымя рэвалюцыі» — апавяданне «Пра маладосць».

У 1938 г. выйшла з друку кніга «Выбраныя апавяданні».

1939

Студзень

У часоп. «Полымя рэвалюцыі», № 1 — апавяданне «Няўдача Ота фон Гаўэра».

31 студзеня ў «Правде» — артыкул «Год работы» (да прыезду пісьменнікаў Беларусі ў Маскву).

1 лютага

Узнагароджан ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга.

«Правда», 1 лют.

5 сакавіка

У складзе дэлегацыі беларускіх пісьменнікаў вы-

ехаў у Кіеў для ўдзелу ва ўрачыстасцях у сувязі са 125-годдзем з дня нараджэння Т. Р. Шаўчэнкі.

6 сакавіка прымаў удзел у мітынгу на адкрыцці помніка.

«Правда», 7 сак.; «Звязда», 5, 8 сак.

10 сакавіка

Выступіў у Доме пісьменніка ў Мінску на мітынгу, прысвечаным адкрыццю XVIII з'езда ВКП (б).

«Звязда», 12 сак.

5 красавіка

Я. Купала, Я. Колас, М. Лынькоў, Э. Агняцвет сустрэліся на літаратурным вечары са студэнтамі Мінскага педагагічнага інстытута, чыталі свае творы. М. Лынькоў у прамове гаварыў аб творчасці маладых і пачынаючых аўтараў.

«Чырвоная змена», 8 крас.

14 красавіка

На партыйным сходзе ў ССП БССР выступіў з дакладам «Тварыць у гонар і славу камунізма».

«ЛіМ», 23/IV.

4—8 мая

У Кіеве прысутнічаў у складзе дэлегацыі беларускіх пісьменнікаў на пленуме праўлення ССП СССР, прысвечаным 125-годдзю з дня нараджэння Т.Р. Шаўчэнкі.

«Правда», 8 мая; «Звязда», 4, 10 мая; «Лит. газета», 5 мая.

18 чэрвеня

Выступаў з успамінамі на агульнагарадскім вечары памяці М. Горкага.

«ЛіМ», 23 чэрв.

Жнівень

Пад рэдакцыяй Я. Коласа і М. Лынькова ў выдавецтве АН БССР выйшла кніга «У вянок Т. Р. Шаўчэнка». Уступны артыкул «Паэт сусветнага імені» напісаў М. Лынькоў.

17 верасня

Пачаўся вызваленчы паход Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь, у якім прыняў удзел М. Лынькоў.

Аўтабіяграфія.— У кн.: Пяцьдзесят чатыры дарогі, с. 365.

1 кастрычніка

Выступіў на сходзе інтэлігенцыі г. Беластока.

«Звязда», 2 кастр.

3 кастрычніка

Выступіў у Доме пісьменніка на вечары, прысвечаным вызваленню Заходняй Беларусі.

«Сов. Бел.», 4 кастр.

14 кастрычніка

Адкрыў вечар, прысвечаны 125-годдзю [redacted] дня нараджэння М. Ю. Лермантава.

«Звязда», 15 кастр.

23 кастрычніка

У «Звяздзе» — апавяданне «Пра хлопчыка Яську».

15 лістапада

Прысутнічаў на сустрэчы групы пісьменнікаў Заходняй Беларусі з калектывам супрацоўнікаў рэдакцыі газ. «Звязда».

«Звязда», 16 лістап.

30 лістапада

У «Звяздзе» — апавяданне «Марыльчын шлях».

1940

Студзень

У часоп. «Полымя рэвалюцыі» — апавяданні «Сустрэчы» і «Капля малака».

Люты

У часоп. «Полымя рэвалюцыі» — апавяданні «Ядвісін дуб» і «Тры злоты».

Да 22 лютага

На пасяджэнні секцыі прозы абмяркоўваліся новыя апавяданні М. Лынькова (даклад М. Клімковіча).

«Чырвоная змена», 22 лют.

25 красавіка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

«Сов. Бел.», 26 крас.

Чэрвень

У часоп. «Полымя рэвалюцыі» — апавяданні «Тонкая сітуацыя», «Восеньскай ноччу».

5—15 чэрвеня

Прымаў удзел у дэкадзе беларускага мастацтва ў Маскве.

«Звязда», 18 чэрв.; «ЛіМ», 23 чэрв.

У час дэкады пісьменнікі прысутнічалі на літаратурных вечарах. 8 чэрвеня такі вечар адбыўся ў летніх лагерах Ваенна-палітычнай акадэміі. М. Лынькоў выступіў з прамовай.

«Чырвоная змена», 10 чэрв.

13 чэрвеня

Удзельнічаў у рабоце нарады па пытаннях літаратуры ў праўленні ССП СССР.

«Сов. Бел.», 15 чэрв.

16 чэрвеня

Прысутнічаў на пасяджэнні камісіі па драматургіі тэатра і кіно ў ССП СССР.

«Лит. газета», 18 чэрв.

18 чэрвеня

Выступіў у Парку культуры і адпачынку імя М. Горкага ў Дзень Савецкай Беларусі ў Маскве.

«Сав. Бел.», 20 чэрв.;
«Звязда», 20 чэрв.

Да 20 чэрвеня

Выступіў на пасяджэнні прэзідыума ССП СССР у Маскве, прысвечаным беларускай літаратуры.

«Лит. газета», 20 чэрв.

8 жніўня

Выступаў на сустрэчы ў рэдакцыі газ. «Звязда» з удзельнікамі курсаў маладых пісьменнікаў.

«Звязда», 9 жн.

Верасень

Выйшла кніга апавяданняў «Сустрэчы».

24 верасня

Выступіў на агульным сходзе пісьменнікаў у Бе-

ластоку, прысвечаным творчым вынікам першага года жыцця на вызваленай зямлі.

«ЛіМ», 28 верас.;
«Звязда», 26 верас.

25 верасня

Прысутнічаў на літаратурным вечары, прысвечаным гадавіне вызвалення Заходняй Беларусі.

«ЛіМ», 28 верас.

Пачатак кастрычніка

Узначаліў камісію па правядзенню 85-годдзя з дня смерці А. Міцкевіча.

«Звязда», 4 кастр.

29 кастрычніка

У Навагрудку прысутнічаў на першым пасяджэнні камісіі па правядзенню 85-годдзя з дня смерці А. Міцкевіча.

«Звязда», 30 кастр.

31 кастрычніка

Выступіў на абмеркаванні паэмы А. Куляшова «Хлопцы апошняй вайны» на партыйным сходзе ў ССП БССР.

«ЛіМ», 2 лістап.

4 лістапада

Разам з Я. Купалам наведаў музей А. Міцкевіча ў Навагрудку.

«ЛіМ», 23 лістап.

16 лістапада

Прысутнічаў на ўрачыстым пасяджэнні, прысвечаным 30-годдзю з дня смерці Л. М. Талстога.

«Звязда», 17 лістап.

21 лістапада

Выступаў на абмеркаванні рамана М. Паслядовіча «Паўстанне».

«Звязда», 22 лістап.

23 лістапада

Уступным словам адкрыў творчы вечар М. Танка ў мінскім Доме палітасветы.

«Сов. Бел.», 24 лістап.

Да 26 лістапада

Для ўдзелу ў мерапрыемствах, прысвечаных 85-год-

дзю з дня смерці А. Міцкевіча, выехаў у Навагрудак з дэлегацыяй пісьменнікаў.

«Звязда», 26 лістап.;
«ЛіМ», 30 лістап.

27 лістапада

У Навагрудку выступаў на сустрэчы пісьменнікаў з вучнямі школ горада.

«ЛіМ», 30 лістап.

27 лістапада

Прымаў удзел у сустрэчы пісьменнікаў з навучэнцамі педвучылішча, і рабочымі шклозавода «Нёман».

«Звязда», 29 лістап.

5 снежня

Уступным словам адкрыў у Мінску вечар, прысвечаны 85-годдзю з дня смерці А. Міцкевіча.

«Звязда», 7 снеж.

26 снежня

Выступіў у Маскве на вечары, прысвечаным 35-годдзю творчасці Я. Купалы.

«Полымя рэвалюцыі», 1941, № 1;
«Сов. Бел.», 27 снеж.

У 1940 г. аповесць «Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў» выйшла другім выданнем. Асобным выданнем выйшла апавяданне «Ядвісін дуб», а таксама кніга апавяданняў «Сустрэчы».

1941

14 студзеня

Выступіў на партыйным сходзе, прысвечаным абмеркаванню рашэнняў III Пленума ЦК КП (б) Б і пастановы ЦК КП (б) Б «Аб літаратурнай крытыцы і бібліяграфіі».

«ЛіМ», 18 студз.

15 сакавіка

Выступіў на нарадзе па пытаннях дзіцячай літаратуры, скліканай ЦК ЛКСМБ.

«Лит. газета», 6 крас.; «Сов. Бел.», 18 сак.

28 сакавіка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

«Звязда», 29 сак.

Да 14 мая

Выступіў на фабрыцы «Кастрычнік», чытаў апавяданні са зборніка «Сустрэчы».

«Чырвоная змена», 14 мая.

27 мая

Выступіў на адкрытым сходзе партарганізацыі ССП БССР, прысвечаным абмеркаванню работы з маладымі пісьменнікамі.

«ЛіМ», 31 мая.

Да чэрвеня

Выйшла з друку кніга «Выбраныя апавяданні».

5 чэрвеня

На пасяджэнні секцыі празаікаў прыняў удзел у абмеркаванні аповесці М. Паслядовіча «Магістральны канал».

«ЛіМ», 7 чэрв.

12 чэрвеня

Разам з Я. Купалам, П. Броўкам выехаў у Рыгу па запрашэнню Саюза савецкіх пісьменнікаў Латвійскай ССР.

«Чырвоная змена», 23 чэрв.; «Звязда», 13 чэрв.

13 чэрвеня

Выступіў у Латвійскім дзяржаўным універсітэце на інтэрнацыянальным вечары з дакладам аб беларускай літаратуры.

«Звязда», 13 чэрв.; «Сов. Бел.», 11 чэрв.

14—15 чэрвеня

Разам з Я. Купалам і П. Броўкам прысутнічаў на I з'ездзе пісьменнікаў Латвійскай ССР.

«Звязда», 13 чэрв.; «Лит. газета», 15 чэрв.

21 чэрвеня

Разам з Я. Купалам і П. Броўкам прыехаў у Вільнюс. Прысутнічалі на вечары літоўска-беларускай дружбы.

22 чэрвеня раніцай М. Лынькоў даведаўся аб пачатку вайны. Вярнуўся ў Мінск. Па позве ваенкамата накіраваны ў рэдакцыю армейскай газеты.

«ЛіМ», 1975, 23 мая.

З першых дзён вайны працаваў у газеце Заходняга фронту «Красноармейская правда», з ліпеня — рэдактар газ. «За Советскую Белоруссию» (да 1 лістапада 1942 г.).

Пісьмо В. Ф. Клешчанку ад 27/VIII 53 г.; Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР.

З пачатку вайны ў газетах «Савецкая Беларусь» і «За свабодную Беларусь», газеце-плакаце «Раздавім фашысцкую гадзіну» друкуюцца артыкулы і апавяданні М. Лынькова.

1942

Студзень

«...Новы год сустракаў у франтавым шпіталі».

З пісьма да Л. М. Федчанка ад 4.II.1942 г.

Да 19 студзеня

У Маскве прысутнічаў на сустрэчы беларускіх празаікаў і паэтаў з пісьменнікамі сталіцы. Выступаў з чытаннем новых твораў.

«Литература и искусство», 19 студз.

26—27 студзеня

Прымаў удзел у пасяджэнні прэзідыума праўлення Саюза савецкіх пісьменнікаў СССР.

«Литература и искусство», 3 лют.

1 красавіка

«Правда» змясціла апавяданне «Васількі».

Верасень

Сям'я Лынькова — жонка і сын і сям'я брата Рыгора расстраляны фашыстамі ў Старадарожскім раёне.

«Беларусь», 1978, № 7; Пісьмо да І. Д. Казекі ад 9.II.74 г.

7—8 жніўня

У Маскве на пленуме праўлення ССП БССР, прысвечаным творчасці беларускіх пісьменнікаў у гады

вайны, выступіў з дакладам «Беларускія пісьменнікі ў Вялікай Айчыннай вайне».

«Литература и искусство», 8, 15 жн.

19 жніўня

У М. Лынькова быў у гасцях славуты партызанскі камандзір М. Ф. Шмыроў (Бацька Мінай). М. Лынькоў чытаў яму «Баладу аб чатырох заложніках» А. Куляшова, надрукаваную 2 ліпеня 1942 г. у «Известиях».

З пісьма да Л. М. Федчанка ад 20 жніўня 1952 г.

Да 2 верасня

Выступіў у Маскве, у зялёным тэатры парка «Сакольнікі» на вечары беларускай літаратуры.

«Сав. Бел.», 2 верас.; «Литература и искусство», 5 верас.

27 верасня

Прысутнічаў на другім беларускім антыфашысцкім мітынгу.

З пісьма да Я. Садоўскага ад 10/X 42 г.

1 лістапада

Адклікан з рэдакцыі франтавой газеты ў распараджэнне ЦК ВКП (б) у Маскву.

Аўтабіяграфія.— Асабовая справа М. Лынькова. Архіў АН БССР.

Да 28 лістапада

Выйшаў зборнік «За Савецкую Беларусь» (М.: ГИХЛ, 1942). Уступны артыкул «Літаратура нянавісці і гневу» напісаны М. Лыньковым.

«Вечерняя Москва», 28 лістап.

У 1942 г. М. Лынькоў пачаў збіраць матэрыялы аб партызанскім руху на Беларусі для новага твора.

«Маладосць», 1959, № 12.

1943

Да 13 студзеня

Выступіў з дакладам «Пісьменнікі Беларусі ў Айчыннай вайне» ў Цэнтральным Доме работнікаў мастацтваў на літаратурным вечары, арганізаваным ССП БССР.

«Сов. Бел.», 18 студз.

Да 16 студзеня

Прымаў удзел у сходзе прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі ў Маскве.

«Сов. Бел.», 16 студз.

Да 13 лютага

Выступіў у праўленні ССП БССР на абмеркаванні новых твораў М. Танка, А. Бялевіча, Ц. Крысько (В. Вітка).

«Сов. Бел.», 13 лют.

Да 1 мая

Разам з К. Крапівой, П. Глебкам, А. Куляшовым і М. Танкам быў на прыёме ў сакратара ЦК КП (б) Б П. К. Панамарэнкі.

«Сов. Бел.», 1 мая.

8 мая

У газ. «Советская Белоруссия» надрукаван артыкул «Константин Заслонов».

Да 19 мая

Выйшаў на рускай мове зборнік апавяданняў «Васильки».

«Сов. Бел.», 19 мая.

23 чэрвеня

Выступіў на абмеркаванні новай паэмы М. Танка «Янук Сяліба» на творчым вечары паэтаў у маскоўскім клубе пісьменнікаў.

«Литература и искусство», 26 чэрв.;
«Сов. Бел.», 30 чэрв.

1 ліпеня

Выступіў на вечары, прысвечаным гадавіне з дня смерці Янкі Купалы, які адбыўся ў Канцэртнай зале імя Чайкоўскага (Масква), з дакладам «Вялікі паэт-грамадзянін».

«Сов. Бел.», 3 ліп.

16 верасня

Узнагароджан ордэнам «Чырвонай Зоркі».

«Сов. Бел.», 18 верас.

Да 22 снежня

Выступіў на сустрэчы грамадскасці г. Арэхава-Зуева з беларускімі партызанамі і работнікамі літаратуры і мастацтва БССР.

«Сов. Бел.», 23 снеж.

1944

Да 22 студзеня

У маскоўскім клубе савецкіх пісьменнікаў выступіў з дакладам на літаратурным вечары, прысвечаным 25-годдзю БССР.

«Литература и искусство», 22 студз.

5—7, 9 лютага

Удзельнічаў у рабоце праўлення ССП СССР (Масква), выступаў у спрэчках па дакладу М. Ціханава «Савецкая літаратура ў дні Айчыннай вайны».

«Литература и искусство», 12 лют.

21—26 сакавіка

Разам з Я. Коласам прымаў удзел у рабоце VI Сесіі Вярхоўнага Савета БССР у Гомелі.

«Сов. Бел.», 26 сак.; 15 крас.

10 мая

Быў прызначаны кіраўніком групы літаратуры і мовы ў АН БССР. Пасля пераезду ў Мінск установ Акадэміі навук БССР з гэтай групы ўтварыўся Інстытут мовы, літаратуры і мастацтва, дырэктарам якога да 16 лютага 1946 г. быў М. Лынькоў.

З загада № 42 АН БССР.— Асабовая справа М. Лынькова. Архіў АН БССР.

Ліпень, пачатак

Пабываў у канцлагеры «Трасцянец» як член камісіі па расследаванню злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў у Мінску.

«Звязда», 16 верас.

20 ліпеня

Зрабіў даклад на сходзе-сустрэчы беларускіх пісьменнікаў з работнікамі мастацтваў «Аб рабоце народа» «Беларуская паэзія перыяду Вялікай Айчыннай вайны».

«Литература и искусство», 22 ліп.

3 верасня

На жалобным мітынгу пры пахаванні савецкіх грамадзян, спаленых немцамі каля в. Трасцянец, выступіў з прамовай ад імя інтэлігенцыі рэспублікі.

«Звязда», 6 верас.

20 верасня

«Звязда» апублікавала Паведамленне Надзвычайнай Дзяржаўнай камісіі па ўстанаўленню і расследаванню злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў у Мінску.

Кастрычнік

Прымаў удзел у паездцы ў раён баёў.

«Полымя», 1945, № 6.

5 лістапада

Узнагароджан медалём «Партызану Айчыннай вайны» I ступені за актыўны ўдзел у арганізацыі партызанскага руху ў Беларусі.

Загад БШПР № 289 ад 5. XI 1944 г.;
«ЛіМ», 1945, 10 крас.

24 лістапада

Выступіў на пахаванні К. Чорнага.

«Звязда», 25 лістап.

29 лістапада

Пад назвай «На пераправе» газ. «Звязда» друкуе ўрывак, які пазней увайшоў у раман «Векапомныя дні».

У 1944 г. выходзіць з друку кніга апавяданняў «Астап». Асобным выданнем выходзіць нарыс «Герой Савецкага Саюза Канстанцін Заслонаў». На рускай мове выдадзены «Рассказы» (1942—1943).— М.: Госполитиздат.

1945

14— 15 студзеня

У Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Якуба Коласа адкрыў урачыстае пасяджэнне, прысвечанае 150-годдзю з дня нараджэння А. С. Грыбаедава.

«Звязда», 16 студз.

10 красавіка

У «ЛіМе» выступіў з артыкулам «Верная зброя народа» («Беларуская паэзія перыяду Вялікай Айчыннай вайны»).

Выйшаў з друку першы пасляваенны нумар часоп. «Полымя». М. Лынькоў — у складзе рэдкалегіі.

«ЛіМ», 20 мая.

З Мінска праз Маскву вылецеў у Сан-Францыска, дзе прымаў удзел у канферэнцыі ААН.

«З падарожжа ў Амерыку».— «Беларусь», 1945, № 9.

31 мая прысутнічаў на пасяджэнні II камісіі ААН.

«Звязда», 2 чэрв.

19 чэрвеня

У «Звяздзе» — артыкул «Аб культурных сувязях».

27 чэрвеня

Прысутнічаў на апошнім пленарным пасяджэнні канферэнцыі.

28 чэрвеня — 5 ліпеня

Вяртаецца з паездкі ў ЗША.

Ліпень

Напісаны нататкі «З падарожжа ў Амерыку». Друкуюцца ў часоп. «Беларусь», № 9 і ў «ЛіМе», 22 ліп.

Ліпень — верасень

У «Полымі» надрукаваны дарожныя нататкі 1944 г. «Шляхамі вайны».

16 верасня

У «Звяздзе» друкуецца артыкул «Векапомныя дні», прысвечаны вызваленню Заходняй Беларусі.

Кастрычнік

Прыняў удзел (разам з М. Танкам і М. Лужаніным) у рабоце пленума ССП Літвы.

«Беларусь», № 11—12, с. 95.

Кастрычнік

Ажаніўся з Соф'яй Захараўнай Куспіц.

З пісьма да М. І. Юфіт ад 3. XI 45 г.

27 снежня

Выступіў на пашыраным пленуме Саюза пісьменнікаў БССР з дакладам «Беларуская савецкая літаратура ў дні вайны і яе задачы ў перыяд аднаўлення народнай гаспадаркі».

«Звязда», 28 снеж.

1946

Да 10 студзеня

Узнагароджан медалём «За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне».

«ЛіМ», 10 студз.

18 лютага

Прызначан загадчыкам сектара літаратуры Інстытута мовы, літаратуры і мастацтва [1].

23 красавіка

Выступаў з лекцыяй аб беларускай літаратуры на курсах лектараў.

Да 27 мая

Выступаў на нарадзе ў Міністэрстве кінематаграфіі БССР, прысвечанай планаванню тэматыкі сцэнарыяў на пяць гадоў.

«ЛіМ», 27 мая.

14 чэрвеня

Прысутнічаў на вечары памяці М. Горкага ў бібліятэцы Дома ўрада.

18 чэрвеня

Уступным словам адкрыў вечар памяці М. Горкага ў Доме афіцэраў.

«ЛіМ», 22 чэрв.

28 чэрвеня

Выступаў з дакладам на купалаўскай гадавіне ў драмтэатры.

30 чэрвеня

Ездзіў у Вязынку з пісьменнікамі Л. Лявонавым, М. Клімковічам, В. Таўлаем на адкрыццё мемарыяльнай дошкі на доме, дзе жыў Я. Купала.

23—25 жніўня

На гарадской партканферэнцыі абран членам гаркома КП (б) Б.

---

[1] Далей звесткі з біяграфіі М. Лынькова пераважна падаюцца па яго дзённікавых запісах, якія захоўваюцца ў архіве сям'і пісьменніка. Іншыя крыніцы ўказваюцца асобна.

2 лістапада

Уступным словам адкрыў юбілейны вечар, прысвечаны 40-годдзю літаратурнай і грамадскай дзейнасці Я. Коласа.

6 лістапада

Выступаў з прывітаннем на ўрачыстым вечары Якуба Коласа ў Доме афіцэраў.

19 лістапада

На творчай секцыі празаікаў прыняў удзел у абмеркаванні апавяданняў А. Кулакоўскага.

25 лістапада

Удзельнічаў у абмеркаванні праектаў Дома-музея Янкі Купалы.

2 снежня

На Бюро Савета Міністраў БССР. Абмяркоўвалася пытанне аб 5-годдзі са дня смерці З. Бядулі і аб 125-годдзі з дня нараджэння М. А. Някрасава.

14 снежня

На вечары, прысвечаным 125-годдзю з дня нараджэння М. А. Някрасава, выступаў з дакладам.

1947

12—14 сакавіка

Удзельнічаў у рабоце I Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

24 сакавіка

Выступаў на пасяджэнні праўлення ССП БССР, прысвечаным падрыхтоўцы да 30-годдзя Вялікага Кастрычніка

«ЛіМ», 29 сак.

25 сакавіка

Прымаў удзел у рэдагаванні беларускага тэксту Канстытуцыі СССР.

Да 5 красавіка

Выступіў на партыйным сходзе ў ССП БССР.

«ЛіМ», 5 крас.

7 чэрвеня

Адкрыў вечар, прысвечаны 30-годдзю з дня смерці М. Багдановіча.

«Полымя», № 6.

12—13 чэрвеня

На агульнарэспубліканскім сходзе пісьменнікаў. Выступіў з дакладам «Ідэі патрыятызму ў беларускай дарэвалюцыйнай і савецкай літаратуры».

«ЛіМ», 14 чэрв.

15 чэрвеня

Выступаў з лекцыяй на семінары прапагандыстаў і лектараў абкомаў КП (б) Б.

19 чэрвеня

На партыйным сходзе ў ССП БССР выступіў з дакладам «XIV пленум ЦК КП (б) Б».

9—11 ліпеня

Удзельнічаў у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

15 жніўня — 15 верасня

З К. Крапівой працаваў над сцэнарыем кінафільма аб Заслонаве. Вывучаў матэрыялы Музея Вялікай Айчыннай вайны.

24 верасня

Сустрэча з Б. Гарбатавым. Прысутнічалі П. Броўка, П. Панчанка, М. Танк, П. Глебка.

25 верасня

На пасяджэнні прэзідыума Акадэміі навук БССР выступаў са справаздачай па аднатомніку «Гісторыя беларускай літаратуры».

1 кастрычніка

На Вучоным савеце Інстытута літаратуры прымаў удзел у абмеркаванні справаздач сектароў. Абмяркоўвалася таксама пытанне аб падручніку па літаратуры.

30 кастрычніка

На прэзідыуме АН БССР выступаў з інфармацыяй аб ходзе работы над аднатомнікам «Гісторыя беларускай літаратуры».

16 лістапада

На пленарным пасяджэнні сесіі Акадэміі навук

БССР выступаў з дакладам «Беларуская літаратура за 30 год».

23 лістапада

У «Звяздзе» выступіў з юбілейным артыкулам «Жадаю радасці, творчых удач», прысвечаным К. Крапіве.

29 лістапада

Выступаў на Пленуме ЦК КП(б)Б.

У 1947 г. выйшлі кнігі «Выбраныя апавяданні», «Міколка-паравоз», «Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў».

1948

На працягу года

Праца над першай кнігай рамана «Векапомныя дні».

З пісьма да Я. Мазалькова ад 23/X 1948 г.

12 студзеня

На пасяджэнні праўлення ССП БССР вызвален ад абавязкаў старшыні праўлення.

26 студзеня

Выступаў з лекцыяй аб беларускай літаратуры на міжабласной нарадзе сакратароў і прапагандыстаў.

14 лютага

Выступаў на сумесным пасяджэнні сакратарыята ССП БССР і Вучонага савета Інстытута мовы, літаратуры і мастацтва АН БССР.

«ЛіМ», 21 лют.

23 лютага

Разам з групай беларускіх пісьменнікаў сустракаў на вакзале А. Фадзеева. Вечарам — у Якуба Коласа.

27 лютага

Удзельнічаў у рабоце Пленума ЦК КП(б)Б.

30 лютага — 1 сакавіка

Прымаў удзел у рабоце 8-й Мінскай гарадской партканферэнцыі.

15—17 сакавіка

Удзельнічаў у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

2 красавіка

Прысутнічаў разам з Я. Коласам, П. Глебкам, М. Танкам, П. Броўкам, П. Панчанкам на літаратурным вечары ўдзельнікаў абласнога злёту маладых настаўнікаў.

Да 3 красавіка

Увайшоў у створаную Саветам Міністраў БССР рэспубліканскую камісію па падрыхтоўцы да 100-годдзя з дня смерці В. Р. Бялінскага.

«ЛіМ», 3 крас.

3 красавіка

Разам з Я. Коласам, М. Танкам, П. Панчанкам, П. Глебкам прысутнічаў на літаратурным вечары ў Партыйнай школе.

6 красавіка

На пасяджэнні секцый прозы, паэзіі і драматургіі прыняў удзел у абмеркаванні новых твораў.

«ЛіМ», 17 крас.

9 красавіка

Уступным словам адкрыў літаратурны вечар «За трывалы мір, за росквіт Радзімы» ў Доме афіцэраў. Прысутнічалі: Я. Колас, П. Броўка, П. Глебка, П. Панчанка, М. Танк, А. Куляшоў, К. Крапіва.

19 чэрвеня

Адкрыў літаратурны вечар, прысвечаны 65-годдзю з дня нараджэння Я. Маўра.

«Звязда», 21 мая; «ЛіМ», 22 мая.

20 чэрвеня

Прысутнічаў на адкрыцці Літаратурнага музея Янкі Купалы ў Вязынцы.

Лістапад

У часоп. «Полымя» з № 11 пачынае друкавацца першая кніга рамана «Векапомныя дні».

30 снежня

Узнагароджан ордэнам Леніна.

«Звязда», 1949, 1 студз.

У 1948 г. выйшлі кнігі «Апавяданні», «Васількі», брашура «Беларуская савецкая літаратура за 30 год» (на рус. мове). Пад рэдакцыяй М. Лынькова, К. Крапі-

вы, А. Куляшова і П. Броўкі выдадзен аднатомнік Я. Коласа «Вершы і паэмы».

1949

1 студзеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР, прысвечанай 30-годдзю рэспублікі.

12 студзеня

Выступаў на пасяджэнні юбілейнай сесіі АН БССР з дакладам «Беларуская літаратура за 30 год».

Сакавік

Выйшла з друку першае выданне падручніка для 8-га класа «Беларуская літаратура» пад рэдакцыяй М. Ц. Лынькова і В. В. Барысенкі.

12—14 красавіка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

6 чэрвеня

Разам з К. Крапівой вылецеў у Маскву для ўдзелу ў святкаванні 150-годдзя з дня нараджэння А. С. Пушкіна.

7 чэрвеня

Прысутнічаў на ўрачыстым вечары, прысвечаным юбілею А. С. Пушкіна, у Калонным зале Дома Саюзаў.

8 чэрвеня

З дэлегацыяй савецкіх пісьменнікаў выехаў у Ленінград.

11 чэрвеня

М. Лынькоў у Пскове. Агляд горада, мясцовага музея. Вечарам на ўрачыстым пасяджэнні і спектаклі «Аляксандр Пушкін».

«Псковская правда», 12 чэрв.

12 чэрвеня

Выехаў з дэлегацыяй праз Остраў у Міхайлаўскае. Прысутнічаў пры ўскладанні вянкоў на магілу А. С. Пушкіна, на ўрачыстым мітынгу ў Міхайлаўскім.

«Псковская правда», 14 чэрв.

13 чэрвеня

У Ленінградзе. Быў на экскурсіі ў Эрмітажы. Наведаў месца дуэлі А. С. Пушкіна.

16 чэрвеня

Вярнуўся ў Мінск.

20—24 чэрвеня

На II з'ездзе пісьменнікаў БССР выступаў з прамовай.

23 чэрвеня

Прысутнічаў на адкрыцці помніка Янку Купалу, на вечары, прысвечаным народнаму паэту.

25 чэрвеня

З групай удзельнікаў з'езда наведаў Вязынку.

Ліпень — жнівень

У Каралішчавічах. Праца над раманам «Векапомныя дні».

25—27 жніўня

У Маскве, на канферэнцыі прыхільнікаў міру.

«ЛіМ», 3 верас.; «Звязда», 30 жн.

20 кастрычніка

Вылецеў у Пінск. Вечарам выступаў на сходзе ў в. Купяцічы.

«Знамя Победы», 23 кастр.

21 кастрычніка

Выступаў з дакладам аб 10-й гадавіне ўз'яднання Беларусі перад інтэлігенцыяй Пінска.

22 кастрычніка

Выступаў у в. Масевічы, вечарам — у в. Малатковічы.

23 кастрычніка

Выступаў з дакладам аб літаратуры ў Настаўніцкім інстытуце ў Пінску.

24 кастрычніка

Вярнуўся ў Мінск.

2 снежня

Прызначан выконваючым абавязкі дырэктара Інстытута мовы, літаратуры і мастацтва АН БССР.

10 снежня

Юбілейны вечар, прысвечаны 50-годдзю з дня нараджэння М. Лынькова, у Беларускім Дзяржаўным тэатры оперы і балета. Даклад У. Агіевіча. На вечары выступіў юбіляр.

«ЛіМ», 17 снеж.

1950

19 студзеня

Прыняў удзел у абмеркаванні праблем нарыса і апавядання на пасяджэнні праўлення ССП БССР.

«Полымя», 1950, № 1.

Да 25 лютага

На пасяджэнні праўлення ССП БССР прыняў удзел у абмеркаванні прозы 1949 г.

«ЛіМ», 25 лют.

7 сакавіка

На прэзідыуме АН БССР выступаў па пытанню аб падрыхтоўцы выдання Збору твораў Янкі Купалы.

2—22 красавіка

На сесіі Аддзялення грамадскіх навук АН БССР выступаў з дакладам «Вобраз У. І. Леніна ў савецкай паэзіі».

25 красавіка

З тым жа дакладам выступіў на партыйным сходзе ў ССП БССР.

Да 30 красавіка

Выступаў на пасяджэнні прэзідыума праўлення ССП БССР, прысвечаным абмеркаванню п'есы В. Віткі «Янка Купала».

«ЛіМ», 30 крас.

Май

Закончыў працу над першай кнігай рамана «Векапомныя дні». Рыхтаваў рукапіс да здачы ў выдавецтва.

З пісьма да Я. Мазалькова ад 11. VII 1950 г.

10 мая

Адкрыў вечар, прысвечаны 50-годдзю з дня смерці Ф. Багушэвіча.

21 мая — 4 чэрвеня

У Каралішчавічах. Праца над другой кнігай рамана «Векапомныя дні».

31 мая

На пасяджэнні прэзідыума ССП БССР выступіў на абмеркаванні п'есы К. Крапівы «Пяюць жаваранкі».

«ЛіМ», 3 чэрв.

18—20 ліпеня

У складзе дэлегацыі ад Беларусі выехаў на святкаванне 10-годдзя Эстонскай ССР у Талін.

20 ліпеня

Прысутнічаў у Таліне на юбілейным пасяджэнні Вярхоўнага Савета рэспублікі.

11 снежня

Прысутнічаў на ўрачыстым пасяджэнні ў Вялікай зале кансерваторыі, прысвечаным 150-годдзю апублікавання «Слова аб палку Ігаравым» (Масква).

1951

17 студзеня

Выступаў з дакладам аб У. І. Леніне ў лётнай часці.

Пісьмо да Я. Коласа ад 16/I 51 г.

20 студзеня

У Беразіно выступаў у Бярэзінскай сярэдняй школе перад вучнямі старэйшых класаў, а таксама ў раённым Доме культуры з дакладам «Вобраз У. І. Леніна ў беларускай савецкай паэзіі».

21 студзеня

У Пагосце выступіў з дакладам «Грамадскае земляробства — крыніца моцы калгаса».

27 студзеня

У Маскве на пахаванні акадэміка АН СССР С. І. Вавілава.

Люты

Вылучан кандыдатам у дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР.

8—16 лютага

Выязджаў у Пінск для сустрэч з выбаршчыкамі.

У «Полымі», № 3—6 друкуюцца заключныя раздзелы першай кнігі рамана «Векапомныя дні».

19 сакавіка

З П. Глебкам выехаў у Гродзенскую вобласць для чытання дакладаў аб арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў.

20 сакавіка

Выступаў у Гродзенскім педагагічным інстытуце.

21 сакавіка

Наведаў Гісторыка-археалагічны музей. Вечарам выступаў у педвучылішчы.

22 сакавіка

Пабываў на Скідальскім цукровым заводзе, выступіў на курсах старшынь і сакратароў сельсаветаў, вечарам — у клубе цукровага завода.

23 сакавіка

Выступаў на сходзе па аб'яднанню 4 калгасаў — «Піянер», «30 год БССР», імя Якуба Коласа, імя У. Маякоўскага. Новая назва аб'яднанага калгаса — «Перамога». Сход адбыўся ў в. Стральцы.

26 сакавіка

Вярнуўся ў Мінск.

29 сакавіка

У Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы з К. Крапівой, М. Танкам, П. Глебкам, П. Броўкам, П. Кавалёвым і П. Прыходзькам прысутнічаў на сустрэчы з настаўнікамі Мінскай вобласці.

«ЛіМ», 31 сак.

3—5 красавіка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

7—8 красавіка

На абласной партыйнай канферэнцыі абран членам абкома КП(б)Б.

25 красавіка

На партыйным сходзе ў ССП БССР выступаў з дакладам аб VI Пленуме ЦК КП(б)Б.

9 мая

Здаў у выдавецтва першую кнігу «Векапомных дзён».

9 чэрвеня

Выступіў у рэспубліканскай Партшколе на літаратурным вечары, прысвечаным барацьбе савецкага народа за мір.

«ЛіМ», 9 чэрв.

Да 9 чэрвеня

Выступіў на пасяджэнні прэзідыума ССП БССР, прысвечаным абмеркаванню работы часоп. «Полымя».

«ЛіМ», 9 чэрв.

20—21 чэрвеня

Прымаў удзел у рабоце сесіі Аддзялення грамадскіх навук АН СССР.

6 ліпеня

Адкрыў урачысты вечар, прысвечаны 100-годдзю з дня нараджэння Я. Лучыны.

«ЛіМ», 14 ліп.

Ліпень — снежань

У № 7—12 часоп. «Полымя» друкуецца другая кніга рамана «Векапомныя дні».

20 жніўня

Выступіў на партыйным сходзе ССП БССР.

«ЛіМ», 25 жн.

5—6 верасня

На рэспубліканскай канферэнцыі прыхільнікаў міру абраны ў склад рэспубліканскага Камітэта абароны міру.

«Сов. Бел.», 7 верас.

10 верасня

Выступіў з прамовай на агульным сходзе пісьменнікаў, прысвечаным збору подпісаў пад зваротам Сусветнага Савета Міру пры заключэнні Пакта міру паміж пяццю вялікімі дзяржавамі.

«ЛіМ», 15 верас.

14 кастрычніка — 14 лістапада

У паездцы па Польшчы. Пабываў у Варшаве, Быдгошчы, Торуні, Гданьску, Гдыні, Шчэціне, Кракаве. Сустрэўся з польскімі пісьменнікамі, пазнаёміўся з маршалам К. К. Ракасоўскім.

6 лістапада

Узнагароджан медалём «За працоўную доблесць».

23 лістапада

Адкрыў літаратурны вечар, прысвечаны 25-годдзю творчай дзейнасці П. Броўкі.

Першая кніга рамана «Векапомныя дні» выйшла асобным выданнем.

«ЛіМ», 24 лістап.

1952

2 студзеня

Прызначан загадчыкам сектара савецкай літаратуры Інстытута літаратуры і мастацтва АН БССР.

3 сакавіка

На сесіі Аддзялення грамадскіх навук АН БССР, прысвечанай 100-годдзю з дня смерці М. В. Гогаля, выступіў з дакладам.

4 сакавіка

Выступіў з дакладам на агульнагарадскім вечары, прысвечаным 100-годдзю з дня смерці М. В. Гогаля.

«ЛіМ», 8 сак.

25—27 сакавіка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

27 сакавіка

У сувязі з Тыднем дзіцячай кнігі выступаў з прамовай перад настаўнікамі ў Палацы піянераў.

4 красавіка

Прысутнічаў на абмеркаванні рамана «Векапомныя дні» ў БДУ імя У. І. Леніна.

14 красавіка

Выступіў на абмеркаванні «Векапомных дзён» у Мінскім педагагічным інстытуце імя А. М. Горкага.

15 красавіка

Прысутнічаў на абмеркаванні рамана «Векапомныя дні» ў Беларускім інстытуце народнай гаспадаркі імя В. У. Куйбышава.

24 красавіка

З М. Лужаніным, П. Кавалёвым і А. Вялюгіным вылецеў у Пінск. Вечарам выступаў у Пінскім педагагічным інстытуце. Чытаў урыўкі з «Векапомных дзён».

26—27 красавіка

На нарадзе маладых пісьменнікаў Гродзенскай вобласці, выступаў з дакладам «Аб задачах маладых пісьменнікаў».

«ЛіМ», 30 крас.

28 красавіка

Вярнуўся ў Мінск.

4—6 мая

З М. Танкам, А. Куляшовым, М. Лужаніным, Я. Коласам выязджаў у Мядзель. Вечарам выступаў у Доме культуры.

5 мая ўся група наведала Купу, Кабыльнік. Выступаў з дакладам аб Статуце сельгасарцелі. Вечарам — у бацькоў М. Танка.

28 мая — 6 чэрвеня

У магілёўскім Цэнтральным партархіве вывучаў матэрыялы партыйнага падполля ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

31 мая

Быў на агульнагарадскім сходзе ў Магілёўскім абласным драматычным тэатры, прысвечаным Міжнароднаму дню абароны дзяцей.

7 ліпеня

Прысутнічаў на ўрачыстым пасяджэнні, прысвечаным 70-годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы.

«ЛіМ», 12 ліп.

14 кастрычніка

Прысутнічаў на першым пасяджэнні VII Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН.

27 кастрычніка

Выступіў як прадстаўнік БССР у V Камітэце ААН ў агульнай дыскусіі па пытаннях бюджэтнага каштарысу ААН на 1953 г.

Машынапіс, датаваны 27/X 1952 г.— Архіў М. Лынькова.

7 лістапада

Выступіў на пасяджэнні V Камітэта ААН пры абмеркаванні раздзела шостага бюджэтнага каштарысу ААН на 1963 г.

Машынапіс, датаваны 7/XI 1952 г.— Архіў М. Лынькова.

10 лістапада

Выступіў пры абмеркаванні пытання аб прызнанні Эканамічным і Сацыяльным саветам іспанскай мовы ў якасці рабочай мовы.

Машынапіс, датаваны 10/XI 1952 г.— Архіў М. Лынькова.

13 лістапада

Выступіў у V Камітэце ААН пры абмеркаванні шкалы ўзносаў.

Машынапіс, датаваны 17/XI 1952 г.— Архіў М. Лынькова.

Снежань

Вярнуўся на радзіму.

У 1952 г. выйшла кніга апавяданняў «Выбраныя творы» і брашура «Якуб Колас» (да 70-годдзя з дня нараджэння).

1953

Студзень

У першым нумары часоп. «Маладосць» за 1953 г. надрукаваны нататкі М. Лынькова аб паездцы ў Нью-Йорк — «Па вуліцах горада жоўтага д'ябла».

8 студзеня

Абран правадзейным членам Акадэміі навук БССР.

«ЛіМ», 10 студз.

30 студзеня

Прызначан загадчыкам сектара дакастрычніцкай літаратуры Інстытута літаратуры і мастацтва АН БССР.

20 сакавіка

На літаратурным вечары ў Доме культуры аўтапрамбуда выступіў з дакладам.

25 сакавіка

На Вучоным савеце Інстытута літаратуры і мастацтва АН БССР выступіў з дакладам аб мерах павышэння навуковай кваліфікацыі работнікаў.

28 сакавіка

Быў на ранішніку ў 10-й сярэдняй школе, прысвечаным Тыдню дзіцячай кнігі. Расказваў аб сустрэчах з М. Горкім, чытаў урыўкі з «Векапомных дзён».

4 красавіка

Уступным словам адкрыў літаратурны вечар, прысвечаны 85-годдзю з дня нараджэння М. Горкага (у Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы).

15 чэрвеня

Прызначаны старшым навуковым супрацоўнікам сектара дакастрычніцкай літаратуры Інстытута літаратуры і мастацтва АН БССР.

Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР.

28—30 ліпеня

У гасцях у М. Лынькова на Нарачы быў Я. Колас.

18—19 жніўня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

8 верасня

Вылецеў з Масквы ў Нью-Йорк — праз Прагу, потым поездам да Парыжа, да Шэрбурга, з 11 па 15 верасня на параходзе «Куін Элізабет», 15 верасня ў Нью-Йорку прысутнічаў на адкрыцці VIII Сесіі ААН.

19 кастрычніка

Выступіў як прадстаўнік дэлегацыі БССР на пасяджэнні IV Камітэта пры абмеркаванні даклада Камітэта па інфармацыі аб несамакіравальных тэрыторыях.

Машынапіс, датаваны 19/X 1953 г.— Архіў М. Лынькова.

28 кастрычніка

Выступаў як прадстаўнік БССР у IV Камітэце ААН па пытанню: «Спыненне перадачы інфармацыі, прадугледжанай артыкулам 73-м Статута: «Нідэрландскія ўладанні на Антыльскіх астравах і Сурынам».

Машынапіс, датаваны 28. X 1953 г.— Архіў М. Лынькова.

5 лістапада

Выступаў на пасяджэнні IV Камітэта па пытанню аб фактарах.

Машынапіс, датаваны 5/XI 1953 г.— Архіў М. Лынькова.

9 лістапада

Выступаў на пасяджэнні IV Камітэта па пытанню аб Паўднёва-Заходняй Афрыцы.

Машынапіс, датаваны 9/XI 1953 г.— Архіў М. Лынькова.

12 лістапада

Выступаў на пасяджэнні IV Камітэта ААН па пытанню аб парадку галасавання па рэзалюцыі аб Паўднёва-Заходняй Афрыцы.

Машынапіс, датаваны 12/XI 1953 г.— Архіў М. Лынькова.

1 снежня

Выступаў у IV Камітэце ААН па дакладу Савета па апецы.

Машынапіс, датаваны 1/XII 1953 г.— Архіў М. Лынькова.

4 снежня

Пакінуў Нью-Йорк. Вярнуўся ў Мінск 13 снежня.

У 1953 г. выйшла кніга «Міколка-паравоз». На рус. мове — «Незабываемые дни» (кн. 1.).

1954

«На працягу года працаваў над другой кнігай рамана «Векапомныя дні».

Пісьмо да М. П. Рака ад 21 мая 1954 г.

10—13 лютага

Прымаў удзел у рабоце XXI з'езда КПБ.

15 красавіка

На вечары ў 12-й сярэдняй школе г. Мінска расказваў аб Амерыцы.

17 мая

На сесіі Акадэміі навук БССР, прысвечанай 300-годдзю ўз'яднання Украіны з Расіяй, выступіў з дакладам.

2—4 чэрвеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

6 верасня

Прымаў удзел у рабоце чытацкай канферэнцыі па раману «Векапомныя дні» ў Дзяржынску.

21 верасня

Прыбыў у Нью-Йорк.

22 верасня

Прысутнічаў на пленарным пасяджэнні IX Сесіі Генеральнай Асамблеі ААН.

5 лістапада

Выступаў на ўрачыстым сходзе супрацоўнікаў пастаяннага прадстаўніцтва СССР пры ААН з дакладам, прысвечаным 37-й гадавіне Вялікага Кастрычніка.

26 лістапада

Выступаў у IV Камітэце ААН па дакладу Савета па апецы.

Машынапіс, датаваны 26/XI 1954 г.— Архіў М. Лынькова.

30 лістапада

Выступаў па матывах галасавання рэзалюцыі А (с. 4) Л. 366 па пытанню аб граніцы паміж падапечнай тэрыторыяй Самалі пад італьянскім кіраўніцтвам і Эфіопіяй.

Машынапіс, датаваны 30/XI 1954 г.— Архіў М. Лынькова.

14 кастрычніка

Выступаў на пасяджэнні IV Камітэта ААН па пытанню аб Паўднёва-Заходняй Афрыцы.

Машынапіс, датаваны 14/X 1954 г.— Архіў М. Лынькова.

28 кастрычніка

Выступаў у IV Камітэце ААН па пытанню аб інфармацыі аб несамакіравальных тэрыторыях.

Машынапіс, датаваны 28/X 1954 г.— Архіў М. Лынькова.

7 снежня

Выступаў ■ дакладам аб савецкай літаратуры перад супрацоўнікамі пастаяннага прадстаўніцтва СССР пры ААН.

28 снежня

Вярнуўся ў Мінск.

1954

На працягу года працаваў над другой кнігай рамана «Векапомныя дні».

Пісьмо да Я. Коласа ад 12. IV 55 г.

21 студзеня

Адкрыў перадвыбарны сход прадстаўнікоў працоўных Ленінскай выбарчай акругі.

24 студзеня

На агульным сходзе Аддзялення грамадскіх навук выступаў з дакладам: «Вынікі навукова-даследчай работы за 1954 год».

25 студзеня

На кінастудыі «Беларусьфільм» прымаў удзел у абмеркаванні кінасцэнарыя па аповесці «Міколка-паравоз».

28 студзеня

На радыё запісана выступленне М. Лынькова аб яго творчых планах.

Пачатак лютага

Выступаў на сходзе пісьменнікаў Мінска, прысвечаным выпікам II Усесаюзнага з'езда пісьменнікаў.

«ЛіМ», 5 лют.

4—8 лютага

Выязджаў для сустрэч з выбаршчыкамі ў Пінскі раён.

11—25 лютага

Прымаў удзел у дэкадзе беларускага мастацтва і літаратуры ў Маскве.

11 лютага

Выступаў на мітынгу ў час сустрэчы на Беларускім вакзале. Вечарам прысутнічаў на ўрачыстым адкрыцці дэкады.

14 лютага

Выступіў з дакладам у ССП СССР пры абмеркаванні беларускай прозы.

25 лютага

Узнагароджан другім ордэнам Леніна.

«Звязда», 26 лют.

5 сакавіка

Прымаў удзел у абмеркаванні сцэнарыя фільма «Міколка-паравоз» у Міністэрстве культуры БССР.

23 сакавіка

Расказваў аб Амерыцы ў ССП БССР.

28—30 сакавіка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

Да 9 красавіка

Выступаў у Доме афіцэраў на канферэнцыі чытачоў па раману «Векапомныя дні».

«ЛіМ», 9 крас.

15 красавіка

Прымаў удзел у чытацкай канферэнцыі па раману «Векапомныя дні» ў вайсковай часці.

9—13 мая

Разам з К. Крапівой, М. Танкам, І. Шамякіным, І. Гурскім прымае ўдзел у рабоце канферэнцыі прыхільнікаў міру ў Маскве.

25 чэрвеня

Уступным словам адкрыў вечар, прысвечаны 50-годдзю з дня нараджэння П. Броўкі.

«Полымя», № 7.

10—14 жніўня

На дачы ў М. Лынькова гасціў Я. Колас.

20 верасня

Прыбыў у Нью-Йорк.

21 верасня

Прымаў удзел у рабоце пленарнага пасяджэння X Сесіі ААН. Сустрэўся з польскім пісьменнікам Ежы Путраментам.

3 лістапада

Выступаў на дзевятым пасяджэнні Спецыяльнага палітычнага Камітэта X Сесіі ААН па пытанню аб палітыцы расавай сегрэгацыі ў Паўднёва-Афрыканскім саюзе.

Стэнаграфічная справаздача.— Архіў М. Лынькова.

29 і 30 лістапада

Выступаў на пасяджэнні Спецыяльнага палітычнага Камітэта X Сесіі ААН па матывах галасавання.

Архіў М. Лынькова.

6 снежня

Выступаў па пытанню аб прыёме новых членаў у ААН.

Стэнаграфічная справаздача.— Архіў М. Лынькова.

9 снежня

Пакінуў Нью-Йорк.

19 снежня

Прыбыў у Мінск.

У 1955 г. выйшла аповесць «Міколка-паравоз».

1956

30—31 студзеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

28 лютага

Выступаў на абароне дысертацыі М. П. Луферава.

20 сакавіка

Уступным словам адкрыў вечар, прысвечаны 60-годдзю К. Крапівы.

«ЛіМ», 24 сак.

2 красавіка

Выступіў на сходзе пісьменнікаў, прысвечаным вынікам XX з'езда КПСС.

«ЛіМ», 7 крас.

8 красавіка

Прысутнічаў на адкрыцці Тэатра юнага гледача.

20 красавіка

У Слуцку выступіў з расказам аб паездках у Амерыку.

5 мая

Быў у Р. З. Заслонавай.

9—10 мая

У Малатковіцкім раёне выступаў у в. Охава, Мер-

чыцы, Кротава, у Малатковічах на сходзе раённага актыву з дакладам аб сучаснай Амерыцы.

26 мая

Разам з П. Глебкам, А. Куляшовым, І. Гурскім, К. Кірэенкам, А. Якімовічам быў у Я. Коласа на сустрэчы з журналістамі з краін народнай дэмакратыі.

27—28 ліпеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

12 жніўня

На Нарачы.

13 жніўня

У сувязі са смерцю Я. Коласа выехаў у Мінск.

15 жніўня

Выступаў на грамадзянскай паніхідзе на пахаванні Я. Коласа.

27 жніўня

Адкрыў вечар, прысвечаны 100-годдзю з дня нараджэння І. Франка.

«ЛіМ», 1 верас.

Да 8 верасня

Уключан у склад камісіі па літаратурнай спадчыне Я. Коласа.

«ЛіМ», 8 верас.

Кастрычнік

Закончыў работу над рукапісам другой кнігі рамана «Векапомныя дні».

З пісьма да М. П. Рака ад 25 кастр.

Лістапад — снежань

З дэлегацыяй БССР у складзе Р. Кісялёва, А. Малышава, Б. Кудраўцава, С. Броннікава ездзіў у Індыю на IX канферэнцыю ЮНЕСКА.

7—10 лістапада

Аглядаў Дэлі, наведаў выстаўку індыйскай прамысловасці і культуры, выстаўку, прысвечаную 2500-годдзю будызму, выстаўку індыйскага танца і музыкі.

12—16 лістапада

Прысутнічаў на пасяджэннях камісіі па праграме ЮНЕСКА.

15 лістапада

Выступаў па праграме і бюджэце ЮНЕСКА на 1957—1968 гг.

Машынапіс, датаваны 15 лістапада 1956 г.— Архіў М. Лынькова.

16 лістапада

Выступаў у Камісіі па праграме па пытанню: II. 9: Разгляд часткі II Праекта праграмы і бюджэту на 1957—1958 гг., уключаючы асноўныя праекты.

Машынапіс, датаваны 16/XI 1956 г.— Архіў М. Лынькова.

17 лістапада

Выязджаў у Агру. Наведаў маўзалей Тадж-Махал. 18-га прыехаў у Джайпур, наведаў Нацыянальны музей, Палац магараджы, абсерваторыю, аглядаў горад. Паездка на сланах у загарадны Палац магараджы.

21 лістапада

Выступаў у Камісіі па праграме па пытанню: «Сацыяльныя навукі і пытанні правоў чалавека і меншасцей».

Машынапіс, датаваны 21/XI 1956 г.— Архіў М. Лынькова.

26 лістапада

Выступаў пры абмеркаванні раздзела «Сацыяльныя навукі» ў Камісіі па праграме.

30 лістапада

Выступаў пры абмеркаванні раздзела «Прыродазнаўчыя навукі» ў праекце праграмы і бюджэта ЮНЕСКА.

Машынапіс, датаваны 30/XI 1956 г.— Архіў М. Лынькова.

30 лістапада

Выступаў пры амеркаванні асноўнага праекта аб даследаванні засушлівых раёнаў у Камісіі па праграме.

Машынапіс, датаваны 30/XI 1956 г.— Архіў М. Лынькова.

30 лістапада

Выступаў у падтрымку чэхаславацкай рэзалюцыі аб святкаванні 300-годдзя з дня апублікавання «Вялікай дыдактыкі Яна Амоса Коменскага».

Машынапіс, датаваны 30/XI 1956 г.— Архіў М. Лынькова.

4 снежня

Прысутнічаў на студэнцкім вечары ва універсітэце.

9 снежня

Алахабад.

15 снежня вярнуўся ў Дэлі.

17—19 снежня

У Бамбеі.

19—23 снежня

Праз Бахрэйнскія астравы, Абадан (Ірак), Стамбул, Рым, Жэневу, Лондан, Прагу, Варшаву, Вільнюс самалётам ляцеў у Мінск.

У 1956 г. выйшлі «Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры» пад рэд. М. Лынькова, П. Броўкі, В. Барысенкі.

1957

26 студзеня

У «ЛіМе» надрукаван пачатак дарожных нататак «Пад сонцам Індыі».

13—16 мая

Прымаў удзел у рабоце пленума ССП СССР.

28—30 мая

Удзельнічаў у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

28 чэрвеня

У госці да Лынькова на Нарач прыязджалі А. Малышка, У. Навічэнка, І. Чэндзей, Л. Забашта.

Да 17 жніўня

Выступіў у клубе пісьменнікаў ССП БССР на вечары ўспамінаў, прысвечаным першай гадавіне з дня смерці Якуба Коласа.

«ЛіМ», 17 жн.

16 кастрычніка

Выступаў з дакладам «40 год беларускай літаратуры». Вечарам выступаў у Гродзенскім педагагічным інстытуце. Чытаў апавяданне «Дзед Аўсей і Палашка».

«Гродненская правда», 19 кастр.

22—24 кастрычніка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

16 лістапада

Уступным словам адкрыў вечар, прысвечаны 75-годдзю з дня нараджэння Якуба Коласа.

«ЛіМ», 20 лістап.

17 лістапада

Прысутнічаў на адкрыцці мемарыяльнай дошкі ў гонар Якуба Коласа ў Каралішчавічах.

18 лістапада

Прысутнічаў пры закладцы помніка Якубу Коласу ў Мінску.

У 1957 г. выйшаў зборнік апавяданняў «Агні Танганьікі». На рус. мове выйшлі «Повести».

1958

26 студзеня

Выступіў на нарадзе пачынаючых пісьменнікаў у Доме афіцэраў з расказам аб сваім творчым шляху.

28—29 студзеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

Да 6 лютага

Выступаў перад выбаршчыкамі ў клубе ССП БССР, дзяліўся ўражаннямі аб паездцы ў Індыю.

«Лит. газета», 6 лют.

11—13 лютага

Прымаў удзел у рабоце пленума ССП СССР.

17 сакавіка

Выступаў перад работнікамі Белдзяржвыдата, расказваў аб Індыі.

28 сакавіка

Выступаў па тэлебачанню з успамінамі аб М. Горкім.

30 сакавіка

Выступаў у абласной бібліятэцы імя А. С. Пушкіна з успамінамі аб М. Горкім.

26—27 чэрвеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

Ліпень

У кінатэатрах Мінска пачаў дэманстравацца кінафільм «Міколка-паравоз» (рэжысёр Л. Голуб).

«Сов. Бел.», 21 ліп.

9—11 лістапада

У Магілёве на выязной сесіі Аддзялення грамадскіх навук АН БССР сумесна з Інстытутам гісторыі партыі пры ЦК КПБ выступаў з дакладам. На сесіі былі таксама К. Крапіва, П. Глебка, П. Броўка.

14—16 лістапада

Сутракаўся з выбаршчыкамі ў в. Охава, у педвучылішчы г. Пінска.

20 лістапада

Выступаў у Барысаве перад чытачамі гарадской бібліятэкі (разам з рэжысёрам Л. Голубам і Вовам Гуськовым — выканаўцам ролі Міколкі).

21 снежня

З Л. Голубам і Вовам Гуськовым у Барысаве на сустрэчы з дзецьмі ў кінатэатры «Радзіма», чытаў урыўкі з «Векапомных дзён».

30 снежня

Выступаў у Маскве ў Політэхнічным музеі на вечары «40 год БССР».

У 1958 г. выйшаў раман «Векапомныя дні» ў 4-х т.

1959

Студзень

Удзельнічаў ва ўрачыстасцях, прысвечаных 40-годдзю БССР.

16—17 студзеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

19 студзеня

Гутарыў з юнкорамі газеты «Чырвоная змена».

20—21 студзеня

Удзельнічаў у рабоце юбілейнай сесіі АН БССР.

12—13 лютага

Прымаў удзел у рабоце IV з'езда пісьменнікаў БССР.

15 лютага

Уступным словам адкрыў літаратурны вечар у Доме афіцэраў.

23—27 лютага

Паездка ў Пінск для сустрэч з выбаршчыкамі.

28 сакавіка

На пасяджэнні рэдкалегіі па выданню Збору твораў Янкі Купалы. Прысутнічалі В. Барысенка, К. Крапіва, П. Броўка, Э. Гурэвіч, М. Мушынскі, І. Гарэцкі, В. Івашын.

7—8 красавіка

Удзельнічаў у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

12—25 мая

Прымаў удзел у рабоце III Усесаюзнага з'езда СП СССР.

14 ліпеня

З М. Танкам выступаў на турысцкай базе. Чытаў апавяданне «Дзед Аўсей і Палашка», расказваў аб Індыі. Сярод турыстаў была Ірына Глінская, якая некалі працавала селькорам газ. «Камуніст».

17 ліпеня

З М. Танкам і М. Садковічам правялі гутарку з турыстамі з 2-га Барысаўскага дзіцячага дома.

27 жніўня

Выступіў у Мядзелі на канферэнцыі па «Векапомных днях».

2—29 кастрычніка

У Кіславодску ў санаторыі.

19—20 лістапада

Удзельнічаў у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

21 лістапада

На літаратурным вечары ў маладых рабочых будтрэста № 4.

23 лістапада

На пасяджэнні рэдкалегіі часоп. «Маладосць» сустракаўся са школьнікамі.

30 лістапада

Выступаў на адкрытым партыйным сходзе ў ССП БССР, прысвечаным рабоце з маладымі пісьменнікамі, гаварыў аб творчасці І. Пташнікава.

У «Полымі», № 9 — аўтабіяграфічныя нататкі «З родных крыніц».

9 снежня

Узнагароджан другім ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга.

«Звязда», 10 снеж.

11 снежня

Урачысты вечар у Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы, прысвечаны юбілею М. Лынькова.

29 снежня

Ездзіў у г. Чэрвень на сустрэчу з вучнямі СШ № 1.

1960

4 студзеня

Удзельнічае ў рабоце камісіі па правядзенню юбілея А. П. Чэхава.

27 студзеня

Выступаў з дакладам аб А. П. Чэхаве ў АН БССР.

29 студзеня

Выступаў з дакладам на агульнагарадскім вечары, прысвечаным 100-годдзю з дня нараджэння А. П. Чэхава.

22—23 лютага

Прымаў удзел у рабоце пленума ССП БССР.

27 лютага

Быў на пахаванні У. Ф. Луцэвіч.

11—15 красавіка

Прымаў удзел у рабоце пленума ССП БССР.

19 красавіка

На сесіі Аддзялення грамадскіх навук АН БССР выступіў з дакладам «Ленін і літаратура».

27—28 ліпеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

19 лістапада

Выступаў на навуковай сесіі ў АН БССР з дакладам, прысвечаным 50-годдзю з дня смерці Л. М. Талстога.

20 лістапада

Выступаў з дакладам аб творчасці Л. М. Талстога на вечары ў Доме афіцэраў.

28—29 снежня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

1961

16—17 студзеня

Удзельнічаў у рабоце сесіі АН БССР, прысвечанай 100-годдзю з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага.

16 студзеня

Прымаў удзел у рабоце нарады пісьменнікаў у рэдакцыі газ. «Советская Белоруссия».

25—26 студзеня

Удзельнічаў у рабоце пленума ССП БССР, прысвечанага ўдзелу пісьменнікаў у рабоце кіно, радыё, тэлебачання.

«ЛіМ», 27 студз.

17 лютага

У ССП БССР выступаў на вечары з дакладам «Літаратура, народжаная Кастрычнікам».

27 сакавіка

Выступаў у Беларускім Дзяржаўным тэатры оперы і балета на вечары пытанняў і адказаў на тэму: «Норавы буржуазнай культуры».

5 красавіка

Выступаў на радыёзаводзе ў інструментальным цэху.

6 мая

На вечары, прысвечаным 100-годдзю з дня нара-

джэння Рабіндраната Тагора, выступаў з дакладам «Вялікі сын індыйскага народа — Рабіндранат Тагор».

«ЛіМ», 9 мая.

8 мая

Прымаў удзел у вечары, прысвечаным 75-годдзю з дня нараджэння З. Бядулі.

13 мая

Сустракаўся з маладымі пісьменнікамі на семінары ў Караліпічавічах.

«ЛіМ», 16 мая.

15 мая

Ездзіў у калгас імя Леніна (в. Касмовічы Нясвіжскага раёна).

16 мая

Адкрыў вечар, прысвечаны 50-годдзю з дня нараджэння В. Віткі.

«ЛіМ», 19 мая.

24 чэрвеня

Днём разам з М. Танкам сустрэўся з камсамольцамі турысцкага лагера Мінскага камвольнага камбіната. Вечарам — сустрэча з вучнямі Параф'янаўскай школы Докшыцкага раёна.

5 жніўня

З М. Танкам выступаў у Кабыльніку з расказам аб Амерыцы і Індыі.

12 жніўня

У Мінску на аэрадроме прымаў удзел у сустрэчы дэлегацыі пісьменнікаў — удзельнікаў дэкады рускай літаратуры ў БССР. У складзе дэлегацыі: Л. Собалеў, П. Нілін, М. Святлоў, А. Сафронаў, М. Грыбачоў, М. Рыленкаў, Я. Мазалькоў, Л. Ленч, Ю. Друніна і інш. Прысутнічаў на літаратурным вечары ў Палацы прафсаюзаў.

«ЛіМ», 15 жн.

18 жніўня

На дачы ў М. Лынькова праездам з Браслава была група ўдзельнікаў дэкады — М. Святлоў, А. Пракоф'еў, М. Браўн, А. Чапураў.

3 верасня

На вечары, прысвечаным 60-годдзю з дня нараджэння В. Вольскага.

1962

21 красавіка

У газетах надрукаван Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР аб прысваенні М. Лынькову звання народнага пісьменніка БССР.

2 ліпеня

Прымаў удзел у захаванні урны з прахам Янкі Купалы.

4 ліпеня

Адкрыў сесію Акадэміі навук БССР, прысвечаную 80-годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы.

5 ліпеня

Выступаў з прамовай на закладцы помніка Янку Купалу ў Мінску.

«ЛіМ», 6 ліп.

5 ліпеня

Прысутнічаў на юбілейным вечары, прысвечаным 80-годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы, у Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы.

22 ліпеня

Разам з М. Танкам прымаў удзел у VI злёце юных турыстаў.

17 жніўня

Сустракаўся з удзельнікамі Міжрэспубліканскага злёту камсамольцаў і школьнікаў (Літва). Былі таксама М. Танк і А. Куляшоў.

Кастрычнік

Выйшла з друку кніга «За акіянам».

12 лістапада

На сесіі Акадэміі навук БССР, прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння Якуба Коласа, выступіў з дакладам «Якуб Колас — народны паэт БССР». Вечарам прысутнічаў на ўрачыстым пасяджэнні ў Беларускім Дзяржаўным тэатры оперы і балета.

«ЛіМ», 16 лістап.

19—20 лістапада

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

20 Зак. 1190

27 снежня

Выступаў з дакладам, прысвечаным 40-годдзю часоп. «Полымя», на вечары ў Доме афіцэраў.

«ЛіМ», 28 снеж.

1963

9 студзеня

Выступаў на грамадзянскай паніхідзе пры пахаванні А. Александровіча.

30 студзеня

Выступаў на агульным сходзе Акадэміі навук БССР.

3 лютага

Вылучан кандыдатам у дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР па Лёзненскай выбарчай акрузе.

19 лютага

Сустрэча з вучнямі Лёзненскай сярэдняй школы.

24 лютага

Выступаў у Цэнтральным кніжным магазіне на сустрэчы з пакупнікамі пісьменнікаў — кандыдатаў у дэпутаты.

28—29 сакавіка

Удзельнічаў у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

16 ліпеня

Прымаў удзел у рабоце сесіі Акадэміі навук БССР.

10—11 снежня

У Барысаве сустракаўся з вучнямі школы-інтэрната.

1964

7 сакавіка

На сесіі Аддзялення грамадскіх навук, прысвечанай 150-годдзю з дня нараджэння Т. Р. Шаўчэнкі, выступаў з дакладам.

9 сакавіка

Выступаў з дакладам на юбілейным вечары Т. Р. Шаўчэнкі ў Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы.

30 чэрвеня

Выступаў з дакладам «Подзвіг народа» на ўрачыстым сходзе ў Акадэміі навук, прысвечаным 20-годдзю вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

1 ліпеня

Выступаў з успамінамі аб вызваленні Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў перад супрацоўнікамі Інстытута літаратуры і мовы.

25 ліпеня

«Вечар савецка-польскай дружбы ў санаторыі «Нарач» (па праграме Дзён польскай культуры ў Беларусі ў сувязі з 20-годдзем заснавання Польскай Народнай Рэспублікі). М. Лынькоў адкрыў вечар. Даклад Я. Семяжона. Выступалі Я. Брыль, П. Прыходзька, Е. Лось, А. Зарыцкі».

«Да новых перамог», 30 ліп.

22—23 снежня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

1965

25—29 студзеня

Удзельнічаў у рабоце пленума праўлення ССП СССР.

21—22 кастрычніка

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

2 снежня 1965 — 7 студзеня 1966 гг.

Хварэў, ляжаў у бальніцы.

1966

5 сакавіка

У Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы прысутнічаў на юбілейным вечары, прысвечаным 70-годдзю з дня нараджэння К. Крапівы.

10 сакавіка

Выступаў з прамовай на літаратурным вечары на філалагічным факультэце БДУ імя У. І. Леніна.

«ЛіМ», 15 сак.

12—14 мая

Прымаў удзел у рабоце V з'езда пісьменнікаў БССР.

25 жніўня

Выступаў у Мядзелі на настаўніцкай канферэнцыі. Прысутнічаў М. Танк.

25 лістапада

Прымаў удзел у рабоце пленума ССП БССР.

У 1966 г. выходзіць кніга «Апавяданні».

1967

1 лютага

Вызвален ад абавязкаў старшага навуковага супрацоўніка Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР па ўласнаму жаданню.

Асабовая справа М. Лынькова.— Архіў АН БССР.

24—29 лютага

Прымаў удзел у рабоце гадавой сесіі Акадэміі навук БССР.

1 сакавіка

У Радашковічах выступаў перад выбаршчыкамі.

3 сакавіка

Выступаў перад студэнтамі Маладзечанскага ўліко-ва-планавага тэхнікума, сустракаўся з выбаршчыкамі ў в. Дуброва.

20—21 красавіка

Як адзін са старэйшых дэпутатаў адкрыў I Сесію Вярхоўнага Савета БССР сёмага склікання.

21—27 мая

Удзельнічаў у рабоце IV з'езда пісьменнікаў СССР.

26 чэрвеня

На злёце старшынь саветаў піянерскіх дружын школ Мядзельскага раёна гутарыў з піянерамі.

28 кастрычніка

Узнагароджан трэцім ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга.

«Звязда», 29 кастр.

У 1967 г. выйшаў першы том Збору твораў у 4-х т., астатнія — на працягу 1968 г.

1968

22 студзеня

На Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

28 лютага

На студыі Беларускага тэлебачання запісвалася выступленне з успамінамі пра М. Горкага.

15 мая — 10 лістапада

На Нарачы.

19—20 чэрвеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

17—18 снежня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

19 снежня

Выступаў з дакладам «Аб асноўных этапах развіцця беларускай савецкай літаратуры за 50 год» на юбілейным пасяджэнні Акадэміі навук БССР, прысвечаным 50-годдзю БССР і КПБ.

28 снежня

Прысутнічаў на ўрачыстым пасяджэнні, прысвечаным 50-годдзю БССР і КПБ.

31 снежня

Прысуджана Дзяржаўная прэмія БССР імя Якуба Коласа за раман «Векапомныя дні».

У 1968 г. выдадзена кніга «Летапіс эпохі».

1969

13—14 сакавіка

Удзельнічаў у рабоце агульнага сходу Акадэміі навук БССР.

14 сакавіка

Прымаў удзел у пахаванні акадэміка В. Ф. Купрэвіча.

25 сакавіка

Прымаў удзел у пасяджэнні камісіі па народнай асвеце Вярхоўнага Савета БССР.

14 мая

Удзельнічаў у рабоце сесіі Акадэміі навук БССР.

16 мая — 11 чэрвеня

На Нарачы.

12—13 чэрвеня

Прымаў удзел у рабоце сесіі Акадэміі навук БССР.

25 жніўня

У Савеце Міністраў БССР Ц. Я. Кісялёў уручыў М. Ц. Лынькову дыплом лаўрэата Дзяржаўнай прэміі БССР.

11 кастрычніка

На пахаванні Ц. С. Гарбунова.

28 кастрычніка

Прысутнічаў на пасяджэнні рэдкалегіі часоп. «Маладосць».

6 снежня

Юбілейны вечар, прысвечаны 70-годдзю з дня нараджэння М. Лынькова.

9 снежня

Узнагароджан трэцім ордэнам Леніна.

«Звязда», 10 снеж.

У 1969 г. «Векапомныя дні» былі надрукаваны ў серыі «Беларускі раман».

1970

18—19 сакавіка

Прымаў удзел у рабоце сходу Аддзялення грамадскіх навук АН БССР і Агульнага сходу Акадэміі навук.

26 сакавіка

Удзельнічаў у рабоце аб'яднанага пленума творчых Саюзаў БССР, прысвечанага 100-годдзю з дня нараджэння У. І. Леніна.

16 красавіка

Прымаў удзел у рабоце сесіі Акадэміі навук БССР,

прысвечанай 100-годдзю з дня нараджэння У. І. Леніна.

20 красавіка

Уступным словам адкрыў вечар, прысвечаны 100-годдзю з дня нараджэння У. І. Леніна, у ССП БССР.

18 снежня

Прысутнічаў на вечары памяці П. Глебкі.

25 снежня

Прысутнічаў на Вучоным савеце Інстытута літаратуры і на пасяджэнні прэзідыума ССП БССР.

1971

29 студзеня

Адкрыў юбілейны вечар І. Шамякіна.

8 лютага

Выступаў на юбілейным вечары І. Мележа ад праўлення Саюза савецкіх пісьменнікаў БССР.

25 лютага — 30 красавіка

Хварэў. З 30 сакавіка па 30 красавіка — у бальніцы.

16 мая

Ездзіў у Пасекаву горку — месца пахавання расстраляных фашыстамі мірных жыхароў.

15 чэрвеня

На пахаванні С. В. Прытыцкага.

16 чэрвеня

Сустракаўся з членамі Лагойскай выбарчай камісіі.

20 кастрычніка

Прымаў удзел у рабоце пасяджэння юбілейнай камісіі па 150-гадоваму юбілею Ф. М. Дастаеўскага. М. Лынькоў — старшыня камісіі.

5 лістапада

Адкрыў вечар у ССП БССР, прысвечаны 54-й гадавіне Вялікага Кастрычніка.

11 лістапада

Адкрыў вечар, прысвечаны 150-годдзю з дня нара-

джэння Ф. М. Дастаеўскага (актавая зала БДУ імя У. І. Леніна).

7 снежня

Прысутнічаў на вечары, прысвечаным 80-годдзю з дня нараджэння М. Багдановіча, у Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы.

9 снежня

Прысутнічаў на вечары, прысвечаным 150-годдзю з дня нараджэння М. А. Някрасава (Беларускі Дзяржаўны тэатр імя Янкі Купалы).

10 снежня

Прымаў удзел у рабоце прэзідыума ССП БССР.

1972

5 студзеня

Прысутнічаў на абароне доктарскай дысертацыі П. К. Дзюбайлы ў Інстытуце літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР.

10 студзеня

Удзельнічаў у рабоце пасяджэння камісіі па народнай асвеце Вярхоўнага Савета БССР.

16 лютага

Прымаў удзел у рабоце пленума Саюза пісьменнікаў БССР.

24—25 лютага

Удзельнічаў у рабоце гадавога сходу Акадэміі навук БССР.

10—15 сакавіка

На кінастудыі «Беларусьфільм» запісаны ўспаміны пра Я. Купалу.

25 сакавіка

Адкрыў Усесаюзны тыдзень дзіцячай і юнацкай кнігі ў Беларускім Дзяржаўным тэатры оперы і балета.

18 чэрвеня

У гасцях у М. Лынькова былі П. М. Машэраў, А. Т. Кузьмін, А. Н. Аксёнаў, І. Е. Палякоў, пісьменнікі.

22—23 чэрвеня

Прымаў удзел у рабоце Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

1—2 лістапада

На сесіі Акадэміі навук БССР, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Якуба Коласа, выступаў з дакладам.

9 лістапада

Выступаў на адкрыцці помніка Якубу Коласу ў Мінску. Вечарам прысутнічаў на ўрачыстым пасяджэнні, прысвечаным 90-годдзю з дня нараджэння Якуба Коласа.

29 лістапада

Запісаў на радыёстудыі выступленне да 50-годдзя часоп. «Полымя».

7 снежня

Прымаў удзел у рабоце сесіі Аддзялення грамадскіх навук АН БССР, прысвечанай 50-годдзю СССР.

15 снежня

Прысутнічаў на ўрачыстым пасяджэнні, прысвечаным 50-годдзю СССР (Палац спорту).

19 снежня

Адкрыў юбілейны вечар у Беларускім Дзяржаўным тэатры імя Янкі Купалы, прысвечаны 50-годдзю часоп. «Полымя».

1973

25—26 студзеня

Удзельнічаў у рабоце сесіі Акадэміі навук БССР.

1 лютага

Запісаў на Беларускім тэлебачанні выступленне з успамінамі аб С. В. Прытыцкім.

1974

26—27 лютага

Прымаў удзел у рабоце гадавога сходу Акадэміі навук БССР.

14 сакавіка

Выступаў з прамовай на сустрэчы з удзельнікамі дэкады літоўскай літаратуры і мастацтва ў Беларусі.

5 красавіка

Перавёў 50 тыс. руб. на карысць дзяржавы ў фонд дапамогі дзецям-сіротам.

23 мая

У газ. «Літаратура і мастацтва» інтэрв'ю з М. Лыньковым пад назвай «Цягу да творчасці абудзіў Вялікі Кастрычнік».

28 жніўня

Выступаў на вечары, прысвечаным 40-й гадавіне I з'езда пісьменнікаў СССР.

29 лістапада

Узнагароджан ордэнам Кастрычніцкай Рэвалюцыі.

«Звязда», 30 лістап.

4 лістапада 1974—1 лютага 1975 гг.

У бальніцы.

1975

28 студзеня

У бальніцы У. Е. Лабанок уручыў М. Лынькову ордэн Кастрычніцкай Рэвалюцыі.

«ЛІМ», 31 студз.

5 мая

Вылучан кандыдатам у дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР па Мінскай сельскай выбарчай акрузе.

24 ліпеня

Прысутнічаў на Сесіі Вярхоўнага Савета БССР.

26 ліпеня

Выехаў на Нарач. (Апошні запіс у дзённіку М. Лынькова.)

21 верасня

На 76-м годзе жыцця М. Ц. Лынькоў памёр.

23 верасня

Пахаванне М. Ц. Лынькова. На жалобным мітынгу выступалі першы намеснік Старшыні Савета Міністраў БССР У. Ф. Міцкевіч, народны пісьменнік БССР, віцэ-

прэзідэнт АН БССР К. К. Крапіва, машыніст цеплавоза Мінскага лакаматыўнага дэпо С. І. Жукаў, старшыня праўлення Саюза савецкіх пісьменнікаў БССР народны паэт Беларусі М. Танк, студэнтка БДУ імя У. І. Леніна Т. Купрэвіч. На могілках словы развітання сказаў член-карэспандэнт АН БССР, дырэктар Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР пісьменнік І. Я. Навуменка.

ПАКАЗАЛЬНІК АДРАСАТАЎ

ПЕРАЛІК ІЛЮСТРАЦЫЙ

ЗМЕСТ

1943

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

1972

1973

1974

1975

Папраўкі ў выданні:

У т. 1 на с. 20 шосты радок зверху трэба чытаць: Міхась Ціханавіч памёр 21 верасня 1975 г. Пай-

У т. 2 подпіс пад другой ілюстрацыяй паміж с. 192 і 193 трэба чытаць:

М. Лынькоў ля кастра на возеры Нарач. *28 красавіка 1969 г.*

У т. 7 на с. 625 у 35-м радку замест Літвы трэба чытаць Латвіі.

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

Собрание сочинений в восьми томах

ТОМ 8

Издательство «Наука и техника»

На белорусском языке

Загадчык рэдакцыі Г. Ф. Юрчанка. Рэдактар Н. М. Тарасевіч. Мастак В. В. Сіманенка. Мастацкі рэдактар Л. І. Усачоў. Тэхнічны рэдактар Т. В. Лецьен. Карэктар Т. А. Зайцава.

ІБ № 1939

Друкуецца па пастанове РВС АН БССР. Здадзена ў набор 18.02.85. Падпісана ў друк 12.08.85. АТ 07591. Фармат 84×108¹/₃₂. Папера друк. № 1. Гарнітура школьная. Высокі друк. Ум. друк. арк. 32,76+ +0,52 укл., накід на мел. паперы. Ум. фарб.-адб. 36,64. Ул.-выд. арк. 30,5. Тыраж 13 940 экз. Зак. № 1190. Цана 2 р. 40 к.

Выдавецтва «Навука і тэхніка» Акадэміі навук БССР і Дзяржаўнага камітэта БССР па справах выдавецтваў, паліграфіі і кніжнага гандлю. 220600. Мінск, Ленінскі праспект, 68.

Мінскі ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга паліграфкамбінат МВПА імя Я. Коласа. 220005, Мінск, вул. Чырвоная, 23.

Лынькоў М.

Л 88 Збор твораў: У 8-мі т. Т. 8. Пісьмы, 1935—1975. Летапіс жыцця і творчасці.— Мн.: Навука і тэхніка, 1985.— 622 с., 3 л. іл.

У пер.: 2 р. 40 к.

У восьмы том уваходзяць пісьмы 1935—1975 гг., летапіс жыцця і творчасці М. Лынькова, паказчык адрасатаў.

Разлічан на шырокае кола чытачоў.

Л $\frac{4702120200-090}{М\ 316-85}$ падпіснае 125—85

ББК 84Бел7

Бел 2